БЕРИЯ

АНТОН АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

АНТОН
АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

БЕРИЯ

Москва
1999

ББК 84(2Рос-Рус)
А72

Серийное оформление и компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева

Антонов-Овсеенко А.
А72 Берия. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 480 с.; 32 ил. – (Всемирная история в лицах).

ISBN 5-237-03178-1

Лаврентий Берия — имя, написанное на страницах истории кровью. Человек, стоящий особняком даже среди многочисленных «преступников у власти», которыми, увы, был так богат XX век. Человек, при жизни Сталина считавшийся «выдающимся государственным деятелем», а после смерти вождя — расстрелянный как государственный преступник. «Отец родной» для подчиненных — и безжалостный палач для многих тысяч жертв ГУЛАГа. Человек, прорвавшийся к власти с небывалыми даже для сталинской эпохи цинизмом и жестокостью. Имя Лаврентия Берия до наших дней окружено пугающими легендами, тайнами, загадками. Загадками, которые автор книги, сам прошедший через кошмар подвалов Лубянки, пытается разгадать...

Автор, лишенный нормального зрения, высоко ценит бескорыстную квалифицированную помощь своих друзей и приносит им благодарность. Их имена:

А.И. Кокурин,
И.В. Левитан,
С.Б. Шеболдаев,
В.К. Ясный

СЛОВО И ДЕЛО

(Вместо предисловия)

При Иване Грозном опричники творили на Руси сатанинский произвол с кличем «Слово и дело!». В годы кремлевского сидения Иосифа Сталина его слово становилось государевым делом. Он долго менял подручных, пока не остановил свой выбор на Лаврентии Берия. У этого опричника монаршее слово претворялось в дело неукоснительно.

Малюта Скуратов жестоко расправлялся с противниками царя и тем способствовал укреплению государственного строя. Некоторые историки видят в этом его заслугу.

В наши дни в седом Санкт-Петербурге образован комитет по реабилитации Берия. Реабилитировать палача? Примите, господа, поздравление от Сталина. Для него Малюта Скуратов был «крупным русским военачальником», а Лаврентий Берия — выдающимся государственным деятелем.

Нет, он не остался в тени Малюты, товарищ Лаврентий. Изощренный XX век породил сонм монстров, заливших кровью благодатную Землю. Но Берия стоит особняком. Его имя, подобно имени Малюты, стало нарицательным. И оно не подлежит забвению: в наше время возможно все.

Пользуясь несовершенством Уголовного кодекса РФ, его неполнотой, реваншисты всех мастей — от сталинистов до неофашистов — пытаются оправдать незаконные массовые репрессии, систему принудительного труда и сталинскую антинародную политику в целом. На линию огня выходят чаще других бывшие сотрудники тайных Органов. Для начала ознакомимся с высказываниями полковника Бориса Самойловича Вайнштейна. В свое время он возглавлял сектор капитального строительства НКВД и плановый отдел, позднее служил за-

местителем начальника управления «Оборонстрой». По его мнению, страдания советского народа определила историческая необходимость: в кратчайший срок создать оборонную мощь страны можно было только методами насилия и страха. Полковник не уклоняется от трезвых оценок, говоря о четко разработанной системе принудительного труда в промышленности. Что касается деревни, то ей был навязан рабовладельческий строй: колхозы и совхозы были «опущены в феодализм». Он даже сочувствует лагерному населению, живущему «по казарменному расписанию». То, что за колючей проволокой не жили, а умирали медленной, мучительной смертью, то, что эти «исправительные» лагеря были в действительности истребительными, полковнику невдомек. Мало того, господин Вайнштейн утверждает, что были лагеря, где жилось лучше, чем на воле, и ставит нам в пример Ухту, где «заключенные организовали даже оперетту...».

Театры в тех краях, помимо Ухты, были в Княж-Погосте, Инте, в поселке Абезь, Воркуте. «Организовывали» их начальники лагерей. В одном из них, на Печоре, мне, тогда еще подконвойному, довелось работать. И мне не понять, каким образом постановка оперетты «Мадемуазель Нитуш» или комической оперы «Запорожец за Дунаем» могла облегчить участь погибающих от истощения безвинных «врагов»...

Ныне доктор экономических наук Вайнштейн уже не одобряет массовых репрессий. Более того, приговоры ОСО и троек он называет изуверством. Такое мнение он высказал корреспонденту «Известий» на 87-м году жизни. А ранее, находясь на службе у Ягоды, Ежова и Берия, о чем он думал?

Покоренный непобедимым напором Лаврентия Павловича, Борис Самойлович в критический момент собрал для него компромат на Ежова. Лаврентия Берия Вайнштейн возлюбил сразу. Новый шеф стал отцом родным для подчиненных, но в борьбе за власть был коварен и жесток. Убрать ненавистного Хозяина было для него делом техники.

О делах шефа Вайнштейн был информирован основательно. И все же он полагает, что с Лаврентием Павловичем поступили несправедливо. Его убили сразу после ареста, без следствия и суда... А ведь он так много сделал для создания несокрушимого военно-промышленного комплекса...

Вайнштейн уверен в том, что Берия мог бы еще принести огромную пользу стране, «если бы летом 53-го впервые в жизни не потерял бдительность и не дал своим врагам обмануть себя». Предложенные им тогда изменения представляли целую программу либеральных реформ.

Что касается личности шефа, то историки явно сгущают краски, чернят такого в высшей степени гуманного человека. Кто бы еще мог

проявить столько заботы о заключенных? Это же он, Лаврентий Берия, ввел в системе ГУЛАГа зачеты за хорошую работу, с досрочным освобождением. Это он, с его выдающимися организаторскими способностями, добился приоритетного снабжения и финансирования лагерного производства.

— Берия не был ни садистом, ни сексуальным маньяком, — утверждает наш экономист.

— А сотни изнасилованных женщин и даже девочек, а личное участие в пыточных допросах, убийствах?..

— Не было такого!

В апреле 1998 года Военная коллегия Верховного Суда отклонила протест на приговор Н.И. Ежову. При этом не были приняты во внимание нарушения неких юридических норм, допущенные судом в 1940 году.

Согласно УК, то есть букве закона, массовые репрессии не являются государственным преступлением... Этой лазейкой широко пользуются те, кто готовит поворот вспять. Им понадобился прецедент для реабилитации другого палача, Лаврентия Берия. Но вина лубянских воротил безмерна, ее не уложить в рамки Кодекса.

Другая попытка пересмотра дела относится к Виктору Абакумову, бывшему министру ГБ. На «судебные ошибки» процесса 54-го года (результат прямого указания ЦК) сорок лет спустя наложились новые: переквалифицировав примененные к нему статьи УК на одну, более мягкую (193–17б), суд оставил в силе меру наказания — расстрел. Исправил положение Президиум Верховного Суда, заменив в 97-м году смертный приговор 25 годами заключения.

Но к а к исправил? На основании... Закона о реабилитации жертв политических репрессий. Так облеченные высшей судебной властью юристы поставили на одну доску жертв и палачей.

Что это — простая безнравственность или преднамеренное кощунство?

И еще один искатель справедливости, комиссар ГБ Леонид Райхман. Рассказ об этом рафинированном палаче впереди. Его судили, но наказание вышло каким-то щадящим — всего 5 лет из 10, отмеренных обновленной Фемидой. Без голода и каторжного труда, на которые он обрек тысячи жертв. Тех, что не попали под расстрел. Он тоже требовал для себя реабилитации, уверенный в правоте дела, которому служил под рукой товарища Берия пятнадцать лет. Леонид Федорович никого не убивал, он просто курировал следствие, визировал протоколы допросов, а уж мародерствовал по пустякам: так, камушки разные, мебель буржуйская, меха... Разумеется, в свободное от службы время. Вот и все.

Райхман — почетный чекист, весьма, весьма заслуженный. Среди множества наград — два ордена Красного Знамени и два — Красной Звезды, полководческий — Кутузова 2-й степени, медали за отвагу... Это все — за «образцовое выполнение специальных заданий правительства». За этой расхожей фразой стоят: переселение немцев Поволжья, геноцид малых народов, политические провокации, бессудные казни... Реестр своих наград и подвигов комиссар приложил к ходатайству на имя Ворошилова в 1956 году.

Когда он узнал о реабилитации генерала Судоплатова, известного террориста, возмутился: чем он, заслуженный чекист Райхман, хуже него? Обойденный вниманием новых вождей, он неоднократно просит ЦК о восстановлении в партии. Почему бы и нет? Ведь вот Вячеслава Михайловича вернули в строй. Чем он хуже Молотова? Разве не Молотов своей подписью, вслед за Сталиным, отправлял на казнь тысячи безвинных?

Новое время принесло с собой и новые сюрпризы. Внук Молотова, «политолог» Никонов, с умилением вспоминает доброго дедушку и публично одобряет террор конца 30-х. Дескать, без этой «чистки» СССР потерпел бы поражение на войне.

Сын Берия, Сергей Гегечкори (он поспешил взять фамилию матери), рисует сановного папу выдающимся государственным мужем с нимбом святого на челе. Фальшивая книжонка сына Берия разошлась по стране многотысячными тиражами...

В эпоху повальной гласности выползли на свет Божий никем не разоблаченные (и не наказанные) генералы из элитной обслуги и карательного ведомства. Один из них, М.С. Докучаев, назвал свой опус «История помнит» (М., 1998) и посвятил его Ленину, Сталину, их соратникам и «острым событиям в жизни народа, которые сейчас более всего подвергаются критике, ревизии, лжи и наглому извращению со стороны таких перерожденцев, как бывший паркетный генерал-проходимец Д. Волкогонов, подобные ему Р. Медведев, А. Антонов-Овсеенко, драматург Шатров (Маршак), Э. Радзинский, предатели типа М. Горбачева, А. Яковлева, Резуна-Суворова и многие другие. Особенно мусолят и с неудержимым усердием преподносят репрессии 30-х годов, которые завышают в десятки раз...»

Ссылаясь на мою книгу «Театр Иосифа Сталина», автор приписывает мне определение общего числа репрессированных в 18 миллионов. Меж тем еще в 1980 году в книге «Портрет тирана» мной приведены совсем другие данные. Гражданская война и голод 1921–1922 годов унесли 16 миллионов жизней. Деревенский погром и голод

1930–1932 годов завершились гибелью 22 миллионов. Террор 1935–1941 годов — еще 19 миллионов. Под секиру политических репрессий 1942–1953 годов попало не менее 10 миллионов. Общее число жертв незаконных репрессий за годы 1923–1953 составляет более 40 миллионов — без погибших на фронтах гражданской войны и при усмирении восстаний 1921–1922 годов. И без колоссальных, во многом напрасных потерь в Отечественной войне.

Тот факт, что тоталитарный режим унес более 100 миллионов жизней, М. Докучаев называет чудовищным вымыслом. Число жертв массового террора ограничивает четырьмя миллионами, численность лагерных узников уменьшает в десять раз.

Агрессивное невежество М. Докучаева проявилось и в другой области — в откровенном антисемитизме, без оглядки на бездействующий Уголовный кодекс. Автор акцентирует внимание читателей на еврейском происхождении некоторых историков, писателей.

Касаясь репрессий в само́м НКВД, М. Докучаев пишет:

«То были, как правило, лица еврейской национальности, насажденные в Органы Г. Ягодой и осуществлявшие геноцид в отношении своих соотечественников...

В период ежовщины и бериевщины все они были изгнаны из Органов и привлечены к ответственности за произвол, который они творили. ...Сваливать вину на НКВД, в то время как репрессивными Органами были и являются суды, прокуратура, следствие».

Это заявление сделано в расчете на наивную аудиторию, которой неведомо, что все вершилось на Лубянке: следствие, «суд» и казнь. При покорнейшем содействии карманных прокуроров.

Историю советского периода автор трактует в духе печально знаменитого «Краткого курса». Истребление полководцев в конце 30-х полностью оправдывает: оказывается, в среду высшего командования «проникла германофильская мафия». Открытые судебные процессы в Москве справедливо закончились казнью «врагов народа», заговорщиков, «приспешников Троцкого».

И еще один подголосок из лубянского хора, генерал-лейтенант В.Н. Удилов. Свою книгу он назвал «Назад, к истине!» — как взмах дирижерской палочки. Что же он, служивый, понимает под истиной? Да почти то же, что его коллега Докучаев: тюремный режим для многомиллионного народа, что, по их авторитетному мнению, соответствует зрелому социализму. В ряду примечательных героев сияющего прошлого почетное место Удилов отводит Василию Ульриху, высокообразованному юристу, принципиальному и честному партийцу. Андрея Вышинского, этого бессменного подручного генсека и верного слугу

Берия, автор представляет публике как «оратора высшего класса». Что до безвинно казненных и посмертно реабилитированных, то для Удинова они так и остались «врагами народа».

— ...Что, реабилитированы?! Вот если бы их можно было еще раз расстрелять...

А книги, подобные сочинениям М. Докучаева и В. Удинова, выходят в России непрерывной чередой.

Привыкшие вольготно жить и властвовать всласть, ярые реваншисты решили распорядиться прошлым по своему усмотрению. Непогрешимость партии и самозваного генералиссимуса стала для них окаменелым параграфом военного Устава. Многие, сменив револьвер на перо, склонны вслед за Светланой Аллилуевой списать кровавые преступления генсека на Берия. Другие, привычно манипулируя фактами и статистикой, вовсе отрицают чудовищный геноцид советского народа. Но минувшее не вмещается в чугунные рамы сталинской историографии. Любые попытки скрыть преступное прошлое преступны.

Никому не дано прогонять сквозь строй Клио, музу истории. Времена настали другие, и люди уже не те. Они знают, что за словом может последовать дело. И оно последовало.

...Пестрыми колоннами проходят по улицам городов ревнители светлого прошлого. На оскаленных лицах, в глазах — неутоленная злоба. Над головами — портреты усатого божества. Они твердо знают, что нужно сегодня России и как установить в стране «новый порядок» по образцу старого. «Назад, к истине!» Они тоже зовут нас назад. Будто в одну машину времени с писучими генералами сели и включили задний ход. Но почему не видно портретов соратничков Вождя: Молотова, Ворошилова, Кагановича, Маленкова... Почему Лаврентия Павловича забыли? При нем такой «порядок» был, такая тюремная благодать разлилась по стране... Все они служили со Сталиным в одном полку, малые вожди, большие любители человечины.

Они думали за народ, ели-пили за народ, спали на нем и погоняли его неустанно. Причисленные к небожителям при жизни, они удостоились посмертной славы. Оскверненные их именами кремлевские стены стоят и стоят. Сколько же в них терпения...

Что побудило меня приступить к исследованию биографии Лаврентия Берия: чувство мести — запоздалое, а потому никчемное, необходимость предать гласности его кровавые деяния или особое пристрастие автора к этому человеку? Здесь важно все. Да, я лично заинтересован в разоблачении бериевщины. Мне, сыну революционера, казненного еще при Ежове, довелось в 1943 году попасть во внут-

реннюю тюрьму НКВД, когда тайными Органами уж пятый год управлял Берия.

Взяли меня на Арбате, прямо с тротуара, пригласили в «эмку» и повезли на Лубянку. Первый ночной допрос в кабинете комиссара госбезопасности Сергея Мильштейна, давнего сотрудника Лаврентия Павловича. Меня обвиняют в антисоветской агитации и террористической деятельности (статья 58, пункты 10 и 8 УК РСФСР). Я никого не агитировал, а что до террора, то применительно к полуслепому это выглядело несерьезно. Но в доме том шуток не любили. И более всего не любили выпускать за отсутствием состава преступления. Так мне и было заявлено на следствии. Весной сорок четвертого мне дали расписаться на копии постановления Особого совещания (ОСО), которое осудило меня заочно к 8 годам лагерей по пункту 10 статьи 58. Вместе с прежними репрессиями на мою долю выпало почти 13 лет мытарств.

В лагерях я видел тысячи и тысячи жертв сталинского террора, бериевского произвола. Погибли миллионы. А сколько солдат полегло напрасно на войне — по вине Сталина, Берия и других подручных. Погибшие ждут возмездия, много лет ждут.

— Вы говорите о Сталине. Существовал такой Вождь, коллективизацию провел, индустриализацию. Войну выиграл, спасибо ему. Его весь мир признавал. Что, Берия? Да ведь казнили его в 1953-м, кажется. А массового террора не было. И лагерей не было, это все выдумки очернителей...

Так рассуждают не только откровенные сталинисты, так полагают рядовые обыватели, имя им легион. И далеко не рядовые историки. Сколько их, успешно состряпавших карьеру на крови народной, сколько наследников они наплодили. И палачей, и доносчиков, и фальсификаторов следует привлечь к ответу. В первую очередь — палачей.

Как охватить образ вурдалака, который сумел даже в ту непредставимую эпоху превзойти в злодействе всех сталинских подручных. Он не создал ничего полезного, не спас никого от беды, не запятнал своей репутации ни одним добрым поступком. Берия был одним из самых выдающихся в истории носителей зла. И тем важнее для нас понять этот феномен сегодня.

Лаврентий Берия родился на пороге века, который вошел в историю как век поругания всего человеческого в человеке, век великого социального обмана. Он вызрел в эпоху кровавого насилия и, превзойдя своих исторических учителей, стал символом насилия. Он питался почвой, богато удобренной Ягодой и Ежовым, сменившими Дзержинского, Менжинского. Но Ягода и Ежов были всего лишь плотниками в сталинской мастерской. Хозяин уволил их и нанял столяра.

Берия прибыл в Москву с фуганком и лаком, ему надлежало навести лоск на главное здание, довести интерьеры, и особо фасад, до последних кондиций. Он был не просто подручным, Лаврентий Павлович утвердился в столице как устроитель новой жизни. В реализации сталинского плана перерождения общества и уничтожения личности Берия показал себя подлинно государственным мужем.

К той мучительной казни, которой Сталин подверг русский народ, все народы бывшей царской империи, Берия свою руку приложил. Эта рука оказалась тяжелее жадных до власти рук всех соратничков генсека, вместе взятых.

Необозримы преступления, совершенные им рядом с Вождем. Ныне, спустя десятилетия, многие спрашивают: «Мог ли натворить подобное нормальный человек?» В то время мог. Ибо само время стало преступным. Человеческое достоинство, жизнь подданных не стоили тогда ровным счетом ничего. Существование целых народов зависело от минутного каприза тирана.

Поэтому разговоры о психической патологии и Берия, и Сталина оставим досужим сочинителям.

Берия был ближе всех по духу Сталину. Родственные натуры, они являлись зеркальным отражением друг друга, Папа Большой и Папа Малый. Тридцать лет почти шагали они нога в ногу по колено в крови, по живым и мертвым.

Сталин, самый осторожный и подозрительный управитель России, доверял — пусть не всегда и не во всем — лишь одному человеку, Лаврентию Берия. Кто еще так искусно подыгрывал ему на кремлевской сцене? Кто, кроме Берия, угадав тайные желания Хозяина, мог повернуть его злую волю себе на пользу?

Бывший семинарист не исповедовал никакой веры — ни православной, ни мусульманской. Он мог бы примкнуть к шиитам, с их проповедью никчемности человеческой жизни. Но вполне самостоятельно пришел к полному отрицанию ценности человеческой жизни. И — к отрицанию личности как таковой. Эти «идеи» Сталин успешно привил своим подручным. Из тех, кому после очистительных тридцатых было дозволено остаться в живых, один Берия не нуждался в понукании. Преступную психологию он взрастил в себе задолго до личной встречи с Вождем. И когда встретились, поняли, что созданы друг для друга. Оба умели весело, со вкусом, убивать. Оба были необузданными, жестокими развратниками, искалечившими не одну сотню женских судеб. Оба любили трескучие, глумливые речи — в оправдание террора и полного невежества в государственных делах. Их роднило еще циничное неприятие людей умных, добрых, талант-

ливых. Что не исключало использования ценных специалистов ради утоления имперских амбиций.

Им было легко вдвоем, ловким лицедеям, единомышленникам.

За беседой, в тесном кругу небожителей, они могли по одному взгляду, по ничтожному намеку уловить, определить нужное решение — часто в обход соратничков, во вред им. Все эти молотовы, кагановичи, ворошиловы, микояны, калинины, маленковы были безликими, аморфными фигурантами в театре Иосифа Сталина. Иначе бы Хозяин не держал их в своей прихожей.

Лаврентий Берия был личностью.

Сталин и Берия. Они оба заслуживают пристального внимания историков, социологов, политиков. На Западе о деяниях Сталина написаны уже сотни книг, о жизни его фаворита не создано ни одной серьезной монографии. В нашей печати все чаще появляются публикации, посвященные Берия, хотя по-прежнему имя его окружено легендами. Это и не мудрено: жизнь многолетнего шефа секретной службы — вначале в Тбилиси, потом в Москве — оказалась плотно засекреченной. Однако без него нелегко реконструировать реальную картину эпохи, которой и сегодня трудно подобрать название, — столь горестной она оказалась для миллионов. Маленький, в сущности, человек, с мелочной душой, извращенным умом, Берия сумел стать в один ряд с величайшими негодяями века. Он принадлежал к тому типу политических деятелей, без которых не обходилось ни одно тоталитарное государство.

Судьбы Сталина и Берия со временем срослись так прочно, что иной раз трудно определить, кто из них в очередной провокации первым сказал «а». Их роднила животная, из плебейского нутра идущая ненависть к интеллигенции. Они истребляли ее с неистовой энергией и последовательностью более тридцати лет. Заняв малый трон на Лубянке, Берия придал охоте на интеллигенцию новый размах.

В деле уничтожения цвета народа заслуги Лаврентия Берия не уступают достижениям Верховного Экзекутора. Их стараниями и без того тонкая прослойка интеллигенции истончилась до предела, она светится насквозь, зияет новыми дырами. Ныне многие недовольны руководящими кадрами. Публицисты, писатели сетуют на некомпетентность, духовную ущербность директоров, председателей, даже министров... А других — где ж их взять?..

Генетические последствия этой истребительной войны против отечественной интеллигенции трудно представить. Ущерб — политический, социальный, экономический — у всех на виду, преодолеть этот кризис вряд ли удастся в ближайшие десятилетия.

Берия — после Сталина — несомненно, самый яркий носитель доктрины насилия. Эта доктрина претерпела поучительную эволюцию. Все началось с насилия над собственниками — во имя диктатуры пролетариата. Потом насилию подвергся сам класс-гегемон, вместе со своим союзником — крестьянством. И все это — ради диктатуры партии. Но вот диктатура, выйдя из уготованных ей рамок, обратилась против самой партии — во имя диктатуры Вождя, персоны божественной.

Берия прошел эту трансформацию вместе со Сталиным, хотя и принадлежал к более молодому поколению. Он воспринял доктрину всеохватного насилия органически, как единственно возможный, эффективный метод правления.

Природа не обделила его ни умом, ни способностями, но пороки взяли верх. И это нисколько не отражалось на гармонии личности. Он всегда жил в ладу с самим собой, энергичный организатор фабрик смерти, неунывающий оптимист. Сталинский тезис о непрерывном обострении классовой борьбы по мере приближения к коммунизму открывал перед Органами кары и сыска радужные перспективы. Лаврентий Павлович всегда ощущал государственную необходимость своей высокоответственной персоны. Ни в чем не уступая своим коллегам, он превосходил их по части придворных интриг и вдумчиво сработанных провокаций. И еще два момента, определивших его преимущество в гонке за первое место подле кресла генсека, — грузинское происхождение и принадлежность к службе охраны абсолютной власти, к главному цеху сталинского управления. Прочие подручные с ревнивой завистью следили за звездной карьерой этого выскочки, но каждый спешил при всяком удобном случае выказать Лаврентию Павловичу свое дружелюбие.

История его жизни — это история политических погромов. Вначале он устраивал их на Кавказе, в местах, известных миру непрекращающейся межнациональной резней. Но Берия сумел даже там выдвинуться на первый план. Не затерялся он, не мог затеряться и в Москве, при организации всесоюзных погромов. Он, как никто иной, соответствовал своему назначению. Погром как призвание, погром как профессия, как способ существования — вот чем был погром для Лаврентия Берия.

И не следует искать в его облике никаких признаков сложной натуры.

В 1943 году Всеволод Меркулов, тогдашний нарком ГБ, заявил директивно: «Надо создать массовую сеть агентуры, пронизывающую все население СССР». Далеко смотрел подручный Лаврентия Павло-

вича... При Хрущеве, при Брежневе народились новые поколения стукачей и новые меркуловы.

Последователи Берия повсюду выискивали врагов социализма, и невдомек им, убогим, было, что они-то и есть злейшие враги нового строя. А те, кто ведал, что творит, почитали за благо именно эту политику, взяв под свое попечительное крыло фальсификаторов истории, лакировщиков прошлого. Им так спокойнее жилось. И жирнее.

На Нюрнбергском процессе в бригаду обвинителей входили Роман Руденко, Иона Никитченко, Лев Шейнин. Эти лица, следуя предначертаниям генсека, участвовали в массовых репрессиях против советских граждан и жителей приграничных стран. В Нюрнберге они сыпали проклятия на головы Гитлера и его подручных: Геринга, Геббельса, Гиммлера... Им бы рядом сидеть с подсудимыми. Вместе с Лаврентием Берия. По справедливости. Но этого не произошло. Почему? Неужто вина лежит на некой абстрактной Судьбе?

На Нюрнбергской сцене актеры театра Иосифа Сталина выкрикивали свои монологи с хорошо отрепетированной яростью, заглушая стоны узников своих собственных тюрем и лагерей.

Прошло более полувека. Как сообщил министр юстиции ФРГ, из 84 463 нацистских преступников, подлежащих суду, наказано лишь 6432. Объясняют это тем, что к ним применяют давний закон 1871 года против обыкновенных уголовников.

Сталинский террор осуществляли сотни тысяч, целая армия. Осуждены в декабре 1953 года вместе с Берия несколько человек. Позднее — еще немного. Это как объяснить?

Нет срока давности для преступлений против человечности. Это положение признано нормой международного права. Конвенция подписана Советским правительством. Но у нас до сих пор злодеяния, совершенные Сталиным, Берия и их подручными, уголовному наказанию не подлежат. Почему?

...Весной 41-го года, в предвкушении победного марша на Восток, Гитлер приказал разработать программу уничтожения советских и партийных руководителей (комиссаров) как «носителей и вдохновителей варварско-азиатских методов правления». Что ж, Сталин и Берия дали веский повод для такого именно определения. И в том, что гитлеровцы с таким остервенением уничтожали коммунистов, историческая заслуга сталинской клики неоспорима. Сколько их расстреляно, повешено, замучено в гитлеровской Германии и в Стране Советов! Высокие смертельно враждующие стороны, взявшись за топоры, дружно рубили одно дерево.

* * *

Рукопись этой книги была закончена в основном в 1981 году, но во времена Брежнева любая попытка переосмыслить отечественную историю расценивалась как вражеская вылазка. Меня причислили к «антисоветчикам», со всеми сопутствующими этому ярлыку последствиями. Возобновив работу над рукописью в период перестройки, удалось значительно расширить ее документальную основу, включить несколько новых глав.

«Портрет тирана» был благожелательно встречен критикой, книга вызвала живой интерес читателей, и это помогло мне выстоять в трудную пору. Помимо справедливых нареканий читателей по поводу явных ошибок и неточностей, было высказано мнение о странном, порой ненаучном подходе автора к исследованию сталинской системы. В связи с этим я полагаю необходимым пояснить, что я никогда не задавался целью создать строго научный трактат, с соблюдением всех канонов жанра. Мне хотелось вникнуть в преступную натуру новоявленного монарха и через нее воссоздать портрет эпохи. При этом я не отдавал предпочтения ни одному виду источников, используя наряду с воспоминаниями очевидцев и участников событий периодическую печать Закавказья, Москвы и стран Запада, а также книжные публикации. Что касается документов, то они стали доступны, да и то далеко не все, лишь в последнее время, хотя мне посчастливилось ознакомиться с некоторыми важными источниками еще в 60-е годы.

Публикация отдельных глав, значительно сокращенных, книги о Лаврентии Берия в журналах «Звезда» в 1988–1989 годах под названием «Карьера палача» и в «Юности» (1988, №12) вызвала противоречивые отклики: резкость моих суждений далеко не всем пришлась по вкусу. Не буду никого убеждать в правомерности моего изложения. Я не сторонний наблюдатель трагедии моего народа и обращаюсь не только к уму, но и к сердцу читателя.

Метастазы сталинщины, последствия бериевщины висят оковами на наших ногах. Давно пора сбросить ржавые оковы.

Эта книга — напоминание, книга — предостережение.

Москва. 1999, январь

ГЛАВА 1

ЖЕЛЕЗНЫЙ СТРАЖ КАВКАЗА

Как он начинал

Сведения о детских годах будущего маршала тайного войска скудны и противоречивы. Если довериться воспоминаниям некоторых современников, бойкий, пронырливый ученик Сухумского городского училища выделялся коварными интригами и мздоимством[1].

Родился Берия 29 марта 1899 года в селе Мерхеули, близ Сухуми, «в бедной крестьянской семье», как он сообщает в автобиографии. Кто из функционеров ЧК–ГПУ Закавказья не причислял себя к беднейшему сословию... Но родители Лаврентия Берия действительно жили в нужде. Старики односельчане запомнили их «квартиру» — трехстенную, открытую ветру комнату на первом, хозяйственном, этаже с примитивным очагом.

Окончив упомянутое училище (школу), шестнадцатилетний юнец переезжает в Баку и поступает в среднее механико-строительное училище. «В июне 1917 года я в качестве техника-практиканта поступил в гидротехническую организацию армии румынского фронта и выезжаю с последней в Одессу, оттуда — в Румынию, где работаю в лесном отряде села Негуляшты... В начале 1918 года, по приезде в Баку, продолжаю усиленным темпом работу в техническом училище, быстро наверстывая пропущенное. В январе 1918 года вступил в Бакинский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, работая здесь в секретариате Совета сотрудником, выполняя всю текущую работу, и этой работе отдаю немало энергии и сил», — сообщает о себе Берия в автобиографии, написанной в 1923 году. С той же скромностью он пишет о создании ячейки

большевистской партии в марте 1917 года при его участии как члена бюро. Дата вступления в партию — 1917 год — повторяется в анкетированной характеристике, составленной в тот же период, и считается подтвержденной. И все же позволим себе усомниться в этом: Лаврентий Берия был столь ловким политиканом, а дореволюционный стаж таким престижным фактом биографии, что начинающий карьерист мог и при жизни участников и свидетелей событий обеспечить документальное подтверждение нужных ему лично сведений.

Обратимся к воспоминаниям Ольги Григорьевны Шатуновской. Они относятся к 1919 году. Секретарем Кавказского бюро РСДРП был тогда в Баку старый подпольщик Виктор Нанейшвили, опытный конспиратор. (В Тифлисе действовало второе, дублирующее, Кавбюро; оно охватывало Закавказье, а также Чечню и Ингушетию, Дагестан, Северный Кавказ.) Подпольное бюро находилось в Баку на Телефонной улице, около кирхи. Помещение сняли на имя Мирзы Давуда Гусейнова, преданного партии товарища. Нанейшвили появлялся там редко, он жил на окраине, за Черногородским мостом, квартировал в семье знакомого рабочего. Адрес квартиры знали немногие. Дежурили на Телефонной улице по очереди, необходимую информацию передавали Нанейшвили поздно вечером, после дежурства.

Однажды в бюро пришли молодые члены партийной ячейки технического училища Вася Егоров и Шура Камер. Они привели с собой еще одного студента — невзрачного, прыщавого. Неизвестный назвался Лаврентием Берия и сказал, что ему нужно увидеться с товарищем Нанейшвили. Дежурила в тот день восемнадцатилетняя Ольга Шатуновская. Она ответила, что секретарь бюро здесь не бывает.

— Что ему передать?

— Ничего. Я должен переговорить с ним лично.

...Вечером дежурный сообщил Нанейшвили о визите трех студентов и о просьбе Берия.

Прошло несколько дней, Шатуновская спросила Нанейшвили:

— Зачем приходил тот человек?

— Он работает в мусаватистской охранке и просит принять его в нашу партию. Обещает давать ценную информацию.

— Но у нас ведь есть уже свои люди в мусаватистской охранке — Муссеви и Ошум Алиев. Мы их туда специально послали.

— Яйца курицу не учат! — закончил этот спор старший.

В марте 1920 года в ресторане двумя выстрелами в упор убили Муссеви и Алиева. Обстоятельства их гибели установить не удалось, вряд ли Берия имел отношение к этому делу. Имя Муссеви упомянуто в его автобиографии: в разведке они работали вместе.

В мусаватистскую разведку Берия взяли по рекомендации его однокашника Мирзы Балы. Он же познакомил его с начальником ба-

кинской полиции Мир Джафар Багировым. Мирза Бала станет вскоре одним из видных деятелей Азербайджанской демократической республики, а Багирову суждено возглавить потом Советскую республику на посту первого секретаря ЦК. «Суждено» — не то слово: свои посты Багиров и Берия брали силой и хитростью, не останавливаясь перед устранением конкурентов.

О службе Берия в мусаватистской разведке знали Орджоникидзе, Киров, Дзержинский и другие ответственные лица. Только не все они верили в то, что его направила туда партийная организация. Для многих разоблачительная речь Григория Каминского на пленуме ЦК в 1937 году оказалась неожиданной. Для многих, но не для Микояна. Он-то знал о Лаврентии Берия почти все. В июле 53-го пришлось отречься от старого друга, но он и тут пошел лисьей тропой:

«Я впервые встретился с Берия в 1920 году в Баку после установления в Баку Советской власти, когда он был подобран Бакинским комитетом партии для посылки в Грузию в качестве курьера по доставке секретного письма... После этого я с ним в Баку не встречался, поскольку сам через четыре месяца был переведен в Нижегородский губком. ...Что Берия работал в контрразведке Азербайджанского буржуазного правительства, я узнал только тогда, когда вопрос этот был поднят на пленуме ЦК в 1937 году»[2].

Мог ли Берия предвидеть, что не пользующийся особым почетом наркомнац станет со временем Вождем? Сталин не был популярен ни в Петрограде, ни в Закавказье, даже на своей родине, в Грузии, его имя стоит всего лишь седьмым. Некоторые партийцы утверждали, что впервые Сталин узнал о существовании Лаврентия Берия в 1924 году. Знакомя генсека с ответственными работниками грузинского ЦК и ГПУ, представили ему и Берия. Как вспоминает С. Аллилуева, Сталин ставил в заслугу Берия то, что он в 1924 году предупредил Москву о готовящемся в Грузии восстании.

Характерная деталь: Берия, подобно Сталину, не задерживался подолгу на одном месте. Весной 1920 он перебирается в Грузию, которая тогда еще не присоединилась к Советской России. Однако там Берия сразу не повезло: его арестовали в Кутаиси, приняв за советского шпиона. В ту пору представителем Москвы при меньшевистском правительстве был Сергей Киров. 9 июля он обратился к Ною Жордания с просьбой освободить арестованного. Берия выехал в Тифлис и здесь сразу же установил контакт с местной охранкой меньшевистского правительства. Об этом сообщает автор биографического

очерка В. Викторов, его брошюра вышла в свет в 1963 году и вполне отвечает расхожему мнению о «шпионе и предателе» Лаврентии Берия[3].

После смерти Сталина и ареста его фаворита заговорили о давнем предательстве Берия. Оказывается, в 1920 году Кирову доставили сведения, изобличающие Берия. Над ним нависла опасность, и он почел за благо бежать. Представитель Москвы тотчас телеграфировал в Баку члену РВС Кавказского фронта Серго Орджоникидзе: «Из Тифлиса бежал провокатор Берия. Арестуйте». В то время в Особом отделе штаба 11-й армии служил Георгий Кавтарадзе. Он и арестовал беглеца.

Подробности всплыли лишь после XX съезда партии. В КПК явилась Офелия Кавтарадзе, вдова заслуженного чекиста, погибшего в конце 1938 года в тюрьме. В двадцатом она служила вместе с мужем в Особом отделе штаба 11-й армии, в тридцать седьмом была репрессирована, отбыла в лагерях 18 лет. Она сохранила в памяти некоторые детали этого дела, ее показания зафиксировала член КПК О. Шатуновская, которая собирала материалы к реабилитации репрессированных коммунистов Закавказья. Ольга Григорьевна опросила еще нескольких уцелевших чекистов из штаба армии, они подтвердили сведения, данные Офелией Кавтарадзе...

Все это маловероятно, а некоторые детали прямо противоречат фактам: якобы арестованный в Баку Берия попал в АзЧК, откуда его вызволил Багиров. Сделал он это, лишь став председателем ЧК.

В личных делах Берия — партийном и служебном — нет никаких данных об этом аресте, в автобиографии — тоже. Лишь на следствии, в 1953 году, под давлением улик он «вспомнил» о случившемся летом 1920 года. То был, в сущности, не арест, а задержание. Тогдашний председатель АзЧК Баба Алиев в присутствии своего заместителя Георгия Кавтарадзе извинился перед Лаврентием Павловичем: произошло недоразумение...[4]

Подобные конфликты возникали в 20-е годы не только в Азербайджане. Что касается лично Кирова, то его отношение к Берия могло меняться в силу разных обстоятельств. На XVII съезде партии, в 1934 году, он не выступил против избрания Берия в состав ЦК, минуя статус кандидата. Здесь, конечно же, проявилась воля Сталина, который к тому времени сумел подчинить себе почти всех руководящих работников.

Документы не сохранились, все важные бумаги из личного дела АзЧК исчезли, нет там следов и телеграммы Кирова. Да и как связать это распоряжение с отличной характеристикой чекиста Берия, подписанной тем же Кировым позднее? Положительные отзывы о молодом карателе дали видный партийный деятель Александр Мясников и пред-

седатель Закавказской ЧК Соломон Могилевский. Однако в 1922 году Центральный Комитет КП(б) Азербайджана обвинил республиканскую ЧК в попытке противопоставить свое ведомство партийным Органам. Дело дошло до того, что местные шерлоки холмсы установили слежку за партийными работниками. Заместитель председателя ЧК Лаврентий Берия отклонил все упреки Сергея Кирова. Тогда ЦК направил ему 27 июня второе письмо — директивную отповедь[5].

Сопоставляя эти факты, документы, свидетельства, воспоминания — а здесь приведена лишь часть материалов, — трудно прийти к определенному выводу. Не рассеивает сомнений и автобиография Берия. Она написана 17 апреля 1923 года, когда еще были живы многие участники событий и злоумышленники не успели уничтожить все опасные для карьеры документы. Однако эти обстоятельства не помешали Берия приписать себе чужие заслуги и героические деяния. Он, оказывается, юношей вошел в нелегальный марксистский кружок технического училища, в марте 17-го организует ячейку РСДРП(б). Через три месяца молодой большевик едет на Румынский фронт. В начале 20-го он — «председатель комячейки техников», несколько раз меняет должности, поступает в контрразведку, потом — на бакинскую таможню. Через месяц Берия уже в Тифлисе. Оттуда, пишет он в августе, «раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении... рассылаю курьеров...». Новоявленного Хлестакова дважды арестовывают... Берия не останавливается и перед прямым подлогом. В 1920 году в разведывательном отделении РВС 11-й армии служил двоюродный брат Берия, Герасим Дмитриевич. В 1953 году следствие обнаружило личную карточку Герасима, заполненную и подписанную Лаврентием Берия. Этот факт, установленный графологической экспертизой, Берия на суде не отрицал[6].

Летом 1921 в Баку прибыл представитель центра член коллегии ВЧК Михаил Кедров[7]. Перед революцией военный врач Кедров служил в действующей армии, знал местную обстановку. В семнадцатом большевики Кавказского фронта делегировали его в Питер, там он стал одним из руководителей ВЧК.

Приведем его отчет о положении в Азербайджане в отрывках.

«...Сильный национализм по вопросам организационным. Все граждане РСФСР заменяются местными, даже в партийных органах... Что касается Органов ЧК, то и сюда проник дух «нацпатриотизма», стремление полного отделения. Враждебные отношения к Органам ЧК выражаются не только со стороны азербайджанских учреждений, но и со стороны АзЧК».

М. Кедров гневно осуждает Багирова и Берия за неправильную кадровую политику: они выживают из Органов ЧК русских и армян, потворствуют преступникам из местных, а представителей других национальностей часто арестовывают без всякой вины. Кедров отметил также некомпетентность руководителей и сотрудников АзЧК, особенно в оперативной работе. Велик процент должностных преступлений: пьянство, спекуляция, растраты... Сотрудники АзЧК участвуют в попойках вместе с духовенством. Придется реорганизовать АзЧК и навести там порядок — таков вывод комиссии ВЧК.

На документе — резолюция: «Необходима ревизия в ГрузЧК и АзЧК, так как они не способны бороться со шпионами Антанты и немцев. Положение опаснее, чем во время независимости Грузии». (К сожалению, авторство не установлено.)

Кедров продиктовал своему старшему сыну Бонифатию письмо, в котором выражал недоверие Багирову и Берия. Бонифатий Михайлович отвез письмо в ВЧК, копии были отправлены в десять адресов: ЦК, лично Дзержинскому, Менжинскому, Брюханову, Русанову... В журнале входящих бумаг ВЧК проставлена дата — 30 июля 1921 года[8].

Ревизия в АзЧК, надо полагать, была проведена: Кедров всегда доводил начатое дело до конца. К тому же вопрос был взят под контроль ЦК и лично Лениным. Результаты ревизии нам неизвестны. Мы располагаем лишь свидетельством Феликса Березина, чей отец работал в то время секретарем Дзержинского и практически замещал его в московской ЧК. В 1922–1924 годах Я.Д. Березин был начальником административной части ОГПУ. Его воспоминания, в передаче сына, представляют большой интерес.

В начале декабря 1921 года Дзержинский вызвал Березина и сообщил, что ВЧК располагает материалами, изобличающими начальника секретно-оперативного отдела АзЧК в политическом саботаже. «Мы вызвали Берия в Москву, тебе надлежит арестовать его по прибытии на вокзал», — сказал председатель ВЧК.

Для задержания и ареста Берия был назначен наряд из четырех человек. Ни старший наряда, ни бойцы не знали, кого им предстоит брать. Но за несколько часов до прибытия ночного поезда из Баку Дзержинский вновь вызвал Березина и сообщил, что арест Берия отменяется. Феликс Эдмундович попросил вернуть ордер, порвал его и бросил в корзину.

— Что случилось? — спросил Березин.

— Позвонил Сталин и, сославшись на поручительство Микояна, попросил не принимать строгих мер в отношении Берия.

Берзин говорил жене и сыну, что информацию о готовящемся аресте от работников ЧК Сталин получить не мог. В таком случае кто же его уведомил? Одновременно с докладной запиской Дзержинскому Кедров отправил письмо Ленину, в котором сообщал о состоянии рыбных промыслов на Каспии. Молодая Советская республика остро нуждалась в иностранной валюте, и правительство надеялось на успешный экспорт ценных пород рыб. Кедров упомянул также о результатах проверки деятельности АзЧК. Однако еще в ноябре в здоровье Ленина наступило резкое ухудшение, он отошел от дел, и письмо М. Кедрова могло попасть из секретариата председателя Совнаркома по принадлежности к наркому РКИ. Сталин позвонил в Нижний Новгород, где тогда работал Анастас Микоян, и тот поручился за Лаврентия Берия. Вероятно, он стал ему дорог после краткого периода совместной работы в Баку.

Подобная реконструкция вполне может соответствовать реальному ходу событий, однако здесь необходима документальная основа.

Багиров остался на своем посту, карьера Берия тоже не прервалась. Напротив, он стал по совместительству председателем Азербайджанской межведомственной комиссии.

Остается выяснить роль Сталина в той достаточно запутанной истории. Для этого необходимо вернуться к событиям 1920 года. Осенью на Северном Кавказе побывал особо уполномоченный ВЧК В.Л. Лукашёв. Политическая обстановка в этом регионе серьезно встревожила Центр. Из доклада Лукашёва, направленного лично Ленину и в ЦК РКП(б), видно, что Кавказское бюро партии не способно справиться с трудностями. Руководители бюро нередко ставили взаимоотношения с местными работниками выше интересов дела, нетерпимо относились к критике, «используя недостойные приемы борьбы с инакомыслящими товарищами»[9].

В ту пору нарком по делам национальностей Сталин был во Владикавказе и, узнав о результатах обследования, отправил Ленину письмо. Здесь уместна цитата: в этом оперативном отклике наркомнаца заключен зримый облик будущего Диктатора.

«Так называемый доклад Вадима из особого отдела о работе Орджоникидзе на Кавказе вызвал бурю негодования среди наиболее ценных и незаменимых работников Кавказа. Данные, мною проверенные на месте, вскрыли недостойную клевету со стороны Вадима и его информаторов. Кавбюро посылает Вам свой протест и требование суда над Вадимом. Я не считаю тактичным вмешиваться в это дело здесь, на Кавказе, но должен заявить, что мнение Кавбюро разделяю целиком. Несомненно, что Вадим не может оставаться в особом отделе и должен быть предан партийному суду»[10].

На этой почве и вызреет со временем политический треугольник Сталин — Орджоникидзе — Берия. Что же касается доклада Лукашёва, то Специальная комиссия Оргбюро подтвердила его выводы, затем все материалы по указанию Ленина были сданы в архив.

Берия рос, его личность формировалась на лжи, обмане и жестокости. С младых ногтей он уверовал в безнаказанность зла, если умело пользоваться легковерием простаков. Он наблюдал на каждом шагу, как все лучшее в человеке — ум, гордость, независимость, честность, свободолюбие — подавляется силой. Подобно тому, как вор подбирает отмычки к чужим замкам, так юный Лаврентий вооружился хитростью и коварством. Добавив к этим рано проснувшимся чертам характера безудержную наглость и сокрушающий напор, он стал обладателем уникальной связки ключей. С их помощью Берия проник в общество бескорыстных идеалистов. Сколько их было в Закавказском курятнике...

Сколько было, столько он их потом и придушит.

В апреле 1920 года была образована Азербайджанская Советская республика. В Армении Советская власть утвердилась в ноябре. Только меньшевистская Грузия не признавала еще Советов.

На древний Тифлис двинулась 11-я армия, которую вел Серго Орджоникидзе. С призывом к землякам, проживающим вне Грузии, присоединиться к освободительному походу обратился один из лидеров грузинских коммунистов Буду Мдивани.

Грузинская ЧК

Грузинская ЧК помещалась в одном здании с Закавказской (на улице Троцкого, позднее — улица Петра Первого). Берия приехал в Тифлис в октябре 1922 года вместе с Е. Кванталиани и получил пост начальника секретно-оперативной части (СОЧ) Грузинской ЧК. Ничем особенно не выделялся, хотя в комсомольской ячейке был довольно активен. Носил обычную для чекистов форму — френч из саржи и галифе, заправленные в кожаные сапоги. На носу — пенсне, с которым не расставался уже до конца жизни. Вначале Берия поселился в скромной квартире на улице Грибоедова, позднее занял добротный двухэтажный дом на улице Мочабелии, обставленный старинной барской мебелью.

В Чрезвычайной Комиссии Закавказской Федерации и Грузии было много выходцев из Латвии. Они пришли сюда из 11-й армии. В двадцать первом латыши занимали Тифлис, теперь стали сотрудниками Органов, ставших на охрану завоеванного. То были идейные, предан-

ные партии чекисты, убежденные в правоте своего дела. Пренебрегая личными удобствами, они самоотверженно служили революции, кровью и железом искореняя ее врагов. А враг им виделся в каждом, кто хоть на полшага отступал от Директивы. Ведали они, что творили? Могли провидеть будущее?

Все они были молоды, очень дружны — русские, латыши, грузины, евреи, армяне... Бескорыстно служили, скромно и просто жили. Для иногородних, приезжавших на работу в Тифлис, было устроено общежитие в бывшей гостинице «Северные номера», там же находилась столовая. Ночью собирались компанией, пели, шутили, пили чай. Владелец единственной чайной ложки считался состоятельным человеком. Вблизи здания Закавказской ЧК (в 1922 году ВЧК переименовали в ГПУ, но прежнее название было привычнее) находился клуб «Катор». Вечерами там бывало шумно, весело: молодые чекисты репетировали пьесы, готовили концертные программы. Однажды около полуночи самодеятельные артисты вышли на улицу и заметили двух женщин, шедших к перекрестку. То были проститутки. За ними увязался — кто бы мог подумать? — Лаврентий Берия, их старший товарищ, недавно назначенный заместителем начальника Грузинской ЧК. Он не заметил комсомольцев, и кто-то предложил проследить за ним. Но остальные сочли это неудобным.

На первых порах все относились к Лаврентию Берия с полным доверием, но, узнав его поближе, уже не могли общаться с ним потоварищески. Это был неистощимый на выдумки мастер интриг и доносов. Он как никто умел в нужный момент пустить в ход грязный слух, дабы поссорить своих соперников на пути к власти. Потом бил их поодиночке. Он успевал заглянуть в кастрюли, не обжигая пальцев, поправить на плите сковородки, подбросить дров в огонь, подсыпать острого перца и снять жирный навар в закипающем котле. Молодой Берия довольно убедительно играл при этом роль «своего парня», простого и приветливого, сумел очаровать начальника отдела по борьбе с экономическим саботажем Андрея Ершова. Они стали друзьями и проводили вечера в семейном кругу.

И все же именно Ершов прозрел одним из первых. «Берия превзошел самого Макиавелли», — сказал он своей жене. Это было в двадцать седьмом году, когда Берия стал заместителем Станислава Реденса в ГПУ Закавказья.

Ершов добился перевода в Москву, в центральный аппарат. Через десять лет его отправят в Ярославль. Там Андрея и настигнет дружески карающая длань товарища Лаврентия.

Свидетельствует вдова Ершова, Ольга Никитична:

«В Тифлисе я попала в среду чекистов. Среди них было много честных, преданных революции работников. Питались скудно, жили примитивно, грубую речь пересыпали матерной бранью. Еще в Царицыне мой муж, Андрей Ершов, предупредил: «Мы строим мировой коммунизм. Поэтому — никаких кастрюль, никаких пеленок!»

Одевалась я тогда по последней моде: кожаная куртка, чулки-самовязы, красная косынка или кепка, козырьком назад. Я работала секретарем в Наркомфине Закавказской Федерации (наркомом был Гусейнов), но вечерами пропадала в клубе ЧК. Двадцатые годы — Пролеткульт, Синяя блуза... Мы пели, читали везде — на сцене, на улице, в рабочих цехах.

С Ершовым я прожила почти пять лет. Последнее время мы жили коммуной, несколько семей в одной квартире с общим столом, общими расходами. Иногда ходили в гости к близким товарищам. По воскресным дням все выезжали в Коджоры, под Тифлисом. Там, в горах, находился дачный поселок ЧК. Помню, в августе двадцать четвертого я ехала верхом и меня угораздило вылететь из седла, кувырком...

Когда меня принимали в партию, я не смогла правильно ответить на вопрос: «Сохранится ли армия при коммунизме?» Я сказала, что при капиталистическом окружении без армии не обойтись. Меня поправил Сергей Кугель, секретарь партячейки ЧК: «При коммунизме будет народная милиция». Самому Кугелю дожить до народной милиции не довелось, его уничтожили в тридцать седьмом, вместе с такими же, как он, «врагами народа». В тот раз меня в партию не приняли, предложили подавать повторно, через полгода. А рекомендация у меня была надежная, от товарища Берия».

Уходят годы, десятилетия. Есть смысл поэтому перечислить здесь чекистов Грузии, имена которых сохранились в памяти современников.

Тите Илларионович Лордкипанидзе. Начальник КРО Закавказской ЧК—ГПУ (1922), председатель ГПУ Грузии, потом — ПП ОГПУ, нарком внутренних дел ЗСФСР (1931–1934).

Роберт Гульбис. В 20-е годы начальник ИНО Закавказской ЧК. В 1937-м — секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. Не дожидаясь расправы, бросился под поезд.

Ян Каунин. Начинал дипкурьером, с 1925-го — резидент в Турции.

Иван Волковский. С 1923 года оперуполномоченный КРО.

Август Петрович Эглит. Единственный, кто остался работать с Лаврентием Берия, когда тот возглавил ГПУ Грузии. Остальные покинули Закавказье. До 1951 года министр внутренних дел Латвии. Умер в 1966 году.

Отто Янович Карклин — уполномоченный НКИД СССР при СНК ЗСФСР в 1925–1929 годах.

Михаил Волков. Один из первых чекистов Закавказья. После ухода Реденса перевелся в Новосибирск.

Яков Винер — в двадцатые годы работал в ЭКО под началом Ершова.

Сергей Кугель. Он не уехал вместе с другими из Тбилиси, в тридцать седьмом был еще там.

Андрей Семенович Штепа — служил в КРО Закавказской ЧК.

Следует упомянуть еще несколько сотрудников ЧК–ГПУ: Записа, Александра Иосилевича, Матвея Кучерова, Матвея Подольского.

Имя одного из видных чекистов, начальника ЭКО ЗакГПУ Ершова, мы упоминали. Он переехал в Москву, занял пост начальника ЭКУ, затем работал в Ростове и Ярославле.

Вслед за Ершовым покинул Тифлис Залпетер, начальник отдела по борьбе с контрреволюцией (КРО). Неприятности у него начались вскоре после подавления восстания 1924 года. По делу проходила сестра одного из руководителей мятежа красавица Тасо. Не будучи замешана в эту историю, она через два месяца была освобождена — в те наивные времена еще случалось такое. Залпетер, покоренный очаровательной Тасо, женился на ней. Его не остановило даже княжеское происхождение жены, хотя все это могло пагубно отразиться на его карьере.

Через год Залпетер получил направление в Новосибирск, на пост заместителя ПП ОГПУ Западно-Сибирского края Леонида Заковского (другим его заместителем был Шонин, бывший работник центрального аппарата ОГПУ). Затем Ягода перевел Залпетера в Москву.

В конце тридцатых, при Ежове и Берия, почти все названные здесь чекисты были уничтожены.

Глава ЗакГПУ Станислав Реденс не обладал сильным характером, и Берия, став заместителем председателя, довольно скоро подмял его под себя. Чекисты между собой называли шефа не иначе как Беренсом. Берия не терпелось подняться на следующую ступень, но столкнуть с нее Реденса, женатого на Анне, сестре Надежды Аллилуевой, не решался. Он выжидал, выжидал долго, почти три года. Когда представился удобный случай, не преминул им воспользоваться. В ту ночь на квартире зам. председателя ГПУ Грузии Тите Лордкипанидзе кол-

леги собрались за поздним ужином. Напоив основательно шефа, Берия вышел с ним на улицу и оставил одного. Реденс забрел в дом, где жила молодая сотрудница канцелярии ГПУ, поднялся на второй этаж, окруженный галереей, и спьяна постучал в чужую дверь. Ему не открыли, он стал угрожать, вышел хозяин и отдубасил ночного дебошира. На шум сбежались соседи, кто-то пригласил милиционеров, и Реденса доставили в участок. Там он распахнул шинель, дежурные увидели знаки отличия, ордена, «узнали» наконец. Берия тотчас позвонил Сталину в Москву, просил совета... Последовало решение о переводе Реденса в Белоруссию, а боевой пост главы Закавказского ГПУ достался Берия.

В октябре 1938 Реденса вызвали в Москву «для доклада». Он отправился на Лубянку, там и кончились его дни. После ареста на квартиру явились с обыском агенты-грузины. Телефон отключили, так что Сергею Аллилуеву, брату Анны Сергеевны, дозвониться Сталину не удалось.

Через два дня на квартиру к Сталину явилась сама Анна Аллилуева. Хозяин вошел в столовую в сопровождении Берия и Жданова.

— Что произошло со Стасиком? — спросила Анна Сергеевна за обедом. Сталин молча продолжал есть, за него ответил Берия:

— Зачем, скажи, пожалуйста, ты беспокоишься о человеке, с которым у тебя брак не зарегистрирован. Он наш давний враг, еще с того времени, когда он работал в Грузии, а пощады мы никому не дадим.

— Я вовсе пришла не к тебе и с тобой разговаривать не желаю. Станислав — мой муж, я мать двух его сыновей и имею право требовать ответа на мой вопрос.

Наконец Вождь, не прерывая еды, решил успокоить родственницу:

— Не волнуйся, Анна, НКВД у нас зря не сажает, там разберутся и примут правильное решение.

Анна Сергеевна, поняв, что на этом представление закончилось, поднялась и вышла, хлопнув дверью[11].

«Заря Востока», 9 сентября 1924 г.

ПАМЯТИ КАЛИСТРАТА ДЖАПАРИДЗЕ

Нет больше Калистрата Джапаридзе.

В ночь на 3 сентября на боевом посту он пал жертвой ненасытной мести дворянско-меньшевистской сволочи, из-за угла, по-бандитски, пустившей в него предательскую пулю.

О, эта свора псов и палачей прекрасно знала, кто такой т. Джапаридзе.

Палачи грузинского народа, своей затеей «восстания» запятнавшие себя новым рядом гнусных преступлений, могут злорадствовать. Их грязная рука на этот раз действительно вырвала из нашей среды одного из самых верных, одного из самых испытанных и непоколебимых сынов коммунистической партии и грузинского народа.

К. Джапаридзе — член партии с 1903 г. 20 лет борьбы за пролетарское дело, за идеи коммунизма закалили т. Джапаридзе, выковали из него подлинного борца. Аресты, тюрьмы не ослабили его кипучей энергии. Он вел профсоюзную работу в Красной Армии, в военном трибунале и, наконец, в ЦК. Здесь, в боевом Органе пролетариата, этом железном кулаке, метко бившем по контрреволюции всех видов, где Джапаридзе нашел себя.

Его кипучей натуре больше всего пришлась чекистская работа, требующая всего человека, ничего не оставляющая для его личной жизни.

Враги Советской власти — вся эта разноцветная банда княжеской, дворянской нечисти и холопствующих перед Антантой остатков соцпредателей и шовинистов — знали т. Джапаридзе, знали ему цену.

И они осмелились!

Они осмелились из-за угла, воровски, как, впрочем, постоянно делали, пустить в него пулю.

Нет больше т. Джапаридзе!

Но грузинский пролетариат и чрезвычайная комиссия Грузии никогда его не забудут. Мы же теснее сомкнем ряды и вместо ушедшего от нас т. Калистрата выставим на страх врагам тысячи новых Джапаридзе.

И враги знают это. Злобное их шипение будет сопровождать тело т. Джапаридзе в могилу.

Но вряд ли сам т. Джапаридзе желал бы иной музыки, чем это бессильное шипение врагов, лишний раз доказывающее их слабость и бессилие в борьбе с крепнущей с каждым днем Советской властью!

Лаврентий Берия

АВИАКАТАСТРОФА
Правительственное сообщение

22 марта 1925 года в 12 часов 10 минут вблизи Дидубийского ипподрома трагически погибли вследствие аварии аэроплана «Юнкерс-13» заместитель председателя Совнаркома ЗСФСР, член Президиума ЦИК СССР, член РВС СССР и Краснознаменной Кавказской армии (ККА)

Александр Федорович Мясников, председатель Закавказской ЧК Соломон Григорьевич Могилевский, зам. наркома РКИ ЗСФСР и уполномоченный Наркомпочтель СССР и ЗСФСР Георгий Александрович Атарбеков и два летчика — Иосиф Шпиль и Виктор Сагарадзе.

Подробности аварии описаны в акте технической комиссии.

В 11 часов 50 минут самолет поднялся в воздух.

12 ч 05 мин — дежурный центральной телефонной станции передал: «В воздухе «Юнкерс». Самолет горит».

12 ч 10 мин — самолет сел на землю.

К месту аварии на грузовике направились военные летчики. Вот что показали свидетели. На высоте 20 метров из самолета выпали один за другим два пассажира. Перед самой землей из кабины выпал пилот. При ударе о землю взорвались баки с горючим. Под обломками обнаружены обгорелые трупы Мясникова и второго пилота Сагарадзе.

Технический осмотр показал, что мотор и системы управления вполне исправны. Причина пожара не установлена[12].

О том, что Мясников располагал сведениями, весьма опасными для карьеры Сталина, знали некоторые старые партийцы, товарищи Мясникова по дореволюционному подполью. Как Берия удалось пронюхать об этом, ответить нетрудно. Мясников стал живой угрозой, — слишком живой — для генсека, а значит, и для Лаврентия Берия. Мясников был обречен, кто бы ни поднялся с ним в воздух в то мартовское утро, должен был погибнуть. Одни утверждали, что вместе с Мясниковым в Сухуми, на Съезд Советов Абхазии, собирался Орджоникидзе. Сын Лаврентия Картвелишвили, Юрий, помнит, как 21 марта с аэродрома вернулся раздосадованный отец: неблагоприятная погода заставила перенести вылет на завтра.

Что говорить, Берия мог одним ударом убрать с дороги не только Мясникова и начальника Закавказской ЧК Могилевского, но и секретаря крайкома Картвелишвили...

Еще долгое время после гибели Мясникова агенты ГПУ не спускали рысьих глаз с его товарищей и родных. Особо пристального внимания удостоилась вдова Александра Федоровича. Больная раком, она лежала несколько лет дома, и все это время у подъезда дежурили активные бездельники.

Старый чекист Сурен Газарян вспоминал после XX съезда партии: «Когда-нибудь история прольет свет на это дело и выявит подлинную роль Берия, устроившего катастрофу самолета».

...Таких скорбных дней Закавказье еще не знало.

Со всех концов страны шли и шли исполненные печали телеграммы. Гроб с телом Александра Мясникова несли Киров, Орджоникидзе, Орахелашвили, Амбарцумян.

Много теплых слов было сказано в те дни о Соломоне Могилевском.

Мирза Гусейнов:

«Тот, который своей умелой рукой создал щупальца советской диктатуры и проник во все уголки нашей страны, чтобы в корне пресекать всякие замыслы наших врагов...»

Замыслы самого Гусейнова, вместе со щупальцами и жизнью, умелая рука пресекла в тридцать седьмом. В корне.

Лаврентий Берия:

«Я видел потрясающее место гибели наших товарищей. Я видел обезображенные останки того, под чьим руководством на протяжении двух лет я вел работу в ЧК. ...Не верится, не хочется верить... И я больше не услышу мягкого голоса Соломона Григорьевича...

...По своей милой, так располагавшей к себе привычке, он обнял меня одной рукой за спину и, быстро расхаживая по кабинету, стал излагать свой взгляд на перспективы дальнейшей работы Органов ЧК Закавказья. Максимум инициативы на местах, самостоятельность в работе отдельных ЧК... Помню его особо внимательное отношение ко мне и к работе АзЧК: «На вас мы здесь опираемся», — говорил он в дружеских беседах со мной»[13].

Слухи поползли по Закавказью. Вдова пилота Иосифа Шпиля вспомнила, как он, предчувствуя недоброе, просил начальство заменить его кем-нибудь. Люди шепотом передавали друг другу, что погибшие кому-то мешали... Слухи росли, разбухали.

Организаторы диверсии засуетились. Была создана вторая комиссия, экспертная, под председательством командарма Корка. Но она лишь подтвердила выводы первой. Странным казалось молчание генсека. Но вот в самом конце марта он посылает в Тифлис Карла Паукера, начальника оперативного отдела ОГПУ, тогдашнего своего фаворита-охранника. В третью комиссию, которую возглавил московский эмиссар, вошли: начальник ВВС Мачавариани, член правления общества «Закавиа» Полетаев, зам. начальника Особого отдела РВС Кавказской армии Залпетер и генеральный представитель фирмы «Юнкерс» доктор Лаутц. Накануне у него побывали Орджоникидзе и Орахелашвили.

Эта комиссия, при участии опытных инженеров, тоже не смогла установить причины аварии. Кто-то успел уничтожить следы-улики, она ограничилась реабилитацией немецкой фирмы и констатировала правомерность действий пилотов.

Троцкий, отдыхавший в ту пору в Сухуми, прибыл в столицу Грузии и заявил публично: «Надо еще спросить о причине гибели троих товарищей у грузинских меньшевиков».

Эх, Лев Давидович, Лев Давидович, и вам крови захотелось. Будет кровь, много крови будет еще. И ваша стечет на ковер, достанут вас в далекой Мексике, в сороковом, те же руки, что действовали здесь вчера. И ваших сыновей и внуков достанут.

Тите Лордкипанидзе

В истории Органов ЧК–ГПУ Закавказья Тите Лордкипанидзе принадлежит особое место. Вступив в большевистскую партию семнадцатилетним юношей, он участвовал в революционном движении в Грузии, на Украине и Москве, потом в армии — в годы мировой войны. Вел подпольную партийную работу в меньшевистской Грузии. Службу в органах ВЧК Лордкипанидзе начал на фронтах гражданской войны. В Грузию вернулся в апреле 1921 года и возглавил Кутаисское губ. ЧК, а в конце двадцать второго занимает пост начальника контрразведки ГПУ Грузии и Закавказья. Берия занял более скромную должность в республиканском ГПУ. Службой молодой Лаврентий себя не обременял, поэтому Лордкипанидзе в первые же годы совместной работы должен был нести двойную нагрузку. Однажды жена Лордкипанидзе Надежда Викентьевна встретила Берия с двумя спутницами в кинотеатре. «Ты меня не видела, и я тебя не видел», — сказал начальник. На этот час председатель ГПУ назначил оперативное совещание, но...

В 1926 году Лордкипанидзе посылают во Францию, на работу в аппарате торгпреда Буду Мдивани. Вероятно, он не дорожил своей карьерой в ГПУ, но служба в разведке (под псевдонимом Цагарели) оказалась кратковременной. В том году Лаврентий Берия занял пост заместителя председателя ГПУ Грузии, сменив Епифана Кванталиани. Последнему пришлось держать ответ за провал одной операции, связанной с прибытием в Грузию турецкой военной миссии. Нарком иностранных дел Чичерин потребовал отстранения от службы виновника скандала. А ведь вина лежала на Берия. Расследовать обстоятельства дела ОГПУ поручило М.П. Павлуновскому, однако Берия удалось обвести его вокруг пальца.

Новый председатель остро нуждался в помощи такого образованного, энергичного чекиста, как Лордкипанидзе, и решил добиться его возвращения. Когда Лордкипанидзе прибыл домой в отпуск — а Берия все время уговаривал Надежду Викентьевну не покидать Тифлис, — он обнаружил, что ГПУ Грузии стоит на грани развала. И решил остаться в должности начальника СПО Закавказского и Грузинского ГПУ. Вскоре Берия поднялся на следующую ступень — полномочного представителя ОГПУ в Закавказье, Лордкипанидзе назначен его заместителем.

В конце 1931 года Сталин определяет Берия на главный партийный пост Грузии, через год Лаврентий Павлович возглавит Закавказский крайком партии, а Лордкипанидзе несколько позже займет пост ПП ОГПУ в Закавказье.

Тите Лордкипанидзе связывала искренняя дружба с Орджоникидзе, но не кто иной, как товарищ Серго, способствовал крутому подъему Лаврентия Берия. Тот умел искусно обхаживать нужных людей, и, когда Орджоникидзе в 1933 году приехал в Тифлис, Берия поселил его в своем особняке, ни на минуту не оставляя одного. Лордкипанидзе так и не улучил момента для разговора с Серго. Ему нужно было рассказать о художествах товарища Лаврентия. И все же член бюро Заккрайкома Лордкипанидзе считал своим долгом помогать Берия в работе, он замещал первого секретаря во время отпуска.

Постепенно обстановка накалялась, конфликты стали почти ежедневными. Лордкипанидзе не мог, не хотел участвовать в гонениях на грузинскую интеллигенцию, тайную директиву создания провокационных дел он отвергал. Именно в ту пору за его спиной состоялось назначение на пост председателя ГПУ Грузии Давида Киладзе, который начал активно практиковать фальсификацию политических обвинений против неугодных Сталину и Берия деятелей. Киладзе был темной личностью, хотя и числился в партии с 1906 года. Однажды Папулия Орджоникидзе, старший брат Серго, возмущенный незаконными репрессиями на транспорте, вызвал Киладзе в свой кабинет и побил как шелудивого пса. Тот действительно был верным псом Лаврентия Берия, и этим все объясняется.

Лордкипанидзе настаивал на снятии Киладзе, наконец обратился к Берия с официальным письмом, заявив, что отказывается работать с Киладзе. Разговаривал по телефону с Генрихом Ягодой. «А что я могу сделать?» — ответил председатель ОГПУ. И все же Тите Илларионович добился смещения Киладзе и назначения на его место в 1934 году Сергея Гоглидзе. Со временем тот превзойдет Киладзе по масштабам произвола, а поначалу пытался не преступать рамок закона.

Следует пояснить, что далеко не все ответственные работники «тайных Органов» Грузии и Закавказья безоглядно служили в тридцатые годы Лаврентию Берия. Но он успел сколотить крепкий отряд подручных, способных на любые преступления. Б. Кобулов, В. Деканозов, А. Рапава, Ш. Церетели, Л. Цанава, Н. Кримян... Тупые, жестокие заплечных дел мастера. Им противостояли чекисты, начинавшие службу в Органах не карьеры ради, а по убеждению. Резко отличались они от первых идейностью, образованием, интеллигентностью. В. Меркулов, Н. Рухадзе, Е. Кванталиани и воспитанники Тите Лордкипанидзе С. Гоглидзе, Д. Багратиони, Г. Агабалян, А. Штепа...

Год 1934-й. Тите Лордкипанидзе — нарком внутренних дел ЗСФСР, но время его на кремлевских часах истекло. Для того чтобы убрать щепетильного чекиста, генсек разыграл на заседании Оргбюро ЦК маленький спектакль. Оказывается, НКВД и Заккрайком «не сработались» (одна из дежурных и очень удобных цекистских формулировок), к тому же лично товарищ Лордкипанидзе не дорос до понимания генеральной линии партии... В решении Оргбюро отмечена со стороны наркома «недооценка опасности оппозиции». Для вида досталось и товарищу Берия. Однако с оргвыводами генсек решил повременить. Перевод Лордкипанидзе в Крым состоялся лишь в январе 1935-го. За прощальным столом собрались Ханджян, Сумбатов, Гоглидзе. Последний при прощании даже прослезился... Не пришли лишь Берия, Кобулов, Деканозов.

Итак, Лордкипанидзе — нарком внутренних дел Крымской АССР и по совместительству начальник Особого отдела штаба Черноморского флота. Посты весьма ответственные. Но он, конечно же, понимал, что его удалили из Закавказья отнюдь не в результате мелких придворных интриг. Он стал неугоден Хозяину. Выстрел в Смольном прозвучал для Сталина сигналом к началу большого террора. Нужны были исполнители иного склада. Лордкипанидзе к тому же был связан крепкой дружбой с покойным Миронычем. Примчался в декабре в Ленинград и пытался лично вникнуть в обстоятельства гибели Кирова.

Вот почему он теперь здесь, в Крыму. А роль в этом деле Берия? Несколько раз приезжал к нему в Крым Деканозов и в беседах с Тите Илларионовичем яростно нападал на Берия. Однако спровоцировать наркома ему не удалось. Переписка Лордкипанидзе с Берия пропала в 1937 году, Надежде Викентьевне запомнилось лишь одно из последних писем. «Ты на меня обиделся, — писал Лаврентий, — может быть, считаешь меня виновным в твоем переводе из Грузии в Крым. Но дело не во мне, и тебе это хорошо известно. Мы с тобой встретимся, тогда поговорим».

И они встретились. Летом 1936 года Тите Илларионович с женой провели целый день в кругу семьи Лаврентия Павловича, но разговор с глазу на глаз так и не состоялся. Несколько дней провел Лордкипанидзе в Тбилиси. Однажды к нему пришли трое агентов из личной охраны Берия. Беседовали долго, за полночь, а днем, придя в гости к Берия, Тите Илларионович поздоровался с ним, будто давно не виделись. Вечером Берия вместе с Лордкипанидзе под руку с женами побывали в трех театрах, на публике. Зачем понадобилась Берия эта демонстрация сердечного дружелюбия? Папа Малый, играя, менял маски. Он не мог вникнуть в истинные намерения Папы Большого, он знал лишь одно: нрав Сталина переменчив...

Мастер провокаций

Вряд ли какой коммерсант гонялся за прибылью с таким рвением, с каким Берия спешил нажить политический капитал. Чуть ли не каждый год он разоблачал группы буржуазных националистов, ликвидировал гнезда контрреволюционеров. Не раз, рискуя жизнью, обезвреживал опасных террористов.

Осенью 1925 года он с группой чекистов выехал на двух авто в Тифлис. На горном перевале они попали в засаду. Один чекист погиб, двое были ранены но Берия не потерял присутствия духа, он приказал повернуть назад и, отстреливаясь, прикрыл остальных.

Каким образом он уцелел, если ехал в первой машине? Почему нападавшие не перекрыли путь к отступлению, не устроили завал? Эти вопросы никто не задавал. В Москве уже знают, что товарищ Лаврентий служит Советской власти, не жалея живота своего.

Разумеется, Закавказская ЧК могла обеспечить полную безопасность Военно-грузинской дороги, но тогда значительно сужались возможности проявления личного героизма чекиста. Через год такой случай представился вновь. Он ехал вместе со своим помощником Деканозовым и работником Тифлисского горкома партии Харитоном Хацкевичем по той же дороге. На этот раз была только одна машина. Берия потом показывал множество следов от пуль, пробивших кузов. Никто не пострадал, удалось прорваться. Однако все перетрусили, более других — Деканозов. Его потом чуть не сняли с работы — отстоял его перед крайкомом Лаврентий Берия. Позднее он придал этому заурядному эпизоду героическую окраску, все пассажиры авто были представлены к наградам.

В 1926 году на строительстве Дарьяльской ГРЭС вспыхнуло вооруженное восстание рабочих. Поначалу в нем приняли участие полторы тысячи человек, потом к ним примкнуло еще несколько тысяч. Сообщение Органов ГПУ весьма встревожило Заккрайком. Вот уже событиями на реке Дарьял заинтересовались в Москве, и Центральный Комитет обязал крайком регулярно докладывать о принятых мерах. Решили послать на место опытных партийных работников, но те вернулись, чудом избежав гибели: в горном ущелье их поджидала засада. Тогда по согласованию с Москвой договорились с командованием военного округа о посылке в горы частей регулярной армии. Но до кровопролития дело не дошло: положение спас молодой энергичный чекист Лаврентий Берия. Он заявил на экстренном заседании крайкома партии:

— Дайте мне три дня. Я сам пойду в горы и заставлю мятежников сложить оружие. Восстание случилось на территории Грузии, и дело

чести грузинских большевиков — убедить рабочих, обманутых вражеской пропагандой, в контрреволюционной сущности выступления против Советской власти. А главарей мы, чекисты, обезвредим.

ПАМЯТИ тов. Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Человек острого и гибкого ума и колоссальной энергии, Феликс Эдмундович был одним из тех, в ком наша партия и Советская власть видели верную опору, в чьих руках можно было считать гарантированным от застоя и обеспеченным в успехе любое по сложности дело.

...Помню два случая встреч моих с тов. Дзержинским. Первый раз в ноябре или декабре 1922 г. здесь, на квартире тов. Серго. В разговоре я ознакомил его с положением, которое мы имели здесь в отношении развития бандитизма и антисовпартий. Тов. Дзержинский двумя-тремя вопросами быстро ориентировался в положении (одно из основных присущих ему качеств) и давал свои советы.

Вторая встреча моя с ним была на XIV съезде в Москве. Помню, тов. Феликс живо интересовался и расспрашивал о положении наших антисовпартий в Закавказье.

...Нетрудно предвидеть, какую величайшую радость доставит известие о смерти Феликса Эдмундовича врагам пролетариата. Напрасно. Оставленный им аппарат достаточно силен, а теперь еще больше сплотится, чтобы удвоить свою бдительность на боевом посту защитника пролетариата.

Л. Берия

Судебные расправы

В 1922 году, с 8 июня по 7 августа, в Москве проходил судебный процесс над ЦК партии социалистов-революционеров. В декабре того же года в Баку Верховный ревтрибунал Азербайджанской ССР судил бакинских и закавказских эсеров. Из тридцати двух обвиняемых пятеро были приговорены к расстрелу, четверо — 5 годам тюрьмы, семеро — 3 годам. Несколько — к меньшим срокам, восемь «освобождены от наказания», один оправдан.

Столь гуманный приговор впредь уж не повторится. Но не это обстоятельство вызывает особый интерес к бакинскому процессу. Тогда, в двадцать втором, организаторы политического террора в Закавказье получили в руки некий следственно-судебный эталон фабрикации дел против «врагов народа».

Группу закавказских эсеров обвинили в поджоге Суруханских нефтяных промыслов. Среди проходивших по делу была единственная

женщина — Сухорукова-Спектор. Она ожидала ребенка, но держалась с исключительным мужеством и достоинством. И она, и ее одноделыцы содержались изолированно от остальных политических.

Как известно, самовозгорание нефти в Сураханах такое же обычное явление, как самовозгорание породы на терриконах. В качестве «вещественного доказательства» поджога фигурировала фотография Сухоруковой на фоне горящей вышки. И эта любительская фотография служила одним из самых веских доказательств ее участия в поджоге...

«Сам «процесс», — свидетельствует А. Аркавина, — напоминал театрализованное зрелище. Заключенных везли по городу под устрашающим конвоем казаков с саблями наголо. Усиленная охрана окружала и скамью подсудимых. Попытки дать объяснения по сути обвинения тут же прерывались окриками.

Следователем у Ольги Сухоруковой был Тарасов-Родионов — автор нашумевшего в свое время рассказа «Шоколад». О нем, как о писателе, Сухорукова ничего не знала и потому, когда он на следствии коснулся ее стихов, прервала его: «Эти стихи никакого отношения к следствию не имеют».

И еще одна деталь, которая станет приметой времени. Бакинские и тифлисские газеты пестрели людоедскими призывами — трудящиеся Закавказья требовали казни для всех диверсантов.

В те дни в Баку проходили выборы в местные Советы. Из Москвы прибыл заместитель председателя Совнаркома А.И. Рыков, он выступил с речами на нефтепромыслах и горячо осуждал вредителей-эсеров.

Очередь мудрого, доброго Алексея Ивановича Рыкова подойдет через пятнадцать лет. И Александра Игнатьевича Тарасова-Родионова — тоже.

...Очнувшись в ЖОКе (женский одиночный корпус для политзаключенных), я решила передать о положении Сухоруковой в мужской одиночный корпус, где были разрешены свидания. Знаю, что благодаря хлопотам Е.И. Пешковой и свекрови Сухоруковой она была освобождена незадолго до родов.

Об этом процессе я вспомнила в 1926 году, когда в руки одного из наших товарищей попалась секретная инструкция, рекомендовавшая всюду, где возможно, обвинять политических в уголовных преступлениях»[14].

Эта инструкция стала директивой, ее охотно применяли не только в Закавказье. Суждена ей была долгая жизнь.

Весной 1924 года в Тифлисе инсценировали процесс по делу католикоса Амвросия. Группу священнослужителей, одиннадцать человек, обвинили в государственной измене и сокрытии церковных ценнос-

тей. Они якобы в 1922 году отправили на Генуэзскую конференцию меморандум «с целью вызвать интервенцию в дела СССР». Адвокат, защищавший католикоса, потребовал провести доследование и назначить экспертизу: следствие не установило факта получения в Генуе меморандума и не определило точного политического содержания документа. Однако суд вопреки законам и простому здравому смыслу признал «деятельность» группы контрреволюционной и приговорил католикоса к 9, остальных — 5 годам тюрьмы каждого. С конфискацией имущества.

Гуманное решение: трудящиеся столицы Грузии требовали смертной казни.

Лаврентий Берия был активным участником этой расправы, начиная от слежки и ареста «контрреволюционеров», кончая организацией фальшивых митингов и демонстраций[15].

В те же дни Военный трибунал Кавказской Красной Армии судил бывшего помощника начальника Метехской и Горийской тюрем Ивлиева. В годы первой революции он жестоко обращался с политическими узниками. Но и его не казнили, приговорили к 10 годам[16].

1925 год ознаменован громким процессом по делу «Паритетного» комитета, объединившего разные партии и группы, враждебные большевикам. Кампания ненависти к подсудимым сопровождалась потоком проклятий — «меньшевистско-дворянская банда», «изменники революции». Судьи, прокуроры, а вслед за ними и газеты утверждали, что грузинская секция II Интернационала продалась буржуазии.

ГПУ арестовало около 100 человек, подготовило 57 «свидетелей». Военную комиссию «Паритетного» комитета обвинили в подготовке вооруженного восстания. Руководителям движения инкриминировали связь с эмигрантами и с бандой Чолокаева и столько еще преступлений, что для них едва хватило шести статей УК — от насильственного отторжения Грузии до террора и шпионажа включительно.

Вот какое грандиозное здание соорудило Грузинское ГПУ. Однако большинство обвиняемых отвергло полностью или частично эти инсинуации. Тогда еще пытки не успели войти в моду, поэтому следствие и суд спотыкались на каждом шагу. Опыт придет потом, а в тот раз многих оставили в живых.

Борьба с меньшевиками будет еще многие годы служить бериевской клике удобным прикрытием массового террора. Эта кампания получила шумовое оформление на разного рода сборищах с участием Берия. Истребление инакомыслящих грузин сопровождалось газетной травлей. В конце 1928 года Лаврентий Берия выступил с программной статьей «До чего докатились меньшевики». Тексту был предпослан такой эпиграф:

«Они ничему не научились и ничего не забыли». Действительно, прошлое — и мирное, и кровавое — забыть трудно.

«В истории революционного движения, — сообщает автор, — часто встречаются люди, которые в своем ослеплении политической борьбой теряют всякую перспективу и из революционных деятелей превращаются в политических авантюристов». Берия имеет в виду именно меньшевиков. Это они в дни августовской «авантюры» потерпели «жестокое поражение» от трудящихся Грузии. Однако Заграничное бюро (оно ютится «на задворках Парижа») не теряет надежды на свержение Советской власти. Жордания и Рамишвили засылают на территорию Грузии своих агентов. «Им нужна власть. Ради нее они готовы на все». Перечисляя грехи меньшевиков, Берия винит их в том, что они идут на прямой союз с фашизмом, занимаются шпионажем, диверсиями и опираются при этом на церковь. «Грузинские меньшевики умудрились поставить рекорд подлости».

Берия приводит признания меньшевиков, полученные в тюремных подвалах, и под конец выступает в роли предсказателя. Оказывается, удел меньшевиков — мусорный ящик истории.

Но история сама определила, кто чего стоит, — без участия Берия, без указаний Сталина.

Центр всячески поощрял местных карателей. Москва подавала пример Ленинграду, Харькову, Тифлису. «Заря Востока» публиковала обширную информацию о судебном процессе над «Союзным бюро меньшевиков»[17].

Охоту за меньшевиками Берия использовал для расправы со всеми непокорными грузинами, и прежде всего — с интеллигентами, включая дворян. Когда в среде сотрудников финансового отдела Кутаисского городского Совета обнаружили 25 бывших князей и лиц не столь высокого звания, их всех немедленно уволили. Они, видите ли, «искажали классовую линию»[18].

С таким обвинением кто из них пережил террор тридцатых?..

История грузинской интеллигенции помнит имена палачей и теоретиков геноцида. В 1927 году в Москве под присмотром Сталина вышла в свет книжка В. Ваганяна «О национальной культуре». Тогда еще цитирование генсека не было обязательным, но автор выучил свою роль назубок. Что же он проповедует? Вся интеллигенция консервативна и буржуазна. К тому же она настроена сугубо националистично и по этим причинам не участвует в строительстве социалистической культуры[19].

Всего несколько изящных постулатов — и теоретическая база под кампанию геноцида готова.

Подобные материалы печатаются почти в каждом номере газеты «Правда Востока» за 1928 год. В статье «О правой опасности, национализме и наших задачах» П. Ионов призывает беспощадно бить по примиренчеству, не замечающему националистических настроений. И — по теоретическому ликвидаторству.

Пока — лишь призывы бить по проявлениям критической мысли. Уничтожать самих носителей идей — это будет через несколько лет.

«Строить национальную культуру во имя уничтожения всяких национальных культур, во имя полного слияния всех наций и торжества коммунистической безнациональной культуры», — вещает автор[20].

Это из далекого будущего, предсказанного Марксом. Лаврентий Берия приступает к тотальному уничтожению национальных культур народов Закавказья сегодня.

П. Ионов не упоминает имени генсека, но его директивное влияние пронизывает каждую фразу погромной статьи.

Сталин и Берия не остановились бы и перед акциями против лидеров меньшевиков, оказавшихся в эмиграции. В этом можно не сомневаться. Но зарубежный террор в двадцатые годы находился только в стадии становления, поэтому ограничились клеветой и проклятиями в адрес Ноя Жордания и Ноя Рамишвили, этих «социал-бандитов».

Для поддержания атмосферы ненависти и страха в Тифлисе, Ереване и Баку периодически объявляли учебные тревоги. И население пряталось, иногда по два дня кряду, в ожидании «воздушно-химической атаки».

На подступах к большому террору Грузия, все Закавказье пережили ряд политических кампаний: чистки партии и советского аппарата, борьбу с правым уклоном, разоблачение «вредителей» в экономике...

Нацелился...

Годы двадцатые. Еще не достигнув высшего поста в Закавказском ГПУ, Берия понял, что эта цель — лишь ступень той лестницы, что ведет в главные партийные чертоги. А пост первого секретаря крайкома — это уже трамплин для прыжка в Москву. Он обладал острым нюхом на власть. Берия был убежден в том, что ему по плечу и вожделенный пост генсека. Однажды жена Картвелишвили, одна из первых сотрудниц Грузинской ЧК, заметила по поводу последних московских событий:

— Смотрите, как решительно и авторитетно Сталин борется с оппозицией...

— Ничего особенного, — ответил Берия, — поработал бы я столько лет в ЦК, набрался опыта и управился бы с этими интеллигентиками не хуже него...

На пути к заветной цели Берия всеми способами расшатывал авторитет руководителей крайкома, устраивал провокации, наушничал Сталину на Мамия Орахелашвили, Амаяка Назаретяна, Лаврентия Картвелишвили.

Год 1929-й. Сталин отдыхает в Сочи, руководители Заккрайкома ездили к нему на прием из Тифлиса. В ту осень Лаврентий Картвелишвили отдыхал в Гагра. Он тоже собирался в Сочи, приехал туда утром, но начальник охраны сталинской дачи в Зензиновке попросил его повременить немного: генсек занят. Картвелишвили прождал целый день. Поздно вечером он сел в машину и уехал к себе. Берия, наблюдавший из окна дачи, подозвал Хозяина:

— Смотри, какой строптивый человек... Я попросил его подождать всего полчаса, но он не захотел...[21]

Семьянин

Как это ему удалось жениться на Нино Гегечкори? Она происходила из знатного, всеми уважаемого старинного рода. Дядя, Евгений Гегечкори, был министром иностранных дел Грузии в меньшевистском правительстве и членом Государственной Думы. До установления Советской власти ему довелось сидеть в одной тюрьме с Лаврентием Берия. Там они и познакомились. Родство с Гегечкори в какой-то мере облегчило Берия путь наверх. Он женился на шестнадцатилетней Нино в Баку и переехал в 1922 году в Тифлис вместе с ней. Вскоре у молодой четы родился сын, позднее на свет появится девочка.

Нино Гегечкори окончила экономический факультет университета, поступила на службу в банк. Наделенная редкой красотой, блондинка с чудными голубыми глазами, могла ли она предполагать, что ее судьба пересечется с судьбой этого человека.

У Берия была сестра, глухонемая от рождения, Тамара. Когда ее оборотистый брат стал наркомом внутренних дел СССР, убогую взял в жены мелкий делец, некий Николай Квичидзе. Он торговал на улицах водой и теперь справедливо полагал свою карьеру обеспеченной. Но Берия разом покончил с этими надеждами.

— Ты как на ней женился? — спросил он нового родственничка.

— Я полюбил ее...

— Ах ты, ...твою мать! Как же ты мог полюбить такую?!

И все же пришлось подыскать для Квичидзе подходящую должность — начальника отдела рабочего снабжения (ОРС) управления Закавказской железной дороги.

Супруга Берия, Нино Теймуразовна, была приветлива и скромна, по тифлисским улицам ходила пешком, детей воспитала добрыми и честными. Судьба матери оказалась незавидной. Она не могла не слышать о грязных похождениях супруга, об этом говорил весь Тифлис, но мужественно несла свой горестный груз и никому не жаловалась[22]. Как мы увидим потом, она и в преклонном возрасте продолжала заботиться о престиже казненного Лаврентия Павловича.

Охранник Сихарулов

Начинал он пионервожатым в школе. Приятель, уже сподобившийся чести служить в Органах, уговорил его поступить в НКВД Грузии. Гугуши Сихарулов был крепким малым, сообразительным, а главное — умел молчать. В личную охрану Берия он попал в конце 1930 года, когда тот стал первым секретарем ЦК партии республики. Лаврентий Павлович разъезжал по тбилисским улицам в открытом «бьюике», занимал вместе с двумя телохранителями заднее сиденье. Заметив среди прохожих привлекательную девушку, Берия останавливал машину и посылал к ней Сихарулова. Выведав адрес «объекта», Гугуши возвращался на свое место. На другой день красавицу доставляли в кабинет партийного Вождя. Сопротивлялись ли его жертвы?..

Обо всем этом свидетельствовал на суде по делу Берия в декабре 1953 охранник Сихарулов. Он дослужился до чина майора госбезопасности и полагал, что честным трудом и откровенным признанием заслужил приличную пенсию. Он верил в свою счастливую звезду — «сихарули» по-грузински означает радость.

Суд определил Сихарулова на десять лет в лагеря. Отбыв срок, охранник вернулся в родной Тбилиси. Он и сейчас живет там. Рядом с ним живут матери, которые в золотую пору правления Берия закрывали собой дочерей при появлении на улицах Тифлиса автомобиля сталинского наместника.

Зигзаги коллективизации

В июне 1925 года Закавказский крайком партии созвал совещание по крестьянскому вопросу. После смерти Ленина прошло всего полтора года, никто не собирался оспаривать его план кооперации крестьянских хозяйств. Сталин еще не подмял под себя Центральный Комитет, Берия функционировал в Тифлисе на вторых ролях в ГПУ.

Условия для кооперирования оказались здесь, в Закавказье, на редкость неблагоприятными: острое малоземелье, наличие неудобных горных склонов, архаичная техника, вековая национальная рознь и глубокое расслоение деревни на бедных и имущих...

Краевое совещание разработало программу переустройства деревни при строгом соблюдении права свободного выбора форм землепользования и соблюдения Земельного кодекса. Администрирование сверху и на местах было осуждено сразу и решительно. Резолюция совещания содержит 19 пунктов. В ней дана установка на интенсификацию сельского хозяйства, на товарность при всемерном развитии сети рынков. Намечен срок окончания землеустроительных работ — 5 лет. Крестьянам малоземельных районов выделены участки из государственного фонда. Субаренда и спекуляция землей запрещены. Приняты меры по увеличению и удешевлению кредита. Признано необходимым содействовать механизации хозяйств и — одновременно — их добровольному кооперированию. Широко информировать крестьян о законах и директивах руководящих Органов. Поощрять развитие кустарных промыслов. Пропагандировать и внедрять новую агротехнику, основать в республике селекционные станции...[23]

Программа широкая, перспективная, но крестьян она почему-то не увлекла. Может быть, потому только, что бедных и малоземельных в Закавказье было всего 17% от общего числа крестьян? А может, потому, что объединение хозяйств оказалось делом невыгодным даже для бедняков?[24]

При составлении сводки о расслоении деревни статистики исходили из данных о наличии земли на одного едока:

менее $^1/_4$ десятины — бедняки,
от $^1/_4$ до $^1/_2$ десятины — малоземельные,
от $^1/_2$ до $1^1/_4$ десятины — середняки,
от $1^1/_4$ до 2 десятин — зажиточные,
свыше 2 десятин — богатые.

Приведем данные — число хозяйств на 1925 год (в процентах):

	Грузия	Азербайджан	Армения
Бедняцкие	10	18	13,4
Малоземельные	31,1	10,5	11,4
Середняцкие	44,2	40,6	59,9
Зажиточные	9,7	22,5	19,7
Богатые	4,9	18,3	5,6[25]

Судя по этой таблице, зажиточным или богатым было каждое четвертое хозяйство. В действительности их доля достигала одной трети: уклоняясь от тяжелых налогов, зажиточные искусственно дробили свои семьи вместе с землей.

Убедившись в том, что крестьянские массы не спешат вступать в кооперативы, власти решили начать против деревни истребительную войну. Сразу же определился объект нападения. Чтобы стать жертвой погрома, достаточно было иметь в хозяйстве корову и десяток овец да лошадь, а в доме — красивый ковер. И вот ты уже зачислен в «кулаки». И не дай Бог тебе противиться добровольному вступлению в кооперативы (их на первых порах было три вида: коммуна, артель, товарищество). Кулаков — настоящих и вымышленных — били словом и делом. Сколько было выселено, сколько погибло в тюрьмах и лагерях... Берия, как председатель ГПУ и партийный руководитель, вскоре возглавил деревенский погром в Закавказье. Большой мастер по части демагогии и кровопускания, он внес в кампанию кооперирования сельского хозяйства и раскулачивания нечто свое, личное: цинизм, легкость решений, беспощадную жестокость.

Не прошло и двух лет, как добровольное кооперирование обернулось повальным вступлением в колхозы. Страх перед расплатой гнал крестьян в колхозы целыми районами. А вот и результат в цифрах:

	На 1 октября 1927 г.	На 1 октября 1928 г.
Всего колхозов в ЗСФСР	136	650
Всего членов колхозов	3928	12375

Что же стоит за этими цифрами? Среднее число крестьян на один колхоз — 29 в 1927 году и 19,6 — в следующем. Колхозов численностью свыше 40 человек оказалось в Грузии и Армении около 5%, в Азербайджане — всего 2,2%. В половине всех колхозов федерации насчитывалось до 15 работников; одной четверти — до 10 крестьян. Тракторов в 1928 году на все Закавказье было 139, из них 81 — заграничных марок.

Карликовые хозяйства, отсутствие техники и всего необходимого, дутые показатели. Словом, показуха. Та самая показуха, которой суждено пережить и Сталина, и Берия. Меж тем антинародная аграрная политика партийной верхушки осуществляется под знаком верности «ленинской линии» и борьбы с так называемым правым уклоном.

Кульминация охоты на лидеров «правой оппозиции» в Москве и на «кулаков» в деревне падает на 1929 год. Всесоюзной травле подвергаются все сколько-нибудь зажиточные, самые трудолюбивые и предприимчивые крестьяне. Уничтожению подлежали и священники с

детьми. «Сыновья кулаков — в рядах компартии!», «Дочь попа проникла в колхоз!» — сообщают бдительные докладчики. «Заря Востока», не видя ничего в том смешного, утверждает, что колхоз развалился при активном участии поповой дочки...[26]

В газетах появилась постоянная рубрика — сводка с фронта коллективизации и борьбы с кулачеством. На войне как на войне.

Сталинская антинародная директива под дружное поддакивание Политбюро превратилась в директиву партийную. Выступить с критикой — значит скатиться в стан оппозиционеров. Кто осмелится?

Первым осмелился Мамия Орахелашвили. «Иосиф Виссарионович, вы-то как раз лучше других знаете условия Грузии, — писал в своей докладной первый секретарь Заккрайкома. — Какая у нас может быть сплошная коллективизация?» Орахелашвили напомнил генсеку, что средняя крестьянская семья владеет маленьким клочком земли, отвоеванным у каменистого горного склона. Трактор там не пустишь, общественное поле из клочков не соберешь, государственным планированием крестьян не объединишь... Автор докладной предупреждал о возможном вреде другой директивы — всемерно развивать цитрусовые культуры за счет сокращения кукурузных полей. Он был прав и в этом: вскоре Грузия познала настоящий голод[27].

Результаты зубодробительной пропаганды и драконовых мер сказались уже к весне 1929 года. В Азербайджане, самой отсталой республике Закавказья, число колхозов к апрелю достигло 400, в Армении — 180, в Грузии — вдвое меньше. Позвоночники грузинских крестьян оказались менее гибкими... А в целом, по сводкам ЦСУ 1929 года, Закавказье попало в число отстающих и удостоилось по этому поводу специального постановления ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 года.

Генеральная линия вошла в новый зигзаг. В ноябре собрался пленум ЦК, посвященный проблемам коллективизации. В начале декабря создана Специальная комиссия Политбюро по колхозному строительству под председательством Я.А. Яковлева (Яков Аркадьевич Эпштейн).

Иным районам было предписано коллективизироваться сплошь. Что касается Закавказья, то его намечено подвергнуть экзекуции к осени 1933-го. Показатели охвата в среднем по трем республикам должны были достигнуть 80%, при этом некоторые районы обязали вступить в колхозы поголовно[28].

Надо сказать, что Яковлев, заведующий отделом сельского хозяйства ЦК, потом нарком земледелия, снабжал генсека проектами многих партийных решений. Плодовитый публицист, он написал множество статей, брошюр, книг по вопросам социалистической экономики. Текст знамени-

того постановления ЦК «О темпах коллективизации и помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года Яковлев представил генсеку за две недели до публикации (22 декабря 1929).

Подкомиссия по темпам коллективизации, руководимая Г.Н. Каминским, разработала сроки для всех областей страны на ближайшие пять лет. По этому плану многие области и края подлежали коллективизации к осени 1930 года (Крым и Нижняя Волга) и к весне 1931-го (Средняя Волга, Татарская АССР, Северный Кавказ, равнинная часть Дагестана).

— По-большевистски возглавить новый колхозный прилив!

— Дадим 50% коллективизированных хозяйств в хлопковых районах и 25% по ЗСФСР!

Это лозунги, теория, так сказать. А на практике: «Колхоз-центр» спустил в районы контрольные цифры — с точностью до 0,1%. Директивы по Грузии — 30% обобществленных хозяйств. Республика дала 31%.

У товарища Берия перевыполнение всегда в меру. Впрочем, в таком тонком деле без упущений не бывает. Недавно все тот же «Колхоз-центр» дал указание о возврате всем покидающим колхозы обобществленного имущества, движимого и недвижимого. В постановлении ЦК КП Грузии эта мера квалифицирована как правооппортунистическая ошибка[29].

Вновь нарастают темпы коллективизации: к 29 мая 1931 года в Грузии вовлечено 36,6% хозяйств. А к началу 1931 года по ЗСФСР удалось объединить 200 000 хозяйств[30].

Особенно усердствовал Берия, он спешил порадовать Политбюро победными сводками. И если бы ради этого потребовалось надеть на каждого несмышленого грузина цепи, он не пожалел бы и цепей.

Но крестьяне не торопились в колхозы, многие сопротивлялись насилию. Пресловутая политика раскулачивания, сопровождаемая оглушающей стар и млад агитацией, способствовала созданию атмосферы гнетущего страха. В ход пошли лодыри и доносчики. Селом стали править зависть, злоба и властолюбие. В короткое время грабеж, закамуфлированный под социалистическую экспроприацию, подорвал сельское хозяйство до основания.

Решительно воспротивился бериевской политике Амаяк Назаретян, второй секретарь Заккрайкома. Вслед за Орахелашвили он написал в Москву, отстаивая свое особое мнение. Сплошная коллективизация — кампания для Закавказья нереальная, даже вредная. Все средние и зажиточные крестьяне, предупреждал Назаретян, уйдут за кордон, прихватив свой скот и инвентарь. Так и случилось. Из Азербайджана и

Армении нелегально эмигрировали в Иран десятки тысяч семей. Ушли бы и грузины, но турецкая земля их не манила.

И все же эти соображения не остановили погонщиков.

«Выше победное знамя коллективизации!» — вещает «Заря Востока» 10 июня. А следом — постановление ЦК о повторении прошлогодних ошибок о погоне за цифрами и нарушении принципа добровольности. Это уже не колебания генеральной линии, а скачки с препятствиями. Причем партийные Диктаторы создавали препятствия не только крестьянам, но и самим себе. Руководили они сельскохозяйственным производством в стиле, который иначе, как истеричным, не назовешь.

«Борьба за хлопок — классовая борьба!», «Все на борьбу за чай!», «Усилить борьбу за сдельщину и правильную организацию труда в колхозах!», «Взять под особый контроль разрешение животноводческой проблемы!», «В большевистский бой за кормовую базу!», «Драться за улучшение снабжения!», «За развертывание колхозной торговли!», «По-большевистски драться за бюджетную и кредитную дисциплину!», «Покончить с оппортунистической медлительностью на севе!», «На штурм прорывов посевной!»[31].

Самозваным партийным Вождям не дано было работать как всем нормальным людям, они боролись, бились, дрались за... за... И штурмовали, штурмовали, мешая работать крестьянам. Эта пустая, крикливая борьба сопровождалась погромом, учиненным в деревне во имя чуждых деревне идей.

Отдадим должное Лаврентию Павловичу. Увлеченный истребительной войной против крестьян, он не забывал чутким ухом улавливать перемены на кремлевском холме. И тотчас выступал с новыми директивными призывами. Его доклад, прочитанный 3 января 1932 года на совещании республиканского партийного актива, начался обычным славословием Вождя, под руководством которого вся страна, а с нею и Грузия добились невиданных успехов. Но спокойной жизни не будет, заявил докладчик. Нам мешают «махровые оппортунисты, гнилые либералы, агентура классового врага, пытающаяся усыпить и ослабить нашу классовую бдительность».

Первый секретарь КП Грузии признал ошибки в проведении коллективизации — администрирование, погоню за «дутыми цифрами», принятие нереальных планов. «Вся сумма ошибок, допущенных старым руководством, еще больше усугубила положение в деревне, так как ошибки 1930 года не были исправлены до конца. ...Эти грубейшие ошибки привели к оживлению влияния кулака и меньшевиков, троцкистов в ряде районов.

Выше классовую бдительность!»

Один из разделов доклада Берия на VIII съезде КП Грузии озаглавлен так: «Развернуть политическую работу по исправлению ошибок старого руководства ЦК». Мало казнить смещенных партфункционеров (оставшихся он достреляет в тридцать седьмом), ему надо вымарать их имена в грязи. Оказывается, старые руководители воспитывали колхозные массы на обмане, на очковтирательстве: проведенная в Зестафонском районе проверка данных выявила картину полного благополучия. Крестьянин Голадзе заметил по этому поводу: «Когда партийный секретарь сообщил о высоком проценте выполнения плана, я удивился и подумал, что, очевидно, у коммунистов своя система подсчета процентов...»[32]

Александр Папава

В начале 1931 года Александра Ивановича Папава перевели на работу в аппарат ЦК КП Грузии. Он преподавал политэкономию в Лесном институте, карьера партийного функционера его не привлекала. К тому же он слишком хорошо знал Лаврентия Берия, поставленного во главе ЦК. Назначение — именно назначение, ибо выборы секретарей давно стали функцией, — Берия на пост первого секретаря ЦК партии Грузии и второго секретаря Заккрайкома состоялось 31 октября. Генсек не впервые ставил во главе партийных Органов профессиональных полицейских. Багиров в Баку, Евдокимов в Ростове — сталинские агенты.

...Такого история компартии Советского Союза не знала, такого не случится и впредь. Секретарь ЦК провел свой первый день в полупустом здании: ни один заведующий отделом в знак протеста не вышел на работу. Тогда-то Мамия Орахелашвили, первый секретарь Заккрайкома, вызвал к себе Папава вместе с группой молодых коммунистов. Александр Папава знал Орахелашвили еще по семнадцатому году, встречались в Кутаиси. Был знаком с Марией Платоновной, его женой. Орахелашвили предложил товарищам тотчас приступить к работе: «Вы должны подавить неприязнь к Лаврентию Павловичу. Если доверяете мне, вы обязаны найти с ним общий язык. Его рекомендовал товарищ Сталин». Папава возглавил отдел культуры и пропаганды. Занятия начинались в 11 часов. Завтракали в буфете, о котором у Александра Ивановича сохранились самые теплые гастрономические воспоминания. Проработав три-четыре часа, уходили на отдых — до вечера. В семь часов начиналось сидение — в ожидании вызова Берия — до полуночи. Словом, в грузинском ЦК завели московский распорядок дня.

Отношения с Лаврентием Павловичем сразу же установились доброжелательные. По крайней мере — в видимом спектре. Это был незау-

рядный актер. Он говорил Александру Папава, что все прежнее давно забыто и не надо придавать значения тому, что произошло в ноябре тридцать первого года...

Вскоре Берия представился случай доказать свое душевное расположение к заведующему отделом. В 1933 году опасно заболела младшая дочь Папава. Встревоженный отец решил немедленно выехать с ней в Бакуриани. Что тут поднялось! Лаврентий Павлович вскочил с кресла, лицо приняло выражение предельного участия, посыпались торопливые междометия и вздохи, пальцы забегали по столу, остановились у телефона. Первый секретарь вызвал председателя врачебной комиссии доктора Фрагуляна:

— Срочно созови всех детских врачей, приготовь машину, нет, лучше две! Поедешь вместе с товарищем Папава в Бакуриани.

— Зачем же так? — заметил Папава. — Дайте мне одного врача и одну машину. Если можно...

Но этого Берия показалось мало. Он вручил Папава записку в финансовый отдел, где тому выдали три тысячи рублей — шестимесячный оклад.

...Ребенка удалось спасти. После возвращения Папава Берия встретил его необыкновенно тепло, протянул широким жестом руку.

— Давай теперь дружить!.. — предложил грузинский Вождь.

Внешне все выглядело вполне пристойно. Не было случая, чтобы секретарь не поддержал предложения Папава. Но со временем отношения стали портиться. Главный партийный бонза не мог или не хотел скрывать замашек заплечных дел мастера. Однажды на заседании бюро ЦК — это было в первый год секретарства — Берия набросился с грубой бранью на сотрудника.

— Ты знаешь, что за это полагается?!

— Но я ни в чем не виноват...

— Это выяснится на допросе, — угрожающе закончил первый секретарь.

Член бюро Мария Орахелашвили не выдержала:

— Послушайте, Берия, здесь вам не ЧК, а ЦК[33].

Но ни ей, всеми уважаемой Марии Платоновне, редкой красоты женщине, ни кому другому не дано смутить наместника Сталина. Он третировал всех партийцев — молодых и старых. С особым удовольствием — заслуженных. Сколько раз оскорблял на заседаниях бюро наркомов, членов Верховного Суда. Он помыкал даже таким верным псом, как Владимир Деканозов. В декабре 1932 года был образован отдел транспорта ЦК во главе с Александром Папава. Ему было поручено составление плана издания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина. На заседании бюро Папава докладывает о плане. Перечисляет труды Маркса, называет «Святое семейство».

— Какой там еще «святой» рядом с Марксом? — подает реплику Деканозов.

— Молчи, дурак, — оборвал его Берия[34].

Через год-другой начнут арестовывать ответственных работников, рискнувших жениться на привлекательных девушках. Лаврентий Павлович выпускал мужей из заключения, лишь добившись от их жен желаемого. Берия снимал и снимал с постов старых работников и возводил в новый ранг испытанных подручных своей охранной службы. Он метил выше, он готовился к прыжку.

К августу 1932 года в ЦК сложилась влиятельная группа противников бериевского произвола. К тому времени даже Мамия Орахелашвили, первый секретарь Заккрайкома, понял, какую горькую ошибку совершил.

Папа Малый

Однако оппозиция не могла остановить неуклонного подъема Берия по лестнице власти. Пост первого секретаря ЦК компартии Грузии вознес его над всеми и сделал эту темную личность неприкосновенной. В глазах обывателей — обычных и партийных — Лаврентий Павлович олицетворял верховную власть в Грузии. Он был причислен к рангу вождей очень рано — в тридцать два года, и в этом смысле его карьера уникальна.

В то время входило в моду возвеличивание вождей местного значения — первых партийных секретарей области, края, республики. В Закавказье этот культ возродил традиции средневекового Востока. В 1936 году с невиданной помпезностью отметили пятнадцатилетие Советской Грузии. Берия к тому времени уже твердо стоял мраморными ногами на гранитном пьедестале, омываемом бурными потоками славословия.

В эти дни газеты публикуют во множестве портреты Лаврентия Павловича — фото и рисованные. Они появлялись и раньше, рядом с портретами Сталина и даже Ленина, но начиная с тридцать пятого года его характерная физиономия украшает все значительные газетные материалы.

После юбилейного трезвона наступило некоторое затишье. То ли Хозяин выразил неудовлетворение чрезмерным раболепством большевиков Закавказья, то ли Берия сам уловил необходимость паузы, но март, апрель, май прошли без бурных излияний народной любви.

С июня кампания возобновилась. Рабочие нефтяного промысла, которому только что ЦИК СССР присвоил имя Берия, воспевают его искусство большевистского руководства. Они связывают все успехи нефтяной промышленности с его неустанными заботами[35].

Нет, поток славословия не оскудел, только вот эпитетов стало не хватать. В сентябре 1935-го изловчились бакинцы, всех обошли. Сталин для них — «гордость международного пролетариата, великий Вождь великого класса...». Партийный актив заверяет Малого Папу: «Сделаем все, товарищ Лаврентий, проведем твои боевые, конкретные указания». Но тифлисские активисты никак не желают уступать лидерства. Они обещают одержать невиданные победы «под руководством любимого стахановца Закавказья товарища Берия»[36].

...На приеме пионеров — строителей детской железной дороги Берия сказал, что слыхал, будто они собираются в Москву, к товарищу Кагановичу. Пионеры подтвердили: да, они едут за разрешением на постройку второй очереди дороги. Лаврентий Павлович благословил инициаторов. Такой вот мини-спектакль, разыгранный по московским образцам[37].

Нефтяники и железнодорожники, рабочие «Колхидстроя» и горняки Чиатуры торжественно рапортуют боевому руководителю, дорогому и уже — в 1935 году уже! — любимому товарищу Берия о выполнении и перевыполнении планов. Он, в свою очередь, посылает победные рапорты в Москву, как секретарь Заккрайкома и ЦК КП Грузии[38].

Он рано постиг науку раскладывания мыслей и слов по стандартным полкам. К тому времени, как Берия возглавил грузинский ЦК, тифлисские штампы докладов и статей нельзя было отличить от штампов московских: ...трудящиеся Грузии добились невиданных успехов... мы идем вперед под мудрым водительством... и никакие нытики и маловеры не собьют нас с ленинского пути... высокая идейность и большевистская принципиальность... еще более повысим революционную бдительность... сметем с лица земли... претворим в жизнь гениальные указания Вождя...

С таким набором дежурных фраз Лаврентий Берия мог легко перешагнуть Кавказский хребет и уверенно выступить на московской сцене. Его дебют состоялся в ноябре 1931 года на заседании ЦК ВКП(б). По докладам Берия и других руководителей национальных компартий Закавказья было принято специальное постановление. 16 ноября Берия выступил по этому вопросу на пленуме Тифлисского комитета. Здесь было все: показное внимание на ответственных лицах, когда люди с пустыми глазами силятся проявить деловитую заинтересованность на протяжении двух томительных часов; веселый смех и горячие аплодисменты в нужных местах; и здравицы в честь Верховного Вождя и его славного оруженосца. Отлаженный годами театральный механизм[39].

«Заря Востока» все чаще и чаще публикует статьи за подписью Лаврентия Берия. Все — на актуальные темы, все — директивные. Статья «Развернуть большевистскую подготовку к X годовщине Закавказской Федерации» напечатана 1 марта 1932 года. Берия, секретарь ЦК, уже готовился к последнему прыжку на главный пост Закавказского крайкома, ему важно было показать себя первым специалистом по национальному вопросу. «...Десять лет непримиримой борьбы на два фронта: за генеральную линию партии, за неуклонное проведение ленинской национальной политики. ...Закавказская Федерация развивалась в жесточайшей борьбе с правым оппортунизмом, главной опасностью, и с «левацкими» перегибами и примиренчеством к ним: с так называемой левой объединенной оппозицией Троцкого и Зиновьева, с контрреволюционным троцкизмом, этим передовым отрядом международной буржуазии, с меньшевиками, мусаватистами и дашнаками, вписавшими кровавые страницы в историю народов Закавказья».

Примечательная тирада. Это далеко не простое повторение сталинских инсинуаций в адрес политических конкурентов. Перед читателем — целая программа истребления всех инакомыслящих.

И тут же — призывы к борьбе за «идейную чистоту ленинских заветов» и — глубокие реверансы перед именами Мясникова, Орджоникидзе и Кирова. Первый из них уничтожен в двадцать пятом, двое погибнут через несколько лет.

В каждом выступлении партийный Вождь Грузии требует усиления классовой бдительности пролетариата: и в речи на совещании о перестройке партийно-массовой работы, и в докладе на VIII съезде КП Грузии. После каскада победных цифр перевыполнения всех производственных планов следует обязательное лобызание генсека, который «срывает маску с контрреволюционного троцкизма», затем — цитаты из речи Кагановича: «...оппортунизм пытается пролезть в наши ряды, ползая на брюхе». В мечтах своих Лаврентий Павлович давно уже в Кремле. Он будет работать рука об руку с товарищем Кагановичем, рядом с генсеком. Это время не за горами. Он давно усвоил, что им там, в Москве, нужно: «Мы проводим последнее наступление против внутреннего капитализма»[40].

К тому времени Берия стал уже признанным актером театра Иосифа Сталина. А как умело, почти профессионально, подыгрывал ему такой самодеятельный лицедей, как Джафар Багиров. Их диалог, прозвучавший на сцене Тбилисского театра в мае 1934 года в ходе пленума Закавказского крайкома, может и сегодня позабавить публику.

Берия: Нам надо готовиться не только к докладам и делать их, но и заниматься вопросами строек, хлопка...

Багиров: Правильно!

Берия: Бакинская организация будет ведущая! (Аплодисменты.)

Багиров: И надо уметь там работать! Работать!

Берия: Некоторые товарищи не любят критики, они сердятся...

Багиров: Ходят и жалуются всем, что их обидели[41].

И еще одно рассуждение на тему пресловутой бдительности, достойное средневекового иезуита: «Наша доброта есть доброта классовая, это доброта, не ведающая пощады к врагам рабочего класса»[42].

Какое отношение Сталин и Берия имели к рабочему классу? Этим вопросом в зале, где выступал Папа Малый, никто не задавался. Здесь полагалось только аплодировать, по возможности — горячо.

Тридцать пятый год был, пожалуй, самым щедрым на теоретические новации Берия. Его статья «К вопросу о Пражской конференции» сопровождается в газете большим портретом автора, отретушированным под сусальный образ Вождя второго ранга. Отметим тон рассуждений главного охранника сталинского режима в Закавказье:

«Большевики, использовав формальное объединение с меньшевиками для разгрома меньшевизма, окончательно изгнали на Пражской конференции партии ликвидаторов-меньшевиков и навсегда покончили со всякими остатками формального общения с меньшевиками»[43].

ГЛАВА 2

ЕГО КНИГА

В кампании обожествления Сталина заслуги Лаврентия Берия велики. Насколько велики — нам предстоит установить.

Кто первый сказал «а»? Пожалуй, Каганович. Еще в 1929 году сей прирожденный блюдолиз объявил генсека Вождем. С легкой руки Лазаря Москва, Ленинград, Киев, Урал, Сибирь — вся страна втянулась в позорную истерику возвеличивания ничтожества. В общем хоре недоставало лишь голоса Закавказья. Троцкий называл Сталина «серой кляксой». Заслуженные партийцы с удивлением и опаской взирали на этого выскочку, достойного в самом лучшем случае небольшой должности в аппарате Грузинского ЦК. Но в Закавказье помнили еще и мнение старой гвардии социал-демократов: Ной Жордания называл Сталина не иначе, как варваром. Признанные большевики Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили недоумевали: «Какой же это Вождь?..»

Узурпатору, засевшему в далеком Кремле, нужно было реабилитировать себя, отмыть свое темное прошлое именно в Закавказье, в родной Грузии — прежде всего. Одним из первых, кому Сталин намекнул о необходимости воссоздать историю революционного движения в Грузии, был Мамия Орахелашвили. Тот понял сразу, куда клонит генсек, и отказался от сомнительной чести стать сочинителем героических приключений грузинского Мюнхгаузена[1].

Ивана Александровича Джавахишвили изгнали из университета, который он создавал в такое трудное время — в 1916–1918 годы, убрали как носителя враждебной идеологии, как «чуждый элемент» и

«столп грузинского национализма». С такими ярлыками самое место в тюремной камере. И когда летом тридцать четвертого к нему явились трое жизнерадостных чекистов, маститый ученый взял давно заготовленный пакет с вещами и молча направился к выходу.

— Для чего вам это? — осведомился старший.

— Вы же забираете меня в тюрьму…

— Что вы, что вы, нас послал товарищ Берия. Он ждет вас для важного разговора.

Берия встретил его более чем радушно.

— Я случайно узнал, дорогой Иван Александрович, что у вас были неприятности в университете.

— Неприятности? Меня отстранили от всякой научной и педагогической деятельности. Лишили всего…

— Считайте, что это позади. Виновные понесут заслуженное наказание. Не будем вспоминать старое, надо смотреть вперед — так учит нас партия. Ваше имя, ваши труды еще послужат Советской Грузии. Что для вас необходимо сделать в первую очередь? Какие книги ваши издать, чем помочь?

И хозяин кабинета развернул перед опальным профессором радужную программу. Нет, никто не собирался предлагать автору фундаментальных трудов по истории Грузии и грузинского права сугубо партийную тему, но заручиться содействием такого авторитета следовало непременно.

И сделка состоялась. Через четыре года Джавахишвили удостоят звания академика, к концу жизни (1940) он успеет завершить публикацию своих основных трудов.

Ректором Тбилисского университета в 1934 году был Малакия Торошелидзе, философ и специалист по диалектическому материализму. За несколько лет до этого он возглавлял Госплан Закавказского крайисполкома, одновременно читал студентам лекции по диамату. ЦК поручил ему руководить изданием трудов Маркса, Энгельса, Ленина на грузинском языке.

Осенью 1934 года Берия вызвал к себе Торошелидзе и предложил ему написать книгу о первых большевистских организациях Закавказья, отразив в ней, разумеется, руководящую роль товарища Сталина. Предложение было сделано таким тоном, что оставалось лишь согласиться.

Сталин уже начал терять терпение: сколько можно тянуть с выполнением партийного задания? Но вот прибыл с докладом в Москву Лаврентий. Нашелся автор будущей книги: философ, ректор университета, знаток марксизма-ленинизма, проверенный товарищ.

С Александром Папава, проректором университета по учебной части, у Торошелидзе сложились особо доверительные отношения. С его отцом они дружили еще в дореволюционную пору, когда жили в Самтредия. В памяти младшего Папава остался эпизод, связанный с XVII партсъездом. Грузинская делегация прибыла в столицу в конце января 1934 года и заняла номера в гостинице «Новомосковская». Там же, двумя этажами ниже, жил Александр Папава, приехавший в Москву по служебным делам. 10 февраля — заключительное заседание съезда, выборы Центрального Комитета. Вечером Торошелидзе пришел в номер к товарищу мрачный, подавленный. Попросил вина. Выпили. И Торошелидзе поведал все, что удалось узнать о фальсификации выборов. Оказывается, против Сталина голосовали 292 делегата — четверть состава. Против кандидатуры Кирова подано три голоса. Подручные генсека уничтожили 289 бюллетеней, сравняли результаты.

Выслушав эту историю, Папава сказал: «Теперь Киров погиб»[2].

Что тут случилось с Торошелидзе! Он побагровел, он так кричал, что посуда на столе звенела...

К осени кощунственное предсказание Папава почти забылось. Однажды — это было в конце октября — к нему зашел сияющий Торошелидзе:

— Я только что от Сталина, он принимал меня в Гагра, на Холодной речке. Встретил как родного, крепко обнял. Когда появился Берия, Сталин попросил: «Слушай, Лаврентий, иди погуляй. Оставь нас, стариков, одних». Мы долго беседовали, потом подали обед. Сталин провел меня в застекленную галерею. Сыграли две партии в нарды и легли отдыхать на кушетках. Я незаметно для себя уснул. Просыпаюсь, хочу закурить, но в галерее тихо. Он спит... Вдруг: «Слушай, Малакия, ты проснулся? Знаешь, лежу, хочу закурить, сколько времени терпел, боялся тебя разбудить...»

Сталин подробно проинструктировал Торошелидзе: о ком писать, как писать, что выделить, что опустить. Работа над книгой уже началась. Главным помощником Торошелидзе стал Эрнест Бедия. Поскольку архивные материалы весьма скудны — никто в годы подполья не вел протоколов, журналов, картотек, — основным источником для автора послужили воспоминания участников событий. Сбор материалов Лаврентий Павлович поручил Бедия, отрядив ему в помощь несколько расторопных аспирантов, в их числе одну молодую москвичку. Находили покладистых (и нуждающихся) стариков — «свидетелей» и «участников» революционной борьбы. Бедия вручал каждому пакет с деньгами, по 200—300 рублей, с лестным присловьем: дескать, товарищ Сталин вас помнит, вот просил вам передать из своего гонорара...

Скоро нужные воспоминания заполнили все папки на столе Торошелидзе. Сталин уже тогда, в начале века, был Великим Вождем. Остальные ему только мешали, став жертвами меньшевистской идеологии. А товарищ Коба был большевиком от рождения, ленинцем стал задолго до знакомства с трудами Ленина и личной встречи с ним...

Прошло два месяца. Уже произошло убийство Кирова, Вождь по этому случаю величаво скорбел и, скорбя, открыл все шлюзы для повального террора. Но, погруженный в эти заботы, не забывал о книге. Берия торопил свою бригаду, и в начале января Торошелидзе повез рукопись в Москву — 250 страниц. Согласно указанию.

Сталин оставил текст у себя. Через несколько дней он вызвал Торошелидзе и вернул рукопись со всеми пометками. Автор показывал потом выправленные рукою Вождя страницы. Там, где упоминалось его имя, Сталин проявил личную заботу об эпитетах: «с блестящей речью», «исключительная принципиальность», «беспощадно боролся» и тому подобное. Много пометок в духе: «по инициативе товарища Сталина», «товарищ Сталин развертывает борьбу»...

В угоду генсеку автор лягнул Авеля Енукидзе, который якобы исказил исторические факты и преувеличил свою роль в революционном движении. Но Сталину этого показалось мало, и он перед словом «преувеличил» вписал: «чрезмерно»...

Беседуя с Торошелидзе, Сталин, по обыкновению, играл. На этот раз он надел маску скромного, лишенного всякой амбиции человека, объективного историка. Он просил автора более наглядно выявить руководящее участие в партийном строительстве, в борьбе с самодержавием таких большевиков, как Цулукидзе, Кецховели, Цхакая, Шаумян. О «Месаме-даси», которую автор по укоренившейся традиции уподобил банде уголовников, Сталин заметил, что нельзя оплевывать эту первую в Грузии марксистскую социал-демократическую организацию.

Беседа подошла к концу, Хозяин поднялся из-за стола и, будто только что вспомнив, спросил:

— Слушай, а как быть с авторством? Знаешь что, пусть автором будет Лаврентий Берия. Он молодой, растущий... Ты, Малакия, не обидишься?

Вождь отечески потрепал Торошелидзе по плечу. И вопрос был решен.

Но прежде книги был доклад, который Берия бодро прочитал на собрании актива тбилисской парторганизации 21 июля 1935 года. Чтение длилось пять часов. Докладчику приходилось то и дело останавливаться и вместе со всеми участвовать в неудержимых овациях. На

другой день состоялись прения и массовое поклонение идолу, а в заключение — еще одна здравица генсеку и еще одна мужская истерика.

Актив поручил тифлисскому комитету начать глубокое изучение доклада товарища Берия во всех парторганизациях, во всех кружках и учебных заведениях. И еще: организовать массовое издание текста доклада.

27 июля было опубликовано специальное постановление Тбилисского комитета, а до этого — письмо Сталину с уверениями в горячей любви к гению человечества. И — сам текст доклада Берия в двух номерах «Зари Востока», 24 и 25 июля.

То было начало. А потом... «За большевистское изучение истории парторганизаций Закавказья!»... «Учиться круглый год!»... «Заря Востока» заводит постоянную рубрику, бериевскому опусу посвящены целые страницы[3].

А вот и передовица «Правды» — «Вклад в летопись большевизма». Насквозь лживый доклад Берия назван ценнейшим вкладом в историческую науку (10 августа 1935). Вслед за этим выступили «Ленинградская правда» и другие «правды». Целый оркестр. Об инструментовке кремлевский композитор позаботился загодя.

К началу сентября доклад Берия вышел из печати отдельной брошюрой. Истинную цену этого сочинения знали почти все пожилые люди, но именно старым рабочим выпала сомнительная честь придать откровенной фальсификации видимость достоверности. Тенгиз Жгенти рассказывает читателям «Зари Востока» о событиях 1903 года, когда в кутаисской тюрьме Коба бесстрашно предъявил губернатору петицию... Он всегда первым запевал «Марсельезу», а когда его этапировали в Батуми, вся тюрьма протестовала против отправки любимого Вождя...[4]

Другой «очевидец» повествует о Баиловской тюрьме. Перед отправкой из Баку партии осужденных товарищ Коба так напутствовал их: «Берегите кандалы. Они пригодятся нам для царского правительства!»[5]

Но никто не унизил кандалами царских министров в феврале семнадцатого и членов Временного правительства в октябре. Сталин надел кандалы на честных патриотов, не желавших примириться с его произволом. Я сам видел этих каторжан в конце войны в зонах Воркутлага.

Среди множества фальшивых воспоминаний отметим еще одно — Б. Бибинейшвили. Он рассказывает о рыцарском бесстрашии и о подавляющей всех эрудиции товарища Кобы. В Баиловской тюрьме (Баку, 1908) Сталин неустанно дискутирует с эсерами и меньшевика-

ми, «то в качестве докладчика, то в роли оппонента разит политических противников своей неумолимой логикой». Коба сумел организовать там нечто вроде тюремной партийной школы...[6]

Нам доподлинно известно, что именно тогда, в тюремной камере, Сталин тесно сошелся с меньшевиком Андреем Вышинским, тем самым, который оставался на меньшевистских позициях и в семнадцатом году. Позднее, облачившись в мундир Генерального прокурора, он стал подручным генсека. Одним из самых изощренных.

Но это уже детали. Они не вписывались в бериевскую программу фальсификации истории и возведения генсека в ранг правоверного Вождя. Осуществлению этой программы мешали ранние выступления таких признанных революционеров, как Филипп Махарадзе, Авель Енукидзе, Мамия Орахелашвили. Последний опубликовал в 1926 году брошюру «Путь грузинской жиронды», где справедливо называет меньшевиков истинными демократами, а их лидера Ноя Жордания — марксистом. Автор верно осветил совместную — большевиков с меньшевиками — борьбу против царизма. И — ни одного проклятия на головы меньшевиков и эсеров. Все это никак не вязалось с писаниями Лаврентия Павловича Берия. Статья Н. Горделадзе об «ошибках» М. Орахелашвили напечатана по его указанию. Автор статьи называет Каутского вместе с Плехановым и Чхенкели представителями контрреволюционной партии меньшевиков. При этом он обвиняет Орахелашвили в игнорировании высказываний Ленина и Сталина. Касаясь работы Орахелашвили «Вопросы пролетарской революции», Горделадзе называет ее «троцкистской» и ловит автора на том, что тот умолчал о возможности победы социалистической революции в одной стране. Итак, Орахелашвили выступает против этого гениального сталинского открытия. Но он идет вразрез и с теми оценками исторических событий и деятелей, которые дал товарищ Берия.

Для шельмования Мамия Орахелашвили, а значит, и всех честных марксистов не хватило одного номера газеты. Инспирированная Берия статья заняла еще два с половиной подвала следующего[7].

В заключение Орахелашвили предлагают (кто — автор статьи, редакция или сам Лаврентий Павлович?) полностью раскаяться в попытке фальсифицировать историю.

Филипп Махарадзе, один из старейших социал-демократов, не стал ожидать окриков и уже 4 января 1936 года выступил с большой покаянной статьей («В порядке самокритики»). Перед этой очистительной операцией автор возносит молитву генсеку и местному партийному Вождю. Он воспевает великие заслуги товарища Берия, ведь он «впервые поставил изучение истории большевизма в Закавказье на настоящие больше-

вистские рельсы». Лаврентий Павлович «осветил ту исключительную роль, которую играл товарищ Сталин в закавказских организациях». Это — тоже впервые. И еще Лаврентий Берия открыл глаза ему, несмышленому Филиппу, на ошибочные взгляды, изложенные в его «Очерках революционного движения в Закавказье», — примиренческое отношение к меньшевикам и, что еще страшнее, ни разу не упомянул имя Сталина как руководителя революционного подполья.

Самобичевание — занятие не из приятных, но, раз начав, уже трудно остановиться. Махарадзе кается во всех грехах, как на исповеди. Весной 1917 года он участвовал в объединенной с меньшевиками парторганизации, позднее выступал против идеи федерации закавказских республик (1922–1924). Он готов эти естественные, вполне правомерные действия признать тяжкими проступками. Он давно и бесповоротно отошел от национал-уклонизма (массовый отстрел «уклонистов» уже начался!).

Теперь, после исторического доклада товарища Берия, все встало на свои места, и тот, кто в начале века руководил революционным Закавказьем, стал ныне величайшим Вождем мирового пролетариата.

Начав с молитвы, молитвой Махарадзе и заканчивает.

Торжественные «аллилуйя» разносятся со всех печатных амвонов. Журнал «Пролетарская революция» в статье «Крупнейший вклад в сокровищницу большевизма» перечисляет достоинства бериевской брошюры, не скупясь на самые восторженные эпитеты и восклицательные знаки. «Героическая летопись большевизма, — вещает редакция, — пополнилась крупным вкладом». Автор вскрывает и изобличает фальсификацию истории в трудах Махарадзе, Енукидзе и Орахелашвили. Но главная заслуга Берия — показ необыкновенно большой и разносторонней деятельности товарища Сталина, «который никогда не расходился с Лениным»[8].

После такого панегирика оставалось одно — причислить Лаврентия Берия к классикам марксизма-ленинизма. Почему он этого не сделал, кремлевский корифей?

Журнал вслед за Берия воспевает борьбу Ленина и Сталина против национал-уклонизма и называет противников национальной политики партии поименно: Буду Мдивани, Михаила Окуджаву, Сергея Кавтарадзе, А. Цинцадзе, Филиппа Махарадзе… А это уже превентивное оправдание террора. Ведь все они, кроме Махарадзе, погибнут от руки Берия.

И, не ведая сомнений, «Пролетарская революция» объявляет, что доклад его имеет исключительное значение для всей партии, для Коммунистического интернационала.

Тиражированию тбилисского доклада генсек придал государственный размах. Миллионы экземпляров легли на столы миллионов простаков. Можно подумать, что Сталин последовал совету Вождя немецких фашистов: «Крупные массы людей легче станут жертвами большой лжи, чем маленькой». Так полагал Гитлер. Но разве московский фюрер не мог прийти к этому выводу вполне самостоятельно?

Отныне в театре Иосифа Сталина за Лаврентием Берия закреплена роль историографа. Иногда он выходит на сцену в наряде теоретика. Публика — дура, она все слопает...

В октябре 1935 года один читатель обратился в редакцию «Зари Востока» с просьбой разъяснить то место в книжке товарища Берия, где автор повествует о Пражской конференции. Лаврентий Павлович тотчас откликнулся статьей «К вопросу о Пражской конференции». Не им, разумеется, написанной. В том театре публика и актеры свято соблюдали условия игры.

Статья Берия была опубликована в «Правде» (26 октября), затем — в «Заре Востока» (1 ноября). И повторно — в 1937 году, к 25-летию Пражской конференции[9].

Прошло совсем немного времени, и цитирование Берия стало политической модой. Эрик Бедия, этот штатный звонарь при сталинском наместнике, горячо рекомендует разъяснять и популяризировать такие классические работы Лаврентия Павловича, как:

1. Доклад «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов Грузии».
2. Статьи «Новая Конституция и Закавказская Федерация» и «Развеять в прах врагов социализма!».

Последнюю статью, зубодробительную, нацеленную на истребление всех инакомыслящих, Э. Бедия цитирует с высокооплаченной охотой[10].

Эрика Бедия, одного из составителей бериевских «трудов», тоже ждет пыточная камера — обычная плата за ценные услуги. А пока он говорит и говорит, пишет и пишет... Его программная статья «1 мая 1901 года в Тбилиси» рисует Кобу, этого двадцатидвухлетнего хулигана, признанным лидером революционного движения Закавказья. И подтверждает сей миф обильными цитатами из книги Лаврентия Берия[11].

Эта книга получила невиданно широкую рекламу — на собраниях, конференциях, съездах, в периодической печати, в учебных заведениях, музеях. Вот характерная запись в книге отзывов Авлабарской типографии-музея: «Осмотр типографии повышает интерес к книге товарища Берия... желание изучить ее еще глубже и основательней»[12].

Повсюду устраиваются соответствующие выставки. Одна из них открылась повторно в январе 1937 года в Галерее Союза художников Грузии под девизом «К истории большевистских организаций Грузии и Закавказья». Другая — в здании Института истории партии. Повсюду, на каждом шагу, на каждом метре экспозиции, — Сталин, Сталин, Сталин. И в центре внимания — книга Берия, боевого соратника Вождя[13].

Вслед за Берия все газетные рецензии ставят Сталина в центр самых значительных событий революционного движения Закавказья. А ведь каких-нибудь десять лет назад, в апреле 1924 года, та же «Заря Востока» писала совсем, совсем другое.

Участник демонстраций в 1900–1903 годах Горобченко (Степан Черногородский) вспоминает о первомайской демонстрации 1902 года в Батуми. Красное знамя нес Вано Стуруа. Волнения, охватившие весь город, продолжались несколько дней. Автор описывает столкновения с полицией, называет имена активистов. И ни слова о Сталине.

Воспоминания Г. Стуруа охватывают период с 1902 по 1917 год и содержат ценные сведения о партийной деятельности его брата Вано Стуруа, работавшего в подпольной типографии. И о некоторых социал-демократах: Филиппе Махарадзе, Буду Мдивани, Степане Шаумяне, Георгии Атарбекове, Александре Стопани...

И ни слова о Сталине.

Не найти его имени и в мемуарах У. Джаши, работавшего в трех подпольных типографиях.

Можно было ожидать признания особых заслуг Сталина по случаю 25-летия Бакинской с.-д. организации. Но нет, «Заря Востока» публикует приветствия Льва Троцкого, Григория Зиновьева, от Коминтерна, ЦК РКП(б)... И в статье Авеля Енукидзе, напечатанной в том же номере, отсутствует основатель и руководитель Сталин. Лишь однажды Енукидзе называет его имя в ряду товарищей, которых он застал в Баку осенью 1907 года[14].

Вот и все.

В 1927 году на выставке партийной печати «Голос истории» не было ни одного портрета Сталина, ни малейшего намека на участие Берия в революции[15].

...Как они выросли за эти десять лет, Папа Большой и Папа Малый. Кем стали...

В 1938 году авторов — составителей бериевской фальшивки арестовали и, обвинив в террористическом заговоре против Сталина, прилежно казнили. Никого не оставил своим вниманием Берия, даже московскую аспирантку. Она — единственная — выжила. Вернув-

шись из лагеря в Москву, пришла в КПК и написала краткую историю знаменитой книги[16].

Нельзя, однако, полностью исключить участие в ее создании Лаврентия Берия. Он не был дурачком, он точно знал, чего хотел от сочинителей своих речей, докладов, рапортов. Назвавшись автором, он взял на себя всю ответственность за эту книгу. Он и ранее, до выхода ее, пел Вождю акафисты, а тут такой повод...

Величие Сталина ошеломляет читателя. Гениальность его явно неземного происхождения. Переворачиваешь последнюю страницу, сраженный демоническим могуществом Вождя-титана, сбросившего ненавистных врагов в огнедышащую преисподнюю.

Можно было бы причислить книгу Лаврентия Берия к жанру героического эпоса, если бы не разительное сходство многих эпизодов с описанием приключений барона Мюнхгаузена.

Перед нами второе, подарочное, 1936 года, издание. Отличная бумага, самый лучший шрифт, десятки фотографий, отменные цветные репродукции новобиблейских картин.

Товарищ Сталин — руководитель рабочего кружка в Тифлисе в 1898 году.

Нелегальное собрание на Ходжеванском кладбище в Тифлисе во главе с товарищем Сталиным.

Товарищ Сталин среди своих соратников.

Демонстрация батумских рабочих под руководством товарища Сталина в 1902 году.

Товарищ Сталин беседует с политзаключенными в кутаисской тюрьме в 1903 году.

Товарищ Сталин на митинге в Чиатурах, в 1905 году, разоблачает меньшевиков.

И еще, и еще... Чуть ли не все главные события революционного движения в Закавказье начала века.

Изумленно, подобострастно, строго соблюдая дистанцию, взирают на юного, но уже такого гениального Вождя маститые революционеры. Расступаются перед ним седобородые старцы в бурках, поспешают за героем кадровые рабочие. Некадровые — тоже. Но что это? На картине К. Хуцишвили Сталин изображен в роли организатора забастовки железнодорожных рабочих в 1902 году в Тифлисе. Однако организатором этой забастовки он не мог быть хотя бы потому, что в то время находился в Батуми.

Что спрашивать с Бедия или с Берия, кого винить в тысячеголовом пропагандистском аппарате Грузии, с его институтами, кафедрами, музеями, архивами, отделами и секторами ЦК? Своей фальшивкой

они подвели даже правительственный орган — «Известия», поместившие фотографию этой маслом писанной легенды[17].

Того же достоинства все остальные иллюстрации бериевского опуса. И все сведения о подвигах усатого Антея.

Батуми, ноябрь 1901 года. Сталин переезжает сюда из Тифлиса, и сразу же, на голом месте, возникают социал-демократические кружки. В новогоднюю ночь они оформляются в партийную организацию, создан «Комитет» во главе с Дедом Морозом — Сталиным. Он организует в начале 1902 года несколько победных забастовок рабочих. Потом — демонстрации. 9 марта он вывел на улицы шесть тысяч рабочих. Демонстрацию расстреляли, сотни бунтовщиков попали в тюрьму. Похороны жертв репрессий превратились в мощную политическую манифестацию. Новые аресты, новые жертвы. Лишь зачинщик и Вождь невредим. Нелегальная типография, им якобы основанная, печатает им же составленные прокламации. Еще немного — и Батуми станет центром мирового революционного движения.

К 25-летию батумской демонстрации Берия устроил в Грузии грандиозное празднество. Музеи, учебные заведения, партийные комитеты, все предприятия и колхозы отметили этот исторический день торжественными собраниями. Газетные полосы, украшенные огромными портретами Вождя, истошно славили его Батумский Подвиг[18].

А подвига не было. В воспоминаниях участников батумских событий, написанных до эпохи сплошной фальсификации истории, имя Сталина почти не упоминается. Не было такого руководителя.

Книгу Авеля Енукидзе «Подпольные типографии на Кавказе», вышедшую в 1934 году, Берия буквально смешал с грязью. Она, оказывается, составлена «в либерально-меньшевистском духе» и полна «грубейших извращений»[19].

Воспоминания Енукидзе не лишены вовсе ошибок, но Берия не хотел ограничиваться критическими замечаниями. Ему нужно было изничтожить Енукидзе — пока только пером — и приписать его заслуги Сталину.

По настоянию пресловутого Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина Авель Енукидзе выступил публично с признанием своих ошибок[20], но стоявшему за кулисами генсеку этого покаяния показалось мало. И вот в книжке Берия что ни глава — то удар по репутации Енукидзе. Он будто бы «выдвигает свою персону на первый план», он «умаляет роль и значение товарища Кецховели»[21].

Как это все не похоже на скромного, самоотверженного Авеля Софроновича. Ну а в наказание Берия не поместил в своей книжке ни одной фотографии активного подпольщика Енукидзе.

Автор выполнял задание генсека. Берия не пожалел и Ладо Кецховели, одного из признанных лидеров грузинских социал-демократов, погибшего в тюрьме в 1903 году. Он вдруг оказался помощником Сталина. По его указанию Кецховели в январе 1900 года переезжает из Тифлиса в Баку. По его же указанию восстанавливает и укрепляет социал-демократические кружки, основывает нелегальную типографию, издает газету «Брдзола» («Борьба»), агитирует среди рабочих. И дышит по указанию товарища Сталина.

В действительности активную подпольную работу в Баку Кецховели вел вместе с Енукидзе, а Сталин в меру своих способностей мешал им.

Чтобы придать своей стряпне аромат достоверности, Берия приводит воспоминания рабочего Вано Болквадзе, который рисует Сталина «самым выдающимся» и боевитым Вождем.

В свое время Э. Бедия, составитель этого сборника сказок, вынудил старых рабочих — кого угрозами, кого посулами — дать угодные генсеку «воспоминания». Теперь в книге Берия, в первой же главе, они противопоставлены мемуарам Енукидзе и других честных революционеров.

Не Бедия с Берия изобрели этот простейший метод фальсификации истории. Но они подали заразительный пример, которому тотчас последовали мощные институты и академии. Целая армия лжеисториков, пуская нетерпеливые слюни (кормушка-то какая!), принялись перелицовывать прошлое.

Кто их остановит, сталинских портняжек?..

Последняя глава бериевской книжки посвящена борьбе с национал-уклонизмом. Если принимать указания Ленина в области национальной политики за истину в последней инстанции, то главным уклонистом являлся не кто иной, как Сталин, с его проектом автономизации, с его практикой геноцида и порабощения приграничных народов. Но именно его Берия живописует этаким стерильным ортодоксом-ленинцем, победоносно разящим внутренних врагов. Национальную политику государства он именует не иначе, как ленинско-сталинской. Позднее все авантюрные, антинародные новации будут связывать с именем одного гения — Сталина.

Так называемые грузинские национал-уклонисты в 1922 году протестовали против вредоносного проекта образования Закавказской Федерации и ходатайствовали о непосредственном вхождении Грузии в состав СССР. В книжке Берия упоминаются имена Буду Мдивани, Котэ Цинцадзе, Филиппа Махарадзе, Серго Кавтарадзе, Михаила Окуджавы, Малакии Торошелидзе, Владимира Думбадзе. Через год-

два их уничтожат, лишь двоим будет высочайше даровано право жить на освобожденной земле. А пока их разоблачают, громят, стирают в порошок — словесно.

Каких только ярлыков не навесили на противников сталинского диктата: шовинисты и меньшевиствующие оппортунисты, покровители князей, помещиков и кулаков, правые уклонисты и левые загибщики... Пока речь идет только о «грехопадении» уклонистов[22]. Шпионами, диверсантами, врагами народа их назовут потом, перед арестом и казнью. Вместе с ними погибнет Григорий Орджоникидзе, товарищ Серго, самый рьяный помощник генсека в искоренении грузинской крамолы.

Шестнадцать лет прошло со времени советизации Грузии. Сколько крови меньшевиков пролито с тех пор! Но Сталину все мало. И Берия мало. Книжка его дышит неутоленной животной ненавистью к землякам, посмевшим отказаться от уготованной им райской жизни.

Кто же они, грузинские меньшевики, в бериевской интерпретации? Изверги, самые подлые изменники и предатели... Самые гнусные отравители сознания... Организаторы звериного национал-шовинизма... Прямые агенты международного империализма... Подонки фашистско-контрреволюционной меньшевистской партии...

При желании можно было бы составить целый словарь отборной партийной брани для служебного пользования.

Кстати, о стиле. «Имея такое положение в Батуме, товарищ Сталин... в конце ноября 1901 года переезжает в Батум» (с. 24). «В годы реакции большевики Закавказья под руководством товарища Сталина отступали в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом...»[23]

Пожалуй, хватит примеров. Эта книга напоминает житие святого. Такими аляповато раскрашенными брошюрками с полуграмотным текстом торговали когда-то в православных церквах.

Первое десятилетие XX века в Закавказье отмечено бурным развитием социал-демократического движения. В рядах марксистов разброд, отступничество одних, максимализм других, горячие споры, поиски истины, ошибки, колебания... Но появляется товарищ Коба, и все становится на свои места: заседают комитеты, издается нелегальная газета, власти трепещут, а революционеры все, как один, переходят на большевистскую платформу. Коба разоблачает уклонистов, сплачивает единоверцев и побеждает, побеждает.

Где-то уже встречалось подобное. Ну да, в «Записках» Цезаря. Он беспристрастно, деловито даже, описывает стремительный ход событий, назревание катастрофы, близкую гибель, и тут появляется Он,

Юлий Цезарь. Он находит спасительный выход — никем не предвиденный, единственный, победный.

В таком духе сочинено сказание о генсеке всепокорнейшего Клима Ворошилова «Сталин и Красная Армия». Теперь вот — книжонка Берия...

Только ведь Юлий Цезарь писал свои записки сам.

Книга Берия, так же как и опус Ворошилова, стала обязательным пособием для всех, изучающих историю партии. Почти в каждом номере «Зари Востока», да и в других газетах и журналах, бериевское сочинение ставится в пример всем ученым-историкам.

На X съезде компартии Грузии начальник погранвойск Филимонов так выразил общее мнение: «Этот замечательный труд товарища Берия вызвал новый подъем интереса широких масс к изучению истории нашей партии»[24].

А Эрнест Бедия, этот присяжный фальсификатор... Почти в каждой статье поносил он то Авеля Енукидзе, то Михаила Кахиани и Мамия Орахелашвили, которые, видите ли, до сих пор не исправили своих ошибок в исторических трудах.

...Разговоры о подлинных авторах книги «К вопросу истории...» не прекращались. Когда-то Лаврентий Павлович принимал Эрика Бедия в партию, потом приблизил к своему креслу. Теперь вот пришлось бросить его в тюрьму. К сожалению... И в назидание другим. Но на свободе оставалась жена Бедия, мингрельская княжна Нина Чичуя. Она была несдержанна на язык, с независимым характером. Когда за ней пришли, Нина достала из-под подушки «браунинг» и приказала агентам:

— Руки вверх!

И засмеялась:

— Я в таких не стреляю. Видите, я уже вещи приготовила, отобрала несколько пар туфель...

В камеру после допросов ее привозили истерзанную, в крови. Допрашивал Берия лично. Начинал с одного и того же вопроса:

— Ну, кто написал книгу о революционном движении в Закавказье?

Узница неизменно отвечала:

— Эрик, мой муж.

И получала очередную порцию побоев.

Однажды она схватила со стола тяжелую, оправленную бронзой стеклянную чернильницу и бросила в мучителя. Берия выхватил пистолет...[25]

На улице Махарадзе под номером 11 сохранился дом, в котором Бедия жил до дня заслуженного ареста. На фасаде мемориальная доска:

ЭРНЕСТ БЕДИЯ
1899–1938

Зачем же так скромно? Ему бы памятник мраморный поставить. Его способ сочинения воспоминаний революционных рабочих, примененный в начале тридцатых годов, вошел в практику многих учреждений, издательств, редакций. И возникла миллионнотиражная псевдолитература, наглухо перекрывшая доступ к подлинной истории. Появились — в широком ассортименте — сказочные биографии, легендарные описания революции и гражданской войны. И кинофильмы, пьесы, хоралы... Тон задавал Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, московское гнездо фальсификаторов.

Мы забыли упомянуть еще об одной мемориальной доске. Она прикреплена к стене того же дома по улице Махарадзе, чуть выше первой:

Здесь жил
МАМИЯ ОРАХЕЛАШВИЛИ
1881–1937

Все, что было в его силах, сделал Бедия для уничтожения Орахелашвили. Потом занял его квартиру. И вот они рядом — палач и жертва...

Гибель Малакия Торошелидзе и его бригады сочинителей повлекла за собой другие репрессии. Одним из информированных, слишком информированных, товарищей Торошелидзе был Александр Папава. В 1936 году он уже возглавлял Кутаисский педагогический институт. 10 октября его вызвали телеграммой в ЦК. Новый заведующий отделом культуры и пропаганды посмотрел на прибывшего ректора: «Ты нужен не мне... Тебя вызвали вон туда, в НКВД».

Начальник секретно-политического отдела (СПО) Сулханишвили, ровесник и друг Папава, был, как всегда, приветлив. «Ну, Саша, заходи. Садись. Нам нужна твоя помощь. Я говорю от имени Лаврентия Павловича. Тебе известно о том, что троцкисты натворили. Помоги партии разоблачить эту банду террористов и убийц. Ты всех старых оппозиционеров знал...»

И Сулханишвили перечислил десять — пятнадцать имен известных партийцев, которые с самого начала не признали в Сталине Вождя и уж никак не хотели примириться с бериевским диктатом в Грузии. Но Александр Папава не готовил себя на роль провокатора. Он не мог, не хотел содействовать гибели товарищей... Однако «приятель»

не унимался: «Все они скоро будут арестованы, мы располагаем неопровержимыми фактами. Ты ведь и Торошелидзе хорошо знал, и Мдивани... Саша, ты всегда вел генеральную линию партии, а они были против. Они могли проговориться. Вспомни что-нибудь...»

Папава молчал. Он молчал и прикидывал — сколько ему дадут: 10 лет, 8 или 5? Нет, убивать его Лаврентий Павлович не будет. За что его казнить?

— А заодно, — в голосе начальника СПО звучали уже карательные нотки, — вспомни о том, как ты боролся против товарища Берия. Вы хотели его просто сместить или готовы были пойти дальше?..

— Ничего не знаю. А за отказ работать под началом Берия я уже получил партвзыскание. Сам Лаврентий Павлович мне простил старое.

— Ладно, не будем пока расписываться. Ты попробуй вспомнить все, что нужно. И напиши. Подумай хорошенько и напиши. Приходи завтра.

На другой день Папава принес письменные показания. Он признался в том, что действительно хотел смещения Берия.

Сулханишвили взъярился: «Ты напиши о своей вражеской подрывной деятельности!» Он достал из ящика стола папку. «Вот оно, твое дело, ты, оказывается, был скрытым троцкистом. У нас имеются все необходимые доказательства».

Начальник СПО вышел из кабинета и через несколько минут вернулся с ордером на арест. Это произошло 10 октября 1936 года.

С Александром Папава Берия поступил на удивление милостиво. Да что там, с ним он обошелся просто бережно. Его совсем мало допрашивали, не пытали, постановление ОСО он получил через 40 дней (23 декабря 1936 года), срок минимальный — 5 лет, по статье достаточно ходовой — КРТД. В своем милосердии Лаврентий Павлович зашел так далеко, что позволил Папава дожить до конца срока. И — до конца второго, лагерного.

Пусть после этого толкуют о жестокости товарища Лаврентия.

ГЛАВА 3

ДЖАФАР БАГИРОВ

Фантастический успех книжонки Берия заставил его бакинского двойника еще крепче задуматься о путях, ведущих в кремлевские чертоги. В самом деле, величальными воплями на митингах, собраниях и съездах, на страницах газет нынче никого не удивишь. Не то — книга о Вожде. Где ж ее еще писать, если не в Баку.

Здесь товарищ Сталин жил и работал в начале века. 21 декабря 1939 года, в день 60-летия Вождя, Багиров выступил с докладом «Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана». В Москве к этой затее отнеслись благосклонно, показав тем самым, что для сталинского ЦК пределов лакейской лести не существует. Как водится, подлинные сочинители этого опуса остались в тени. Доклад сразу же обернулся книгой, и вот уже она полетела, размножаясь многотысячными стаями, над страной.

Сами того не замечая, мы заговорили эпическом языком. Но ведь патетика багировского опуса стоит того.

Гениальный стратег пролетарской революции.

Вдохновитель и организатор побед социализма.

Величайший гений человечества...

Затем следуют цитаты из Маркса, Ленина, Сталина. Автор так живописует руководящую деятельность товарища Кобы, что рядом с этим двенадцать подвигов Геракла кажутся детской забавой. Если верить Багирову — а он следовал за испытанным руководителем большевиков Закавказья товарищем Берия, — то Сталин был универсальным титаном Революции. Изливаясь на иссохшую землю благодатным дождем указа-

ний, он успевал в годы подполья создавать повсюду рабочие и партийные газеты. И — руководить ими.

Октябрьская революция, гражданская война... — лубочные картинки сказочных деяний Иосифа-Победителя.

Сталинские идеи, сталинские заботы, золотая книга Сталинской Конституции, сталинские пятилетки... Само время приобрело иную окраску, иные свойства. Ныне оно именуется сталинской эпохой. К концу этой замешенной на густой патоке книги имя Сталина начинает вязнуть на зубах.

Но нельзя же в самом деле приписывать все победы одному человеку! Это понимал даже Багиров. Однако, упоминая имена признанных вождей революционного Закавказья — Ладо Кецховели, Богдана Кнунянца, Степана Шаумяна, Алешу Джапаридзе, он называет их учениками, питомцами товарища Сталина. Так, Шаумян, которому Ленин отдает явное предпочтение, попадает в разряд воспитанников Кобы и покорно следует указаниям бутафорского Вождя.

И гремит книжный гром над головами национал-уклонистов, сомкнувшихся с троцкистско-бухаринскими бандитами, агентами иностранных разведок, всей этой «вражеской своры». Они создали «нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого» — по определению Сталина. Вот с этим фронтом и борется, не щадя чужих голов, генсек-громовержец. Прочь сомнения. Ведь речь идет о «беспринципной клике политических мошенников», о «банде террористов и шпионов»...

Книжонка Багирова предстала теперь как акация многоцелевого назначения. Она служила партийно-государственному делу обожествления генсека и фальсификации истории. И выполняла актуальную задачу оправдания массового террора.

Роль Лазаря Кагановича, первым назвавшего генсека Вождем, и Льва Мехлиса, верного сталинского трубадура, и Клима Ворошилова, и Лаврентия Берия в позорной истории обожествления Сталина достаточно известна. Багиров присоединился к преступной шайке звонарей.

Не пришла ли пора исправить упущение Органов юстиции и привлечь их, Берия и Багирова, к суду истории. А заодно — Кагановича, Ворошилова, Мехлиса, Ярославского. Не кто иной, как Клим Ворошилов, выступил запевалой маленького поначалу хора с панегириком под названием «Сталин и Красная Армия» — к пятидесятилетию генсека. Редактор «Правды» Лев Мехлис раздул его лик до масштабов Вождя мирового пролетариата. Емельян Ярославский, став придворным фальсификатором, вывернул нашу историю наизнанку — в уго-

ду начинающему тирану. Вместе они, две тройки цугом, вознесли горийского хулигана на кремлевский Олимп.

Вместе им и отвечать.

Начнем с того, что он присвоил имя своего брата. Подлинное имя Вождя Азербайджана нам неизвестно, в историю он вошел как Мир Джафар Аббасович Багиров. Его родина — уездный город Куба, там он учился, подрос и поступил на службу в земскую полицию.

Государственным обвинителем на процессе выступал Генеральный прокурор Руденко. В ходе судебного следствия вскрылись такие подробности, которые могли бы стать грандиозной сенсацией в любой стране. В любой — только не здесь.

Прокурор: Расскажите, когда и где вас приняли в партию.

Багиров: В 1918 году, в Астрахани.

Прокурор: Уточните, пожалуйста.

Багиров: Меня оформили членом партии в политотделе проходящей воинской части...

Прокурор: Следствие располагает данными, изобличающими вас как самозванца. Партдокументы вами сфабрикованы.

Багиров: Это ложь! Спросите Шатуновскую, она подтвердит мои показания.

Ольга Григорьевна Шатуновская, член партии с 1916 года, недавно вернулась в Москву после семнадцати лет лагерей. Когда ей сообщили о показаниях Багирова, она возмутилась: ей ничего не известно о его вступлении в партию в годы революции.

Уже в ходе предварительного следствия удалось выявить обстоятельства смерти старшего брата Багирова. Настоящий Мир Джафар Аббасович Багиров учительствовал в далеком горном ауле, был тесно связан с большевиками, хотя и не состоял в партии. Бакинские подпольщики скрывались у него от преследования властей. Будущий секретарь ЦК примыкал в ту пору к мусаватистам и был убежденным противником ленинских идей. В апреле 1920 года в Азербайджане победила Советская власть и Багиров встал перед выбором — покинуть родину или приспособиться к новой власти. Выбор для такого человека труден вдвойне: он страдал неномерным честолюбием и ради власти над людьми был способен на многое.

Багиров отправился в горы к брату-учителю. Из бесед с ним он извлек нужные сведения о его связях с большевиками. Оказалось, в Баку никто в лицо учителя не знал, но руководители партийного подполья относились к нему с полным доверием. Багиров решил убить старшего брата, подстроив несчастный случай в горном ущелье. Так он и сделал. И присвоил документы убитого. В Баку самозванца встре-

тили радушно, определили на службу в местную ЧК, сотрудником комендатуры. Раздобыть чистые бланки партийных документов, сфабриковать партбилет на «свое» имя, со стажем с 1918 года, было делом техники.

На судебном процессе присутствовал генерал-лейтенант МВД Н.К. Богданов. Он сообщил прокурору: «Багиров признался в том, что еще до 1917 года вместе с родным братом сбежал от царских властей в иранский Азербайджан. Брат — учитель, большевик — часто спорил с Багировым, меньшевиком. Во время крупной ссоры Багиров убил брата и завладел его документами. После Февральской революции он вернулся на родину. Большое сходство с убитым братом позволило ему длительное время скрывать обман».

Некоторые детали расходятся с первой версией, но суть остается: мы имеем дело с братоубийцей.

Формально процесс в Баку считался открытым, но попасть в зал можно было только по особым пригласительным билетам. Свидетелям этого суда запомнился еще такой диалог прокурора и подсудимого.

Прокурор: Какие отношения сложились между вами и Берия?

Багиров: В 1920 году я оказал ему большую услугу, освободив из-под ареста и устроив на службу в АзЧК. Потом он постепенно догонял меня по должности, но уже в Грузии, и помог мне однажды выпутаться из тяжелой истории. Мы не раз выручали друг друга. Лаврентий Павлович не забывал меня и в Москве, когда уже поднялся на самый верх...

Прокурор: Что вам известно о преступном прошлом Берия?

Багиров: У меня были копии документов о его службе в мусаватистской разведке.

Прокурор: А у него — подлинные документы о вашей контрреволюционной деятельности?

(Багиров промолчал.)

Прокурор: Где вы хранили эти документы? Ведь Берия мог их похитить и тогда...

Багиров: У меня были и другие экземпляры, спрятанные в надежных местах.

Из текста приговора:

«Багиров — один из наиболее активных и близких сообщников изменника Родине Берия, совершил ряд тягчайших преступлений. С 1921 года Багиров был полностью осведомлен о службе Берия в мусаватистской контрразведке... помогал ему укрываться от ответственности, похищая из архивов и передавая Берия документы о его преступном прошлом, а также расправляясь с людьми, которые могли разобла-

чить Берия. В свою очередь, Берия знал о преступном прошлом Багирова, занимавшегося в годы гражданской войны бандитизмом, активно помогал Багирову скрывать его преступное прошлое и участвовал в уничтожении людей, которые могли разоблачить Багирова».

В уголовном мире это называется «держать друг друга на крючке». Но был еще один человек, который, несомненно, располагал документами, изобличавшими и Берия и Багирова как врагов Советской власти. А у них хранились сведения, компрометирующие генсека. И когда Сталин, составлявший вершину преступного треугольника, с таким последовательным старанием продвигал по службе Берия и Багирова, он учитывал не только их выдающиеся личные качества.

Припомним самые важные вехи биографии Багирова. В феврале 1934-го — кандидат в члены ЦК. В декабре 1937-го — депутат Верховного Совета СССР. В марте 1939-го — член ЦК. И ордена Ленина — один за другим, как высшее признание особых заслуг. Генсек знал: пока Багиров сидит в Баку, Азербайджан будет служить твердой опорой его, Сталина, личной власти. В борьбе с врагами товарищ Багиров не дрогнет. Особо важные поручения Хозяина он выполнял не только в Баку. В январе 38-го на I сессии Верховного Совета СССР Багиров публично обвинил Николая Крыленко в нерадивости. Дескать, нарком юстиции СССР занимается не столько своими прямыми обязанностями, сколько спортом — то альпинизмом, то шахматами. За этим явно инспирированным выступлением последовало снятие Крыленко с поста, а потом — арест и казнь.

После смерти Сталина Берия сам позаботился о карьере Багирова, обеспечив ему место в Президиуме ЦК. Этому преступному братству суждена была долгая жизнь. Но она оборвалась в том же году.

В официальных биографиях первое знакомство Багирова с Берия состоялось лишь осенью 1921 года. Биография его напоминает неровный полет дятла. В начале двадцатых он участвовал в карательных экспедициях, возглавлял чрезвычайную тройку по борьбе со взяточничеством («И пустили щуку в реку...»). Эти подвиги отмечены в феврале 1924 года орденом Красного Знамени.

В начальный период Советской власти в Закавказье Багиров явно превосходил Лаврентия Берия. В 1924 году он уже занимал посты заместителя председателя СНК Азербайджана и наркома внутренних дел.

В интервью газете «Заря Востока» Багиров сообщил любопытные факты. Не обошлось, как обычно, без вымысла, но отличить здесь ложь от правды не составляет труда.

«Бандитские шайки более трех лет мешали строительству молодой республики. Весной 1922-го вспыхнуло восстание в Гяндже, Заката-

лах, Карабахе и в других районах. К маю осталось всего 58 «шаек» (так называет Багиров поднявшихся против новой власти тружеников) общей численностью 3310 человек». Он упоминает также о сети подпольных антисоветских организаций и о бакинских монархистах. Но ЧК не дремала, к марту 1924 года в Азербайджане осталось лишь пять незначительных банд. «Перед моим отъездом в Тифлис, — сообщил Багиров, — с повинной явились последние 17 бандитов. Теперь, когда территория республики полностью очищена от банд, когда ликвидированы подпольные организации эсеров, мусаватистов, монархистов и крестьяне повсеместно и добровольно сдают нам оружие, началось успешное развитие экономики»[1].

В 1925 году заместитель председателя Совнаркома Азербайджана Багиров инспектировал Нахичеванскую АССР. Этот отдаленный район Азербайджана оказался в двадцатые годы в бедственном положении. В конце 1924 года там побывал председатель Совнаркома СССР Алексей Рыков. В связи с этим была создана Специальная комиссия, даже две: первая, техническая, приступила к обследованию 22 марта 1925 года, через неделю на место выехала правительственная комиссия в составе пяти человек. Выводы комиссии: «Край попал в руки случайных, примазавшихся к партии и Советской власти элементов из бывших крупных помещиков, ханов и беков, николаевских и мусаватистских жандармов».

Пять лет назад в Азербайджане установлена Советская власть, и вдруг оказывается, что руководители Нахичеванского края довели граждан «до нищеты», что они докопали целый край. В управлении полная неразбериха, неграмотное ведение дел. Небольшую территорию с населением 120 тысяч разбили на три уезда, 12 районов, 84 сельсовета — с единственной целью: создать удобную базу для аппарата бездельников, дармоедов, мздоимцев.

Председатель Совнаркома Нахичеванской автономной республики выезжал на охоту в сопровождении 50–60 вооруженных всадников. В дни «царской охоты» крестьянам запрещали выходить из домов, дабы не спугнуть дичь. Никто не осмеливался подойти к главе Советской власти со своими нуждами или жалобами.

Кто же оказался у власти в крае?

Махмудбеков, бывший помещик, один из организаторов армяно-мусульманской резни. Бабаев, бывший мусаватистский офицер, взяточник и расхититель государственных средств. Как оказалось, он еще в 1920 году был арестован Азербайджанской ЧК, но как-то выкрутился... Махмудов, главный соратник известного громилы и организатора армянской резни Кербалай-хана Нахичеванского. В списке,

приведенном комиссией, фигурирует еще Ширали-заде, «бывший служащий Ереванского полицейского управления, активный педераст».

Перерождение (или вырождение — на вкус читателя) партийной власти в крае зашло так далеко, что комиссия решила официально обратиться к ЦК КП Азербайджана и к крайкому ЗСФСР с просьбой немедленно распустить местную партийную организацию и привлечь руководителей к строгой ответственности. Однако бумаги бумагами, а дело делом. Выводы комиссии еще не поступили в ЦК, когда на станцию Нахичевань был подан пассажирский вагон № 12. Багиров вызвал по телефону отряд пограничников. Арестованных руководителей вывели на вокзальную площадь, где уже стояли автомобили «фиат», и отвезли в тюрьму, которая в те времена именовалась исправительным домом. Эта операция была проведена в ночь на 7 апреля. Газеты сообщили об аресте через три дня[2].

Во главе правительственной комиссии стоял Багиров. Он знал, конечно, что творится в Нахичеванской АССР, знал, кого выпускал из ЧК в 1920 году и позднее, — об этом в свое время докладывали в Москву Григорий Каминский, потом Михаил Кедров.

В комиссию Багирова входил представитель правительства ЗСФСР Епифан Кванталиани, председатель краевой ЧК. Знал ли он о том, что председатель комиссии отнюдь не «случайный элемент», что он внедрился в партию с определенной целью?

В 1927 году Багирову пришлось расстаться с должностью председателя АзГПУ, но падение оказалось легким. Прежний пост дается ему в руки вновь в сентябре 1929 года. Тогда же он входит в Высший экономический совет и в состав Распорядительного заседания СНК АзССР, а с июня 1930-го становится, вторично, членом Заккрайкома.

Все складывалось как нельзя лучше, но последовал новый удар — постановление ЦК ВКП(б) «Об Азербайджанских делах». Как оказалось, в ЦК партии республики «развелись сплетни, беспринципная групповщина, взаимное подсиживание, деморализующее ряды организации».

Багиров лишился сразу всех высоких постов — партийных и государственных. Не он один пострадал, но лишь ему удалось уже через пару лет возродиться и даже стать на несколько ступеней выше прежнего — председателем Совнаркома республики. Как это ему удалось? После крутого падения Багиров попадает в Москву. Там оканчивает полуторагодичные курсы марксизма-ленинизма и получает должность ответственного инструктора ЦК. Теперь он часто встречается с Лаврентием Берия — в Москве и Тифлисе. Карьера Багирова получает

мощный импульс. В ноябре 1932-го он вновь возглавляет правительство, потом — ЦК Азербайджана. Берия не забыл прежних заслуг верного соратника, они отмечены значком «Почетный чекист». Прошел еще год, и Багиров — третий секретарь Заккрайкома, под непосредственным началом товарища Берия. И — как знаки особого благорасположения генсека — «избрание» кандидатом в члены ЦК ВКП(б) на XVII съезде партии. И еще одна награда — второй орден Ленина. На VIII Съезде Советов Багиров вошел в состав редакционной комиссии текста Конституции. Чего же боле...

В 1936-м, после расформирования Закавказской Федерации, Багиров стал первым секретарем ЦК партии Азербайджана, то есть полновластным хозяином республики. При любом повороте судьбы он знал свое место и хорошо помнил, кому обязан возвышением.

Когда Лаврентий Павлович, его кровный друг и покровитель, стал могущественным фаворитом генсека, когда сам Багиров вошел в заветный состав главного ЦК, он познал, какая же она на вкус, верховная власть. Именно в те безоблачные дни лета тридцать седьмого в кабинет первого секретаря ЦК КП Азербайджана явился его младший брат, директор небольшого консервного завода. Он пришел просить более высокой должности. И — прибыльной. Но Вождь местного значения не хотел рисковать своим реноме кристально чистого руководителя и отказал брату в содействии.

Младший был женат на русской. Жил с ней, придерживаясь древней восточной традиции, полагавшей женщину низшим существом. У жены остался от первого брака сын, который тоже терпел унижения и побои от отчима. Бедная женщина была готова покончить с собой. Однажды она заметила, как супруг, вовсе не приверженный книгам и писанию, сидит часами в своей комнате и что-то старательно сочиняет. Со временем на столе накопилось изрядное количество бумаг, но тут хозяину пришлось срочно выехать в командировку. Убирая комнату, жена решила собрать бумаги в одну стопу, заглянула в первые страницы и ужаснулась: обиженный директор писал в ЦК партии, в Москву. Не письмо, а настоящий донос на старшего брата, где он перечислил множество фактов преступной деятельности Вождя Азербайджана. На другой день женщина пошла на прием к Багирову-старшему, захватив с собой крамольные бумаги. Она пожаловалась на супруга, жить с ним стало невмоготу... Секретарь ЦК обещал помочь ее горю и оградить от издевательств младшего брата. Прощаясь, просительница вспомнила о письме и положила его на стол.

Дома она стала ждать возвращения мужа из командировки. Ждала долго и напрасно: сановный деверь позаботился о том, чтобы ее

никто больше не беспокоил. Первое время вдова жила на сбережения, а когда они подошли к концу, решилась вновь прибегнуть к помощи родственника. Один из помощников соединил ее по телефону с секретарем ЦК. Тот был весьма приветлив, обещал устроить ее шестнадцатилетнего сына на работу. Багиров предложил прийти завтра вместе с парнем, надо посмотреть, к чему он пригоден. В назначенный час они явились в здание ЦК, мать с сыном. И тоже исчезли навсегда[3].

Это их роднило, Багирова и Берия, — абсолютное пренебрежение к человеческой жизни, постоянная готовность убивать. Подобно Берия, Багиров с профессиональной легкостью стряпал на заказ политические провокации. Как установило следствие в 1956 году, «Багиров и другие подсудимые активно участвовали в интриганской борьбе, которую Берия и его сообщники вели против Серго Орджоникидзе».

Весной 1937 года Багиров послал в Москву донос на Марию Крамаренко и ее товарищей по дореволюционной подпольной работе. Крамаренко он обвинял в том, что она якобы сколачивала против него антипартийные группы.

Мотивы этого доноса нетрудно разгадать: Мария Крамаренко работала в годы подполья вместе со Степаном Шаумяном. Он погиб двадцать лет назад, но застарелая ненависть к нему Сталина и Берия не иссякла — Багиров знал об этом. В те годы он сам был далек от большевиков. Мария Крамаренко могла бы кое-что рассказать о подлинной биографии нынешнего Вождя Азербайджана...

В том же тридцать седьмом Багиров послал донос на Ольгу Шатуновскую, давнюю сотрудницу Шаумяна. Она работала теперь в аппарате МГК. Хрущев вызвал Шатуновскую. «Поступило заявление на тебя, — сказал первый секретарь, — будто ты выступала против Мирзояна и Нариманова».

Шатуновская пояснила, что о Мирзояне имеется специальное постановление ЦК. Можно спросить у Микояна, он эту историю помнит. Старый коммунист с подпольным стажем неосмотрительно передал своему отцу несколько подрядов на строительство. Это стало предметом обсуждения в ЦК Азербайджанской партии. А Нариманова перевели в Москву.

Никита Хрущев отложил решение вопроса до выяснения всех обстоятельств и отпустил сотрудницу.

Через месяц состоялась вторая встреча Хрущева с Шатуновской. Секретарь МГК беседовал с Микояном, ознакомился с партийными документами. Он признал полную невиновность Шатуновской.

Но провокационному доносу Багирова не суждено было затеряться. В 1956 году на судебном процессе в Баку Генеральный прокурор оперировал этим документом в своей обвинительной речи[4].

* * *

Если кто из видных партийных работников Закавказья попадал в Москву, их брали там. И отправляли на родину, где их ожидали свои пыточные камеры.

Так случилось с Али Гейдаром Караевым, бывшим вторым секретарем ЦК Азербайджана. Последнее время он служил в Институте Маркса — Энгельса — Ленина. Взяли его по ордеру, подписанному лично Багировым. Он погиб. В тридцать восьмом его жену, врача Хавер Шабанову, Багиров отправил в дальние лагеря. Она уцелела — медицинских работников в местах истребления не хватало. Дочери Караева, Зефе, сообщили, что отец осужден как враг народа, осужден на 10 лет «без права переписки». Откуда девочке было знать, что скрывается за этой стандартной формулой. Зефа окончила институт и поехала с геологоразведочной партией на Колыму — искать отца...

Гамида Султанова Багиров приказал взять летом тридцать седьмого. Отважного революционера, организатора Советской власти в Азербайджане, бросили на пыточный конвейер. И он «признался» в том, что стал «на путь грязной измены нашей Родине, на путь закабаления счастливого и свободного азербайджанского народа»... Объявили старого большевика главарем антисоветской, контрреволюционной, повстанческой, шпионско-террористической, диверсионно-вредительской, буржуазно-националистической организации Шемахинского района. Эту трескучую абракадабру бакинские следователи не сами сочинили, они копировали московских и ленинградских коллег.

...В июне 1937-го председатель колхоза имени Молотова Закарен Джабраилов получил предписание Шемахинского районного отдела НКВД избрать на общем собрании «70 передовых колхозников для участия в республиканском совете стахановцев — новаторов полей и ферм». Предписание начальника райотдела Гамзата Шабанбекова (имена палачей забвению не подлежат!) было выполнено в тот же вечер. А ночью всех передовиков арестовали и увезли в Баку, в тюрьму НКВД. Караваны грузовиков с тысячами безвинных крестьян, взятых из разных районов, потянулись в столицу. Так начиналось «Шемахинское дело», сфабрикованное Багировым. Закончилось оно судом Военной коллегии — массовыми казнями в начале 1938 года. Расстреливали на острове Булла, достреливали под Красноводском. Уж не на том ли самом месте, где ровно двадцать лет назад каратели казнили героев Бакинской коммуны?..

Малая часть жертв багировского террора попала на Колыму, лишь несколько уцелевших вернулись на родину[5].

Михаил Александрович Орлицкий, социал-демократ с дореволюционной поры, отбывавший сибирскую каторгу, поселился позднее в Баку. Широко образованного марксиста поставили во главе Института истории

партии имени Степана Шаумяна. В тридцать седьмом его обвинили в подготовке вооруженного восстания и покушении на Вождя азербайджанского народа товарища Багирова. Вслед за ним, в феврале 1938-го, погиб Сурен Хуршудович Агамиров. Он выдвинулся на работе в Азербайджане, потом стал начальником Главного управления Наркомтяжпрома «Союзогнеупор» — снабжал огнеупорным кирпичом многие предприятия страны. Его схватили в Москве по наущению все того же Багирова. Вначале Агамиров на следствии, которое велось в Лефортовской тюрьме, все отрицал. Потом вдруг признался во вредительстве: он поставлял уральским домнам негодный кирпич и таким способом выводил их из строя. Для верности вредитель указал даже номера домен.

Его, естественно, расстреляли. А в 1956 году с помощью ЦК и заместителя министра черной металлургии Питерского установили, что на указанных домнах в тридцатые годы никаких аварий не случалось.

Отец Агамирова, Хуршуд Соломонович, пережил сына на десять долгих лет, но разделил его судьбу. В дни Бакинской коммуны убежденный гнчакист (член армянской социал-демократической партии) активно помогал большевикам. Его партия много сделала для победы социалистической революции. Затем инженер Агамиров-старший честно трудился на нефтепромыслах. После войны, уже в преклонном возрасте, написал ценные мемуары. Однако в большевистскую партию старый революционер так и не вступил. Вряд ли это спасло бы его от гибели: социал-демократов — старых и молодых — Джафар Багиров забирал всех до единого. В тюрьме Хуршуда Агамирова замучили на допросах и в последний раз бросили в камеру окровавленного, бездыханного.

В мае 1938 года в Москве арестовали комбрига Джамшида Нахичеванского. Аристократ из рода ханов Нахичеванских, он в 1916 году участвовал в Брусиловском прорыве. Отважный воин, Георгиевский кавалер не колеблясь перешел на сторону Советской власти. Он вернулся в Азербайджан со своим кавалерийским полком. Вызванный из родного Нагорного Карабаха в Баку, Джамшид формирует там национальные части Красной Армии. В роду Нахичеванских было пять генералов, старшие братья Джамшида, Давут и Калбалы, тоже служили в армии, а после Октябрьской революции выехали в Тегеран. У шаха Ирана они сделали блестящую карьеру, но стали жертвами ложного доноса и погибли на чужбине.

Прошли годы, Джамшид уже командовал дивизией, потом, после учебы в академии имени Фрунзе, возглавил там кафедру общей тактики.

Багиров давно с завистью следил за успехами выдающегося военачальника, сам облик которого, чистый, одухотворенный, противоречил кровавому быту правителя Азербайджана. В доносе, состряпанном на комбрига Джамшида Нахичеванского, его обвинили в контррево-

люционных связях со старшими братьями. Их давно не было в живых, не существовало и «шпионско-диверсионной организации», которую якобы возглавлял Джамшид, но Багиров дал ход провокации. Остальное довершили московские палачи.

В приговоре выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР перечислены жертвы Джафара Багирова, занимавшие в разное время ответственные посты. Их казнили в 38-м.

Секретари ЦК КПСС Азербайджана — Рухула Ахундов, Левон Мирзоян, Али Гейдар Караев,

председатель СНК ЗСФСР Газанфар Мусабеков,

зампред СНК Мирза Давуд Гусейнов,

нарком земледелия АзССР Гейдар Везиров,

председатель СНК АзССР Дадаш Ходжа оглы Буниатзаде,

член партии с 1904 года, председатель АзЦИК Султан Меджид Эфендиев,

председатель СНК АзССР Усейн Рахманов,

нарком коммунального хозяйства АзССР, член партии с 1907 года, Гамид Султанов и его жена, нарком юстиции Айна Султанова,

зампред СНК Халилов,

наркомпрос Джуварлинский,

начальник Азнефти (потом — Главнефти), член партии с 1904 года, М.В. Баринов,

начальник политотдела Каспийского пароходства Гасан Рахманов,

начальник пароходства И. Меняйлов,

председатель АзЧК Баба Алиев,

старые большевики: М. Плешаков, И. Анашкин, И. Ульянов, И. Довлатян, Л. Арустамов и многие другие.

Под корень, под самый корень, рубил Багиров ветвистое дерево партии — по велению Сталина, по примеру Берия. Всего за несколько лет, до 1939 года, он успел уничтожить 28 тысяч активных партийных и государственных деятелей. И тружеников-крестьян, и ученых, писателей, артистов, художников, учителей. Истребление интеллигенции — часть сталинской программы обновления страны и низведения человека до состояния безгласного рабочего скота.

В одном отчете значатся 32 арестованных секретаря райкомов партии, 28 представителей райисполкомов, 18 наркомов и их заместителей, 88 командиров и армейских политработников[6]. Сколько таких отчетов посылал в Москву Багиров в тридцать седьмом году? Сколько — потом?..

В тридцатые годы в Баку тоже функционировали так называемые тройки. К Конституции они не имели никакого отношения, зато действовали подобно хорошо отлаженным гильотинам. Все как у людей. Подражая Лаврентию Павловичу и старшим московским товарищам,

Багиров собственного престижа ради не жалел человеческих жизней и инкриминировал почти всем видным «врагам народа» террористические замыслы против собственной особы. И был вновь отмечен Верховным Экзекутором. В урожайном тридцать седьмом Багирова «избрали» депутатом Верховного Совета СССР, затем — в Президиум этого, с позволения сказать, Совета. На XVIII съезде партии он сидит за столом президиума партийного форума, рядом с Берия, и вслед за ним попадает в состав ЦК уже в качестве полноправного члена.

Руководящее участие Багирова в массовом терроре отмечено орденом Трудового Красного Знамени. В годы войны член Военного совета Закавказского фронта Багиров был награжден новыми орденами и медалями. К своему пятидесятилетию, в сентябре 1946-го, он получил пятый орден Ленина.

Осенью 1948-го на прогулочном дворе Кировской пересыльной тюрьмы (в бывшей Вятке) случайно встретились вдова известного азербайджанского партийного деятеля Мария Р-ва и два московских полковника. Один из них, Борисов, до войны был начальником цеха автозавода имени Сталина, другой — секретарем по идеологии Ульяновского обкома. Дали им по двадцать лет каждому. Полковники служили после войны инспекторами Министерства госконтроля и были посланы Львом Мехлисом, тогдашним министром, в Баку. Из Азербайджана непрерывно поступали жалобы на произвол властей. На месте картина преступлений оказалась столь мрачной, что старшие инспекторы вынуждены были запросить подкрепления из Москвы.

О результатах сквозной проверки республики, проводимой семьюдесятью пятью сотрудниками министерства, регулярно докладывали Багирову, и тот обещал всемерное содействие своего Центрального Комитета. Все материалы о массовой коррупции, хищениях, растратах, убийствах подлежали рассмотрению на заседании бюро Совета Министров СССР. Накануне инспекторов вызвал к себе Лаврентий Берия.

— Чем вы занимались в Баку?

— Проверкой по поручению министра Мехлиса, — ответили инспекторы.

— Негодяи! Я спрашиваю вас, чем вы там занимались?

Инспекторы повторили свой ответ. Тогда Берия достал из ящика стола пачку фотографий и показал им. На этих фотографиях были весьма искусно скомпонованы снимки инспекторов в обществе полуобнаженных женщин в номерах гостиницы и в ресторанах.

— Завтра вашего доклада на Совмине не будет, — заявил Берия.

В тот же день оба инспектора были арестованы.

В Москве, на Кропоткинской улице, Багиров держал пятикомнатную квартиру, где нередко встречался со старым приятелем Лаврентием. Хозяин славился коллекцией вин. Бутылки занимали большой

шкаф во всю стену просторной кухни, для каждой фирмы — свой ящик с особой дверцей[7].

Он знал толк в винах и женщинах, он умел вкусно жить, беспартийный Вождь Азербайджанской компартии. Дома он любил принимать специальные ванны. Нет, не хвойные и даже не радоновые — из шампанского.

Но кто позавидует образу жизни этого гурмана? Подобно Сталину и Берия, он постоянно опасался покушений и подвохов. Для поддержания здоровья Багиров выписывал московских знаменитостей, но их он тоже не жаловал своим доверием. В 1946 году в Баку приезжал профессор Готлиб. Он проводил высокому пациенту хромоцитоскопию, для чего нужно было вводить в вену специальный раствор. Багиров согласился при условии, что сначала эту инъекцию профессор сделает себе...[8]

Все это напоминает обстановку, в которой функционировал Сталин. Опасаясь отравления, он за обедом приглашал пробовать некоторые блюда то Микояна, то Хрущева. Продукты, доставляемые на кухню, подвергались лабораторному исследованию, каждый пакет был снабжен особым актом за подписью токсиколога, скрепленной печатью. Под конец жизни Вождь арестовал кремлевских врачей и не допускал к себе новых.

Может показаться, что в политическом театре Сталина роль Багирова сводилась к коротким репликам на выходах. (Вспомним пленум ЦК 1937 года.) Нет, для Хозяина Джафар Багиров был лицом особо доверенным, таким же, как Лаврентий Берия. Они вполне устраивали его, эти наместники в Тбилиси и Баку. Не случайно им было поручено опубликовать книги о легендарном основателе и вожде большевистских организаций Закавказья. Так возник феномен долголетия Берия и Багирова. Их миновала секира тридцатых годов, только их. Остальных секретарей национальных компартий генсек уничтожил. А эта пара благополучно минует и полосу послевоенного террора, когда Сталин примется за второй и третий состав местных вождей и высших чинов охраны.

Портрет Берия без Багирова был бы ущербным. Этот естественный симбиоз двух выдающихся кавказских гангстеров держался на единстве цели и полнейшем цинизме в выборе средств. И на взаимном страхе. Ведь каждый владел набором документов против другого. И они были способны, несмотря на многолетнюю дружбу, пустить улики в ход — прикажи только Хозяин. Против него Берия и Багиров тоже припасли кое-что. Отметим это обстоятельство еще раз.

В таком виде этот зримый треугольник сохранится до 1953 года. После смерти Сталина и ареста Берия у Багирова появились все основания для беспокойства. Но случилось чудо: недоумки из сталинского

окружения не видели в нем ближайшего сподвижника Берия. Мало того, ему дали слово на июльском пленуме ЦК, и он вместе с остальными голосовал за исключение Берия из партии и предание его суду. Послушаем и мы товарища Багирова.

«Берия — это хамелеон, злейший враг нашей партии, нашего народа — был настолько ловок, что я лично, зная его на протяжении тридцати с лишним лет до разоблачения Президиумом Центрального Комитета, не мог его раскусить, выявить его настоящее вражеское нутро. Не могу иначе объяснить это, как моей излишней доверчивостью и притуплением партийной, коммунистической бдительности у себя к этому двурушнику и подлецу. Это будет и для меня серьезным уроком».

Далее Багиров сообщает, что в мусаватистскую разведку Берия пошел служить вовсе не по направлению парторганизации. В противном случае об этом знал бы товарищ Микоян и в архивах Баку сохранились бы соответствующие документы.

«Теперь в отношении его попыток, стремлений всегда выскакивать вперед, показывать везде и всюду себя. Каждый раз, когда я бывал в Москве, члены Президиума знали, ибо нам вместе приходилось бывать у товарища Сталина. Я видел, следил, как другие члены Президиума, тогда члены Политбюро, у товарища Сталина вели себя скромно и как этот нахал себя вел».

Дело дошло до того, что Лаврентий Берия сам лично, без ведома и участия ЦК и Совмина, готовил Указ о новых орденах для деятелей культуры национальных республик и Союза.

Багиров: Наше мнение было такое, что по этому вопросу лучше поговорить в ЦК.

Голос: А вы позвонили товарищу Маленкову по этому вопросу?

Багиров: Я не звонил.

Голос: Плохо.

Булганин: ЦК об этом не знал.

Маленков: ЦК не знал, а он, оказывается, без ведома ЦК с республиками разговаривал. Мы впервые узнали только сейчас.

Багиров: Правильное здесь было замечание, реплика, что я не сообщил в ЦК. Здесь нечего оправдываться. Это совершенно правильно. Но факт остается фактом[9].

…Хозяин умер. А театр его живет.

Не долго отрекался от верного друга, проклинал своего шефа, разоблачал вчерашнего фаворита Вождя Мир Джафар Багиров. Вскоре

в ЦК накопилось в избытке материалов о преступных деяниях руководителей Азербайджана. Пришлось послать туда комиссию во главе с секретарем ЦК П.Н. Поспеловым. Не исключено, что кто-то напомнил о первой комиссии 1948 года, заблокированной Лаврентием Берия. На этот раз дело кончилось арестом Багирова.

Первым секретарем ЦК партии Азербайджана стал генерал-лейтенант Мир Джафар Якубов, ранее служивший в Органах государственной безопасности.

Из последнего слова подсудимого Багирова:

«Здесь мне пытаются приписать деяния, за которые несет ответственность не кто иной, как Сталин. У меня хватает своей личной вины, без него, и я не хочу оправдываться. Всем присутствующим известно, что я выполнял волю генерального секретаря и распоряжения первого секретаря Закавказского крайкома партии, так же, как и остальные секретари ЦК национальных республик. Но я знаю, что меня ждет, и не прошу у вас пощады».

Из текста приговора:

12–16 апреля в открытом судебном заседании в городе Баку при участии Генерального прокурора СССР Р. Руденко рассмотрено дело М.Д. Багирова и других...

...Багирова, Борщёва, Григоряна, Маркаряна приговорить к расстрелу. Атакишиева и Емельянова — к 25 годам заключения каждого.

Вскоре последовала газетная информация: «Приговор приведен в исполнение».

Минуло два десятилетия, и совершенно неожиданно для автора всплыло свидетельство одного отставного генерала. Он сообщил о том, что не так давно состоялись похороны «расстрелянного» в пятьдесят шестом году Джафара Багирова. Он жил все это время под чужой фамилией на Волге.

Что ж, не будем удивляться, если этому факту найдется подтверждение. В том ведомстве случалось всякое.

27 марта 1925 года на траурном заседании бакинского Совета депутатов, посвященном памяти погибших в авиакатастрофе Мясникова, Атарбекова и Могилевского, Багиров, выступая от имени Совнаркома Азербайджана, сказал: «Будем продолжать их дело не покладая рук, до полного осуществления социализма!»

Джафар Багиров — строитель социализма...

ГЛАВА 4

ФАВОРИТ
(1936–1937)

Наш век называют то веком электричества или атома, то веком химии, полимеров, то космическим веком... Но если взглянуть на наше время с другой стороны, то XX век — это век обмана, лжи и девальвации слова.

Вот и я поддался искушению, написал пространное вступление к простой и, может быть, единственно нужной фразе: «Мы живем в эпоху словоблудия».

Знакомясь с выступлениями Лаврентия Берия, будем помнить, что он был сыном своего времени. Речи его и статьи, сочиненные референтами по отстоявшимся образцам, единообразны, как серая галька на черноморском берегу. Канцелярская завершенность каждой пустозвонной фразы, предельная нудность поучений-приказов, дежурные обещания земного рая — все это плывет в неиссякаемом потоке славословия к подножию трона генсека. И злобная ругань вперемешку с угрозами — на головы выдуманных к случаю врагов народа...

Шпионаж, происки империалистических держав, вражеское окружение, угроза нападения, идеологические диверсии... — чего только не плели газеты и радио по указке Сталина. Ему нужно было, выгодно было насаждать эти мифы. Истерия непрерывной борьбы с внешними врагами служила дымовой завесой при уничтожении внутренних врагов и — для устрашения народа. Берия вступил в эту преступную игру сразу, как только начал свою красочную карьеру чекиста и партийного деятеля. Довольно скоро он освоил директивную риторику по-

бедных рапортов и грозных призывов. Расхожие банальности сменялись горячими клятвами в верности ленинским идеям и героическому советскому народу, в самоотверженной, до собачьего визга, преданности Великому Гению Человечества Иосифу Сталину.

Задачей первостепенной важности Берия считал постоянное нагнетание страха перед врагами, кампанией тотальной бдительности он руководил лично.

— Стереть с лица земли подлых шпионов!

— Хитрости шпиона.

— Шпионская агентура генерала Франко.

— О бдительности и торговых инспекторах.

— Вражеский лазутчик охотится за партбилетом.

— Враг под маской директора.

— Рука врага на художественном комбинате.

— Как шпион проникает в тайну.

— До конца выкорчевать контрреволюционное троцкистское охвостье на Закавказской железной дороге!

Газетные заголовки сеяли подозрительность, поощряли доносы, будили звериные инстинкты, сбивали с ног. Огромные, в два подвала, а то и с продолжением в следующих номерах статьи учили читателей методам распознания врага. «Заря Востока» публикует текст доклада управления НКВД по Ленинградской области комиссара государственной безопасности I ранга Л. Заковского «Приемы засылки и вербовки шпионов и диверсантов в СССР и их коварная работа»[1]. Подобные материалы печатаются почти ежедневно.

В резолюции июльского собрания партийного актива Тбилиси отражена суть рядового доклада Берия: «...беспощадно громить врагов народа, троцкистско-бухаринских, меньшевистско-националистических наемных агентов фашизма, трижды презренных врагов и предателей грузинского народа!»[2]

То был камертон, по нему настраивали инструменты террора во всех городах и селах Закавказья. Усилиями Лаврентия Берия и его подручных здесь была создана атмосфера перманентного погрома. Жизнью людей управляли страх и ненависть. Постоянный страх и нарастающая день ото дня ненависть.

Развертывая массовый террор в Закавказье, Берия пользовался испытанным пропагандистским приемом, который издавна бытует в уголовном мире: «Держи вора!» Когда в Праге начался судебный процесс над членами коммунистической фракции палаты депутатов, газеты возмущались: «Фашистов — на свободу, коммунистов — в тюрьму!» Гремят проклятия в адрес буржуазного суда в Будапеште, вновь при-

говорившего к пожизненной каторге Ракоши. Информация о процессе над румынскими коммунистами в Бухаресте озаглавлена: «Палачи в мантиях судей»[3].

Публикации такого рода аккуратно давали все газеты Закавказья. На этом страшном фоне кампания уничтожения «врагов народа» представлялась делом законным и даже высокогуманным.

Поначалу Сталин и Берия крупных партийных деятелей почти не трогали. В тридцать шестом они стали исчезать один за другим.

Буду Мдивани

Пожалуй, из всех видных партийных деятелей Закавказья никто так не досаждал Сталину, как Буду Мдивани. Споры с генсеком начались еще при жизни Ленина, несколько ранее XII съезда партии, на котором Сталин потерпел заметный моральный урон. Позднее Мдивани был отправлен им в дипломатическую «ссылку». Время окончательной расплаты подошло в 1936 году. Поручение Хозяина Берия принял с готовностью, у него были свои счеты с этим непокорным товарищем. Травля Буду Мдивани и прочих «уклонистов, продавшихся заклятым врагам Советской власти», продолжалась весь год и захватила начало следующего, тридцать седьмого.

«Заря Востока», 5 февраля 1937 г.

«Удесятерим революционную бдительность!»

«Приветствуя приговор суда над членами антисоветско-троцкистского центра, трудящиеся Закавказья требуют посадить на скамью подсудимых правых отщепенцев — подлых реставраторов капитализма — Бухарина, Рыкова, Угланова и других. Трудящиеся Закавказья шлют проклятья и ненависть презренным врагам народа — участникам антисоветского троцкистского центра в Грузии — Б. Мдивани, М. Окуджава, С. Кавтарадзе, Н. Кикнадзе, С. Чихладзе, М. Торошелидзе, П. Агниашвили и другим.

...Они готовили террористический акт против испытанного руководителя грузинского народа товарища Лаврентия Берия.

...Уничтожить эту подлую троцкистскую банду — таково требование трудящихся Грузии.

...Высокая наступательная большевистская бдительность — вот что требуется от каждого коммуниста, от каждого большевика, партийного и непартийного!»

С той же откровенной яростью проклинали Буду Мдивани на собраниях, конференциях, съездах по всему Закавказью. В этом словоизвер-

жении тонут факты «контрреволюционной деятельности» группы Мдивани, даты арестов, сведения о судебном разбирательстве и казни.

...Следствие его не сломило.

«Зачем Сталину понадобилась эта комедия? Смертный приговор мне давно вынесен, это я знаю точно, а вы здесь задаете пустые вопросы, как будто мои ответы могут что-то изменить...»

Главный лицедей пытался остановить Мдивани, но он еще не все сказал: «Меня мало расстрелять, меня четвертовать надо! Ведь это я, я привел сюда 11-ю армию, я предал свой народ и помог Сталину и Берия, этим выродкам, поработить Грузию и поставить на колени партию Ленина!»

Председатель тройки НКВД сделал знак конвоирам, преступника скрутили и увели.

Увозили на казнь шестерых смертников со связанными руками. На окраине Тбилиси водитель остановил машину, приговоренных высадили, подвели к свежевырытой яме. Возле стояли два грузовика с негашеной известью и цистерна с водой. Старший конвоир подошел к Мдивани с пистолетом в руке.

— Послушай, ты расстреляешь меня потом, последним?

— Зачем тебе это? — удивился палач.

— Я хочу подбодрить товарищей...

— Ах так!

И он выстрелил ему прямо в грудь и подошел к следующему. Когда палач кончал шестого, он услышал за спиной легкий стон, обернулся. Мдивани был еще жив! Палач подошел к распростертому на земле телу, пальцы рук шевелились. Он достал патроны, зарядил пистолет и добил жертву несколькими выстрелами. Трупы сбросили в яму, засыпали известью, залили водой.

Казнил Мдивани с товарищами тот самый охранник, что дежурил в суде. Он дослужился до полковничьих погон, вышел на пенсию. В последнее время полковник жил в Тбилиси на улице Атарбекова и однажды, в сильном подпитии, поведал старому другу о казни Буду Мдивани[4].

Берия представил к награде героев истребительной кампании — Кобулова, Гоглидзе, Рапава, погревших руки на деле Мдивани. Им выдали ордена[5]. Имя Буду Мдивани еще долго будет служит жупелом для простаков и предметом спекуляции для шайки политиканов. В тридцать седьмом «выяснилось», что Мдивани готовил террористические акты против товарищей Ежова и Берия. В тридцать восьмом ему посмертно присвоили клеймо английского шпиона.

Шалва Окуджава

В числе шести погибших был Михаил Окуджава, в 20-е годы — секретарь ЦК КП Грузии. И он, и его младший брат Шалва, второй секретарь Тифлисского горкома партии, знали Берия давно. Жена Шалвы, Ашхен Степановна, член партии с 1920 года, работала в аппарате ЦК КП Грузии. Семья Окуджава жила на одной даче с Берия в Кикетах, близ Тбилиси. Лаврентия Павловича все сторонились, некоторые — ненавидели: он был чужим в среде грузинских коммунистов. Его постоянные интриги, провокации против руководителей республики лишь усиливали неприязнь. В бытность председателем ГПУ Грузии Лаврентий Берия входил в состав бюро ЦК. На одном заседании он резко, грубо выступил против первого секретаря ЦК Ясона Мамулия. Никаких фактов, мотивированных обвинений — откровенная злоба, едва прикрытая трескучей демагогией. Берия строил свои козни за спиной партийного секретаря, и все понимали, что он метит на его место, а то и выше. Берия рвался к власти и подыскивал союзников, вернее — подручных. Как-то, проезжая по городу, он заметил Шалико Окуджава и пригласил в машину.

— Я имею разговор к тебе. Давай будем работать вместе.

— Мы и так работаем в одной партийной организации, — ответил Окуджава холодно.

Отказ Шалико огорчил Берия, но не обескуражил. Вооруженный сталинским примером, он начал строить опорные редуты внутри партаппарата. Вскоре Берия удалось завербовать в свой стан заведующего оргинструкторским отделом ЦК Г.А. Арутинова. Ашхен Окуджава ведала в этом отделе сектором промышленных районов и часто выезжала в командировки. После поездки в Кутаиси Арутинов учинил ей настоящий допрос: «С кем встречались? О чем говорили?..»

Он обвинил ее в «антипартийной фракционной деятельности», якобы она интриговала против товарища Берия. Опровергать эти измышления не было смысла.

Позднее, став признанным фаворитом генсека, Берия выдвинет Арутинова на пост первого секретаря ЦК компартии Армении.

Когда обстановка в столице Грузии стала вовсе невыносимой, Шалико Окуджава решил переехать в Россию, но Берия оставил его в Тбилиси, назначив заместителем наркома земледелия. Тогда Окуджава попросился в отпуск, на лечение в Кисловодск, а сам поехал в Москву.

— Я с Берия работать не могу, — заявил он в ЦК, — пошлите меня куда угодно, хоть на дальний Север, на стройку.

— Что случилось, в чем дело? — удивились в Секретариате ЦК. — Лаврентий Павлович — всеми уважаемый руководитель большевиков Закавказья, ему полностью доверяет Политбюро, а вы...

Но Окуджава стоял на своем. И получил направление в Нижний Тагил парторгом ЦК на «Уралвагонстрой». Однако оставить без последствий анархический поступок заслуженного коммуниста в ЦК не могли, и Оргбюро вынесло ему выговор за самовольный отъезд из Грузии[6]. Жена осталась пока в Тбилиси, Берия не хотел ее отпускать, но она все же выехала в Москву и устроилась на работу в горкоме партии инструктором. От Шалико приходили полные юмора письма. Там, на стройке, Окуджава с товарищами жил по-походному: «Мы сидим в бараке и смотрим на луну...» Через некоторое время Ашхен с детьми переехала к нему.

В начале февраля 1937 года Шалву Степановича вызвали в Свердловский горком партии. Жена решила сопровождать его. Окуджава, будто предчувствуя беду, не спешил на вызов. Его пригласили в обком на следующий день к 7 часам вечера. Он пошел один и не вернулся.

На второй день после ареста Шалвы Окуджава к Ашхен Степановне явились агенты НКВД, они принесли ее партбилет, который остался в нагрудном кармане френча мужа. В Уральском обкоме работал Ерванд Асрибеков, бывший секретарь Авлабарского райкома, потом — Тбилисского горкома партии. Он тоже покинул Грузию, не выдержав бериевской опеки. У него было достаточно оснований опасаться мести Малого Папы, поэтому он и не принял бедную женщину. Никто ее не принял. Она вернулась в Нижний Тагил, где оставались с матерью ее сыновья — тринадцатилетний Булат, будущий поэт, и трехлетний Виктор. На пленуме горкома жену «врага народа» исключили из партии. Она решила вернуться в Москву и обратилась за советом к начальнику местного УНКВД Плахову. Он был другом Шалико и сказал резонно: «Поезжай. Если понадобится, тебя найдут везде». Ашхен Степановна упаковала в ящики единственные ценности — книги, собрала постельные принадлежности и выехала с семьей в Москву. На февральском пленуме ЦК имя Шалвы Окуджава, как водится, упомянет Молотов, но пока еще об аресте мало кто знал. Ашхен Степановне удалось прописаться. А работа... Надо заполнять анкету: состояла ли ранее в партии? за что исключили?.. С большим трудом удалось устроиться кассиром в ателье. Не выдержав трудностей, она решила вернуться в Грузию. Поселилась в Воронцовке у старшей сестры, сельской учительницы. Младшего сына, тяжело больного, приютила другая сестра, проживавшая в Ереване.

Постоянный страх за детей, за сестер, за себя, наконец, заставил жену (или вдову уже?) Шалико Окуджава искать защиты у Берия. Он принял ее в июле тридцать седьмого в своем кабинете в здании ЦК. «Успокойся, поезжай к детям. Ничего плохого им не сделают». Действительно, никого не тронули, и сестру перестали преследовать.

Прошло некоторое время, семья погибшего Шалвы Окуджава вернулась в Тбилиси. Жили скудно, замкнуто, но жили. Толкуйте после этого о бессердечии Лаврентия Павловича. И позднее, достигнув вершин власти в Москве, он продолжал заботиться о несчастной вдове. В феврале тридцать девятого по его личному распоряжению ее арестовали и отправили в истребительные лагеря. На 17 лет[7]. А могли ведь казнить...

Агаси Ханджян

«Заря Востока», 11 июля 1936 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Заккрайком ВКП(б) извещает о смерти секретаря ЦК КП(б) Армении тов. Ханджяна, последовавшей 9 июля 1936 г. в результате акта самоубийства. Рассматривая акт самоубийства как проявление малодушия, недопустимого особенно для руководителя парторганизации, ЗКК ВКП(б) считает необходимым известить членов партии о том, что т. Ханджян в своей работе за последнее время допустил ряд политических ошибок, выразившихся в недостаточной бдительности в деле разоблачения националистических и контрреволюционных троцкистских элементов. Осознав эти ошибки, т. Ханджян не нашел в себе мужества по-большевистски исправить их на деле и пошел на самоубийство.

Общее состояние т. Ханджяна усугублялось также его длительной болезнью — тяжелой формой туберкулеза.

ЗКК ВКП(б)

Как раз в те дни в здании Закавказского крайкома рядом с кабинетом первого секретаря работала комиссия КПК по проверке деятельности партийных организаций Закавказья. Они уже побывали в Ереване, председатель комиссии, член коллегии Комитета Иван Коротков и старая большевичка Анна Ивановна. На местах в комиссию включали в качестве третьего члена председателя парткомиссии ЦК национальной республики. Рабочий день шел к концу. Вдруг в кабинете Берия прогремел выстрел. Коротков кинулся на звук выстрела, открыл дверь. Лаврентий Берия бросил на стол пистолет, на ковре в луже крови лежал с простреленной головой Агаси Ханджян, первый секретарь ЦК КП Армении. Коротков вернулся к себе, сообщил о случившемся Ивановой и добавил: «Никогда, нигде, никому об этом не рассказывать. Если хочешь жить». В поезде, на обратном пути в Москву, Коротков повторил: «Смотри, Анна, ни слова. Иначе мы с тобой погибнем».

И он молчал, молчал каменно.

Лишь двадцать лет спустя удалось уточнить обстоятельства убийства Ханджяна. Председатель КПК послал в Ереван своего помощника А. Кузнецова. Специалисты вскрыли могилу, произвели эксгумацию останков и установили, что пистолетная пуля пробила левый висок. Ханджян не был левшой, это подтвердили его близкие.

Записка, которую Агаси Ханджян якобы оставил жене перед «самоубийством» («Я запутался в своих связях с врагами партии. Жить так больше не могу. Не вини меня. Прощай!»), оказалась ловкой подделкой[8].

Из показаний Цатурова (1953 год):

«Берия пригласил меня к себе в дом и за ужином сообщил о моем назначении на работу в Армению. Потом сказал: «Надо убрать Ханджяна. Все, кого я посылал с этой целью, провалились...» Когда я заметил, что лучше прямо снять Ханджяна, Берия ответил: «Для того чтобы его снять, нужны основания, эти основания вы и поищите». Когда мы приехали с Акоповым в Армению, то на заседании Бюро ЦК всегда выступали против Ханджяна, используя для этого различные предлоги...

После этого я был в Тбилиси и случайно вошел к Берия, когда у него находился Ханджян. Берия стал меня ругать, почему я дерусь с Ханджяном, он больной человек и его надо беречь.

В результате козней и интриг Ханджян покончил жизнь самоубийством»[9].

В этих эпизодах натура Лаврентия Берия обнажается вполне. Что же касается «самоубийства» Ханджяна, то Берия сумел ввести в заблуждение не одного Цатурова...

«Актив КП(б) Армении 12 июля 1936 г. заслушал сообщение секретаря ЗКК ВКП(б) т. Кудрявцева об обстоятельствах самоубийства секретаря ЦК Армении т. А. Ханджяна. Актив принял соответствующую резолюцию и направил письма товарищам Сталину и Берия».

На одном из участников событий, С.А. Кудрявцеве, следует остановиться. Год спустя после убийства Ханджяна он возглавил Киевский обком КП(б)У и взял за правило спрашивать на собраниях товарищей по партии: «А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?»

Не будем подсчитывать, сколько коммунистов было арестовано по этим заявлениям. Сам инициатор стал жертвой такой провокации. Через двадцать лет Кудрявцева посмертно реабилитировали, восстановили в партии[10]. Разве только его?..

Вернемся в июль 1936 года, когда из Еревана на имя товарища Берия было послано это письмо. «Запутавшись в своих опасных по-

литических ошибках, Ханджян пошел на предательский и провокационный акт самоубийства, направленный против партии… несмотря на огромную помощь, которую оказывал ему лично товарищ Берия.

…Актив КП(б) Азербайджана 15 июля 1936 г. заслушал доклад секретаря ЦК товарища М.Д. Багирова об обстоятельствах смерти Ханджяна…»[11] И далее — по единому для всех республик Закавказья сценарию.

…Тело Ханджяна после убийства завернули в ковер и отвезли на автомобиле в гостиницу для ответственных работников ЦК и Совнаркома Армении. На крыше расположенного напротив здания работал в тот же день кровельщик. Он все видел. По приказу Берия личный охранник Ханджяна произвел в его номере выстрел — имитировал самоубийство партийного секретаря. На следующий день Лаврентий Павлович публично поносил убиенного за национализм и предательство интересов рабочего класса…[12]

Все лето и осень тридцать шестого послушные Берия газеты Закавказья и разного ранга и звания партдокладчики талдычили о «провокационном акте самоубийства» Агаси Ханджяна. Никто — ни подвластное бериевской клике население, ни славные сыны сталинской партии — не должен сомневаться в гуманности Органов кары и сыска.

Именно так рассуждал и сам Ханджян когда-то.

«Зверства? Их не было и не будет никогда в наших органах!» — заявил он в день одиннадцатой годовщины ВЧК–ОГПУ[13].

Трагедия Ханджяна заключалась в том, что он сам был проводником, активным и деятельным, массового террора. Вместе с другими призывал на головы выдуманных к случаю «врагов народа» гром и молнии. С трибуны слета стахановцев Армении в ноябре 1935 года он требовал нанести «сокрушительный удар врагам стахановского движения». Вслед за этим — почтительная хвала гениальной политической линии ленинско-сталинской партии и дежурные восторги в адрес кремлевского идола. И — «Слава верному ученику Сталина, испытанному руководителю закавказских большевиков товарищу Лаврентию Берия!»[14]

Теперь, после гибели Ханджяна, забылось все: и его детски наивная преданность сталинскому руководству, и самоотверженное служение партии… Каких только ярлыков не навешали на это столь уважаемое всеми имя. На октябрьском пленуме ЦК КП Армении новый секретарь ЦК Аматуни посвятил Ханджяну — «последышу национал-уклонистов» — специальный раздел своего доклада. Как оказалось, покойный еще в двадцатые годы был связан с секретарем

ЦК А.Г. Иоаннисяном (еще один враг), а в тридцатые пошел на «прямое смыкание с террористами, троцкистами и дашнаками»... Но и этого мало. При Ханджяне армянская литература фальсифицировала историю революционного движения, «игнорируя в ней роль товарища Сталина»[15].

Вот ведь что оказалось...

В кампании дезинформации и посмертной травле Ханджяна Берия принял личное участие — самое активное и злобное. В своей опубликованной в «Правде», а потом и в «Заре Востока» статье «Развеять в прах врагов социализма!» он обвиняет убиенного в связях с давним врагом большевиков А. Гобаняном. Берия шельмует всех близких Ханджяну деятелей, что пытались защитить покойного от клеветы, — секретаря партколлегии Галояна, директора Института марксизма-ленинизма Армении Степаняна «с группой единомышленников». Они уже в тюрьме, там позаботятся об их последних днях так же, как о судьбе бакинских отступников. В статье Берия «вражеская группа Багдасарова» перечислена по именам[16].

Комсомольские, партийные и государственные чины призывают изучать погромную статью дорогого товарища Лаврентия как основополагающий документ истребительной войны. Запаленная в столице Грузии, она вскоре черным пламенем охватила все города и села Закавказья.

Убийство Агаси Ханджяна, поднятая вслед за этим новая волна массового террора в Закавказье, кампания клеветы и провокаций — все это вершилось по знакомой со дня убийства Кирова схеме. Она зародилась в голове человека с узким лбом питекантропа и усами партийного фельдфебеля. Это он, Иосиф Сталин, выдал товарищу Берия мандат на монопольное право убивать стар и млад по ту сторону Кавказского хребта.

Он будет ревностно служить Хозяину, новый фаворит.

В сентябре тридцать седьмого в Тбилиси прибыл Георгий Маленков. Свидание двух сталинских фаворитов носило сугубо деловой характер: предстояло разработать план уничтожения руководящих кадров трех республик Закавказья. Директива генсека не допускала никаких поблажек. Один московский палач, Анастас Микоян, уже выехал в Ереван. Вскоре к нему присоединились Берия с Маленковым. И полетели головы руководителей ЦК и Совнаркома республики. Из 16 членов и кандидатов ЦК, избранных в июне 1935-го, не осталось ни одного. Потом прокатилась новая волна арестов. Понукаемые московскими эмиссарами головорезы выискивали по всей республике активистов советского и партийного строительства, и прежде всего интеллигентов.

Может быть, это и есть подлинная контрреволюция?

Особенность террора, сотрясавшего страну в тридцатые годы, заключалась в том, что никто не знал, когда наступит его очередь, и сегодняшний обвинитель завтра становился жертвой. Так было и в Закавказье.

23 сентября закончил работу пленум ЦК партии Армении. Сняты с постов все секретари ЦК во главе с первым, Аматуни. «Сняты» означало в то время — уничтожены. Их уже именуют — «бывшее контрреволюционное руководство...».

Давно ли, в апреле, на собрании партактива Еревана, Аматуни клеймил Д. Шавердова, С. Пирумова, Д. Симоняна и прочих «врагов народа», но прежде всего и пуще всех — этого «двурушника» Ханджяна, который — тут следует набрать в легкие побольше воздуха — «попал в плен и полностью сдался дашнакам и рамкаварам ...путем обмана и лицемерия всячески усыплял бдительность парторганизации, покровительствовал, помогал и способствовал фашистской вредительской работе контрреволюционных троцкистов, дашнаков и буржуазных националистов».

Изрыгая эти лишенные всякой логической связи ругательства, разве не знал Аматуни, что повторно казнит человека, убитого Лаврентием Берия? Знал, конечно. Как назвать все это — личной трагедией Аматуни, которого через несколько месяцев казнит все та же рука? Нет этому названия.

Такая же судьба уготована избранным в сентябре новым секретарям армянского ЦК А.З. Маркаряну, А.С. Галустяну[17].

К июню 1938 года из 55 членов и кандидатов ЦК КП Армении уцелело лишь 15[18].

В состав нового ЦК вошли Сталин, Маленков и Берия. Достойное завершение армянского погрома.

Нестор Лакоба

Нестор Аполлонович Лакоба, возглавлявший ЦИК и Совнарком Абхазской автономной республики, был признанным Вождем своего народа. Активный участник партийного подполья и гражданской войны, он в марте 1921 года устанавливал в Абхазии Советскую власть. Нестора Лакоба лично знал Ленин, с ним часто встречались видные партийные деятели — Троцкий, Рыков, Бухарин, Орджоникидзе, Киров, Дзержинский.

Особые отношения сложились у Лакоба со Сталиным. Он учился в той же Тифлисской семинарии, что и будущий генсек, только десятью годами позднее. В распоряжении Лакоба были приморские ку-

рорты, куда постоянно приезжали на отдых и лечение партийные руководители, и Нестор Аполлонович оказывался невольно причастным к политической кухне Сталина.

Лакоба довелось не раз принимать Троцкого, он оберегал дорогого гостя, сопровождал его в поездках по Абхазии. Когда же Сталин решил свалить военного руководителя государства, Нестор Аполлонович принял сторону генсека, и Сталин в полной мере оценил его преданность. Однако это вовсе не значит, что без поддержки Нестора Лакоба Берия не занял бы место под рукой будущего Диктатора. Как пишет в «Ленинградском рабочем» С.З. Лакоба, «Берия усиленно обивал пороги Нестора. Любопытно в этой связи короткое письмо. Оно написано на бланке полномочного представителя ОГПУ в ЗСФСР:

«Дорогой т. Нестор! Шлю тебе привет и наилучшие пожелания. Спасибо за письмо. Очень хотелось бы увидеться с т. Коба перед его отъездом. При случае было бы хорошо, если бы ты ему напомнил об этом... Привет. Твой Лаврентий Берия. 27.IX.31 г.».

Перед отъездом из Абхазии Сталин по просьбе Нестора принял Берия. Лакоба намекнул, что пора бы выдвинуть на руководящую партийную работу этого молодого, энергичного чекиста. Через полтора месяца, 12 ноября 1931 года, Берия стал вторым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б) и первым секретарем ЦК КП(б) Грузии.

На все той же даче в Абхазии состоялся разговор о замене М. Орахелашвили новым первым секретарем Заккрайкома.

Сталин вдруг спросил:

— Берия подойдет?

— Берия подойдет, — ответил Лакоба.

С новой кандидатурой согласился и Серго Орджоникидзе».

Что касается позиции Орджоникидзе, то, по свидетельству А.В. Снегова и А.И. Микояна, он был категорически против «коронации» Лаврентия Берия, хотя всего год назад помог ему усидеть в кресле первого секретаря ЦК компартии Грузии.

Летом 1933 Сталин отдыхал под Гагра, на Холодной речке. «Приехали товарищи из Москвы. Прибыл Киров. Явился суетливый Берия. Все ждали Сталина на веранде. Но он неожиданно для всех появился из глубины сада вместе с Лакоба. Берия побагровел.

— Ну, хватит бездельничать, — сказал Сталин. — Этот дикий кустарник нужно вычистить, он мешает саду...

Берия достались грабли, но вскоре, взяв у кого-то топор, он заявил:

— Мне под силу рубить под корень любой кустарник, который укажет хозяин этого сада Иосиф Виссарионович!

4 Зак. 1

В тот же день была сделана символическая фотография: Лакоба, Сталин, Ворошилов и Берия. Лакоба стоит рядом со Сталиным, но как бы поодаль. В одиночестве».

Уже стало нормой преклонение перед генсеком, процесс обожествления «кремлевского горца» обрел статус генеральной линии. Нестор Лакоба не заблуждался относительно гениальности Вождя, но не мог отказаться от участия в общем хоре. В предисловии к вышедшей в Абхазии книге «Сталин и Хашим (1901–1902)» он рассказал о выдающемся вкладе Сталина в революционное движение в Аджарии. И весьма угодил Хозяину. Берия возьмет реванш в 1935 году «своей» книжонкой «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Но пока, на людях, они выступают дружной парой: в специальном номере «Огонька», посвященном советским субтропикам, их портреты — рядом.

Сталину их союз не нужен, он всеми средствами подогревает соперничество фаворитов. Впрочем, в этом нет особой нужды. Разве Берия не одной со Сталиным крови? Еще не утвердившись в кресле первого секретаря Заккрайкома, он в декабре 1932 года под пустяковым предлогом объявляет Нестору Лакоба выговор, однако тот через генсека добивается отмены несправедливого взыскания.

Нет, и главный пост в Закавказье не принес Берия полного удовлетворения. Слухи о его сомнительном прошлом могли отразиться на карьере, благо Вождь относится к политическим «шалостям» фаворита снисходительно. Мы уже упоминали о телеграмме Кирова и о чудесном спасении предателя, но люди рассказывали — по секрету, разумеется, — что в 1920 году Киров приказал в Баку расстрелять группу мусаватистов, в числе которых был Берия.

В 1926 году нарком финансов ЗСФСР Мирза Давуд Гусейнов сообщил председателю ГПУ Грузии Е.А. Кванталиани на основании точных данных, что Лаврентий Берия служил платным осведомителем мусаватистской разведки. Приехав в июле 1926 года в Москву, Кванталиани не преминул информировать об этом Ф. Дзержинского. Председатель ОГПУ сказал: «Вызовем, будем судить на коллегии».

Через несколько дней Дзержинского не стало. Кванталиани был снят с ответственного поста уже в ноябре. К В. Менжинскому он обращаться не хотел. Сталина же Кванталиани остерегался.

Дело Берия все же рассматривалось в Тифлисе в начале тридцатых. Он представил комиссии «доказательства» того, что в мусаватистскую разведку его направила партия. Тогда-то в официальных биографических справках о Берия впервые и ненадолго появились соответствующие данные.

Кванталиани открыто смеялся над бериевской версией. Жизнь его оборвали в тридцать седьмом. Слухи слухами, а в личном архиве Нестора Лакоба хранились подлинные документы, он не мог смириться с позицией генсека. Но хотя Берия стал уже незаменимым слугой, Лакоба тоже был нужен Хозяину. В марте 1935 года Лакоба получил орден Ленина — за хозяйственные успехи. Мало. В декабре Сталин вызывает Нестора Аполлоновича в Москву и награждает его орденом Красного Знамени за боевые заслуги в гражданской войне. И этого мало. После долгой дружеской беседы Сталин дарит Нестору на прощание свою фотографию: «Товарищу и другу Лакобе от И. Сталина. 7.XII.35 г.».

Надпись на подаренной Кирову фотографии была еще сердечнее...

Проводя на словах «ленинскую национальную политику», Сталин на деле оставался великодержавным шовинистом. Что касается Закавказья, то там он поощрял вместе с Берия грузинский шовинизм.

Трудно было Нестору Лакоба в этих условиях отстаивать независимость абхазского народа и самобытность его культуры. Коба решил не ущемлять Нестора.

Такого поворота событий Берия не ожидал. Как сообщает С.З. Лакоба, он летит из Тифлиса в Сухум на поклон к другу. Как в старые времена. Объясняется с Нестором, кается. Вдруг врывается брат Нестора, Михаил Лакоба, и со словами «Ах ты, змея, твои штучки в Абхазии не пройдут» спускает Берия с лестницы, выхватив «браунинг». Нестор останавливает брата словом «гость».

А Берия как ни в чем не бывало уже похлопывает его по плечу: «Ну что ты, Миша, горячишься...»

У Сталина были свои планы в отношении Нестора Аполлоновича. Пришла пора заменить Ягоду на посту наркома внутренних дел. Напрасно режиссер большого террора уговаривал Нестора. На эту роль он не подходил, не тот характер. Отказ Нестора предопределил его судьбу. Сталин пытался скрыть свое недовольство за показным радушием, на последней встрече в конце ноября 36-го он доверительно осуждал коварство товарища Лаврентия. А Берия уже знал, чего *теперь* хотел Хозяин.

Через несколько дней по возвращении из столицы Лакоба получил вызов в Тбилиси на собрание партийного актива. Сария не хотела отпускать мужа одного, но он настоял на своем. Утром 26 декабря он был уже в кабинете Берия. Крупно поссорились, Нестор обругал Лаврентия последними словами и вернулся в гостиницу «Ориент». Придя в свой номер, сказал: «Будут звонить — меня нет».

Но под вечер позвонила мать Берия — Марта Ивановна: «Нестор, я знаю, ты любишь жареную форель. Приходи, я тебя очень прошу».

Ужин в доме Берия протекал вяло. Нестор молчал. Выпили несколько бокалов вина. В восемь вечера Берия предложил посмотреть новый спектакль. В театр они пришли с опозданием. Все обратили внимание на ложу слева, в которой сидели Берия, его жена и Нестор. После первого акта Лакоба ушел, ему стало плохо.

По дороге в гостиницу Нестора встретил уполномоченный представительства Абхазии в Грузии А. Энгелов. Он удивился, что Лакоба шел пошатываясь. Нестор сказал ему: «Их правда — всегда правда, а моя правда — всегда кривда». Его сильно тошнило. В гостинице стало совсем плохо. Энгелов и медсестра не отходили от Нестора. Он сидел у открытого зимнего окна и, задыхаясь, повторял: «Убил, убил меня Лаврентий-змея...».

Позвонили в Сухуми жене. Красавица Сария обладала сильным характером. Она примчалась в Тбилиси и — сразу в морг, куда доставили тело. Кто-то успел пустить слух, что Лакоба, запутавшись в контрреволюционных связях, покончил с собой. Кто-то наложил запрет на вскрытие. Но Сарию это не остановило. С помощью младшего брата Нестора, Михаила, нашли специалиста, преданного человека. Он вскрыл брюшную полость, извлек желудок. Бывалые люди посоветовали Сарие произвести исследование не здесь, а в Сухуми. Так и сделали.

В официальном сообщении сказано, что смерть Нестора Лакоба наступила 28 декабря 1936 года в 4 часа 20 минут утра от сердечного приступа. Свыше десяти тысяч пришли на похороны, присутствовали руководители всех республик Закавказья, только Берия не приехал. Венок был: «Близкому другу — товарищу Нестору. Нина и Лаврентий Берия».

Сталин телеграммы не прислал.

В январе 1937-го Сарии позвонил из Москвы Орджоникидзе. Она спросила: «Почему Сталин не прислал телеграмму?» Серго ответил: «В течение месяца я буду у тебя, если со мной ничего не случится...» Очень скоро, через месяц, «случится» и с ним.

В конце февраля, вооружившись результатами анализа и архивными документами, изобличающими Берия, Сария едет в Москву. Там ждет ее Зинаида Гавриловна Орджоникидзе, тоже ставшая недавно вдовой.

В столице, в Президиуме ЦККА–РКИ — Амаяк Назаретян, давний товарищ Нестора. К нему и поспешила Сария. Потрясенный злодейским убийством, он пошел на прием к Молотову. Надо сообщить генсеку, надо назначить расследование... Молотов был предельно краток: похороны товарища Лакоба отнести на государственный счет,

вдове и сыну назначить пенсию. И — никакого расследования. Документы он принять отказался. Генсек вдову не принял, секретарь ЦК А. Андреев обещал проинформировать его.

Не будем удивляться циничному поведению Вячеслава Молотова, тогдашнего главы правительства. Ни один член Политбюро не смел вникать в дела закавказских республик. Лишь Сталин и Берия решали судьбу грузин и армян, аджарцев и мигрелов, абхазцев и сванов — кого предать медленной лагерной смерти, кого сразу пристрелить, кому подстроить дорожную аварию, кого отравить. Лишь они решали, Папа Большой и Папа Малый.

История гибели Нестора Лакоба на этом не кончается. Недолго покоилось набальзамированное тело в склепе на территории Ботанического сада. По распоряжению Берия покойного перенесли на Михайловское кладбище. Берия заметал следы и в конце концов нашел бы способ уничтожить останки убиенного, если бы не энергичная вдова. Вернувшись из Москвы, она в тайне от бериевских агентов выкапывает гроб и перевозит в место, известное только ей и матери Нестора, Шахусне.

Берия лютует. Летом 37-го брошены в тюрьму все ближайшие помощники и родственники Нестора Аполлоновича, первыми — нарком Константин Семерджиев, его брат, затем — врач В.Т. Анчабадзе. Это они осмелились дать в руки Сарии заключение об отравлении Нестора. Арестовали бывшего наркома земледелия Михаила Чалмаза и другого брата Нестора, Иосифа. В августе пришли за Сарией и женой Василия Лакоба.

Однажды вечером, в начале ноября, когда в Сухуми шел «открытый» — в подражание Москве — судебный процесс над группой «врагов народа», Берия прогуливался по набережной. К нему подошел пятнадцатилетний сын Лакоба Рауф и попросил дядю Лаврентия пустить его к матери. Берия обещал устроить свидание и сдержал слово. Через несколько дней мальчика бросили в ту же тюрьму.

В допросах Сарии Берия участвовал лично. Он никогда не затруднялся в выборе обвинений, какими бы нелепыми они ни выглядели. Вот и на этот раз блеснул выдумкой. Оказывается, Лакоба в двадцать девятом году помог Троцкому бежать из Сухуми в Турцию. Сарии остается лишь признаться в том, что она содействовала осуществлению этого антипартийного плана. А заодно — подтвердить, что Лакоба готовил заговор против Сталина. И тогда ее пощадят, отправят в ссылку, помогут устроиться на новом месте, позаботятся о сыне. Но Сария отмела чудовищное обвинение, пытки ее не сломили.

Новые допросы, новые посулы. Берия нужен был архив Нестора, он требовал также указать место последнего захоронения... Сария

молчала. Но в арсенале Берия были другие средства. Вначале на ее глазах пытали братьев, потом на их глазах терзали сестру.

Свидетельствует самый младший брат Сарии, Мусто Ахмедович. Он единственный пережил палачей, оставив в лагерях и ссылке 15 лет жизни.

«Берия приказал привести на очную ставку Рауфа. Сария молчала. «Бейте этого выродка! Топчите! До ее бесстыжего слуха отлично дойдет вой сына!» Его били, снова и снова. «Спаси меня, мама, — просил он. — Скажи все, что они велят». Но она лишь отвечала: «Терпи, сын мой, ради отца терпи!» Все, что я рассказал об этой «встрече», мне передал Рауф алфавитным стуком по перегородке, которая разделяла нас во внутренней тюрьме в Сухуми, куда его доставили из Тбилиси в 1939 году».

Несмотря на пытки, мать Нестора Шахусна так и не раскрыла тайну захоронения. Ее расстреляли в тюрьме.

Михаила Лакоба, среднего сына, сразу же после процесса перевели в подвал НКВД в Сухуми. Берия подошел к нему и прошипел:

— Не ты ли угрожал мне: «Пока я жив, твои штучки в Абхазии не пройдут?» Как видишь, прошли... — И в упор застрелил Михаила.

Многие, кто был причастен хоть как-нибудь к «лакобовцам», подверглись репрессиям. Не только коллеги по работе, родственники, шоферы, но и просто знакомые. Даже повар и кладбищенский сторож.

Зверским издевательствам подверглась Сария. Особенно старалась садистка Подольская. Около двух лет Сарию пытали, допрашивали, но так и не смогли сломить. Она не подписала ни одного сфабрикованного документа.

— Я вынесу все, — сказала она в камере. — Только одного боюсь: пугают, что змею запустят в карцер.

И палачи сдержали слово. На следующий день ее бросили в карцер, залитый водой. Впустили змею. Сария лишилась рассудка. Погибла она в тюремной больнице в мае 1939 года.

Дети тоже были обречены. В самом начале войны по личному распоряжению Берия в Бутырской тюрьме казнили Рауфа Петровича, Николая Михайловича и Тенгиза Васильевича Лакоба вместе с Константином Константиновичем Инал-Ипа. Было им по 17–19 лет.

Под корень, под самый корень, рубил Берия. И листву сжигал.

В тридцать шестом, осенью, погиб бывший секретарь ЦК КП Армении Айказ Костанян. Его жена, Мария Давтян, горько сетовала на судьбу и однажды в кругу близких упомянула несчастного сына Лакоба: вот ведь НКВД даже детей не жалеет...

Это стоило ей жизни. Заодно Берия приказал казнить племянника Марии Давтян.

Сентябрь 1955 года. Зал Клуба железнодорожников в Тбилиси. Генеральный прокурор допрашивает бывшего начальника Управления НКВД Абхазии Чичико Пачулия.

Руденко: Расскажите, как вы отправили в тюрьму пятнадцатилетнего сына Нестора Лакоба, на каком основании?

Пачулия: Я его не арестовывал. Его взяли по особому приказу и доставили в Тбилиси. Я только выполнял приказ...

Прокурор поведал собравшимся о судьбе мальчика. Его отправили в детскую колонию — один из худших видов лагеря. Через четыре года он осмелился послать письмо наркому: «Дорогой дядя Лаврентий! Все дети учатся, а я не могу. Умоляю Вас, переведите меня в такую колонию, где есть школа, чтобы я мог получить среднее образование».

Остается рассказать о судьбе личного архива Нестора Лакоба, который не давал покоя Сталину и Берия. Свидетельствует Мухта, младший брат Сарии.

«Весь свой срок в лагере и ссылке я хранил тайну о личном архиве Нестора. Когда в 37-м поползли слухи, что он «враг народа», Сария решила спрятать документы. Но прежде она собрала какие-то ненужные бумаги, газеты и на глазах у всех сожгла их, сказав, что это архив Нестора. Вечером, уже вдвоем с Сарией, мы тщательно упаковали и запрятали настоящий архив: сотни фотографий, письма, записки... Запрятали мы его под полом ванной комнаты. Архив неоднократно искали. На допросах людей пытали, но все они в один голос показывали то, что видели: документы сожгла Сария... Жестоко избили и меня, но я твердил им: архив сожжен. В конце концов они успокоились и больше им не интересовались. После 37-го прошло почти двадцать лет. Я жил в Батуми. Осмотреть же самому сухумскую квартиру Нестора, где расположились незнакомые мне люди, было невозможно. К тому же меня еще не реабилитировали. Однако выход из положения был найден. С официальным письмом от 28 февраля 1955 года еду в Сухуми: «Гр-н Джих-оглы Мустафа Ахмедович следует в Главную Военную Прокуратуру по вызову. Прошу оказать ему содействие в розыске документов, которые крайне необходимы Главному Военному Прокурору. Военный Прокурор Батумского гарнизона, гв. подполковник юстиции Ульянов»... В присутствии двух офицеров военной прокуратуры я осмотрел квартиру. Про себя отметил, что место, где спрятан архив, не тронуто. Скажу прямо, я не решился сообщить об этом офицерам. Напро-

тив, показал им развороченное в углу совершенно другое место, где якобы и были запрятаны документы. Почему я так поступил? Во-первых, страх. Во-вторых, только-только начиналась реабилитация, еще не состоялся XX съезд, да и будущее было неопределенным... Спустя несколько лет я стал жить в квартире Нестора. Архив оказался цел и невредим»[19].

Амаяк и Клавдия Назаретян

Ну а как же Назаретян, принявший столь подозрительное участие в посмертной судьбе «врага народа»? Он слишком многое сделал для победы революции в Закавказье. Потом был одним из руководителей Терской республики, а в начале двадцатых — секретарем Кавказского бюро ЦК РКП(б) и секретарем ЦК Грузии... Еще в одном провинился Назаретян перед Сталиным и Берия: дружил с Серго Орджоникидзе и Кировым. Интеллигентен был к тому же и образован. Но главное — он знал прошлое самозваных вождей, знал их без официальных партийных масок.

Взяли Амаяка Назаретяна вскоре же после памятного визита к Молотову. На Лубянке ему предъявили одно из тех дежурных обвинений, которые не оставляли никаких шансов остаться в живых, — террор.

Жена Назаретяна, Клавдия Дмитриевна, недавно родила сына. Ее тоже арестовали — 27 июля 1937 года.

Анна Аллилуева и жена Павла, Евгения, кинулись к Сталину:

— Мы знаем Клаву с детских лет, мы за нее ручаемся... Зачем ее взяли, да еще с грудным младенцем?

— Назаретян совершил тягчайшее преступление, — ответил жестко генсек, — он готовил террористический акт против членов Политбюро.

— Она-то здесь при чем?

...Сталин выпроводил наивных женщин, но Клавдию Назаретян все же выпустил. Она вышла из внутренней тюрьмы 1 августа, на пятый день после ареста, — случай редчайший, если не единственный. То была, конечно же, ошибка, порожденная минутным капризом Вождя. Через три месяца, 7 декабря, молодую мать забрали опять. Божий свет она теперь увидит не скоро, через семнадцать лет. Следствие и суд были разыграны в темпе, в январе тридцать восьмого ее доставили на котласскую пересылку. В тот день прибыл свежий этап из Москвы. На вечерней поверке соседом оказался один из вновь прибывших. Многих узников расспрашивала Клава, обратилась и к этому:

— Ты случайно не встречал Назаретяна, Амаяка Назаретяна?

— Знаю такого, сидели вместе в Бутырке, в камере смертников. Мне вышак заменили десяткой, а он там останется...

— Почему ты так думаешь?

— Он *такое* о Сталине рассказывал... Нет, они его не выпустят.

Через десять лет арестантская судьба свела Клавдию Дмитриевну в Ухте с Оганесом Александровичем Мебермутовым. Они с Амаяком учились в Тифлисской гимназии, основали там нелегальный марксистский кружок. Взяли Мебермутова в тридцать седьмом, долго держали на Лубянке, потом — в спецкорпусе Бутырской тюрьмы. Допрашивали по делу Карахана, а заодно требовали показаний против Амаяка.

Прошло еще восемь лет. В пятьдесят шестом Клавдию Дмитриевну, уже реабилитированную, принял Генеральный прокурор СССР. Ей хотелось узнать, в чем обвиняли Назаретяна. Руденко открыл папку: «Давайте посмотрим вместе».

Эти страницы протокола допроса запомнились Клавдии Дмитриевне навсегда.

Следователь: Вы создали в ЦКК террористическую организацию с целью физического уничтожения товарища Сталина и его соратников.

Назаретян: Это провокация.

Следователь: Вы вовлекли в свою преступную организацию одним из первых Базилевича. Назовите других соучастников.

Назаретян: Я уже сказал, что все это ложь и провокация. Я никого не вербовал.

Следователь: Следствие располагает данными о ваших террористических связях с военными руководителями. В частности, вы дважды встречались с командармом Уборевичем.

Назаретян: Нет.

Следователь: Я назову вам место встречи и дату.

Назаретян: Не было никаких встреч.

Следователь: Вы напрасно упорствуете. Мы устроим вам очные ставки с соучастниками.

Назаретян: Нет никаких соучастников, нет никакой организации. Нет, нет и еще раз нет.

Руденко придвинул дело ближе к Клавдии Дмитриевне и показал это место: ответы Амаяка «Нет, нет, нет» были перечеркнуты и — такой знакомый почерк! — сделана приписка: «Да! Сукин сын! Л. Берия»[20].

...Примешься распутывать иной кровавый клубок — кажется, и близко не было в то время Берия. Ан нет, показался кончик длинной, запутанной нити и — вот он, Лаврентий Павлович. Не пропустил, не забыл, сердечный, руку приложить...

Погром культуры

Подошел к концу 1936 год. Он был разрушительным, кровавым. Но кому-то он принес полное удовлетворение. Лаврентий Берия успел расправиться со многими критиканами, отбившимися от рук, и тем потрафить генсеку. Положение его упрочилось еще более, теперь с ним считаются уже все члены Политбюро. Не могут не считаться. Перспективы на тридцать седьмой год прекрасные, предстоит выкорчевать значительно больше врагов народа: остались самые ловкие, самые упорные — двурушник на двурушнике. Сколько работы для славных чекистов, сколько радости принесут они народам Закавказья. Именно так и восприняли читатели «Зари Востока» передовую статью, опубликованную 1 января 1937: «С новым радостным годом, товарищи!»

Киноафиши Тбилиси тоже обещали одни радости: «Золотая долина», «Крылатый маляр», «Два друга», «Дарико», «Счастливая жизнь»...

Тон задавала Москва. Эхо радостных событий докатилось до Тбилиси на другой день. 4 января передовая «Правды» под многообещающим заголовком «Революционная бдительность и подвиг партийной работы» сообщала:

«Крепко окопались троцкистско-зиновьевские мерзавцы в Ростове-на-Дону. Лютый враг народа вредитель-террорист Глебов-Авилов имел своих агентов в отдельных звеньях ростовской парторганизации... Весьма поучительны также уроки киевской парторганизации. Прожженные двурушники из троцкистско-зиновьевской своры пролезли здесь на ряд руководящих постов...»

5 января эту статью, этот сигнал к очередному погрому, перепечатала «Заря Востока», орган Закавказского крайкома.

Аккуратно, без пропусков, сообщает газета о московском судебном процессе по делу Пятакова, Сокольникова, Радека, Серебрякова... Ежедневно публикуются отклики трудящихся Грузии, Армении, Азербайджана:

— Расстрелять троцкистскую свору!

— Уничтожить троцкистскую падаль!

— Раздавить клубок ядовитых змей!

— Трудящиеся шлют проклятие банде изменников, предателей, шпионов и главарю фашистской банды Троцкому!

И — обязательное: «Неприступной стеной оградим Великого Сталина!»[21]

Под истошные вопли и проклятия на головы вымышленных троцкистов-фашистов Сталин мог без помех свести счеты с теми деятеля-

ми, что осмелились отстаивать свое мнение о политике генсека. Их шельмовали со всех партийных амвонов. В конце февраля проходил чрезвычайный VIII Всегрузинский Съезд Советов. Кто только не клеветал на «грузинских прихвостней Иуды-Троцкого». И секретарь ЦК комсомола А. Мгеладзе, и народный артист СССР А. Васадзе, и какой-то еще заводской рабочий. Первым называли Буду Мдивани, за ним шли Михаил Окуджава, Серго Кавтарадзе, М. Торошелидзе, С. Чихвадзе, П. Кикнадзе, Л. Гогоберидзе, П. Агниашвили, К. Модебадзе, Б. Джикия, В. Квирквелия. Ораторы требовали казни «врагов партии и народа». Некоторых уже схватили, кто-то погиб, не выдержав пыток, другие жили в ожидании ареста...

Ход непотребного спектакля направляла опытная рука. Драматург, режиссер, ведущие актеры, статисты, публика, ведомственная охрана — все как в настоящем театре. Да, и суфлер. С его голоса партартисты обвиняли обреченных на заклание «троцкистов-уклонистов» в подготовке террористических актов против Великого Вождя Народов товарища Сталина и любимого руководителя трудящихся Грузии Лаврентия Берия[22].

Когда-то Максим Горький изрек свое знаменитое: «Если враг не сдается, его уничтожают!» В тридцать седьмом в Тбилиси глашатаем террора сделали посмертно Владимира Маяковского. Напечатали подходящие строки:

Не тешься,
товарищ,
мирными днями,
сдавай добродушие
в брак.
Товарищ, помни:
между нами
орудует
классовый враг.

Маяковский вырос в Грузии, переехал в Москву, достиг зенита славы и покончил с собой. К какой категории врагов причислили бы его теперь, останься он жить, поэт-бунтарь?

В тридцать седьмом было сделано все для того, чтобы поставить на колени литераторов Закавказья. Для начала — небольшой майский погром на собрании писателей Грузии. Оно прошло под девизом: «До конца вскрыть подрывную работу врагов народа в литературе!» Основной докладчик, А.С. Татаришвили, требовал крови. Оказывается, бывший руководитель писательской организации Малакия Торо-

шелидзе был двурушником и заклятым врагом. Под стать ему — троцкистские наймиты Вардин, Нароушвили, Феодосишвили, Платон Кикодзе. Но главный враг — Торошелидзе. Это он заставил одного из членов грузинской делегации выступить на Всесоюзном съезде писателей (декабрь 1934) с заявлением о солидарности с вредительской позицией контрреволюционера Бухарина. Сам Торошелидзе с трибуны съезда оклеветал Илью Чавчавадзе, который почему-то не предрек конца дворянству. Важа Пшавела он представил апологетом общинного уклада. Меньшевик, троцкист и диверсант развалил писательскую организацию Грузии. На этом собрании писатели узнали, что Б. Буачидзе возглавлял филиал авербаховской группировки в Грузии. Не прошло и двух недель, как Буачидзе исключили из Союза писателей и из партии «в связи с его участием в контрреволюционной работе авербаховско-троцкистской банды, с беспрерывной антипартийной вредительской деятельностью в грузинской литературе»[23].

Замечательная формулировка, творческий импульс для писателей, которых пока еще не тронули.

Так смешалась клевета старая с клеветой свежей. Так был выполнен заказ — привязать телегу грузинской контрреволюции к московской колеснице. Были названы имена других «последышей троцкизма»: Б. Бибинейшвили, Р. Каладзе, С. Талаквадзе... Погром перекинулся на армянскую секцию. Здесь подлежала искоренению группа шовинистов-националистов во главе с проходимцем и вредителем Халатяном. Представитель армянской секции Корюн незамедлительно выступил с разоблачением подрывной деятельности врагов народа — литераторов. Враги пробрались в среду писателей Азербайджана и Юго-Осетии... Досталось и маститым — К. Гамсахурдиа и М. Джавахишвили. Потом начался сеанс самобичевания. Признался в своих заблуждениях романист Гамсахурдиа. Осудил свои ошибки поэт Паоло Яшвили. Извинялся за творческие срывы Тициан Табидзе...[24]

То были слова, предписанные свыше. Там же, наверху, уже решили, кому чем воздать за прегрешения.

История погрома в грузинской литературе навсегда связана с именем Лаврентия Берия. Истребление честных писателей и поэтов, преследование тех, кто хотя бы пытался сохранить свое творческое лицо, — ко всему этому приложил он свою руку. И в конце двадцатых годов, когда партийные борзописцы начали подводить теоретическую базу под грядущую кампанию террора против самобытной грузинской культуры, Берия не стоял в стороне от угодного Сталину дела.

Инспирированная сверху кампания ширится, крепнет. Илларион Вардин пишет о «больной поэзии», он шельмует литераторов, кото-

рые «противодействуют строительству социализма»*. Г. Татулов бьет тревогу по поводу проникновения враждебной идеологии в искусство. Другой автор бьет по создателям кинофильмов...[25]

Чаще других выступает с директивными статьями Б. Буачидзе. О чем, о чем он только не пишет. О литературщине, этой опаснейшей болезни, и о буржуазно-дворянском литературном быте, который угрожает засосать пролетарских писателей. О правом уклоне и об уклоне левом... «На творчестве рабочих-писателей отразились дореволюционные стремления, борьба за свободу, что в наше время является настоящей отсталостью». (Действительно, зачем бороться за свободу, когда — вот она, у всех на виду, и мы в ней купаемся?) Б. Буачидзе советует литераторам не отрываться от массы, иначе «они погибнут, прежде всего именно как писатели»[26].

То было время перековки писателей, поэтов, критиков. Попав на эту наковальню, литератор знал, что его постригут, подрежут, сплющат — словом, обезобразят по первому разряду. Но оставят в живых. И допустят его, перекованного, к полному корыту. С начала 1935 года, после убийства Кирова, когда террор вышел на большую дорогу, наковальню убрали и пустили в ход ножи.

В своем пространном докладе на X съезде КП Грузии Берия проявил сердечную заботу о грузинской литературе. Вначале — критика, принципиальная, большевистская. В Ассоциации пролетарских писателей (ГрузАПП) процветает групповщина. В группе «Голубые роги» (П. Яшвили, Т. Табидзе, Г. Леонидзе...) он уловил отзвуки декаданса дореволюционной поры. На крайне правых позициях стоит «Академическая» группа — К. Гамсахурдиа, А. Абашидзе, Г. Кикадзе и кое-кто еще. «Лефовцы» — С. Чиковани, Б. Жгенти, Л. Асатиани, Д. Шенгелия — встали на путь исправления. Шенгелия, например, закончил новый роман о юности товарища Сталина. Группа «Арифиони» — М. Джавахишвили, Л. Киачели, Г. Кикоидзе — пока отстает от требований времени, но наши успехи многих уже переделали. Выросла плеяда пролетарских писателей. Надо особо отметить поэму Леонидзе «Детство и отрочество Вождя». Еще несколько комплиментов драматургам, которые раньше других освоили новейшую манеру ползания на коленях. Но у нас есть литераторы, которые состоят в связи с врагами народа: Ломинадзе, Агниашвили, Джикия, Элиава... Поэту Паоло Яшвили — ему ведь уже за сорок — пора взяться за ум... Серьезно подумать о своем поведении не мешало бы также Гамсахурдиа, Джавахишвили... и еще кое-кому.

* Илларион Виссарионович Вардин (Мгеладзе) погибнет в лагере в 1943 году.

Грозно звякнули ключи в руке главного надзирателя. Зал оскалился:

— Давно пора!

— Правильно!

— Верно, товарищ Лаврентий! [27]

Владимир Джикия был незаурядным организатором, волевым, инициативным, хорошо эрудированным. Он строил электростанции, руководил крупными предприятиями. Знали его в Грузии как крупного партийца, участника Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Он довольно рано распознал натуру фаворита Сталина. Когда Берия стал первым секретарем ЦК КП Грузии, Джикия смело выступал на пленумах с критикой его действий. И получал партийные взыскания как противник генеральной линии.

Вокруг образованного, всегда приветливого Джикия собирались литераторы, недовольные бериевскими порядками. Среди самых близких по духу — поэты Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. К последнему Берия явно благоволил, и поэт мог считать свое положение прочным даже в самое тревожное время. Он был участником декады грузинской культуры в декабре 1936 года и вернулся из Москвы, обласканный Вождем. Сталин сумел очаровать Яшвили, Ворошилов подарил ему свой портрет с дружеской надписью.

Знали или нет друзья-поэты истинную цену генсеку, не имело значения: славословие Вождю Народов стало уже непременным условием сохранения жизни.

...Пусть же он будет на все времена
Счастьем в лучах материнского взора.
И пусть расцветает родная страна,
Имея великую эту опору.

Тициан Табидзе

Новые всходы лелея,
Соединяя народы,
С новым огнем Прометея
Стал ты на страже свободы.

Паоло Яшвили

Эти позорные вирши «Заря Востока» опубликовала 4 апреля 1937 года в рубрике — на всю страницу — «Грузинские стихи и песни о товарище Сталине».

Через месяц Лаврентий Берия арестовал Джикия и Табидзе. Ему донесли о других, крамольных стихах Тициана. Яшвили не тронули.

Когда Джикия на следствии обвинили в причастности к оппозиции, он не удивился. Но вот ему инкриминируют конкретные высказывания против Берия и Сталина. Джикия поразился: они ведь беседовали втроем — ни Табидзе, ни Яшвили не могли его выдать. Состоялась очная ставка с Паоло Яшвили. После нее поэту стало ясно, что его арестуют, а перед казнью прославят как провокатора.

По воскресеньям его жена, студентка Политехнического института, отправлялась вместе с дочерью-школьницей к своим родителям. Накануне Яшвили взял свое ружье в местном отделении Союза охотников и отнес его в особняк писателей на улицу Мачабели. Написал несколько писем — жене, старшему брату Михаилу, дочери, Лаврентию Берия — и отнес их на почту. На другой день проводил жену с дочерью в гости и, пообещав прийти позднее, отправился в Дом писателей. Поэт присутствовал на каком-то совещании, потом поднялся на второй этаж, где накануне припрятал ружье, и покончил с собой.

Вскоре пришли письма Яшвили. «Если бы я не поступил так, — писал он дочери, — ты была бы более несчастна. Причина моей смерти та, что люди, которые являются настоящими врагами народа, хотели запятнать мое имя...»

В сентябре 1955 года, на судебном процессе в Тбилиси, стало известно о реабилитации Джавахишвили, Табидзе, Яшвили. Генеральный прокурор Руденко зачитал письмо Паоло Яшвили, отправленное Берия накануне самоубийства в июне 1937-го:

«Вы знаете, что я ни в чем не виновен. Прошу вас дать возможность моей жене Тамаре закончить Политехнический институт и избавить от страданий моих родственников...»[28]

Жену Тициана Табидзе Берия почему-то не тронул. Супруга Владимира Джикия отбыла десять лет лагерей, вернулась на родину и после реабилитации поведала нам все, что сохранила память.

Я тебе говорю, воронье:
Весть о жертве, о жесте высоком
Ты встречаешь желудочным соком,
Ты всегда получаешь свое.

Так откликнулся предшественник Тициана, Галактион Табидзе, на гибель Ильи Чавчавадзе в 1907 году. *Так* написал, будто в год тридцать седьмой метил.

Кто сказал, что позорно знаменитая ждановщина — погоня за ведьмами формализма и декаданса началась в 1947 году? В марте 36-го начальник Управления по делам искусств при Совнаркоме Грузии Горделадзе выступил со статьей «Против формалистических извраще-

ний в музыке». Старший надзиратель за артистами, композиторами, художниками, ссылаясь на товарища Берия, упрекает своих подконвойных в том, что они до сих пор еще не сочинили «бодрых песен о новой жизни, о гениях человечества — Ленине и Сталине, — песен, которые распевались бы по всей стране». «Разве дорогой Лаврентий Павлович не создал вам все условия для творческой работы? — вопрошает начальник. — Пора сделать для себя надлежащие выводы!»[29]

Вот так — душевно и доходчиво.

Вскоре состоялось собрание художников, на котором мастера кисти, резца и карандаша обсудили статью газеты «Правда» под не лишенным юмора заглавием: «О формалистическом кривлянии в живописи». Целых три дня ревнители пресловутого соцреализма рубили головы дракону контрреволюции, потом это «творческое собрание» направило товарищу Берия письмо с заверениями в любви и безусловной преданности.

В один барак всех вместе запихнули — литераторов, музыкантов, художников. И артистов. До сих пор с болью вспоминают в Грузии жертву террора, народного артиста республики Сандро Ахметели.

...В конце тридцать седьмого, став признанным Вождем Грузии, Берия позволил себе теоретизировать на тему геноцида. Дескать, кадры старой грузинской интеллигенции состояли из представителей господствующих классов. Поэтому старая интеллигенция враждебна пролетариату. Своими мыслями о пользе истребления коренной грузинской интеллигенции Лаврентий Берия поделился с представителями новой «советской трудовой интеллигенции» на тбилисском общегородском собрании. А чтобы у присутствующих (среди них находились и недобитые) не оставалось никаких сомнений касательно мощи разящей руки ЧК, Берия перечислил имена известных профессоров, писателей, поэтов, этих «агентов фашистских охранок, изменников и предателей», уничтоженных славными Органами[30].

Это выступление придало встрече партийного отца с научной и творческой интеллигенцией Тбилиси доверительный характер.

Председатель Грузинского фонда культуры Тенгиз Буачидзе работал при Берия в ЦК КП Грузии, он помнит некоторые письма, телеграммы, доклады той поры. «Вся грузинская интеллигенция была разгромлена, от университетских профессоров до простых учителей в сельских районах. От Берия Сталин требовал каждый месяц докладывать, как выполнен процент задания»[31].

Подводя итоги трудового года, Малый Папа отметил с понятным удовлетворением: «У нас появилась совершенно новая советская интеллигенция. Она состоит на 80–90% из выходцев из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся»[32].

По некоторым подсчетам, погром пережило не более четверти старой интеллигенции. Спустя тридцать лет светозарный Мао повторит это достижение. Пол Пот его превзойдет.

Осатанев от избытка власти, Диктаторы истребляют цвет собственного народа. Что это — простое совпадение или историческая преемственность?

Гибель Серго

Серго (Григорий) Константинович Орджоникидзе был одним из ближайших помощников генсека. В «театре» Иосифа Сталина он был носителем некоего стихийного начала. Наивный, горячий, он не мог или не хотел уразуметь, что пресловутая сталинская генеральная линия неумолимо ведет к личной диктатуре генсека.

В передовице «Правды» от 22 июня 1927 года некий аноним (вероятно, Емельян Ярославский — этот служил четко, истово) услужливо подвел оппозиционеров под петлю: «Политически эксплуатируя эти трудности, оппозиция поставила тем самым под знак вопроса верность ее пролетариату и большевистской партии в часы опасности». Председатель ЦКК Орджоникидзе, не поняв замысла будущего Вождя, через день на заседании ЦКК гневно осудил это выступление «Правды». Подобное случалось не раз, и, перемещая товарища Серго с партийной работы на хозяйственную, Сталин знал, что делал.

Орджоникидзе будет еще — один или вместе с Кировым — противоречить генсеку в осуществлении разного рода авантюр, но Сталин и не таких ломал.

По-разному относились к Орджоникидзе подручные генсека: Киров — с любовью, Молотов — со скрытой неприязнью, Берия — с ненавистью, еле прикрытой патокой дружеских излияний.

В октябре 1936 года Орджоникидзе исполнилось пятьдесят. Закавказский комитет и лично Берия послали в Москву умиленно-сердечные приветствия. Газеты Тбилиси, Баку, Еревана опубликовали большую, полную приторных эпитетов статью Лаврентия Павловича. Это юбилейное поздравление напечатала «Правда»[33].

Они казались антиподами — порывистый, бескорыстный Серго и преступно-циничный, коварный Берия. Его темное прошлое, его наглость и безудержный карьеризм должны были отталкивать Орджоникидзе. Но их объединяло служение фальшивой доктрине. Вместе с другими функционерами партийной власти они подпирали антинародную диктатуру и нужны были Сталину оба. Но так было не всегда. В 1930 году тогдашний секретарь ЦК КП Грузии Лаврентий Картвелишвили поставил вопрос об исключении Берия из партии. Орджоникидзе вступился за председателя ГПУ. Он уговорил Мамия

Орахелашвили простить товарищу Берия его «прегрешения» и вместе с Орахелашвили сумел переубедить большинство членов ЦК. Очень скоро оба они горько пожалеют о своем заступничестве. Мы уже знаем, как противился Серго в 1931 году выдвижению Лаврентия Берия. Когда на совещании с руководителями Закавказского крайкома партии Сталин предложил поставить Берия вторым секретарем, возмущенные товарищи явились ночью к Серго на квартиру.

— А что я могу поделать? Сколько раз я говорил Ему, что этот человек не заслуживает доверия, но Он меня не слушает... — сокрушенно ответил Орджоникидзе.

Такие отношения между генсеком и Орджоникидзе сложились давно. Не случайно А. Кобахидзе еще в 1922 году публично назвал товарища Серго «сталинским ишаком»...

В дни травли Бухарина Серго встретил на улице его жену, Анну Михайловну, посмотрел на нее скорбными глазами, пожал руку и сказал:

— Крепиться надо[34].

Такой — упавший духом, смирившийся — подручный устраивал генсека вполне, но Сталин помнил, как в дни работы XVII съезда партии «недовольные» собрались именно на квартире Орджоникидзе и вместе с ним обсуждали вопрос о смещении Вождя с поста Генерального секретаря.

Неизбежную развязку приблизил Лаврентий Берия. Многоопытный интриган не упускал малейшего повода уколоть Серго — заглазно, разумеется. Он не обходил своими заботами ни одного друга Серго и, подметив нарастающую внутреннюю неприязнь Хозяина к Орджоникидзе, подогревал ее как мог. А мог он многое.

Молотов никогда не шел на сближение с Берия. В этом не было нужды, да и неспособен был сей закоснелый царедворец на близость ни с кем. Но в кампании травли Орджоникидзе они оказались в одной упряжке — давний сталинский фаворит и новый.

Лишенный интеллекта и проницательности — эти качества с лихвой заменял лакейский нюх, — Вячеслав Молотов давно уловил перемену в отношении Хозяина к наркому. Будучи формально главой правительства, Молотов постоянно урезал необходимые для развития тяжелой индустрии материалы, оборудование, капитальные вложения, сокращал валютный фонд. Серго жаловался генсеку, писал официальные докладные: «Молотов гробит все хорошие начинания, все прогрессивное — только из враждебных чувств ко мне...»

Сталин отмалчивался, а дело страдало. Экономика как таковая интересовала сих великих марксистов лишь постольку, поскольку могла служить политическим целям. Их личным целям.

И Берия, интригуя против Серго, преследовал свою цель — утвердиться на верхних ступенях лестницы власти, под Сталиным, оттеснив сталинского наркома Орджоникидзе.

18 февраля 1937 года, четверг. Через пять дней — открытие пленума ЦК. В повестке дня — доклад Николая Ежова о борьбе с вредительством и содоклад Орджоникидзе о диверсиях на предприятиях и стройках вверенного ему комиссариата.

О том, что прекраснодушный Серго примирился с вредительством на металлургических комбинатах и шахтах, на заводах и фабриках, разговоры велись давно. И что аппарат наркомата у него засорен троцкистами и шпионами. На одном из последних заседаний Политбюро Сталин напрямую обвинил Орджоникидзе в попустительстве врагам народа. Серго вспылил и на другой день учредил особую инспекцию, которой поручил проверить состояние дел на местах. Он создал более десяти комиссий, во главе каждой — опытный чекист из бывших сотрудников Дзержинского. В состав комиссий Серго включил экспертов и разослал их на предприятия и стройки. Вскоре они вернулись в столицу и доложили наркому о том, что нигде не обнаружили ни вредительства, ни актов саботажа. Все рабочие, весь административно-технический персонал трудятся с энтузиазмом, с полной отдачей сил. Орджоникидзе составил официальное письмо в ЦК, приложив к нему подробные отчеты проверяющих.

Неделю спустя почти все члены комиссий были арестованы. В одну ночь, вместе с женами. На следующий день на Лубянку доставили начальников главных управлений Наркомтяжпрома.

Одна из комиссий была направлена в Нижний Тагил. В нее вошел начальник Главного управления строительства наркомата Семен Захарович Гинзбург, работавший в аппарате Серго с 1929 года. Орджоникидзе никогда не верил слухам о разгуле вредительства в Тагиле и попросил Гинзбурга тщательно ознакомиться с ходом строительства, докопаться до истины.

— Скажи мне, пожалуйста, — вопрошал Серго помощника, — как это большевики, боровшиеся против царизма, против буржуазии, жертвуя собой, шли в тюрьму, на каторгу, в Октябре завоевали власть, потом осуществили план ГОЭЛРО, создали индустриальную державу и вдруг превратились во врагов, начали взрывать созданное своими руками. Было подобное в истории человечества?..

В Тагиле Гинзбургу невольно вспоминались эти слова. Никаких признаков вредительства он там не обнаружил. И председатель комиссии, заместитель наркома Иван Павлуновский, опытный чекист,

не нашел ничего крамольного в действиях местных руководителей. Гинзбург успел побывать на других расположенных близ Тагила объектах и указал в докладной записке, что работы на Уралвагонстрое ведутся лучше, чем на остальных стройках Урала.

«Рано утром 18 февраля, едва войдя в свою квартиру, — вспоминает С. Гинзбург, — я позвонил Григорию Константиновичу. Трубку взяла Зинаида Гавриловна и сказала, что Серго плохо себя чувствует, заснул, но несколько раз спрашивал, приехал ли я.

Днем я узнал, что Орджоникидзе скончался.

Спустя некоторое время мне позвонил Поскребышев и сообщил, что товарищ Сталин просил прислать записку о состоянии дел на Уралвагонстрое, о которой ему рассказывал Серго. Написанная мною по дороге в Москву справка была передана в Политбюро. На последовавшем вскоре февральско-мартовском пленуме ЦК докладчик обвинил меня в политической близорукости, поскольку-де сам начальник стройки согласился с обвинением во враждебной деятельности. Однако прошло немногим более года, и моя оценка положения дел на Уралвагонстрое была признана правильной»[35].

Был у Серго Орджоникидзе друг и соратник по работе в Закавказье Тите Лордкипанидзе, один из руководителей Органов ГПУ—НКВД Грузии и Закавказской Федерации. Когда Сталин убедился в том, что этот чекист не годится на роль бездумного исполнителя террористических планов, созревших после убийства Кирова, он перевел его в 1935 году из Тбилиси в Крым. Об этом мы уже писали.

Серго Орджоникидзе не порвал дружбы с Тите Илларионовичем. Они встречались в Москве, а в 1935 году — в Мухалатке. За два дня до гибели Орджоникидзе пришел к нему в больницу. Лордкипанидзе перенес тяжелую операцию, был еще слаб, но обстановка звала к действию. Свидетельницей беседы оказалась сестра больного. Серго пришел столь возбужденным, что забыл с ней поздороваться. Он говорил громким голосом, горячился:

— Надо что-то делать! Надо что-то делать!..

Тите говорил очень тихо, сестра мало что запомнила, но речь шла о гибельной политике генсека. Два товарища искали выход из кровавого тупика.

Когда весть о внезапной смерти Серго пришла в больничную палату, Тите сказал сестре: «Это уже конец»[36].

...Разговор со Сталиным утром 17 февраля, несколько часов с глазу на глаз. И еще — по телефону, после возвращения Серго домой. Безудержно резкий, со взаимными оскорблениями, с русской и грузинской бранью[37].

Поздно вечером наркому позвонил старый коммунист с подпольным стажем И.И. Шварц, председатель ЦК профсоюза работников угольной промышленности.

— Товарищ Серго, у меня забрали начальника Главугля.

— А у меня забрали всех начальников главков. Одну Главрезину оставили.

— Надо что-то делать...

— Пошли к Хозяину, — предложил Серго.

Они отправились к Нему во втором часу ночи. Генсек был внешне спокоен, он ждал вспышки темпераментного Серго[38]. Как выдержало больное сердце наркома эту сцену? Ему было уже за пятьдесят, но он так и не научился подавлять собственный темперамент и часто выпадал из кремлевского ансамбля лицедеев. Он почему-то полагал, что нет ничего важнее *дела*. Для Сталина важнее всего было укрепление личной диктатуры. Они пришла на смену диктатуре партии, подменившей, в свою очередь, так называемую диктатуру пролетариата. Этот столь «естественный» исторический процесс товарищ Серго тоже прозевал...

Итак — срыв кампании, государственной кампании террора, поддержка разоблаченного недавно врага Ивана Павлуновского, Яна Ольского и других опальных чекистов, которых Центральный Комитет вычистил из Органов[39].

...Утром 18 февраля Серго встал поздно, сделал пометку в настольном календаре на листке 19 февраля: «Принять профессора Гальперина».

Жизнь продолжается.

Доведенный до отчаяния постоянной травлей, теряя лучших своих помощников и специалистов, вдруг оказавшихся «врагами народа», Серго еще в 1935 году, после гибели Кирова, почувствовал удавку на шее. В тридцать шестом, в сентябре, взяли заместителя наркома Георгия Пятакова. В свое время его называли в числе возможных преемников Ленина.

Серго посетил Пятакова в тюрьме и обещал сделать все возможное для его освобождения. Может быть, это помогло узнику какое-то время противостоять сталинскому нажиму. Но к декабрю следователям удалось сломать его волю, и в Октябрьском зале Дома союзов, где в конце января тридцать седьмого начался суд над очередной партией «врагов народа», он уже признавался во вредительстве.

До последнего дня генсек не терял надежды усмирить взрывную натуру Орджоникидзе. Чего только он не придумывал, дабы ублаготворить столь естественное в человек тщеславие! Имя Серго было при-

своено заводам и колхозам, школам и институтам, улицам и площадям... Сталин переименовал в честь Орджоникидзе город Владикавказ. Серго жаловался, что неудобно ездить в город, переименованный в его честь, но... терпел. Пятидесятилетие товарища Серго 28 октября 1936 года было отмечено страной как всенародный праздник. В распоряжение Орджоникидзе отпущена крупная сумма на организацию художественной выставки «Индустрия социализма». Нарком ненадолго загорался, потом сомнения вновь брали верх.

Но вернемся на квартиру Серго. В то последнее утро он попытался еще раз убедить Кобу в том, что на его болезненной подозрительности играют темные силы, что из рядов партии вырывают лучших товарищей. Роковой круг неотвратимо сужается. Арестован Алеша Сванидзе, с ним Серго не раз делил последний кусок хлеба. Сестра Алеши была первой женой Вождя, матерью его первого сына...

Незадолго до этого агенты Ежова приходили с обыском на квартиру Орджоникидзе. Оскорбленный, разъяренный Серго весь остаток ночи звонил Сталину. Под утро дозвонился и услышал в ответ: «Это такой Орган, что и у меня может обыск провести. Ничего особенного...»

Рассказывает Зинаида Гавриловна Орджоникидзе:

«...В то позднее зимнее утро Серго сел за письменный стол и долго что-то писал. У него было старинное бюро с гибкой ребристой крышкой, легко двигавшейся вверх-вниз. Он вставал, нервно ходил по кабинету и спальне, вновь садился за стол, ложился на кровать. День уже клонился к вечеру. Нежданный, приехал племянник, Георгий Гвахария, директор Макеевского металлургического комбината. Серго любил его, как родного сына, радовался каждому приезду».

Гость застал Зинаиду Гавриловну в тревоге:

— Серго с самого утра не выходит, не ест, не пьет ничего...

— Да ну!.. Ставь самовар, Гавриловна, скажи, что я приехал.

Она зажгла свет в гостиной. В этот миг за приоткрытой дверью спальни раздался выстрел.

...Серго лежал на кровати в нижнем белье, уронив на пол револьвер. На белой рубахе расплывалось кровавое пятно. Жена бросилась к телефону, позвонила врачу и своей сестре Вере, потом — Ворошилову, Кагановичу, Ежову.

Вера стояла возле бюро, перебирая в руках листы бумаги, исписанные неровными абзацами, лесенкой — так покойный обычно набрасывал тезисы своих докладов. Подошел Сталин:

— Дай сюда! — И выхватил бумаги из рук женщины.

— Вот, товарищ Сталин, — сказала Зинаида Гавриловна, — не уберегли Серго, ни для меня, ни для партии.

— Замолчи, дура!

Вождь прошел в гостиную, вслед — остальные.

— Смотри, какая коварная болезнь! Человек лег отдохнуть, а у него приступ, сердце не выдержало... Надо дать сообщение в газету[40].

Директива генсека была принята, как обычно, безгласно.

Женщины одели покойного, перенесли тело в гостиную, положили на стол. Сцепили пальцы на груди, под локти пристроили две стопки книг. Сталин придал лицу соответствующее моменту выражение скорбного величия и кивнул фотографу, своему старшему охраннику Николаю Власику.

Секретарь совета Наркомтяжпрома Анатолий Семушкин жил в Доме правительства, на набережной Москвы-реки. Член партии с 1917 года, сотрудник политотдела 11-й армии, он знал кое-что о деяниях Лаврентия Берия той поры не понаслышке.

В половине девятого вечера ему позвонил Волков, личный шофер наркома:

— Серго плохо, я сейчас приеду за тобой.

...Семушкин вошел в гостиную, увидел мертвого Серго в окружении членов Политбюро.

— Убили, сволочи, убили!

И упал в обморок. Его подняли, перенесли на диван. Волосы на висках мгновенно побелели.

В просторном доме уже шныряли охранники, как-то тихо, ненавязчиво. На другой день вечером вдова заметила в верхнем ящике бюро пропажу пистолетов, их у Серго было четыре — память революционных лет. Она была пуглива, не очень внимательна, но это заметила. И беспорядок в бумагах. Обнаружив следы грязной работы, Зинаида Гавриловна позвонила Амаяку Назаретяну, в Комиссию партийного контроля: «Ты знаешь, что у меня делается! Все в доме перерыли, даже именное оружие Серго забрали».

На всякий случай собрала все фотографии Серго, сожгла их. Окровавленное белье свернула и спрятала под одеяло. Она сохранила его до пятьдесят шестого года и показывала после XX съезда близким друзьям.

21 февраля была образована комиссия ЦК по наследию Серго Орджоникидзе. В нее вошло шесть человек, в их числе — Анатолий Семушкин, Лев Мехлис. Председателем Сталин назначил Лаврентия Берия. Вождь знал, кого назначает. Он лично благословил представительную комиссию и сказал Семушкину, отечески похлопав его по плечу: «Давай разбирай архив Серго, создавай музей!»[41]

Через неделю Семушкина пригласили на Лубянку. Он охотно поехал, ожидая от товарищей чекистов действенной помощи в розыске материалов к биографии Серго. Оттуда Семушкин не вернулся. Было ему тогда сорок два года.

Он учился в университете на факультете общественных наук (ФОН). Преподаватели приезжали к нему домой ежедневно, занимались с 8 до 10 часов утра. В 10 часов 30 минут Семушкин был уже в наркомате. Закончил четвертый курс, все экзамены сдал на «отлично». Серго сработался с ним, полностью доверял, в аппарате наркома он был незаменим.

— Закончив институт, — шутил Серго, — поедешь вместе с женой в Америку, посмотришь, как люди живут...

Григорий Орджоникидзе приметил энергичного, исполнительного политотдельца еще в 1921 году, взяв его к себе. И не расставался с ним до конца. Семушкин стал невольным свидетелем грязных политических махинаций подозрительной пары Багиров — Берия. Об остальном его информировал Орджоникидзе. Тайные пружины травли наркома тяжелой промышленности давно перестали быть для Семушкина тайными. Словом, у Лаврентия Берия было достаточно причин опасаться бессменного помощника Серго.

Летом Семушкин жил на даче, в Заречье, занимал вместе с женой, Анной Михайловной, большую комнату на первом этаже. Там раньше обитал Авель Енукидзе.

Утром 9 июля Анна Михайловна приехала к вдове Орджоникидзе.

— Зинаида Гавриловна, вчера Анатолия вызвали в НКВД, и он до сих пор не вернулся. Лифтер в Доме правительства сказал, что наша квартира опечатана и все квартиры выше — тоже.

Зинаида Гавриловна набрала по кремлевской «вертушке» кабинет Ежова. Наркома не оказалось на месте. Позвонила Микояну:

— Анастас, Семушкина арестовали.

— Это недоразумение. Сейчас выясним.

— Его жена находится у меня.

— Минутку. — Микоян позвонил кому-то и сообщил: — Пусть Анна Михайловна живет на даче и никуда не уезжает.

Она вернулась на дачу вместе с Зинаидой Гавриловной. А вечером прибыли чекисты. Один агент взял Зинаиду Орджоникидзе на прогулку в лес, второй предложил Анне Семушкиной поехать на квартиру для производства обыска.

...Машина выехала на Садовое кольцо.

— Вы не туда повернули, — заметила Анна Михайловна, — надо сейчас на Арбат.

— Куда надо, туда и едем.

Когда-то Анна Семушкина работала в комендатуре Кремля телефонисткой на верхнем коммутаторе. Сидела в кабинете Ленина, уже после его смерти. Соединяла членов правительства по фамилиям. И вот теперь...

Следователь: Вы знали, что ваш муж убил товарища Орджоникидзе? Знали, конечно. Почему не донесли сразу?

Семушкина: О чем вы говорите?.. Спросите у сына товарища Сталина Яши. Мы в тот день были вместе на даче.

Следователь: Нечего спрашивать, и так все ясно. Подпишите свои показания.

Семушкина: Я не могу это подписывать...

Следователь вызвал из коридора охранника:

— Вот гражданка Семушкина не желает подтвердить данные ею же показания. Расписываюсь в вашем присутствии за нее.

И расписался. Он получил, очевидно, точную директиву на сей счет.

Семушкин погиб, Анна Михайловна «отделалась» восемью годами лагерей. Вначале ей инкриминировали статью 58, пункты 8 и 12, через пункт 17 — соучастие в терроре. Однако материалы, сочиненные следователем, выглядели бы на суде столь абсурдно — даже для того времени, — что Семушкину пришлось «пропустить» через Особое Совещание. Решение ОСО было, как обычно, предельно кратким: ЧСР (член семьи репрессированного) — 8 лет[42].

У супругов Орджоникидзе своих детей не было, они взяли одного мальчика, но приемный сын заболел и умер, когда ему было четыре года. Потом Серго с Зинаидой Гавриловной приютили Этери, воспитали ее. Однако Этери доверительно сообщала всем, что она родная дочь Серго, что он прижил ее с некой любовницей. Эти разговоры дошли до Зинаиды Гавриловны, которая растила Этери с любовью, отдала ей часть жизни.

После гибели Орджоникидзе Этери вышла замуж и вместе с мужем стала служить Сталину. С их помощью генсек следил за каждым шагом вдовы и друзей покойного Серго.

Это деликатное дело Хозяин поручил Берия, который часто бывал в Москве. Молодая пара выискивала в доме все рукописные материалы и передавала их по назначению вместе с книгами, где имелись пометки, сделанные рукой Серго.

В конце концов Зинаида Гавриловна предложила Этери с мужем переехать на их городскую квартиру. Берия незамедлительно явился к вдове.

— Зачем ты выгнала своих детей?

— А какое тебе дело? Это же мои дети.

Зинаида Гавриловна, по натуре робкая, на этот раз проявила твердость. Но Берия не так просто отказывался от задуманного:

— Послушай, Зинаида, так нельзя поступать...

— Нет, с ними я ни за что вместе жить не буду!

После ареста Семушкиной вдова Орджоникидзе приютила ее малолетнего сына, но лубянские радетели направили его в детский дом, в Пензу.

В ведомстве Берия на Зинаиду Гавриловну завели оперативное дело под грифом «Наблюдение за Шустрой». Такую ей дали агентурную кличку.

Незадолго до кончины Зинаида Гавриловна обратилась в ЦК с письмом. Она просила ни в коем случае не допускать приемную дочь к своему гробу и завещала все имущество сестре Вере. Однако Этери пренебрегла последней волей Зинаиды Гавриловны и не только присвоила имущество, но и председательствовала на поминках за столом[43].

...Сталин подбирался к Серго давно. Тут его интересы совпадали с намерениями Берия. Лаврентию Павловичу было дано разгадать за внешним дружелюбием, за горячими объятиями, которыми удостоивал Серго генсек, тайную неприязнь Вождя к порой излишне совестливому наркому.

У Серго Орджоникидзе был старший брат, Папулия. В начале тридцатых годов он служил начальником политотдела управления Кавказской железной дороги. Берия арестовал брата Серго в конце тридцать шестого вместе с женой и детьми. То был тяжелый удар, в самое сердце. Разве мог Орджоникидзе предполагать, что Папулия взят по прямому указанию генсека? Он просил Сталина:

— Слушай, вызови брата, допроси его сам, и ты увидишь, что он ни в чем не виновен.

— Я полностью доверяю НКВД, — отвечал Хозяин. — И не приставай ко мне больше с этим делом[44].

На собрании партактива Тбилиси 21 марта 1937 года Лаврентий Берия прочитал развернутый доклад об итогах пленума ЦК ВКП(б). Выступившие в прениях клеймили хором все новых и новых «врагов народа». Один из ораторов с щедро оплаченным рвением проклинал «фашиста и вредителя-диверсанта Розенцвейга», бывшего начальника Закавказской железной дороги, и «его банду сообщников». В этой банде состоял — не мог остаться в стороне — и старший брат Серго Орджоникидзе. Работу политотдела критиковали многие. А Папулия уже сидел, его взяли еще до ареста Розенцвейга.

Лаврентию Берия не терпелось: Папулия Орджоникидзе, старый партиец, не только не оказывал никакого почтения сталинскому наместнику, но и не скрывал своей неприязни. Этого мстительный сановник не прощал никому. Берия не забыл, как Папулия отнесся к его переезду в дом на улице Мачабели, где начальник политотдела вместе с двумя машинистами занимал второй этаж. Папулия приказал отобрать барскую мебель, которую молодой секретарь ЦК завозил к себе на первый этаж[45].

Наделенный богатым чувством юмора, всегда приветливый, открытый, добрый, Папулия был наставником юности Серго. Арестовывая Папулия Орджоникидзе, Берия точно рассчитал удар. Он без труда внушил генсеку мысль убрать опасного человека. Надо было припугнуть популярного в партии Орджоникидзе. После убийства Кирова, когда началась кампания массовых репрессий, Серго все чаще и настойчивее призывал генсека соблюдать меру. Хотя бы меру…

Он вновь и вновь доказывал Сталину абсурдность ареста старшего брата:

— Какой же он враг? Папулия принимал меня в партию. Значит, и меня надо заодно арестовать!*

Генсек был неумолим. У НКВД имеются проверенные не один раз доказательства вредительской деятельности Папулия. Он оказался пособником врагов народа. Партия не может прощать измены рабочему делу. Прошлые заслуги тут в расчет не берутся…[46]

Папулия из тюрьмы уже не вышел. Тройка НКВД Грузинской ССР приговорила его к смертной казни 9 ноября 1937 года. Но Берия не мог оставить своими заботами и младшего брата Серго. Константин Орджоникидзе служил в Управлении гидрометеослужбы при Совнаркоме СССР. Взяли его после гибели старших братьев, дали пять лет. Для начала. И уже не выпускали до осени 1953-го. Вот несколько решений Особого Совещания по делу Константина Орджоникидзе: 26 августа 1944 года — 5 лет. 30 ноября 1946 года — 10 лет. 4 августа 1953 года — 5 лет.

Реабилитация — 1 сентября 1953 года.

Жестокую расправу учинил Сталин и над Тите Лордкипанидзе. Злая память генсека хранила неожиданный приезд Лордкипанидзе в декабре 1934 года в Ленинград, его попытки самостоятельно расследовать обстоятельства убийства Сергея Кирова. И дружбу Лордкипанидзе с Серго Сталин не оставил без внимания. Тите Илларионовича взяли в июне тридцать седьмого и учинили следствие при участии таких маститых костоломов, как Богдан Кобулов и Никита Кримян. Вместе с ним были казнены десятки его бывших сотрудников. Через

полгода арестовали Надежду Викентьевну. Особое Совещание определило ей лагерный срок — восемь лет. Когда она его отбыла, Карагандинский суд добавил еще шесть. Новую кару она накликала, вероятно, своими частыми жалобами в Москву. Ответы в лагерь приходили из Кремля. Значит, за судьбой вдовы Лордкипанидзе следил лично Берия или даже сам Хозяин.

Брат Тите, Степан Илларионович, провел в заключении десять лет. В 1937 году расстреляны секретари Лордкипанидзе — Агабалян и Александров, а личный шофер Тите — Джапаридзе получил свою «десятку»[47]. Андрей Штепа, заместитель Лордкипанидзе, успел покончить с собой[48].

Итак, обстоятельства гибели Орджоникидзе известны. О них Зинаида Гавриловна подробно рассказывала О.Г. Шатуновской, И.М. Гронскому и другим давним друзьям. Но ведь вдову Серго мог запугать тот же Берия. Не под угрозой ли расправы она повторяла детальный рассказ о том роковом дне и двадцать лет спустя, после XX съезда партии?

Мы не упомянули еще об одном обстоятельстве, связанном с внезапной смертью Серго. В начале февраля 1937 года Орджоникидзе, гуляя с Микояном и Ворошиловым по Кремлю, говорил о самоубийстве как о единственном исходе. Он был подавлен, он прямо сказал, что не выдержит более ни одного дня... Однако подобное свидетельство Ворошилова и Микояна «по секрету» близким людям не в угоду ли генсеку было ими сочинено?

Более достоверными представляются воспоминания А.Т. Рыбина, служившего одно время шофером у Орджоникидзе, потом, с 1929 года, в личной охране Сталина. 12 февраля 1937 года коллега Рыбина стоял на посту возле квартиры Серго и, услышав выстрел, не вошел внутрь. Он действовал, вернее, бездействовал согласно полученному приказу.

По свидетельству С.З. Гинзбурга, в тот день Орджоникидзе несколько раз в нетерпении спрашивал жену, не звонил ли начальник управления Гинзбург, который должен прибыть утром из Тагила. Все это мало похоже на поведение человека, решившего своей рукой оборвать жизнь. Но самое важное в воспоминаниях Гинзбурга впереди.

После смерти Орджоникидзе Гинзбург встретился с заместителем наркома (фамилию он не называет), который днем 18 февраля шел к Серго по спешному делу без вызова. Перед входом он чуть не столкнулся с каким-то человеком в черном костюме. Мужчина в крайнем возбуждении выкрикнул: «Это не я! Это не я! Меня заставили...». И пробежал мимо.

Долгое время вдова Орджоникидзе, вспоминая о том роковом дне, замалчивала важные подробности. Оказывается, Серго выходил из дома и вернулся через два часа в состоянии крайнего возбуждения. Некоторое время спустя к нему явились неизвестные Зинаиде Гавриловне лица. За дверью слышался шумный, до крика, спор, раздался выстрел, люди покинули кабинет и, отстранив хозяйку, вышли на улицу. По воспоминаниям Бориса Пономарева, бывшего кандидата в члены Политбюро, Орджоникидзе в тот день заходил в кабинет генсека. Сталин с порога отвергал все упреки наркома, требуя от него разоблачения «врагов народа». Доведенный до крайности, Серго схватил Кобу обеими руками и, приподняв, бросил на пол. Тот молча поднялся, Серго выбежал, хлопнув дверь. Через 20 минут на квартиру Орджоникидзе явился посланец Сталина: «Григорий Константинович, вы должны тут сами с собой разобраться. В противном случае за вами через час придут»[49]. Эти факты подтверждает сын Валериана Куйбышева: застрелил Серго Орджоникидзе комиссар личной охраны Прокофьев.

Орджоникидзе погиб, так и не поняв до конца, *кому* служил столь беззаветно, какой колоссальный вред нанес народам — грузинскому, русскому, и не им только. На ноябрьском пленуме 1929 года Орджоникидзе набросился на правых, назвав заявление Бухарина, Рыкова, Томского жульническим документом. Ему предстояло еще не раз выступать в роли подручного Сталина.

В марте тридцать седьмого Чрезвычайный IX Всеазербайджанский Съезд Советов послал приветствие любимому руководителю большевиков Грузии — Лаврентию Берия, которого вдохновляют «вечно живущие в нашей памяти славные соратники Сталина, освободители народов Закавказья Серго Орджоникидзе и Сергей Киров».

Одного освободителя Сталин прикончил без помощи Берия, зато в охоте на второго Лаврентий Павлович принял живое участие. Теперь вот — «вечная память»...

По решению ЦК и СНК в тридцать седьмом году был объявлен конкурс на лучший проект памятника Орджоникидзе. Конкурс длился три года. Осуществлению проекта помешала война. К 1946 году Комитет по делам искусств подготовил, кроме фигуры Серго Орджоникидзе, еще четыре памятника: Максиму Горькому, Алексею Толстому, Юрию Долгорукому и Павлику Морозову. Ответственный секретарь художественного совета Главизо Н.Н. Туровников вспоминает, что тогда же председатель комитета М.Б. Храпченко направил на имя Сталина список этих памятников с просьбой санкционировать установку. Через несколько дней ходатайство вернулось в комитет с

визой Сталина. Лишь одно имя было вычеркнуто красным карандашом — товарища Серго[50].

И еще одна памятная дата — год 1939-й. Скульптор М.Д. Шадр представил на Всесоюзную художественную выставку «Индустрия социализма» композицию «Серго Орджоникидзе в горном походе». Он несет на руках больного ребенка. Накануне открытия экспозиции кто-то распорядился убрать скульптуру. Через дверь ее вынести не удалось, тогда рабочие разбили фигуры на куски. Велико было горе Шадра, но его даже не позвали на «демонтаж» скульптуры...[51]

Террор становится бытом

Февральско-мартовский 1937 года пленум ЦК ВКП(б). Он открыл все шлюзы для массового террора, развязанного Сталиным после убийства Кирова. Берия спешил поделиться своими впечатлениями об историческом пленуме. 21 марта он выступил с докладом на собрании актива столицы Грузии.

Папа Малый начал с проклятий в адрес исключенных из партии Бухарина и Рыкова. «На пленуме ЦК, — вещает Лаврентий Берия, — они вели себя как двурушники, предатели рабочего класса». Правых он называет вместе с троцкистами презренной бандой отъявленных врагов советского народа, оголтелыми вредителями, диверсантами, убийцами. И — реставраторами капитализма.

Полный набор.

В Грузии тоже удалось снять богатый урожай врагов. «Мы вскрыли грузинский троцкистский центр террористов и вредителей, целиком состоявший из бывших национал-уклонистов и троцкистов», — рапортует Берия. Он рисует подробную картину мифического заговора, он демонстрирует документ, из которого следует, будто национал-уклонисты были связаны с Троцким уже в 1917 году. Тогда Лев Троцкий сам еще не знал, что станет троцкистом, он довольствовался скромной ролью одного из руководителей революции и Вождя Красной Армии... Но какое дело Лаврентию Берия до подлинной истории? Он выполнял заказ.

В прениях по докладу секретаря ЦК выступило 34 оратора. Секретари райкомов, бия себя в грудь, каялись в упущениях, недостатках, потере бдительности. Зрительный зал театра имени Шота Руставели вмещал две тысячи человек. Вели они себя как кролики, приглашенные на убой. Но вот дошла очередь до партийцев, примкнувших к национал-уклонизму, и кролики в один миг обернулись хищниками. Ораторы потребовали от своих недавних товарищей, от

Ш. Матикашвили, Т. Жгенти, С. Мегрелишвили, Сабашвили и Пирцхалавы, *до конца* рассказать о своих ошибках, о связях с «контрреволюционным подпольем... с подлейшими врагами народа — Буду Мдивани, М. Торошелидзе, П. Агниашвили, М. Окуджава...».

В зале почудился лязг тюремных замков, запах крови ударил в чуткие поздри членов президиума. Началось усердное самобичевание кандидатов на тот свет. Кого-то этот массовый стриптиз не удовлетворил: почему товарищи Мегрелишвили и Жгенти умалчивают о своих связях с троцкистским центром?!

Командующий войсками Закавказского военного округа М.К. Левандовский призвал к повышению наступательной революционной бдительности. Сколько ему самому осталось жить-наступать? Каких-нибудь полгода...

Но всего этого Лаврентию Берия показалось мало. В заключительном слове он корил горком за беспечность: именно здесь, в Тбилиси, действовал троцкистский центр, здесь «подлые мерзавцы» творили черные дела. «Пусть никто не думает, что мы уже всех врагов разоблачили и уничтожили. Товарищ Сталин учит нас, что борьба предстоит острая, а дальше будет еще острее»[52].

Это целая программа террора на текущий год. И — на перспективу. В апреле в партийных организациях Грузии началась выборная кампания. То был предлог для разжигания гражданской войны. Коммунист резал коммуниста. За шельмованием («товарищеской критикой») следовали непременно арест и казнь, разграбление имущества, изгнание семьи.

8–10 апреля состоялся актив работников Закавказской железной дороги. Прежний начальник, Розенцвейг, уже сидит, его клеймят как «фашиста». Новый начальник, Паверман, называет имена врагов: Дандурова, Енша, Русинова, Свирского, Саакова[53]. Это — троцкистское охвостье, оно подлежит отсечению. Остальные каются. Каются, искательно заглядывая в холодные очи Лаврентия Павловича, — он тоже здесь.

Перечислить все жертвы бериевского произвола этих двух лет невозможно, но о некоторых просто умолчать нельзя.

Владимир Иванов-Кавказский, партиец с подпольным стажем, активный участник революции, занимал в тридцать седьмом ответственный хозяйственный пост. Берия казнил его вместе с женой (она сгинула в лагере) и с сестрами. Первой погибла Елена, за ней — Мария, которая была замужем за первым секретарем ЦК Армении Айказом Костаняном (его арестовали в Москве). Выжила, в лагерях,

только младшая сестра Иванова, Тамара. Ее супруга, секретаря грузинского ЦК Михаила Кахиани, Берия взял в тридцать шестом.

Дважды в течение трех лет (1935–1937) снимал-уничтожал Лаврентий Берия партийную верхушку Закавказского крайкома. И руководителей хозяйства федерации полностью сменил дважды. Председатель Совета народного хозяйства ЗСФСР Георгий Курулов попал в тюрьму вместе с двумя заместителями. Там их и прикончили. После обычных пыток.

Александр Камараули был директором фабрично-заводского училища в Тбилиси. Замечательным директором, всеобщим любимцем. Он продал дом — отцовское наследство — и на вырученные средства построил с помощью учащихся общежитие для них. Всего себя отдавал училищу, любимому делу. Это показалось весьма подозрительным. Пришлось расстрелять директора, а заодно — двух его братьев.

Бдительное око Берия постоянно выискивало врагов в среде преподавателей и научной интеллигенции. Вызвав к себе директора Учительского института Виргинию Джанпаладян, он потребовал подробных сведений о каждом преподавателе. Одного из них, Рафаила Агамаляна, он приказал арестовать сразу. Агамалян окончил Институт красной профессуры в Москве (ИКП), преподавал ранее в Академии имени Крупской[54].

Печать того времени была насквозь пропитана духом провокаций. И если на Тбилисской бумажной фабрике участились аварии, искали причину не в устаревшем оборудовании, вопили: «Рука врага!»[55].

Один из работников театра имени З. Палиашвили по сугубо личным мотивам, в состоянии аффекта, застрелил директора А.М. Чкония. И что же? «Погиб от вражеской руки... Вероломный враг вырвал из рядов...»[56]

Тридцать седьмой стал памятным и для детей. «Свыше 80% воспитанников детдомов в Сухуми и Гудаутах, — сообщает «Заря Востока», — это дети помещиков, князей и кулаков». В одном интернате обнаружено оружие. Воспитанники используют его при ограблении кооперативов. Так, так... Родителей забрали-казнили, детей поместили в приюты. А зачем? Сталинская милость не беспредельна. Заодно следует сослать и взрослых, тех, что засели в Наркомпросе и покровительствуют детям врагов народа. Такой намек уже сделан[57].

Как могли выдержать этот поток седые тюрьмы Иверии? Берия любил обходить камеры тюрьмы, наблюдать в «глазок» за своими жертвами. В этих освежающих душу прогулках Вождя-наместника сопровождал обычно нарком внутренних дел Николай Рухадзе.

Лаврентий Картвелишвили

К нему Берия подбирал ключи давно. На предмет уничтожения. Но в 1932-м генсек перевел Лаврентия Картвелишвили на Дальний Восток, присвоив ему приличия ради — что скажут соседи-японцы о назначении сюда грузина? — другую фамилию — Лаврентьев. Через три года «товарища Лаврентьева» перебросят в Крым.

...Это случилось в начале тридцать седьмого. В полдень домой к Картвелишвили пришли из Крымского обкома и зачитали решение ЦК об исключении из состава Центрального Комитета Енукидзе, Карахана, Орахелашвили, Шеболдаева. Требовалась подпись секретаря обкома, в знак согласия и поддержки линии ЦК. Когда курьер ушел, Картвелишвили сказал жене: «Посадят, расстреляют, а потом «опросно» голосуй...».

Он возмущался. Но — подписывал.

В июне ему представилась возможность проголосовать за исключение новых врагов — вместе со всеми членами ЦК, очно. В Москве Картвелишвили остановился, как обычно, в гостинице «Метрополь». Здание устраивало генсека вполне, там подслушивающие устройства были установлены давно.

Картвелишвили приехал один. Это был первый случай, когда он оставил жену дома. Лаврентий страдал диабетом, Ольга Никитична не покидала его ни на один день, следила за соблюдением режима, заботилась о питании.

Пленум завершил работу 29 июня исключением из состава ЦК сорока членов[58]. Вместе со всеми за передачу их Органам голосовал Картвелишвили.

Поздно вечером в номер гостиницы позвонил Ежов:

— Лаврентий, тут у нас многие ссылаются на тебя. Заходи, надо кое-что уточнить.

Товарищ Лаврентий зашел и... не вышел.

Жена оставалась в неведении, она позвонила из Симферополя в постоянное представительство Крыма в Москве, ей ответили, что Картвелишвили командирован Центральным Комитетом на Северный Кавказ.

Картвелишвили отвезли на «Дачу пыток», в знаменитую Сухановскую тюрьму. Там его видел другой узник, секретарь Реденса, Михаил Андреевич Якобашвили. Он пережил сухановский кошмар.

«Вначале меня травили каким-то газом. Сколько это продолжалось, не помню. Пришел в себя в камере. Там на полу я увидел лежавшего Лаврентия Картвелишвили. Он бредил, стонал. Меня не узнавал, если поднимал голову, показывал в угол камеры и опасливо шептал:

«Кондратик! Кондратик!..» Я пытался заговорить с Лаврентием, но он забывал свое имя. Одежда на нем была разодрана, в крови. Даже кальсоны. Ночью Картвелишвили забрали, утром приволокли назад, на сером одеяле, окровавленного, без чувств.

— Вот что будет с тобой, если не подпишешь, — сказал следователь, тыкая в тело Лаврентия».

Михаил Якобашвили подписал все, о чем «просили». Это были показания на бывшего шефа Станислава Реденса и еще на кого-то. На кого, он не запомнил.

Свидетельствует Ольга Никитична Картвелишвили.

«Меня арестовали 27 сентября 1937 года как жену одного из руководителей право-левацкого, троцкистского контрреволюционного центра. То обстоятельство, что Лаврентий никогда ни в какой оппозиции не состоял, им было без надобности. И то, что я с юных лет служила в органах ЧК, — тоже.

В моем следственном деле значилось, что все троцкистские связи Картвелишвили осуществлял через меня. В руки следователя попала переписка Лаврентия с работниками Монгольской Народной Республики. В одном письме обнаружили «условную фразу», вот эту: «Особенный привет Ольге».

Дугин, помощник Лаврентия Картвелишвили, показал под пытками: «Ольга имела большое влияние на мужа. Все троцкистские кадры составляла она. Если ей кто в крайкоме не нравился, этого работника сразу убирали...»

После XX съезда партии Лаврентий Картвелишвили был посмертно реабилитирован. Одним из первых.

...Вдова пришла в мае 1956 года на прием к председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенанту юстиции А.А. Чепцову. Никита Хрущев работал на Украине вместе с покойным мужем Ольги Никитичны и дал указание — ознакомить вдову с материалами «дела». Чепцов сообщил вдове, что Лаврентия возили в те края, где он возглавлял партийные Органы. И везде били, пытали.

— В чем его обвиняли в Киеве? — спросила Ольга Никитична.

— Якобы он пытался отторгнуть Украину от России, — пояснил председатель коллегии.

Из Киева Картвелишвили повезли в Тбилиси. Там пытками добивались признаний во враждебной деятельности — за отделение от России Грузинской республики. И Дальневосточный край Картвелишвили хотел передать в руки врагов. Кроме того, заслуженного партийца обвиняли в шпионаже в пользу Японии.

Чепцов предложил Ольге Никитичне материалы дела, несколько томов, но не советовал читать...

Вскоре вдова Картвелишвили получила официальное уведомление из Прокуратуры Союза: «Дело Вашего мужа, Лаврентия Картвелишвили, сфальсифицировано лично Л. Берия и Б. Кобуловым, при техническом исполнении Кримяном и Савицким. Указанные лица понесли заслуженное наказание».

Рассказ Ольги Никитичны подходит к концу.

«В КПК в дни реабилитации удивлялись: как это меня, с таким букетом обвинений, не расстреляли? Вероятно, если бы меня взяли не в Крыму, а в Москве, мне бы не дожить до реабилитации...

Представлял меня комиссии ответственный сотрудник КПК Тикунов: «Вот, товарищи, ветеран тюрьмы среди женщин. Почти три года провела в камере...»

Действительно, «судили» меня лишь в начале 1940 года, дали пять лет. В длительной тюремной сидке виновата я сама. Мне хотелось, чтобы следователь назвал Лаврентия «ленинцем-сталинцем». Я просила, настаивала. Я требовала. Это в моем-то положении... Мне казалось, что тогда с Лаврентия снимут все обвинения.

Странно, меня не пытали, только держали ночами в холодном, сыром умывальнике — без кровати, без сна».

Берия был к ней милостив...

Мамия и Мария Орахелашвили

Мамия Дмитриевич Орахелашвили, врач, в юные годы вступивший в большевистскую партию, слыл отважным подпольщиком и образованным марксистом. В годы Советской власти возглавлял правительство, а потом и партийную организацию Закавказской Федерации. Его жена, Мария Платоновна, стала народным комиссаром просвещения Грузии.

Когда Берия занял командные посты — вначале в Грузии, затем в Закавказье, — Мария Орахелашвили, казалось, делала все, чтобы лишить покоя Железного Стража Кавказа. Достаточно наслышанная о темном прошлом сталинского фаворита, она в годы пребывания в Баку пыталась дознаться, какая все же организация принимала в партию знаменитого чекиста.

...Как-то Берия проезжал мимо дома Орахелашвили и, заметив у подъезда юную Кетеван, остановил машину, вышел и заговорил с ней. Мать возвращалась домой, заметила эту сцену:

— Кетуся, зачем ты разговариваешь с этой жабой?

Этого отец Кето, Мамия Орахелашвили, позволить себе не мог. Напротив, в ноябре тридцать первого, выполняя волю Сталина, он приложил огромные усилия к тому, чтобы притушить неприязнь ан-

парата Грузинского ЦК к новоявленному секретарю. Берия воздал ему в тридцать седьмом. Соратник Ленина Мамия Орахелашвили оказался «врагом народа». Его отправили в тюрьму вместе с супругой и подвергли страшным пыткам. Марию Платоновну всякий раз после допроса кидали в камеру без сознания, окровавленную. В последний день тюремщик дал ей взглянуть на себя в осколок зеркала. Увидев то, что осталось от нее — чужое, изуродованное лицо, редкие слипшиеся клочки седых волос на голове, — она упала в обморок. Узницу выволокли в коридор и тут же, у двери камеры, пристрелили.

Кетеван, тогда уже мать двоих детей, отправили в лагеря. Мужа ее, Евгения Микеладзе, замучили в тюрьме. Он был главным дирижером Театра оперы и балета имени Захария Палиашвили. Берия приказал взять его прямо в театре после генеральной репетиции — во фраке, с букетами цветов в руках. В Грузии рассказывают, будто следователь-палач, узнав, что имеет дело с выдающимся музыкантом, проколол ему ушные перепонки. Может быть, это легенда, но правда о тех днях и ночах была ужаснее вымысла.

Кетеван вернулась из лагеря в 1955 году и сразу позвонила Анастасу Микояну. Он тогда активно помогал Хрущеву в кампании реабилитации сталинских жертв. Однако Барабанов, начальник канцелярии, не соединил ее с шефом. Кетеван попросила помощи у Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе. Та позвонила Барабанову.

— Как? — удивился он. — Разве она в Москве?

— Она живет у меня и могла бы давно пойти со мной к Анастасу Ивановичу домой, но не хочет нарушать кремлевские правила.

...На приеме у Микояна Кетеван не преминула заметить, что начальник канцелярии скверно с ней обошелся, две недели уклонялся от вразумительного ответа. Микоян поспешил переменить тему беседы, повторив несколько раз с удивлением: «Если бы я тебя встретил на улице, я бы тебя не узнал!..»

— Чему вы удивляетесь? Даже те, что нежились в холе и достатке, даже они изменились за это время. А я жила эти годы как последняя каторжанка. Вас не удивляет то, что я вообще жива осталась?

— Подумать только, каким мерзавцем оказался Берия, — заметил Микоян.

— Я об этом знала уже в пятнадцатилетнем возрасте...

Кетеван знала и другое — чью волю исполнял Лаврентий Берия.

Вдова Орджоникидзе сохранила в кабинете Серго все как было в день кончины. На письменном столе — календарь, открытый на дате 17 февраля 1937. Ручка, которой писал нарком за час до гибели. Над столом — портрет Иосифа Сталина.

Кетеван не сдержалась:

— А этот мерзавец почему здесь остался?

— Ты что, — испугалась хозяйка, — разве можно так?..

Представителем Американской администрации помощи голодающим (АРА) в Грузии в 1921 году был Шелковников. Служили в его конторе люди образованные, европейского склада. Среди них — сестра Марии Орахелашвили, Нина Платоновна Амиреджиби. В 1927 году некоторых сотрудников АРА арестовали, взяли и Нину Платоновну. Сестра кинулась к Станиславу Редепсу, который тогда работал в Москве, в ЦКК. Но он помочь не смог.

В этой ситуации Реденс мог лишь разрешить сестре Марии Орахелашвили свидание с детьми и племянницей Кетеван.

Приговор был мягким — всего три года высылки в город Козлов. В 1934 году Нина Платоновна приехала в Ленинград, где учился ее сын Алик. После убийства Кирова сына выслали вместе с матерью в Оренбург. Алик начал работать архитектором, но пришел год тридцать седьмой, и его казнили. Вместе с матерью.

В сентябре 1955 года Кетеван Орахелашвили присутствовала на судебном процессе над подручными Берия, залившими кровью земли Грузии в тридцатые годы. И не только в тридцатые. Там, в Доме культуры железнодорожников, ей стали известны подробности гибели родителей. Она держалась, держалась все девять дней суда, лишь один раз упала в обморок. В тот день Генеральный прокурор зачитал письмо сына погибшего от руки Берия Вождя абхазского народа Нестора Лакоба.

После реабилитации Мамия Орахелашвили и всех членов его семьи на фасаде дома, где он проживал, установили мемориальную доску. Под ней — вторую, в память об Э. Бедия, который в свое время ревностно служил Лаврентию Берия. Позднее сталинский наместник уничтожит и этого подручного. Незадолго до смерти Кетеван Орахелашвили, оскорбленная соседством мемориальных досок, молила Бога: «Пусть уж снимут имя отца, лишь бы оно не стояло рядом с именем палача».

В кинофильме «Покаяние» Кетеван Баратели зарабатывает на жизнь приготовлением тортов. Создавая этот образ, Тенгиз Абуладзе помнил о Кетеван Орахелашвили. Вернувшись после восемнадцати лет лагерей в родной Тбилиси, она вынуждена была выпекать торты. Надо было жить, кормить детей[59].

...Ежедневный маршрут режиссера в киностудию лежал по улицам Мамия Орахелашвили, Евгения Микеладзе, Сандро Ахметели. Но не только именами погибших названы улицы...

Судебные процессы

Но мы еще не рассказали о процессах тридцать седьмого, о так называемых открытых судебных процессах, которые Берия устраивал в Грузии по московским образцам.

В августе судили контрреволюционную организацию, свившую гнездо в Сигнахском районе. Эта вредительско-шпионско-диверсионно-террористическая банда действовала по указке «подлейших врагов народа» Германа Мгалоблишвили (когда его успели схватить, председателя Совнаркома?), П. Агниашвили... В обвинительном заключении содержится обстоятельный список преступлений: срыв сельскохозяйственных работ, истребление скота и поломка машин, повышение налогов и снижение норм выдачи на трудодни, уничтожение виноградников и диверсии на строительстве водопровода, вредительское планирование и срыв изучения Сталинской Конституции — всего не перечислить, хотя такие деяния, как вербовка в повстанческие отряды и террор, опускать нельзя никак. Бывший офицер царской армии Константин Абашидзе показал, что в 1936 году Петр Агниашвили в своем кабинете в Совнаркоме ЗСФСР дал ему лично задание совершить террористический акт над товарищем Берия[60].

Вряд ли кто ныне сомневается в провокационном характере дела и лживости обвинений. Тогда об этом знали немногие. Другая особенность процесса — попытка оправдать все провалы и неудачи в экономике, в национальной политике и других областях жизни вражеской подрывной деятельностью. Кроме того, такой судебный процесс давал обоснование, пусть задним числом, кампаниям преследования и уничтожения так называемых кулаков, бывших дворян, меньшевиков и троцкистов. И последнее. Лаврентий Берия уже утвердился на положении Вождя народов Закавказья. Для того чтобы попасть в высший свет, ему недоставало одного — покушения на свою жизнь. Тридцать седьмой год принес ему искомое: в январе на судебном процессе Пятакова были названы руководители партии и государства, которых намеревались уничтожить террористы. Этот почетный список открывается именем Сталина, за ним следуют Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Косиор, Постышев, Эйхе, Ежов и Берия. Пусть замыкающим, но попал наконец Лаврентий Павлович в ареопаг вождей. Ну а обвинить Буду Мдивани на закрытом суде или Петра Агниашвили на суде открытом в подготовке покушения на свою жизнь было делом техники.

Государственным обвинителем на августовском процессе выступил прокурор республики К. Талахадзе. Тот самый, что так славно начинал карьеру палача в памятном 1924 году.

Трудящиеся требовали казнить мерзавцев, но Верховный Суд Грузии, дабы придать делу юридическую респектабельность, приговорил к расстрелу лишь семерых из одиннадцати.

Следующий процесс принес гибель восьмерым безвинным. Он проходил в столице Аджарии Батуми, в конце сентября. На этот раз бериевский аппарат превзошел себя. Более всего поражает не политическая зрелость заплечных дел мастеров. Этим в наш печальный век никого не удивишь. Сценарий сентябрьского процесса отмечен поистине неуемной фантазией и масштабностью — во времени и пространстве.

Еще в 1928–1931 годы банда изменников во главе с Закарией Лордкипанидзе вела переговоры с «одной иностранной державой» об отторжении Аджарии от СССР. В 1934 году они установили преступный контакт с прибывшим в Батуми членом антисоветского троцкистского центра Серебряковым и председателем контрреволюционного троцкистского центра в Грузии Куртадзе. В 1935 году установили связь с правыми в лице Германа Мгалоблишвили и Тенгиза Жгенти. Сговорились об организации вооруженного восстания. В марте 1936 года в Аджарии создан объединенный центр из меньшевиков, троцкистов и фашистов. Задание составить подобный блок получили от Буду Мдивани.

И все это вполне серьезно!

В повстанческие отряды и в свою организацию вербовали главным образом членов разгромленных в свое время партий, а также бывших офицеров и представителей старой, антисоветски настроенной интеллигенции.

Объединенный центр установил связь с белоэмигрантами, но не забывал о подрывной работе на родной земле. Описание фактов — вымышленных, разумеется — вредительства в сельском хозяйстве занимает целый том «дела»: уничтожение цитрусовых садов, чайных и табачных плантаций, поощрение тунеядства и низкой производительности труда, срыв планирования и учета, искривление налоговой политики, разбазаривание рабочего скота, отставание в строительстве школ и больниц, сокращение доходности колхозов — словом, все позорные явления сталинского хозяйничанья вновь записаны на «врагов народа», шпионов и вредителей.

Остался еще террор. Острие его, конечно же, направлено в беспокойное сердце руководителя грузинских большевиков Лаврентия Берия. Покушение готовили под руководством Георгия Рамишвили. Задания террористической группе давал лично Буду Мдивани. Если верить весьма пестрым показаниям — при участии Джорбенадзе. Конкретное задание уничтожить любимца грузинского народа получил еще и некий Агамджанов[61].

Кто бы мог подумать! — такой грандиозный по масштабам спектакль был разыгран на сцене небольшой автономной республики.

...Отгремели выстрелы последнего акта, опустился занавес. Постановка оказалась удачной. С перспективой. Теперь можно легкой рукой забирать любого не в меру активного деятеля, записав его, на выбор, в один из мифических центров.

В заключение — одна деталь. Осужденный по делу Куртадзе — земляк генсека. Старые грузины помнили его как друга Сталина. Значит, Хозяин, планируя вместе с Берия этот судебный процесс, продумал все мизансцены спектакля, определил судьбу каждого действующего лица.

Наши драматурги, Большой и Малый, не поленились создать весьма схожую пьесу специально для Абхазии. Основные мотивы те же: отторжение автономной республики от Советского Союза, подрыв колхозного хозяйства, шпионаж и самое важное, ставшее уже дежурным обвинение — организация террора против вождей.

Спектакль был поставлен Берия на рубеже октября — ноября в Сухуми, где совсем недавно еще стоял памятник Нестору Лакоба. В числе тринадцати обвиняемых был его брат, Михаил Аполлонович. Лаврентию Берия было мало уничтожить всю родню Нестора Лакоба — желание для убийцы такое естественное. Перед казнью он добился от Михаила провокационного показания против погибшего брата. Несчастному «свидетелю» была обещана жизнь. (Обещана... Разве не так поступал Главный Драматург в Москве?)

Заседания велись на трех языках: русском, абхазском, мегрельском, при двух переводчиках. В зрительном зале — 400 рабочих, колхозников. На сцене — судьи, прокурор, адвокаты и 13 обвиняемых. Время от времени председательствующий зачитывал телеграммы от трудящихся: «Раздавить гадов!», «Стереть с лица земли матерых врагов абхазского народа!»

Было устроено одно закрытое заседание: обвиняемые дружно сознавались в связях с «одной иностранной разведкой».

Спектакль как спектакль...

«Как оказалось», Нестор Лакоба, будучи членом Революционного комитета, еще в 1919 году вошел в связь с офицерами контрразведки и с 1921 года посылал регулярно врагам шпионскую информацию. Позднее он создал и возглавил контрреволюционную националистическую организацию с целью отторжения Абхазии. В обвинительном заключении сказано еще, что Лакоба был «самым убежденным троцкистом».

Бывший нарком земледелия Абхазии, а ныне вредитель Михаил Чалмаз показал: «Вся контрреволюционная работа была направлена против политики ЦК КП Грузии и секретаря ЦК Лаврентия Берия».

А ведь эта линия полностью соответствует генеральной линии ЦК ВКП(б).

Такой вот подарок сделал себе Лаврентий Павлович на этом спектакле. Давно прошел московский процесс по делу Пятакова, Сокольникова, Радека и их соучастников, но Сталину требовались новые и новые доказательства их вины. Берия в понуканиях не нуждался: бывший директор управления гагрским курортом Инал-Ипа показал, что Пятаков давал лично конкретные указания по осуществлению диверсий на строительстве Бзынского комбината и Сухумской ГЭС. Все это время Нестор Лакоба состоял в контакте с Каменевым. А еще его, покойного, обвиняли в преступной связи с предателем Бесо Ломинадзе и Иудой-Троцким. Лев Троцкий неоднократно приезжал на отдых в Абхазию. Последний раз посетил солнечный край в 1927 году. Тогда-то Михаил Лакоба с согласия своего брата, председателя ЦИК Абхазии, устроил у себя обед в честь московского гостя. Явный криминал.

Председатель суда: Что вы там делали?

М. Лакоба: Ели, пили, произносили тосты.

Председатель: Установлено, что именно тогда Троцкий со своими приближенными, среди которых находился и Нестор Лакоба, обсуждали вопросы борьбы с партией перед XV съездом.

М. Лакоба (молчит).

Молчал он и тогда, когда его «изобличили» как участника террористической группы.

Характерные сцены.

Но в целом спектакль прошел без накладок. Обвиняемые охотно давали предусмотренные пьесой показания, свидетели тоже знали свои роли назубок. И все же десятерым из тринадцати дали расстрел, остальных отправили на истребление в лагеря[62].

Приговор как приговор.

Мы забыли упомянуть о том, что мифической организации Нестора Лакоба инкриминировали еще и срыв снабжения Абхазии продовольствием. Катастрофические последствия погрома, устроенного Сталиным и Берия в грузинских селах в годы насильственной коллективизации, были у всех на виду. Вновь и вновь пытаются они свалить вину за скудость жизни, за постоянные нехватки с больной головы на здоровую. С этой же целью был затеян еще один, последний в тридцать седьмом, процесс в столице Грузии. «НКВД Грузии вскрыта и ликвидирована контрреволюционная диверсионно-вредительская, шпионско-повстанческая организация в системе Наркомата земледелия». В этой трескучей преамбуле звучат выстрелы палачей, казнивших девятерых работников наркомзема. Обвинительное заключение подпи-

сано неизменным и неподменным Талахадзе, этим грузинским Вышинским.

Итак — диверсионно-вредительская работа в животноводстве, отравление скота и птицы, контрреволюционная агитация, снабжение частей Красной Армии негодными продуктами, организация террора, подготовка вооруженного восстания... Общая задача — восстановление в Грузии капиталистического строя и отделение республики от СССР.

Под этакую программу можно было казнить не девять, а девяносто человек. Поскромничал Лаврентий Павлович.

...По всей Грузии — митинги трудящихся: «Стереть!.. Уничтожить!.. Раздавить!..»[63]

Покушения на жизнь вождей

В Москве идут судебные процессы над бывшими соратниками Ленина. Они оказались шпионами, диверсантами, террористами, алчущими крови самого генсека. И не только его крови, но крови и жизни Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Жданова, Маленкова... Это стало вопросом высокого партийного престижа — попасть в список намеченных жертв. Берия в этом списке не было, а приобщиться ох как хотелось... И он решил подтолкнуть события, использовав для этой цели обвинительное заключение по делу абхазских контрреволюционеров.

«Заклятые враги готовили террористические акты против великого Вождя народов товарища Сталина и руководителя большевиков Грузии товарища Лаврентия Берия». На судебном процессе выяснилось следующее.

Несколько лет назад Нестор Лакоба сказал брату Михаилу, что ему удалось вовлечь в организацию председателя ГПУ Абхазии Микеладзе. Он дал ему задание убить Сталина, который в то время отдыхал на море. Рассказ Михаила Лакоба продолжил Андрей Пилия, сотрудник НКВД. «Товарищ Сталин выехал на катере из Гагра в Мюсеры, а я поспешил на пограничную заставу и организовал обстрел катера. Но катер шел слишком далеко от берега... Потом Нестор Лакоба ругал меня».

На этом главарь не успокоился. Он создал террористическую группу из четырех доверенных лиц, снабдил оружием. Злоумышленники долго сидели в засаде, но опоздали: товарищи Сталин и Берия миновали это место гораздо раньше, чем они предполагали. С особым старанием заговорщики охотились за несгибаемым, замечательным большевиком, верным учеником Сталина Лаврентием Павловичем Берия. Они

предприняли ряд попыток совершить на него покушение в Гагра и Тбилиси[64].

Подробности, сочиненные убедительности ради, выглядят несуразно. Да что с них взять, с провокаторов сталинской школы?..

Но Берия есть Берия, смелый, изобретательный новатор, не чета московским подручным генсека. Сколько бы печать и радио ни вещали о террористических актах против вождей, публику, то есть народ, легче убедить фактами. По возможности подлинными.

...Дорога на озеро Рица, проложенная в горных ущельях, вдоль реки Бзипи, поднималась по берегу Геги круто вверх, продираясь сквозь скалы и оползни. Там, на высоте полутора километров, на берегу дивного озера, обрамленного мощными вершинами, изволил проводить иногда свой отпуск Генеральный секретарь. Дачу для Сталина построили в самом устье реки Лашупсе, впадающей в озеро.

Сколько их было у него, так называемых государственных дач на Кавказе? В Сочи, под Гагра — на Холодной речке, в Мюсерах (около Пицунды), да в Цхалтубо. И еще в Кисловодске. В последние годы Берия приучил Хозяина к своей новой роли непременного спутника-охранителя. Прошлой осенью он сопровождал Сталина на озеро Рица. Поехали внушительным кортежем на пяти «ЗИСах». Впереди — охрана, за ней — Сталин, следом — Берия, вместе с наркомом внутренних дел Грузии Сергеем Гоглидзе. В четвертой машине ехало несколько человек обслуги, в последней — замыкающие охранники. На полпути, когда миновали место впадения Геги в Бзипи, Берия остановил колонну, вышел из своей машины и предложил Сталину пересесть из второй в предпоследнюю. Сам тоже перебрался туда. У него было предчувствие, возникли какие-то сомнения, один агент сообщил нечто... Нет, в своих чекистах Берия абсолютно уверен, но «береженого Бог бережет»...

Дорога петляла, перепрыгивала с левого берега на правый, потом обратно. Миновали один мост, на втором произошло то, что должно было произойти. Передняя машина переехала благополучно на тот берег, а под второй мост рухнул. Горы мгновенно усилили эхо взрыва. Автомобиль упал в воду и застрял между валунами. В эту пору река менее бурлива, одному из четырех пассажиров удалось спастись. Часть охранников кинулась в ущелье искать злоумышленников, другие остались на месте.

До озера добрались обходными дорогами. Первая неделя прошла спокойно. Но вот Хозяину захотелось совершить водную прогулку на полуглиссере, и, когда они подошли к правому лесистому берегу, раздался выстрел. Берия мгновенно вскочил и заслонил собой Вождя.

Моторист прибавил ходу, из-за сосен выстрелили еще несколько раз, но опасность уже миновала. Отважный чекист лично возглавил поисковую группу. Террористов настигли в тот же день на горном перевале и отправили в Тбилиси[65].

Многого достиг тогда Папа Малый... Теперь Сталин знал, что на товарища Лаврентия можно положиться решительно во всем.

Подобный случай произошел в том же предвоенном году в Берлине. Гитлер проезжал в открытой машине через центр города, внезапно появился террорист с пистолетом, но Гиммлер опередил убийцу, закрыв собой драгоценную особу фюрера от холостого выстрела. Начальник гестапо стал тогда «кровным братом» Гитлера. После подавления путча военных (апрель 1944) Гиммлер стал вторым человеком рейха, и остальным вождям было вменено в обязанность приветствовать его наравне с самим фюрером.

Можно было не упоминать здесь обо всех ухищрениях немецкого двойника Берия, ведь у Лаврентия Павловича оказались предшественники в истории царской России.

Когда тридцатишестилетний Александр III взошел на престол, он долгое время не мог избавиться от панического страха за свою жизнь. Петербургский градоначальник М.Н. Баранов постоянно напоминал о гибели его отца 1 марта 1881 года, после трех неудавшихся покушений народовольцев. Задавшись целью стать незаменимым охранителем покоя государя, генерал Баранов изводил его небылицами о тайных заговорах террористов, шныряющих вокруг дворца. Воспитатель юного наследника, незабвенный реакционер Константин Победоносцев, советовал Александру III тщательно запирать за собой перед отходом ко сну все двери — на замок и засовы. Вконец запуганный приближенными, император 27 марта внезапно бежал в Гатчину, где и заперся от людей.

Берия действовал по той же схеме и во многом способствовал превращению Сталина в кремлевского затворника, окруженного дивизиями охранников.

Дабы придать вес собственной персоне, Лаврентий Павлович применял смелые трюки. ...Летом тридцать седьмого он поехал по делам в Сухуми. В машине с ним был местный партийный секретарь, водитель и телохранитель Борис Соколов. На окраине города остановились, Лаврентий Павлович решил выйти, размяться немного после утомительной дороги. Не успел он сделать и двадцати шагов, как из-за кустов вышли трое неизвестных с пистолетами в руках. Соколов успел загородить собой шефа и выхватить из кобуры свой «вальтер». На помощь уже спешили водитель и секретарь. Нападавшие скрылись.

Соколова пришлось срочно доставить в больницу: правая рука оказалась простреленной четырьмя пулями.

Сталину, разумеется, доложили об этом происшествии.

Прошло два года. К наркому внутренних дел СССР явился на прием Борис Соколов. Руку спасти телохранителю не удалось, он остался без работы, без пенсии... Берия наградил самоотверженного товарища значком Почетного чекиста, выдал денежное пособие и направил в Союз писателей. Нет, не на должность прозаика или какого-нибудь поэта, а в качестве начальника I отдела[66]. Этот отдел, как известно, являлся органом *специальным*, то есть служил маленьким филиалом Лубянки в недрах творческого союза.

Поработал там почетный чекист лет десять и начал пописывать рассказики. С кем поведешься, у того и наберешься. Первая детективная повесть вышла в свет в 1963 году в Удмуртии под несколько загадочным названием «Мы еще встретимся». Иностранный шпион проник на советскую землю. Но проницательный и отважный чекист обезвреживает его. Антураж обычный: черноморский курорт, столица, некое секретное предприятие, рестораны, коварная брюнетка... Через три года вышла еще одна книга — «Первая встреча». И славные ряды Союза писателей пополнились еще одним графоманом.

Судьба Андрея и Раисы Штепа

Красноармеец Андрей Штепа остался в Тифлисе после занятия города частями 11-й армии и начал работать в Грузинской ЧК со дня ее основания. Энергичный, боевой, оперативный украинец быстро поднимался по служебной лестнице.

Штепа вскоре женился на восемнадцатилетней Раисе, рослой спортсменке, и она тоже поступила на службу в ГрузЧК. В тридцатые годы работала в секретно-политическом отделе (СПО), у Всеволода Меркулова. Спортивное общество «Динамо», представлявшее в те годы тайное ведомство, доминировало на всех стадионах. Раиса Штепа, центровой игрок баскетбольной команды, ездила в 1928 году в Москву на первую спартакиаду. Играла в волейбол, участвовала в соревнованиях в разных видах легкой атлетики.

В 1930 году для работников НКВД был построен четырехэтажный дом. Штепа с женой поселился на первом этаже второго подъезда, напротив квартиры Деканозова. Квартира Берия находилась в первом подъезде. Там же, на самом верху, жил Авксентий Рапава, ведавший ЧК Закавказской железной дороги. Две квартиры на первом этаже занимали Всеволод Меркулов и Папулия Орджоникидзе. Квартиры были просторные, с большими кухнями, высокими потолками.

Первому сыну супруги Штепа дали имя Марат, в 1932 году родился Андрей, названный так в честь папы. Именно в этот год после-

довало неожиданное назначение Штепы в Баку, заместителем председателя ГПУ Азербайджана Михаила Фриновского.

Перед отъездом Андрея Берия предупредил его супругу:

— Рая, не выезжай из дома, через год твой Андрей вернется в Тифлис...

Она осталась одна, со старшим сыном Маратом и грудным Андрюшей на руках. Скоро ей стал ясен скрытый смысл перемещения мужа и трогательной заботы Лаврентия Павловича. Он звонил ей по телефону, напрашиваясь в гости, и часто, спускаясь вниз, стучался в дверь.

Андрей Штепа не стал обзаводиться в Баку квартирой, поселился у старого сослуживца Роберта Гульбиса, звонил оттуда жене. Но Рая не могла ничего сообщить по телефону о приставаниях шефа. Лишь приехав к мужу в Баку, она поведала ему о поведении Берия.

— Передай ему, — сказал Штепа, — пусть оставит тебя в покое и не нарушает рабочей обстановки.

...Раиса только вернулась домой, вошла в квартиру, как позвонил Берия:

— Ну, как там Андрей, что он передал для меня?

— Заходите, я вам скажу, что он просил передать лично.

Берия этим приглашением не воспользовался и перестал вовсе звонить. Не желая искушать судьбу, Раиса сдала постылую квартиру и выехала к мужу в Баку. Но Берия на этот раз сдержал слово и вернул Штепу в Тифлис по прошествии года — день в день.

Лаврентий Берия возглавлял уже Закавказский крайком, а значит, стал местным непререкаемым Вождем. Непререкаемым? Надо знать Сталина, вникнуть в методы управления столь пестрым государством. Ни на один день не выпускал он из рук главный инструмент контроля и устрашения, Органы так называемых внутренних дел — в центре и на местах. Он никогда никому не доверял, особенно тем, кто всех старательнее вылизывал ему сапоги, с таким вкусом описанные Анри Барбюсом. Новому фавориту, Лаврентию Берия, генсек не доверял, не мог доверять — по натуре своей. И держал в Закавказской ЧК (он так всегда называл Органы — ЧК) спецотдел во главе с Андреем Штепой. Спецотдел Московского подчинения. Берия, естественно, пытался извлечь эту занозу из здорового тела ЧК...

То была сугубо мужская игра, она могла кончиться только гибелью одного из партнеров. Риск был велик, но приз стоил того.

Не долго поработал Штепа на своем ответственном посту в Тифлисе. В декабре 1935 года он поехал в отпуск вместе с женой и сыновьями в Кисловодск. Там встретили Новый год. 3 января 1936 года Штепу вызвали в Тифлис, где его ожидало новое назначение: для

Берия он стал лишним, и Лордкипанидзе добился его перевода в Крым своим заместителем.

В неустанных трудах миновал год тридцать шестой, второй после убийства Кирова год массовых репрессий. В узколобой голове Вождя уже созрел план устранения Генриха Ягоды и других исполнителей, ниже рангом. Тех, которые много знали.

Андрей Штепа был человеком решительным. В 1924 году он руководил операцией по захвату знаменитого Чолокаева. Оперативники обыскали дом матери, где, по сведениям, скрывался вооруженный до зубов Чолокаев. Старая мать сидела посреди комнаты на табуретке и с укоризной наблюдала, как чекисты лазили по шкафам, сундукам, вскрывали полы...

— Ну что ж, здесь его нет. Выходим, товарищи, — скомандовал Штепа.

Мать продолжала сидеть неподвижно на месте, возвышаясь как монумент. Оперативники вышли, но через несколько секунд Штепа ворвался вновь в комнату с наганом в руке и кинулся к матери. Главарь банды прятался под ее пышными юбками, и на этот раз не успел даже выстрелить. Однако потом ему удалось бежать из-под ареста и скрыться за кордон.

В конце июня 1937 года взяли Тите Лордкипанидзе. Штепа решил опередить судьбу. В один из жарких дней он поехал к морю в село Николаевку, неподалеку от Симферополя. Оставив автомобиль на взгорье, спустились вместе с шофером к воде. Полежали на песке под утренним нежарким солнцем. Штепа послал шофера наверх к машине: там остались часы, надо узнать время. Пока шофер одолевал кручу, Андрей Штепа вошел в воду, удалился немного от берега и выстрелил себе в висок.

Жена ничего не знала о его судьбе. Был человек и исчез. Оставив сыновей на попечение матери, Раиса Владимировна поехала в Москву, к Фриновскому. Он тогда возглавлял одно из центральных управлений НКВД.

Михаил Петрович не нашел времени для личного приема Раисы, но по телефону сказал, что к ней Лубянка никаких претензий не имеет — «Делайте что хотите» (теперь уже на вы). О самоубийстве Андрея — ничего.

В Тбилиси, у матери, Раису Штепу не прописывали. Она позвонила начальнику республиканского управления милиции. Перепуганный голос: «Хорошо, хорошо, я дам вам знать».

И дал. Наутро пришли домой сотрудники районного отдела с предписанием покинуть столицу Грузии в 24 часа.

На помощь пришли родные. Жених Валентины, младшей сестры, обещал поселить Раису Штепу с детьми вблизи Батуми, в совхозе у двоюродного брата. А муж старшей сестры, Елены, собирался потом устроить Раису в самом Батуми. В канун великого праздника, 5 ноября, она сняла номер в гостинице и только успела поставить чемодан и запереть дверь, как постучала горничная: «Прошу дверь не запирать».

Через несколько минут за ней пришли.

В камере местной тюрьмы, тесной, грязной, на полу лежала ничком женщина и кашляла кровью. Штепа принялась стучать в дверь, к изумлению арестанток, и кричать: «Вызовите фельдшера!»

На первом допросе следователь Джинджолия спросил:

— Где Андрей Штепа?

— Я сама ничего не знаю. Я обратилась к Фриновскому. Может быть, он меня сейчас разыскивает...

Через несколько дней на грузовой машине вместе с арестованными по делу «Заготзерно» Раису Владимировну доставили в тбилисскую тюрьму. В камере много знакомых, бывших сотрудниц ЧК. Четыре месяца Раису продержали без вызова. Первый разговор с представителем НКВД запомнился на всю жизнь. Яков Осипов, старый сослуживец Штепы, не скрывал своего огорчения и симпатии: «Рая, да я за вас готов сам пойти на муки, но ведь время какое настало... Сейчас любая жертва может оказаться напрасной».

Яшу Осипова взяли через два месяца. С его женой Раисе довелось коротать арестантские годы в одном лагере.

Вдову Андрея Штепы доставили в здание НКВД, привели в бывший кабинет мужа. Там сидели Яков Винер и Султанишвили.

— Рая, мы вызвали вас затем, чтобы вы рассказали о контрреволюционной деятельности Андрея Штепы.

Ответственные лица играли эту комедию на полном серьезе. Такая дана установка. Их ожидали те же тюремные камеры, но, спросим мы себя, заслуживают ли они сочувствия?

Раису Штепу вернули в тюрьму. На другой день — вызов на допрос. Молодой следователь, почти юноша:

— Вы знаете, за что вас арестовали?

— Нет.

— Вы носили передачи для мужа в тюрьму и там, в очереди, вели антисоветскую агитацию.

Узнав, что ее муж никогда не сидел, следователь прервал допрос. Раису Штепу перевели после этого во внутреннюю тюрьму НКВД.

Здесь за дело взялись опытные костоломы. Вдову Штепы бросили на пол и три здоровенных специалиста, вооруженных резиновыми

дубинками, стали обрабатывать спину. В кабинете появилась грузинка Натела, с которой Раиса раньше служила. Тогда Натела называла ее Раечкой. В правой руке подружка держала многожильный кнут со свинцовыми шариками на концах. Этим кнутом Натела прошлась по ступням лежачей, потом вошла в раж, и скоро Рая потеряла сознание. Очнулась, поднялась с трудом, но стоять уже не могла. Хотела только мельком взглянуть в зеркало над диваном, увидела свое белое, как гипсовая маска, лицо и, если бы не грузинка-палач, подхватившая ее сзади, упала бы на пол. «Вот сюда, Раечка, садись в мягкое кресло... Хочешь пить, может быть, дать тебе закурить?..»

Рая отказалась от всего. Но мучительница взяла другим. Она сообщила, что видела на улице Марата, старшего сына Штепа. Он шел вместе с бабушкой. Мать набросилась на чекистку с расспросами. Тогда Натела как бы невзначай поинтересовалась:

— А где твоя шуба?

— Шуба? Ах, шуба... Я ее продала.

Рая догадалась, куда клонит ее благодетельница. Скажи она правду, и Натела присвоит шубу, оставленную у мамы.

Милые сердцу чекисты так обработали Штепу, что видавший виды конвоир из комендатуры не выдержал:

— Рая, я бы тебя сейчас на руках донес, но мне нельзя...

В камере ноги распухли — спасибо Нателе, постаралась. Все тело покрылось буграми, синяками. День и ночь доносились крики истязаемых, их стоны слышны были жильцам соседних домов. Весь город знал об этом, и никто ни за какие деньги не соглашался на обмен квартиры с обитателями проклятого квартала.

В то время наркомом был Сергей Гоглидзе. О нем спустя полвека Раиса Владимировна вспоминает с умилением: «Скромный такой, добрый, очень хороший был человек...»

Вот ему-то она и передала через охранника записку: «Больше находиться в этих стенах не могу. Прошу или закончить мое «дело», или перевести в тюрьму».

Через десять минут ее вызвали с вещами и отправили в городскую тюрьму. Знакомый спецкорпус, знакомая камера. И ожидание. Оно оказалось, к счастью (к счастью!), недолгим. Месяц спустя открывается дверь камеры и грузин-охранник с пачкой бумаг в руках выкликает:

— Штепа тут? Получай свои десять. — И вручает Раисе четвертушку листа с постановлением тройки[67].

Маленький эпизод, а в нем — и судебное следствие с участием свидетелей, прокурора и защитника, и совещание суда, и сам приговор.

Почему мы выбрали из десятков рассказов бериевских жертв именно этот? Он так много вместил в себя и о многом заставит задуматься.

Культ Сталина — культ Берия

Политическая истерия стала бытом. Ею был пропитан сам воздух Грузии, густо приправленный казенным ликованием по поводу всемирно-исторических побед сталинской партии. Всеобщий страх, это порождение массового террора, находился в тесной взаимосвязи с обожествлением вождей.

Диалектика...

Фейерверк славословия Сталину начала тридцатых годов мог иссякнуть. Этак и связки голосовые недолго сорвать... К тому же наметился кризис высокопарных эпитетов. Но положение фаворита обязывало, и Лаврентий Павлович, состязаясь с московскими соратничками генсека-кормильца, продолжает игру на повышение. В этом смысле показательна тбилисская «Заря Востока».

Конный пробег из Гори, родины Вождя, в Тбилиси, прием конников в крайкоме и — портреты Сталина, Калинина. Себя Берия тоже не забыл...[68] Подряд следуют приветствия генсеку в День ударника, затем — письмо животноводов... И — непременные фотографии Сталина.

21 января было опубликовано письмо к Сталину по случаю заседания пленума ЦК КП Грузии: «Под великим знаменем Ленина — Сталина коммунистическая партия Грузии — железная, несокрушимая опора Сталинского ЦК РК(б) — уверенно идет к новым успехам социалистического строительства в Грузии.

Да здравствует партия Ленина — Сталина! Да здравствует наш любимый Вождь, Великий Сталин!».

Язык вязнет в густой патоке...

На этом фоне не столь заметен был процесс вознесения Берия. Не случайно культ Малого Папы набирал силу в годы большого террора.

Пока Берия медленно поднимался по должностной лестнице ВЧК–ГПУ–НКВД, ни его подручные, ни его сторонники в крайкоме и ЦИКе, ни он сам не могли начинать кампании возвеличивания. Хотя уже весной 1931 года его имя часто упоминается сразу же вслед за первым секретарем крайкома и председателя ЦИК ЗСФСР. На похоронах Вано Стуруа в апреле 1931 года член комиссии Берия стоял в почетном карауле у гроба заслуженного партийца в паре с Мамуловым — после Картвелишвили и Махарадзе. Зато его прощальное слово в газете было помещено первым сверху, все остальные — за ним[69].

Назначение («избрание») Берия на пост первого секретаря ЦК партии Грузии никого не удивило. Генсек часто ставил во главе партийных Органов профессиональных полицейских. Багиров в Баку, Евдокимов в Ростове — сталинские наместники.

Не успел Лаврентий Павлович поудобнее расположиться в кресле первого секретаря Грузинского ЦК, как был причислен к рангу вож-

дей. В январе 1932 года 14-я партконференция столицы Грузии шлет дорогому товарищу Лаврентию горячий большевистский привет. «Под твоим руководством парторганизация Тифлиса уверенно и быстро пойдет к новым победам. Твоя критика ошибок старого руководства является для нас образцом гибкости и бдительности»[70].

Отныне подобными петициями расторопные блюдолизы будут устилать дорогу Лаврентию Павловичу к вершине. Таков кремлевский этикет.

Что касается гибкости, то тут Лаврентию Берия действительно не было равных. А старое руководство — очень скоро оно поймет, что «критиковать» и «убивать» для товарища Берия почти синонимы.

Итак, шлюз открылся, потоки лести бережно омывают ножки высокого кресла, но все помнят о том, что это еще не самое высокое кресло. В мае того же года Берия попал уже в состав почетного президиума очередной партконференции, вместе с Мамия Орахелашвили и Эрнстом Тельманом. Здесь умели блюсти субординацию, и, прежде чем сказать о ценнейших указаниях Лаврентия Павловича, секретарь Тбилисского комитета упомянул об основополагающих указаниях генсека[71].

В тридцать третьем году «Заря Востока» открыла постоянную рубрику: «Выполним указания газеты «Правда» и товарища Берия». В тридцать четвертом приступили к увековечиванию имени сталинского наместника.

Одним из первых высокой чести носить имя Лаврентия Берия удостоились вагоноремонтные заводы в Тбилиси и Баку, Агаринский сахарный. Имя Вождя Закавказья украсило ворота Хашурского электровозного депо и крупного нефтяного промысла в Азербайджане. Его присвоили Ленинаканскому пограничному отряду и Драматическому театру в городе Поти, рыбному хозяйству и педагогическому техникуму... И всякий раз руководители Армении, Азербайджана и Грузии посылали товарищу Берия свои сердечные поздравления. Сколько школ, колхозов, совхозов получили как почетную награду имя первого секретаря крайкома. Верные подручные изощрялись в лакействе. В июне 1936 в столице Грузии прошел спортивный кросс имени Берия. Его имя вывели белыми буквами на борту парусной яхты, в небе парил планер имени Лаврентия Берия. Одна из красивейших площадей Тбилиси, затем стадион «Динамо» стали Бериевскими[72].

Кампания возвеличивания Малого Папы развивалась не стихийно. Дирижировал ею Папа Большой, инструменты настраивались по московскому камертону. Клим Ворошилов, прибывший в Тбилиси на празднование пятнадцатилетия Советской Грузии, лично и по поручению генсека облобызал верного ученика товарища Сталина. Посыпались приветствия от других малых вождей — Микояна, Калинина,

Жданова, Орджоникидзе... Они отмечали умелое руководство товарища Лаврентия, называли его выдающимся партийным деятелем сталинской школы...[73]

Январь 1936. На собрании тбилисского актива Берия избирают уже в почетный президиум. Пока он еще восемнадцатый по списку, после Ежова, но — впереди Тельмана и Димитрова. В Баку и Ереване четко соблюдают эту табель о рангах[74].

Но член почетного президиума Берия присутствует на том собрании в столице Грузии, и «собрание встает и устраивает продолжительную овацию испытанному руководителю большевиков Закавказья»[75].

Льются, льются приветствия, рапорты, поздравления, заверения... К концу 1936 года культ Берия в Закавказье стал важным фактором существования трех республик.

Не пройдет и года, как имя Лаврентия Берия утвердится в ряду членов Политбюро, пусть последним, но впереди всех вождей европейских компартий. А начинался год тридцать седьмой декадой грузинского искусства в Москве. То был триумф тбилисского наместника.

5 января на открытии декады он сидел в правительственной ложе Большого театра рядом с членами Политбюро, поблизости от Вождя. Вельможные меценаты дружно аплодировали артистам, следя краем глаза за реакцией генсека. Давали оперу «Даиси», на другой день шел спектакль «Коварная Дареджан». Через день состоялся большой концерт. Его открыл хор «Песней о Вожде» и закончил «Песней о Сталине». Вступив в большую игру, Берия помнил, что лишняя лесть никогда не бывает лишней. Эту истину пришлось усвоить всем деятелям грузинской культуры. И когда на приеме в редакции «Зари Востока» директор театра имени Шота Руставели сказал, что национальное театральное искусство ярко расцвело под руководством товарища Берия, это никого не покоробило[76].

После декады оперному театру присвоили имя Палиашвили, артистов щедро наградили орденами. Но разве мог триумфальный успех в Москве повлиять на генеральную линию истребления интеллигенции? Первым из свежих орденоносцев пал директор оперного театра Акакий Чкония. Он показался Наместнику слишком независимым, дерзким даже. Потом Берия уничтожит главного дирижера этого театра Евгения Микеладзе и сколько еще замечательных музыкантов, артистов, художников, писателей... Война против народов Грузии продолжалась, продолжалась и кампания возвеличивания предводителя.

...1 мая 1937 года, площадь Берия. Ранее она называлась еревaнской, потом — имени Свободы. Когда со свободой все стало ясно, площадь назвали именем сталинского наместника. Он стоит на трибуне с поднятой в приветствии рукой, в окружении руководителей. Половина

из них погибнет в том году. Исполнители — Гоглидзе, Деканозов — стоят рядом. Демонстранты несут плакаты — «Смерть врагам народа!» (Кто здесь враг, кто друг... Об этом знает один Сталин.) «Слава Сталину!.. Сталину слава!»[77].

Изо дня в день товарищ Берия шлет товарищу Сталину рапорты о перевыполнении планов.

И разверзлись хляби небесные. Под газетной рубрикой «Сталин в грузинском фольклоре» можно было узреть такие вот шедевры народного творчества.

Наша мысль ты, наши грезы,
Ты ведешь нас за собой,
Ты наш пыл и чувства наши,
И надежд счастливый рой.

Восток искони славился умением плести витиеватую лесть вокруг трона тирана. Мы не можем сказать, что Лаврентий Берия возродил средневековые традиции, он их использовал лишь в самом начале своей карьеры. А потом с большевистской смелостью превзошел.

В статье «Знаменательная дата», посвященной 35-летию Батумской парторганизации, Берия поднялся до таких высот возвеличивания Вождя и фальсификации истории, что у неискушенного читателя дух перехватывало. Статья была опубликована 12 января в «Правде», через день ее перепечатала «Заря Востока».

Малый Папа знал, как угодить Папе Большому.

В декабре Лаврентий Берия отправил в Москву выставку грузинского искусства, где светозарный генсек был воспет кистью, пером, карандашом и резцом во всех мыслимых видах и ракурсах.

Тогда же состоялось торжество по случаю 750-летия Шота Руставели. В Тбилиси на юбилейный пленум Союза писателей прибыли известные московские графоманы, литературные чиновники да несколько прозаиков и поэтов. Берия повез их в Гори, на родину Вождя.

Какое отношение имел грязный самозванец к бессмертному автору «Витязя в тигровой шкуре»? На этот вопрос дал ясный и простой ответ Александр Жаров.

Я думаю, что гений Руставели
Его в своем предчувствии таил.

Вот как Саша Жаров, комсомольский поэт, обошелся с великой грузинской, с великой русской поэзией.

Берия в роли славного витязя?.. В тот день он сам о себе позаботился, милостиво приняв от ЦК компартии Грузии приветствие на свое имя по случаю юбилея Руставели[78].

Апофеоз? Сколько их еще будет, этаких представлений…

В Тбилиси комплименты грузинскому Вождю становятся цветистее день ото дня. На приеме работников искусств в редакции газеты говорили о «дальнейшем росте театрального искусства, ярко расцветшего под руководством товарища Берия»[79].

Назначив сам себя председателем Конституционной комиссии, Берия сделал доклад на заседании Президиума ЦИК Грузинской ССР. Это театральное представление явилось точной копией московского спектакля. 15 февраля был опубликован текст Конституции и грузины узнали, что статья 138 гарантирует им удивительные свободы: свободу слова и печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Порадовала и статья 140: «Гражданам Грузинской ССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора». И статья 141 — о неприкосновенности жилища и охране законом тайны переписки.

Конституцию утверждал чрезвычайный (все как в Москве) Всегрузинский Съезд Советов. В президиуме, кроме Лаврентия Берия, — Г. Стуруа, З. Лордкипанидзе, Г. Мгалоблишвили, М. Ниорадзе, В. Бакрадзе, Г. Мусабеков… Они первыми на себе испытают действие новой Конституции. Никого наместник генсека не пощадит.

Оставив за собой в связи с ликвидацией крайкома пост первого секретаря ЦК компартии Грузии, Берия в мае взял на себя еще и руководство Тбилисским горкомом. На X съезде компартии Грузии он пытался оправдать пятнадцатилетнее существование ЗСФСР. Берия заявил, что федерация «выполнила свою историческую роль». В действительности сталинская авантюра с объединением трех республик надолго задержала естественное развитие производительных и духовных сил народов Закавказья. Но докладчик уже рапортует съезду об успехах, достигнутых республикой за последние два года: объединено уже более 75% хозяйств и земельной площади, увеличилась продукция всех отраслей сельской экономики, неизмеримо возросло материальное благосостояние трудящихся… Насколько реальны приведенные Берия данные, можно судить по общей протяженности местных шоссейных дорог: на 1 января 1934 года числилось 7884 километра, а контрольная комиссия определила через два года в наличии лишь 6675, то есть на 1200 километров меньше. Комизм ситуации заключается в том, что первый секретарь сам обнародовал эти данные как некий курьез.

То был не курьез… Очковтирательство, туфта (лагерное выражение, с естественной легкостью перешедшее в лексикон свободных граждан) тяжелыми гирями повисли на не окрепших еще ногах советской экономики. Уже в тридцатые годы партфункционеры сталинской выучки широко использовали в своих победных рапортах фальшивую статистику.

Заключительный раздел речи Берия на Съезде Советов Грузии — о революционной бдительности —,был посвящен контрреволюционному, с четырехэтажным названием, центру Буду Мдивани. Свою речь Берия оснащал проклятиями Ною Жордания и Иудушке-Троцкому, а также цитатами из Сталина[80].

Те же мотивы повторяются в статье Берия об итогах X съезда, опубликованной 5 июня в «Правде»: «Могучей сталинской рукой наша партия разгромила всех изменников родины, наемных агентов фашизма, приспешников Иудушки-Троцкого».

Остальные речи и статьи Берия тридцать седьмого года можно не цитировать. За всеми этими словесными стереотипами — проклятиями врагам и признаниями в любви и верности генсеку — угадывалась одна цель: войти в вожделенный чертог небожителей, как можно скорее втереться в состав Политбюро.

Политическая атмосфера в Закавказье 30-х годов была обусловлена сталинской диктатурой, само́й системой, но Берия привнес в нее свое, личное. Вместе с подручными — Меркуловым, Деканозовым, Гоглидзе, Мильштейном он организовал повсеместно травлю самых талантливых, честных, интеллигентных работников.

Личный охранник Берия Надарая ранее служил начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузии. На следствии, проходившем в 1953 году, он показал, что арестованных подвергали изощренным пыткам: нещадно били, ставили на долгий срок в угол с тяжестями в руках, иногда нагружали арестанта письменным столом с дополнительным грузом и ждали, когда несчастный свалится. Будучи уже первым секретарем ЦК партии, Берия продолжал, как и прежде, лично допрашивать арестованных — теперь уже в новом кабинете[81].

В конце ноября 1937 года в Грузии проходила предвыборная кампания. Берия баллотировался в Верховный Совет СССР по Тбилисско-Сталинскому избирательному округу. «Заря Востока» опубликовала речь высочайшего кандидата и большой его фотопортрет. Чуть ли не каждый абзац текста сопровождается истошными воплями во славу Сталина. В преамбуле — о безрадостном прошлом угнетенного грузинского народа, о Великом Октябре и Красной Армии – освободительнице, о расцвете республики под солнцем Сталинской Конституции. Потом — главное: враги пытались... но просчитались... «Сталинская мудрость и прозорливость помогли нам разоблачить троцкистов-зиновьевцев — всю эту свору профессиональных убийц, предателей и шпионов. Однако нельзя считать, что все враги уже уничтожены до конца. Мы должны удесятерить нашу бдительность!»

Лаврентий Павлович благодарит избирателей. «Я обязан оправдать ваше доверие, с еще большим упорством и энергией бороться за

дело партии Ленина — Сталина, еще больше укреплять нашу Ленинско-Сталинскую партию, беспощадно разоблачая и громя врагов народа, подлых предателей и изменников родины»[82].

Целая программа новых погромов. Аж дух захватывает. Каково же было современникам Берия?

Девять лет назад поэт Шаншиашвили провозгласил на всю Грузию: «Рай создадим, коль будем все трудиться»[83].

И вот она пришла, счастливая пора.

Конец года был отмечен приятными событиями. Узнав, что в Ереване гостит Микоян, Лаврентий Павлович пригласил его в Тбилиси. У Анастаса Микояна свежа была в памяти авиакатастрофа, в которой «случайно» погибли руководители Армянской республики.

Помнил он и более раннее происшествие в небе Тифлиса, в марте 1925. Словом, член Политбюро Микоян предпочитал железную дорогу и проездом в Москву остановился в столице Грузии. Берия устроил гостю теплую встречу. На другой день они вместе отправились в Западную Грузию, посетили Батуми, Поти, Колхидскую низменность. Сопровождал их надежный подручный Берии — Владимир Деканозов. Побывали в Абхазии — в Сухуми, Гагра и закончили приятное путешествие в Сочи.

Два лицедея из театра Иосифа Сталина, два палача, посетили колхозы, фабрики, новостройки, санатории. С деланным интересом знакомились с трудовыми буднями счастливых сограждан, вникали во все подробности их райской жизни[84].

Микоян отбыл в Москву. Через пять дней он выступит с докладом на торжественном собрании в Большом театре по случаю 20-летия ВЧК–ОГПУ–НКВД. «НКВД — это не просто ведомство. Это организация, наиболее близкая всей нашей партии, всему народу... У нас каждый трудящийся — наркомвнуделец», — заявит с гордостью Анастас Иванович, стыдливо заменив простое слово «доносчик» канцелярским термином. Сегодня он славит Николая Ежова, «любимца советского народа»[85]. Завтра — и года не пройдет — проклянет его и восславит нового наркома. А пока Лаврентий Берия принимает поздравления у себя, в Тбилиси.

Театр имени Руставели. В президиуме торжественного собрания партактива — Меркулов, Деканозов, Мильштейн, Гоглидзе, Гвишиани, Кобулов... — цвет аппарата насилия, о котором так проникновенно отозвался Анастас: «Славно поработал НКВД за это время».

Разве не так?..

ГЛАВА 5

СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ

Новый год в Грузии начался, как всегда, с совещания в ЦК партии о подготовке к севу. Участники совещания с должным вниманием выслушали ценные указания Лаврентия Павловича[1], и через несколько дней депутат Берия выехал вместе с другими избранниками народа в Москву, на I сессию Верховного Совета СССР. Там группе грузинских депутатов выпала высочайшая честь — сфотографироваться вместе с членами Политбюро. Придворный фотограф Ф. Кислов запечатлел этот исторический факт: Лаврентий Берия сидит в первом ряду, вместе со Сталиным, Ворошиловым, Калининым, Молотовым, Кагановичем, Ежовым[2]. Он сидит рядом с Генеральным комиссаром государственной безопасности, и только один человек знает, что ему суждено уже в этом году занять его место. Но Сталин предпочитал работать под прикрытием дымовой завесы.

«Реабилитировать неправильно исключенных, сурово наказать клеветников!» Этот заголовок передовой статьи «Правды» от 26 января 1938 года звучит как прелюдия к осуждению «политики Ежова». «Наиболее ловкие карьеристы и пройдохи умели использовать в клеветнических целях и газеты», — сообщает «Правда».

При наличии горячего желания можно было поверить в наступление новой эры. Действительно, на этом центральная печать не остановится. Та же «Правда» призывает читателей к большевистской чуткости и человечности. ...Раздается клич: «Беспощадно разоблачать карьеристов и перестраховщиков!»

Берия пока еще трудится в Тбилиси. Его чуткое ухо ловит последние директивы Вождя. Папа Малый сразу же включается в новую

игру, его «Заря Востока» перестраивается на ходу: «Полностью реабилитировать оклеветанных людей!»[3]

Трудно себе представить, но как раз в это время, в конце января, Берия организовал судебный процесс над «вредителями» из НИИ. Неужели для того, чтобы подчеркнуть кощунственную лживость новой политической линии?

Прокурор республики Талахадзе привлек по делу целую контрреволюционную организацию, судила ее Специальная коллегия Верховного Суда СССР — все как на лучших московских процессах. Шалва Дадиани, Александр Санадзе, Иеремия Гарасиашвили, Шалва Каспиани, Дмитрий Мчедлишвили, Николай Джапаридзе, Михаил Тимофеевский — все семеро каялись в несовершенных преступлениях, надеясь на милость палача. Как на московских процессах. Пятерых приговорили к смертной казни, двоих — к 20 годам тюрьмы каждого.

«Присутствовавшие в зале суда рабочие, служащие и специалисты сельского хозяйства встретили аплодисментами справедливый приговор суда над шайкой злейших врагов народа»[4]. Один из приговоренных к расстрелу, Шалва Дадиани, действуя по высочайшей указке, намекнул, что есть в Центральном Комитете заинтересованные в ослаблении мощи Советского Союза люди. Дадиани не назвал никого из подозреваемых: зачем ограничивать творческую инициативу Органов кары и сыска? Лишь одно имя упомянул он — Лаврентия Картвелишвили, тогда уже брошенного в тюрьму[5].

Так выглядели на деле большевистская чуткость и человечность.

Когда Сталин решил, что пришла пора избавиться от Генриха Ягоды, он создал комиссию по проверке деятельности НКВД. Возглавил комиссию (летом 1936 года) Николай Ежов, партфункционер, занимавшийся в ЦК кадровыми вопросами. Вскоре Ежов стал наркомом. Ягоду Сталин казнил. При Ежове массовый террор достиг устрашающих масштабов, подданные генсека втянулись в междуусобную войну почти все поголовно. Доносы, аресты, пытки, лагерные этапы, казни, мародерство стали бытом. Потом эту кровавую бойню нарекут «ежовщиной», а главный устроитель останется в стороне. Сталин сам позаботился о рождении этой легенды, решив убедительности ради принести в жертву еще одного народного комиссара смерти. Летом того же года он создал новую комиссию по наблюдению за работой НКВД.

22 августа 1938 Берия назначен первым заместителем наркома и через месяц, уже в звании комиссара ГБ 1 ранга, стал начальником Главного управления госбезопасности. Ежов по поводу нового назначения сказал Сталину:

— Товарищ Берия, бесспорно, очень ценный работник. Фактически он мог бы стать наркомом...

— Сомневаюсь в этом, — ответил Хозяин, — но он будет хорошим заместителем[6].

Автор замечательного труда «Большой террор» Роберт Конквест явно преувеличивает личность и политический вес Ежова, полагая, что тот ревниво следил за нарастанием террора в Закавказье и даже замыслил арест Берия. В этом вопросе маститый ученый доверился сообщению Б. Николаевского[7]. В большой кремлевской игре Ежов был всего лишь мышонком. Никто, кроме Сталина, не мог курировать массовые репрессии за Кавказским хребтом. Никто не смел совать свой нос в кавказскую политику Хозяина.

Обстоятельства, связанные с переездом Берия в Москву, довольно запутанны. В кругах, близких к тогдашнему руководству НКВД, ходили слухи о предстоящем аресте Лаврентия Павловича. По свидетельству генерала М-ва, ответственный агент доставил в Тбилиси ордер на арест, однако Берия тотчас вылетел в Москву объясняться.

Зная характер генсека, его пристрастие к провокациям, можно не сомневаться в том, что Сталин, задумав заменить Ежова более близким по духу функционером, прежде всего хотел еще раз продемонстрировать свою власть над жизнью и смертью подручных. Не исключая фаворитов.

Вождь успокоил грузинского наместника: этот маленький нарком страдает ба-алшой подозрительностью. Ну что ж, Центральный Комитет поправит товарища Ежова...

Однако тем дело не кончилось. В 1964 году, когда некоторые дворцовые тайны перестали быть тайнами, доктор философских наук Ф.Т. Константинов рассказывал в тесном кругу своих аспирантов об одном эпизоде, который мог стать историческим событием. В июле 1938 года в кабинете генсека произошла встреча Берия с Ежовым. Разговор принял опасный оборот. Оказывается, к наркому внутренних дел поступил материал, изобличающий Берия в измене. Товарищ Ежов обязан исполнить свой долг...

Автор этой интриги сидел тут же сторонним наблюдателем. Потом, надев маску миротворца, объявил свою волю: он все же доверяет товарищу Берия и рекомендует его на пост первого заместителя наркома.

Константинову об этом поведал Георгий Димитров, у которого он служил секретарем.

В годы большого террора Берия был уже сталинским фаворитом, а Ежов и на посту наркома оставался покорным исполнителем воли

Хозяина. Фактически он перестал руководить секретным ведомством задолго до официального смещения — 25 ноября 1938 года.

А пока Сталин и Берия, верные тексту пьесы тридцать восьмого года, кокетничали с простаками. Вот Никита Хрущев полушутя-полусерьезно поздравляет Лаврентия Павловича с новым назначением.

— Я не принимаю твоих поздравлений, — ответил Берия.

— Почему?

— Ты же не захотел стать заместителем Молотова. Почему же я должен быть доволен своим новым постом? Уж лучше бы я остался в Грузии...

Однако с первых же дней работы в НКВД Берия принял условия игры, предложенные генсеком. «Что происходит, ай-ай-ай! — сокрушался новый фаворит. — Миллионы людей арестовали напрасно — и руководителей промышленности, и первых секретарей райкомов... Это дело зашло слишком далеко. Мы должны остановиться, пока не поздно»[8].

Здесь, в столице, одного лишь опыта удушения народов Закавказья было мало. Предстояло освоить новые масштабы. Хозяин давно уже шарил волосатой лапой по заграничным кладовым. Ставя Берия на ключевой пост своей тоталитарной системы, он тщательно обдумал сей ответственный шаг. На Лубянку пришел чекист-профессионал. В этом смысл перемещения Берия в Москву.

Весь год кремлевские побратимы были заняты перепаладкой механизма репрессий, разведки и контрразведки. Сошлись два полюса зла — южный и северный. Слились. И московский центр террора, оплодотворенный тбилисским, стал излучать губительную радиацию такой силы, что заставил содрогнуться всю страну — от одесских лиманов до камчатских сопок.

До сих пор, спустя десятилетия после XX съезда, многие полагают, что массовые репрессии имели место только в тридцать седьмом году. Посмотрим, что происходило в году тридцать восьмом, при непосредственном участии Лаврентия Берия.

Алкснис

В конце февраля 1938 года на Лубянку привезли Якова Алксниса, начальника военно-воздушных сил РККА. Он вышел из семьи батрака, вступил в партию за год до революции, участвовал в гражданской войне и дослужился до командарма 2 ранга. Алксниса ввели в камеру в мундире, при всех орденах и регалиях. В этой камере находился арестованный за несколько дней до этого Машковский, работавший в Главконцесскоме при СНК СССР. Он все запомнил и рассказал впоследствии о первом тюремном дне Алксниса. Охранники пришли за ним через полчаса, сорвали ордена, знаки различия и увели. Через четыре часа принесли иска-

леченное тело. Разбили голову, сломали ребра, искромсали руки и ноги, выбили зубы, кровь струилась изо рта.

«Я все подписал», — прошептал Алкснис разбитыми губами.

Это происходило в те дни, когда Берия по велению генсека приступил к проверке работы НКВД.

Красиков

Нельзя утверждать, что Сталин передавал в руки Берия всех старых большевиков. Он оставил жизнь Григорию Петровскому, Максиму Литвинову, Елене Стасовой, Глебу Кржижановскому, Емельяну Ярославскому. Последний служил штатным фальсификатором истории партии и напустил такой густоты розовый дым вокруг Вождя, что многие до сих пор не видят, где кончается генсек и начинается политический гангстер.

Петра Ананьевича Красикова тоже обошли арестом. Но не опалой. Он был ровесником Ленина, вступил в партию в 1892 году. В советское время занимал ответственные посты в правовых органах — прокурора Верховного Суда СССР, председателя Следственной комиссии, заместителя председателя Верховного Суда.

«Он был беспощаден к классовым врагам», — писал о нем Ярославский. Но, как сообщает партийный журнал, «в сентябре 1938-го П.А. Красиков без какого-либо основания был отстранен от работы и переведен в резерв. 20 августа 1939 года он скоропостижно скончался в Железноводске и безвестно похоронен на местном кладбище»[9].

Неужто этот сподвижник Ленина не знал, что Бухарин и Рудзутак, Орджоникидзе и Пятницкий, что все его товарищи по революционной борьбе стали жертвами сталинского террора? Но ведь он сам был проводником массовых репрессий, беспощадным судьей.

И если Берия приложил руку к его скоропостижной смерти, то этот факт не выпадает из потока Истории.

И артистов не обошел...

Выказывая свое особое расположение к Лаврентию Берия, генсек уже в тридцать восьмом стал его брать с собой в правительственную ложу на спектакли Московского Художественного театра. Берия знал, конечно, что МХАТ — любимый театр Хозяина, и с первых же дней службы на Лубянке проявлял к труппе бдительное внимание. Именно тогда начались аресты в среде мхатовцев. В конце 1938-го забрали режиссера Владимира Львовича Гольденвейзера. Потом привезли на Лубянку его двоюродного брата Александра Борисовича, народного артиста СССР. Три часа допрашивали всемирно известного пианиста

о контрреволюционных связях режиссера[10]. Уж очень хотелось Лаврентию Павловичу выслужиться, раскрыть еще одну террористическую организацию, и в то же время он явно не решался устроить серьезную чистку в придворном театре. Если бы не это досадное обстоятельство, Берия уничтожил бы всю труппу Художественного во главе со Станиславским и Немировичем-Данченко. Одним из первых — драматурга Михаила Булгакова. Бериевская агентура внедрилась в труппу МХАТа, установила плотную слежку за всеми. Досье на каждого актера, режиссера, администратора пухли день ото дня. Театральные вкусы Хозяина могли измениться, и тогда...

Любопытное совпадение: незадолго до войны в гестапо завели картотеку на всех актеров МХАТа. С немецкой аккуратностью, по алфавиту, проставлены имена, фамилии, адреса и порядковые номера. Затем следовало название отдела или управления, коему надлежало ликвидировать своего клиента после падения Москвы. Генеральный список включал не только деятелей культуры — артистов, писателей, художников, композиторов. Гестапо планировало захват видных ученых, изобретателей, партийных функционеров, всего — 5256 человек[11].

Отдадим должное скромности Гиммлера. Истребительные планы Берия были куда как масштабнее.

Удар по карателям

После назначения Берия народным комиссаром внутренних дел состоялось подписание акта сдачи-приема дел. Николай Иванович Ежов признан несоответствующим должности. Как оказалось, бывший нарком допускал много случаев неправомерных репрессий, не обеспечивал соблюдения советских законов в деятельности НКВД. Тем самым он нанес существенный ущерб авторитету Органов государственной безопасности...

Документ подписали оба наркома — старый и новый. Ежов возглавил наркомат водного транспорта, которым он до этого руководил по совместительству уже с апреля, — НКВД и НКВТ.

...Забавно выглядят кадровые игры Сталина на расстоянии. Давно ли имя Ежова ставили в один ряд с небожителями? Давно ли портретами «любимца партии» украшали улицы и площади городов?

В январе 1938-го Калинин вручал ордена группе чекистов. Эти имена всегда полезно называть, ибо смерть народу несли не абстрактные темные силы, а конкретные лица. Список открывает Б.Д. Берман, заместитель наркома. За ним следуют К.Н. Валухин, Д.М. Дмитриев, П.С. Долгопятов, В.П. Журавлев, Е.Ф. Кривец, Г.А. Лупекин, А.И. Успенский, П.В. Чистов и ряд других передовиков. Выступивший от

имени награжденных Константин Валухин отметил успехи Органов НКВД в разгроме «самых заклятых врагов народа». И все это свершилось под руководством верного сына страны социализма, «боевого сталинского наркома Н.И. Ежова»[12].

Не пройдет и полутора лет, как почти все награжденные во главе с бывшим боевым наркомом лягут под топор нового хозяина Лубянки. Вслед за Яковом Петерсом казнят не менее именитого чекиста Эдуарда Берзина, первого начальника Дальстроя. В его личном деле всего три листа. На обложке коричневой папки слева направо красным карандашом — ВМН (высшая мера наказания). И в правом верхнем углу — скромная пометка: «Исполнено...», дата и подпись. В левом углу — «Хранить вечно».

Сколько таких папок хранится в секретных архивах!..

Среди них и дело Мартына Лациса, еще одного славного чекиста-латыша, члена Петроградского ВРК в семнадцатом году. Восставшие называли его доверительно «Борода». При Дзержинском Лацис был членом коллегии ВЧК, ближайшим помощником председателя. Теперь вот оказался лишним. В 1926 году Лацис писал в журнале «Пролетарская революция» о праве ЧК казнить врагов Советской власти на месте, без суда. Скоро он на себе испытает, что это такое — бесконтрольная власть Органов...

В тридцать восьмом, когда за стальным лбом генсека окончательно созрел план демагогической кампании смягчения террора, подошла пора смены карателей. Ежовские костоломы могли бы еще служить и служить Сталину, программа истребления партии большевиков не была завершена. Но они слишком много знали... Среди арестованных в ту пору сотрудников центрального аппарата НКВД оказались старые чекисты, работавшие в Москве при Дзержинском: Г.Я. Рапопорт, П.И. Юревич, В.Н. Манцев, И.П. Жуков, Ф.Я. Мартынов, Я.М. Юровский.

Начатое при Ежове уничтожение заслуженных чекистов продолжал Берия. Старым энкаведистам запомнилось «Дело пятерки», в которую вписали самых верных соратников Дзержинского: Иосифа Уншлихта, Станислава Реденса, Филиппа Медведя, Станислава Мессинга, Романа Пиляра. Взяли их в конце тридцатых, и можно было бы списать все на попустительство прежнего наркома. Но Сталин и Берия сумели извлечь из этого дела максимум политических дивидендов.

...Вот как могут переродиться самые честные, кристально чистые коммунисты. Среди них оказался племянник самого Дзержинского, Пиляр. В обстановке благодушия и ротозейства шпионы и диверсанты проникают даже на руководящие посты в НКВД. В таком духе «Дело

пятерки» ряд лет, уже при Берия, преподносили курсантам специальных училищ и функционерам Лубянки.

В многолетней войне против советского народа особо отличились внутренние войска НКВД. Командиры этих частей и отрядов тоже отслужили свое. Вместе с лагерными начальниками. Многие подлежали уничтожению, это должно было выглядеть как очистительная жертва.

Кампанию устранения свидетелей-исполнителей генсек поручил новому наркому. Тот случай, когда интересы Вождя и фаворита полностью совпадали. Истребив почти весь ежовский аппарат — в центре и на местах, — Берия получил возможность насадить повсюду своих людей. Разумеется, личную охрану Сталин курировал лично. Но всему свое время.

«Правотроцкистский центр» в ЦК

Летом 1938-го генсек поручил Лаврентию Берия заняться весьма необычным делом — выявить и ликвидировать группу врагов народа, пробравшихся в центральный аппарат ЦК. Арестованным по делу Стецкому, Якубову и Халатову объяснили при помощи обычных аргументов, что они еще в 1932 году вошли в преступный контакт с Вождями оппозиции — Рыковым, Бухариным, Томским, Каменевым и Зиновьевым, организовали в недрах самого ЦК «контрреволюционный право-троцкистский центр».

Сам факт отстранения от этого дела Ежова, тогда еще полноправного наркома, достаточно красноречив. Берия вел это дело с известной долей осторожности: признания из бывших сотрудников генсека придется выбивать, а нрав Властителя ох как переменчив...

В конце тридцать восьмого к группе заговорщиков пристегнули бывшего редактора «Известий» Ивана Михайловича Гронского. Одно время он пользовался особым доверием Сталина. Сам Берия не смел еще втягивать в воронку этой политической провокации таких лиц без прямого приказа Хозяина. Но, собирая материалы на малых вождей и вчерашних сотрудников генсека, Лаврентий Павлович получил возможность заготовить впрок показания против членов Политбюро. Ведь каждый из них — потенциальный соперник на пути к верховной власти. Генсеку скоро шестьдесят, и если кто-то поможет ему обрести покой, вечный покой, то совсем не обязательно ставить на его место Молотова или Кагановича. Словом, Берия свой шанс не упустит.

На допросах от Гронского потребовали подробных показаний: как он вербовал в «Центр» членов Политбюро Молотова, Калинина, Ворошилова, Микояна, какие задания им давал, скольких ценных ра-

ботников партии — членов ЦК, наркомов — им удалось скомпрометировать, а затем убрать — во вред государству.

Допросы по делу нового «Центра» продолжались в следующем году, когда Берия занял кресло наркома. Через несколько дней после ареста Ежова подследственного Гронского отвели к парикмахеру, постригли, побрили и даже, сверх нормы, помыли в бане. После этих экстренных гигиенических мероприятий Иван Гронский предстал перед наркомом.

Он сидел в своем огромном кабинете, рядом в кресле — Богдан Кобулов. Этого мастера Гронский видел впервые, а Лаврентия Павловича помнил с той поры, когда по заданию Политбюро ездил в Грузию «наводить порядки». Это было в 1932 году. Следователь говорил Гронскому, что новый нарком отзывается о нем с искренней теплотой. Еще бы! Близкие советники генсека были наперечет, и Берия на всякий случай избрал в отношении бывшего фаворита Сталина выжидательную тактику.

Итак, Гронского ввели в кабинет. Поздоровались как вольные люди, Берия пригласил арестанта сесть и спросил:

— Как поживаете?

— Не шибко важно в этом учреждении поживать.

— А что, разве вас здесь притесняют? Может быть, следователь с вами груб?

— Нет, на следователя я не могу жаловаться, но пора бы уже и разобраться в моем деле. Тем более что и дела-то никакого нет. Да и быть не может.

— Обещаю вам, Иван Михайлович, что займусь вашим делом лично. Сделаю для вас все, что смогу...

Распоряжаться судьбой Гронского Лаврентий Берия, конечно, не мог. Ни один хозяин Лубянки, начиная с Дзержинского и кончая Ежовым, не чувствовал себя там полновластным хозяином. Главный инструмент своей личной политики Сталин не выпускал из цепких рук ни на один час. Бить или не бить Гронского, быть или не быть ему на свете — это решалось не на Лубянке.

Первые дни после памятной беседы с наркомом следователь был предельно доброжелателен, потом внезапно переменился и перестал вовсе вызывать на допрос. Через месяц вызвал и предложил сухим тоном подписать протокол об окончании следствия. Но листы дела оказались неподшитыми, непронумерованными... Гронский, могучего сложения атлет, доведенный до полного истощения, измученный диким следствием и ожиданием конца, подписал протокол. Пусть подсовывают, пусть изымают из дела что хотят. Все равно...

Позднее вручили обвинительное заключение. Из этой бумаги Гронский узнал, что, постоянно участвуя в заседаниях Политбюро и вы-

полняя его поручения, он организовал тщательно законспирированный правотроцкистский центр… изменил… предал… замышлял… Эти действия подпадают под статью 58 п. 1-а, п. 7, п. 8 через п. 17 и 11 (измена, вредительство, террор, участие в организации…)

…Судебное следствие на этот раз было на редкость продолжительным, оно шло почти полтора часа. Василий Ульрих тоже знал Гронского как близкого генсеку человека и дал ему высказаться. Однако на давно уже заготовленный приговор это повлиять не могло: 15 лет лагерей[13].

Иван Михайлович дожил до девяноста с лишним лет, прах его покоится на Новодевичьем кладбище.

Залпетер

Залпетер начал работать в ВЧК на второй год после учреждения этой комиссии. В Тифлисе он возглавлял Особый отдел Закавказской ЧК. По натуре порядочный, честный, он менее всего устраивал Берия. Когда наместник Вождя разогнал прежних руководителей края, Залпетер попал в Новосибирск заместителем полномочного представителя ГПУ Заковского. Там Залпетер пробыл два года, а в тридцать втором его перевели в Москву. При Ежове он стал начальником Особого отдела.

В тридцать седьмом пришла пора расплаты за непорочную службу. Предлога для ареста искать не пришлось. Однажды в компании Залпетер назвал наркома «Василием Блаженным». Да, на Лубянке Ежов действовал как в чаду, брал всех подряд, на кого укажут…

За столом сидели шесть человек, все *свои*, близкие. Но кто-то донес. Залпетера арестовали, потом взяли жену, Тасо. Ее мучили в Лефортовской тюрьме восемь месяцев. Однажды поместили в камеру, где можно было только сидеть посредине, перед «глазком». По стенам — движущиеся тени. И шепот откуда-то сверху: «Сумасшедшая старуха! Сумасшедшая старуха!»… И детский плач…

Все это происходило уже под квалифицированным руководством Берия.

От Тасо требовали признания в контрреволюционной деятельности. Будто муж завербовал ее в свою «организацию». Следователь предъявил Тасо показания мужа.

Запомнилась на всю жизнь очная ставка. Следователь встал за спиной Тасо. Ввели Золю (так Тасо называла мужа). Взгляд отсутствующий, кисти рук забинтованы, на ногах — разные ботинки. Но умыт, выбрит. Залпетера посадили напротив жены.

Тасо: Золя, почему я должна подписывать ложные показания против тебя? И против себя тоже? Очнись!..

Следователь: Залпетер, смотрите на меня! Смотрите только на меня!

Залпетер: Тасо, подпиши все. Этого требует партия. Этого требует партия.

Тасо: О чем ты говоришь?! Что с тобой, Золя?..

Залпетер: Подпиши, подпиши. Это нужно партии.

Залпетер вошел в число семи миллионов узников, которые в годы большого террора (1935–1940) погибли в тюремных застенках. Судьба жены сложилась счастливее. Начало войны застало ее в Карагандинском лагере, одном из самых многолюдных. Лагпункт Бурма, где отбывала срок Тасо Залпетер, находился вблизи станции Жарык, за Карагандой.

Тасо не могла спокойно вспоминать о жестокости и коварстве Берия, с которым ее несчастный муж столько лет работал в Органах. «Берия вылез в вожди, живет в царской роскоши! — негодовала Тасо. — Что он сделал с Россией?.. Он утопит ее в крови. И Грузию заодно».

Тасо выпало дождаться реабилитации, но она потеряла зрение[14].

Косарев

28 ноября 1938 года Берия лично прибыл на квартиру Александра Косарева. Генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ было тогда всего тридцать пять лет. Мария Викторовна держалась мужественно. Когда мужа уводили, она крикнула: «Саша, вернись! Простимся...»

Берия приказал забрать и ее.

Жену Косарева схватили без ордера на арест, оформили за подписью прокурора лишь два дня спустя. Приговорили Марию Викторовну к 10 годам заключения, в лагерях она провела 17 лет, часть срока — в Норильске. Удалось устроиться по своей специальности — инженером-экономистом. Тут, вероятно, сказалось уважение к имени мужа, иначе бы держали на гибельных «общих работах». В Москву Косарева написала сразу же после казни Берия, в декабре 1953-го, и вскоре получила документ о своей реабилитации.

Казнили вожака комсомола 23 февраля 1939 года. Акт об исполнении приговора Руденко показал вдове при личном свидании. В справке о смерти мужа, которую выдали для получения денег со счета сберкассы, указано, что А. Косарев умер от воспаления легких. При получении денежной компенсации за конфискованное имущество всплыли ставшие такими обычными факты грабежа. Бериевские агенты присвоили множество вещей, коллекцию оружия (Косарев собирал пистолеты всех времен), книги. Пропала библиотека, свыше двух тысяч томов, а в описи изъятого имущества указано только: «Книги в мяг-

ких обложках — 550 штук, в твердых переплетах — 700 штук». Присвоили автомашину, принадлежавшую Марии Косаревой. Сотрудник финансового отдела МВД спрашивал: «А вы не знаете, кто забрал вашу машину?.. Куда она делась?..»

Свидетельство Н. Пегова

Осенью 1938 года Николай Пегов учился на последнем курсе Промакадемии, будучи сам секретарем парткома, однако доучиться ему не дали. В отделе руководящих партийных Органов ЦК Пегову поручили срочно подобрать в Москве 500 коммунистов для работы на Дальнем Востоке. Руководство Дальневосточным краем было истреблено при непосредственном участии Лаврентия Берия. Он послал туда нового начальника управления НКВД, своего подручного Михаила Гвишиани. Партийную верхушку освежал Центральный Комитет. Нельзя представлять себе массовый террор как внезапный выброс звериной жестокости самозваных вождей и партфункционеров низших рангов. Террор имел свой внутренний смысл: сковать страхом весь народ, привести его, вместе с партией, к абсолютному послушанию и заодно — сменить полностью партийное и советское руководство в столице и на местах.

К концу 1938 года Москва была опустошена. Николай Пегов жалуется: «В конце каждого дня я докладывал руководству отдела ЦК, как идут дела с подбором. Утешительного было мало: пять — семь человек — вот и весь мой дневной успех, а затем — и того меньше. Это и понятно: в 1938 году с кадрами было негусто и в Москве».

Николая Пегова назначили секретарем Дальневосточного крайкома партии. Вскоре огромную территорию разделили на два края: Приморский (г. Владивосток) и Хабаровский. В Хабаровск направили другого выдвиженца — В.А. Донского. Через полгода его сменит на этом посту брат Пегова Владимир, а третий брат, Анатолий, станет секретарем МК и МГК комсомола. С ними было куда как удобно работать: обязанные генсеку всем, они служили ему с предельным подобострастием, на пуантах, до самого конца[15].

Сколько хлопот доставили Сталину и Берия Лаврентий Картвелишвили, Василий Блюхер, Георгий Штерн, флагман флота 1 ранга Михаил Викторов... То были *личности*. Их сменили безликие пеговы.

Наместник Берия Михаил Гвишиани на новых руководителей не замахивался, спектакль тридцатых годов нуждался в антракте. Но игра в бдительность требовала жертв, и Гвишиани время от времени отправлял в Москву разоблаченных врагов — для последней обработки.

Маршал Блюхер

В программе уничтожения командного состава армии Блюхер занимал особое место. После успешно проведенной операции у озера Хасан, которая закончилась в августе 1938 года, Блюхера вызвали в Москву. Газеты пестрели описаниями победных сражений и именами героев, но имя командующего Блюхера не упомянули ни разу. Было о чем задуматься маршалу.

Сталин молчал, когда на Военном совете Блюхера критиковали за медлительность в отражении интервентов и за... большие потери. После заседания Ворошилов по «старой дружбе» успокаивал Василия Константиновича и предложил ему для отдыха свою дачу в Сочи. Блюхер вызвал телеграммой жену с детьми, и в конце сентября они всей семьей поехали на море.

Дача наркома обороны находилась в местечке Бочаров Ручей, за парком «Ривьера». Там же, неподалеку, построили большой двухэтажный дом на четыре квартиры — для маршалов. В ту пору он пустовал, окна были закрашены мелом.

По старой привычке Блюхер читал газеты. Лучше бы их не было! «Враги народа, гамарниковско-булинские шпионы, прилагали все старания к тому, чтобы разрушить железный костяк Красной Армии...» Это — в «Правде» 13 октября. С середины октября начали публиковать Указ о награждении героев боев на озере Хасан. Имя командующего фронтом под запретом. Иначе как объяснить упорное замалчивание?

...За ним пришли утром 22 октября. Маршал еще спал, накануне легли поздно, играли в домино. Был шторм на море, сильный ветер, поэтому в тот вечер от прогулки отказались.

Три агента быстрым, уверенным шагом прошли в спальню, разбудили Блюхера, обыскали одежду, забрали пистолет. Жена в этот час кормила восьмимесячного сына. Заметив посторонних, она направилась к спальне, но дверной проем закрыл особый охранник, Лемешко. Его приставили к Блюхеру в Сочи для личной безопасности. Маршал принял его как своего человека, вместе с ним семья обедала, вместе ходили на прогулки к морю, в парк. Блюхер звал его «товарищ Лемешко». Спал он отдельно, на втором этаже. Теперь Лемешко встал в дверях скрестив на груди руки, всем видом давая понять жене Блюхера, что *там* ей делать нечего.

Василия Константиновича отвезли в его служебный вагон, стоявший на станции. Забрали жену и брата маршала, Павла, каждого доставили на станцию в отдельной машине. По прибытии в Москву Блюхера отправили в Лефортово, Глафиру Лукиничну — на Лубянку, во внутреннюю тюрьму № 2.

Блюхер знал, *что* его ждет, еще летом тридцать седьмого понял, когда казнили полководцев, соратников по гражданской войне. Теперь вот Ворошилов пригласил его в свой дом, будто в золотую клетку заманил. За несколько дней до ареста он сказал жене: «Если со мной что-нибудь случится, меня оправдает история».

...В конце июня тридцать восьмого в Хабаровск прибыли Мехлис и Фриновский. В доме маршала вели себя более чем самоуверенно, Василий Константинович нервничал, непрерывно курил папиросы. «Знаешь что, — сказал он жене, — это прибыли акулы, они хотят меня сожрать. Сожрут они меня или я их — не знаю. Второе маловероятно».

Сожрали Блюхера другие акулы, самые крупные. А эти, мехлисы и фриновские, были лишь прилипалами.

Всего шестнадцать дней выдержал он на лефортовской дыбе. Пытали его следователи вчетвером — порознь и скопом — под личным надзором Берия.

Маршалу Блюхеру, герою гражданской войны, кавалеру первого ордена Красного Знамени, полководцу, недавно разбившему «японских агрессоров» у озера Хасан, инкриминировали шпионаж в пользу... Японии. И еще его обвиняли в подготовке отторжения Дальнего Востока под крыло все той же Японии. Побег готовил летчик Павел Блюхер, брат Василия Константиновича. Привычный для Сталина и Берия ассортимент. Да не забыть подручного палачей Ворошилова. Звонкий у него приказ получился к 7 ноября. «...Под руководством партии Ленина — Сталина советский народ и в истекшем году беспощадно пресекал, корчевал, как и впредь будет пресекать и выкорчевывать преступную работу вражеской агентуры, троцкистско-бухаринских шпионов, заговорщиков...»

Заговорщика Блюхера прикончат через день, во время празднования годовщины Великого Октября.

Леонид Григорьевич Броун в годы гражданской войны сражался в 30-й дивизии Блюхера. Они дружили семьями, отдыхали вместе в санатории «Барвиха». Броуна отправили в Красноярские лагеря, где он встретился с бывшим начальником Лефортовской тюрьмы. Там же очутился тюремный доктор Ольшевский. Они рассказали Броуну о последних днях Блюхера.

Жену маршала на второй день тюремного заключения вызвал Лаврентий Берия. Он ничего не спрашивал о враждебных замыслах Блюхера, не угрожал расправой. Глафире было всего 23 года, может быть, молодость и спасла ее от худшего. После пяти с половиной месяцев одиночки ее перевели в Бутырку и — на этап, в Карагандинский лагерь. Особое Совещание оценило ее вину в 8 лет.

После ареста Блюхера его детей — пятилетнюю Воиру и маленького Василина, племянницу Нину, дочь сестры маршала, — отправили в детские дома, в ясли, кого куда. Старшего сына от первого брака, Всеволода, продержали два с половиной года в Нальчике, в политизоляторе. После тюрьмы он отказался сменить фамилию. Отечественную войну прошел рядовым, сражался храбро, но без наград. Умер в 1978 году.

Гибель Блюхера, заключение в тюрьму молодой жены позже отозвались на родственниках. Мать Глафиры сошла с ума, она была казнена немцами в Крыму в душегубке. Лишилась рассудка и старшая сестра Лидия. Один брат, Николай, застрелился, другой, Анатолий, погиб на военных учениях в Каче.

Не будем продолжать, так было во многих семьях. Так случалось повсюду.

Вдову Блюхера после отбытия лагерного срока еще долго преследовали ретивые энкаведисты. Лишь в 1957 году она приехала в Москву. В КПК ее принял партследователь Крылов. Он готовил документы к реабилитации Блюхера в 1955 году и знал дело детально. Оказывается, маршала даже не успели исключить из партии, так *они* спешили. Жену тоже приговорили к высшей мере, но в последний момент кто-то проявил милосердие. Власти тоже подвержены минутным капризам.

У Блюхера состоялась очная ставка с комкором Хаханяном и командармом Федько. Он просил, настойчиво просил друзей-соратников дать против него показания. Он хотел избавить от мучений их и себя. Крылов вызывал людей, видевших маршала перед концом.

— Как он выглядел? — спросила вдова.

— Блюхер был похож на человека, по которому не один раз прошел трактор. Следователи зверски пытали его[16].

Ликвидация Чкалова

В те годы не было, пожалуй, в стране более популярного человека, чем Герой Советского Союза Валерий Чкалов. После беспосадочного полета через Северный полюс в Америку о нем узнал весь мир. Личное знакомство с Вождем произошло на Внуковском аэродроме, куда Сталин обычно приезжал в сопровождении малых вождей. Чкалов испытывал новый самолет, случилась неполадка, машина вошла в опасное пике, но перед самой землей Чкалов все же выровнял ее и посадил на полосу. Сталин подозвал отчаянного смельчака, и Ворошилов представил его генсеку как «воздушного хулигана». Сталин остановил наркома:

— Сами разберемся. — И спросил пилота: — Товарищ Чкалов, почему вы не воспользовались парашютом?

— Иосиф Виссарионович, это уникальная машина, я не могу ее бросить, она очень дорого стоит...

— Ваша жизнь нам дороже любой машины, — изволил заметить Вождь. Для истории сказал.

...Чем-то могучий волжанин тронул окаменевшее сердце Диктатора. На встречах с прославленным летчиком Сталин не скрывал особого к нему расположения. А Чкалов, единственный из приближенных ко двору, от избытка искренней любви тискал его в своих объятиях. Надо думать, Хозяин устал от кровавых игрищ, надоели ему лубянские провокаторы. Вот если бы во главе Органов поставить человека с доброй душой, честного, принципиального, такого, как Чкалов, любимца народа... И Сталин летом тридцать восьмого предложил ему занять этот пост. Подобный ход событий мог встревожить Лаврентия Берия. Но даже если он не сумел проникнуть в планы Вождя, все равно возросшее влияние Чкалова знаменовало возможный поворот во внутренней политике генсека.

Проблема разрешилась в солнечный октябрьский день, на испытании другого самолета, И-180. На этот раз тоже отказал мотор, когда Чкалов пролетал над поселком вблизи аэродрома. Он пытался дотянуть до барака, за которым надеялся посадить машину. Зацепил правым крылом крышу, с трудом приземлился на одном левом крыле. При толчке летчик поранил шею и, сняв перчатки, пытался остановить кровотечение. Наземные службы долго не приближались к месту аварии, опасаясь взрыва. В Боткинскую больницу Чкалова доставили слишком поздно, он умер от потери крови...

Представитель Запорожского металлургического завода Евгений Гинзбург с 3 часов дня до 3 утра ждал вестей из больницы. В эту ночь его виски поседели. Ответственность за новую машину разделял с ним главный конструктор Лазарев. Через два дня его сбросили на ходу с электропоезда.

Расследованием причин катастрофы занимались две комиссии — техническая и политическая. Председателем второй стал первый заместитель наркома внутренних дел Всеволод Меркулов, подкрепленный тремя лубянскими чинами с четырьмя «ромбами» в петлицах у каждого. На заседании политической комиссии Михаил Громов зачитал запись в формуляре мотора, сделанную ответственным инженером: «Испытательные полеты запрещаю».

— Почему *так* происходит? — спросил Гинзбург Поликарпова.

— Нас все время гонят в шею, — ответил известный авиаконструктор.

В заключение сообщим о докладной записке Сталину: «Ввиду имеющихся дефектов к испытательным полетам самолет допускать нельзя». Подпись сделана Берия *задним числом* — накануне запланированной катастрофы.

Свой среди своих

Да, Берия стал хозяином Лубянки, хотя и не полновластным. Главным распорядителем жизни и смерти подданных оставался Сталин. Лубянку, этот испытанный ключ к абсолютной власти, он из своих цепких рук не выпускал ни на миг. Но никогда, ни до ни после, в кресле шефа тайной службы не сидел столь могущественный Второй человек в государстве.

Генриху Ягоде и Николаю Ежову Сталин только приказывал, с Лаврентием Берия мог и посоветоваться, с ним он даже планировал отдельные операции. С товарищем Лаврентием можно было говорить откровенно — какие там умолчания между честными компаньонами?

Давно подмечено: истинный интеллигент, даже если это прошедший тюрьмы и каторгу революционер, теряется, столкнувшись с неприкрытым хамством. Берия был не просто хамом, он носил свое агрессивное хамство как знамя. Он пришел в Москву, когда Сталин уже успел расправиться с близкими соратниками Ленина — Каменевым, Зиновьевым, Рыковым, Бухариным, Рудзутаком, Раковским, Серебряковым... При них генсек еще как-то маскировал свою с юности развращенную натуру. Теперь словно едкая кислота разлилась по Кремлю, вытравляя без остатка интеллигентность. Вместе с обыкновенной порядочностью.

Берия сразу же оказался своим среди своих. Вот он чокается бокалом вина с хитроумным Микояном, фотографируется в обнимку с придурковатым Ворошиловым, с наигранным интересом внимает тугодуму Молотову. Он на удивление быстро и естественно вписался в антураж главного кресла. Именно такого человека не хватало Сталину для душевного комфорта. Но полного комфорта ему не было дано вкусить никогда, так же как и Берия. То были одинокие волки. И союз их был волчий.

ГЛАВА 6

АДИК

В творческом коллективе тайного ведомства выделялся особым рвением и убежденностью сын Якова Свердлова, одного из ближайших соратников Ленина. Свою трудовую деятельность в органах ОГПУ–НКВД Андрей Яковлевич начинал совсем молодым, но уже полноправным коммунистом (с 1932 года). Вырос он в Кремле, в окружении детей известных партийных деятелей.

Одно время на кремлевской квартире Свердловых жила семья Рыковых. Там собирались дети Ногина, Подвойского, Демьяна Бедного... Устраивались игры, забавы, ставили пьесы... Заводилой был Андрей, суетливый, шумный, с явными претензиями на лидерство. Уже тогда он отличался злобным характером. Об этом свидетельствует Анна Михайловна Ларина, вдова Бухарина. Однажды тринадцатилетний Адик сорвал с ее головы шапку и бросился наутек. Когда Аня зашла к нему домой, он взял ножницы и, отрезав верх шапки, бросил остатки девочке в лицо[1].

Сталинская охранка, опекавшая кремлевских поселенцев, особое внимание уделяла детям.

Первый арест. Вместе с Андреем Свердловым взяли Диму Осинского, Петю Ворошилова[2] — сыновей крупных деятелей. Это произошло в конце 20-х — генсек держал под страхом расправы всех подручных. Последовавшие затем аресты жен таких деятелей, как Молотов, Калинин, Поскребышев, служили той же цели. Вмешиваясь в судьбу Андрея Свердлова, Сталин в полной мере проявил свою мстительность к его отцу, с которым вместе отбывали туруханскую ссыл-

ку. Яков Свердлов, на себе испытавший низменный, склочный характер товарища Кобы, в годы революции избегал лишних с ним контактов. Свердлов умер рано, и сталинская месть осталась неутоленной. Летом тридцать восьмого он вновь приказал арестовать его сына. Много лет спустя Нина Николаевна Подвойская рассказывала знакомым, что ее мужа, Андрея Свердлова, не раз репрессировали. После смерти Сталина это стало престижным. Однако его всякий раз помещали в тюрьму для выполнения оперативных заданий НКВД. Это обстоятельство она замалчивала.

На Лубянке Андрея Яковлевича поместили в одиночную камеру, следствие поручили вести начальнику отдела Матусову. Это был человек сравнительно образованный, по натуре не слишком жестокий — тоже сравнительно. В этом Андрей Свердлов убедился уже на первом допросе.

Документами следователь не располагал, через неделю запросил указаний наркома. Ежов сделал пометку в настольном календаре. Матусов прождал месяц, материалы не поступали. Следователь вызывал Андрея Свердлова часто — то были не допросы, а беседы. Они говорили о литературе, затрагивали некоторые вопросы истории государства, играли в шахматы. Более всего Матусова интересовали подробности кремлевского быта, подследственный охотно удовлетворял любознательность начальника. На исходе второго месяца этого необычного следствия поступили долгожданные материалы. Сына Якова Свердлова обвинили в подготовке террористического акта против Генерального секретаря ЦК. Андрей Яковлевич пытался опровергнуть обвинение.

— Я столько лет прожил в Кремле, часто видел товарища Сталина... Ничего подобного я не замышлял. Зачем мне все это?

— Вы же отлично знаете, что у нас никому пустых обвинений не предъявляют, — заметил Матусов, — по вашему делу имеются серьезные улики, лучше признаваться сразу. В противном случае я не поручусь за вашу жизнь.

Он был исполнительным служакой, этот гуманный начальник.

В декабре Свердлова перевели в Лефортовскую тюрьму, следствие продолжалось в ином ключе. Он готов был уже подписать частичное признание, он боялся худшего, боялся, что Матусова могут заменить местным костоломом. Но в театре Иосифа Сталина ему уже уготовили иную роль.

Однажды поздней ночью Андрея Свердлова доставили на Лубянку. В просторном кабинете Берия собрались начальники управлений и некоторых отделов. Матусов был тоже здесь. Как только арестован-

ный вошел в кабинет, Берия поднялся, сделал несколько шагов навстречу.

— Андрей Яковлевич, от имени Центрального Комитета приношу вам извинения за доставленное беспокойство. Получилась ошибка, я надеюсь, вы не пострадали, вам не причинили ущерба.

...Свердлов стоял неподвижно, не будучи в состоянии принять происходящее за явь. Берия продолжал:

— Здесь ваш следователь. Вы не имеете к нему претензий?

— Нет, нет, он относился ко мне вполне терпимо, я бы сказал, даже доброжелательно.

— А ты знаешь, кем был его отец? — спросил Берия Матусова.

— Лаврентий Павлович, — вмешался один из присутствующих, — он ведет у нас кружок по изучению истории партии.

— А все-таки, — настаивал Берия, — ты знаешь, кем был Яков Михайлович Свердлов?

Матусов сообщил известные всем вещи. Свердлов был видным организатором большевистской партии в годы подполья, одним из руководителей Октябрьской революции, соратником Ленина, председателем ВЦИК. Не преминул Матусов упомянуть об отзыве Ленина — он назвал Свердлова Вождем партии.

— Вот видишь, — сказал Берия, — а ты допрашиваешь сына Свердлова, как будто он враг какой-нибудь.

И нарком вновь обратился к Андрею Яковлевичу:

— Еще раз примите наши искренние извинения...

Раздался звонок кремлевской «вертушки». Берия взял трубку.

— Да, да, Иосиф Виссарионович. Именно так. Хорошо, мы все решим на месте.

Еще несколько фраз по-грузински, и Берия положил трубку.

— Что натворил этот Ежов, — произнес он с деланным возмущением, — что натворил!.. Каких людей пересажал!..

Присутствующие поняли: этой ночью карьера их недавнего шефа кончилась.

— А что вы скажете, если мы вам предложим повышение? — спросил Берия.

— Если ЦК окажет мне доверие, буду считать это большой честью.

— Вот и хорошо. Пойдете заместителем к Матусову. Вы не против?

— Нет, — ответил Свердлов.

Берия кивнул начальнику управления кадрами:

— Напишите соответствующий приказ[3].

И Андрей Свердлов стал служить Лаврентию Берия. Служить не за страх, а за совесть — вот уж когда пословица к месту пришлась.

Сталин с мстительным удовольствием выслушивал рапорты Берия о действиях следователя. Связать имя Якова Свердлова с делом истребления ленинской партии — таким ходом Сталин-режиссер мог гордиться.

Одной из первых подследственных Адика оказалась Елизавета Драбкина, дочь известных большевиков. В первые годы революции она работала вместе с Яковом Михайловичем.

В декабре 1963 года Андрей Свердлов отдыхал под Москвой, в правительственном санатории «Барвиха». Встретив там Александра Твардовского, он стал набиваться ему в компанию. Вернувшись в Москву, редактор «Нового мира» так отозвался об Адике: «...неприятный, нечистоплотный тип. Обо всех все знает и, едва упомянут чье-либо имя, выпалит что-то дурное... Дитя кремлевского подворья. Курил под Царь-колоколом украденные у Ягоды папиросы...»

Рассказывая о своей лубянской карьере, Андрей Свердлов упомянул Драбкину. Разумеется, умолчал о том, что в результате пыток подследственная лишилась слуха. Что до него лично, то он лишь «совестил» ее: почему она не сознается, что была в троцкистской оппозиции. «Но мы расстались друзьями», — говорит Свердлов. «Правда, она на 17 лет отправилась в лагеря, а он пошел в свой кабинет», — подытожил Александр Трифонович[4].

Сын Якова Свердлова вел дело вдовы Бухарина, Анны Михайловны, но к ней относился терпимо.

Хана Ганецкая, дочь известного революционера, соратника Ленина, знала Андрея с пяти лет, училась с ним в одной школе. Однажды в кабинет, где ее допрашивали, вошел Андрей Свердлов. Увидев его, Хана поднялась со стула:

— Адик!..

— Какой я тебе Адик?!

И посыпалась грубая брань[5].

Бериевский подручный участвовал в истязаниях героя гражданской войны, позднее — редактора «Ленинградской правды» Петра Петровского.

К тому времени подслушивание в квартирах вошло в быт, а Дом правительства, где проживало более всего «врагов народа» был буквально начинен соответствующей техникой.

...Год 1943-й. У Ирины Ориент уже были арестованы родители и все родственники, двенадцать человек. Однажды летом к ней явился бывший узник, который сказал, что его направил сюда Игорь Пятницкий, друг ее детства. Сын Осипа Пятницкого, одного из руководителей Коминтерна, отбывал срок в дальнем лагере. Ирина угостила

его жареным картофелем (ей запомнилась самодельная красная рубаха на нем — из тонкой политически выдержанной скатерти) и снабдила его бланком с печатью для оформления прописки. Возмездие последовало через несколько дней. Ирину вызвали в отдел кадров университета, где она училась, и отвели на Лубянку пешком — это было совсем близко. В то время Свердлов служил уже не то начальником, не то замом сектора по работе среди молодежи. Из беседы с ним стало ясно, что ему известны все телефонные переговоры.

— Знаете ли вы Игоря Пятницкого?

— Да, в школе мы сидели за одной партой.

— Он присылал к вам кого-нибудь из лагеря?

— Да. Приехал незнакомый мне парень, я накормила его.

— А вы ему ничего не давали?

— Что я могла ему дать?

Полковник достал из стола тот самый пустой бланк, смял его и бросил в лицо.

— Врать будешь?! Садись! Пиши!

Получив признания, Свердлов отпустил Ирину. Подписку о неразглашении контакта он тоже получил. Однако студентка рассказала о случившемся своему другу, и на другой же день удостоилась нового вызова в отдел кадров. На этот раз допрашивал другой следователь. Но и тогда ее, нарушившую подписку, почему-то отпустили...[6]

В 1943 году в № 333 жилого корпуса гостиницы «Метрополь» арестовали Игоря Дмитриева, сына заслуженного чекиста Якова Христофоровича Петерса, казненного на Лубянке десять лет назад. Сын принял тогда же фамилию своего опекуна, доктора Дмитриева, надеясь обмануть судьбу. Не помогло. В Лефортовской тюрьме он достался Андрею Свердлову. Бил его полковник госбезопасности сапогами расчетливо и точно — по позвоночнику. Отбыв милостиво отпущенные ему пять лет, сын Петерса поселился во Владимире и после смерти Сталина вернулся в Москву. Последние годы страдал раком прямой кишки. Обследовавший его врач обратил внимание на травмированный копчик, но ему Игорь Яковлевич ничего не рассказал. Лишь в 1966 году, незадолго до смерти, он поведал о том, что с ним сделал Адик[7].

На Лубянке следователь Свердлов зарекомендовал себя незаменимым провокатором, проникал в камеры под видом арестанта, легко втирался в доверие — кто будет таиться от сына Якова Свердлова? — и без помех подводил разоблаченных «врагов народа» под расстрел.

Близкий Твардовскому человек, Кронид Малахов, в 1939 году попал на допрос к следователю Андрею Свердлову. Прогуливаясь вместе с

Твардовским по лесу, Адик заметил: «Он был в группе, которая готовилась убить Сталина, но зачем-то запирался, хотя был изобличен». Твардовский остановился: «Зачем вы лжете? Ведь вы неправду сказали». Тот сознался, что наврал[8].

Шли годы, Свердлов приобрел опыт и твердость руки. Кто бы узнал в этом надменном вельможе пришибленного страхом Адика. С лакейским подобострастием служил своему крестному отцу, Лаврентию Павловичу.

Светлана Аллилуева, знавшая Адика с детства, свидетельствует: «Андрей — профессиональный чекист, усердно занимался борьбой с «остатками троцкизма» и особенно «настроениями молодежи» и многих усадил в тюрьму»[9].

После ареста Берия Свердлов экстренно занемог, лег в психиатрическое отделение кремлевской больницы. Но больница — пристанище временное, пришлось через четыре месяца выписываться. На Лубянке бывшим бериевцам делать было нечего, некоторых видных начальников расстреляли, иные, вроде заслуженного палача Ивана Серова, сумели втереться в доверие к Хрущеву. Свердлов же остался без покровителя, несколько раз менял место работы...

После XX съезда Свердлов оказался не у дел. Было время, юный Адик карьеры ради работал на автозаводе имени Сталина. Ему бы вспомнить свою рабочую профессию, ан нет, не пристало полковнику госбезопасности стоять у станка.

В те ясные, как весенняя радость, дни массовой реабилитации сталинских жертв жила в Москве соратница Ленина, бывший секретарь ЦК Елена Стасова. Она принимала близко к сердцу судьбу каждого лагерника. К ней-то и обратился Андрей Свердлов. Ему, видите ли, нужно устроиться на достойную его имени службу, не обязательно в аппарат ЦК, можно и в издательство книжное или в редакцию журнала, газеты... Его издавна влечет журналистика, литература. А работа в Органах — будь они трижды прокляты — на то, Елена Дмитриевна, было специальное решение ЦК...

Но Стасова оставалась Стасовой: «...Иди, иди, Андрей. Ты пятнадцать лет служил у Берия. Таким, как ты, у меня делать нечего...»[10]

Свердлов решил попытать счастья в другом доме. Он сумел вызвать сочувствие у ветерана партии Карпинского. Вячеслав Алексеевич написал Хрущеву письмо: «Уважаемый Никита Сергеевич, неудобно получается: сын Якова Михайловича Свердлова ходит по Москве без работы».

Хрущев распорядился зачислить Андрея Свердлова в Высшую партийную школу. По окончании ВПШ его приняли в Институт марк-

сизма-ленинизма при ЦК КПСС. Новый сотрудник пришелся ко двору. Началу «научной» карьеры Адика способствовал так называемый академик Петр Поспелов, один из сочинителей фантастических биографий Сталина и Берия. И не ошибся: по части фальсификации государственный полковник мог поспорить с любым академиком.

Первым делом Адик, пользуясь служебным положением, позаботился о создании подходящей биографии для своего тестя Н.И. Подвойского. Он скончался в 1948 году, а десять лет спустя вышла в свет книга его воспоминаний «Год 1917». Не книга — житие богатыря революции Николая Подвойского. В сочинении этих псевдомемуаров ему активно помогал скандально известный Александр Совокин...

...В июле семнадцатого арестовали почти всех видных революционеров, некоторые успели скрыться. Подвойского и Сталина — только их — Керенский не тронул. В годы большого террора, уничтожая всех активных участников октябрьского переворота, генсек оставил одного Подвойского, человека заведомо непригодного к руководящей работе, зато наделенного ненасытной амбицией и умением легко держаться за генеральную линию. Этой безликой фигурой генсек надеялся заполнить вакуум, образовавшийся после ликвидации подлинных революционеров. Здесь сошлись интересы Берия и Свердлова. Экзекутор Лаврентий Берия издал насквозь лживую книгу о революционном движении в Закавказье. Его подручный Андрей Свердлов тоже преуспел на ниве фальсификации истории России.

В фирме «Андрей Свердлов энд К°» подвизались, помимо него с супругой Ниной Николаевной, сын Подвойского Лев и зятья. Вскоре на Новодевичьем кладбище установили памятник работы молодого скульптора Вучетича, на Доме правительства появилась мемориальная доска вымышленному Председателю ВРК, потом Андрей Свердлов протащил через Секретариат ЦК решение — установить бюст «Председателя» в Центральном музее Революции... Позднее в серии «Жизнь замечательных людей» выйдет лживая книга, на киноэкранах появится смехотворный «художественный» фильм о Николае Подвойском по сценарию Даля Орлова.

Отдавая все силы и помыслы прибыльному делу, Андрей Свердлов никак не мог примириться с политикой разоблачения Сталина. Ему сиял вчерашний день. И день позавчерашний. Сколько надежд было связано у него со службой в Органах! Но этот выскочка Хрущев убрал Лаврентия Павловича — и все рухнуло...

1964 год. Известие об отставке Хрущева застало Андрея Свердлова в больнице. Он тотчас же завладел единственным в корпусе телефоном-автоматом и, не смущаясь укоризненных взглядов томившихся

в очереди больных, принялся обзванивать друзей-единоверцев: «Вы слышали, Хрущева скинули!..»

Процесс реабилитации Сталина набирал силу, лицо Андрея Свердлова светлело день ото дня, осанка, манеры приобретали уверенность, руководящий лоск...

Он рано умер, так и не дожив до полного торжества сталинистов. В некрологе, посвященном бериевскому провокатору, сообщается: «Партия и Правительство высоко оценили заслуги Андрея Яковлевича Свердлова, наградив его орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета и медалями. Всюду, куда бы ни посылала его партия, он проявлял большевистскую стойкость, выдержку и преданность ленинизму. Ушел из жизни выдающийся марксист».

Бедный, бедный Маркс...

Эта глава первоначально была включена в книгу «Портрет тирана» (1980), но материал к ней пропал. Десять лет спустя, восстановленный и дополненный, он включен в книгу о Л. Берия.

В журнале «Волга» был опубликован очерк Роя Медведева о семье Якова Свердлова. Деятельность этого «историка», именующего себя по совместительству «философом», его попытки реанимировать и подправить сталинский социализм подверглись справедливой критике Н. Коржавина, В. Максимова, А. Авторханова. Вряд ли другие участники событий делились бы с ним воспоминаниями, знай они, каков Медведев-политик, кому он служит.

В журнальном очерке Медведев сообщает интересные сведения о братьях Якова Свердлова и об участии его сына в пыточных допросах коммуниста Петра Петровского и поэта Павла Васильева.

ГЛАВА 7

В ЗОНЕ МАЛОЙ

На Воркуте

Весной 1939 года из Воркуты в Москву вызвали начальника оперчекотдела (ОЧО) Воркутлага лейтенанта Кашкетина. Северо-Печорская железная дорога еще строилась, и Кашкетин с помощниками добирались до поселка Печора на автомашинах, по лежневым дорогам. В столице их ожидали ордена, повышение по службе. По этому приятному поводу запаслись с избытком вином и спиртом.

На станции Княж-Погост, в трехстах километрах севернее Котласа, вагон-салон отцепили от поезда и взяли пьяную компанию под арест.

Подошла пора убирать свидетелей и исполнителей массовых лагерных казней. Это щекотливое дело, начатое при Ежове, Хозяин передал теперь в руки Лаврентия Берия. Арест Кашкетина, главного экзекутора Воркуты, — всего лишь эпизод в кампании уничтожения отслуживших свое палачей.

...Этот лагерь был открыт в 1929 году, когда в бассейне реки Воркуты, на западных отрогах Заполярного Урала началось освоение угольных богатств края. Унылая тундра, лютые морозы, долгая полярная ночь и такое короткое лето, что снег не везде успевал сойти. К тому времени Сталин уже учинил расправу над первой партией оппозиционеров, и в те гиблые места потянулись этапы так называемых врагов народа — вначале сотни, тысячи, потом счет пойдет на десятки тысяч. В заполярный лагерь попадали и уголовники, в основном рецидивисты. Исполненные ненависти к фраерам-интеллигентам, они с охотой добивали тех, кто уцелел после тюрем...

На первых порах, когда Печорская железная дорога только проектировалась, грузы на Воркуту доставлялись по рекам. В устье Воркуты были основаны перевалочная база и лагпункт Воркута-Вом, где в брезентовых палатках и землянках ютилось до двух тысяч заключенных. Лагпункт соединяла с Воркутой 48-километровая узкоколейная железная дорога.

Население лагпункта менялось, от каждого нового этапа оставляли одну-две бригады грузчиков, другие перегоняли дальше, на шахты. В этой неотстоявшейся каше, напоминавшей пересыльный пункт, нельзя было не заметить группу, шесть десятков зеков, державшихся особняком. Здесь были ленинградцы, москвичи и характерной внешности грузины, армяне, азербайджанцы — жертвы бериевского террора.

В конце двадцатых — начале тридцатых Берия выслал из Закавказья массу меньшевиков и «троцкистов». Большевиков, упорно не признававших диктатуру Сталина, — туда же, на Север. В тридцать пятом, когда страна вступила в эру большого террора, эта мера показалась либеральной. Уклонистов начали загонять в истребительные лагеря большими партиями. Полярный круг стал для них кругом смерти.

Попав на лагпункт Воркута-Вом, группа ортодоксов (так называли принципиальных меньшевиков) объявила летом 1937 года голодовку. Случай в ту мрачную годину редкий, скандальный. Из НКВД вскоре прибыла Специальная комиссия. Голодающих поместили в единственный бревенчатый барак, отделили от уголовников и обещали не принуждать к труду, обеспечить доставку периодической печати и, главное, со временем вернуть на поселение. Начальство выполнило почти все требования зеков и отбыло в Москву.

Осень прошла в ожидании перемен. Вот и праздник, двадцатилетие Октября. Большую группу политических накануне отправили в изолятор: так охрана обычно отмечала годовщину социалистической революции. Политические свергли царя, потом — Керенского. Мало ли что им взбредет на ум теперь. Поэтому в дни революционных праздников режим ужесточали, а особо опасных сажали под двойную стражу.

Но миновали праздники, к первой группе присоединили партию бывших уклонистов, давно покаявшихся перед партией, но не прощенных генсеком. Изолятор расширили. С южных лагпунктов начали прибывать этапы под усиленным конвоем. На Воркуте, в арестантских зонах Рудника, арестовывали — в который раз! — политических. В начале декабря изоляторы стали разгружать: узников отправляли в специально оборудованную зону Старого кирпичного завода, под Воркуту. Этот заброшенный завод находился в тридцати пяти километрах севернее Воркуты-Вом.

Сотрудник 3-го отдела ГУЛАГа Кашкетин был командирован на Воркуту с заданием «навести порядок» в заполярном лагере. Там скопилось слишком много живучих контриков, с ними одни неприятности... Должность начальника оперативно-чекистского отдела позволяла лейтенанту ГБ самостоятельно решать задачу усмирения политических.

Низкорослый, кривоногий, налитые красной злобой глазки, резкий дух спиртного, из кармана галифе торчит рукоять револьвера — таким он запомнился запроволочному населению. Один из переживших кашкетинский произвол — профессор Генрих Львович Шкловский. Другой — Александр Иванович Папава — известен нам по совместной работе с Лаврентием Берия в Грузинском ЦК.

О злодеяниях Курилки, палача Соловецкого лагеря, читающему миру известно. Пришло время рассказать о воркутинском палаче.

25 марта 1937 года во всех лагпунктах на вечерней проверке надзиратели зачитали приказ начальника управления лагеря: по приговору особой *тройки* расстреляны 24 террориста и бандита. То была прелюдия. Не прошло и месяца, как до зеков дошел слух о массовой казни политических на Старом кирпичном заводе. Об этой акции их никто официально не известил, однако в хозяйственной обслуге и даже в конвойной команде всегда найдется хоть один несдержанный на язык свидетель. По слухам, на заводе уничтожили в один день более тысячи «троцкистов».

Одним из смертников был Шкловский, но его вернули в зону шахты Капитальной по запросу, поступившему из Москвы. На воле он работал в КПК при ЦК ВКП(б). В 1936 году, незадолго до ареста, издал книгу о вредительстве в сфере планирования. Он не представлял себе, сколько загубил «врагов народа», зато на себе испытал, *что* означает сей ярлык, приклеенный к ортодоксу-коммунисту.

На кирпичном заводе Шкловскому довелось провести два месяца. Ему запомнились большая палатка со сплошными нарами в два этажа, баланда с рыбьей чешуей и кучка бандитов, которые поедали всю мороженую рыбу, отпущенную на общий котел, и творили произвол внутри палатки. В ОЧО Шкловского удостоил беседы сам Кашкетин. В зоне кирпичного завода он обычно появлялся пьяным. Таким был и в этот раз. Вручив Шкловскому какое-то извещение, лейтенант заметил удивленно: «И охота вам писать кому-то жалобы... Вы же умный человек, неужели вы до сих пор не поняли ничего? Товарищ Сталин совершил военный переворот. Скоро в стране не останется ни одного врага диктатуры — ни явного, ни тайного, — и тогда окрепшая Россия установит свою власть над всей Европой, а потом — и над Азией. Я говорю это вам только потому, что имею дело с завтрашним мертвецом».

Шкловский пережил Кашкетина. Мы встретились с ним на Воркуте через десять лет, жили в одном бараке. Но о своих лагерных скитаниях он поведал мне лишь тридцать лет спустя, в 1977 году, в Москве. Он не был свидетелем экзекуции на Старом кирпичном. Кровавую тайну поведал заключенному один бывший конвоир. Рассказ Михаила Бакланова записан с протокольной точностью зимой последнего военного года, когда он уволился по болезни из охраны. Михаил родился в зауральской деревне, окончил 8 классов, работал в колхозе — до самого призыва в армию. Служил он отлично, был не раз отмечен командованием. Дисциплинированного, исполнительного солдата начал обхаживать политрук, уговорил вступить в комсомол, потом завербовал в войска НКВД. Попав на Воркуту, Бакланов и там оказался одним из лучших служак и в числе самых надежных был отобран зимой 1937 года для охраны зоны Старого кирпичного завода.

...На склоне неглубокого оврага установили шесть больших палаток, в каждой — по 140 заключенных. Их содержали на строгом тюремном режиме, схожем с карцерным: без прогулок, без писем, посылок, свиданий. В палатке-бараке — две электролампочки, одна железная бочка — самодельная печь. Раз в сутки выносили две деревянные параши. Обслуживала узников особая команда зеков из бытовиков. Они занимали отдельный барак за зоной, раздавали пищу, выносили параши. Обслугу каждый раз сопровождал командир взвода или замполит. Никакого общения между заключенными! Те же строгости соблюдались при посещении амбулатории, где у лекпома стояли две банки какого-то снадобья на все случаи недомогания.

Питание? Утром и вечером по одной кружке теплой воды, на обед — миска баланды из порченого, немытого турнепса и протухших рыбных голов пополам с чешуей. По 200 граммов сахара в месяц да 30 граммов черного хлеба в день. Таков был, с позволения сказать, рацион.

В зону наведывались разные начальники, чаще других — Кашкетин. В марте завезли большое количество негашеной извести. Если иной конвоир проявлял любопытство, командир резко его одергивал. Известь выгружали под плотным навесом, за зоной, возле большой заброшенной печи. Потом доставили сюда же две стальные цистерны, установили на кирпичных столбиках и заполнили водой. В толстом льду замерзшей речки Воркуты вырезали прорубь и возили воду на санях, в бочках. Под цистернами днем и ночью горели костры.

Пять месяцев продержали узников в холоде, голоде, без воздуха, без движения в этой зоне. Когда их вывели наконец наружу, даже видавшие виды конвоиры отводили глаза.

...Тихое, безветренное утро одного из последних мартовских дней. По приказу особо уполномоченного выстроили четыре взвода охраны,

и заметно пьяный Кашкетин объявил хриплым голосом о том, что конвою доверили провести весьма ответственную операцию. Тот, кто хоть на миг замешкается, будет расстрелян на месте.

Заключенные жмурились на свету, шатались, падали, их поднимали, заталкивали в кучу. Объявили приказ: всем спуститься в овраг, выстроиться по восемь человек в ряд. Их отправляют на Воркуту, оттуда — в Сибирь, на вольное поселение. Сейчас их поведут пешком до станции узкоколейки, всего три версты, туда же доставят на санях личные вещи.

Обычный этап...

Наблюдая за построением, Бакланов увидел на гребне оврага, в тридцати метрах от себя, четырех охранников в белых полушубках. Они стояли растянутой цепочкой с интервалом в 8–10 метров друг от друга. Михаил никогда прежде здесь их не видел. Последовала команда, и колонна медленно, очень медленно тронулась. Поравнялась с теми стрелками в белых полушубках. Новый приказ: «Колонна, стой! Не растягиваться! Сомкнуть ряды!»

Сверху ударили пулеметы. Люди падали десятками, стонали раненые, кто-то кричал... На гребне оврага бегал разгоряченный работой Кашкетин. «Добивайте гадов!» — вопил начальник. Михаил Бакланов не помнит, стрелял ли он сам в толпу. Конвоиры споровисто приканчивали раненых.

Полегли все. Наступила тишина. И — выкрик Кашкетина, как бешеный лай: «Засыпать немедленно!»

Из-за кирпичной печи выскочила свежая команда здоровенных мужиков. Орудуя совковыми лопатами, они быстро забросали серую гору трупов известью. Под ней скрылись торчавшие в разные стороны руки, ноги, головы. Последовал приказ: «Воду!» И зашипело под тугими струями человеческое мясо — все, что осталось от девятисот узников. Потом команда подрывников заложила в крутом откосе оврага шурфы с толом, и взорванный гребень накрыл место побоища.

Достойное завершение партийной дискуссии о методах построения социализма в России.

Куда подевались зеки из обслуги, никто не знает. Впрочем, судьба свидетелей злодеяний слишком известна, чтобы о ней вопрошать. Как и судьба исполнителей.

О последних днях Кашкетина можно было справиться в то время только у Лаврентия Берия: Лубянка уже поступила в его ведение. И к экзекуции на Старом кирпичном заводе он тоже причастен. Вместе со Сталиным.

Причастны!

А известь... Ее начали применять еще в 20-е годы, на Соловках. Ведут под конвоем в гору колонну зеков, сзади обоз с водой. Спустя некоторое время обоз возвращается с пустыми бочками. Тех людей, что исчезли за холмом, больше никто не увидит.

И казнь Буду Мдивани с товарищами в тридцать шестом?.. Действовала, конечно же, инструкция. На весь необъятный Союз, на все сталинские времена.

За колючей проволокой

...Бериевские лагеря, сталинские лагеря — не все ли равно, как их называть? То были лагеря смерти.

Сведения о лагерной системе, о лагерной жизни, о буднях многомиллионной армии арестантов не подлежали огласке. Недаром от каждого бывшего зека, покидавшего Малую Зону, брали подписку о неразглашении тайны. Но вовсе замалчивать существование целого запроволочного государства было глупо. Это понимал даже Сталин. И тогда на свет появились такие литературные произведения, как пьеса Николая Погодина «Аристократы» или роман Василия Ажаева «Далеко от Москвы». Но если в погодинском опусе после тщательной цензуры оставили хоть крупинки лагерной правды, то Ажаеву пришлось отказаться от всего. От себя самого, бывшего лагерного узника, он тоже отказался.

Я лично знал Василия Арсентьевича Барабанова, начальника знаменитого Северо-Печорского лагеря. В романе Ажаева он выведен под фамилией Батманов. Вместо железнодорожной магистрали он прокладывает через тундру водопровод. Вместо тысячами гибнущих зеков — веселые, цветущие энтузиасты, счастливые граждане родины свободы.

Эта книга, удостоенная Государственной премии, переиздавалась потом массовыми тиражами — в угоду Сталину и Берия. Им же в угоду на киноэкраны вышел фильм и тоже получил Сталинскую премию.

Лаврентий Берия, первейший соратник Сталина, этого присяжного Интернационалиста, мало в чем уступал Учителю. Неувядаемой славой покрыл он себя в истребительной войне против подданных генсека — татар, чеченцев, ингушей, корейцев, греков, немцев... И когда в его ведении оказалось многомиллионное население запроволочной Малой Зоны, он, не мешкая, дал тайную директиву — всеми мерами возбуждать в лагерях распри между выходцами из Средней Азии, Кавказа и украинцами, русскими, якутами, между православ-

ными и мусульманами. Однако организовать межнациональную резню не удалось: общая тюремная судьба, смертная безысходность духовно сблизили людей, они стали понимать, что у них общий враг, один на всех — сталинщина.

Но не все средства оправдывают цель. Нет, нет и нет! В лагере это начинают понимать интеллигенты, за ними — рядовые работяги, бывшие крестьяне. И только злобствующий обыватель, бывший партийный бонза, стоит на своем. Что с того — отец, дед были рабочими, крестьянами... Что с того! Он-то руководящий, он-то ответственный! Вот только дайте ему освободиться, оправдаться! А пока он и здесь покомандует. Слава Богу, и в этих зачумленных местах есть крепкая власть. И умная. Начальник, оперуполномоченный, командир отряда. Они знают, на кого можно опереться в этой сложной обстановке.

В лагере ты окружен обывателями. Они — плоть от плоти тех десятков знакомых тебе обывателей, что остались на «воле». В редкие минуты сытости в них просыпается все гнусное, внушенное семьей, школой, газетами, «обществом», сталинским государством. Квасной патриотизм и шовинизм мирно соседствуют в их сознании с готовностью продать и предать ближнего.

Здесь, если тебе суждено выжить, научишься философски оценивать явления жизни. Научишься терпению, сдержанности, осторожности. Верно подметил Солженицын — в лагере растлеваются те, кто на воле был растлен. В самом тяжелом, неустроенном лагере можно оставаться человеком. Но при одном условии — рискуя умереть от истощения, побоев.

Не становиться бригадиром? Нет, стать им! И не измываться над двадцатью — тридцатью зеками, а находить возможности — лазейки — кормить бригаду полным пайком. Такие рыцари духа встречались в каждом лагере. Но что они могли противопоставить диктату блатных?

Организацию преступности Сталин издавна считал своей монопольной привилегией. То была генеральная линия внутренней политики, и Вождь придерживался ее твердо при всех наркомах — Ягоде, Ежове и Берия. Самодеятельность допускалась лишь в Зоне Малой, где на родственные плечи уголовников была возложена патриотическая задача подавления и истребления «врагов народа». Они, бедолаги, и без того погибали сотнями тысяч, но Отцу Народов так хотелось приумножить их мучения, унизить каждого в смертный час. Здесь устремления генсека и МВД совпадали полностью, но Берия стал замечать, особенно в последние годы, чрезмерное усиление «друзей народа» во вверенной ему лагерной империи. Ну, что бандиты подкупали

охрану, без помех переписывались с «волей» и между собой, находясь в разных зонах, и то, что они, при явном попустительстве Органов надзора, пользовались всеми благами жизни, — это повелось издавна. Ныне блатные распространили свою власть на формирование этапов, распределение должностей...

Когда один урка с несколькими прихлебателями («шестерками») держит всю камеру, когда кучка блатных не дает поднять головы ни одному работяге в лагерной зоне, это явление стороннему наблюдателю может показаться чудом. Десятилетиями культивировал Сталин среди своих подданных страх и разобщенность. Внедрение пресловутого коллективизма, казарменное воспитание и обучение, отказ от всего индивидуального, потакание стадным инстинктам, попрание личности — на этой почве чертополохом взошли тюремные традиции и порядки лагерного общежития. Никаких чудес. Однако население Зоны Малой постепенно преодолевало политический наркоз. Самый многочисленный контингент зеков заполнял лагерные зоны железнодорожных строек — ГУЛЖДС. Эту аббревиатуру бывшие идолопоклонники расшифровывали так: «Гуталинщик Устроил Лагерную Жизнь, Достойную Собак». Вряд ли стоило приплетать сюда четвероногих. Служебным собакам в лагере жилось куда как вольготнее и сытнее, нежели подконвойной братии.

Специалисты с точностью до одной калории высчитали, где лежит граница между жизнью и медленной смертью от истощения. Полноте! Лагерный голод, если непосильный труд не валил зека с ног уже в первые недели, постепенно доводил его до абсолютного отупения и без всякой физической работы. Он ползал по глинобитному полу барака, по мерзлой земле лагпункта в поисках крохи съестного. Ползало существо, свободное от всего человеческого.

Свобода... В зоне она приобретает особый смысл. Когда ты потеряешь всех близких и друзей и у тебя отнимут последнюю рубашку, никто не позовет тебя на собрание, не потребует взносов, никто не упрекнет за грубое слово или малый проступок... Когда все это случится, в голове и в сердце воцарится небесная легкость, раскрепощенность необычайная мыслей и чувств. И чем длиннее срок, тем ты спокойнее воспринимаешь удары лагерной судьбы. Тебя уже нельзя унизить — ниже некуда. Тебе уже не грозит никакое падение — так надежно тебя выбросили из жизни. Тебя нельзя обокрасть — ты абсолютно гол. Под воздействием отлично отработанной технологии ты превратился из обыкновенного человека в идеального заключенного. И достиг полной свободы.

Лагерные миниатюры

— Откуда, земляк?

— Из Ленинграда.

— За что сидишь?

— За троцкизм. Стоял на автобусной остановке, а дождь льет — уже весь промок, хоть выжимай... Жалуюсь: «Безобразие! Две недели не могу купить галоши нужного размера». Из очереди вышел молодой человек с приветливой улыбкой и стальными глазами. И пригласил проехаться с ним в один дом. Дали мне десять.

Литератор Аболдуев ехал летом в трамвае — дело происходило до войны — через центр и, подражая кондуктору, объявил: «Граждане и гражданки, трамвай только до Лубянки!»

Ему дали десять. Но он выжил в лагерях и похоронен в московской земле.

Через Печорскую пересылку прошли сотни и сотни священников. Один батюшка из-под Архангельска никак не мог уразуметь смысла случившегося с ним. Видно, в злосчастный день приехал из своей деревни в город отец Василий. Проходя мимо порта, он остановился на улице возле упавшего человека. По деревянному тротуару уже спешил сюда милиционер. Он начал пинать лежачего ногами.

— А ну, поднимайся, скотина!

— Сын мой, остановись! — вступился священник. — Он ведь брат наш.

— Ты что мне, батя, всякую пьянь в братья приписываешь?

— Да и не пьяный он вовсе, погляди, он болен...

— Нам лучше знать, кто какой есть!

Милиционер принялся свистеть — вызывать подмогу. Тут бы отцу Василию уйти, но не мог он оставить православного в беде. А блюстителю стало скучно:

— Так, по-твоему, все нам братья? И вражеские шпионы, которые шныряют в порту, — тоже братья?

— Все мы братья во Христе.

— Гражданин! — В голосе блюстителя зазвучал прокаленный металл. — Вы задержаны.

В доме, который жители Архангельска обходили стороной, отец Василий пытался убедить кого-то в том, что он не шпион и брата-шпиона иностранной разведки у него не имеется. К их деревне и корабли не пристают по случаю отсутствия причала. Но следователь был неумолим.

— Кто тебя завербовал?
— Иисус Христос.
— Кто в вашей организации главный?
— Иисус Христос.

Отец Василий стоял на своем. Но государственная точка зрения возобладала, и вот он здесь, на Печорской пересылке, со своей неразменной десяткой.

В лагерном бараке сидят на нарах политик, священник, урка.

Политик: Отец, сколько времени Иисус нес свой крест на Голгофу?

Священник: В Писании сказано...

Политик: Ну, если точно не сказано, то Голгофа не так уж и высока была. Пусть он полдня добирался до вершины, скажем, десять часов. И донес. Так ведь?

Священник: Пусть так.

Политик: А сколько лет несет свой крест бывший великий народ? И будет нести до второго пришествия...

Урка: А если этого самого второго пришествия не будет?

Политик: Нести ему крест вечно.

Урка: Батя, а тяжелый крест тот?

Священник: Крест был деревянный, но большой.

Урка: ...Ему было легче, твоему Христу.

Беседуют двое зеков.

Первый: Знаешь анекдот?

Второй: А ты знаешь, кем построен Беломорканал?

Первый: Нет...

Второй: Анекдотчиками.

О лагерном фольклоре можно специальное исследование писать. Впрочем, подобные труды уже издаются. И что интересно, никакие репрессии не могли остановить распространение политических анекдотов, заглушить до конца мечты о раскрепощении и ненависть к поработителям. Даже в среде уголовников встречались люди, осознавшие преступную сущность самой государственной власти. Это нашло отражение в неожиданной форме — в татуировках. Какие только рисунки не наносили блатные на кожу, начиная от огромных, от плеча до плеча, орлов, кончая порнографическими сценками. А тексты: «Люблю старушку мать», «Умру за горячую...», «Иду резать сук!»... И вдруг — на лбу: «Раб ВКП(б)», «Раб НКВД»... Или — рисунок на спине: скелет человека и текст: «Сталинский колхозник после сдачи налогов.

Мясо сдал, шкуру сдал, шерсть сдал, яйца сдал. Осталось сдать кости на пункт вторсырья».

В ходу была и такая наколка: «Без рабов и аммонала не откопали ни одного канала». Один колымский долгосрочник сохранил рисунок-прокламацию: «НКВД Берия дал распоряжение сократить число зеков не за счет освобождения невинных, а путем уничтожения больных и немощных дистрофиков. В Колымских лагерях «Дальстроя» больных и слабых загоняли в баню и затем под предлогом выдачи белья через второй выход заталкивали голых, распаренных, при пятидесятиградусном морозе, в клеть, установленную на тракторных санях. Везли на болота, где выгружали трупы стальными крюками». Под этим текстом — рисунок: охранники длинными крюками цепляют обнаженные, замороженные заживо тела и сбрасывают их на мерзлую землю.

И еще одна листовка: начальник принимает новый этап. Он вещает: «Вас всех привезли в наш лагерь как изменников и предателей родины. А вы, сговорившись, утверждаете, что попали в плен после ранения в боях с немцами. Вы вместо борьбы до последнего вздоха благополучно отсиживались на сытых фашистских пайках в Бухенвальде, Майданеке, Освенциме, Дахау... И работали на наших врагов. Нет вам пощады! Партия во главе с товарищем Сталиным и советский народ никогда не забудут вашего подлого предательства! Вы все своей трусостью опозорили победоносную Красную Армию».

Гиммлер — Берия

Фюрер дал Гиммлеру директиву — полностью разрешить еврейский вопрос. Уничтожая в лагерях миллионы граждан всех национальностей, какую директиву выполнял Берия?

Освенцим расположен в стороне от больших городов и магистралей. Это было удобно для сохранения намеченной операции в тайне. По тому же принципу устраивали лагеря смерти в стране Сталина.

Вскоре в Освенцим потянулись эшелоны с обреченными. Эти эшелоны пропускали через станции даже раньше воинских составов.

Закладывая в 1934 году основы лагерной системы, Гитлер преследовал сугубо гуманную цель — перевоспитание преступников. Но прежде всего — сохранение жизни. Да, да, он говорил, что колючая проволока поможет спасти врагов государства от справедливого гнева народа.

Где-то мы уже подобное слышали...

С приходом на Лубянку Берия лагеря не сворачивали, и в тридцать девятом, обещавшем стать первым годом нового курса, ни один

лагерь не закрыли. Напротив, появилось много новых. Методы, технология были испытаны временем. Когда этап прибывал на место, заключенные под присмотром конвоиров строили вышки, обносили территорию заграждением из колючей проволоки — это в первую очередь — и приступали к сооружению бараков или к рытью землянок. Так делали в жаркой Туркмении, в степях Заволжья, в заполярной тундре. Новые концлагеря появились и в гитлеровской Германии. Первые партии евреев прибыли в Освенцим в сороковом году. Они построили для себя бараки и начали жить, то есть умирать. Паек, и без того предельно скудный, был урезан вдвое-втрое, режим ужесточен, рабочий день превратился в рабочие сутки.

Так было в хозяйстве Гиммлера, так было в хозяйстве Берия. Их заочное соперничество длилось до самоубийства Гиммлера. Рейхфюреру так и не удалось превзойти народного комиссара. Масштабы не те.

...Лагерные работяги, рабочая сила... Когда думаешь о ней, вспоминаешь нескончаемые годы так называемого исправительного труда, невольно возникают обобщения. Рабочая сила поступала на запроволочные предприятия и стройки непрерывно и в неограниченном количестве. Никакой текучести кадров, полное отсутствие летунов и прогульщиков. И абсолютная дисциплина. Никакого вознаграждения за каторжный труд, мизерные расходы на питание, ничтожные траты на охрану. Вот, пожалуй, те основные черты, что отличали лагерную рабсилу от обычной.

Озабоченные рентабельностью лагерного производства, Сталин и Берия требовали от ГУЛАГа ускоренных темпов на «стройках коммунизма». Для поощрения передовиков ввели систему зачетов рабочих дней, с досрочным освобождением. Но отпускать ударников подневольного труда — на это кремлевские радетели согласиться не могли. Посмотрим, как эту дилемму решил Сталин.

В августе 1938 года в Президиум Верховного Совета поступило ходатайство о досрочном освобождении заключенных, отличившихся на строительстве вторых путей Карымская — Хабаровск. На заседании в роли рачительного хозяина выступил Сталин:

«Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо. ...Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие».

Свое выступление Великий Утилизатор закончил с предельным цинизмом: «Надо отличившихся досрочно сделать свободными с тем, чтобы они оставались на строительстве как вольнонаемные... Это, как у нас говорилось, добровольно-принудительный заем, так и здесь: добровольно-принудительное оставление».

Доработать этот вопрос было поручено НКВД. В июне 1939 года с подачи наркома внутренних дел Берия вышел Указ, согласно которому была упразднена система условно-досрочного освобождения лагерных контингентов. Заключительный 4-й пункт Указа достоин цитаты: «Лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчетом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на любом производстве».

Вот так, мудро, доброжелательно. И почему-то под грифом «Секретно»...

Можно лишь посочувствовать вершителям судеб: заключенные, что в заполярной тундре, что в песках Каракума, выдерживали на строительстве дорог, на трассе, в каменном карьере, на шахте, на лесоповале не более *трех* месяцев. В среднем. Наиболее живучие попадали в лазарет, потом возвращались в бригаду. Второй цикл заканчивался уже не в лазарете. Я сам это видел в шести лагерях, нет — пережил. Лично мне до полного истощения хватало одного месяца общих работ — с тачкой, лопатой, киркой. Но всякий раз лагерная судьба подхватывала меня на самом краю ямы. Повторю: обычный срок эксплуатации рабсилы в запроволочной зоне равнялся *трем* месяцам. Статистики Гиммлера вывели в своих концлагерях такой же показатель.

Случайное совпадение?

Когда Гиммлер приступил к осуществлению своей программы ликвидации еврейского народа как такового, а заодно всех немецких коммунистов и социал-демократов, он столкнулся с непредвиденными трудностями. Некоторые — транспортировка, охрана, содержание, умерщвление — были разрешены довольно скоро. Оставалось захоронить тела. Но переполненные трупами рвы стали теснить бараки. Земли не хватало. Это тебе не Печорский край или Колымский и не Караганда. Любой из этих привольных лагерей мог бы вместить половину германской земли. Как же решил проблему Гиммлер? Он построил газовые печи.

Прошли десятилетия. На Колыму приезжают геологи, строители и на всей территории огромного края, почти на каждом километре, натыкаются, отрывая шурфы и котлованы, на рвы, полные человеческих костей. Там, где мерзлота не отходит, сохранились в целости тела коммунистов и беспартийной массы. Сотни тысяч — в одном только истребительном лагере.

На Воркуте тела замученных, расстрелянных и просто голодной смертью погибших сбрасывали в ямы, каждого — с биркой на ноге.

Когда могильщики отсчитывали двести трупов, яму засыпали комьями мерзлой, твердой как камень земли. Мерзлота на Воркуте вечная, даже летом земля не везде оттаивает.

Ленинградский студент Сергей Нилин по счастливой случайности устроился на колонне помощником экономиста, в зоне еще можно было тянуть полуголодную жизнь. Только успел подружиться с одним москвичом, болезненным старым учителем, назначенным по немощи дневальным штабного барака, как сам заболел. Отравился то ли тухлой рыбой, то ли старым, прогорклым салом. У лекпома лишней койки не нашлось — откуда им быть, лишним койкам, на кубатурной колонне, — и отправили Нилина в лазарет. Вернулся он через две недели и не застал старого учителя: скончался друг. Знакомый конвоир, тоже москвич, вчерашний десятиклассник, рассказал, что учителя бросили в яму последним, значит, можно отыскать. Нилин попросился в команду могильщиков. Пришли на место, он узнал его сразу: учитель отличался высоким ростом, но лицо... на нем не было глаз. В яме кишели крысы, и конвоир буднично-равнодушно объяснил, что крысы выедают у покойников прежде всего глаза.

Такие вот похороны — под стать жизни.

Кто из нынешних молодых знает об этом? А узнав — поверит?

Не будем относить все на счет одного Берия. Гибли от пуль и голода, от непосильной работы и при Ягоде, и при Ежове. Но пик истребительной войны против собственного народа, затяжной пик падает на годы 1937–1948. Главным экзекутором Сталин избрал именно его, Лаврентия Берия. При нем производство трупов поднялось на новую ступень. Мужчин уничтожали в мужских зонах, женщин — в женских. Не оставлять же в живых потенциальных матерей. Они, чего доброго, наплодят новых врагов народа. Точно так поступал Гиммлер: его печи пожирали всех подряд. И женщин с детьми.

...Война близилась к концу, вот-вот мир узнает правду о концлагерях. Близилась расплата. В марте сорок пятого инспектор рейхсминистра доставил комендантам концлагерей приказ Гиммлера: евреев больше не уничтожать, снизить во что бы то ни стало смертность.

Берия подобных приказов не отдавал, ему разоблачение не грозило.

Генерал Мальцев

Наместником Берия в Воркуте был генерал Михаил Митрофанович Мальцев. И вел себя соответственно. Начальник управления комбината Воркутауголь (КВУ), депутат Верховного Совета СССР, он мог данной ему самим Сталиным властью освобождать любого заклю-

ченного. Делал это Мальцев, разумеется, не из альтруистических побуждений. Он освобождал только нужных специалистов: механиков, геологов, врачей, артистов. Хозяин Воркуты выводил на «волю» даже узников Речлага — каторжан с предельными сроками. Только воля эта была с изъяном: зек, отбывший, скажем, 10 лет из 25, давал подписку о невыезде из Воркуты. С этого дня он жил за зоной как вольнонаемный, но отбывал «мальцевский срок».

Остается сообщить, что супруга генерала Мальцева была прокурором города, и картинку абсолютной власти четы Мальцевых над заполярными жителями — по ту и эту сторону колючей проволоки — можно считать законченной.

Нечто подобное наблюдалось на Печоре и Северной Двине, в Казахстане и Сибири… Начальники крупных лагерей входили в состав бюро обкомов партии и, подобно Мальцеву, «избирались» в Верховный Совет СССР. Тюремщики в роли народных депутатов, они участвовали во всех кремлевских спектаклях. Густо увешанные орденами Ленина, заплывшие казенным жиром, лагерные боссы встречались в кулуарах Кремлевского дворца и, жизнерадостно хрюкая, делились впечатлениями о свежей балетной премьере и стройных ножках последних любовниц. В перерывах между актами, то есть заседаниями, они дефилировали среди именитых академиков и доярок, инженеров и маршалов, народных артистов и не менее народных писателей — депутатов милостью генсека. Свои среди своих. И ловили покровительственные улыбки Папы Большого и Папы Малого.

Структура ИТЛ

(на примере Северо-Печорского ИТЛ — 1937–1956)

Отделы управления

Политический
Второй отдел — УРО (учетно-распределительный)
Третий отдел — Оперативно-чекистский (оперчек)
Отдел кадров
ВСО (ВОХР — Военизированная стрелковая охрана)
ПРО — производственный отдел
КПО — контрольно-плановый
ОТИ — отдел технической инспекции
Технический
ОТС — отдел технического снабжения
ООС — отдел общего снабжения (со времен войны — ОИС — интендантского снабжения)

ЭМО — электромеханический
Лесной (не везде)
Сельхоз (не везде)
Гуж-ветеринарный
Автомобильный
Связи
Торговый (для вольнонаемных и ларьки — для ЗК)
Финансовый
Санитарный
КВО — культурно-воспитательный
ТРО — транспортный
КХО — коммунально-хозяйственный
АХО — административно-хозяйственный
Противопожарной службы

Лагерь был разделен на отделения, размещенные вдоль железнодорожной трассы. Штаб каждого отделения состоял из частей: ПТЧ — производственно-техническая часть, КПЧ — контрольно-плановая, ЧОС — часть общего снабжения, III часть и т. д.

Контингент заключенных был распределен по колоннам, лагпунктам, отдельным лагпунктам (ОЛП). При каждом отделении — отряд ВСО.

Структура управления Северо-Печорского железнодорожного строительства являлась типичной для всех лагерей этого рода.

Политический отдел числился под № 1. Он и был *первым* в управлении. Возглавлял его долгое время полковник Кузнецов. Он имел обыкновение вызывать в свой огромный — по чину! — кабинет начальников других отделов, и они, стоя навытяжку, с трепетным вниманием выслушивали указания лагерного бонзы. Начальник КВО, старший лейтенант с явными признаками кретина, готов был расплющиться на паркете, но Кузнецов удерживал его в стойке «смирно» каскадом вопросов и резких, как удар кнута, указаний. Диктаторские замашки полковника Кузнецова, его высокомерие легко объяснимы: он подчинялся непосредственно политотделу ГУЛАГа, а тот — Центральному Комитету партии. Узнаём, узнаём сталинскую методу двойного, тройного контроля. Разве институт комиссаров в армии не той же цели служил?

В кабинете Кузнецова висели портреты Дзержинского и Берия. Что их объединяло, героя партийного подполья, создателя ВЧК, и нового хозяина Лубянки, профессионального палача? Быть может, твердая убежденность в пользе кровопролития и насилия?

7 Зак. 1

В ведении культурно-воспитательного отдела находилась редакция «Производственного бюллетеня», небольшого формата газеты, призывавшей зека трудиться самоотверженно, любить Вождя и чтить сталинского наркома Лаврентия Берия. И еще газета рекомендовала зекам чувствовать себя в лагере как дома, ибо только здесь им предоставлены все условия для исправления и перековки. Печорский лагерь имел свой музыкально-драматический театр и несколько эстрадных ансамблей, до десяти кинопередвижек, на каждой колонне действовали инструкторы-воспитатели. В бытовой и производственной зонах, на трассе — наглядная агитация. Словом, КВО не зря объедал государство и вечно голодных зеков. Но политотдел вмешивался во все дела этого отдела, подменяя его полностью. Да и другие отделы, начиная от технического, кончая охраной, постоянно ощущали на себе мертвящую руку политотдела. Громоздкая структура, бесплодное дублирование руководства — Малая Зона подражала Большой и в этом.

Не будем останавливаться на деталях структуры, сообщим лишь о некоторых особенностях Северо-Печорского строительства, которые стали типичными в системе ГУЛЖДС. На Печорской трассе действовали комбинаты — деревообделочный, мукомольный, пошивочный, центральные ремонтные мастерские (ЦРМ), овощеводческие совхозы и карьеры: каменный, песчаный, известковый. Карьеры по давней традиции разрабатывали штрафные колонны. На Воркуте, в угледобывающем лагере, уголовников-рецидивистов и особо опасных политических отправляли в известковый карьер. В Печорском ИТЛ самым гибельным местом считался каменный карьер близ станции Джинтуй. Добываемый там штрафниками материал не всегда отвечал техническим условиям (ТУ) строительства, зато Джинтуй успешно решал задачу истребления неугодных элементов. Это вполне устраивало Печорский ОЧО и Лубянку в Москве.

В штабе управления работал главный инженер. В годы войны и после эту должность занимал Иван Иванович Касперович, очень знающий специалист. При нем был центральный диспетчерский пункт. На местах, при начальниках работ отделений, функционировали круглосуточно диспетчеры.

Второй отдел ведал распределением рабочей силы, учетом зеков, документаций. Все прибывающие в Заполярье этапы проходили через центральный пересылочный пункт. В распоряжении санитарного отдела находились лазареты, а также медицинские пункты на колоннах. Снабжение огромного лагеря и стройки шло через сеть баз — центральную, перевалочные и склады в каждом отделении. Воровали здесь все и всё, начиная от автопокрышек, консервов, спирта и кончая лекарствами и арестантским бельем.

В Зоне Малой, как в Зоне Большой.

В районе Ухты — Печоры крупный лагерь образовался уже в 1929 году — Ухтлаг, позднее он назывался Ухтпечлаг. От него отпочковались лагеря: Интинский, Воркутинский (оба по добыче угля), Севжелдорлаг и Печорлаг. Последние два специализировались на строительстве железной дороги.

Структура лагерей варьировалась в зависимости от производственного профиля и назначения. Однако внутри отрасли — железнодорожного строительства, угледобычи и лесозаготовок — структура видоизменялась со временем. Чиновники ГУЛАГа, томимые канцелярской скукой, упраздняли одни отделы лагерных управлений, учреждали другие, придумывали новые виды лагпунктов, подразделений охраны, штрафных изоляторов для заключенных... Неизменным оставалось в каждом случае лишь доминирующее положение ОЧО. Бериевские чекисты жестко контролировали всю так называемую культурно-воспитательную работу КВО, деятельность УРО и ВСО, им были подвластны все остальные отделы Управления. Если ОЧО почему-либо невзлюбит иного лагерного чиновника, то его не спасет сам начальник Управления, будь это даже его заместитель. Провокаторы из ОЧО найдут предлог для ареста: «превышение власти», присвоение государственных ценностей, изнасилование заключенных женщин... А кто из начальников, больших или малых, не избивал, не насиловал, не стяжал? И вот уж бывший офицер или ответственный инженер-строитель сидит перед столом следователя, потом — суд и лагерный срок.

Такое случалось нечасто, но постоянно. Зеки трепетали перед начальниками всех мастей, те трепетали перед славными чекистами.

В Зоне Малой, как в Зоне Большой.

Тулома

Они известны всем: гитлеровские фабрики смерти — Дахау, Освенцим, Равенсбрюк, Бухенвальд... и сталинские — Норильск, Колыма, Караганда, Воркута... Но ведь были зоны помельче, история обходит их стороной.

Один из таких полузабытых лагерей находился на реке Тулома в Ленинградской области. Строительство гидроэлектростанции началось там в 1934 году. Объект сравнительно небольшой, но на земляных работах было занято свыше 17 тысяч заключенных — в самом начале. Потом, когда приступили к бетонированию плотины, — 26 тысяч, в последний год число рабочих сократилось до 5 тысяч.

Основных производственных колонн было девять.

1. Головных сооружений.
2. Земляных и скальных работ.
3. Монтажная.
4. Механизации.
5. Бетонного хозяйства.
6. Транспортная.
7. Железнодорожная.
8. Гражданского строительства.
9. Лесная.

В отличие от объектов дорожного строительства этот лагерь не имел дальних подразделений, управление колоннами осуществлялось на месте, в штабе, разместившемся в двухэтажном каменном здании. Оно входило, вместе с Домом культуры, магазином и жилыми домами, в обязательный перечень постоянных гражданских сооружений (ПГС). К временным относились бараки для зеков (ВГС). Временными они оставались и по окончании строительства, когда оставшихся в живых зеков перебрасывали в другой лагерь и бараки занимали эксплуатационники. Жилых домов всегда и везде не хватало, и они ютились вместе с семьями в дощатых, подлежащих сносу бараках по десять — двадцать лет.

Но мы зашли далеко вперед. Итак, строительство ГЭС началось с рытья котлована под фундамент плотины. А если быть совсем точным — с устройства проволочных заграждений вокруг лагерных зон. Все делалось вручную. Тачка, лопата, кирка... Механизация? Было такое: один подъемный кран на все объекты, да и тот простаивал неделями из-за поломок. Транспорт? Десяток грузовых автомашин на 1,5 и 3 тонны марки «ЗИС» да два маломощных паровоза «ОВ», устаревших еще десять лет назад, когда их начали выпускать.

Недостаток техники восполняла наглядная агитация. «Стахановская работа — лучший путь к сокращению срока!» Или: «Дадим Туломской ГЭС отличный городок!» И еще: «Ударнику Туломы — лучшее внеочередное снабжение».

На стене клуба — большой портрет Генриха Ягоды, наркома внутренних дел, и текст радиограммы: «Обещаю, что по сдаче государственной комиссии все честно и добросовестно работавшие на этом строительстве заключенные будут представлены к досрочному освобождению и к снижению срока. Г. Ягода». Рядом — доска производственных показателей под броской «шапкой»: «Наш стахановский ответ наркому». Все колонны, все бригады, даже те, что работают в каменном карьере, выполняют месячные задания на 130–140%, а то и более.

Сколько здесь «туфты» — половина или три четверти, сказать трудно. Не меньше, наверное, чем в победных реляциях партийных секретарей Грузии на имя товарища Берия, железного Стража Кавказа.

В Зоне Малой, как в Зоне Большой.

Братское кладбище, заложенное в пяти верстах от штабной зоны, за песчаным карьером, росло день ото дня. Потом кладбище уничтожат и — никаких следов массового досрочного освобождения от изнурительного труда и голода.

Так было при Ягоде и Ежове, потом — при Берии. Менялись лишь портреты наркомов в лагерных клубах, и только один неизменно украшал фасады управленческих зданий — портрет усатого божества с блатным прищуром кошачьих глаз.

Портреты начальников ГУЛАГа не выставляли: рангом не вышли. Но история геноцида советского народа неразрывно кровавыми узами связана с их именами. Десять начальников — четверть века.

Эйхманс Федор Иванович с 25 апреля 1930

Коган Лазарь Иосифович с 17 июня 1930–1932

Берман Матвей Давидович 1932–1936

Плинер Израйль Израйлевич 1937

Филаретов Глеб Васильевич 1938–1939

Чернышов Василий Васильевич 1939–1941

Наседкин Виктор Григорьевич 1941–1947

Добрынин Георгий Прокопьевич 1947–1951

Долгих Иван Ильич 1951–1954

Егоров Сергей Егорович 1954–1956

Чтобы получить представление о масштабах производства и численности лагерной рабсилы, остановимся на «Дальстрое». Этот трест занял в системе НКВД место в ряду крупных главков, раскинувшись на территории, сравнимой с Испанией, Италией и Францией, вместе взятыми, — гигантский треугольник со сторонами 1300×1700×1300 километров, от восточной Якутии до Камчатки. Южная граница — побережье Охотского моря, северная — море Восточно-Сибирское. В этом регионе, в бассейне Колымы, в заполярной тундре и других гиблых местах, трудились сотни тысяч, порой до миллиона, обреченных.

В расстрельные тридцатые (с 1937 по 1939) начальником «Дальстроя» был Карп Александрович Карпов. За перевыполнение плана добычи золота Берия представил его к награждению орденом Ленина, а всего генерал-полковник Павлов «заработал» *три* таких ордена. Не обремененный знаниями — для карательной службы с избытком хватало низшего образования, — он до 37-го года успел проявить себя с лучшей стороны в Иркутске, Красноярске, в Крыму. В годы войны — заместитель начальника ГУЛАГа. В сентябре 1946 ушел в отставку по

болезни с благодарностью и премией «за долгосрочную и безупречную службу». Однако через год он вновь понадобился в качестве начальника Волго-Донстроя. И жить бы ему в достатке и покое до тихого конца, но грянул XX съезд партии, началось расследование злодеяний родного ведомства, возник вопрос о его «безупречной службе». После очередного вызова в КПК бывший начальник «Дальстроя» застрелился у себя дома в ночь на 18 мая 1957 года.

ГУЛАГ поставлял рабочую силу строительным управлениям. Перечислим все главки, назовем имена начальников — по состоянию на июль 1941 года:

ГУАС — аэродромного строительства — Л.Б. Сафразьян
ГУЛЖДС — железнодорожного — Н.А. Френкель
Главгидрострой — Я.Д. Рапопорт
ГУЛ горно-мет. предприятий — П.А. Захаров
УЛЛП — лесной промышленности — М.М. Тимофеев
УЛ куйбышевских заводов — А.П. Лепилов
«Дальстрой» — И.П. Никишов
ГУШОСДОР — шоссейных дорог — В.Т. Федоров

Все крупные объекты промышленности и транспорта, даже только главные, не перечислить. Назовем самые важные стройки военных лет, начатые по решению Государственного Комитета Обороны. Авиазаводы и нефтеперегонный в Куйбышеве. Металлургические комбинаты в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске и в Закавказье. Норильский и Джидинский комбинаты. Богословский алюминиевый завод. Железнодорожные магистрали: Саратов — Сталинград, Комсомольск — Сов. гавань, Северо-Печорская ж.д... А всего лагерная рабсила поступила на 640 предприятий и объектов строительства. Кроме того, 200 тысяч заключенных были направлены на строительство оборонительных рубежей. Несколько меньше — на военные заводы.

Член ГКО Берия отвечал, помимо прочего, за выпуск боеприпасов, в связи с чем распорядился о создании в системе ГУЛАГа отдела военной продукции.

НКВД обеспечил выявление граждан СССР тех национальностей, которые воевали на стороне врага: финнов, румын, немцев. Их объявили мобилизованными и получили дополнительный контингент рабсилы в 400 тысяч человек. Связанные суровыми законами военного времени, эти граждане мало чем отличались от заключенных.

Говорить о производительности труда подневольных рабочих не приходится. По данным ГУЛАГа, годных к тяжелому труду было все-

го 19,2% от общего количества заключенных, к среднему труду — 17,0%, к легкому — 15,0%. Остались инвалиды и ослабленные, завтрашние покойники. Этих насчитали 25,5%.

Для тех, кто отрицает сам факт существования истребительных лагерей — есть еще такие «ортодоксы», — приведем совершенно секретную справку начальника ГУЛАГа Наседкина от 26 января 1945 года. В 1942 году погибли 352 560 заключенных, в 1943 -м — 267 807.

...Недоработали, негодяи, даже срок свой не отбыли до конца. Как пресечь этот массовый саботаж?

Берия понимал, конечно, что узники ГУЛАГа работают в нечеловеческих условиях, ничего другого они не заслужили. Однако смертность необходимо снизить, иначе сорвутся все производственные планы НКВД. Свой новый приказ (№ 0033, 1943) он нацелил на сохранение физического состояния рабсилы. Во исполнение воли наркома были повышены на 33% нормы питания в заполярных лагерях и на 25% для занятых на оборонных заводах. Для ослабленных заключенных устроены Оздоровительно-профилактические пункты (ОПП). Что касается «жилищных условий», то здесь Лаврентий Павлович принял поистине революционные меры: жилплощадь на одного зека была увеличена вдвое — с 0,9 квадратного метра до 1,8.

Я много лет пробовал «жить» на этакой площади. Никому не пожелаю...

Новая программа предусматривала увеличение сельскохозяйственного производства, прежде всего — трех с.-х. лагерей: Карагандинского, Сибирского и Среднебельского. Кроме них, ГУЛАГ включал 414 с.-х. подразделений и 315 подсобных хозяйств, с общей площадью пахотной земли 441 000 га, 80 000 голов крупного рогатого скота, 76 000 свиней, 270 000 овец. Астраханский лагерь поставлял рыбу.

Кому? Не пробовал я в то щедрое на обещания время ни в одной зоне Печоры продуктов огромного хозяйства. Акулье и китовое мясо иногда забрасывали, но и оно в миски работяг не попадало. Не срабатывала бериевская директива: слишком много дармоедов стояло на пути продовольствия — начиная от начальника снабжения, кончая уголовниками в зоне.

Но одна директива выполнялась неукоснительно, с большим служебным рвением. Это — выявление шпионов, диверсантов, вредителей и прочих врагов в среде уже репрессированных «врагов народа», а также — мобилизованных «инородцев» и вольнонаемных. Агенты ОЧО весьма преуспели в вербовке осведомителей и резидентов, доведя их численность в лагерях до 32 тысяч. Целая армия.

За первые три года войны удалось обезвредить 148 296 шпионов, террористов, повстанцев и отказчиков. Большинство из них было осуж-

дело, хотя вряд ли один из десяти заслужил свою кару. К высшей мере приговорили без малого 11 тысяч.

В системе ГУЛАГа предусмотрены *свои* Органы суда и прокуратуры. Они и творили суд скорый и неправый.

В Зоне Малой, как в Зоне Большой.

В систему ГУЛАГа входили, помимо ИТЛ, исправительно-трудовые колонии (ИТК). Там содержались малосрочники. Несовершеннолетние (при Сталине — начиная с 12 лет) попадали в специальные ИТК, кроме «политических». Этих истребляли наравне со взрослыми. Существовали еще поселения. Число спецпоселенцев после войны достигло пяти миллионов: захваченные на Западе, «подозрительные» жители Прибалтики и других оккупированных регионов, а также бывшие заключенные.

Как мы уже отметили, структура Северо-Печорского лагеря повторялась во всех ИТЛ Главного управления лагерей ГУЛЖДС. Основные принципы оставались неизменными и в лагерях других отраслей экономики: лесного и сельского хозяйства, металлургии, химической промышленности, энергетики... Речь идет не об эксплуатации, а о строительстве объектов и о разработке естественных богатств. Одно из управлений НКВД ведало строительством и ремонтом шоссейных дорог (ГУШОСДОР). И еще два главных управления, тесно связанных с ГУЛАГом: мест заключения (ГУМЗ) и военных и интернированных (ГУЛВИ). Подобные управления функционировали на правах субподрядчиков. ГУЛАГ давал им рабочую силу, предоставлял технику, обеспечивал финансирование. НКВД, олицетворявший государственную власть, спускал план и устанавливал сроки окончания работ. Каждый начальник, не жалея сил (и самой жизни) заключенных, стремился выполнить план в срок и даже раньше. Дедушка Калинин вручал ему орден Ленина, сталинский нарком — сменявшие друг друга Ягода, Ежов, Берия — давал повышение по службе и направлял на новый объект.

Мир блатных. Побеги

В годы войны у 162 статьи УК РСФСР появился пункт «е». Этот довесок позволял (рекомендовал!) судам наказывать за мелкую кражу на производстве лагерным сроком до 5 лет. Расценки на «вольную кражу» не изменились: за карманную кражу, ограбление квартиры вор получал полгода, год тюрьмы, не более. Крестьянка, мать, принесшая с голодного отчаяния несколько початков колхозной кукурузы своим детям, получала 5 лет. Профессиональный вор, урка-рецидивист, обокравший семью, — всего один год. В военное время продол-

жал действовать закон от 7 августа 1932 года: 10 лет за государственную кражу. В 1947 году эту кару удвоили, и в потоках лагерных этапов все чаще мелькали головы двадцатилетников.

А урки... Власти устроили им вольготную жизнь на воле и сытое, привилегированное бытие в заключении. Их убеждали: вы хоть и временно изолированные, но полезные члены общества, вы остались патриотами, строителями социализма. Вам с врагами народа не по пути. Чем больше их сдохнет здесь, за проволокой, тем лучше для государства.

Эту людоедскую пропаганду начали применять в Зоне Малой еще в двадцатые годы, когда Берия только пристреливался к высшим постам в Закавказье. Став Диктатором запроволочного мира, он твердо вел сталинскую линию на истребление активной рабочей силы страны, и прежде всего — интеллигенции. Инженеров, учителей, ученых, студентов урки — вместе с охранниками! — давили голодом, глушили, резали с особым удовольствием.

Для кого-то война закончилась в 1945-м. Для Берии и его миллионной армии уголовников — в расписных ворованных рубахах и в мундирах ЧК — война продолжалась и после 9 мая. Сотни тысяч латышей, эстонцев, литовцев, поляков, молдаван, украинцев, цыган, корейцев, чеченцев, евреев, спасшихся от немцев, гибли ежегодно в Зоне Малой вместе с пережившими войну немецкими солдатами и немцами Поволжья. Смерть инородцам и иноверцам! Смерть интеллигентам! Смерть фраерам! Смерть фашистам!

Лозунги Политбюро смешались с кличем блатных, с воплями религиозных фанатиков и расистов. По сей день историки, пытаясь воссоздать многолетний путь народов на сталинскую голгофу, останавливаются перед этим адским котлом в недоумении. Устроителям вселенской резни — генсеку и его клике жилось легко, бездумно: они объявили все это классовой борьбой, значит — режь до последнего!

Здесь Берия оказался на своем месте, и никому не было дано его заменить — ни в Зоне Малой, ни в Зоне Большой.

Война изменила прочно устоявшееся господство блатных в лагерных зонах. Большая камера Котласской пересыльной тюрьмы. Заключенных вывели на оправку, осталось лишь несколько уголовников, притворившихся спящими. Когда все вернулись и обнаружили пропажу домашних сухарей и кое-какой одежонки, двое здоровенных солдат начали трясти наглых ворюг. Старший блатной, пахан, бросил в бой несколько головорезов, но все они были сброшены с нар мощными кулаками солдата. Второй оберегал его со спины. Здесь требовалась отвага, отвага особая, не то что на фронте. Черт его знает, откуда

блатные доставали на пересылках, в этапных вагонах ножи, по непокорных фраеров они резали исправно. Так было до 1943 года.

...«Крови нахлебались!» — в страхе шептали урки, отступая в угол камеры. Солдаты действительно нахлебались всего и, отрывая доски от нар в бараках пересылки, так охаживали бандитов, что те стремглав бежали к вахте. Эти картины я наблюдал на Печоре, на Воркуте, подобное происходило на Волге, на Колыме, в Средней Азии.

Иными стали побеги из лагерей. Обычно в побег уходили бывалые воры-рецидивисты. Снабженные свежими ксивами (документами), вольной одеждой, деньгами, они садились в пассажирский поезд и, не страшась погони, покидали лагерные края. Это совершалось без лишнего шума, «не в хипеж», и розыски бежавших обычно ничего не давали. Там, где не было железной дороги, редко кто из блатных отваживался пускаться в путь пешком через тундру. В этих краях один лагерь примыкал к другому, зонам не было конца. Местные жители охотно выдавали беглецов: в оперчекотделе платили за каждого пойманного поштучно — столько-то килограммов муки, столько-то метров мануфактуры. Если охранники настигали беглецов неподалеку от лагеря, они пристреливали их на месте и тащили тела на волокушах к вахте. Здесь их, истерзанных овчарками, должны увидеть на утреннем разводе все бригады. Тех беглецов, что успевали уйти далеко, бросали в тундре, отрубив кисти рук — для доклада по начальству. Однако кисти рук — скоропортящееся доказательство, и спустя некоторое время из ГУЛАГа поступило новое указание — доставлять в оперчекотдел уши погибших.

В годы войны побеги участились, из лагерей уходили иногда группами по 10–20 человек, они пробивались на волю с оружием в руках. Это совершали фронтовики во главе с опытными разведчиками да бывшие офицеры. История помнит ряд дерзких побегов послевоенной поры из лагерей Коми АССР, Зауралья, Дальнего Востока. Встревоженный этим небывалым явлением, Берия обзавелся специальными вертолетами. Настоящие мужчины предпочитали лагерному угасанию гибель в бою. Они заслужили посмертную славу.

Мы, узники запроволочного Заполярья, с тревогой и надеждой ловили скупые сведения о ходе розысков, праздновали каждую неудачу оперативников. «С концами», то есть непойманными, уходили бывшие фронтовые разведчики. Эти ребята умели беречь свои уши.

В закрытом архиве ЦК КПСС сохранилась справка за подписью начальника ГУЛАГа комиссара госбезопасности 3 ранга В.Г. Наседкина о численности совершенных побегов из ИТЛ и колоний и задержаниях бежавших.

За какой период	Попыток к побегам	Задержано	Осталось незадерж.	% к среднего-довой числ. з-к
2-е полугодие 1941	11 796	9 221	2 755	0,36
1942	27 246	19 382	7 864	0,47
1943	14 796	11 796	3 000	0,23
1944	9 487	7 501	1 986	0,15

По данным этой же справки, датированной 18 января 1945 года, среднегодовая численность заключенных составляла в 1942 году 17,6 (семнадцать и шесть десятых) миллиона, что во много раз превышает «рассекреченные» официальные (фальшивые) данные, многократно опубликованные в печати.

Резкое падение числа побегов в 1943 году связано с призывом в армию осужденных по бытовым статьям УК. По той же причине численность заключенных в 1943 году уменьшилась до 13 миллионов.

Когда началось расслоение в мире блатных, в этой лагерной латифундии? На моей памяти — вскоре же по окончании войны. Неписаный кодекс воровской чести не допускал никаких отступлений. Нарушителя объявляли «сукой», и тогда любой «законный вор» мог с ним расправиться как угодно: загнать под нары, изувечить, отнять одежду, а то и саму жизнь. Голод, мучивший лагерное население, особенно в годы войны, невыносимые условия штрафных колонн, куда загоняли рецидивистов, толкали многих блатных на разного рода авантюры. Один брал на себя обязанности бригадира, хотя в некоторых зонах бригадиры отвечали перед оперчекотделом за все провинности работяг. Другой помогал нарядчику выводить на производство заключенных. Третий становился тайным осведомителем Органов — в обмен на обещание перевести его в обычную колонну или в лазарет. Были и такие, что совершили нечто непростительное еще на воле, и об этом стало известно здесь, в лагере. Проштрафившихся год от года становилось все больше, на отдельных колоннах они уже преобладали над «честными» уголовниками. «Суки» хватали воров и заставляли их, под ножами, нацеленными в грудь и спину, принять «сучью веру». Процедура перевода была предельно проста: «честный» брал в руки грабли и разравнивал разрыхленную перед проволочным ограждением землю. Ведь по следам на этой трехметровой полосе (на предзоннике) надзиратели устанавливали факт побега.

Иногда на колоннах, в этапах завязывались настоящие сражения, и фраера отчужденно наблюдали, как «законники» режут «сук» или —

наоборот... Видел я не раз, как на колонну прибывал этап с группой блатных. Во время обязательного обыска у них отбирали все режущие и колющие предметы — по инструкции — и безоружных кидали в лапы осатаневших «сук». Тех, кто отказывался перейти на их сторону («Жил честным вором и умру так!» — восклицал патетически иной знаменитый урка), резали тут же, в бане, куда прибывших загоняли на санобработку. Здесь же грабили мужиков, отнимали последнюю вольную одежонку. Но это давно уже стало бытом.

Вскоре мы уразумели, что подобные стычки в уголовной среде не случайны, их организует ОЧО с благословения начальства. Зачем Лубянке понадобилась эта всесоюзная резня? Блатные слишком долго и жестоко угнетали и истребляли мужицкое население в Зоне Малой. Рабочих рук стало не хватать. И потом, Берия не терпел нарушения своей монополии на убийства. Можно было просто расстрелять рецидивистов, но зачем же так явно нарушать закон. Пусть блатные сами себя истребят. Погибнут в основном главари, полезная государству масса блатных останется. На том и порешили лубянские калькуляторы.

Мир блатных не был сведен на нет, но именно при Берия ему нанесли сокрушающий удар. «Ссученные» не взяли окончательно верх над «честными ворами», к тому же среди «сук» началось расслоение, появились «предельные» и «беспредельные», «зеленые» и «птичий базар» — об этом в пору трактат писать...

Между уголовниками и лагерными охранниками издавна сложились самые теплые отношения. Все награбленное у фраеров блатари сбывали надзирателям, конвоирам, оперуполномоченным и получали взамен вино, женщин, удобные этапы, досрочное освобождение за хорошую работу. Если возникала нужда в дополнительных доходах, оперативник или офицерик из отряда охраны выбирали на колонне самого шустрого бандита и выводили его ночью за зону «на допрос» к куму. Они направлялись к баракам или вагонам, где жили вольнонаемные специалисты. Урка грабил, конвоир стоял «на вассере». Если пострадавшие поднимали шум, оперативник накрывал грабителя и, грозно щелкая затвором нагана, уводил подопечного в зону. При благополучном исходе делили добычу и при случае вновь выходили на дело. Разновидностей сотрудничества родственных душ было много, всего не упомнить.

Симбиоз уголовников с чекистами утвердился повсеместно, он так въелся в лагерную систему, что пережил и бериевские времена. А разве сам Берия, разве все эти кобуловы и меркуловы, мильштейны и деканозовы не являлись уголовниками, вырядившимися в государственные мундиры?

Паразитизм вольнонаемных

Голод, охвативший запроволочное население в годы войны, затронул и жизнь вольнонаемных работников. Берия установил для строек НКВД приоритетное снабжение. Что до охранников, чекистов, инженерно-технического персонала, эксплуатационников, то им доставались лучшие куски скудного государственного пирога. Но лагерным начальникам всегда всего было мало. Они тащили со складов предназначенные зекам валенки и медикаменты, мясо и спирт, белье, телогрейки, муку, сухофрукты, жиры... Из зоны пополняли запасы дров, угля, брали инструменты, гвозди, цемент и олифу. Зачем тратиться, если можно *так* взять? И труд заключенных крали, пользуясь услугами врачей и портных, учителей и художников... Начальница лазарета Печорлага на станции Косью несколько лет держала «на истории болезни» двух инженеров-москвичей. Они устроили в дальнем углу барака, гордо именуемого лечебным пунктом, нечто вроде кустарной мастерской и вручную сплетали проволочные каркасы для абажуров, обшивали их кусками цветной вискозы. Начальница презентовала эти абажуры нужным людям — из санитарного отдела, из охраны. Варшавские и лодзинские портные, загнанные в лагеря вместе с сотнями тысяч земляков после полюбовного раздела Польши в 1939 году, шили цивильную одежду для чекистов и охранников. Шили на руках: какие там швейные машинки в зоне! Охранники отбирали в женских колоннах прачек, поварих, нянек для командирских детей. Делали с работницами что хотели и меняли когда хотели.

Врачей и фельдшеров вызывали из зоны в любое время дня и ночи. На вахте медиков выпускали беспрепятственно, даже если доктор числился «троцкистом» и пропуск на «бесконвойное хождение» ему не полагался до самого конца срока. Врачам, пользовавшим семьи охранников, разрешали даже носить нормальные прически. Искусные мастера шили «вольняшкам» сапоги и ботинки, дамские туфли, домашнюю обувь. Их не выгоняли поутру вместе с бригадами на трассу или в карьер, и тем они довольствовались. Ремонт квартир и радиоприемников, работа в огородах и садах — все делалось руками заключенных. Ну а если кто из зеков получал из дому богатые посылки, какой же начальник откажет себе в удовольствии запустить туда руку?

Так они и жили десятилетиями рядом — кровопийцы и безропотное арестантское племя.

«Лагерные дела»

При Берия начали широко практиковать создание «камерных дел». И в зонах — новые лагерные дела стряпать. Большую масштабность такая практика приобрела с начала войны, потом это вошло в арестантский быт, как ежедневная баланда.

После 1948 года политических загнали в спецлагеря. Они охранялись с особым тщанием, поэтому побеги там случались чрезвычайно редко. За побег — статья 58 пункт 14 — контрреволюционный саботаж. Цензура стала двойной: обычная лагерная (ОЧО, спецчасть) и военная.

Александр Папава попал на Воркуту в марте 1937 года. Города еще не было, угольная промышленность только зарождалась, Северо-Печорская железная дорога только строилась. Он работал в бригаде грузчиков на перевалочной базе в маленьком арестантском поселке Воркута-Вом. Грузы поступали на базу по реке Усе, здесь их перетаскивали на узкоколейку, соединявшую базу с Воркутой, — 64 километра от реки до шахт.

О массовых расстрелах тридцать седьмого года, о кровавом произволе сталинского наместника Кашкетина Папава знал понаслышке. До сих пор жжет память Старый кирпичный завод — воркутинская голгофа... И спектакль милосердия, поставленный в тридцать девятом в честь нового наркома Лаврентия Берия. На Воркуте этот спектакль отозвался пересмотром двух-трех дюжин дел уголовников с двадцатилетним сроком — им скинули кому по пять, кому по десять лет. «Контриков» либерализация не коснулась, не могла коснуться.

Во время войны лагерные чекисты открыли богатую смертоносную жилу: заговоры, пособничество немцам, восхваление вражеской техники. На воле — на фронте и в тылу — уже действовала бериевская директива, и Малой Зоне отставать от Зоны Большой было бы не к лицу. В тюрьмах и лагерях террор военной поры напоминал игру из кошмарного сна: того заключенного, на кого указывал перст раскормленного «кума» с рыбьими глазами, хватали охранники и волокли его, дважды арестованного, в карцер. Не отбывшему первый срок «мотали» второй.

Где еще, в каком углу истерзанной планеты творилось такое?

Пятилетний срок Папава заканчивался в октябре 1941 года. Его, разумеется, не выпустили. В ту пору Воркутой правил уже генерал Мальцев. Александру Папава повезло: наказание было заменено «мальцевским сроком», и бывший ректор Кутаисского пединститута поселился за зоной — в бараке, но без нар и осязаемой охраны. Он мог пользоваться столовой для вольнонаемных, мог передвигаться по Воркуте и окрестностям, в пределах расположения угольных шахт, которых к концу войны стало уже более тридцати. Теперь-то уж, после победы, всех отпустят по домам...

Папава снова арестовали 13 июня 1945 года. Наполовину «вольного», вернули в привычное состояние зека. Ему инкриминировали:

активное участие в подготовке вооруженного восстания на Воркуте, организацию террористической группы, связь с московским шпионским центром... Оказывается, еще осенью сорок первого, когда немцы подходили к Москве, заговорщики начали разрабатывать план захвата лагерной охраны. Вооружившись, они двинулись бы на Москву. У них был даже намечен состав контрреволюционного правительства. Папава вошел в него как представитель национальных меньшинств. Сценарий этой заполярной фантазии был разработан по типовым образцам, пущенным в ход во многих лагерях.

В самом начале следствия применили испытанный конвейер: арестанта вызывали круглые сутки, следователи менялись, свежие, сытые, а он должен был стоять навытяжку и отвечать на вопросы. 12 суток длился первый заход. Папава, когда его ввели из следственного изолятора в кабинет, засыпал на ходу, во время допроса падал на пол. Следствие по этому грандиозному делу длилось два года. Папава провел в изоляторе 23 месяца. Паек — 300 граммов черного хлеба в день. 690 дней по 300 граммов.

Его не пытали. Пока. Когда минули первые восемь месяцев, Александру Ивановичу показали листы допросов «заговорщиков». Они все подписали. Папава держался один.

Однажды во время очередного допроса в кабинет вошел заместитель начальника ОЧО Макеев. В ту пору, когда Папава работал на правах вольнонаемного, в жилищно-коммунальном отделе Управления комбината, он ведал ремонтом квартир и распределял талоны на топливо. Одним из просителей оказался майор Макеев. Папава отремонтировал его квартиру бесплатно. Майор дал ему за это талоны на спирт — продукт в Заполярье весьма ценный.

Макеев отпустил следователя, занял его место за столом и пригласил узника сесть. «Вы напрасно упираетесь. Раз вы к нам попали, вам отсюда без срока не уйти. Подпишите все, что требуется по делу. На вас ведь показывают ваши же друзья. План вооруженного восстания не удался, так что расстреливать никого не будем. А в лагере устроитесь вполне сносно. Спасайте себя. Я распорядился о том, чтобы вас не мучили. Вот вам бумага, напишите все сами, все, что вам известно о подготовке восстания».

И он написал все, что было. А было вот что. Они собирались небольшой группой в те дни, когда немецкие армии окружили Москву. Что будет с нами, если они отрежут северную магистраль от центральной России? На Воркуте полмиллиона заключенных, запасов продовольствия всего на два-три дня. Надо выбрать делегацию, поговорить с начальником, воззвать к благоразумию охранников... На этом все и кончилось. Свергать Советскую власть никто не собирался.

Папава добавил кое-что о своих взглядах на политику Сталина. Он всегда считал, что ЗСФСР — искусственное образование, мало способствующее полному раскрытию возможностей народов Закавказья. Он высказался против губительной политики массовых репрессий и заметил, что практика повальной коллективизации сельского хозяйства несовместима с ленинским планом кооперации.

Эти признания прочитал начальник следственной части Заболоцкий. Он пытался сдержать служебную ярость, но не сумел:

— Кому нужны ваши сказки? Напишите конкретно: каков план восстания, кто должен был снабдить оружием, назовите явки, сообщников.

Вскоре «заговорщику» предложили в соответствии со статьей 206 ГПК расписаться в том, что он ознакомился с делом. 14 объемистых томов, 17 человек в нем завязано. В их числе — бывший министр правительства Колчака Капушевский. Два года следствия позади, скоро суд и — новый срок. Хватит ли жизни на все это? Досрочная смерть — не нанесет ли она морального ущерба сталинской охранке?..

А гэбисты, на этот раз московские, решили под конец разыграть комедию справедливости. Летом 1946 года Александра Ивановича вызвали в ОЧО. В кабинете Макеева — представители Лубянки: полковник ГБ за столом, рядом военные и высокий чин из Министерства юстиции.

«Мы получили ваше дело, — сообщил полковник. — Оно содержит такие материалы, что мы решили проверить все на месте. Свои показания вы дали добровольно или вас принудили? Напишите все, как было, здесь, в нашем присутствии».

И Папава написал. Как неделями лишали сна, как два раза надевали ручные кандалы, содержали в голоде в холодном изоляторе...

После этого знаменательного вызова прошел еще год, и в мае сорок седьмого ему подали письменное извещение: постановлением Особого Совещания Папава назначен новый срок — 8 лет. Вот и весь суд. Остальным дали тоже по восемь, лишь двоим «главарям» — по десять.

Осужденных отправили в разные места. Папава угодил в Вятский ИТЛ, оттуда его через три года (в январе 1950) этапировали в Инту, в 5-й лагпункт Минлага, 300 километров южнее Воркуты. Конец срока — 18 марта 1953 года — почти совпал с днем кончины Сталина. Папава отвели под конвоем в поселок Большую Инту, в Управление ИТЛ. В комендатуре вполне свободный гражданин оставил записку стандартного содержания: «Мне... на основании Постановления Совета Министров СССР от... 1948 г. определено постоянное место жительства город Инта. Побег из места жительства карается каторгой на

срок 20 лет. Обязуюсь являться два раза в неделю в комендатуру для отметки».

Человек деятельный, привыкший ко всякому труду, Папава соорудил вместе с товарищем землянку неподалеку от здания комендатуры. Устроился на работу. 12 марта 1955 года в Инту поступил документ о реабилитации. Но до полной реабилитации было еще далеко: пока пересмотрено лишь второе лагерное дело, оно прекращено за отсутствием состава преступления.

Александр Папава вернется в родную Грузию, его реабилитируют наконец и по первому делу, восстановят в партии, выплатят двухмесячный оклад 1936 года.

К чему эти подробности почти в протокольном изложении? Его судьба во многом, почти во всем, повторила судьбу миллионов. В жизни, в страданиях Александра Папава отразилась эпоха Сталина — Ежова — Берия.

Речлаг

Вскоре после войны, в 1947 году, старый большевик Иван Михайлович Гронский, бывший редактор «Известий», решил написать генсеку докладную записку. Он отсидел на Печоре половину своего большого даже по тому времени срока и успел постигнуть основные принципы и многие нюансы системы истребления в Малой Зоне. Его предложения сводились к следующему:

1. Отделить во всех местах заключенных уголовников от политических.

2. Содержать отдельно мужчин и женщин.

3. Объявить широкую амнистию заключенным.

4. Пересмотреть Уголовный кодекс в сторону смягчения наказания.

Свою докладную он передал в УРЧ для отправки в Москву. Заслуженного большевика вызвали в политотдел Управления лагеря. Автор письма был когда-то в большом доверии у Сталина, поэтому обошлись с ним мягко и попросили не отправлять этот документ в ЦК. Но Иван Михайлович упрямо настаивал на своем, он напомнил о решении Политбюро принимать к рассмотрению все письма исключенных из партии. К своему посланию на имя Сталина он сделал приписку:

«Саша, эту докладную надо обязательно передать Хозяину».

...Спустя девять лет, уже после XX съезда, реабилитированный большевик встретился в Москве на партийной конференции Краснопресненского района с Александром Поскребышевым.

— Ты получил мою докладную на имя Сталина в 1947 году?

— А как же, перепечатал текст на машинке и передал лично в руки.

Какие же меры принял Хозяин тогда? Как удалось позднее установить, Указ об амнистии был подготовлен, но так и не опубликован, не применен. Что касается уголовников, то их действительно отделили от политических. Многотысячные этапы осужденных за воровство, грабеж, бандитизм отправили с Печоры на Дальний Восток, в Монголию, провели соответствующие меры и полумеры в других лагерях и в некоторых тюрьмах. Женщин стали держать в строгой изоляции от мужчин. Для политических устроили строгорежимные зоны, отдельные лагпункты и нарекли это новшество «Речным лагерем». Вот когда появился знаменитый Речлаг, со своей особой охраной в красных погонах и тюремным режимом. На окнах бараков — решетки, на ночь — замки на дверях, пропуска на бесконвойное хождение отменили, письма сократили до двух в год.

Как на царской каторге. Не хватало лишь кандалов. И что же? Обзавелись кандалами. На Воркуте заковали в кандалы самых отпетых «врагов народа» и, как обычно, вывели на работу в шахты. Кандальники спустились под землю, но не выдали на-гора ни одной лопаты угля. На другой день сидячая забастовка повторилась. Пришлось снять с работяг железо. Кандалы забросили на чердак вахты и оставили там ржаветь до особого распоряжения.

В Речлаге, кроме наружной охраны, краснопогонников, функционировала охрана внутренняя, ВСО, в голубых погонах. Они враждовали между собой. Красные называли голубых «мухобоями», между ними часто вспыхивали драки, случались убийства, дело иногда доходило до импровизированных сражений. В каждой зоне Речлага действовали два уполномоченных — МГБ и МВД. Как уж они там делили сферы влияния среди стукачей, не ведаю.

Можно предположить, что с засильем блатных в лагерях покончено. В действительности же все осталось по-прежнему, ибо среди политических попадалось немало уголовников-рецидивистов, осужденных, например, за «измену родине». К тому же опытному блатному проникнуть в зону к фраерам, обобрать и покалечить десяток-другой «фашистов» не составляло большого труда. При попустительстве охраны, разумеется.

И судьба женщин почти не изменилась к лучшему. Как и прежде, любая из них становилась легкой добычей любого следователя, охранника в тюрьме, в лагере, на этапе. И блатной, будь он трижды сифилитиком, но при деньгах, мог схватить юную красавицу — при содействии все той же охраны.

Словом, надежды автора той докладной не оправдались и наполовину. То ли Сталин пренебрег его советами, то ли Берия внес в лагерную реформу свои коррективы... Во всяком случае, главная функция ИТЛ — истребление живой силы страны — осталась неизменной.

Колымский спектакль

Театр Иосифа Сталина — явление уникальное во времени и в пространстве. Спектакли шли непрерывно, сливаясь в единое, на три десятилетия, действо. Сценой ему служила вся страна — от Красной площади до Колымских лагерей.

Во время войны Соединенные Штаты Америки поставляли в Советский Союз машины, оборудование, продукты питания. На Печору, где мне довелось жить-умирать долгие годы, поступало из Америки много всего, от автомашин и экскаваторов до яичного порошка и костюмов для нашего арестантского театра. Но правительству союзной державы хотелось знать, в каких условиях живут рабочие в советских лагерях, откуда в Штаты поступают золото и лес.

В 1944 году на Колыму прибыла Специальная миссия во главе с вице-президентом США Генри Уоллесом. Его сопровождал представитель Управления военной информации США профессор Оуэн Латтимор. К приезду гостей приготовили особую зону совхозного лагпункта: отремонтировали бараки, установили железные кровати с чистым постельным бельем, даже подушками оснастили ложи для женщин. Им выдали вольную одежду, прислали парикмахера. Вместо маленького ларька, который обычно торговал червивым урюком, зубным порошком да неказистыми гребенками, соорудили магазин, завезли товары, о которых в ту пору и вольнонаемные не смели мечтать. Обновили лежневку — примитивный настил из жердей, убрали вышки по углам зоны, на которых круглые сутки дежурили стрелки. Такой же камуфляж навели в мужской зоне, в пятнадцати километрах севернее совхоза.

Американцам показали теплицы, где выращивали «для рабочих» помидоры, огурцы и даже дыни. Уоллеса повезли на образцовую свиноферму, где роли свинарок бойко исполняли вольные сотрудницы управления лагеря. Инсценировка гостям понравилась, ее повторили на образцовом же руднике по добыче золота — без вышек и колючей проволоки.

Начальник «Дальстроя» Иван Никишов только что вернулся из Москвы, где выслушал инструкции из уст самого Главного режиссера. Заодно получил награду — Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. На американцев он произвел самое благоприятное

впечатление. Как писал позднее профессор Латтимор, супругов Никишовых отличает глубокое чувство гражданской ответственности. Он сурово осудил жестокости царизма в Сибири. К счастью, писал он, те времена миновали. Освоение Севера в СССР ведется планомерно, под руководством замечательного объединения «Дальстрой», которое можно лишь приблизительно сравнить с американской «Компанией Гудзонова залива».

Более всего заморских гостей восхитили вышивальщицы, их изделия, а также местный театр, где им показали настоящий балет.

Такие театры, где труппы состояли в основном из заключенных, функционировали во всех крупных лагерях. В бассейне реки Печоры их было не менее шести: на Воркуте, в поселке Абезь (позднее — в городе Печоре), в поселке Большая Инта, в Ухте, в Княж-Погосте... Из знаменитых в прошлом артистов, зачисленных в стан «врагов народа», назовем Освальда Глазунова, Сергея Радлова и Бориса Дейнеку... В репертуаре театров были наряду с драматическими спектаклями эстрадные программы, оперетты, оперы. Каждый лагерный начальник старался превзойти соседа пышностью постановок.

Еще немного, и Сталин переименовал бы истребительные лагеря в курорты для больных инакомыслием или — в центры художественного перевоспитания. Но даже он, неистовый выдумщик, иногда соблюдал меру.

...Американская миссия благополучно отбыла в Штаты. На этом можно было бы поставить точку, но память возвращает нас к событиям иного века. Оказывается, потемкинские деревни можно строить не только на крымской земле, в бывшей Таврической губернии...

На фронте не хватало солдат, под ружье ставили безусых юнцов, а на Колыму тянулись этапы — эшелон за эшелоном, дивизии, корпуса, армии. Исход живой силы из европейской части России на Дальний Восток начался еще при Ягоде. При Берия, в конце тридцать восьмого и позднее, счет пошел на миллионы.

Этап

Ноябрь 1938. Под Владивостоком, на пересыльном пункте, собралось много тысяч заключенных, прибывших из центральных районов России. Места гибельные, насквозь продуваемые резкими, колючими ветрами. Одно название чего стоит — Гнилая речка. Единственный барак, на триста персон — нары в три этажа, — занят женщинами, для остальных — загоны, огороженные колючей проволокой. Земля и небо — кров и дом. Снег, дождь, лютый ветер. И голод. Сюда гнали поезда из Москвы и Ленинграда, с Украины и Урала. Изможденные,

истерзанные многодневным этапом, по-летнему одетые люди молча валились на сырую предзимнюю землю.

Сколько их не нашло в себе сил подняться на другой день?.. Гибель, всеобщая гибель, казалась неминуемой. Вот тогда люди впервые объединились. Нет, не для сопротивления. Все человеческое — мужество, честь, достоинство — было сломлено задолго до массовых арестов. Люди сгрудились в едином крике: ХЛЕ-БА! И столько горькой ярости было в этом вопле, что его услышали в городе, за восемнадцать километров от пересылки. Прибыли охранники с собаками, пулеметами. Окружили зону. Начальник смелый попался, даже в зону сам вошел. В женскую.

Пересылка не была рассчитана на столь мощный этапный поток. Все завшивели, тиф косил «врагов народа» тысячами. Горячей пищи, обыкновенной баланды, не давали. Настал день, когда заключенные не получили хлебного пайка, родной *пайки* не получили. Кончился кипяток, даже сырой воды негде было напиться.

— Чево вы тут раскричались?! Аж в городе слышно.

— Гражданин начальник, хлеба! Три дня ничего не ели... Дайте хлеба!

— Тихо! Не все сразу. Где я на вас напасусь хлеба? Вас сюда сто тысяч нагнали...

— Дайте хоть кипятку, мы три дня не пили ничего...

— Нет дров, понимаете! На чем прикажете греть воду?

— Воды! Воды дайте!

— Замолчать! Если будете бунтовать, охрана применит оружие!

...Начальство отбыло. К вечеру доставили сырой воды, на другой день выдали по куску хлеба. Многим досталось по два: получали на мертвецов. Те, что уцелели, знали, куда их отправят — на Колыму. Пешком до Владивостока, потом морем в Магадан и опять пешком — дальше, на север...

Из зоны вышли шатаясь, держась друг за друга. Уже на первых километрах побросали все вещи, последние «вольные» тряпки. А ценности — часы, кольца, серьги и деньги — отобрали еще в тюрьме. Нет, не просто отобрали, обещали выдать квитанцию. Перед отправкой этапа на восток бывалые зеки напомнили тюремщикам о квитанциях. «Получите на месте». На месте же и разговаривать на сей предмет никто не стал.

Арестанту свойственно надеяться на перемену судьбы к лучшему. Когда в декабре тридцать восьмого Ежова сменил Берия, многие надеялись, что Лаврентий Павлович наведет порядок. Будто при Николае Ивановиче порядка не было. Однако арестанты надеялись, что теперь перестанут грабить, морить голодом перестанут...

Колонна этапируемых подошла наконец к Владивостокскому порту. Первую партию погрузили на пароход «Дальстрой». На палубе, под брезентом, — драги. В темном, сыром трюме, пропахшем смертью, — три тысячи заключенных.

Один раз в день туда спускали бочку с баландой и хлеб. Два раза в день выводили в гальюн, но никто почти не в силах был подняться по крутой лестнице наверх.

Прошли пролив Лаперуза и сразу же попали в жестокий шторм: охранники говорили — десять баллов. Ольга Шатуновская, член партии с 1916 года, из Московского комитета, была одной из тех немногих, что смогли подняться на палубу. После гальюна она подошла к охраннику:

— В трюме полно мертвецов. Трупы перекатываются через живых, трупы — в блевотине и нечистотах...

— Ну и что? — равнодушно протянул охранник. — Хоть вы там все передохните! Вас же везут на смерть...

Шатуновской удалось спрятаться за дымовой трубой на палубе. Здесь было тепло, и она впервые за много дней крепко уснула, хотя гигантские волны швыряли судно, словно щепку.

Ольга Григорьевна слышала о пленуме ЦК, который, как она думала, покончит с произволом. Ежовщина уже осуждена, товарищ Берия остановит кровавый разгул. В начале марта тридцать девятого открылся очередной съезд партии. Делегаты в открытую критиковали клеветников и карьеристов, которые порочили честных коммунистов, шельмовали ленинские кадры. (Не от себя же выступали с такой резкой критикой, *не сами* — значит, получено *указание*...)

Бунт на корабле

Для перевозки рабочей силы на колымские золотые прииски Управление северо-восточных ИТЛ использовало целый флот. На линии Бухта Нагаево — Вторая Речка курсировали теплоходы «Джурма», «Кулу», «Индигирка», «Дальстрой» и «Ежов». Последний трижды переименовывали в честь Дзержинского, Ягоды, Ежова. Люди смеялись, но казне было не до юмора: государству приходилось каждый раз вносить в Международный морской регистр значительные суммы в валюте.

Берия после снятия Ежова не спешил присваивать злополучному судну свое имя. Вероятно, всю отпущенную лубянскому ведомству валюту съело мексиканское покушение... Вскоре же после благополучного убийства Троцкого началась война, но поток арестованной рабсилы к Охотскому морю не иссякал. Случалось, корабли шли на дно вместе с живым грузом. Ушел под воду и «Дальстрой» с очередной партией «врагов народа».

Одним из самых крупных судов, приспособленных для этапирования заключенных в Магадан, был пароход «Джурма». Много лет ходил он по маршруту порт Ванино — порт Нагаево с двумя, а то и с тремя тысячами «врагов народа». В удачные рейсы доставлял более половины живого груза, но чаще — менее того. Летом 1948 года «Джурма» вышла из порта Ванино с очередной партией зеков, около двух с половиной тысяч. В их числе — несколько сот отпетых уголовников-рецидивистов, так называемая отрицаловка.

В первую же ночь урки разбили дощатую перегородку, отделяющую мужскую секцию от женской. Описать то, что потом произошло... как, какими словами? Нагулявшись вдоволь, бандиты на другой день напали на конвой, завладели оружием и расправились с охраной, а заодно — с командой. В живых оставили лишь штурмана с двумя опытными моряками и еще — механика и радиста. Верховодила всеми Мария Семенова. Каким авторитетом нужно было обладать в уголовном мире, какой дьявольской волей, чтобы подчинить себе такую ораву. Но Машка-атаман совершила это.

Судно взяло курс в открытый океан, к берегам Америки. Атаманша оставила жизнь начальнику конвоя старшему лейтенанту Васильеву. Почему бы не передать американским властям офицера МВД в натуре?

Природа не наделила Семенову умом, знания ей были тоже ни к чему. Ее отличал свирепый, даже по тем временам, звериный нрав. Расправу над конвоирами и теми «гнилыми интеллигентиками», что пытались урезонить бандитов, атаманша чинила сама. Приказывала привязать к ногам обреченного веревку и выбросить за борт. Задала она пир акулам... Долго еще тянулся за судном кровавый шлейф.

Когда прошли нейтральные воды и вырвались на океанский простор, пароход окружили торпедные катера. Оказалось, радист все же успел передать на материк условный сигнал бедствия. Но было поздно искать виновника беды, с катеров последовала команда: «Сдавайтесь, или корабль будет потоплен». Восставшие выкинули белый флаг.

Среди тех, кому суд дал предельный срок, 25 лет, были главарь мятежников Семенова и начальник конвоя Васильев. В те годы смертная казнь была отменена. Хозяин играл в гуманизм.

В Зоне Малой, как в Зоне Большой.

ГЛАВА 8

ПОТЕПЛЕНИЕ
(1939–1940)

Признаки потепления проявились еще до назначения Берия наркомом: в октябре тридцать восьмого в Омске осудили областного прокурора, вместе с заместителем, за произвол. Печать сообщила о казни нескольких следователей НКВД. Освободили ложно обвиненного физика Александра Вайсберга. В Москве реабилитировали пять-шесть работников МГК партии, из тех, что не успели казнить. По распоряжению Берия узникам разрешили пользоваться в камерах настольными играми и книгами...

Вопрос о работе Органов госбезопасности стоял на заседании Пленума ЦК, который проходил 9–11 января 1939 года. Действия Ежова были решительно осуждены. Вновь, как и десять лет назад, но уже по другому поводу речь зашла о «перегибах». Главный виновник, организатор деревенского погрома, опять в стороне, вернее, над исполнителями. Сталин призывал к чуткости при исключении коммунистов из партии. «Надо помнить, товарищи, что за каждым «делом» стоит живой человек...»[1]

Это — для «массы», для простаков, жаждущих перемен. Своим подручным генсек направил совсем другую директиву — секретную.

«Берия, Щербакову, III части, т. Маленкову. *Шифром* ЦК ВКП(б). Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД.

ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работу УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было

допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков».

ЦК предписывает применять пытки в обязательном порядке, как «совершенно правильный и целесообразный метод». В конце директивного письма ЦК напоминает, что это касается лишь упорствующих врагов народа.

(«Упорствующих», очевидно, дано определять самим костоломам.)

Эта гуманная директива подписана Сталиным 10 января, в дни работы пленума ЦК, возвестившего начало потепления.

Петр III, заняв престол, поспешил в угоду недовольным подданным издать Указ об уничтожении Канцелярии тайных розыскных дел. Император публично осудил доносительство. А за две недели до этого подписал другой, совершенно секретный, Указ об учреждении Тайной экспедиции, с теми же функциями и всеми прежними служителями.

Екатерина II подтвердила Манифест о ликвидации ненавистной народу Канцелярии, но сохранила Тайную экспедицию.

И попутно, не ведая сомнений, поклонница великого вольнодумца Вольтера рекомендует своим кнутобойцам применять на допросах упорствующих пытки. Просвещенная правительница лично вникает в детали следствия и пишет приговоры. Все это — втайне, лишний раз подтверждая правоту популярной оценки действий властей: «Политика — дело грязное...».

Что их роднило, царствующих особ далекого прошлого, с красными Вождями XX века? Девичий стыд, что ли...

Берия с готовностью принял условия новой игры, предписанные генсеком. И народ по-прежнему стонал под гнетом супостатов.

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

Эти ахматовские строки — лишь сколок с невыразимой эпохи.

...Когда в печати появился портрет нового наркома в пенсне, многим показалось, что человек с таким «интеллигентным лицом» остановит неумолимых...

Кампания смягчения террора, объявленная в начале 1939-го — как она отозвалась на судьбе шестнадцати миллионов, томившихся в бесчисленных тюрьмах-лагерях? Может быть, заключенным после пыток-побоев стали выдавать мягкие матрасы или заменили постылую баланду обыкновенными щами с котлетами? Может быть, разрешили свидания с родственниками, облегчили режим и убийственный труд на благо Хозяина? Нет. На такие материальные затраты и духовные потери ни Сталин, ни Берия, люди сугубо государственные, не могли согласиться. И все же некоторое подобие перемен прошелестело над Заполярной тундрой. В декабре тридцать восьмого на лагпунктах Воркуты начали вызывать тех зеков, у которых срок истекал весной. И зачитывали постановления ОСО и объявляли новые сроки — от 5 до 10 лет. А в марте вызвали вновь. Оказывается, те решения — результат ошибки. Теперь с ежовщиной покончено, их выпустят на волю в соответствии с законом.

Таких счастливчиков оказалось несколько в каждом ОЛПе. Все они были осуждены за «вредительство» (аварии на производстве и на транспорте, неверные распоряжения и т.п.). Остальных — разных там «болтунов» (статья 58 пункт 10 УК) и «контриков» (КРД, КРТД и прочее) просили не беспокоиться. А к 15 июня подоспел Указ Президиума Верховного Совета, который покончил с практикой условно-досрочного освобождения лагерников.

Как и все иные политические кампании, эта очень скоро изошла демагогическим дымом. Кремлевский Режиссер поручил роль чуткого исполнителя члену Политбюро Андрею Андрееву. Когда-то он имел неосторожность примкнуть на время к платформе Троцкого. Сталин и его приспешники не упускали случая напомнить Андрееву старое, хотя он давно уже «честно разоружился перед партией». И вот этот насмерть запуганный тугодум приступил к проверке ведомства Берия на предмет выявления безвинно арестованных. Трудно придумать смешнее ситуацию. Уж не Лаврентий ли Павлович подсказал Иосифу Виссарионовичу кандидатуру Андреева?

...Из дальней области привезли одного низового партработника, участника опасной «контрреволюционной организации», и предложили здесь, в кабинете некой следственной части НКВД, рассказать представителю ЦК *всю* правду. Запутавшийся в собственных показаниях, чуть живой, «враг народа», не узнав члена Политбюро, не разглядев его в затененном углу, растерялся и подтвердил свои чудовищные показания. И попал под расстрел. Вместе с «соучастниками»[2].

Подобная комедия разыгрывалась на Лубянке в тридцать девятом не раз и не два — в присутствии Андреева и сотрудников Берия. Лишь подследственных менял Режиссер.

Никто не собирался отказываться от политики массового террора и устрашения. Что же изменилось с приходом Лаврентия Берия? На этот вопрос дал исчерпывающий ответ Роберт Конквест:

«Ежовщина была чрезвычайной операцией против всего народа; теперь, в несколько смягченном виде, она стала постоянным методом правления»[3].

И чем громче с газетных страниц, с партийных трибун раздавались негодующие крики о ежовщине, тем больше крепла надежда на поворот к добру. Сколько дров нарубил проклятый карлик! И всего-то за два года... Хватит ли двадцати лет для пересмотра миллионов расстрельных приговоров и смягченных лагерных? Об этом никто не задумывался, все ждали перемен, все уповали на «новую метлу». Товарищ Берия наведет чистоту в своем доме на Лубянке! Кому-то было выгодно подогревать и распространять эти иллюзии. В те годы заметно увеличился поток заявлений в НКВД с просьбой о пересмотре дел.

Писатель Р. Иванов-Разумник рассказывает о судьбе поэта Николая Заболоцкого, отправленного в 1939 году на погибель в дальний лагерь. Узнав из обрывка газеты о награждении именитых литераторов Николая Тихонова и Константина Федина, он написал и сумел отправить им поздравительное письмо. Оказывается, Заболоцкий вместе с группой писателей был зачислен в организацию троцкистов-террористов во главе с Тихоновым (в Ленинграде) и Фадеевым (в Москве). Они-то и завербовали всех в эту организацию. Заговорщики признали свою вину — другого на Лубянке никому не дано, — потом расписались в получении лагерного срока. Что до руководителей, то их оставили на свободе и даже наградили. Заболоцкий выразил по этому поводу свою радость, а заодно попросил братьев-писателей позаботиться о судьбе невинно пострадавших. Если, конечно, руководители сочтут неудобным присоединиться к рядовым каторжанам.

Перепуганные мэтры тотчас написали Лаврентию Павловичу заявление с робким намеком на необъективность отдельно взятого следователя и приложили письмо поэта Заболоцкого. Как свидетельствует Иванов-Разумник, руководителя Союза писателей Федина известили о возможном пересмотре дела[4]. То была простая отписка, и о ней не стоило бы упоминать, если бы она была единичной.

Послабление, вернее, намек на послабление террора, задуманное как очередной акт сталинского спектакля, надлежало разыграть и на провинциальной сцене. Генсек разослал несколько штатных актеров кремлевской труппы на места. Один из них, Матвей Шкирятов, выезжал в город Фрунзе. То, что делалось там, характерно для всей страны, поэтому отправимся вслед за ним в столицу Киргизии.

...В маленькой камере-одиночке сидели третий секретарь ЦК компартии Киргизии Исаак Цуккерман, первый секретарь Кызыл-Киясского райкома Яков Додукало и совсем еще юный руководитель Комитета по делам физкультуры и спорта Неймарк. Всех троих били-пытали, требовали выдачи сообщников. Старшие наставляли Неймарка перед вызовом на допрос:

— Не смей никого называть. За донос тебе дадут и хлеба, и сахара, и даже молока, но срок, который тебе уже определили, так и останется твоим сроком. Только людей зря погубишь...[5]

Киргизские следователи старались во всем не отставать от московских коллег. Пытки голодом и бессонницей, кулак, дубинка, электроток. Кое-что придумывали сами. Очные ставки они устраивали так. В темную камеру, освещенную одной свечой, заводят подследственного, ставят в угол лицом к стене, два охранника по бокам. Приводят второго заключенного и спрашивают первого (а поворачиваться нельзя!):

— Ты знаешь этого человека?

— Не знаю.

Бьют. Если же он ответит «знаю», тоже бьют.

— Как же ты его узнал, если стоишь к нему спиной?

Эта игра у веселых костоломов называлась «жопочной ставкой».

Ассортимент обвинений в столице Киргизии применяли обычный, только здесь, в Средней Азии, к англо-немецко-японскому шпионажу добавляли еще приверженность к пантюркизму. Вряд ли бериевские следователи знали, что это такое — в Органы подбирали не по уму. Но еврею Цуккерману инкриминировали именно организацию центра пантюркизма.

От Неймарка настойчиво требовали назвать имя немецкого резидента. Им оказался Вильгельм Мирбах.

Шкирятов прибыл в столицу Киргизии весной 1939 года. Проверить все материалы было недосуг, и он потребовал лишь несколько дел работников центральных Органов республики. Среди них — счастливая случайность! — оказалось дело Неймарка. Московский эмиссар вызвал следователя.

Шкирятов: Что это?

Следователь: Товарищ Шкирятов, мы его не пытали! Мы вообще не применяем... Честное партийное слово!

Шкирятов: Допустим. Кто же его завербовал, этого Неймарка?

Следователь: Немецкий фашист Мирбах.

Шкирятов: (Последовал густой непечатный цекистский мат)... Ты не знаешь, что графа Мирбаха убили левые эсеры летом восемнадцатого? А твой подследственный родился в 1914-м. Как же это немецкий посол мог завербовать четырехлетнего ребенка?..

Неймарка выпустили. Заодно реабилитировали еще шестнадцать человек. Так попугай на ярмарке под уныло-сентиментальный мотив шарманки вытягивает счастливые билеты.

На том кампания реабилитации в Киргизии закончилась. Шкирятов взял под мышку свою шарманку и отбыл в Москву.

В числе семнадцати реабилитированных оказался Цуккерман. Почти два года провел он в тюрьме, под следствием. Вера Львовна, его супруга, девочкой вступившая в партию, никак не могла поверить, что он, большевик с 1919 года, в чем-то провинился перед Советской властью. Она написала в Москву, товарищу Сталину. И Надежде Константиновне Крупской. Сознание никчемности этого шага придет к ней потом, пока же она, подобно десяткам миллионов несчастных, надеялась на милосердие.

Ее пригласили в один известный дом, и там, в закрытом кабинете, постарались избавить от недостойных коммуниста сомнений. При этом избавили от всех зубов. Но это уже деталь. Главное — товарищи по партии вернули супругу Цуккермана в лоно безусловной веры в непогрешимость Органов. Как только удалось вставить искусственные зубы, она вышла на радио и прокляла мужа-предателя.

Подошла ее очередь на ликвидацию. Но верная, на редкость смелая подруга, Женя Самарина, врач НКВД, предупредила о предстоящем аресте. Ночью, тайком, выехала Вера Львовна с малолетним сыном на подводе в казахский поселок Луговой, неподалеку от города Фрунзе.

Характерная деталь сталинского спектакля. Цуккермана после освобождения больше не трогали, но и не поручали ответственных партийных постов. Он участвовал в Отечественной войне, был комиссаром 390-го стрелкового полка в армии генерала Чуйкова[6]. Умер он в пятьдесят шестом.

Отстрел

Можно было бы не упоминать более его имени, но «волею судьбы» Николай Ежов попал в руки Лаврентия Берия. И тот уж распорядился его жизнью к общей выгоде, выжав из бывшего сталинского наркома еще одну, последнюю, провокацию.

Должность наркома водного транспорта стала скромным трамплином для отправки маленького человека в небытие. Люди наблюдательные вспоминали о назначении опального Ягоды наркомом связи. В ожидании конца Ежов, превратившийся уже в стойкого пьяницу, стал пить беспробудно. На службе он появлялся не каждый день, обычно с опозданием. Во время совещаний катал хлебные шарики или прилежно складывал бумажных голубей и, обремененный в послед-

ние годы вниманием человечества, запускал своих белых птичек над головами притихших подчиненных. Пришлось председателю Совнаркома спустить с вершины Олимпа выговор Ежову за систематические опоздания на работу. Но это уже факт из биографии Молотова.

В начале тридцать девятого Сталин решил завершить чистку аппарата ЦК. Подследственный Ежов понадобился ему в роли участника право-троцкистского террористического центра. Берия внушил вчерашнему наркому, что партия и лично товарищ Сталин надеются на его квалифицированную помощь в деле разоблачения контрреволюционного центра. Берия сводил его с арестованными партработниками. Ежов на очных ставках уличал их в измене. Один из соратников Станислава Косиора, бывший секретарь украинских обкомов Алексей Снегов, долго упорствовал, отметая дикие наветы.

— Что вы с ним цацкаетесь? — удивился Ежов. — Набейте ему как следует задницу, мигом во всем сознается...

— Ты давно уже не нарком, — заметил бывший секретарь. — Так что не командуй здесь[7].

На очной ставке с Булатовым Ежов утверждал, что тот завербовал его в свой террористический центр с целью организации покушения на жизнь Сталина и других членов Политбюро.

В эту зыбкую полосу угодила Анна Михайловна Ларина, вдова Николая Бухарина. В начале декабря тридцать восьмого ее отправили спецэтапом из Томского лагеря в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму НКВД. Ничего хорошего от Ежова она не ждала. В своем заявлении на имя наркома она просила не мучить ее более, лучше уж сразу... Тем более что расстрелом ей угрожали давно. Увидев в кабинете наркома Берия, она растерялась и, заняв по приглашению Лаврентия Павловича кресло напротив него, спросила о судьбе Ежова. Берия, не ответив на вопрос, сделал ей игривый комплимент.

Диалог нового распорядителя жизнью и смертью с беззащитной узницей затянулся. Ларина дерзила, но Берия взял на себя роль благожелательного хозяина. Анна Михайловна подумала, что Сталин решил взвалить всю вину за массовые репрессии на прежнего наркома и поручить Берия задачу исправления «перегибов»...

Циничная натура почетного чекиста подтолкнула его на любопытство:

— Нам известно, что вы очень любили Николая Ивановича. За что вы его *так* любили?

— А вы за что так любили Николая Ивановича?

— Я его любил?! Что вы этим хотите сказать! Я терпеть его не мог.

— Но Ленин в своем «Письме к съезду» назвал Бухарина законным любимцем партии. Если вы его не любили, вы стали незаконным исключением в рядах партии...

— Ленин писал об этом давно, — заметил Берия, — и напоминание об этом теперь неуместно.

В своем заявлении на имя Ежова Анна напомнила, что ее однажды водили на расстрел после зачтения смертного приговора. Это заявление лежало на столе перед Берия.

— Расстреливать многократно невозможно, расстреливают один раз, — заметил Берия. — Ежов бы вас расстрелял.

— Но и вы тоже меня расстреляете?

— Все будет зависеть от вашего дальнейшего поведения.

...Десять лет назад на даче Миха Цхакая, председателя ЦИК Грузии, сидя за обеденным столом вместе с приглашенным из Москвы Юрием Лариным, отцом юной Ани, Берия обратился к хозяину:

— Миха, выпьем за здоровье этой девочки. Пусть живет она долго и счастливо!

Ей выпала долгая, целых восемнадцать лет, жизнь за решеткой и колючей проволокой и столько же — в ожидании нового ареста при Брежневе. Она единственная из вдов крупных партийных деятелей, казненных Сталиным, осталась жива. Такое вот счастье напророчил дочери Ларина товарищ Берия.

Вернемся в кабинет либерального наркома. Он читает сочиненные дерзкой узницей стихи, ищет и находит в них своим натренированным нюхом крамолу. Но тут появляется Кобулов с бутербродами и фруктами. Анна Михайловна отказывается от угощения. Она вновь настаивает на невиновности Николая Ивановича, а Берия называет Бухарина «главарем право-троцкистского блока», заклятым врагом... Лицемерие нового наркома потрясло ее, она не смогла сдержать рыданий. Успокоившись, сказала, что нельзя заставлять ее поверить в то, во что он сам не верит. Она нашла в себе силы для разоблачения судебного спектакля, однако приведенные ею неопровержимые доказательства фальсификации показаний вызвали на лице Берия лишь ироническую улыбку.

Будучи основательно знаком с деталями этой масштабной провокации, Берия напомнил Лариной о встречах с ее однокашником Николаем Созыкиным, который в ту пору уже служил в НКВД. Анна отнеслась снисходительно к его лживым показаниям.

— Вы его пожалели, — не преминул заметить Берия, — а он вас не пожалел...

О другом провокаторе, Астрове, оклеветавшем Бухарина и его учеников, Берия отозвался с искренней теплотой:

«Астров во многом нам помог, и мы за это сохранили ему жизнь».

Пользуясь подавленным состоянием Анны, вызванной, как она полагала, в Москву на расправу, Берия сделал попытку склонить ее к сотрудничеству. Он выспрашивал о подозрительных связях наркома иностранных дел Литвинова с Бухариным, об отношении к нему Ларина. Но вдова Николая Ивановича осталась верна себе.

— Кого вы спасаете, ведь Николая Ивановича уже нет. Теперь спасайте себя!

— Спасаю свою чистую совесть, Лаврентий Павлович.

— Забудьте про совесть! Вы слишком много болтаете! Хотите жить — молчите о Бухарине. Не будете молчать — случится вот что... — И Берия приложил указательный палец правой руки к своему виску. — Так обещаете мне молчать?!

И она дала это вымученное обещание. Кто посмеет осудить за это несчастную?..

Секретарша Ежова сидела в одной камере с вдовой Бухарина и тепло отзывалась о бывшем наркоме внутренних дел. Эту секретаршу Берия удостоил личного вызова и крепко отругал за потерю бдительности. О своем шефе секретарша говорила так:

— Он-то все делал по указке Хозяина, сам он не виноват. Но если мой Николай Иванович пропал навсегда, то ваш хоть после смерти будет реабилитирован[8].

Ее предсказание сбылось через полвека.

Казнили Ежова в Лефортовской тюрьме в 1940 году, 4 февраля.

Сталин — Ежов — Берия, простой на первый взгляд треугольник, но сам генсек был далеко не прост. Он был политическим стратегом, Иосиф Сталин, а не мясником с топором в волосатых руках. Ежов — статистом, Берия — надежным исполнителем тактических ударов. И соавтором многих острых многоходовых комбинаций.

Шахматисты говорят: «Гроссмейстер нашел свою игру». Берия нашел свою игру гораздо раньше, будучи еще тбилисским мастером. И сразу же органично вписался в московскую элиту.

Чем руководствовался генсек, устраивая время от времени чистку тайных Органов? Зоологи и охотоведы справедливо полагают, что такой свирепый и прожорливый хищник, как волк, все же необходим природе. Преследуя днем и ночью других животных, волки держат их в постоянном страхе, а значит, поддерживают жизнестойкость, спортивную форму своей добычи. Но при этом нельзя допускать бесконтрольного размножения: волки уничтожат все живое окрест и начнут пожирать друг друга. Вот почему признан целесообразным отстрел волков — до установленного специалистами предела.

Истории неизвестно, какую квоту для своей карательной армии установил Верховный Отец, но командный состав он отстреливал регулярно.

Генрих Ягода после смерти Менжинского убрал лишь несколько руководителей ОГПУ – НКВД. Ежов ликвидировал три десятка работников центрального аппарата. Погибли — более чем заслуженно! — заместители Ягоды Агранов и Прокофьев, приближенный наркома Молчанов и все начальники центральных отделов и управлений. На местах поплатились жизнью многие руководители кампаний массовых убийств. Более трех тысяч оперативных работников филиалов Лубянки казнено только в 1937 году. Чистка не миновала и тюремную охрану. На протяжении семнадцати лет, с 1934 по 1951 год, пять раз меняли-казнили служащих Лефортовской тюрьмы. И так в Ленинграде, Киеве, Ростове, Саратове — повсюду.

Берия после отстранения Ежова провел тотальную чистку руководящего состава Органов. Подошло время устранения исполнителей и свидетелей кровавых злодеяний. Это было ясно новому наркому и без особого указания. Можно не сомневаться в том, что каждого кандидата на тот свет они обсуждали вдвоем, Папа Большой и Папа Малый. Сам Ежов был арестован 19 апреля. В тот же день взяли его заместителя Михаила Фриновского. Он начинал карьеру в Закавказье, при Берия, работал на Дальнем Востоке, потом в Москве. Курировал дело Тухачевского. После уничтожения флотоводцев был назначен наркомом военно-морского флота, с присвоением звания флагмана флота 1 ранга. Для комиссара ГБ 1 ранга сочетание уникальное. Фриновского казнили вместе с женой, аспиранткой Института истории АН, и сыном-школьником. Тогда же арестовали другого заместителя Ежова, комиссара 1 ранга Станислава Реденса. Когда-то он был шефом Берия. Вдова Реденса, Анна Аллилуева, являлась сестрой супруги генсека. Но эти обстоятельства ничего не значили в сталинской бухгалтерии. В том же тридцать девятом сгинул третий заместитель наркома Яков Агранов. Жену и сестру этапировали в лагерь. Из видных деятелей тайной службы, уничтоженных в конце 1938 — начале 1939-го, упомянем еще Терентия Дерибаса и Александра Радзиловского, начальника управления НКВД по Ростовской области. В 1939–1940 годах бесследно исчезли многие сотрудники центрального аппарата: Г.С. Сыроежкин (начальник ИНО), П.И. Церпенто вместе с братом, Яков Хатаневер...

Летом 1939-го в камеру, где сидел Евгений Гнедин, на несколько дней бросили сотрудника Ежова лейтенанта Зарифова. Бывший следователь иссох от огорчения. И было от чего. Сколько сил, здоровья

положили они, бравые функционеры, на сочинение показаний-признаний «врагов народа», сколько бессонных ночей провели в тяжких трудах, вымогая подписи. Теперь, когда они сами стали жертвами других следователей, сколько стараний приложили, помогая состряпать правдоподобное дело о подготовке террористического акта против товарища Сталина... И что же? Им не только не обещали сохранить жизнь, им отказано даже в малых тюремных поблажках...[9]

Ежовский аппарат был обречен, Берия уничтожал его без колебаний. Чего стоило в сталинское время набрать новую армию головорезов...

Каким-то чудом в аппарате НКВД сохранилось несколько десятков старых чекистов, служивших еще при Ягоде. Берия добрал остатки.

Хозяин Сухановки

Сухановская секретная особорежимная тюрьма досталась Берия в наследство от Ежова. Она разместилась в древнем монастыре, основанном в середине XVII века царем Алексеем Михайловичем близ деревни Суханово, под Москвой. Заключенных содержали в бывших кельях, размером полтора на два метра. Тюрьма предназначалась под следственный изолятор на 150 человек. Их пребывание было ограничено двумя неделями — столько отпущено на добывание показаний. И следователи добывали искомое, иногда при этом добивая своих подопечных. С разрешения начальства, разумеется. Надзиратели — их было вместе с внутренней охраной семьдесят служивых — строго следили за тем, чтобы никто не наложил на себя руки. Снаружи тюремные корпуса охраняла Специальная рота дивизии НКВД особого назначения.

Следователи занимали семь комнат. Для Берия на втором этаже оборудовали просторный кабинет: паркетный пол, дубовые панели, большой письменный стол, крытый зеленым сукном, несгораемый шкаф и диван в углу. Здесь следователи и административный персонал получали руководящие указания. Прямая телефонная линия связывала кабинет с Кремлем, и нарком подобострастно выслушивал рекомендации Хозяина, докладывал об их исполнении. Вход в кабинет был выполнен в виде стенного шкафа. Рядом — лифт, он соединял второй этаж с подвалом, где находилось шесть пыточных камер — мрачных карцеров. Туда спускали не всех. Полину Жемчужину, супругу Молотова, Лаврентий Павлович поместил в кабинет следователя и запретил туда заглядывать тюремному персоналу. Надзиратели служили истово, они ведь охраняли особо опасных государственных преступников и получали за успехи в работе ордена и повышение в чине. Украшением пыточной Сухановки стали своя парторганизация и свой

замполит. Личный состав регулярно посещал политзанятия, они исправно писали друг на друга доносы, получали в профкоме санаторные путевки — все как у людей. И — убийства.

Свидетельствует подполковник МВД в отставке Юрий Николаевич Богомолов:

«...В храме мы увидели такую картину. Пол выложен чугунными плитами. Напротив входа — печь с железными дверцами. Тут же — железные носилки с роликами.

Я не сразу заметил, что в четырех углах храма стояли высокие, в человеческий рост, изогнутые бронированные щиты с небольшими прорезями на уровне глаз. Жертву заводили в храм и палили по ней с четырех сторон из наганов... Затем подручные взваливали труп на носилки и отправляли его в печь, которая топилась мазутом. Казни совершались по ночам, когда дым из крематория не был виден окрестным жителям. Трудноразличима была и закопченная труба между крестами церкви»[10].

Сколько церквей, храмов, монастырей на земле российской превратили в тюрьмы, но убойный цех на святом месте алтаря — где еще сотворено такое?

Тюрьма была ликвидирована осенью 1953 года, уже после ареста Берия. Богомолов посетил засекреченное место в 1958 году с экскурсией, будучи слушателем высшей школы МВД. Через тридцать лет, когда там побывали кинодокументалисты, мало что осталось.

Кинорежиссер Нина Соболева пыталась пройти на территорию нынешнего учебного заведения МВД, да где там... В бывшем кабинете Берия идет ремонт, тюремные корпуса давно заселены семейными, в сад, огороженный забором, вход посторонним запрещен. Встретились с одним из бериевских подручных. Он оказался скрытным, злобным, в глазах — тоска по сытному и почетному прошлому.

Подождав наступления темноты, режиссер вместе с операторами проникли в главный корпус, отсняли кабинет Берия. Здесь сошлись судьбы двух сталинских наркомов.

Придержав «любимца партии» на посту наркома водного транспорта приличия ради четыре месяца, отправили его в Сухановку. Следствие растянулось на десять месяцев: приказано сконструировать еще один антисоветский центр — в самом НКВД, с участием Ежова в роли организатора. Его обвинили в подготовке путча, приуроченного к 21-й годовщине Октябрьской революции — 7 ноября 1938 года. Ежов вдруг оказался изменником, а шпионил он в пользу Польши, Германии, Англии в придачу с Японией. Лубянские романисты, как водится, оказались не в ладу с логикой, но Берия для изобличения

«заговорщика» мобилизовал десятки лжесвидетелей. Ежов активно содействовал раскрытию заговора — сколько невинных подставил под пули... Однако признаться в соучастии никак не соглашался. Пришлось Лаврентию Павловичу отдать тщедушного коллегу в руки местных костоломов, и тут бывший народный комиссар на себе испытал, что это такое — «физические методы воздействия».

2 февраля 1940 года, накануне заседания Военной коллегии Верховного Суда, Берия в последний раз вызвал Ежова в свой сухановский кабинет.

— Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена...

Ежов повторил эти слова Лаврентия Павловича, глядя в рыбьи глаза Василия Ульриха, с которым столько лет трудился в одной упряжке. Но председатель Военной коллегии зачитал казенно-равнодушным тоном давно заготовленный смертный приговор. Он был приведен в исполнение на другой день.

Его люди

Не следует думать, что Берия по-лакейски заглядывал в рот генсеку, был всего лишь слепым его орудием. В короткое время он расставил на ключевых постах своих, преданных ему *лично* людей. В Тбилиси поставил Авксентия Рапава. В Приморский край осенью 1938 года направил Михаила Гвишиани, еще не будучи официально наркомом. Управление НКВД по Ленинградской области возглавил его ставленник Сергей Гоглидзе. Наркомом внутренних дел Белоруссии стал Лаврентий Цанава. В конце декабря центральные управления и отделы НКВД возглавили организаторы грузинских погромов Всеволод Меркулов, Богдан Кобулов, Сергей Мильштейн.

При Берия на Лубянке, в центральном аппарате, соперничали две группы — грузины и евреи. Выходцы из Украины не ладили ни с теми, ни с другими. Сталина такая ситуация устраивала вполне. Берия привлек к работе и армян — братьев Кобуловых, Мамуловых, и евреев — Мильштейна, Бененсона, и латышей — Эглита, например, и русских — Меркулова, Серова, Масленникова.

Новый нарком при назначении наместников отдавал часто предпочтение землякам, но был, в сущности, своеобразным интернационалистом в самом низменном смысле этого слова, — всеядным политиканом, готовым утилизировать себе на потребу нужных людей любой национальности. А прекращению национальных распрей Лубянка обязана, пожалуй, более всего тому обстоятельству, что у Лаврентия Павловича рука была тяжелая.

Среди его подручных были люди различного уровня образованности, разных интересов. Некоторые, как мы уже отмечали, пришли в Органы ЧК по идейным соображениям, во исполнение партийного долга. Но не в них видел Берия главную опору. Его любимчиками стали такие матерые костоломы, как Деканозов и Кобулов, избравшие своей профессией убийство. Оба — без малейшего признака интеллигентности, оба отменно тупые и самодовольные.

Заведующий отделом печати Наркомата иностранных дел Евгений Александрович Гнедин побывал в их лапах и оставил зримые портреты бериевских фаворитов.

«Деканозов слушал молча, со специфически глупо-равнодушным и скучно-угрожающим видом. В нем было какое-то малопочтенное сочетание мелкого торговца, подражающего в манерах крупным коммерсантам, и заурядного полицейского, подражающего жандармскому полковнику»[11].

И о Кобулове. «Передо мной за солидным письменным столом восседал тучный брюнет в мундире комиссара 1 ранга — крупная голова, полное лицо человека, любящего поесть и выпить, глаза навыкате, большие волосатые руки и, как я позже заметил, короткие кривые ноги». Кобулов заканчивал разговор по телефону. Заключительная реплика звучала примерно так:

— Уже сидит и пишет, да-да, уже пишет, а то как же!..

Кобулов весело и самодовольно хохотал. Речь шла, очевидно, о недавно арестованном человеке...[12]

Вернемся к фигуре Леонида Райхмана, достигшего к 1943 году звания комиссара 2 ранга ГБ, а в 1945 году — чина генерал-лейтенанта. Согласно справке от 29 марта 1957 года Райхман «злоупотреблял служебным положением в корыстных целях. Он также участвовал в фальсификации дел и ориентировал местных работников на применение мер физического воздействия к арестованным».

Специальным указом Райхман был лишен орденов и медалей «за совершение тяжких преступлений».

И этому деятелю Берия поручил чтение лекций в Высшей школе НКВД по агентурной разработке и Специальной подготовке будущих кнутобойцев. Новый нарком включил сановного мародера в состав Наградной комиссии НКВД. После смерти Вождя Берия назначает Райхмана начальником Контрольной инспекции.

На ближайшем, XVIII, съезде партии люди Берия проникли в Центральный Комитет: К. Чарквиани, В. Бакрадзе, Г. Арутинов, С. Гоглидзе, В. Деканозов, Б. Кобулов, М. Гвишиани, Л. Цанава, С. Круглов, И. Маслеников. Последние двое — на правах кандидатов в члены

ЦК. Почти все они представляли Органы сыска и кары — маленький, но отряд.

Здесь интересы Папы Малого и Папы Большого совпали. Обновляя состав ЦК, истребленного после памятного XVII съезда, Сталин решил укрепить его за счет самых рьяных партчиновников, а заодно приблизить к трону руководителей тайной службы. Диктатор, безусловно, доверял новому фавориту, надеялся на его богатый опыт. К тому времени в Органах была выведена особая порода служак — верных, неподкупных, скованных строжайшей дисциплиной, ослепленных одной нетленной идеей — установления на Земле советского диктата. Они были убеждены в том, что для достижения этой благородной цели все средства хороши. Абсолютно *все*. Из всех человеческих чувств они взрастили в себе одно — всепоглощающую ненависть к своим согражданам, видя в каждом потенциального врага. Исключение составляли интеллигенты: эти все уже являются врагами коммунизма — изначально и навсегда.

Подбирая подобные кадры, Сталин и его лубянские наместники предпочитали необразованных и малограмотных. С ними спокойнее, особенно в верхних эшелонах руководства. В списке наркомов внутренних дел и заместителей состоит 46 человек, из коих только 15 затруднили себя учебой в вузах, а некоторые ограничились низшим образованием. В центральном аппарате из взятых наугад 175 имен уровень образования указан у 121. Высшее — у 9, низшее — у 77.

На местах картина вовсе удручающая. Попробуй какой-нибудь инженер, учитель, художник или писатель, директор института или командир дивизии доказать тупице следователю, что он не является шпионом, террористом...

Домушники

Приход Берия к власти был ознаменован приказом наркома внутренних дел № 00211 от 4 ноября 1938 года, за три недели до официального смещения Ежова.

С согласия правительства в распоряжение НКВД был передан большой жилой фонд, составленный из квартир, опечатанных Органами в Москве. Собственностью этого ведомства становилась также мебель арестованных. Специальной комиссии предписано установить строгий контроль за учетом и распределением квартир и конфискованного имущества. Присвоение квартир и имущества касалось не только осужденных, но и «арестованных-подследственных».

В этом месте рука сочинителя приказа дрогнула и выписала примечательное добавление: «...мебель эту передать по описи на хранение и *временное* пользование сотрудникам, вселяемым в эти квартиры».

И еще одна характерная деталь. Постановление Совнаркома подписано Молотовым 5 ноября, то есть через день после выхода приказа Ежова — Берия. Постановление правительства было тайным, с грифом «Совершенно секретно». Берия, скрепивший приказ НКВД своей подписью, был более уверен в безнаказанности государственного грабежа, снабдив документ простым грифом «Секретно».

В заключение — цитата из пункта IV приказа НКВД: «Произвести тщательную проверку заявления начальника жилищного отдела АХУ тов. Осетрова об отсутствии учета и *крайнем* беспорядке в хранении имущества, вывезенного в 1937 и 1938 годах из опечатанных квартир... (имущество перевозилось *навалом*, сдавалось и принималось без описей, возможно, были *хищения*)».

...Назвать карателей мародерами? Но те обирают мертвых, а эти — всех подряд. Домушниками назвать? Но вор-домушник довольствуется ценностями. Лубянские домушники, ограбив «врагов народа», прихватывают их жилье, выбрасывают из родного гнезда всех, в три поколения, вместе с птенцами. С благословения Советского правительства.

Как все это выглядело на практике, видно из воспоминаний Анны Петровны Петрушанской, служившей до ареста в разведке.

Ее взяли в 38-м, через два месяца после ареста мужа, Бориса Эльмана. Он был резидентом, воевал в Испании. Ее выбросили для начала из теплой, солнечной квартиры в самом центре Москвы в темную комнатенку. Вместе с малышом сыном. Перед этим переселением на квартиру явился сослуживец из Иностранного отдела НКВД Петр Луцай:

— Аня, у тебя квартира теплая?

— А что, тебе квартира нужна трехкомнатная?..

В этот момент прибегает еще один соискатель и спрашивает:

— Петька, зачем пришел?

— А тебе что надо? Пришел вот квартиру присмотреть...

— А я под эту квартиру уже три месяца подбиваюсь.

Не выдержала Анна Петровна, дала сослуживцу по морде.

— Какая же ты сволочь!

— Ну ничего, это тебе отзовется...

Вернулась Анна Петровна через *восемнадцать* лет. Пришла на родную Лубянку. У них с Борисом была хорошая обстановка, картины, библиотека. Альбомы итальянского искусства покупали на всю скудно выдаваемую разведчикам валюту. Сотрудник финансового отдела показал реабилитированной опись конфискованного имущества. Вот они, любимые книги: «500 штук в твердых переплетах, 500 штук в мягких...» Прокляла она это заведение, хлопнула дверью и ушла, умываясь собственными слезами.

О том, что сделали лубянские домушники с имуществом отца, я поведал читателям моей первой книги «Портрет тирана». Обозрев спальню, агенты занесли в опись одеяла с пометками «х-б» и «б/у». Так же поступили с фраком дипломата и многими другими вещами. Альбомы с грампластинками «забыли» упомянуть. Вместо духов фирмы «Коти», купленных проездом в Париже, записали два флакона одеколона «Цветочный». Под бойким пером похитителей чужого добра квартира наркома юстиции, недавнего генерального консула в Барселоне, превратилась в лавку старьевщика. Что до библиотеки, ценного собрания книг писателя, поэта, публициста, то она в опись не попала. Но как значится в приказе НКВД от 4 ноября тридцать восьмого, во многих случаях и такой фальшивой описи не составляли...

Все это происходило при Ежове, и Берия, добравшись до главного поста карательной службы, решил выправить генеральную линию в этом вопросе. Отныне всесоюзный грабеж примет цивилизованные формы. Никому не дозволено будет... ничего нельзя присваивать без очереди и без боевых заслуг...

Затевая эти игры, товарищ Лаврентий полагал, что имеет дело с наивной аудиторией — на самом верху и в низах. И не ошибся.

В Зоне Малой — и того хуже. По данным на 1 января 1944 года, кадры НКВД в лагерях и колониях состояли на 78% из одолевших низшую образовательную ступень и только на 4% — высшую. Там ненависть малограмотных охранников — а среди них были начальники, командиры конвойных частей и следователи ОЧО — беспрепятственно изливалась в пытках и казнях заключенных.

Государственные киллеры

Наркомат внутренних дел попал в ведение Берия с устоявшейся структурой: последние изменения произошли 29 сентября. Назовем все главные управления: экономическое — ГЭУ, транспортное — ГТУ, пограничных и внутренних войск — ГУПВВ, милиции — ГУРКМ, шоссейных дорог — ГУШОСДОР, тюремное — ГТУ, архивное — ГАУ. На первом месте, разумеется, стояло ГУ безопасности. Перечислим «рядовые» управления: коменданта Московского Кремля, административно-хозяйственное, «Дальстрой». Особые отделы: 1 спецотдел — учетно-распределительный; 2 — опертехники; 3 — обыски, аресты, наружное наблюдение; центральный отдел актов гражданского состояния; центральный финансово-плановый; отдел кадров; переселенческий; особоуполномоченный НКВД; особое конструкторское бюро; Бюро по приему и рассмотрению жалоб; инспекция по котлонадзору; секретариат.

Особо рассмотрим структуру лишь одного главка — ГУГБ: 1 отдел — охраны правительства; 2 — секретно-политический — СПО; 3 — КРО; 4 — особый; 5 — ИНО; 6 — военизированных организаций; 7 — спецотдел.

В совокупности управления и отделы НКВД охватывали всю жизнедеятельность страны, контролировали внутреннюю и внешнюю политику государства (дублируя ЦК партии), все властные Органы. Государство в государстве.

В условиях строгой конспирации функционировали учебные заведения, спецлаборатории, внешняя разведка. Особое подразделение террористов занималось вылавливанием и ликвидацией перебежчиков. Начало было положено при Дзержинском, продолжили кровавую охоту Ягода и Ежов.

В гитлеровской Германии тоже существовал институт киллеров. Самым знаменитым был Шерер по кличке Палач. Его высоко ценил сам фюрер.

Шерер действовал весьма эффективно, все задания выполнял точно в срок, без осечек. Говорят, его побаивался даже шеф гестапо Гиммлер...

История нового государства помнит имена оставшихся за границей ученых, деятелей культуры, так называемых невозвращенцев. Особняком стоят тайные разведчики — рядовые и резиденты, которые остались на чужбине, спасаясь от неминуемой расправы на родине. Отряды боевиков рыскали по свету, настигая «изменников», потом самые активные и удачливые сами попадали в разряд подозреваемых и гибли от руки новых, особо доверенных боевиков. Вряд ли удастся кому-нибудь воссоздать во всей полноте историю карательной и подрывной деятельности лубянской агентуры за рубежом. Заметным явлением в литературе такого рода являются книга Гордона Брук-Шеферда «Судьба перебежчиков» и более поздние публикации П.А. Судоплатова[13].

В апреле 1939 года американская газета «Сатердей ивнинг пост» начала публикацию сенсационных статей Вальтера Кривицкого, бывшего советского резидента в Голландии. Этот опытный разведчик координировал действия советской агентуры в Западной Европе и был весьма осведомлен в тайной политике Сталина. Бежать на Запад Кривицкого вынудила вошедшая в традицию практика истребления заслуженных разведчиков. Незадолго до этого, в сентябре тридцать седьмого, боевики настигли в Швейцарии Игнатия Рейсса. Тело бывшего советского разведчика нашли на шоссе неподалеку от Лозанны.

Дело Кривицкого досталось по наследству от Ежова новому наркому. Однако Кривицкому удавалось обходить все ловушки, подстроенные агентами возмездия. В 1941 году он жил в небольшом вашингтонском отеле «Бельвю», в номере 582-м. Там утром 10 февраля горничная и обнаружила его труп.

Технология уничтожения неугодных разведчиков была отработана еще до появления Берия. Первыми отзывали из зарубежья тех, у кого оставались дома семьи. Оставаться и обречь близких на мучения? На это решится не всякий. И они возвращались на родину. Здесь их встречали тепло, обещали повышение по службе, а пока — на курорт, отдыхать, вместе с семьей. Из санатория обласканный чекист посылает коллегам за рубеж успокоительные письма. На этом дьявольская игра не заканчивается. Отдохнувшего товарища снаряжали с новым ответственным заданием на Запад, друзья провожали его на перроне Белорусского вокзала. Там, за кордоном, отпадут последние сомнения... И новые жертвы сами прыгали в ловушку. А товарищ, сыгравший роль приманки, уже томится в родной внутренней тюрьме. Его сняли с поезда перед самой границей...

Институт государственных киллеров на Лубянке пестовали под присмотром генсека. Некоторые террористические акции Сталин курировал лично. Серьезно беспокоила Кремль Организация украинских националистов (ОУН). НКВД удалось внедрить в эмигрантское руководство ОУН ценных агентов. Один из них, Павел Судоплатов, стал доверенным лицом лидера ОУН Евгена Коновальца.

В ноябре 37-го Судоплатов дважды в сопровождении Ежова побывал в кремлевском кабинете Сталина. Вождь коммунистической партии предложил лубянскому нелегалу ликвидировать Коновальца. За инакомыслие. Узнав о пристрастии будущей жертвы к дорогим конфетам, Сталин остановился на варианте коробки шоколада со взрывным устройством. Напутствуя киллера, генсек подчеркнул значение этого «боевого задания» для родины. Судоплатов отправился в очередную командировку в Берлин. Выбрав удобное место в Голландии — в Роттердаме, в ресторане «Атланта», и время — 12 часов 23 мая 1938 года, — Судоплатов вручил свой подарок ожидавшему его лидеру ОУН. И, назначив вторую встречу на вечер, тотчас удалился. Коновалец погиб, а исполнитель высочайшего задания благополучно скрылся.

Подвиг киллера был отмечен орденом Красного Знамени и повышением по службе. Перед войной Судоплатов возглавил сверхсекретный отдел, переименованный затем в 4-е Управление (разведка, террор, диверсии в тылу врага).

Его жена, Эмма Каганова, стала ему надежным другом и помощником. Службу в Органах начинала на Украине, переехав в Москву,

ведала сетью осведомителей в среде творческой интеллигенции, опекала писателей, художников, артистов...

Показательная супружеская пара, приятная во всех отношениях.

Будни террора

В тридцать девятом под погром попала Комиссия советского контроля при Совнаркоме СССР. Председателя, Розалию Землячку, Берия не тронул. Видимо, Хозяина устраивали ее рвение в борьбе с «врагами народа», обывательская кичливость и постоянная готовность услужить генсеку.

Берия арестовал заместителя Землячки, Бурова-Шуба. На всякий случай нарком распорядился выбить из него показания о контрреволюционной деятельности Землячки. Буров, между прочим, поведал — знаменательный факт! — о явно антисемитской направленности следствия. Один из его сокамерников, Евгений Гнедин, сохранил его рассказ для истории[14].

В двадцатые годы, чтобы прикрыть собственное бессилие и порочность силовых методов управления хозяйством, Сталин инспирировал вредительство в промышленности. Вспомним шахтинское дело или дело промпартии. «Врагов народа» искали и выявляли повсюду — на шахтах и заводах, на предприятиях химии и оборонной промышленности. Истребили старую техническую интеллигенцию, принялись за новую — уже в годы тридцатые. Берия, как носитель этой плодотворной политики, проявил государственное рвение высшей категории. Он не оставил своим вниманием ни одной отрасли народного хозяйства[15]. Экономическое управление НКВД пропололо — в который раз! — все промышленные предприятия Севера и Урала, Средней Азии и Дальнего Востока. Огромные потери понесла тяжелая индустрия Украины — после гибели Серго Орджоникидзе забрали почти всех директоров и главных инженеров крупных металлургических заводов и комбинатов. Война с собственным народом продолжалась, все газеты пестрели фронтовыми сводками:

«Ответим на удар классового врага тройным ударом!», «Смерть вредителям и диверсантам!», «Пролетарий, выше большевистскую бдительность!»

В Баку свирепствовал давний сподвижник Лаврентия Павловича Багиров. Он поставлял в Москву особо опасных вредителей-нефтяников. Откуда-то с дальних электростанций везли и везли директоров-диверсантов: энергетика не могла оставаться в стороне от общенародного дела. Счет арестованным, как и прежде, вели на сотни тысяч.

Из рук вон скверно работал железнодорожный транспорт. Даже сталинскому наркому Лазарю Кагановичу не дано было вывести его

из состояния постоянного прорыва. Казалось, все службы — пути и тяги, вагонная и пассажирская, связи... — сшиблись в нездоровой конкуренции за право называться самыми отстающими. Аварии, крушения, пожары случались ежедневно. Берия решил применить старое испытанное средство — террор. Аварий меньше не стало, зато увеличилось население лагерей.

Во главе Транспортного управления НКВД Берия поставил давнего тифлисского подручного, комиссара госбезопасности С. Мильштейна. Этот знал свой маневр досконально. Полетели головы руководителей НКПС, начальников железных дорог, — те, что не успел срубить Ежов, и — новые. Начальники служб и станций, ведущие инженеры и составители поездов — отныне никто не был уверен в собственной безопасности. Мильштейн брал всех подряд, даже своих начальников транспортных отделений НКВД.

В тридцать девятом ведомство Берия провело широкую жандармскую акцию в Монголии. Сведения об этом, как мне помнится, в печать не попали. Еще бы... Так называемые московские советники вошли в кабинет наркома внутренних дел суверенного государства, скрутили руки, завязали глаза и вывезли на самолете в Улан-Удэ. Гелико Хасочыра, заслуженного революционера, жестоко избили, пытали, потом отправили в Москву, на Лубянку. Туда же доставили большую группу руководителей Монгольской Народной Республики. На уничтожение[16].

В отношении слишком информированных «врагов народа», ответственных работников государственного и партийного аппарата, Берия применял особую технологию. Нет, побои, пытки не отменялись. Арестованных били, но не добивали, калечили, но не до смерти. Эта категория подследственных представляла собой ценный исходный материал для вольной композиции на такие темы, как «Заговор», «Антисоветский центр», «Шпионское гнездо»... И еще одно важное обстоятельство, может быть, самое важное, имел в виду Лаврентий Павлович, сохраняя им жизнь (на время, на время!). Ответственные работники, общаясь с наркомами и даже с Вождями, могли дать показания на близких Сталину подручных. Над головами самых-самых секира тоже висела постоянно — это Берия знал доподлинно. И он был готов в любой момент представить Хозяину материал на попавшего в немилость фаворита. Следователей по этому случаю подбирали из образованных, способных даже к вежливому обращению. Некоторых наскоро обучили психологическим методам ведения следствия.

«...Мы знаем о вас *все*. Нас интересуют лишь детали. Так что — пожалуйста, не томите себя понапрасну...»

«...Вы же умный человек, вы знаете, что отсюда никто не выходит. Некоторые попадают в никуда. Кстати, вы читали роман «Доро-

га в никуда»? Ну разумеется, читали. Вы истинно интеллигентный человек. Так на чем мы?.. Ах да — кто куда попадает. Некоторые попадают в лагеря. Лагеря бывают разные — дальние и ближние, тяжелые и не очень. Не поймите меня превратно: лагерей-санаториев у нас нет, но от вас лично зависит — пошлем мы вас на север, на лесоповал, или еще дальше — в Заполярье, где и леса нет. И пожалуйста, подумайте о жене — она мне звонила вчера — и о детях. Не надо смотреть на меня как на заклятого врага. У меня тоже есть дети, и я смотрю на них открытыми глазами, я честно исполняю свой долг, свой служебный и партийный долг. Вы ведь член партии, вы меня понимаете. Я всего-навсего старший следователь, но докладывать комиссару будут с учетом вашего патриотического вклада в ход следствия».

«Оставьте свои страхи. Да, мы применяем физические методы воздействия. Иногда. Это право нам дано партией для выявления опасных вражеских замыслов. Но вас никто больше пальцем не тронет, даю слово коммуниста. Вы же остались патриотом, я верю, что вы хоть и оступились, но готовы помочь родному государству... Ведь так? Я вижу — вы никак не можете успокоиться. Я оставлю вам несколько листов бумаги, вот ручка. Папиросы, пожалуйста, спички. Через час я зайду».

Иногда следователю ассистировал костолом, упражнявшийся на упорствующем еретике в первые дни после ареста. Ассистент молча сидел в углу, но одно появление знакомого палача в сочетании с психической обработкой должно было побудить подследственного к писанию «мемуаров».

И все же нашлись среди бериевских жертв люди, отважившиеся заявить на следствии и на суде о применении пыток. Некоторые прокуроры, не успевшие освоить новейшую технологию государственного террора, предлагали занести заявления истязаемых в протокол. Когда об этом стало известно наркому внутренних дел, он потребовал от Вышинского пресечь все попытки оклеветать Органы. В архиве сохранилось письмо Генерального прокурора на имя Берия, в котором он сообщает, что им дано указание не фиксировать «провокационные заявления».

После опубликования Закона о всеобщей воинской повинности в 1939 году в тюрьмы-лагеря начали поступать верующие, которые отказывались брать в руки оружие по религиозным убеждениям[17]. Изданный еще в 1919 году (4 января) Декрет СНК РСФСР об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям давно на практике не соблюдался, но верующие могли все же нахо-

дить в нем оправдание и защиту перед властями. Теперь же выбор был прост: или служба в армии, или тюрьма. В сентябре тридцать девятого маршал Ворошилов заявил на сессии Верховного Совета, что в СССР нет людей, не желающих брать в руки оружия[18]. Следуя верховной директиве, Берия старался соблюдать хоть какие-то приличия. Публику надо было убедить в реальности новых гуманных веяний. С ежовщиной покончено навсегда, партия стоит на ленинских принципах законности...

— Никому не дано отступать от...

— Никому не позволим творить...

Исчез Ежов, исчезли с улиц Москвы, Ленинграда, Киева «черные воронки». Теперь арестантов развозят фургоны с невинными названиями «Хлеб», «Овощи», «Мясо»...

Крутые волны технической революции давно уж бились о монументальные стены Лубянки. Перед войной тюрьмы густо оснастили подслушивающими устройствами. Осведомленные сотрудники Лаврентия Берия не рисковали более беседовать на вольные темы. Женщины, театр, модные книги, сорта конфет и табака, курорты — вот и весь круг... Неопытные арестанты позволяли себе расслабиться в антрактах между двумя допросами и при второй встрече со следователем тяжко расплачивались за неосторожно оброненные слова.

Тюрьмы были переполнены. Общая *емкость* четырех московских тюрем составляла в начале войны 5000 мест: внутренняя НКВД — 570, Бутырская — 3500, Лефортовская — 625, Сухановская — 225.

Мне довелось пройти этот конвейер трижды, кроме Сухановки, — в годы 1940, 1943–1944. Во многих камерах мы коротали время *стоя:* в одиночки сажали по 4–6 человек. Так что реальное число заключенных доходило до 20 000. Но в официальных отчетах не упомянуты Таганская тюрьма, здание на Матросской Тишине и женская Новинская тюрьма. Туда тоже порой отправляли «политических».

Левон Мирзоян

В тридцать девятом подошла очередь Левона Мирзояна. Он работал тогда в Алма-Ата секретарем ЦК партии Казахстана. Наркомом внутренних дел республики был Станислав Реденс. И с тем, и с другим у Берия были свои счеты. Мирзоян и Реденс приложили большие усилия, чтобы заслужить одобрение и доверие генсека. Мирзоян отдал на растерзание Органам даже тех товарищей, которых вывез из Баку. Семен Гутин, председатель профсоюза горняков Азербайджана, стал здесь управляющим треста «Эмбанефть». Его арестовали и бросили в яму-щель, где места и для одного было мало. Однако следователи кидали туда прямо на головы новых узников. Гутина жестоко

пытали и однажды, когда его выволокли на очередной допрос, он выбросился из окна. В 1979 году в Алма-Ата ездил родственник Гутина и бывшие сотрудники НКВД сообщили ему подробности...

Другой сослуживец и давний друг Мирзояна, Свердлов, бывший партийный секретарь одного из бакинских районов, на допросах решительно отвергал все обвинения. Следователь показал ему ордер с резолюцией Мирзояна: «Согласен на арест». Вот тут Свердлов не только признался в участии в контрреволюционной организации, но сообщил, что его завербовал лично Мирзоян.

В 1956 году два молодых прокурора принесли дело Свердлова в КПК: пусть товарищи посмеются... В тридцать девятом было не до смеха. В конце концов Мирзояна известили о перемещении по службе. Он погрузил в салон-вагон вещи, мебель и отправился в Москву. По дороге в вагон явились агенты Берия с ордером на арест. Жена Мирзояна возглавляла в свое время ИМЛ при ЦК партии Азербайджана. Ее брат, член ЦК ВКП(б) Иван Тевосян, был наркомом судостроительной промышленности. В момент ареста Мирзояна Юлия Федоровна взмолилась: «Он ни в чем не виноват! Он ни в чем не виноват!..» Ее забрали тоже в пути, через несколько станций.

Эту операцию Берия курировал лично. Что касается виновности четы Мирзоян, то они ведь были заслуженными партийцами. И — армянами. Для расправы более чем достаточно.

Остались дети, мальчик и девочка. Няня, сопровождавшая их в вагоне, привезла детей Мирзояна в Москву к их дяде, Ивану Тевосяну. Однако его супруга, Ольга Александровна Хлебникова, слишком хорошо знала Сталина и Берия, поэтому отправила сирот в детский дом. Девочка через год погибла от менингита, сын Мирзояна стал инженером, в год смерти Сталина жил еще в Ярославле. Юлия сошла с ума, ее жизнь угасла в Казанской тюремной больнице.

Сохранилось дело Мирзояна. Он писал генсеку: «Товарищ Сталин, я чист перед партией с первого дня и до последнего вздоха. Свои показания я дал, лежа в луже крови. Мне угрожали: «Мы превратим тебя в кучу костей, оставим лишь правую руку, чтобы ты мог подписать протокол».

Мирзоян с подпольных лет страдал болезнью позвоночника, и следователи с особым старанием обрабатывали больную спину.

В протоколе конвейерного заседания Военной коллегии Верховного Суда — Ульрих никого не задерживал более 15 минут — записано: «Я не виноват. От прежних показаний отказываюсь, они даны под незаконным давлением следователей». И две записи в самом конце:

1. Приговорить к высшей мере наказания.
2. Приговор приведен в исполнение[19].

Михаил Кедров

С тревогой следил за необычайно счастливой карьерой Берия заслуженный партиец Михаил Кедров. Почему тогда, в двадцать первом, Дзержинский оставил без последствий его докладную?

Врач-кардиолог по профессии, он посвятил себя революции, принял активное участие в гражданской войне, возглавлял аппарат «Советской ревизии». Архангельск, Южный фронт, затем — Западный и Москва. Кедров — начальник Особого отдела ВЧК, член коллегии, он владел четырьмя иностранными языками, хорошо играл на фортепиано, был видным партийным публицистом. Что удерживало так долго генсека от расправы над этим соратником Ленина?

Год 1939. Берия — полновластный нарком внутренних дел. В органах госбезопасности, в непосредственном подчинении у Деканозова, работает младший сын Кедрова, Игорь. Однажды он пришел к отцу вместе со своим другом и сослуживцем Владимиром Голубевым и рассказал о гнусных преступлениях, творящихся на Лубянке. Молодые чекисты располагали точными фактами, и у старшего Кедрова не оставалось сомнений в предательстве Берия и его подручных. Невдомек было старому коммунисту, кто стоит за спиной Берия, кто планирует резню.

По совету Михаила Кедрова Игорь вместе с Голубевым отнесли письмо в приемную генсека, а копию передали Матвею Шкирятову, председателю Комиссии партийного контроля. Не ведали они, юные самоубийцы, о том, что в главной канцелярии у Берия были свои люди. Что Хозяин с ним заодно. Не знали и того, что Шкирятов является ключевым исполнителем программы. Что Берия давно стал ему братом, кровным братом.

Кедров-старший обратился одновременно к Сталину с личным письмом, в котором сообщал о своей давнишней записке на имя Дзержинского. Он решил предостеречь Вождя в отношении Берия, который накануне войны истребляет лучшие партийные и военные кадры.

У Сталина были с Кедровым старые счеты. В своих воспоминаниях Кедров славит Ленина: «Повсюду Ильич», «Ни шагу без Ильича», «Вождь Красной Армии»... Это все — о Ленине, все о нем, в обход «истинного» организатора Советской власти и Красной Армии...

Игоря Кедрова с товарищем взяли в конце февраля 1939 года. И без лишних слов расстреляли. Отец, все еще не потеряв надежды на справедливость, вновь обратился к Сталину. На другой день, 16 апреля, схватили его самого.

Подробности ареста, следствия, пыток нам неизвестны. Лишь один факт, факт уникальный, стал достоянием истории: Верховный Суд

СССР оправдал Михаила Кедрова. Такого с видными коммунистами не случалось ни до, ни после 1939 года. Но Берия не хотел расставаться с законной добычей и оставил Кедрова в тюрьме[20].

Летом 1953, как только стало известно об аресте Берия, старший сын Кедрова, Бонифатий, обратился к Генеральному прокурору Руденко. Бонифатий Михайлович уже знал о судьбе двадцати двух этапированных во время войны в саратовскую тюрьму. «А мы-то думали-гадали: что это за список? — сказал Руденко и достал из сейфа лист бумаги. — Вот, смотрите: двадцать одна фамилия отпечатана, а Кедров добавлен рукой Берия последним»[21].

В декабре 1953 Прокуратура СССР сообщила о казни Михаила Кедрова. В сентябре 1941, когда немецкие армии подошли к Москве, из столицы в Саратов был отправлен специальный вагон с двадцатью двумя особо опасными преступниками. Там, в саратовской тюрьме, 28 октября их расстреляли по личному распоряжению Берия[22].

Сидя в камере, вспоминал ли большевик Кедров лето восемнадцатого, Архангельск, где он силой разогнал городскую думу и арестовал меньшевиков и эсеров. Кто из них выжил тогда, кто пережил расстрельные тридцатые?

По приказу особо уполномоченного Совнаркома Михаила Кедрова в Архангельске казнили людей, отказавшихся принять новую власть. Позднее он скажет: «Я старался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться, хотя бы они служили орудием в руках других. Тем не менее я колебался: всю жизнь я боролся против виселиц и расстрелов. Неужели теперь нужно прибегать к тем средствам, которые никогда раньше не достигали цели? Неужели рабоче-крестьянская власть не может обойтись без казней?»[23]

Последнее удобрение

...Он уже освоился на новом месте. Ничего, работать можно. Что, в сущности, изменилось? Здесь те же люди, что в Тбилиси. Так же исправно доносят друг на друга, так же покорно садятся в «черные воронки», терпят клевету и пытки, с энтузиазмом предают товарищей и родных, гибнут в тюрьмах и лагерях. И славят Вождя.

Все то же, все то же — на берегах Москвы-реки, на берегах Куры.

И Лубянка, эта центральная живодерня, ни в чем не изменилась. Все так же пытают-убивают. И те же хлебные фургоны вывозят по ночам трупы в крематорий. Печи горят круглые сутки. Все те же члены Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР нетерпеливо заглядывают в «глазок» металлической двери, за которой в сатанинском пламени исчезают останки «врагов народа».

И еще одна подробность. Пепел сожженных коммунистов — а сколько из них оказалось соратников Владимира Ильича Ленина — вывозили на поля подмосковного совхоза имени Ильича[24].

Последнее удобрение.

Погром в НКИД

Народный комиссариат иностранных дел подвергся погрому в одно время с остальными наркоматами, в годы 1937–1938, до прихода на Лубянку Лаврентия Берия. Сколько старых членов партии — послов, сколько советников, секретарей, атташе полегло тогда. Кое-кого удалось спасти Литвинову, он настойчиво ходатайствовал перед Политбюро, поручался за сотрудников перед Сталиным. Но вот подошла и его очередь.

Пытаясь как-то успокоить общественное мнение на Западе, Сталин разослал послам крупных государств Специальную телеграмму, в которой указал, что отставка Литвинова никак не связана с изменением внешней политики Советского Союза, а вызвана лишь разногласиями бывшего наркома с Молотовым по вопросу о кадрах.

Как всегда, цинично-лживый генсек на сей раз оставил неприкрытым намек на полуправду. Литвинов действительно пытался отстаивать старые кадры дипломатов от уничтожения. Но — сколько удалось ему спасти за те восемь лет, что он возглавлял наркомат?

Арестованным сотрудникам НКИД вписывали в протоколы допросов показания против наркома. Ничего особенного: подрыв, измена, троцкистские связи, контрреволюция, шпионаж — привычный набор повторявшийся на всех «открытых процессах». Дело стало за малым — арестовать изменника. Но 1 мая 1939 Литвинов занимал свое привычное место на трибуне возле Мавзолея, на виду у иностранных дипломатов.

Берия ожидал команды со дня на день, но Вождь почему-то медлил. То ли считал зазорным казнить наркома, сторонника проанглийской политики, в момент крутого поворота — империалистическим акулам только дай пищу для сенсации. То ли руку Вождя удерживала память о революционных заслугах Литвинова, то ли к старости мягче стал, расслабился. Шестьдесят лет — возраст почтенный. Пока он еще Хозяин. И может себе позволить такой каприз — обложить человека со всех сторон и не тронуть...

2 мая 1939 в кабинете Литвинова собралась комиссия ЦК: Молотов — председатель, Маленков, Берия, Деканозов — члены[25].

Задолго до этого майского дня уполномоченные Сталина и Молотова наладили тайные контакты с Гитлером. На втором уровне —

Лубянка — гестапо — происходил активный обмен опытом и людьми. Все это делалось без ведома прекраснодушного Максима Максимовича, который принимал всерьез сталинский лозунг непримиримой борьбы с фашизмом[26].

Ответственных работников НКИД вызывали в секретариат поздно вечером. Они приходили один за другим, ничего не ведая, встревоженные настойчивым тоном секретаря. Заведующий правовым отделом Плоткин, управляющий делами Корженко, недавно присланный из НКВД для укрепления порядка. Сотрудник спецотдела Токмаков, ведавший сугубо секретными личными делами работников наркомата. Заведующие отделом Прибалтики Баженов и отделом печати Гнедин. Этих вызвали прямо с официальных приемов.

Молотов больше отмалчивался и все время что-то писал. Литвинов тоже не вмешивался в ход допроса. Формально это называлось — сделать сообщение о работе отдела, на деле комиссия выпытывала сведения, порочащие наркома, и добивалась от допрашиваемых признания во вредительстве на ниве дипломатии. Ничего экстраординарного: если имеются вредители во всех отраслях народного хозяйства, в науке и на так называемом культурном фронте, то в наркомате иностранных дел их должно быть вдвое больше.

Картину заседания комиссии ЦК воссоздал в своих мемуарах Евгений Гнедин. Ему запомнилась молчаливая, но полная затаенной угрозы фигура Берия. Гнедин докладывал о работе своего отдела. Когда он перешел к характеристике иностранных корреспондентов, Берия встрепенулся: «Об этом мы с вами еще поговорим!»

Гнедин посетовал на скверную организацию контрпропаганды за границей. Оказывается, даже пропаганда советских достижений была поставлена плохо. Настолько плохо, что иностранные корреспонденты вынуждены были обращаться в отдел печати за сведениями обыкновенной, незасекреченной экономической статистики.

«Так вы и этим занимались!» — бросил злобно Берия.

Он уже располагал нужными показаниями о «шпионской» деятельности Гнедина.

Следующая тема оказалась еще острее: Гнедин заговорил о никчемности цензуры над сообщениями иностранных корреспондентов. Лицо Молотова надменно застыло, Маленков взглянул изумленно на смертника и усмехнулся, а Берия, вельможно откинувшись на спинку кресла, воскликнул: «Вы говорите вещи, которые не решится сказать даже член Политбюро!»[27]

Этот вечер тянулся долго, очень долго. Из кабинета наркома Гнедин поспешил на пресс-конференцию, ответил на все вопросы иност-

ранних корреспондентов, завизировал тексты их телеграмм, составил справку для комиссии ЦК. Вскоре его вызвали вторично. Литвинова он уже в кабинете не застал, остальные были на месте. Берия глядел на Гнедина сквозь стекла пенсне в упор, с откровенной неприязнью и злорадством.

Молотов отчитал Гнедина резко, грубо. Казалось, с ним все кончено. Но Гнедин оставался на своем месте еще неделю, до 10 мая. В этот день Деканозов, новый заместитель наркома иностранных дел, вызвал его к 7 часам вечера. Тот вечер стал для многих последним на воле. Действуя по плану, согласованному с Молотовым и Берия, Деканозов устроил в здании НКИД нечто вроде пересыльного пункта, откуда сотрудников препровождали на Лубянку, во внутреннюю тюрьму. Не понадобилось ни поезда, ни автомобилей даже — оба здания, НКИД и НКВД, стояли рядом. Деканозов занял кабинет Стомонякова. Борис Спиридонович накануне в ожидании ареста наложил на себя руки и скончался в тюремной больнице.

Арестованных сотрудников Наркоминдела Берия препоручил напарнику Деканозова, многоопытному Богдану Кобулову.

На первом же ночном допросе Кобулов предложил Гнедину роль крупного шпиона. В камеру его отвели под утро, но заснуть так и не дали. Вызвали вновь и в сопровождении трех конвоиров повели куда-то. В одном из конвоиров он узнал ответственного работника Верховного Суда, который наблюдал обычно за порядком на так называемых открытых процессах. Относительно должности Гнедин ошибся, это был Александр Миронов, начальник внутренней тюрьмы НКВД. Подследственного привели в кабинет Берия.

Длинный стол заседаний, на нем — ваза с апельсинами. У дальней стены огромной комнаты — письменный стол. Берия беседовал о чем-то с Кобуловым. Разговаривали по-грузински, но вот хозяин прервал беседу, и Кобулов официально доложил: «Товарищ народный комиссар, подследственный Гнедин на первом допросе вел себя дерзко, но он признал свои связи с врагами народа». Гнедин, не ожидая приглашения, заявил, что виновным себя не признает, а что касается «связей», то он лишь перечислил фамилии арестованных друзей.

Последовал сильный удар в скулу. Кобулов сидел рядом, ему было сподручно... Гнедин качнулся влево — удар помощника Кобулова привел его в первоначальное положение. Били долго, со знанием дела. Со вкусом.

«Берия сидел напротив и со спокойным любопытством наблюдал...» — вспомнит потом Гнедин.

После первой порции начался допрос. Оглушенный, разбитый, Гнедин все же не утратил стойкости духа. Он отказался признать себя

государственным изменником. По всему видно было, здесь таких клиентов не любили. Берия поднялся и приказал Гедину лечь на ковер. Тот лег на спину.

— Не так! — бросил нетерпеливо хозяин.

Арестант лег ногами к письменному столу.

— Не так!

Гнедин лег к столу головой. И вновь не угадал.

В кабинете появилось еще несколько специалистов. Берия приказал им заняться непонятливым шпионом. Гнедина раздели, перевернули и принялись бить резиновыми дубинками.

— Следов не оставлять! — приказал народный комиссар.

...Гнедин давно подозревал, что линия ЦК на исправление допущенных Ежовым ошибок, разговоры о соблюдении законности и пересмотре дел — не что иное, как очередная кампания, рассчитанная на простаков. Сталин не удосужился даже отменить пытки и побои. Ежова сняли, а новый нарком, чем он лучше?

...Больше всего отдавались удары по пяткам. Гнедин кричал, но к этому здесь, видимо, привыкли. Били до тех пор, пока сами не утомились.

Как и предполагал Евгений Александрович, Берия в те дни преследовал главную цель — получить материалы против Литвинова. Берия и Кобулов называли его «бывшего начальника» обершпионом и со злорадством сообщили, что в «том кабинете» Гнедину уж не бывать никогда.

Избитого, раздетого донага дипломата бросили в холодный карцер. Через некоторое время экзекуция в кабинете наркома повторилась. На этот раз стойкость Гнедина была вознаграждена.

«Волевой человек, вот такого бы перевербовать», — сказал с наигранной интонацией Берия.

В камеру к Гнедину бросили переодетого агента, который ловил каждый его вздох. Передышки не давали, конвейер работал круглосуточно. Его таскали из кабинета в кабинет и били, били, били. Особо свирепо истязали в кабинете Кобулова — сколько раз Гнедин терял там сознание... Может быть, его готовили к показательному процессу и лишь потому не прикончили?[28]

Технология погрома в НКИД была проста и надежна, ее испытали предшественники Берия — Лаврентию Павловичу не пришлось напрягать свой ответственный мозг. Весной тридцать девятого взяли первую в том году партию сотрудников Литвинова, выбили из них показания на остальных. Когда на Лубянку поступила вторая партия, следователи располагали уже широким ассортиментом провокацион-

ных показаний. После ареста и гибели Крестинского, главы «контрреволюционного заговора в НКИД», эту почетную должность приписали заведующему отделом печати. Арестованный ранее Е.В. Гиршфельд, советник посольства во Франции, дал соответствующие сценарию показания, и вот уже Гнедина допрашивают в новом для него качестве — руководителя антисоветского центра[29].

Пыточный конвейер надломил Гнедина, но не сломил. Однако Берия уже предвкушал победу и приказал привести его вновь. Надев маску воспитанного, интеллигентного человека, он спросил благожелательно: понял ли Гнедин наконец, что должен рассказать о своих преступлениях?

Пытаясь смягчить реакцию на свой отказ, Гнедин заявил, что до сих пор не понимает, чего от него добиваются. Берия порядком надоела эта игра, но он решил выдержать избранную роль.

— Такой философией и провокациями вы только ухудшаете свое положение[30].

Еще одна расхожая сентенция из репертуара следователей времен Генриха Ягоды.

Одним из тех, кого затравил, потом прикончил Берия, был Алексей Нейман. В 1938 году он возглавил один из западных отделов НКИД. Это был широкообразованный человек, душевный, простой в общении, многие сотрудники называли его просто Алешей...[31]

Сеть доносчиков в НКИД не Берия была создана, своих осведомителей и провокаторов Сталин насаждал в этом наркомате еще при Ягоде и Ежове. Но в 1938–1939 эта сеть проявилась очень зримо. Главным бериевским агентом был заместитель наркома В.П. Потемкин. В деле Гнедина имеется донос Потемкина на бывшего заведующего отделом печати. Он называет его немецким шпионом и с прискорбием отмечает, что Литвинов напрасно поручился за Гнедина перед Политбюро[32]. Там, наверху, тайные услуги Потемкина будут высоко оплачены: он получит пост наркома просвещения РСФСР. В знак особого доверия Сталин включит его в состав Специальной комиссии по расследованию Катынской казни в январе 1944 года. И народный комиссар Потемкин подпишет вместе с другими сановными провокаторами фальшивое коммюнике.

Активным доносчиком был Н. Малкин. Когда-то Гнедин обучал его ремеслу журналиста, продвигал по службе. В тридцать девятом ученик воздал учителю, подписав коллективное заявление, ставшее предлогом для ареста Гнедина[33].

Заведующий отделом Ф.С. Вайнберг был особенно близок с Потемкиным и с остервенением выявлял «врагов народа». На следствии

Вайнберг повторил вслед за Потемкиным злобные нападки на Литвинова. Клеветал он и на Гнедина.

Они старались, они очень старались. Но Берия не щадил и самых старательных. Вайнберг отсидел свое, после реабилитации устроился на службу в Политиздат. Там ему и место.

Внедряя своих людей во все правительственные и партийные Органы, Берия не оставлял своим вниманием творческую интеллигенцию. Под его неусыпный надзор попали писатели, поэты, художники, актеры, деятели кино. Популярного кинорежиссера Александра Довженко он пытался приручить с помощью сталинского угодника, непременного лауреата Михаила Чиаурели. Довженко поведал об этой истории новому руководителю партии Хрущеву.

Чиаурели сообщил своему коллеге о желании Берия встретиться с ним, он настаивал на этом визите. Довженко недоумевал: зачем он понадобился наркому внутренних дел?.. И не пошел на контакт. Никита Сергеевич просветил наивного режиссера, сказав, что Чиаурели пытался завербовать его как агента Берия.

Довженко выстоял и даже пережил Лаврентия Павловича. Участь другого видного деятеля культуры, Владимира Яхонтова, блестящего актера и мастера художественного слова, закончилась трагически. Не выдержав жестокого шантажа лубянских агентов, он выбросился из окна четвертого этажа своего дома.

Наталия Сац

Весной 1940 года во внутреннюю тюрьму доставили Наталию Сац, основателя Центрального детского театра. Ее взяли в тридцать седьмом, дали пять лет. Она писала из лагеря жалобы, требуя переследствия. Ее мужа, наркома внутренней торговли И.Я. Вейцера, успели казнить, но она надеялась на реабилитацию. Первым жену (вдову?) «врага народа» вызвал заместитель наркома Богдан Кобулов, потом — «беседы» с генералом Леонидом Райхманом... О встрече с самим Лаврентием Павловичем она и мечтать не смела... Поздно вечером за ней явился начальник тюрьмы полковник Миронов, и с ним — четыре конвоира. В огромном кабинете наркома вдоль стен, за двумя длинными столами, — генералы, генералы — высшее начальство.

Берия заговорил уничтожающе громко, тоном всевластного обвинителя. Левый глаз за четырехугольным пенсне презрительно прищурен:

— По заданию какой разведки вы завербовали Вейцера?

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1991 году, Наталия Ильинична пишет, что ей, до предела истощенной болезнями, голодом, стоило больших усилий сдержаться. Она поведала нарочито спо-

койным тоном о знакомстве с Вейцером и замужестве. Последовало еще два-три оскорбительных вопроса и:

— Вы не могли полюбить Вейцера, он был старше вас.

— Я не могла не полюбить Вейцера — он был лучше меня.

— Вы знаете, что Вейцер оказался большим мерзавцем?

— Нет, не знаю.

Возникла такая тишина, что, казалось, все присутствующие перестали дышать.

— Что же, вы не знаете, что он арестован?

— Что он арестован, я знаю. Но для того чтобы поверить, что человек, в кристальной честности которого вы уверены, «оказался большим мерзавцем», надо знать состав его преступления...

— Значит, вы *нам* не верите?

— Его допрашивал Ежов, сейчас он тоже в тюрьме.

— Мы говорим не о людях, а об организации, которой вы позволяете себе не верить!

Грозная интонация. Берия зашевелил пальцами правой руки. Резко переставил чернильницу.

— Муж тоже считал НКВД организацией всеведущей и непогрешимой. Но ведь я — в заключении уже больше трех лет, хотя следователь не предъявил мне ни одного факта обвинения. Моя вера поколеблена...

— Вы что же, равняете себя с Вейцером, который был признанным любимцем партии?

— Нет, я ни с кем себя не равняю, тем более с Вейцером... Но логика одна для всех. Я верю в ее силу.

И вдруг Берия после секундной паузы на высокой ноте закричал, к удивлению всех присутствующих:

— А она умна!

И низким властным голосом повелел в телефонную трубку:

— Возьмите Сац!

Сколько таких мини-спектаклей видели безмолвные стены этого кабинета, уподобленного театральному залу? Вспомним вербовку Адика, сына Якова Свердлова. Тогда, в тридцать восьмом, замнаркома Берия в окружении вальяжных подручных в телефонном разговоре с Вождем определил вчерашнего подследственного в штат тайной полиции.

...Потом — «беседы» с Евгением Гнединым, которого не сломили жестокие пытки. Как верно заметила Сац, Берия не сомневался в честности ее супруга. Знал лубянский лицедей, что и Гнедин искренне предан этому режиму, но — «вот такого бы перевербовать!».

А в чем должен был признаваться Ежов? В том, что не успел охватить репрессиями всех подданных новой империи?

Бросается в глаза густопсовый цинизм товарища Лаврентия. Разыгрывая перед своими жертвами и лубянскими подмастерьями роль Диктатора, Берия всегда ощущал незримое присутствие Сталина, он точно знал, *как* услужить Хозяину.

В те годы родился анекдот, в котором взаимодействие нечистой пары отразилось цирковой репризой.

...У Сталина пропала трубка. Берия начал расследование. К вечеру арестовали сто подозреваемых, а утром уборщица трубку нашла. Сталин звонит Берия:

— Лаврентий, моя трубка нашлась.

— Очень хорошо, товарищ Сталин, но у меня уже все признались, за исключением одного.

— За исключением одного?! Продолжайте расследование.

Всеволод Мейерхольд

Затеяв вместе с Берия игру в оттепель, генсек опасался, что народ поймет его неправильно и некоторые граждане, из особо неустойчивых, выйдут из повиновения. А ведь товарищ Сталин вполне искренне желал бы прекратить репрессии, и если бы не происки врагов...

Доказательства? Взять хотя бы шпионское гнездо в Наркомате иностранных дел. Однако состряпать с помощью Лаврентия Павловича и его подручного Богдана Кобулова открытый судебный процесс над дипломатами не удалось. Тогда Вождь обратил свой взор, в который раз, на творческую интеллигенцию. Его гордость — Союз советских писателей под угрозой. В эту когорту железных графоманов проникли диверсанты, они собираются взорвать ее изнутри. Михаил Кольцов, Исаак Бабель, Борис Пастернак, Юрий Олеша, Илья Эренбург, Валентин Стенич...

К ним примкнули такие деятели музыки, кино, театра, как Дмитрий Шостакович, Сергей Эйзенштейн, Алексей Дикий, Всеволод Мейерхольд... Впрочем, не важно, кто к кому примкнул, важно установить их связь с Троцким. «Вот кто разлагает мои творческие союзы. Пока мы им безответственно аплодировали, они создали целую троцкистскую организацию». Собирателем антисоветских сил оказался Мейерхольд.

Сталин боялся само́го революционного духа, заложенного в этом гении режиссуры. Ведь он вершил революцию на сцене задолго до семнадцатого года. Слава его как Вождя нового театра перешагнула границы родины. Весьма нескромно. Да, и еще одно досадное свой-

ство этого деятеля — умение проникнуть в самую сердцевину человека (исполнителя) и образа (царя или Вождя).

Мейерхольд знал, что король гол...

В доме режиссера постоянно собирались деятели культуры, бывали иностранные гости. Слежка за Мейерхольдом началась еще в годы двадцатые, при Ягоде, продолжалась при Ежове, от него эстафету принял Берия. Первый тяжкий удар Мейерхольд перенес в тридцать седьмом, после разгромной статьи Керженцева в «Правде» 17 декабря. По указке Хозяина газеты устроили очередной политический шабаш: «Такой театр не нужен советскому зрителю», «Разоблаченный пустоцвет», «Путь ошибок», «Мертвая система», «Мейерхольдовщине не место в советском искусстве»...

Вскоре первого исполнителя погрома, Керженцева, сместят с поста председателя Комитета по делам искусств: его очернит Жданов — грубо, цинично, в сталинском духе. Старший надзиратель по вопросам идеологии обвинит старого большевика в либерализме, в потворстве мейерхольдовскому «трюкачеству». На сей счет Жданов получил соответствующее указание. Жданова поддержит ассистент Лаврентия Павловича Багиров, выступивший в роли народного депутата. Запланированную точку поставит председатель Совнаркома Молотов.

Эту сцену ансамбль присяжных провокаторов разыграет на очередной сессии Верховного Совета СССР[34].

В январе 1938 Мейерхольда лишили театра, и тогда же у Сталина созрело решение арестовать режиссера. Об этом свидетельствует К.Л. Зелинский — со слов секретаря правления ССП Александра Фадеева. Тот имел неосторожность положительно отозваться о деятельности Мейерхольда, и генсек вызвал его к себе. Сталин дал ему ознакомиться с показаниями арестованных М. Кольцова и командарма 2 ранга И.Белова. Оказывается, Мейерхольд был агентом иностранной разведки... И Сталин сообщил Фадееву — разумеется, конфиденциально — о намерении арестовать режиссера-шпиона[35].

Показаний о троцкистских связях Мейерхольда требовали и от его ученика Л. Варпаховского, арестованного вслед за его женой, пианисткой[36].

Арест Мейерхольда последовал 21 июня 1939 года, вскоре после выступлений Всеволода Эмильевича на первой Всесоюзной конференции режиссеров. Вышинский, ставший невольным свидетелем оваций в честь Мейерхольда, донес об этом в искаженном виде генсеку. И замкнул смертное кольцо[37].

Сохранилось постановление об аресте с визой наркома, комиссара ГБ 1 ранга Л. Берия — специальным синим расстрельным карандашом: «Утверждаю»[38].

Перед этой директивной визой стоит другая, младшего по чину начальника, следственной части НКВД комиссара 3 ранга Кобулова: «Согласен». В его кабинете проходили первые допросы.

«Клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам… меня били по лицу размахами с высоты». Это — из письма Мейерхольда Молотову. В памяти несчастного остался еще один «допрос», спустя три недели: «Когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били жгутом, и боль была такая, что казалось, что… на эти места лили крутой кипяток. Я кричал и плакал от боли»[39].

Знакомые, слишком знакомые детали: вспомним допросы Раисы Штены — в Тбилиси, в тридцать седьмом, и Евгения Гнедина — на Лубянке, в этом же кабинете Кобулова, на этом же ковре. И еще одна деталь бериевской следственной технологии — применение химических препаратов. Не случайно Мейерхольд жаловался прокурору: «На допросе 9 ноября 1939 года я опять потерял власть над собой, мое сознание опять было затуманено. Меня охватила истерическая дрожь, и я проливал потоки слез»[40].

Не станем поэтому удивляться чудовищным показаниям истязаемого. Он оговорил самого себя и дал искомые показания на своих соратников, друзей, знакомых. В деле «троцкиста» и «шпиона» Мейерхольда фигурировали имена Эренбурга и Бабеля, Михоэлса и Кольцова, Пастернака и Олеши, Гарина и Дикого, Иванова, Кирсанова, Федина, Сейфулиной…

Берия по заведенному на Лубянке обычаю готовил материалы впрок, предугадывая очередные капризы Хозяина. Дабы придать новому показательному процессу политический размах, следователи вписали в это дело Троцкого, Каменева, Рыкова, Бухарина, Радека и еще раз Троцкого… Не обошлось без заграничных персонажей, ни в чем не повинных японца Иошиды и американца Грея.

Создавая эту нелепую конструкцию, Сталин вместе с Берия и лубянскими сказителями еще раз явили миру образец политической фантазии. Но им поверили. А те, что не поддались обману, молчали, придавленные страхом.

Опасаясь преждевременной смерти главного обвиняемого, Берия поместил его в тюремную больницу, сменил следователя. К тому времени, в конце октября, подоспело обвинительное заключение, пора знакомиться с делом — в соответствии со статьей 206 УПК. Все по закону, так же как появление военного прокурора Белкина. Но и этот статист назначен с недоброй целью: вместе со следователем Шибко-

вым они вымогают у подследственного подтверждение прежних показаний.

Мейерхольда перевели уже в Бутырскую тюрьму, он начал приходить в себя и обратился с протестом к Прокурору Союза: для ознакомления с делом ему дали ничтожно мало времени и, применив психическую атаку, исказили ответы, вновь подвели под самооговор и клевету на невинных людей. Мейерхольд категорически отказался от ложных показаний, он сообщил о невыносимых пытках.

...Бумаги принимают, приняли даже письма Молотову и самому товарищу Берия. Наконец узнику засветила надежда.

24 января 1940 года исполняющий обязанности главного военного прокурора Афанасьев утвердил обвинительное заключение, которое осталось без всяких изменений — таким же, как три месяца назад. Занятное игрище учинили функционеры смерти на потеху Папе Малому и Папе Большому.

Отправляя материалы в Военную коллегию, прокурор предписал провести слушание дела в соответствии с законом от 1 декабря 1934 года. Как известно, этот закон, принятый тотчас после убийства Кирова, предусматривал для особо опасных политических преступников смертную казнь — без права обжалования приговора. Прокурорская отметка была сделана условным *синим* карандашом[41].

Судебный фарс, разыгранный 1 февраля в исполнении облаченного в мундир армвоенюриста Ульриха, был, как обычно, скоротечен — Мейерхольд не признал себя виновным, он взывал к закону и к разуму власти.

Отказался от ложных показаний и другой обвиняемый, Иошида... Японский коммунист покинул родину, где его дважды бросали в тюрьму, он связался в Москве со шпионом Мейерхольдом, «кадровым троцкистом» (что за птичьи мозги породили сей ярлык?). Вместе планировали акты диверсий, террора. Коммунист оговорил коммуниста: якобы они решили убить главного коммуниста — в ложе, во время спектакля.

Театр абсурда? Нет, тогда это было повседневной реальностью.

Мейерхольда казнили на другой день после судебного заседания.

Царская охранка полагала пребывание мятежного режиссера в Петербурге опасным для трона. Однако Мейерхольд был принят на императорскую сцену и вместе с художником Головиным создал шедевры театрального искусства. Сталинская охранка действовала иначе. Всемирно известный режиссер Гордон Крэг писал по поводу гонений на Всеволода Мейерхольда, чей гений высоко ценил: «Крысы не могут навредить Мейерхольду. Даже если они станут причиной его смерти»[42].

Пришел день, история назвала всех крыс поименно. Тех, кто сожрал Зинаиду Райх, — тоже.

...Ее зарезали в тот самый день, когда супруга истязали в Лубянском застенке. Бериевская служба дезинформации поспешила распространить слух о налете случайных уголовников.

По тому же сценарию спустя десять лет свершится убийство другого замечательного актера и режиссера, Соломона Михоэлса, потом — Константина Богатырева. Неугодного властям поэта и переводчика «уберут» уже при Брежневе.

Преемственность...

Зинаида Райх давно досаждала Сталину. Искрометный талант, красота актрисы, верность опальному режиссеру, независимый ум — можно лишь удивляться долготерпению Диктатора. Она к тому же осмелилась не раз обращаться к нему лично, одно из писем было на одиннадцати страницах. Рассказывают — рассказ этот вполне достоверен, — что в минуту досады Зинаида Николаевна заметила:

— Если Сталин ничего не понимает в искусстве, пусть обратится к Всеволоду Эмильевичу...

Такое и Папа Малый никому не прощал: вспомним гибель незабвенного Сандро Ахметели.

...Квартира Мейерхольда давно уже приглянулась Лаврентию Павловичу. Экономку, пожилую женщину, переселили в тюрьму, библиотеку, собрание бесценных книг, приказали срочно убрать, вещи растащили по дачам лубянские мародеры рангом пониже.

В свое время Мейерхольд приобрел в этом доме в Брюсовском переулке, в кооперативе, две смежные квартиры. Берия, разделив их вновь, презентовал одну своей любовнице, другую — личному шоферу — охраннику.

Ныне на доме, где последние годы жил великий режиссер, установлена мемориальная доска, и там открыт музей. Это стоило многолетних хлопот столичным властям: бериевские наследники в квартире Мейерхольда устроили уголок славы лубянского благодетеля и никак не желали переезжать в другой район.

После войны, в 1948 году, судьбу Мейерхольда разделил Соломон Михоэлс. Его убили в Минске при обстоятельствах, которые не относятся к случайным. Следующим на очереди должен был стать Николай Акимов, режиссер и художник ленинградского Театра комедии. Во время московских гастролей этого театра Сталин побывал на одном спектакле и, не досмотрев до конца, покинул ложу. Наутро в газетах появилась разгромная рецензия. Акимова тотчас изгнали из

родного театра, расторгли все договоры на постановку и художественное оформление новых спектаклей, запретили публикацию его статей.

На этом сталинский гнев почему-то иссяк…

Футбольный меценат

В предвоенные годы любители хоккея с мячом приезжали на матчи первенства Москвы на Патриаршие пруды. Этот каток удостоивал своим посещением сам Берия, благо от его особняка до места состязаний было минут десять ходьбы. В тот зимний день 1939 года он, как всегда, пришел с охраной и компанией приближенных. За команду «Спартака» выступал Николай Старостин. В перерыве Лаврентий Павлович подозвал его и представил своей свите: «Это тот самый Старостин, который однажды в Тифлисе убежал от меня».

Николай не забыл этого эпизода пятнадцатилетней давности. Футбольный матч сборной Москвы со сборной столицы Грузии на тифлисском стадионе «Динамо». Стадион вскоре нарекли именем Лаврентия Берия, а пока всесильный покровитель выступает в скромной роли левого полузащитника, восполняя отсутствие мастерства откровенной грубостью. Правому крайнему «Спартака» Николаю Старостину удавалось довольно легко обводить грузинского чекиста. Во втором тайме Старостин действительно «убежал» от него и забил свой гол.

И вот эта встреча на Патриарших прудах с новым шефом Лубянки. «Видите, Николай, какая любопытная штука жизнь, — начал Берия. — Вы еще в форме, а я больше не гожусь для спортивных подвигов. — И, посмотрев Старостину прямо в глаза, добавил: — Правда, теперь вы едва ли сможете убежать от меня далеко…» — Все вокруг услужливо рассмеялись.

А в недрах тайного ведомства опытные сценаристы уже приступили к сочинению «дела братьев Старостиных». Старшему была определена роль главаря группы террористов.

Неприязнь Берия к футболистам «Спартака», угрожавшим монополии команды «Динамо», перешла в лютую ненависть после памятного выступления спартаковцев на Красной площади в 1936 году. Сам товарищ Сталин лично наблюдал за этим спортивным спектаклем целый тайм… В следующем году — сенсационная победа команды Старостиных над непробиваемыми басками. И — награды: два ордена Ленина — команде «Спартака» и лично Николаю. «Динамо» наградили одним.

Новый год — новые блистательные выступления спартаковцев. Но самое обидное для Лаврентия Павловича произошло в году трид-

цать девятом. «Спартак» выиграл в Тбилиси у местного «Динамо» полуфинальный матч на Кубок СССР. И победил в финале ленинградскую «Зарю». Дальнейшее по своей уникальности могло бы украсить Книгу рекордов Гиннесса. Николая Старостина вызвали в Центральный Комитет Коммунистической партии и предложили *переиграть* полуфинальный матч, то есть уступить футболистам «Динамо», а уж «Заря» в повторном финале не откажет в гостеприимстве команде Берия. И все это свершится согласно предписанию товарищей Жданова и секретаря МГК Щербакова. Старостину запомнилось магическое «Есть *мнение*». Однако на сей раз партийные бонзы не взяли в расчет наивность спартаковцев. Они забили в ворота тбилисского «Динамо» три безответных мяча. Берия, наблюдавший ход переигровки из правительственной ложи, в ярости отбросил свой стул в угол...

Сановный болельщик «Динамо» решил отыграться на своем *тайном* поле. Заготовил вместе с генеральным прокурором Вышинским ордера на арест непокорных мастеров кожаного мяча, всенародных любимцев. Дело за малым — за визой Молотова. Но председатель Совнаркома отказал. То ли заручился высочайшим мнением, то ли подействовали ходатайства неких влиятельных лиц...

Реванш Берия взял через три года, в сорок втором, военном. В ночь на 21 марта во внутреннюю тюрьму НКВД привезли Николая, Андрея и Петра Старостиных, затем мужей их сестер. К ним присоединили всех близких друзей и лучших игроков московского «Спартака» Евгения Архангельского и Станислава Леуту... Четвертого брата Старостиных, Александра, доставили чуть позднее из армии, где он тогда служил.

...Следствие, построенное на зыбучем песке, напоминало бездарно слепленный фарс. Когда обвинения в терроризме рассыпались, лубянские сказочники вытащили на свет пропавший вагон мануфактуры. Очень скоро вагон отыскался. Что дальше делать? Последовала команда: клеить прославленным футболистам «пропаганду нравов буржуазного спорта»...

Впервые подобное обвинение прозвучало в печати три года назад: «О насаждении в обществе «Спартак» буржуазных нравов». Упомянутые в статье Старостины обратились к секретарю ЦК комсомола Александру Косареву, создателю и опекуну этого спортивного общества. Тот потревожил члена Политбюро, и вскоре «Известия» сообщили, что «дело братьев Старостиных» прекращено. Военное время не позволило довести дело до желаемого конца.

Судебный спектакль был сыгран на уровне следственного балагана. Роль зрителей, представителей пресловутой общественности, поручена сотрудникам НКВД и специально отобранным курсантам военной академии. Среди подсудимых — популярный мастер Евгений Захарович Архангельский. Есть на свете такие люди — *игроки*. Они живут в постоянной готовности играть в карты, шашки и поддавки, домино... Если Женя не играл на бильярде или в пресс-лото, то делал денежные ставки по любому поводу: считал удары, очки, голы или угадывал номера трехрублевых купюр. Не было во всей Москве азартнее игрока.

...Председатель суда зачитывает обвинительное заключение. Подсудимые слушают с деланным вниманием абсурдный монолог стоя. И тут администратор команды, истощенный восьмимесячным следственным конвейером, теряет сознание и падает через барьер. Председатель поперхнулся, все притихли, и в этой гнетущей тишине отчетливо прозвучала реплика Архангельского: «Пять очков!» Так в бильярде штрафуют перелетевший через борт шар. Подсудимые взорвались хохотом, смех объединил всех участников действа — «врагов народа» и его «друзей», жертв и экзекуторов. Остановить смеющихся на скамье и в креслах, запретить обвал было невозможно. Пришлось объявить антракт.

Спектакль изобиловал нелепыми сценами, провалами, но лубянская Фемида, как всегда, устояла, хотя все сознавали, сколь странные роли определил им Режиссер.

...Последовал приговор, к счастью, не расстрельный. Десятилетний лагерный маршрут Николая пролег через Ухту — Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре — Ульяновск — Акмолинск — Алма-Ата. Остальных братьев веером разбросали по стране: Андрея — в Норильск, Петра — в Соликамск, Александра — на Воркуту. Там мне, арестанту военной поры, довелось с ним встречаться. Лагерные власти относились к Александру Старостину с уважением, других братьев тоже не обижали. Каждый начальник стремился блеснуть не только крепостным театром, но и своей фирменной футбольной командой. В Норильске Андрею Петровичу доверили местную команду, под его водительством она выиграла Кубок Красноярского края. «Футбол спас мне жизнь», — заключает свои мемуары Николай Старостин.

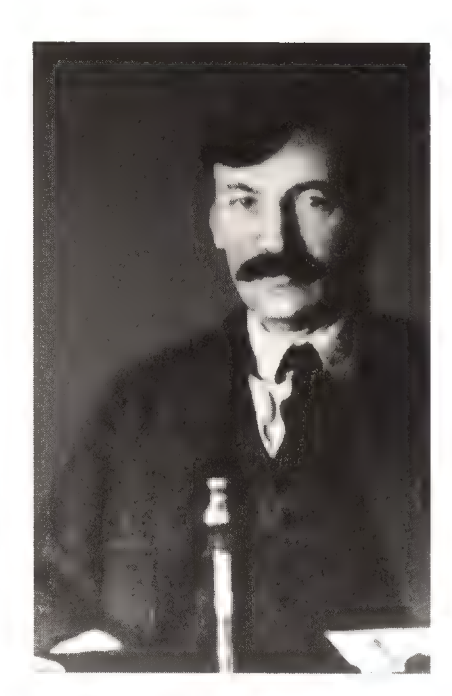
Срок изоляции закончился в 1949 году, но братья остались в ссылке. Василий, сын Сталина, ходатайствовал о возвращении Старостиных в Москву, однако Берия был неумолим. Лишь в пятьдесят четвертом они вернулись домой.

Берия Л. П.
1953 г.

Дзержинский Ф. Э.
1919 г.

Менжинский В. Р.

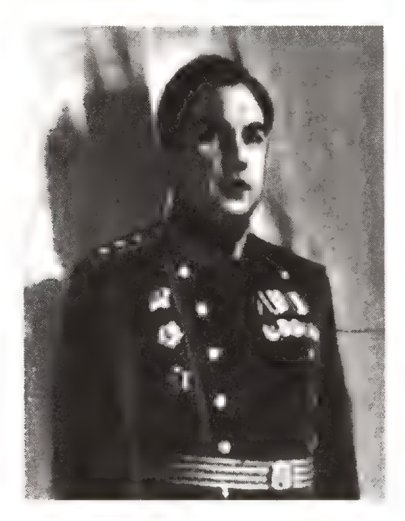
Г. Г. Ягода
1934 г.

Н. И. Ежов

С. Д. Игнатьев

В. С. Абакумов

С. И. Круглов

И. А. Серов

В. Н. Меркулов

В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов,
Л. П. Берия, И. В. Сталин

2-я сессия Верховного Совета СССР
первого созыва. 1938 г.
1-й ряд — Шкирятов, Берия, Хрущев, Сталин
2-й ряд — Жданов, Маленков

М. И. Калинин вручает Л. П. Берия еще один орден Ленина

Г. М. Маленков, Л. П. Берия

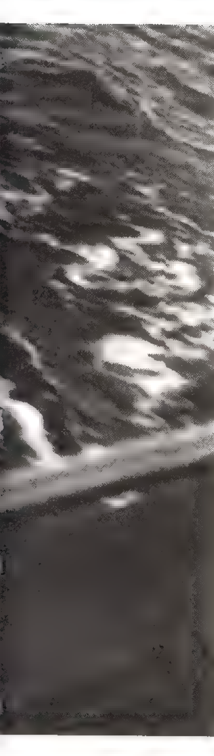

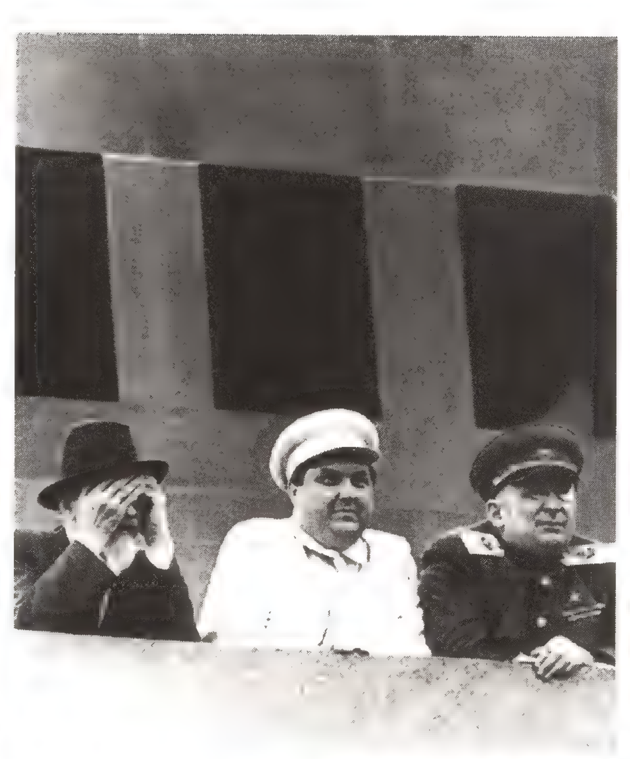
Молотов, Сталин, Берия, Маленков на трибуне Мавзолея

Друзья на прогулке

Сталин, Берия,
Микоян, Маленков.
Соблюдая субординацию.
1947 г.

Калинин,
Маленков,
Берия

БЕРИЯ В ГРУППЕ...

**Берия, Ежов, Микоян, Молотов, Калинин,
Сталин, Ворошилов в группе делегатов.
Слева вверху Петровский, Багиров.
Ежов уже обречен...
1938 г.**

Б. Д. Берман

М. Д. Берман

Н. С. Власик

Л. Е. Влодзимирский

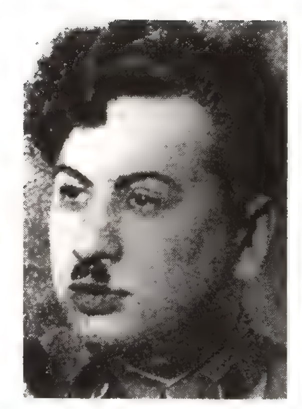
И. И. Долгих

С. Б. Жуковский

В. М. Курский

Г. С. Люшков

М. М. Мальцев

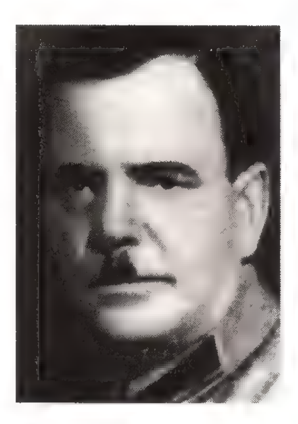
Л. Г. Миронов

Г. А. Молчанов

С. Р. Мильштейн

И. Ф. Никишов

С. И. Огольцов

Г. Е. Прокофьев

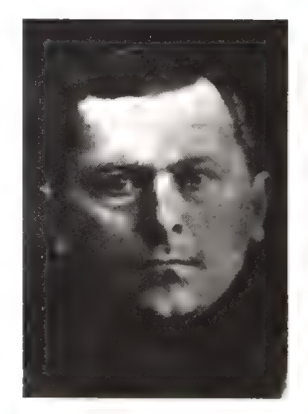
Л. Ф. Райхман

П. А. Судоплатов

М. П. Фриновский

А. И. Успенский

А. П. Завенягин

В. В. Чернышов

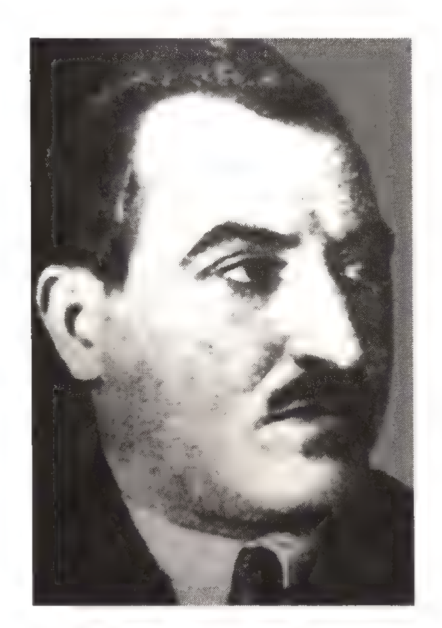
В. Н. Деканозов (слева)

Н. И. Эйтингон

Л. М. Заковский, А. А. Жданов

Л. Ф. Цапава

Н. М. Рухадзе

Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, М. Д. Багиров

М. Д. Багиров, Л. П. Берия на партийных занятиях. 1934 г.

С. Ф. Реденс

Б. З. Кобулов

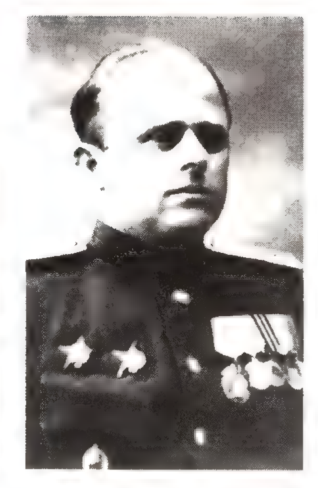

С. А. Гоглидзе

СЛЕДОВАТЕЛИ

А. И. Лангфанг

Б. В. Родос

Б. В. Рюмин

А. Я. Свердлов

СЛЕДОВАТЕЛИ

И. И. Шнейдерман

Шапиро-Домховский

И. А. Чоклин

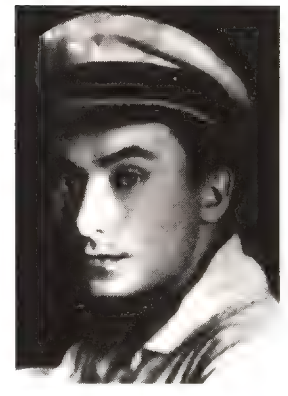
Я. С. Перельмутр

Г. Я. Рапопорт

М. И. Мигберт

В. Р. Домбровский

Изольда Дойчер

А. А. Голуб

Д. Д. Фигур

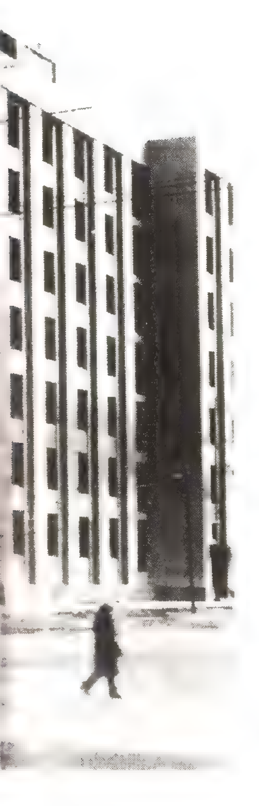
Софья Гертиер

А. Т. Рыбин

У КОНВЕЙЕРА СМЕРТИ

**Знаменитый «Серый дом».
Ленинградский филиал Лубянки.**

А. Я. Вышинский

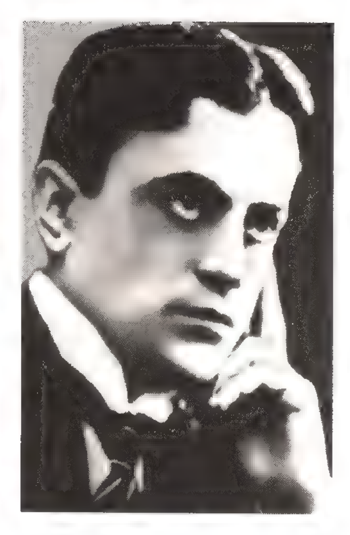

**В. В. Ульрих.
Председатель Военной коллегии
Верховного суда**

Татьяна Окуневская

Сандро Ахметелли

Кетеван Орахелашвили-Микеладзе

Евгений Микеладзе

Н. А. Лакоба с семьей

Арам Иванян с сыном Юрием

И. В. Курчатов

Д. В. Скобельцын

Леонид Квасников

Роберт Оппенгеймер

Руководители и участники операции по устранению Л. Берия

Маршал П. Ф. Батицкий

Маршал К. С. Москаленко

В. Юферов

Центральный ансамбль НКВД

Московский литератор и художник Михаил Давыдович Вольпин после отбытия лагерного срока поселился в 1937 году в Вышнем Волочке вместе с другим ссыльным сценаристом Николаем Робертовичем Эрдманом. Всего триста километров отделяло их от столицы, но визит в Москву бывших врагов народа мог обернуться тюрьмой. Предписанный властями режим друзья не нарушали, поэтому внезапный вызов в НКВД их весьма озадачил.

В Москве литераторов встретил кинорежиссер Сергей Юткевич. Осенью 1939 Лаврентий Павлович приказал создать при НКВД эстрадный ансамбль. И возникло нечто грандиозное, многожанровое, с привлечением самых именитых специалистов. Постановщиками программы стали режиссеры Сергей Юткевич и Рубен Симонов. Художественное оформление Берия поручил не кому-нибудь, а Петру Вильямсу, прославленному автору декораций Большого театра, хор — всемирно известному Александру Свешникову. Асаф Мессерер заведовал танцевальным цехом. Ему ассистировал балетмейстер Касьян Голейзовский. Популярный гитарист Иванов-Крамской вел оркестр народных инструментов, симфоническим оркестром дирижировал Михаил Бак. Театральную группу возглавил корифей Московского Художественного театра Михаил Тарханов, художественным руководителем Берия назначил композитора Зиновия Дунаевского. Музыку для ансамбля НКВД сочинял Дмитрий Шостакович. В штате ансамбля числился комиссар, а также строевой лейтенант, которому участники подчинялись в качестве рядовых солдат.

В угоду Папе Малому и Папе Большому в программу были включены грузинские танцы. Их ставили специально приглашенные из Тбилиси хореографы. Столь мощно укомплектованный ансамбль оказался сильным творческим коллективом. Из него вышла целая плеяда замечательных деятелей культуры и искусства: дирижер Юрий Силантьев, композитор Карен Хачатурян, певец Иван Шмелев, кинодраматург Даниил Храбровицкий...

Взяв на себя почетную роль культуртрегера, Лаврентий Павлович решил во что бы то ни стало превзойти знаменитый ансамбль песни и пляски Красной Армии. Да и что такое армия в сравнении с Органами кары и сыска?

Было еще одно обстоятельство, разжигавшее его амбиции. 21 декабря 1939 Хозяину исполнялось 60 лет, и к этой всемирно-исторической дате Берия должен выдать в Кремле свой концерт. Сценарий представления был уже готов, его написал Константин Финн, можно было приступать к репетициям. Но Юткевич сомневался в достоин-

ствах опуса писателя Фина: эстрада все же не его специальность. Вызванные срочно в Москву Вольпин и Эрдман взялись составить новый сценарий. Их поселили в пустовавшей квартире заместителя наркома, многокомнатной, роскошно обставленной. И дали временную, на десять дней, прописку в столице.

Меж тем ноябрь подходил к концу. Начальство торопило, заведующий литературной частью Иван Добровольский не отходил от сценаристов. Готовые страницы сразу шли в дело. Через две недели, как только авторы завершили пожарный аврал, их отправили в Вышний Волочек.

Начальником ансамбля Берия поставил Бориса Тимофеева, человека серого, малограмотного, но исполнительного. Позднее ему будет присвоено звание полковника. Раньше он работал полотером, и жест ноги у него перешел в руку. Когда он хотел придать своим словам особый вес, махал рукой справа налево, будто пол натирал, и в заключение вырывал из носа волосок.

Репетиции ансамбля проходили в клубе НКВД, мрачном здании с цокольным этажом, облицованным черным гранитом. Интерьеры украшали бюсты Сталина — шесть мраморных портретов, исполненных придворными скульпторами в стиле поздней Римской империи.

Однажды начальник вызвал всех к себе в кабинет — он помещался на втором этаже — для очередного инструктажа. Раздался звонок...

— Тимофеев у телефона. Да, Лаврентий Павлович. Слушаюсь! Да. Да. Будет исполнено. Есть.

Он бережно положил трубку на место, оглядел свое войско, сел в кресло и медленно, растягивая слова, произнес:

— Ну а теперь по-го-во-рим...

Подобные сцены повторялись не раз. Кто-то заметил, как будущий полковник во время этих «переговоров» манипулировал рукой под столом — отключал телефон...

И все же ансамблю повезло. Начальник оказался человеком незлобивым, порой даже заботливым. В конце 1941, когда немецкие армии подошли к столице, он помог эвакуировать из Москвы семьи участников ансамбля. Узнав, что Вольпин и Эрдман угодили на фронт, разыскал их там, обеспечил бронью и работой.

...Когда до выступления в Кремле оставалось не более недели, начальник вызвал всех к себе.

— Имеется важное задание: создать песню о железном наркоме. Задание срочное, ответственное. Чтоб тексток и мотивчик сами в ушко ложились.

Сказал и выдернул из носа волосок.

— Ну, у кого какие предложения?

Все переглянулись, наступила тишина. Внезапно поднимается писарь:

— Товарищ начальник, есть и textсток, и мотивчик.

— Ну что ж, давай.

Шею Бучинского украшал целлулоидный воротничок, тогда носили такие. Вытер тряпочкой и — чистый опять. Писарь расстегнул свой воротничок, напрягся так, что шея налилась кровью, и запел:

Цветок душистый прерий,
Лаврентий Палыч Берья-а-а...

Все оцепенели. Тимофеев вскочил, подбежал к двери, распахнул ее, выглянул, захлопнул, вернулся на середину кабинета, опять кинулся к двери, снова распахнул, закрыл, повернулся к подчиненным и тихо сказал:

— А ну... брысь... брысь все... отсюда!

Кабинет мгновенно опустел, люди собрались на железной винтовой лестнице. Смеяться нельзя, да и кто в такой ситуации осмелился бы улыбнуться... Эрдман повернулся к писарю:

— Т-ты ш-ш-то, с-с-у-ма сошел, ш-што ли?

— Ребята, вы меня извините, я с утра поправился немного... У меня весь день в голове крутится: «Берия-прерия, прерия-Берия, Берия-прерия»...

Подошло время генеральной репетиции. В последний момент стало известно, что программу концерта будет принимать сам Лаврентий Павлович. Начальник приказал уложить выступление в 30 минут. Многое зависело от конферансье. Их было двое — Юрий Петрович Любимов, ставший впоследствии руководителем театра на Таганке, и Князев.

В этот день в зал никого не впускали. Начальник метался по сцене, Зёня (так звали Зиновия Дунаевского) стоял наготове перед хором, томление дошло до предела. Начальник подозвал конферансье:

— Любимов, ко мне!

— Есть!

— Программу будешь вести строго академически. С хохмами.

— Есть!

Через минуту Тимофеев передумал:

— Любимов!

— Есть!

— Будешь вести строго: вышел, объявил номер и по-солдатски четко ушел.

— Есть!

В зрительный зал вели шесть дверей — по две справа и слева и две — сзади, напротив сцены. Внезапно двери распахнулись — все одновременно, — появились *мальчики* в одинаковых демисезонных пальто, с поднятыми воротниками, руки в карманах, и встали у дверей. Еще несколько томительных минут — и входит человек, в таком же пальто, с поднятым воротником, руки в карманах. Под кепи, надвинутом на самые брови, сверкает пенсне. Человек прошел до середины зала, сел в крайнее кресло, развалился и гаркнул: «Начинайте!»

Зёня взмахнул рукой — и все завертелось, замелькало, закружилось...

...Прошел последний номер, настала тишина. Раздался тот же гортанный голос:

— В Кремль поедет песня о Вожде. Вторая — песня обо *мне*. Третий номер — грузинский танец. И последним поедет молдавский танец. Там так красиво юбки развеваются. Хорошо поставлено. Все!

Берия поднялся и вышел. Исчезли мальчики, закрылись двери. Начальник поднялся на сцену, выдержал торжественную паузу:

— Вот это стиль! Учиться надо!

1953 год, конец июня. Москва еще не знает об аресте Берия. Газеты, радио молчат, но кое-кто уже пронюхал о случившемся. В шесть утра бывшего писаря Центрального ансамбля НКВД разбудил телефонный звонок.

— Товарищ Бучинский?

— Да...

— Вы помните свою службу в ансамбле НКВД и тот случай, когда вы предложили полковнику песню о товарище Берия: «Цветок душистый прерий»?

— Помню...

— А цветочек-то взяли и *посадили*[43].

Кроме Центрального ансамбля в системе НКВД, вскоре начали функционировать другие эстрадные коллективы. В постоянных заботах о поголовье лагерной рабсилы Берия не забывал о досуге охранников, вольнонаемных специалистов и уполномоченных оперчекистских отделов. По нарядам ГУЛАГа мобильные эстрадные ансамбли выезжали в отдаленные города и поселки Зоны Малой. На одном из концертов мне посчастливилось побывать в 1947 году в поселке при станции Хановей, в двадцати километрах к югу от Воркуты. В ту пору я, заключенный, пользовался пропуском бесконвойного передвижения и сумел проникнуть в зрительный зал клуба. Концерт мне понравился, артисты ансамбля оказались на профессиональной высоте. Ведущие отнеслись ко мне доброжелательно, разрешив записать весь конферанс.

Берия и КОСОС

Первомайский парад 1940 года выдался особым. В безоблачном небе появились какие-то точки, они быстро росли, приближаясь со стороны Белорусского вокзала к Красной площади. А ниже, обгоняя эти самолеты, промчался вихрь — серебристая машина с фюзеляжем сигарообразной формы. Владимир Петляков, создатель этого чудо-самолета, наблюдал парад из «обезьянника» — прогулочного двора, устроенного для заключенных конструкторов на крыше восьмиэтажного здания близ Яузы. В этот час в «обезьяннике» собрались Андрей Туполев, Леонид Кербель, Владимир Мясищев и Петляков с помощниками. Их судьба — в руках, нет, в лапах стаи горилл, занявших элитный «обезьянник» на Мавзолее. Самодовольные, тупые морды, напускное величие мелких торгашей... Рядом с вожаком в опереточной шинели — его верный спутник. Он моложе усатого предводителя и, чтобы стать похожим на человека, украсил свой нос старомодным пенсне.

А начиналось все с ареста Туполева 21 октября 1937 года. Прославленного авиаконструктора обвинили в продаже Мессершмитту чертежей нового боевого самолета, получившего в Германии марку «Ме-110». Слух о предателе прошел по всей стране, об этом позаботился соответствующий отдел НКВД.

Туполева направили в Конструкторский отдел опытного самолетостроения, в то самое здание КОСОС с «обезьянником» на крыше. Вскоре там собралось до полутораста арестованных конструкторов — инженеров и теоретиков трех ведущих КБ страны. Некоторые вернулись сюда, на Яузу, хлебнув уже лагерного горя. Нормальное питание и сравнительно сносный режим показались им раем. Боязнь очутиться вновь в истребительных лагерях заставляла работать неистово, на износ. Как свидетельствует Кербель, заключенные занимали три верхних этажа здания с зарешеченными изнутри окнами. Камуфляж.

Зекам разрешалось читать газеты, книги, которые поступали из библиотеки Бутырской тюрьмы. Какие чувства испытывали конструкторы, раскрывая книги со штампом «Из книг Н. Бухарина», «Из книг Я. Рудзутака»?.. Прогулочный двор, клетка-«обезьянник» на крыше, был обнесен с боков и накрыт сверху массивными решетками. Нижние этажи КОСОС были отданы так называемым вольнонаемным, техническому персоналу. Всякое перемещение, уход в отпуск или на пенсию санкционировал арестант-руководитель.

Такого рода «фирмы», или «шараги», НКВД — приметы сказочной эпохи — были основаны перед войной в разных регионах страны.

КОСОС представлял собой настоящий мозговой центр в клетке. Каких только людей принудительно не собирали в «фирме»... Кто-то потом подсчитал: шесть будущих академиков и членов-корреспондентов, 12 докторов наук и профессоров, семнадцать главных конструкторов, директора и главные инженеры авиазаводов, ведущие специалисты, герои, лауреаты...

Бок о бок жили и трудились здесь и не «чистые» авиационники: физик Карл Сциллард — дальний родственник другого знаменитого физика Лео Сцилларда, Лев Термен — автор «Терменвокса» и прочих музыкальных фокусов, математик и физик Юлий Румер, автор фундаментального курса теоретической механики, Александр Некрасов. Будучи в США, Некрасов попал под машину. Вернувшись на родину инвалидом, получил десять лет как американский шпион.

Оказался среди них и доставленный с Колымы Сергей Королев, будущий кузнец советских космических успехов, выдающийся ученый и конструктор. Чудо, как отыскали его в лагере за тысячи километров от Москвы. Человек с короткой шеей, покатыми плечами и жестким взглядом темных глаз не испытывал большого оптимизма относительно пребывания на «фирме». «Хлопнут нас всех, братцы, без некрологов», — однажды обронил он. Следователь, который вел дело, говорил Королеву: «Нашей стране ваша пиротехника не требуется. Ракеты — не для покушения ли на Вождя?»

По части дебильности охранники явно превосходили бериевских следователей. Ради безопасности они, сопровождая конструкторов на авиазаводы, решительно сокращали время пребывания зеков в цехах. Множились ошибки, переделки, уходило драгоценное время...

Свою весомую лепту внес лично Берия. Получив предложение Туполева о создании новой модели Ту-2, он в извращенном виде доложил Сталину и убедил его: нужен совсем иной самолет — высотный четырехмоторный пикирующий бомбардировщик. «Для того чтобы уничтожать зверя в его логове», — пояснил Берия. Туполев схватился за голову. Четырехмоторная крупногабаритная машина — прекрасная мишень для зениток врага. Что же касается бомбардировок «логова зверя», то для этого уже есть самолет — АНТ-42, который нужно запускать в серию. Туполев изложил свои соображения, не боясь гнева шефа Лубянки. Строить то, что требовал он, выглядело полным безумием. Пикировщик должен быть малоразмерным, маневренным.

Берия разозлился на Туполева. Ведь он убедил Сталина в своей правоте. Теперь надо давать обратный ход.

— Ладно, срочно делайте двухмоторный пикировщик, — милостиво разрешил он, — но потом займетесь четырехмоторным, он нам очень нужен.

Остается лишь привести слова Туполева, сказанные коллегам-арестантам: «Все мы любим Родину не меньше, а больше тех, кто нас собрал здесь. Война на носу, поэтому мы должны стиснуть зубы и сделать первоклассный самолет».

...Первым выпустили на свободу Петлякова с помощниками — в том же сороковом году. Затем — группу Мясищева, последним, уже в военную пору, — Туполева[44].

«Греческий вопрос»

На Красной Поляне, в горном поселке неподалеку от Адлера, скончалась недавно Анастасия Катакова, гречанка.

То, что древние греки основали свои колонии на Черноморском побережье Крыма и Кавказа, — факт достаточно известный. Время сурово обошлось с процветавшими когда-то, задолго до новой эры, греческими колониями, оставив от них лишь полузасыпанные руины. Много веков спустя, при Екатерине Второй, на Черноморском побережье Кавказа возникли новые греческие поселения. К началу XX века насчитывалось несколько тысяч дворов в Лазаревской, Сочи, Адлере, Каменке, Лесном, Голицыне, на Красной Поляне и — дальше, на земле Абхазии.

Предки Анастасии Катаковой поселились на Красной Поляне двести лет назад. То были трудолюбивые крестьяне, они расчистили каменистые, покрытые лесами земли, развели огороды, сады.

В 1937 году Красную Поляну захлестнула волна арестов. В тот год Анастасия Катакова лишилась отца, двух братьев и мужа. Ей самой оказали милость — вместе с детьми выслали в отдаленный район Краснодарского края.

Начало террора против греков было положено в 1921 году, в пору массовой экспроприации имущества. Их начали вытеснять с побережья в горы и выискивать в их среде врагов нового режима.

Уже в двадцатые годы за всеми греческими поселками был установлен жесткий надзор — гласный и негласный.

В историю надлежит занести день 1 мая 1928 года. На праздничном вечере один молодой житель Красной Поляны позволил себе какую-то вольную шутку. Местному уполномоченному ОГПУ эта шутка показалась не совсем патриотичной, и он сообщил по телефону в Сочи, что на территории вверенного ему поселка готовится бунт. Прибывшие на место агенты арестовали восемь человек, в их числе священников Треандофиловых, Александра и Якова. И отправили в ссылку. По дороге одному из высланных, Исааку Техликиди, удалось бежать. Он добрался до Москвы. Пришел в греческое посольство и отказался

его покинуть. Благодаря вмешательству посла репрессированным разрешили выехать в Грецию.

В 1931 году охранники еще раз прошлись железной метлой по греческим поселениям. Но то, что произошло в тридцать седьмом — тридцать восьмом, перекрыло все гонения прошлых лет.

На Красной Поляне проживало в ту пору около 1500 греков и 400 эстонцев. Агенты НКВД вывезли 300 греков и более ста эстонцев. Так называемое следствие вели в Адлере и в Краснодаре. Обычно арестованному подсовывали чистый бланк допроса, требуя подписи. Тех, кто отказывался, били-пытали до предпоследнего вздоха. Искалеченный, изнуренный голодом и бессонницей человек подписывал все... В 1938–1939 годах в Краснодаре устраивали массовые экзекуции. Туда свозили всех наиболее опасных «врагов народа» из Сочи, Адлера, Анапы, из горных районов, и особенно много — из Сухуми. В один осенний день из православного собора, где содержали 700 заключенных греков, повели в баню партиями всех, кто еще мог передвигаться. Приказали раздеться и начали вызывать по одному. Каждый должен был коротко, четко ответить на вопросы охранника (так называемые установочные данные). За быстрый и точный ответ обещали лишний хлебный паек. Потом выводили партиями на «санитарную обработку» и расстреливали на окраине города. Выстрелы и крики заглушали моторами автомашин.

Казни избежали немногие. Имя одного из счастливчиков — Георгий Савелов. Арестованный еще в 1931 году, он отбывал десять лет в лагере и тем спасся. Ничего не ведая о предначертаниях Великого Интернационалиста, он в 1939 году вернулся домой и потом — уже по бериевской директиве — дважды подвергался высылке. История ВЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ оставила кровавую борозду на судьбе Савелова, на судьбе его народа.

Аресты на Красной Поляне походили на мрачный фарс. После того как увели первую партию, оставшиеся в поселке приготовили мешки с сухарями. И когда прибыл следующий грузовик с охраной, покорно залезли в кузов. Это были, наверное, самые лояльные подданные Сталина за все время его правления.

Простые труженики, честные, добрые, они имели неосторожность родиться греками. Их недальновидные предки поселились в местах, вблизи которых ляжет потом автомобильная трасса. Пройдет время — и новая дорога удостоится явления Вождя Народов, следующего на отдых к морю.

«Нет, оставлять здесь инородцев опасно», — так рассуждали Ягода, потом Ежов, теперь Берия. И организовали греческие погромы — до полного истребления маленького народа.

Тюрьмы Адлера, Сочи, Геленджика были переполнены. Арестованных силой заталкивали в камеры, где уже по нескольку суток стояли стиснутые до обморока люди. Не искушенных в политике земледельцев, садовников, мастеровых, знакомых с тюрьмой лишь понаслышке, пропустили через конвейер. Допросы длились непрерывно, много суток подряд. Следователи менялись, подследственный падал со стула, лишенный сна и пищи. Через неделю он был готов подписать любые угодные НКВД показания. И подписывал — будто он участник террористического заговора. Будто он с сообщниками готовил в центре Сочи взрыв эстакады, где проходит проспект имени Сталина. Будто он покушался на его жизнь...

Тех, кто не подписывал, пытали — закладывали кисти рук в дверной проем около стальных петель и, медленно прикрывая дверь, крошили пальцы. Просто и эффективно. Первыми до этого метода додумались местные палачи — на зависть московским.

Многих греков отвезли в Краснодарскую тюрьму. Там в течение четырех дней, 12–15 февраля 1938 года, всех расстреляли: и признавших свою «вину», и тех, кто отказался от подписи.

Оставшиеся в живых женщины сумели известить греческого посла в Москве. Он ужаснулся: даже турки, эти извечные враги греческого народа, устраивая резню, убивали не всех мужчин...

О безысходности переселенцев было известно давно. Правительство Греции наотрез отказывалось принимать эмигрантов из Советской России, и тысячи семей годами напрасно ожидали отправки на землю предков. Греческий посол остро переживал эту трагедию. Осенью 1938 года он обратился в НКВД с ходатайством перед Советским правительством, просил принять экстренные меры для спасения ни в чем не повинных греков. Не получив вразумительного ответа, посол попытался в нарушение дипломатического статуса добиться в декабре приема у наркома внутренних дел. Лаврентий Павлович не удостоил его аудиенции...

Греки — те, что сохранили иностранные паспорта, и советские подданные — не подлежали призыву в армию. Но вот началась война с гитлеровской Германией, и им, гражданам низшего сорта, дозволено было проливать кровь за Сталина. Приказ поступил летом 1942 года. Тогда же вопреки всякой политической логике новая, четвертая по счету, волна смыла с Черноморского побережья оставшихся греков — последних старух и матерей с детьми. Берия приказал выселить всех поголовно. Тем, кто выжил, разрешили вернуться после войны.

Среди арестованных в тридцать восьмом были пятнадцатилетний мальчик и один взрослый с польской фамилией. Они вернулись до-

мой через десять лет, всего два человека. К тому времени подросли дети погибших. Новая волна арестов-выселений унесла всех.

Самые большие жертвы понесли сухумские греки. Их было в 1937 году более пяти тысяч. Занимались огородничеством, садоводством, торговлей. В Казахстане, в Средней Азии они оказались без жилья и средств к существованию. В первые же дни погибли почти все дети. Их косили голод, болезни, жизнь в сырых землянках. Бедные родители не могли даже похоронить погибших по православному обычаю. Не было досок для гробов...

Такая же судьба постигла многочисленную греческую колонию в Мариуполе. Эти факты требуют специального исторического исследования, но дело это трудное: в официальных данных всесоюзных переписей 1926 и 1939 годов греки не числятся...

В поселке Лесном, более крупном, нежели Красная Поляна, насчитывалось свыше 600 дворов. Осталось 12. Некоторые поселки, деревни исчезли, заросли бурьяном, кустарником. Не осталось ни одной греческой школы. То был, конечно же, натуральный геноцид. Казалось, еще несколько лет гонений — и исчезнут последние следы пребывания греческих поселенцев на юге страны. Лаврентий Берия был человеком последовательным. И если бы его на пятьдесят пятом году жизни не постигла кара, он сумел бы решить «греческий вопрос» до конца.

Николай Вавилов

6 августа 1940 года был арестован академик Николай Вавилов. Погиб он в саратовской тюрьме, не дожив до пятидесяти четырех лет. Сталину хотелось как-то оправдаться перед своей партией, перед историей в бесконечных провалах сельскохозяйственной политики — если позволительно так называть погром, учиненный первым учеником Ленина в деревне. Под ударами громилы разваливалась сельскохозяйственная наука, на смену репрессированным ученым пришли лысенковцы, отпетые карьеристы, провокаторы. Директор Всесоюзного института растениеводства (ВИР) Вавилов изнемогал в неравной борьбе. Признанный миром ученый, принципиальный человек, он не мог покориться сталинскому фавориту Лысенко, недоумку с лисьей физиономией и волчьей хваткой.

Объявить «врага народа» Вавилова главным виновником неудачного хозяйствования, расчистить путь Лысенко и его подручным — таков смысл директивы генсека. Исполнителем стал Берия.

Летом 1939 года в Эдинбурге должен был открыться Международный конгресс генетиков. Президентом конгресса ученые разных стран почти единодушно решили избрать Николая Вавилова. Акаде-

мик Комаров заблаговременно обратился за разрешением на выезд к Молотову, который по мандату Политбюро курировал всю советскую науку. Молотов долго тянул с ответом. Хозяин терпеть не мог Вавилова, ему по праву пусть бездарный, зато наипокорнейший Трофим Лысенко. Он сделал его президентом Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), он всячески поощряет ныне его столь гибельные для сельского хозяйства новации. Однако конкретных указаний Молотов не получил, поэтому заставил президента Академии наук Комарова бить челом вновь и вновь.

Наступил июль. Когда до открытия конгресса осталось несколько дней, глава правительства Молотов получил официальное письмо наркома внутренних дел Берия. Содержание письма Лаврентия Павловича было необычным. Как оказалось, Вавилов давно встал на путь, который может завести отечественную науку в буржуазный тупик. Создав и возглавив школу «формальных генетиков», он отрицательно относится ко всему новому, прогрессивному и поэтому ведет систематическую кампанию с целью дискредитировать академика Лысенко, замечательного ученого, избранного недавно президентом Академии сельскохозяйственных наук[45].

Хозяин знал, чьим заботам поручить Вавилова. Тертые-перетертые политиканы, старые царедворцы сталинской выучки, Молотов и Берия готовы были бросить на алтарь поклонения Вождю и международный престиж социалистической родины, и всю отечественную науку. А какая-то генетика, какой-то там Вавилов... Ф-фу — и нет его, Вавилова.

На фоне грандиозных масштабов террора тридцать седьмого — тридцать восьмого арест Вавилова выглядел бы мелким эпизодом. Не то теперь. Коль скоро Вождь решил предоставить родной партии и не менее родному народу передышку в массовой резне, следовало соблюдать хотя бы видимость приличий. Арест Николая Вавилова, президента Международного конгресса, отложили до окончания работы форума генетиков. Затем Берия выдержал паузу, и вот уже Вавилов брошен в тюрьму. Берия передал его в руки изощренного специалиста. Старший лейтенант Алексей Григорьевич Хват знал свое дело. Наделенный широкими, не по чину, полномочиями, он выбивал из сослуживцев Вавилова нужные показания, используя к тому же материалы из дел погибших наркомов и ученых. Никаких фактов, доказательств — одни домыслы, подделки, фальсификации.

И Сталин, и Берия понимали, что в этом незаурядном случае торопиться не следует. Поэтому следователь доводил своего подопечного до требуемых кондиций малыми средствами: изнурительными

ночными допросами, голодом, угрозами расправы с родными и близкими. И Вавилов признал себя виновным во вредительстве, в противодействии столь полезным сельскому хозяйству теориям Лысенко, Цицина... Чтобы придать обвинениям неотразимую силу, Хват направил запрос специалистам. Экспертную комиссию составили из подручных Лысенко. Первым достоин упоминания профессор Тимирязевской академии Якушкин, потомок знаменитого декабриста. Другие члены комиссии — заместитель народного комиссара земледелия Чуенков, член коллегии НКЗ Зубарев, вице-президент ВАСХНИЛ Мосолов, селекционер Волков. Все они действовали без колебаний, подписав готовый текст, составленный неким Шунденко. Этот майор госбезопасности в тридцать восьмом числился в аспирантуре ВИРа и по указанию парткома — а партком получил указания НКВД — в экстренном порядке приобрел ученую степень и был назначен заместителем директора по науке. Открытая травля Вавилова не прекращалась до дня ареста. Сделав свое, провокатор Шунденко оставил институт и продолжал добивать ученого уже по месту основной службы.

Следователь приобщил к делу авторитетное заключение и мог считать свою задачу наполовину выполненной. Вавилову он дал передышку — с сентября 1940 по март 1941. Хват, действовавший по прямым указаниям Берия, принялся вплотную за сотрудников Вавилова. Нежданный перерыв узник использовал для работы над давно задуманной книгой — «История развития земледелия». В одном из писем к Берия Вавилов упоминает об этом труде, который имеет не только теоретическое значение. Автор надеется, что уважаемый Лаврентий Павлович не даст погибнуть книге, написанной в камере без всяких подсобных материалов[46].

Меж тем огонь под плитой на бериевской кухне запылал с новой силой. Вокруг Вавилова сколотили целую группу заговорщиков-вредителей, а самому ученому инкриминировали в дополнение к прежнему шпионаж, диверсии и — как дежурный гарнир — связь с троцкистами. Началась война, а следователь еще не закончил дела. Тогда он наскоро добавил материалы, изобличающие Вавилова в приверженности... монархии и Временному правительству. Берия, передавший дело в суд, не заметил несуразицы, где ему было знать, что Керенский был злейшим врагом царизма.

Суд над Вавиловым состоялся 9 июля 1941. Председатель Суслин, члены Дмитриев и Куклин — три генерала при секретаре Мазурове. Таков состав Военной коллегии Верховного Суда на этот раз. Небольшой, зато сыгранный ансамбль, знакомые до зевоты ноты — обвинительное заключение и смертный приговор. Николай Вавилов

знал имя главного Дирижера, знал, кому понадобилась его жизнь. Осужденный пишет на имя Берия: «На суде, продолжавшемся несколько минут в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически, что это обвинение построено на небылицах, лживых фактах и клевете, ни в какой мере не подтвержденных следствием»[47].

Но игра еще не кончена. В нее вступает одна из канцелярий при генсеке под названием Президиум Верховного Совета. Академик Вавилов обращается с просьбой о помиловании к Калинину. Тот ничего никогда не решал и на этот раз покорнейше исполнил волю генсека — ОТКАЗАТЬ.

Вскоре смертника этапировали в Саратовскую тюрьму. Весной сорок второго он вновь обращается к Берия. Вавилов просит в это трудное военное время использовать его опыт и знания в деле укрепления обороны. Он умоляет наркома о смягчении своей участи[48].

Берия наконец внял мольбам. Нет, в жалостливости его никто не упрекнет, тут возобладали соображения о пользе утилизации мозгов двух уникальных ученых — Вавилова и Лупюла, сидевших в одной тюрьме. Заместитель наркома внутренних дел Меркулов отправил соответствующее ходатайство Ульриху, председателю Военной коллегии Верховного Суда (13 июня 1942). Верхсуд, еще одна исполнительная контора при генсеке и НКВД, заменил вслед за Президиумом Верховного Совета смертную казнь двадцатью годами лагерей — ровно столько просил Меркулов[49].

Сидя в тюрьме, Вавилов мог предположить, что Берия не оставит в покое ни одного выдающегося ученого — растениевода, генетика, биолога. То, что случилось в действительности, не могло ему даже присниться. Новый директор ВИР Эйхфельд, действуя в угоду Лысенко и в полном согласии с бериевскими агентами, переправил на Лубянку, на уничтожение, одного за другим самых знающих, самых дельных специалистов. Репрессии, увольнения коснулись и опытных станций. Сеть этих форпостов науки, кропотливо сплетенная Николаем Вавиловым, пошла под нож. Последний гвоздь в крышку гроба вбил сам академик Лысенко на заседании Президиума ВАСХНИЛ 25 ноября 1940. Закрыв, ликвидировав основные отделы и лаборатории ВИРа, он оставил от института одно лишь название[50].

Затем подошла очередь Института генетики (ИГЕН), второго детища Вавилова. Лысенко действовал уверенно и нагло, не оглядываясь, за его спиной стоял сам Берия.

Не будем удивляться поэтому, что академик Дмитрий Прянишников, учитель Николая Вавилова, решив вступиться за науку и за подлинных ученых, обратился с письмом к наркому внутренних дел.

«В роли президента Ленинской Академии Т.Д. Лысенко явился дезорганизатором ее работы; Академия, собственно говоря, не существует — есть командир-президент и послушный ему аппарат. Собраний академиков для обсуждения вопросов никогда не бывает, выборы академиков не производятся. Президент говорит: «Зачем мне новые академики, когда я и с этими не знаю что делать!»...[51]

После проведения Лысенко в директора Института генетики АН СССР (о способе проведения его в директора следовало бы рассказать особо) из этого института удалены (или ушли сами) почти все ценные работники (Навашин, Шмук, Сапегин, Медведев...). Программа, представленная новым директором Института генетики, обнаруживает поразительную скудость мысли — никакой генетики там нет, одна элементарная агротехника, то же проталкивание поздних посевов картофеля на площади 300 тысяч га, те же «опыты» с осенним посевом клевера, то же разрезание корней кок-сагыза — полное дублирование Наркомзема по агротехнике.

Старый ученый, удостоенный самых высоких наград и орденов, лауреат Сталинской премии, Прянишников не мог, разумеется, критиковать действия Органов. Весь пафос письма он направил против Лысенко — в тот момент это был наилучший метод защиты академика Вавилова.

Но, как показал Марк Поповский, Вавилов не всегда и не во всем был принципиален и последователен. В 1935 году он поддержал ходатайство об избрании Трофима Лысенко членом ВАСХНИЛ. Прянишникову этот факт был известен. На какие только компромиссы с властями не соглашались ученые, лишь бы работать без помех...

Горько было Прянишникову. Еще горше — узнику Вавилову, взрастившему собственного палача. И вот теперь академик Прянишников борется за жизнь Вавилова, наивно полагавшего, что от властей можно откупиться уступками.

Прянишников представил труды Николая Вавилова на соискание Сталинской премии. Он совершил дерзость, которую ни до него, ни после не позволил себе никто. Затем он понудил президента Академии наук Комарова ходатайствовать за Вавилова перед Вышинским, перед Центральным Комитетом партии, перед Молотовым лично. И лично перед Сталиным.

Ни результата, ни ответа даже...

Как удалось установить Поповскому, в конце 1943 года Прянишникова принял Берия. Народный комиссар показал маститому академику тома дела Вавилова с собственноручными признаниями «врага народа». Прянишников, не потерявший веры в своего ученика, ушел от Берия, не попрощавшись.

Такому внимательному исследователю, как Марк Поповский, удалось выявить в деятельности Вавилова факты, которые на первый взгляд могут показаться неправдоподобными. В 1925 году Николай Иванович в поисках родины пшеницы поехал в Афганистан. Пустили его туда только после того, как он согласился сфотографировать пограничные с Индией крепости. Вавилов выполнил это задание разведки непринужденно. Он ведь служил Науке — не Органам...

В конце двадцатых — начале тридцатых годов ученый своим авторитетом не только прикрывал провалы отечественной экономики, но и превозносил сталинские деяния перед официальными лицами и общественностью западных государств.

...Носитель интеллекта и носитель власти, ученый и государство — сколько трагедий вместила эта формула в эпоху Сталина.

Нам остается напомнить некоторые детали гибели Николая Вавилова. Зимой 1943 года он жестоко страдал от голода, умирал медленно, мучительно. Умирал ученый, трудами своими значительно поднявший урожайность пашни. Сколько раз Берия обнадеживал его относительно возможного помилования и использования на работе по специальности — три, четыре раза? В своем письме узник напоминает Лаврентию Павловичу о беседах с его уполномоченными. Берия обещал и ничего не сделал...

В то время Вавилов перенес дизентерию — она унесла в саратовской тюрьме сотни жизней. В камеру, занятую академиками Вавиловым и Лупполом, подсадили умалишенного, он отнимал у них хлебный паек, единственное спасение заключенных. Подведенного к последней черте Вавилова поместили в лазарет, там он и умер в результате полного истощения в конце января 1943 года. В тюремном деле сохранились документы, составленные полуграмотным «врачом» Степановой: ложный диагноз (вместо дистрофии в последней стадии — «крупозное воспаление легких»), запоздалое вскрытие и еще одно фальшивое заключение. И — общая яма в дальнем углу кладбища.

Все, что происходило, что произошло в саратовской тюрьме, делалось с ведома Берия — в этом можно не сомневаться.

А гибель личного архива академика Вавилова на чей счет отнести? У старых уголовников, потерявших после многих отсидок всякую надежду выбраться на волю, есть такое присловье: «Гори оно все огнем!..» Бесценные бумаги сожгли на Лубянке как «не относящиеся к делу». Сколько таких архивов ушло дымом в немое небо? До Берия. При нем. После.

Имена соратников и учеников Вавилова, не сумевших, не пожелавших склонить головы перед Лысенко, достаточно известны. Но и

те, что склонили и целовали ручку злодея, не могли чувствовать себя в безопасности. Аресты вавиловцев продолжались до самого начала войны.

В январе 1944 Прянишников в беседе с профессором Александром Кунцовым сказал: «Берия заодно с теми, кто хочет нажить капитал на деградации нашего сельского хозяйства и нищете крестьянства. Вавилов им мешал. Его нет. И против них мы ничего не в силах сделать».

«При этих словах, — вспоминал позднее Кунцов, — Дмитрий Николаевич заплакал и долго утирал старые глаза платком, хотя мы перешли к другим сюжетам разговора»[52].

Дело Вавилова, письма его народному комиссару внутренних дел, действия академика Прянишникова иллюстрируют руководящую роль Берия в ответственном деле истребления цвета ученых, изничтожения биологии, ботаники, генетики... Вина в катастрофическом отставании этих наук в последние десятилетия — и на нем. Не на одном Сталине.

Следователь, сфальсифицировавший от начала до конца дело Вавилова, тот самый Алексей Григорьевич Хват, который подвел замечательного ученого под смертную казнь, как какого-нибудь опасного уголовника, никогда ни в чем не раскаивался.

Нет, он не избивал его, не ломал зубы и ребра — зачем же так грубо... Он просто мучил его ночными допросами, не давал спать днем, тихо морил голодом и угрожал расправой над родными и близкими.

Старший лейтенант Хват предъявил Вавилову поддельные листы показаний погибших в этих же застенках сослуживцев академика и руководителей Наркомата земледелия.

Писатель Марк Поповский, которому довелось изучить все дело — случай, тогда единственный в своем роде, единственный и счастливый, — сообщает о судьбе следователя позорные для хрущевского руководства вещи. Хват дослужился до полковника и в 47 лет ушел на покой, то есть на заслуженный отдых. После разоблачения и казни Берия следователя Хвата вызвали в Главную военную прокуратуру. Полковник Хват предъявил прокурору справку, предусмотрительно приобщенную им еще *тогда* к делу Вавилова:

«Указанные Вавиловым факты о направлении вредительства в сельском хозяйстве имели место в действительности»[53].

Прокурор без труда установил, что десятитомное дело Николая Вавилова является грубой фальсификацией. Одного этого хватило бы для осуждения следователя Хвата. Но бериевский полковник был отпущен с миром. И благоденствует поныне.

Катынское злодеяние

Декабрь 1943. На конференции в Тегеране главы трех союзных держав обсуждали проблемы послевоенного устройства мира и обуздания — на будущее — великогерманских амбиций. Что бы еще *этакое* придумать? И Сталин придумал. Он сообщил Черчиллю и Рузвельту, что намерен расстрелять 50 тысяч немецких офицеров. То есть намерен уничтожить 50 тысяч инженеров, учителей, врачей, ученых, одетых в военную форму. Возмущение английского премьера было столь велико, что Сталин поспешил обратить это в шутку.

Но Вождь не шутил. И в Царицыне в восемнадцатом году, когда топил в баржах офицеров, и в двадцатые — тридцатые, уничтожая цвет грузинского народа и цвет народа русского, он действовал вполне целенаправленно. А «охота на ведьм» в конце сороковых — сколько жизней ученых, артистов, поэтов она унесла? В том же историческом ряду — Катынь, 1940.

Их свезли, четырнадцать с половиной тысяч военнопленных, в три лагеря, на скорую руку оборудованных в Козельске, Старобельске и Осташкове. В августе Молотов и Риббентроп подписали акт о ненападении между СССР и Германией. И тайный протокол к нему. В ночь на 17 сентября 1939 года Сталин начал интервенцию против Польши — согласно тайному протоколу, — но польские войска не оказали сопротивления Красной Армии — согласно предательской директиве маршала Рыдз-Смиглы.

Более 130 тысяч польских солдат, офицеров было захвачено в плен. Однако в статусе военнопленных им было отказано по вине Советского правительства, которое преступно пренебрегло юридическими нормами. 180 тысяч поляков было депортировано в глубь Советского Союза. За ними последовало более миллиона граждан. Их отправили за колючую проволоку. Тысячами гибли они в лагерях Печоры, Инты и Воркуты... Я видел *это* сам. Сколько их уцелело в сталинских лагерях? Ведь на Ежове генеральная линия истребления «чужих», уничтожения «своих» не оборвалась. Лаврентий Берия знал свое дело лучше предшественника. Гораздо лучше.

Особый интерес его ведомство проявило к польскому офицерскому корпусу. Часть офицеров после учиненного Сталиным и Гитлером дележа Польши оказалась на немецкой стороне. Большинство же попало в опытные, натруженные руки НКВД. Многие, не ведая сомнений относительно гуманности великого соседа, сами являлись в комендатуру советских оккупационных войск.

Все шло по плану, согласованному с немцами на трех уровнях: правительственном, военном и тайной службы. Контакты гестапо и

НКВД, завязанные на заре гитлеризма, получили новый импульс. Борьбу с польским Сопротивлением следовало вести объединенными силами. Это они понимали, Гиммлер и Берия. Программа совместных действий обсуждалась на совещании представителей гестапо и НКВД в Кракове и Закопане в марте 1940 года. Вероятно, тогда же стороны информировали друг друга о судьбе военнопленных.

Козельский лагерь занимал территорию бывшего монастыря, в 250 километрах от Смоленска, в сторону Тулы. Второй лагерь разместился тоже в монастыре, в Старобельске, неподалеку от Харькова. Юго-западнее Калинина, в Осташкове, был устроен третий.

Следует особо отметить, что среди арестованных преобладали офицеры запаса, польская интеллигенция и представители интеллектуальной элиты: более 800 врачей, множество учителей, юристов, инженеров, более сотни литераторов и журналистов, около 50 профессоров высшей школы, группы работников судов, чинов жандармерии, землевладельцев, католических священников (капелланов различных верований насчитывалось до 200 человек). В лагерь загнали два научно-исследовательских института в полном составе.

Среди заключенных оказались 600 летчиков и несколько сот сержантов и старшин.

Военнопленные начали прибывать в импровизированные лагеря в ноябре 1939 года и сразу же попали на следственный конвейер. Захваченные в Польше сотрудники разведки и контрразведки уже томились на Лубянке, здесь же в дело включились тысячи командированных — целый корпус. Никто не был обойден вниманием. Документы потом отправили в Москву. Сохранились ли они — кто знает?.. Характерные детали: к угрозам, издевательствам, пыткам следователи не прибегали. Кормили заключенных сносно. И дабы закрепить надежду на благополучный исход, разрешили каждому под Рождество написать родным по одному письму. Поляки ожидали — в самом худшем случае — отправки в германскую зону.

Операция по уничтожению пленных началась в апреле. Этапы небольшими партиями (по масштабам НКВД) двинулись из Козельска на станцию Гнездово, близ Смоленска. Перед отправкой всем делали прививки от брюшного тифа и холеры. Это должно было успокоить самых закоснелых скептиков.

Катынские леса раскинулись на берегах Днепра, в 15–20 километрах западнее Смоленска. Здесь, в живописном месте Косогоры, построили дом отдыха для сотрудников НКВД. Эти леса перешли в ведение ВЧК сразу после революции. Тогда же, в 1918 году, лес стал местом казни офицеров и священников, меньшевиков и троцкистов,

штатских («вредителей») и военных («шпионов»)... Эксгумация 1943 года выявила четкую хронологию массовых экзекуций: 1918–1920, 1927–1929, 1933–1934, 1936–1938 и, наконец, 1940.

В начале войны Катынские леса оказались в зоне немецкой оккупации. Вскоре до командования дошли слухи о массовых расстрелах, совершенных в лесу год назад. Однако к обследованию немцы приступили лишь весной 1943 года. Братские могилы польских офицеров были обнаружены вблизи дома отдыха НКВД. Все убиты выстрелом в затылок, на некоторых телах смертельный след четырехгранного штыка. Пули, извлеченные при эксгумации, оказались немецкого производства, калибра 7,65. Удалось установить, что в 20-е годы фирма «Ганшов» экспортировала такие патроны в СССР, Прибалтику и Польшу. В том же году над свежими могилами были высажены сосны и березки. Немецким экспертам не составило труда установить давность посадок.

Первое сообщение о Катынском побоище было передано по берлинскому радио 13 апреля 1943 года. НКВД выступил с опровержением через день. Оказывается, немцы захватили и уничтожили польских офицеров летом 1941 года под Смоленском, где они работали на строительстве оборонительных сооружений...

Поражения первых недель войны заставили Сталина круто изменить отношение к полякам и решиться на создание польской армии. 12 августа была объявлена амнистия всем военнопленным и заключенным. Среди 15 тысяч поляков, собранных в трех лагерях, находились 8 тысяч офицеров. На них и рассчитывал командующий новой армией генерал Андерс. В октябре 1941 года Верховный главнокомандующий дал категорическое обещание вернуть всех военнопленных, затем после настойчивых напоминаний польской стороны Сталин приказал 5 декабря в присутствии Сикорского и Андерса немедленно освободить пленных из трех известных лагерей.

Эту комедию разыгрывал человек, который в сороковом году санкционировал катынскую экзекуцию и знал персонально функционеров НКВД, руководивших операцией. Им, бериевским генералам, поручили теперь участвовать в создании польской армии на территории СССР. В их числе был Л.Ф. Райхман, который в свое время лично участвовал в допросах польских офицеров.

В январе 1942 года специальный уполномоченный генерала Андерса ротмистр Чапский прибыл в Чкалов с целью выяснить судьбу военнопленных у начальника ГУЛАГа генерала Наседкина. Тот, естественно, уклонился от прямого ответа, посоветовав обратиться к «цен-

тральным властям», и намекнул, что помочь уполномоченному могут Меркулов или Федотов...

Поездка Чапского в Москву тоже ничего не дала. Генерал Райхман, оказывается, ничего не ведает, а что касается просьбы господина ротмистра устроить ему аудиенцию у Берия или Меркулова, то она не имеет смысла: все материалы по этому делу находятся у заместителя наркома иностранных дел Вышинского, в Куйбышеве.

Чапский знал, что к тому времени польский посол Кот уже восемь раз обращался к Вышинскому... Круг замкнулся.

В беседах с премьер-министром Владиславом Сикорским и генералом Владиславом Андерсом и другими официальными лицами Сталин давал о пропавших офицерах самые невероятные сведения. То они «все давно освобождены», то «убежали» в Манчжурию, то находятся на Земле Франца-Иосифа, то — на оккупированной немцами территории... На одной из последних встреч с генералом Андерсом в марте 1942 года Сталин повторил первую версию о польских офицерах: «Все они уже освобождены».

Более пятидесяти дипломатических нот отправило в Москву польское правительство в Лондоне за девять месяцев. Следовали уклончивые ответы, но чаще — полное молчание. На аудиенциях в Кремле обычно присутствовали Вячеслав Молотов и — незримо — шеф НКВД. С Лаврентием Павловичем генсек разыгрывал такие примерно телефонные диалоги:

— Товарищ Берия, почему вы до сих пор не представили сведения о пропавших офицерах?

— Товарищ Сталин, мы ведем неустанные поиски. Как я уже докладывал, часть военнопленных умерла во время транспортировки, часть скончалась от эпидемий в лагерях...

— Почему? Как вы, облеченный доверием наркома, могли допустить такое?!

— Но ведь идет война, не всегда удается создать нормальные санитарные условия...

— Такое отношение к нашим союзникам является преступным. Распорядитесь о строгом наказании виновных. А где остальные офицеры?

— Согласно вашему приказу они подлежали освобождению, но большинство успело бежать на Запад...

Сталин бросал выразительный взгляд на высокопоставленных ходатаев и широко разводил руки. Занавес.

Эти представления оборвались, как только немцы обнаружили тайное катынское кладбище. Оценив политическое значение страшной

находки, руководители германского рейха обратились в Международный Красный Крест с просьбой о расследовании этого дела, но МКК отклонил просьбу, поскольку советское правительство... заявило протест. Немцам удалось все же собрать авторитетную комиссию экспертов из Бельгии, Болгарии, Румынии, Дании, Голландии, Финляндии, Хорватии, Чехии, Словакии, Венгрии, Франции. Приглашение получили также специалисты из Испании, Португалии, Турции, но не все успели прибыть к началу. Одновременно с судебно-медицинскими экспертами в Катыни работала техническая комиссия Польского Красного Креста.

После пятинедельных исследований *все* члены обеих комиссий пришли к единому и неопровержимому выводу: трупы пролежали в земле около *трех* лет. И еще один вывод, сделанный на основании найденных документов, предметов, а также свидетельских показаний: экзекуция совершена специалистами НКВД весной 1940 года. Польским властям удалось установить имена значительной части казненных, списки «пропавших» были уже опубликованы. В общей яме обнаружили труп генерала Мечислава Сморавинского. 17 сентября 1939, опережая приказ Рыдз-Смиглы, он запретил своим частям вступать в бой с полками Красной Армии.

Разоблачение этой акции НКВД стало возможным благодаря целому ряду упущений, которые позволили себе палачи. Тут сказались, вероятно, излишняя самоуверенность и ставшая при Сталине законом безнаказанность. Почему-то оставили в живых более ста офицеров, которых этапировали в Грязовец. Профессора Свяневича вызвали из этапного вагона, прибывшего на станцию Гнездово всего за несколько часов до начала экзекуции. Позднее он станет одним из самых ценных свидетелей обвинения. Палачи допустили небрежность в оцеплении Катынского леса. Весомой уликой стали показания местных жителей. За годы массового террора НКВД накопил богатый опыт сокрытия следов преступлений: тела убитых сжигали в заводских печах, бросали в ямы с негашеной известью... Почему на этот раз агенты просто зарыли трупы в землю? Многие функционеры тайных Органов были завзятыми мародерами, грабили квартиры, дачи, составляя фиктивные акты на конфискованное имущество «врагов народа», обирали трупы казненных. А вот в Катыни на некоторых жертвах оставили драгоценности, часы, портсигары. Комиссия обнаружила в карманах мундиров множество писем, дневниковых записей, календарей, газет.

Почему исполнители их оставили? То ли пренебрегли такой малостью, то ли спешили очень... И еще одна деталь — веревки, которыми связывали руки некоторых военнопленных. Можно предположить, что

далеко не все офицеры шли покорно на убой. Эти веревки были стандартной длины. Значит, экзекуция готовилась с большим тщанием.

Можно смело полагать, что Берия не оставил бы в живых ни одного участника катынского побоища, — землекопов, конвоиров, палачей, а также ответственных за успех тайной операции сотрудников НКВД и командиров внутренних войск. Но их было слишком много.

...В последние два года мировой войны охрана лагерей Ухты, Печоры, Инты и Воркуты пополнилась офицерами. Были среди новеньких фронтовики, но основную часть составляли функционеры карательных Органов — СМЕРШ, военных трибуналов, войск НКВД. В Заполярье, где царил лагерный произвол, им жилось вольготно. Можно было без опаски пить, грабить, насиловать. И бахвалиться ратными подвигами. Один уничтожил группу румынских крестьян, враждебно встретивших воинов-освободителей. Другой расстрелял немецких солдат вместе с офицером, сдавшихся в плен в Восточной Пруссии. Третий устроил в лагере под Харбином экзекуцию над японцами...

После войны мне довелось часть срока отбывать на Воркуте, в одной из самых северных зон Печорского лагеря. Однажды в барак, где находились поляки, зашел грузный, вечно пьяный полковник. Покачиваясь на коротких ногах, он молча смотрел на арестантов мутными глазами. Поляки стояли перед начальником по стойке «смирно», люди-скелеты в серых телогрейках. Наконец полковник заговорил — посыпались угрозы вперемешку с густым «рассейским» матом. «Мало я вас в Катынском лесу перестрелял!»

Я был в том бараке и слышал это сам.

Нечто сходное слышал там же, на Воркуте, отец известного советского историка Н. Эйдельмана: «...пьяный энкаведист угрожал полякам, что прикончит их собственными руками и что у него уже есть опыт, так как несколько десятков поляков он собственноручно застрелил в Катыни».

Сведения о катынской трагедии просочились в мир из многих иных источников. Не случайно Советское правительство не обратилось в МКК с просьбой провести расследование этого дела. Оно было сработано топорно, и Берия знал об этом. Он мог утешиться тем, что под увеличительное стекло международных комиссий не попали места истребления польских узников других лагерей — Осташков (около станции Бологое на линии Москва — Ленинград) и Старобельск (под Харьковом). В этих пунктах содержали около десяти тысяч поляков. Их судьба оставалась неизвестной. Генерал Сикорский, глава польского правительства в изгнании, досаждал Сталину более всех. Это он подал заявление в Международный Красный Крест с просьбой послать

комиссию в Катынь. Москва никак не могла уговорить генерала отозвать свое заявление.

4 июля 1943 года Сикорский погиб при перелете через Гибралтар. Он возвращался в Лондон из инспекционной поездки по Ближнему Востоку.

Еще одна случайность?

...Можно представить, с каким нетерпением следил Берия за военными сводками Западного фронта в конце сорок третьего. Праздничным эхом отозвался на Лубянке артиллерийский салют по случаю освобождения Смоленска.

Старого колхозника Парфения Киселева, непосредственного свидетеля катынского злодеяния, бериевские агенты схватили первым. Ведь это он указал немцам место казни в лесу. Первый открыто и добровольно рассказал иностранным журналистам об увиденном и услышанном в те весенние дни 1940. Теперь из застенков НКВД посыпались покаянные опровержения, якобы написанные его рукой. Киселева, наверное, давно ликвидировали, и каратели продолжали снабжать печатные Органы его письмами.

Другого важного свидетеля агенты НКВД убили лишь четыре года спустя. Кузнец Иван Кровозерцев успел уйти на Запад. Высокогуманные союзники Сталина решили выдать свидетеля катынских событий советским властям, но он ушел от них и поселился под вымышленным именем в Англии. Длинные руки настигли его в пригороде Лондона в октябре 1947. Кровозерцева нашли повешенным.

Этому честному человеку было тридцать два года.

Шантаж, провокации, подкуп, убийства – все было пущено в ход ради торжества дезинформации. В апреле 1943 года советское радио, а вслед за ним ТАСС и газета «Правда» набросились на правительство генерала Сикорского, которое якобы попало под влияние прогитлеровских элементов («Польские попутчики Гитлера»). Сталин еще раз показал себя узколобым политиком. Никто столько не навредил престижу Советского Союза, как наш кремлевский сиделец. Разве не он в канун войны вступил в преступный сговор с Гитлером? И не польский ли народ первым поднялся против фашистской агрессии?

Но для лидеров США и Великобритании оккупированная Польша была лишь шестеркой треф в большой политической игре. Уинстон Черчилль после сердечной встречи в Кремле заметил, что «Диктатор обладает огромным чувством юмора». Это было в августе сорок второго. Король Георг VI пошлет Сталину в Тегеран почетную саблю с золотым эфесом в ноябре 1943 года, когда правда о Катыни станет известна всему читающему миру. Вашингтон и Лондон засекретили

документы, изобличающие Советское правительство. Цинично, позорно вел себя Энтони Иден. Новый английский премьер запретил через военную цензуру Органам печати польской эмиграции публикацию объективных материалов. Однако самым верным козырем в деле фальсификации истории могло стать новое исследование катынских захоронений. С этой целью Сталин приказал сконструировать Специальную комиссию по установлению обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. В самом этом громоздком названии уже содержится вывод — обвинение, сформулированное еще до начала исследования. Назовем членов комиссии поименно, ибо все они объективно стали соучастниками катынского преступления.

Председатель комиссии — академик Н.Н. Бурденко, президент Академии медицинских наук, Герой Социалистического Труда.

Члены комиссии:

1. Писатель Алексей Толстой, академик.

2. Митрополит Николай.

3. Генерал-лейтенант А.С. Гундоров, председатель Всеславянского комитета.

4. Председатель исполкома Союза обществ Красного Креста С.А. Колесников.

5. Нарком просвещения РСФСР академик В.П. Потемкин.

6. Начальник Главного Военно-Санитарного Управления КА генерал-полковник Е.И. Смирнов.

7. Председатель Смоленского исполкома Р.Е. Мельников.

В состав комиссии не вошли представители заинтересованных сторон — Польши и Германии. Не были приглашены эксперты из нейтральных стран. Миру дали еще раз вкусить сталинского цинизма.

Специальная комиссия была подкреплена судебно-медицинской экспертной комиссией, которую возглавил директор НИИ судебной медицины Наркомздрава СССР В.И. Прозоровский. Назовем членов и этой преступной группы: профессора В.М. Смольянинов и Д.Н. Выропаев, старшие научные сотрудники названного института П.С. Семеновский и М.Д. Швайкова.

...Морозной январской ночью 1944 года по Минскому шоссе двигалась колонна крытых грузовиков. В кузовах лежали ящики самой различной формы: квадратные, удлиненные, ромбовидные. Те ящики ничем не напоминали гробы. По московским улицам крутила снежная метель. Вот и пункт назначения — Институт судебной медицины. Разгрузили машины во дворе, затем ящики с телами расстрелянных поляков занесли внутрь здания. Через день колонна тронулась в об-

ратный путь. Теперь, после тайных манипуляций с трупами, одеждой и содержимым карманов, можно было предъявлять «материал» даже иностранным журналистам.

Пришло время назвать имя свидетельницы этой акции. Гали Павловна Маляптович (по мужу Ильина), дочь бывшего министра юстиции Временного правительства, в ту ночь несла дежурство по институту. Обо всем увиденном она поведала автору в 1979 году, за несколько лет до своей смерти.

Комиссия торопилась. Опровержение понадобилось наркому внутренних дел немедленно. Отсюда — множество грубейших ошибок. Впрочем, некоторых ошибок избежать было нельзя. Эксгумацию произвели в морозную пору, когда такого рода исследование не может принести объективных результатов. В коммюнике, опубликованном 24 января, сообщалось число жертв — 11 тысяч. Эта явно завышенная цифра фигурирует и в первых сообщениях германского командования. Гестапо и НКВД преследовали разные цели, но одинаковое число жертв устраивало обе стороны. В состряпанном наспех коммюнике упомянуто 925 трупов, якобы дополнительно эксгумированных. Комиссия установила приблизительную дату гибели поляков — август 1941 года, когда этот район находился под немецкой оккупацией.

Происхождение останков загадочно: или их обнаружили в отдаленном от уже известных Косогор месте, или же срочно доставили из другого района. В стране, где производство трупов было налажено в столь широких масштабах, предоставить одну-две тысячи мертвецов любого срока захоронения являлось сущим пустяком. Однако в данном случае, в январе 1944, агенты НКВД не позаботились об одежде. Трупы многих офицеров оказались одетыми по-зимнему тепло. Общеизвестно, что август на Смоленщине холодным не бывает... И обувь свидетельствовала против надуманной версии, согласно которой военнопленных долгое время использовали на тяжелых строительных работах. Ботинки оказались в хорошем состоянии.

Эти факты не могли пройти мимо внимания иностранных журналистов. Но им — никому! — не позволили отступать от текста официального коммюнике.

Откровенно фальшивой выглядела попытка выставить на обозрение «документы» — несколько открыток, отправленных из лагерей позднее мая 1940 года. Все имена, указанные в них, не значились в списках погибших офицеров. Кстати, эти списки, опубликованные в польской печати, на выставке отсутствовали.

Пытаясь придать провокационной возне хоть какую-то видимость правды, бериевские агенты совершали одну ошибку за другой. В январ-

ском заявлении названы исполнители Катынского расстрела — солдаты специального рабочего батальона № 537 под командованием обер-лейтенанта Аренса. Как выяснилось на Нюрнбергском судебном процессе осенью 1946 года, Аренс действительно командовал частью под указанным выше номером. Все остальное оказалось вымыслом. Его часть называлась отрядом военной связи. Осенью 1941, когда, по утверждению НКВД, а потом и Прокуратуры СССР, была совершена экзекуция, Аренс отрядом № 537 не командовал. Эти факты были документально подтверждены в Нюрнберге самим полковником Аренсом.

Как назвать маневры комиссии 1944 года? Вопреки действительности в сообщении о Катынском лесе сказано, будто доступ в него был для окрестного населения свободным. Три вымышленных на скорую руку лагеря для военнопленных поляков под Смоленском получили вымышленные номера, причем о точном их местонахождении комиссия умалчивает, и до выступления по радио немецкого командования никаких официальных сообщений об этих лагерях советская сторона не давала. Несуразным выглядит обвинение международной комиссии 1943 года в фальсификации данных эксгумации: ведь доступа на оккупированную территорию советские эксперты не имели. Сталинская комиссия игнорировала факт прекращения переписки военнопленных со своими родными весной 1940 года. Ни одного письма из советских лагерей не получали в семьях погибших поляков позднее этого срока. В противном случае «немецкая версия» лопнула бы сразу. Лишено логики утверждение, будто еще осенью 1941 года многие офицеры бежали из лагерей «в районе Смоленска» и немцы устраивали на них облавы. Неужто ни один из беглецов не пробрался на родину? Что касается свидетелей, то долгие годы массового террора, атмосфера страха, царившего в стране, обесценивали любые показания. Как сообщили ушедшие на Запад жители окрестных деревень, агенты НКВД уже в конце 1943 года усиленно уговаривали крестьян дождаться прихода Советской Армии. Те, кто остался и попал в лапы бериевских Органов, дали комиссии нужные ей показания. Обвинив немцев в фальсификации документов, члены комиссии вновь забыли об элементарной логике: обработать 11 тысяч трупов (эта цифра фигурирует в советском сообщении) в холодное время (март 1943), подменив в спрессованных кучах убитых множество газет, писем, открыток, дневниковых записей новыми — задача явно невыполнимая. В 1943 году немцы устроили для иностранцев выставку подлинных документов. Советской комиссии демонстрировать было нечего...

На этот раз экскурсии в Катынский лес не проводили, как это было при немцах. По отдельных лиц, готовых дать угодные НКВД

сведения, приглашали. Представители польской армии, сформированной на территории СССР во главе с генералом Берлингом, официально подтвердили лживую советскую версию катынских событий. Побывала под Смоленском дочь американского посла в Москве Катлин Гарриман. Ее рапорт, обвиняющий во всем фашистскую Германию, заметно помешал установлению истины. Однако дочь посла все же не пожелала делить с Берлингом груз несмываемого позора. Восемь лет спустя, проявив мужество, она официально отказалась от прежних показаний, написанных под диктовку специалистов из НКВД.

А в Специальной комиссии неужто ни одного мужчины не нашлось? Нет, конечно: Сталин славился умением подбирать кадры. «Академик» В. Потемкин, как свидетельствует Е.А. Гнедин, был штатным предателем. Другой «академик», писатель А. Толстой, в угоду генсеку слепил эрзац — «Хлеб» — книгу о Царицынской обороне. Лишь председатель комиссии Н. Бурденко незадолго до смерти, в 1946 году, поведал близкому другу, доктору Ольшанскому, правду о Катыни.

«Нет сомнения, что такие «Катыни» были и будут. Если вы начнете раскапывать нашу матушку Россию, вы наверняка обнаружите достаточно таких раскопок... Мы должны были полностью отвергнуть широко распространившиеся немецкие обвинения. По личному приказу Сталина я поехал на место... Была проведена проверка: все тела в могилах были четырехлетней давности. Смерть наступила в 1940-м... На самом деле для меня, как доктора, вопрос ясен, здесь нет спора по этому поводу. Наши товарищи из НКВД совершили большую ошибку».

О судьбе остальных поляков стало известно совсем недавно, в 1990–1991 годах. Около четырех тысяч узников Старобельского лагеря, в их числе восемь генералов и группа старших офицеров, были вывезены в апреле 1940 года под Харьков и уничтожены местными энкаведистами. В конце 60-х тайные захоронения были случайно обнаружены. Наследники бериевской службы поспешили замести следы: огородили это место, построили там пансионаты, уничтожили уцелевшие от давних чисток архивные документы, потом чинили всяческие препятствия расследованию харьковской экзекуции...

Яростное сопротивление оказали следственным Органам уже в наши дни руководители Тверского УКГБ. Там, в подвале местной тюрьмы, их предшественники расстреляли в апреле 40-го всех узников Осташковского лагеря. Поляков убивали методично, по одному, маскируя выстрелы шумом вентилятора внутри и включенным мотором грузовика снаружи. Бригаду палачей возглавлял московский чекист майор В.М. Блохин.

На месте захоронения стоят и поныне дачи КГБ СССР. Попробуй подступись...

Теперь стало возможным отказаться от бытовавшей одно время версии, будто семь тысяч военнопленных поляков утопили вместе с баржами в Белом море.

В 1964 году в Нюрнберге предметом судебного расследования стал лишь Катынский расстрел. Но трибунал занимался этим делом всего четыре дня, с 1 по 3 июля. Не был вызван ни один свидетель из поляков, проживавших тогда на Западе. Правительства США и Великобритании не представили необходимые документы и отчеты. Из свидетелей казни заслушали всего трех человек, в их числе болгарского профессора Маркова, давшего в 1943 году правдивые показания. Попав после освобождения своей родины в ищущие лапы бериевских агентов, профессор полностью отрекся от прежних слов.

Как они сумели, Сталин и Берия, организовать такую комбинацию обстоятельств? И добиться того, что в приговоре по делу нацистских преступников Катынь вовсе не упоминается.

Последующие годы прошли в неустанных хлопотах. Надо было предвосхитить, пресечь возможность разоблачения, ликвидировать любыми средствами свидетелей.

Послевоенную Польшу Сталин, а значит, и Берия рассматривали как свою вотчину. Никто там не осмеливался открыто заговаривать о Катынской трагедии. Польское правительство, дабы услужить Москве, поручило прокурору Кракова Роману Мартини собрать документальные материалы с целью окончательно подтвердить вину фашистской Германии. Мартини выполнил задание. Однако все свидетели, все материалы уличали НКВД.

Незадачливого прокурора 28 марта 1946 года прикончили в собственной квартире. Судья, рассматривавший это дело, оказался догадливее, он квалифицировал карательную акцию НКВД как убийство с целью грабежа...

Новое место действия — Вашингтон. Здесь были наслышаны о происшедшем в Лондоне и Кракове, поэтому Берия пришлось менять тактику. Среди американцев, которые по приглашению немецкого командования посетили в мае 1943 года Катынский лес и осматривали могилы, был полковник Джон Х. Фан-Флит. После падения Берлина он вернулся домой и был допрошен о катынском деле высшим офицером американской разведки, который обязал его составить подробный отчет. Этот отчет хранился как особо секретный документ. Мы не знаем, каких стараний, скольких миллионов долларов стоило Берия осуществление этой операции, но через несколько лет отчет Фан-Флита исчез. Пришлось ему писать свой отчет заново, и, если бы не запрос члена Палаты представителей, который добился опубликования документа в 1950 году, история с исчезновением могла бы повториться.

К тому времени международная обстановка изменилась: началась Корейская война. Вашингтон уже не заботил престиж бывшего союзника по антигитлеровской коалиции. В сентябре 1951 особая комиссия Палаты представителей США начала расследование Катынского дела. 81 свидетель, включая экспертов из международной комиссии 1943 года, свыше 100 письменных показаний и 183 документа — этих материалов более чем достаточно для того, чтобы безоговорочно обвинить в гибели корпуса польских офицеров кремлевских правителей. В заключении, вынесенном 22 декабря 1952 года, комиссия рекомендовала правительству направить дело в ООН, но в Вашингтоне нашлись силы, которые удержали президента от этого гуманного шага.

Материалы, собранные американской комиссией, вышли в свет, и это издание открыло миру правду о катынском злодеянии. Разоблачение истинных виновников могло бы стать более полным, эффективным, если бы удалось опубликовать материалы международной комиссии экспертов 1943 года. Но они безвозвратно погибли при эвакуации германских войск из Польши в начале 1945 года.

Тут им явно повезло, устроителям катынской резни. Но Лаврентий Берия не из тех людей, что пребывают сложа руки в ожидании милостей судьбы. Он организует кампанию протеста против заключения комиссии Палаты представителей США. В этой кампании приняли позорное участие некоторые видные польские деятели. Газета «Правда» вторично публикует насквозь лживое сообщение Специальной комиссии 1944 года.

Год 1960. Ольга Григорьевна Шатуновская, член партии с 1916 года, отбывшая 18 лет в сталинских лагерях, работает в КПК. Она член коллегии Комитета и входит в состав комиссии Политбюро по реабилитации партийных деятелей. Сталина давно нет в живых, Берия казнен семь лет назад, и помощник Н.М. Шверника, председателя КПК, П.И. Богоявленский решил кое-что рассказать о Катынском деле. Ему доподлинно известно, что 15 тысяч польских военнопленных уничтожены по прямому указанию генсека. Нынешний шеф Богоявленского был назначен председателем Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Сталин действовал через Берия, и Шверник прилежно выполнял указания Лаврентия Павловича. Богоявленский участвовал в операции 1944 года и в кампании дезинформации. Рассказывая об этом, он смеялся: «Вот как ловко мы провели весь мир, а заодно — и своих простаков...»

Да, люди знают, кто несет ответственность за свершившееся весной 1940 года в Катынском лесу. Только не надо винить Советский

Союз в целом. Уничтожение польских офицеров, эта акция геноцида польской интеллигенции, — дело рук Сталина, Берия и его заместителя Меркулова.

В октябре 1940 года в кабинете Лаврентия Берия на Лубянке впервые был затронут вопрос организации на территории СССР Польской армии. Генерал Берлингер заметил уверенно, что необходимые для этой армии офицерские кадры имеются. Они содержатся в трех лагерях для военнопленных. Участвовавший в переговорах Всеволод Меркулов ответил: «Нет, эти — нет. В отношении к ним мы допустили большую ошибку».

В Катынском лесу на месте весеннего избиения 1940 года установлена памятная доска с эпитафией на двух языках, польском и румынском: «Здесь похоронены невольники, офицеры Войска Польского, погибшие в страшных мучениях от руки немецко-фашистских оккупантов осенью 1941 года».

Еще одна ошибка?

Минуло более полувека со времени Катынской трагедии, но только в конце 80-х, когда спали наконец оковы сталинской оккупации, общественные деятели свободной Польши воззвали к исторической справедливости. В марте 1988 последовал — впервые! — запрос депутатов Сейма министру иностранных дел. Казалось, настало время правды. Однако путь к ней будет извилистым и долгим.

Прошел год, и вот уже «Московские новости» сообщают некоторые подробности преступной акции — на основании ранее запрещенных западных публикаций и показаний уцелевших свидетелей. Названы имена причастных лиц: генералы Райхман, Зарубин, полковник Кужов, Зодин и еще один функционер тайного ведомства — Бурьянов. В ликвидации лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове принимали участие воинские части, но главные исполнители — специальные отряды НКВД Минска, Смоленска, Харькова, Твери.

Авторы статьи А. Акуличев и А. Памятных, упоминая о германской экспертизе 1943 года, тоже обратили внимание на лесопосадки, произведенные три года назад на могилах убиенных.

Полезная публикация. Но в ней отсутствует ссылка на ленинградскую «Звезду», где в 1989 году опубликована глава из моей книги «Карьера палача». Здесь впервые в советской легальной печати сказана правда о Катыни. Это было с благодарностью отмечено польскими читателями.

Эта книга посвящена карьере Лаврентия Берия, работал я над ней в начале 80-х, при Брежневе. Охранительные Органы изъяли рукопись, все экземпляры. Преследовали меня вместе со всеми близкими

друзьями с большим служебным рвением, но почему-то оставили на «свободе»...

В последние годы тема Катыни вышла из подполья, однако не все Органы печати отказались от фальшивого толкования событий. В авангарде реакционеров оказался «Военно-исторический журнал» при главном редакторе Викторе Филатове. Сей скороспелый генерал, следуя воле позорно знаменитых политорганов и собственным взглядам, истолковывал прошлое в духе махровой сталинистки Нины Андреевой. На страницах научного журнала Филатов поместил материалы, которые вопреки неопровержимым фактам должны были бы снять вину за катынское злодеяние с кремлевских узурпаторов... (№ 6, 1991).

Сколько ступеней секретности насчитывает иерархия партийных документов?.. Эти бумаги хранились 52 года в специальном отделе специального архива ЦК КПСС под грифом «Совершенно секретно» в двух «особых папках». Нашлись сановники, предлагавшие их уничтожить, и тогда имена главных палачей остались бы в тени.

5 марта 1940 года состоялось очередное заседание Политбюро. Как явствует из протокола № 13, члены партийного ареопага рассмотрели «вопрос об НКВД». Повод — записка наркома Л. Берия в ЦК: «Товарищу Сталину. О польских военнопленных, дела которых предлагается рассмотреть в особом порядке». Берия сообщал, что после раздела Польши, осуществленного по сговору с Гитлером в сентябре 1939 года, в советском плену оказалось 21 857 польских военных и гражданских лиц. Ныне они находятся в тюрьмах и лагерях, пришла пора решить их участь. И решение по этому делу было принято: «Рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела». Ни следствия, ни суда — просто, надежно.

На документе — подписи четырех людоедов: Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна. И протокольная пометка на полях: «т. Калинин — за, т. Каганович — за».

То, что последовало вслед за этим тайным решением, стало через три года известно всему читающему миру. Кроме советских подданных. Их обманывали при Сталине и после него, при Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко. Кощунственный обман продолжил глашатай свободы и гласности Михаил Горбачев. Собираясь перед распадом советской империи с визитом в Польшу, Президент СССР должен был положить в портфель секретное решение сталинского Политбюро. Но нет, для ловкого партфункционера, поднявшегося на аппаратных дрожжах к верховной власти, симпатии старой бюрократии оказались важнее чаяний «братской» Польши. Располагая точной информацией, Горбачев предложил создать смешанную комиссию для

установления истины и поручил КГБ разыскать подлинные документы. Те самые, что хранились в его кабинете.

...А на месте казни все еще красовался одетый в гранит и мрамор памятник «Польским офицерам, расстрелянным фашистами в 1941 году». И еще один фальшивый мемориал — памятный знак советским военнопленным, которые по приказу гитлеровцев участвовали в эксгумации. Их, согласно этой надписи, тоже расстреляли...

Возня на самых верхах обогатилась новым решением Политбюро 31 марта 1989 года «о выработке линии поведения в Катынском деле».

Один из советников Президента, В.М. Фалин, предложил такой выход из тупика. В записке, поданной 2 февраля 1990 года, он сконструировал компромиссное решение застарелой проблемы: якобы совсем недавно в архивах НКВД обнаружены документы 1940 года, которые ставят под сомнение выводы комиссии Н. Бурденко, поскольку ни прямых свидетелей, ни исполнителей обнаружить не удалось, гибель польских офицеров в Катынском лесу — дело рук агентов НКВД во главе с Берия.

Горбачев воспользовался этим спасительным советом и уже в апреле того же года на приеме Ярузельского в Кремле заявил, что поляки «стали жертвами Берия и его подручных».

Итак, виновник найден, сталинская клика вновь выведена из-под удара.

Конец этой позорной истории положил Борис Ельцин. Когда его посланец вручал Президенту Польской Республики те самые папки с подлинными документами, Лех Валенса, человек редкого мужества, не сдержал слез. То были слезы неизбывного горя и благодарности.

4 июня 1995 года в Катынском лесу было заложено польское военное кладбище. Приехало более тысячи родственников казненных и польских ветеранов. Кругом — на дальних и ближних подступах — кордоны милиции, ОМОНа, армии. Местным жителям делать здесь нечего, московские журналисты проходят по спецпропускам.

«Мы слышим, как эта земля кричит! — сказал над смертными рвами Лех Валенса. — Этот немой крик мы слышали более пятидесяти лет». А наши президенты не слышали. И не слышат. Иначе они прибыли бы сюда в этот скорбный день и нашли слова покаяния. Борис Ельцин отправил в Катынь послание, выдержанное в привычном советском официальном стиле. Александр Солженицын тоже отклонил приглашение: его ныне занимают дела внутренние — экология, снижение рождаемости...

Видимо, не дано им услышать крик катынской земли — ни Президенту России, ни славному правозащитнику.

А как быть с могилами соотечественников, расстрелянных здесь в годы большого террора? Их разбросано по катынским могильникам более десяти тысяч. Нет даже четкого обозначения захоронений. Никто не ведает фамилий... Поляки каждого поименно знают, в лицо. И оплакивают.

В 400 метрах к западу от мемориала польским офицерам, близ шоссе, в лес ведет полузаросшая дорога. Вдоль нее — просевшие от времени траншеи. Представитель польского правительства профессор Марьян Глосек обнаружил 22 захоронения, которые появились там в 1944 году, — по данным аэрофотосъемки. Сколько тысяч жертв бериевских молодчиков брошено в эти траншеи? Мы не поляки, сто́ит ли ворошить старую печаль?

Кощунственным молчанием воспользовались досужие лакировщики светлого прошлого. В 1996 году некий Мухин выступил с брошюрой «Катынский детектив». За три года до этого он опубликовал в газете «Завтра» статью «Миф о Катыни», в которой пытался опровергнуть известные всему миру факты. В брошюре Мухин, ободренный молчанием властей, бросает в лицо работникам Военной прокуратуры и госархивов обвинение в фальсификации документов, включая письмо Берия и протокол заседания Политбюро с подлинными подписями. В свете мухинской инсинуации Президент страны выглядит пособником «мошенников»...

Кто водил пером Мухина, когда он утверждал, будто «в Советском же Союзе хотя и никогда не боялись расстрелять врага, но делали это только по приговору суда или органа, его заменяющего, а хоронили казненных только на кладбище». Это опубликовано при жизни миллионов жертв внесудебного произвола, свидетелей бесчеловечного обращения с погибшими в тюрьмах и лагерях. Поражает злобная развязность автора пасквильной брошюры в отношении дружественной Польши и ее многострадального народа. Он уверяет читателей в том, что «Катынское дело раздувается сегодня для того, чтобы Польша снова стала алчной европейской проституткой. Надеющейся, что если она угодит кому-то, то ей за это что-то «обломится».

Самое время подать на Мухина в суд. Но кто все-таки стоит за спиной этого приблатненного провокатора? А ведь он не один такой, господин Мухин. В газете с весьма достойными традициями «Правда» ему вторит некто Вишняков, тоже пытающийся отвести от сталинского Политбюро всякие подозрения в злодействе.

Потешили покойного Лаврентия Павловича, ох как потешили...

12 Зак. 1

ГЛАВА 9

НА ВОЙНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Кремлевский Фома

Когда в конце июня 1940 года Уинстон Черчилль предупредил Сталина о возможной германской экспансии, генсек, ничего не ответив премьер-министру Великобритании, передал содержание его письма Гитлеру[1]. Вскоре сведения о готовящемся нападении на СССР стали поступать регулярно. К весне 1941 года поток тревожных и вполне достоверных донесений усилился, и в мае война стала реальностью.

В одном ряду с документированными сведениями, полученными от Рихарда Зорге Лаврентием Берия (им впервые) и Сталиным, стоит сообщение немецкого посла графа фон Шуленбурга. В середине мая в неофициальной беседе с Деканозовым посол предупредил его о том, что Гитлер в ближайшее время нападет на Россию. Деканозов отказался разговаривать на эту тему[2]. Можно не сомневаться в том, что он доложил об этом Берия.

Надежды посла утонули в упрямом невежестве и глупой подозрительности кремлевских вождей. Им в угоду начальник разведывательного управления Генерального штаба Ф.И. Голиков не столько информировал правительство о военных приготовлениях Гитлера, сколько дезинформировал. Так поступали многие.

Положение дел встревожило начальника информационного отдела Разведуправления подполковника В.А. Новобранца. Тщательно изучив обстановку, он еще в декабре 1940 года составил объективную сводку и на свой риск разослал ее всему начальствующему составу Красной Армии. Начальник Генштаба К. Мерецков сразу же понял,

что война — на пороге. Сталина эта сводка привела в ярость. Он довольствовался сердечными заверениями Гитлера, а тут эти паникеры... Мерецкова сняли с должности, а не по чину умного подполковника отправили на «бериевский курорт» — так называли специальный дом отдыха, куда посылали «паникеров войны»[3].

Сталин тешил себя надеждой на отсрочку начала войны, и подручные, приученные потакать его желаниям, не смели противоречить[4].

Формально военная разведка подчинялась наркому обороны Тимошенко, в действительности Берия контролировал и это управление НКО. Неспособный объективно оценить ситуацию и соотношение сил, он думал лишь об одном — как угодить генсеку. На Берия лежит особо тяжкая вина за военную катастрофу сорок первого года: он располагал самой полной и самой достоверной информацией о готовящемся вторжении. 21 июня Берия передал докладную записку Сталину.

«...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра...

О том же радировал и В.И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Генерал утверждает, ссылаясь на свою берлинскую агентуру, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией (подпольную организацию Шульца — Бойзена и Харнака).

Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф.И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе...

Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!..» Лишь бы потрафить Фоме неверующему...

В старой папке, где хранятся тревожные донесения, в глаза бросается резолюция, написанная с нажимом вечного пера: *«В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников... за систематическую дезинформацию стереть в пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией...*

Л. Берия, 21 июня 1941 года»[5].

Не все секретные донесения поступали к Сталину. Основной поток шел на Лубянку. Искать главного виновника дезинформации нет нужды. Им был сталинский фаворит Лаврентий Берия.

Упорное игнорирование данных разведки и откровенных предупреждений государственных деятелей Запада. Отказ от экстренных мер по укреплению границ и мобилизации вооруженных сил. Существенная экономическая помощь противнику накануне вторжения... Во все времена подобные действия (и бездействие) обозначали одним словом — предательство.

Виновных в гибельных просчетах искали недолго. Первыми в сорок первом году легли на плаху советские агенты зарубежной разведки. Начальник разведуправления Голиков и Берия вылавливали их одного за другим до тех пор, пока не ликвидировали всю сеть — бесценный механизм, созданный усилиями многих преданных делу специалистов.

Зорге

Подвиг Зорге, трагедия Зорге... Надругательство над этой выдающейся личностью, над этим слепым идеалистом, Сталин учинил не в одиночку. Ответственность перед историей разделяет с ним Лаврентий Берия.

Разве могли эти вурдалаки понять, оценить значение героической деятельности Рихарда Зорге? Он пытался помочь своей советской Родине, передав точные, выверенные данные о планах гитлеровского нападения. Затем, в августе сорок первого, сообщил в Москву о стратегической директиве японского генштаба, нацелившего вооруженные силы на Тихий океан. Это позволило советскому командованию передислоцировать полумиллионную армию на запад. И свежие дивизии отстояли столицу.

Всего сделанного Зорге для спасения сталинской власти не счесть. Казнить его следовало на Лубянке... Но лучше выдать японцам. Так и сделали — с одобрения Сталина.

Не оставил Берия своим вниманием и близких Рихарда Зорге. В нищете закончили свои дни родные казненных героев, помогавшие разведчику. В Москве схватили жену Зорге с малолетним сыном. Два года Специальная группа по поручению Никиты Хрущева пыталась отыскать их следы. Но Берия умел работать чисто, в этом ему не откажешь[6].

Охота на разведчиков велась на протяжении всей войны. Их вызывали под разными предлогами в Москву и здесь казнили. Лишь нескольким Берия сохранил жизнь. Двоих мне довелось встретить на Заполярной Печоре, на Воркуте. Давид Вернер, младший брат известного писателя (фамилию я изменил) служил адъютантом у приближенного к Гитлеру генерала фон Ф. В чине капитана. В НКВД он числился в таком же звании. Барон фон Ф. по заданию фюрера инс-

пектировал фронты, и сведения, передаваемые Вернером, стоили подчас крупной военной победы.

Какой увлекательный роман: киевский еврей стал любимым адъютантом чистокровного немецкого барона и сумел внедриться в самое логово верховного командования вермахта... Этот ненаписанный роман оборвался на Лубянке.

— Где ты был в апреле 1940 года?

— Сопровождал начальника штаба в поездке по Восточной Пруссии.

— Так... — продолжал следователь. — А в мае сорок первого кого сопровождал?

— В мае сорок первого я находился неотлучно возле своего шефа в Праге.

— Не совсем точно: на два дня ты выезжал в Берлин. Ну а в марте сорок второго ты что делал, где был?

Вернер вспомнил: 15 марта он получил отпуск и провел его в Париже. Выезжал на побережье Средиземного моря. Когда, на сколько дней — сказать не мог. В те скудные недели так хотелось забыться... И он позволил себе кое-чего лишнего...

— Не можешь вспомнить? — В голосе следователя зазвучали карающие нотки. — Скажи уж лучше — не хочешь! Нам доподлинно известно, что в начале апреля 1942 года тебя завербовала иностранная разведка. Улики — в этой папке. И фотографии имеются. Вот бумага, ручка. Опишешь все подробно сам!

Вернер знал, что контраргументы, какими бы убедительными они ни были, здесь ничего не значат. Знал, чем все это кончится, и потому решил молчать. Но ему почему-то сохранили жизнь, тройка — знаменитое ОСО — приговорила его к двадцати годам лагерей. Этот срок он отбывал в зоне Речлага на Воркуте с наистрожайшим режимом. Волевой, физически сильный, он с первых же дней возглавил бригаду, и это помогло ему выжить.

По такому же сценарию был разыгран финал карьеры другого крупного разведчика Владимира Богоявленского. Бывший актер Центрального театра Красной Армии, он и в лагере попал на сцену театра при Управлении Севпечорлага, в поселке Абезь.

Как поведали мне Давид и Володя, остальные разведчики из тюремных камер уже не вышли...

Неоценимую услугу оказал Берия врагу. Но — не последнюю.

Уничтожение агентурной разведки свершилось в глубокой тайне. А Сталин, главный виновник военной катастрофы, нуждался в публичном оправдании. Виновными оказались командиры отступивших и разбитых частей. Всех расстреливать было невыгодно. Это понимали

даже такие функционеры смерти, как Сталин и Берия. Не долго думая, остановились на освященном старой доброй традицией варианте — казнить каждого десятого.

Армия встретила немецкое вторжение лишенная командного состава. Сталин расстрелял почти всех полководцев. Остались единицы. Чудом уцелели в лагерях Горбатов и Рокоссовский. Но не этих опытных военачальников назначил генсек на первые фронты. В дни военной катастрофы, даже тогда, он не мог отказаться от театральных эффектов и выдвинул на авансцену бутафорские фигуры Ворошилова и Буденного. Лишь сталинский гений мог вверить этим предельно некомпетентным «маршалам» вооруженные силы страны. Но он привык к ним в годы гражданской войны, привык к их тупой исполнительности. В современной науке маневренной войны, с ее стратегией бронетанковых колонн и мощных ударов авиации, эти конники едва читали по слогам. И еще один псевдомаршал — Кулик. Ему Сталин поручил Главное артиллерийское управление. В восемнадцатом году Кулик командовал артиллерией в Царицыне. На том же уровне.

Генсеку было удобно функционировать в окружении таких вот бездарных служак, он дорожил своим душевным комфортом. Государством он тоже дорожил, поскольку оно выражало его личную волю и угождало его личным потребностям. Но он не понимал, не хотел понимать, насколько это сложно — защищать такую громадную страну, как Советский Союз, от могучего, обогащенного свежим боевым опытом внешнего врага. Неудивительно поэтому, что бестолковые, преступно-неумелые действия назначенных Сталиным командующих довели первые военные поражения до масштабов катастрофы. На своем месте оказался лишь новый нарком обороны, энергичный, знающий дело Семен Тимошенко.

В первые же недели войны Сталин практиковал назначение партруководителей членами военных советов фронтов и армий и на другие ответственные посты. Привыкшие безраздельно властвовать на местах, все эти секретари обкомов, крайкомов и городских комитетов со знанием дела, энергично сковывали на фронте инициативу командующих. Не все, конечно, но большинство. Какую пользу, например, мог принести на посту начальника политотдела штаба дивизии такой пустозвон, как Леонид Брежнев? Окружающие называли его не иначе, как Брехнев. А бывший редактор «Правды» Лев Мехлис? Ущерб, который нанес этот активный блюдолиз вооруженным силам страны, сравним лишь с вредоносными действиями членов ГКО. Начал он в 1939 году на Карельском перешейке — смещал и подводил под расстрел командиров дивизий, разгромленных финнами. Сталин, послав-

ший его на фронт членом Военного совета 11-й армии, удостоил Мехлиса своих упреков, но через два года вновь послал в действующую армию эмиссаром — вначале на Волховский фронт, затем в Крым, в 43-м — на Брянский фронт. По вине этого вздорного политфункционера погибали целые корпуса и армии. Никакой ответственности заместитель наркома обороны Мехлис за это не нес[7].

Сколько таких мехлисов действовало на фронтах... То был стиль, сталинский стиль.

Еще одна скорбная примета немыслимой войны — трагедия Таллинна, разгром большого каравана судов. В гибели флота и многих тысяч людей, в поспешной сдаче Таллинна врагу НКВД обвинил капитана транспорта «Казахстан» Калитаева и адмирала Пантелеева вместе с группой офицеров. Честного патриота Калитаева расстреляли, а Пантелеевым занимался лично Берия. И лично распорядился его жизнью.

Берия подогревал подозрительность Сталина к любой инициативе командования Ленинградского фронта и Балтийского флота. По его наущению Верховный отверг эффективный план спасения Таллинна и флота, предложенный адмиралом Трибуцем[8]. То было равнозначно прямому предательству. Германские танки, самолеты и торпедные катера довершили дело...

За гибель 4-й армии на реке Буг заплатил жизнью командующий А.А. Коробков. В то трагическое лето расстреляли генералов Д.С. Павлова, В.С. Климовских... Георгий Жуков говорил Сталину, что такими мерами ничего не исправишь, что это «произведет тяжелое впечатление на армию». Ведь Павлов был способен командовать не более как полком, дивизией, а его поставили во главе Западного фронта. Но отказаться от доктрины страха для генсека означало бы отречься от самого себя. Снимая с фронта Конева, он и его решил предать суду военного трибунала. Если бы не смелое заступничество Жукова, одним казненным генералом стало бы больше.

Этими казнями преступный Диктатор пытался замаскировать свое трусливое заигрывание с Гитлером в канун войны.

...Немецкие танковые колонны неудержимо накатывались на Москву, разведка доложила о том, что враг подошел к Можайску. Сталин созвал экстренное совещание. Но когда начальник воздушной разведки фронта полковник Сбытов доложил обстановку, Берия объявил его провокатором и приказал арестовать. И заодно — еще несколько офицеров разведки.

Подобных примеров множество.

Верховный почему-то благоволил к генерал-лейтенанту Мантейфелю, хотя с такой одиозной фамилией место ему было только в тюрь-

ме. Берия решил отыграться на его супруге. Ее обвинили в попытке шпионажа — ПШ — и упрятали в красноярские лагеря. В 1944 году боевой генерал приезжал к ней на свидание, в Ужлаг. Три раза появлялся в мундире при всех наградах. Удивительную отвагу проявил полководец тогда. И высоту человеческого духа[9].

То был, наверное, случай уникальный. Спустя три десятилетия в свет вышли мемуары военачальников. Написанные по заданию и под надзором известного реакционера Сергея Трапезникова, заведовавшего при Брежневе отделом науки ЦК, они явили миру Верховного главнокомандующего в образе доброго наставника. С ним, оказывается, можно было спорить, отстаивать свое мнение, не опасаясь сиятельного гнева. Многолетний помощник Сталина Александр Поскребышев заметил потом по этому поводу в беседе с Александром Твардовским: «Читаю вот воспоминания маршалов и генералов, где рассказывается об их встречах со Сталиным — и мне смешно. Разве так было?»[10]

Все они трепетали перед Верховным, отдельные всплески безумной храбрости не в счет.

Как они воевали, советские генералы, в этой обстановке — остается исторической загадкой. И конечно же, постоянный страх за собственную жизнь, скованность командующих, поставленных под неусыпный надзор партийных функционеров и функционеров бериевских, стали первопричиной невиданных потерь в живой силе — миллионов и миллионов солдат.

Власов

Символом торжества преступной сталинской политики осталось в истории войны имя генерала Власова. Его измена — прямая заслуга Сталина и Берия. Командуя 20-й армией под Москвой, Власов сумел выбить врага из Волоколамска. В марте сорок второго его назначили заместителем Мерецкова, командующего Волховским фронтом. В июне, когда была предпринята попытка прорвать немецкое кольцо вокруг Ленинграда, Власову поручили вызволить из беды 2-ю ударную армию. Она была обречена — попала в ледяные болота, осталась без тяжелого вооружения, боеприпасов, продовольствия. Окруженная превосходящими силами противника, была брошена в безнадежное наступление. Власов храбро сражался до конца. Потеряв почти всю живую силу и свой штаб, генерал мог точно представить, что ждет его в случае спасения. Он не последовал примеру Федюнина, покончившего с собой в сходной ситуации. Генерал-майор А.В. Федюнин застрелился в августе сорок первого, когда его 10-я гвардейская дивизия полегла под ударами противника. Андрей Власов расплачиваться жизнью за

авантюрную политику сталинской клики не пожелал. И генерал-патриот изменил Родине. Нет, не Родине — Сталину.

Позднее под начало Власова встанет целая армия — случай в истории войн уникальный. Десятки тысяч солдат и офицеров, не по своей воле попавшие в плен, выступят на стороне гитлеровской Германии. Они знали, что на Родине их ждет расстрел или медленная казнь в истребительных лагерях[11].

Генерал Мерецков

В России Гитлера ожидали приятные сюрпризы. Разлагающая фронт и тыл перезрелая бюрократия, засилье политработников, боязнь ответственности — все пороки сталинской системы угнетающе сказались на управлении армиями, на взаимодействии родов войск. Этот фактор значительно облегчил гитлеровскому командованию реализацию стратегических планов. Но главный и постоянно действующий фактор, обеспечивающий длительное преимущество интервентов, — это страх. Он буквально парализовал управление фронтами, опутывая прочной паутиной все ячейки огромного военного механизма — от Ставки Верховного главнокомандующего до отделения пехоты. Расхожую формулу «Медаль или тюрьма!», которой кукольный маршал Кулик оснащал свои приказы, не им придумана. Так оно и было: тюрьма угрожала всем ежеминутно. Рука об руку с партийными функционерами типа Мехлиса подрывали оборону функционеры бериевских Органов. Они гнали на убой сотни тысяч, миллионы солдат, вчерашних рабочих, крестьян, учителей, инженеров, ученых. Циничные властолюбцы, фальшивые до мозга костей агенты Лубянки не доверяли никому, готовые в любом боевом командире видеть потенциального предателя.

Иной историк дивится: как удалось нацистским войскам в столь короткий срок перемолоть передовые эшелоны могучей Красной Армии?

На Гитлера работала вся сталинская *система*.

Аресты военных продолжались и после тридцать восьмого года. В числе взятых в начале 1940 года был Кирилл Мерецков. На Лубянке ему инкриминировали шпионаж в пользу Англии. Смелый человек, бывший командующий Ленинградским округом, участник гражданской войны в Испании, он с негодованием отверг клевету. Тогда его передали в руки Родоса, того самого Бориса Вениаминовича Родоса, который пытал Эйхе, Чубаря, Косарева, Мейерхольда. Добиваясь признания от Мерецкова, Родос сломал ему ребра. Несчастный катался по полу, криком заглушая невыносимую боль... Обо всем этом маршал Мерецков поведал суду в 1956 году на процессе по делу Родоса. Следователь был приговорен к высшей мере наказания. Его жертвы посмертно реабилитированы.

Справедливость восторжествовала... Восторжествовала?

Год 1953. После смерти Сталина Берия пытался выставить себя этаким поборником справедливости. Он рассказал Хрущеву, как ему удалось спасти Мерецкова. Лаврентий Павлович пришел к генсеку и напомнил ему о судьбе опытного военачальника. Идет война с финнами. Мерецков нужен там. Сталин поручил народному комиссару переговорить с узником. Примечателен диалог в кабинете Берия.

— Вы же честный человек, зачем вы оговорили себя?

— Мне нечего вам добавить, у вас имеются мои письменные показания.

— Идите в камеру, отоспитесь и подумайте. Вы — не шпион.

На следующий день:

— Ну как, все обдумали?

Мерецков заплакал.

— Я — русский, я люблю свою Родину.

Берия выпустил Мерецкова из тюрьмы, ему вернули звание генерала армии. Но он, по свидетельству Хрущева, был едва в силах ходить. А Берия пытался внушить новому хозяину, что гибели Мерецкова добивался не кто иной, как «этот кровожадный Абакумов...»[12]

Как мог Мерецков после этого управлять войсками? И его помощник генерал Дегтярев, побывавший в лапах Берия в тридцать восьмом? Дегтярева, по счастью, не казнили, вернули в строй накануне войны. Он командовал артиллерией под Тихвином. После сдачи города ожидал с часу на час расправы...

Сталин почти ежедневно упрекал ленинградское командование во всех военных неудачах. Это началось летом 1941. К тому времени Верховный успел убедиться в абсолютной непригодности Ворошилова. Однако в помощь Жданову он посылает, словно в насмешку, именно этого маршала, будто вчера сошедшего с затертого агитплаката. Потом разъяренный новыми поражениями Хозяин назовет Жданова с Ворошиловым «специалистами в искусстве отступления». Но Жданов сам был горазд на упреки, угрозы и необдуманные приказы. Не один Мехлис подражал Хозяину. Политика устрашения, естественно, сочеталась с безудержной демагогией. «Почему не наступаете? Почему противник все время атакует, а вы прячетесь в окопах?!» Сколько глупых, фанфаронских приказов о наступлении было отдано некомпетентными партийными бонзами в самой тяжелой, гибельной обстановке, когда в пору было думать лишь о спасении остатков разбитых армий. В этих авантюрных атаках сгорали без остатка полки, дивизии, корпуса...

В августе — сентябре нападки генсека на ленинградских руководителей достигают кульминации. То ему не по вкусу состав Военного

совета, то мерещится, будто его ложно информируют о положении дел, то план внутренней обороны города никуда не годен... Верховный отвергает план организации гражданской милиции, он настаивает на жестком контроле фронта и тыла Органами НКВД.

Эти установки могли быть подсказаны председателю ГКО только Лаврентием Берия, никем иным. Но он часто действовал и через подставных лиц, не брезгуя провокациями. Ленинградские эмиссары НКВД доложили в Москву, что Жданов и Ворошилов готовят капитуляцию, что они, поддавшись панике, раздают оружие гражданскому населению. А оно крайне ненадежно...

Противник не ослаблял мертвой хватки на горле Ленинграда. Сталин душил колыбель Октября своей волосатой рукой. Он устроил натуральную чехарду в управлении войсками, тасуя командующих словно карты в колоде, разделяя и соединяя фронты. И в то же время отказывал защитникам Ленинграда в самом необходимом. Десятки батальонов народного ополчения, необученные, безоружные, были брошены в огонь и полностью истреблены. Главная забота — о себе, о собственной безопасности. И о престиже. Москва — столица, ее надо отстоять любой ценой. А Ленинград можно в конце концов сдать.

В августе в город на Неве прибыла Специальная комиссия во главе с членами ГКО Молотовым и Маленковым. Трудно было враждующим кланам склонить на свою сторону такого осторожного царедворца, как Молотов. Вопрос о сдаче Ленинграда, вероятно, так и не был решен: никто не хотел брать на себя такую тяжкую ответственность.

Меж тем Берия с Маленковым подогревали недовольство Сталина делами Ленинградского фронта. Генсек упрекает Жданова с Ворошиловым во всех грехах и заменяет наконец Ворошилова Жуковым 11 сентября. Но снять гибельную блокаду не удается. И все же Ленинград устоял. И Жданов устоял. Он мог бы рассказать о том, что творилось за кулисами ленинградской бойни. Документы могли поведать. Но архив Жданова исчез вместе с другими секретными материалами. Чьих рук это дело, гадать не будем.

Был в Государственном Комитете Обороны человек, заинтересованный в падении Ленинграда не меньше, а может быть, и больше Адольфа Гитлера. Заключительный этап своей карьеры Лаврентий Берия строил на возвышении Георгия Маленкова, который ему виделся в роли генсека. Единственным конкурентом являлся Андрей Жданов. Соперничество этих кронпринцев стало движущей пружиной трагедии, разыгравшейся на берегах Невы. Падение Ленинграда означало падение Жданова. Этот город стал разменной монетой в азартной игре политиканов.

Маленков во всем поддерживал Берия. Вместе они в ГКО составляли силу почти неодолимую. Они осмеливались — и только они — игнорировать подчас распоряжения Председателя. Маршалу Воронову понадобилось для переброски войск 900 грузовиков, и Сталин приказал выделить ему требуемое количество машин. Берия решил самостоятельно урезать число до 400. Может, ему просто поторговаться хотелось? Маленков был с ним заодно. Кто из военачальников осмелился бы спорить с этой нечистой парой или — мыслимое дело! — обратиться повторно к Верховному? Но Воронов пообещал напомнить Сталину о принятом решении, и Берия отступил[13].

В еще более рискованный спор вступил Воронов в октябре сорок второго, когда разговор в Ставке зашел о вооружении частей войск НКВД. Берия потребовал 50 000 винтовок. Потребовал в тот момент, когда в оружии остро нуждались воинские части и рабочие батальоны. Сталин спросил мнение Воронова, и тот выразил недоумение по поводу странного требования наркома. Тогда Берия начал что-то доказывать Сталину по-грузински (характерный, но далеко не единственный случай). Сталин прервал его раздраженно, но вовсе отказать не хотел, приказал выделить НКВД 10 000 винтовок.

Берия, на какие бы ступени власти он ни забирался, всегда мыслил категориями профессионального душителя. «Погоди, — бросил он Воронову, — мы еще завяжем твои кишки в узел...»[14]

Первое знакомство Воронова с Берия состоялось осенью 1938 года. Лаврентий Павлович, тогда еще заместитель Ежова, лично занимался его «делом», и, если бы не вмешательство генсека, который почему-то решил сохранить опытного артиллериста, Воронов разделил бы судьбу многих высших офицеров. В начале войны Сталин привлек его к работе в Ставке и внимательно прислушивался к советам будущего маршала. Времена изменились, Сталин — впервые за многие годы — стал поощрять самостоятельность суждений некоторых помощников. Воронов держался независимо, и это особенно раздражало члена ГКО Берия. Ни он, ни его коллеги по Комитету не думали о пользе дела.

Так они и воевали, неуемные карьеристы Маленков и Берия, тупоголовый Молотов да вовсе обделенный природой Ворошилов — под неверной рукой верховного самозванца. Так функционировал сей поразительный орган, средоточие полной некомпетентности и диктаторских амбиций. Именно эти черты четко проявились в действиях Сталина, которого льстивые подручные нарекли Спасителем Отечества. Напрасно Георгий Жуков в июле и в августе 1941 года предупреждал о том, что немецкие армии вскоре повернут от Москвы на юг. Его уверенность разделял Генеральный штаб. Сталин не внял голосу

военных. И что же? В сентябре пал Киев. Пал по вине генсека, вырядившегося в солдатскую шинель. Погибли тогда сотни тысяч сынов в шинелях фронтовых. Подобное случится на этой войне еще не раз. Ведь каждый член ГКО, подражая Верховному, вносил свою лепту в дело истребления живой силы народа. Откуда она только бралась, эта сила, после тридцатых расстрельных... История не знала такого пренебрежения к человеческой жизни, какое явила нашей Земле сталинская клика и в мирные годы, и в годы войны.

Неподготовленность к войне, отсутствие командного состава, почти полностью истребленного перед гитлеровским вторжением. Абсолютное несоответствие Диктатора задачам управления государством и его вооруженными силами. Массовый террор и система тотальной слежки, проводимые Сталиным и Берия на фронте и в тылу. Некомпетентность большинства выдвинутых ими полководцев. Применение мертвящей партийной демагогии при анализе боевой обстановки и в оперативном командовании. И явная недооценка противника. Сложный комплекс причин подвел страну к военной катастрофе 1941 года.

Но его можно выразить одним простым словом: сталинщина.

Ну а Гитлер, как он выглядит на этом фоне? Ответ содержится в дневниках Иозефа Геббельса.

5 июля 1941

Фюрер чрезвычайно доволен тем, что маскировка приготовлений к восточному походу вполне удалась. Он стоит на той точке зрения, что таким путем мы сохраним от 200 000 до 250 000 человек. Весь маневр проведен с невероятной хитростью...

15 августа 1941

...фюрер не довольствуется завоеванием пространства и городов... Он хочет по возможности сберечь солдат[15].

Натура Лаврентия Берия вмещала столько гнусных качеств, что порой кажется, будто история подсунула нам в насмешку опереточного злодея. Помимо всего, им владела стойкая ненависть к советскому народу. И — недоверие. С первых недель войны он всеми силами саботировал вооружение батальонов народного ополчения. Ленинградское командование первым приступило к организации партизанских отрядов. Берия пытался задавить и эту полезную инициативу. Однако партизанское движение росло и ширилось без оглядки на НКВД и его шефа. В Ставке и ГКО понимали, сколь важным подспорьем фронту может стать партизанская война, если ею умело руководить и оказывать партизанам действенную помощь. Но Берия гнул свою линию с упорством матерого бульдога. Когда в ноябре 1941 года был

создан Центральный штаб партизанского движения, Берия вскоре под разными предлогами арестовал почти всех сотрудников. И позднее, когда партизанское движение получило широкую поддержку всех государственных и военных Органов, Берия неустанно подкладывал под него новые и новые мины[16].

Готовясь к походу на Москву, Гитлер и мечтать не мог о таком энергичном и преданном союзнике. Берия делал попытки формально закрепить этот союз. Тому есть, пусть косвенные, но весомые доказательства.

Депортация жителей Прибалтики началась вскоре же после захвата Эстонии, Латвии и Литвы в августе 1940 года. Берия тотчас направил туда своего эмиссара Ивана Серова. Не ожидая официального объявления прибалтийских республик под советской юрисдикцией, генерал Серов уже 11 октября распорядился об аресте и высылке всех нежелательных граждан. Вторая волна депортации прошла по городам и селам Прибалтики перед вторжением гитлеровского вермахта. Массовые аресты начались в ночь с 13 на 14 июня 1941 года. Специальные оперативные группы на грузовых автомашинах, по пять агентов НКВД в каждой, забирали подозреваемых в антисоветизме жителей. 15 минут на сборы, погрузка и — на вокзал. В товарные вагоны набивали по 65–70 человек, разлученных с семьями, близкими. Неимоверная теснота, голод, жажда, грязь... Многие погибли в дороге, не успев, подобно русским братьям, привыкнуть к тюремному быту на колесах.

По данным западных историков, в годы 1940–1941 и 1944–1952 жертвами незаконных репрессий стали 175 тысяч эстонцев, 170 тысяч латышей и 320 тысяч литовцев[17].

Сколько их сгинуло в Якутии, на Колыме, на реке Яне, в Оймяконе — ученых, рабочих, учителей, священнослужителей... Сколько женщин, детей, стариков. Мне довелось, уже позднее, встречать жителей прибалтийских республик в лагерях на Печоре, на Воркуте, но те, что попали в Якутию, вряд ли выжили. Читаешь записки Дали Гринкевичюте, чудом выжившей, — сердце не в состоянии вместить этот ужас.

«...Даниляускне, жена директора гимназии в Мариамполе, четверо суток лежала мертвая рядом с сыном, который не мог встать от истощения и цинги. Барак оказался под снегом. В него попасть можно было только ползком по узкой щели в снегу. Когда покойницу по веревке вытаскивали в щель, сын Антанас кричал вслед: «Прости, дорогая маменька, что не могу проводить тебя!»

Ректор Литовской сельскохозяйственной академии профессор Вилкайтис был сторожем, охранял бочки с рыбой, выловленной осенью. От голода он так ослаб, что упал на бочки и скончался.

В детском приюте двое мальчиков, двенадцати и тринадцати лет, повесились... Там вымерли от голода и цинги почти все дети...»[18]

Режим Сухановки

О страданиях, которые принесла война мирному населению, известно всему человечеству. Но то, что выпало на долю обитателей тюрем, трудно описать. В системе центральных тюрем подмосковная Сухановская занимала особое место, следователи недаром пугали своих подопечных Сухановкой. Мы еще вернемся к истории застенков, этого особорежимного заведения. В подвальных камерах применялась новейшая пыточная техника, хотя тамошние костоломы не отказывались от традиционных способов добывания признаний.

Для этой цели приспособили стоявшую вблизи церковь. Кощунство? Это слово до́лжно повторять бесконечно, но ведь и без него все понятно. Берия позаботился о том, чтобы каждая тюрьма стала средоточием мучений на грани возможностей человека. И — за гранью, как в Сухановке. Это был своеобразный комбинат, в котором арестант проходил, за исключением судебной процедуры, все стадии переработки, начиная со следствия, кончая казнью. Расстреливали на месте. Ну а тех, кого отправляли в Суханово на консервацию, сажали надолго в камеру-клетку. Койку на день надзиратель привинчивал к стене, но и тогда нельзя было двух шагов сделать без помех. Табуретка, столик, параша тоже подлежали привинчиванию. Узкое окошко закрыто козырьком, прогулки отменены. Ночной сон походил на пытку: койка, опускавшаяся от двери вдоль стены, имела наклон в сторону изголовья.

Дни, недели, месяцы без движения, без воздуха и света, без общения с людьми. Иногда к упорствующему узнику подсаживали соседа, из провокаторов. В этом случае приходилось целый день проводить на краешке табуретки. Надзиратель поминутно заглядывал в «глазок». За малейшее нарушение распорядка — карцер.

Меня лично чаша сия миновала, зато сохранились свидетельства бывших узников Сухановки. Один из них, уже знакомый нам Евгений Гнедин, провел там тринадцать месяцев.

Эвакуация заключенных из Сухановской тюрьмы началась в мае 1941. Преступно медлительные в деле обороны государства Сталин и Берия в данном случае проявили завидную оперативность.

Вот и кончились тюремные мытарства бывшего заведующего отделом печати Наркомата иностранных дел. Но перед мытарствами лагерными Гнедину предстояло пройти судебный конвейер. О смертном приговоре не хотелось думать. Гнедина перевели в Лефортово, где заседали ТРОЙКИ. Каждую именовали Военной коллегией Верховного Суда. Такой же конвейер функционировал в Бутырках.

…Несуразное, юридически неграмотное (даже это!) обвинительное заключение, пятиминутный судебный дивертисмент, в первый раз не завершившийся приговором. На втором заседании Гнедин все же получил свои десять лет и угодил в дальний лагерь. Потом — ссылка, реабилитация. Все как у людей[19].

16 октября 1941. Немцы у ворот Москвы. Оставлять узников тюрем на месте? Уничтожить всех? Эвакуировать? Время еще оставалось, хотя не хватало транспорта для государственных ценностей, заводского оборудования, не на чем было вывозить десятки тысяч ученых, педагогов, артистов, писателей, изобретателей… Но не о них заботился Лаврентий Берия, отдавая команды на столичные вокзалы. Краснопресненская пересылка, куда подходили железнодорожные пути, была набита этапируемыми под самую крышу. На площади Курского вокзала сгрудились до трех тысяч узников Бутырской тюрьмы. С Курского, Казанского, Павелецкого, Ярославского пошли эшелоны на север, на Волгу, на Урал…

Несколько этапов направили в Саратов. Доктор биологических наук Михаил Семенович Мицкевич был арестован на пятый день войны, попал на этап, ехал в знаменитом столыпинском вагоне, где в четырехместное купе набивали до двадцати пяти человек. «До Саратова поезд шел недели две, — рассказывал Мицкевич, — в дороге голодали так, что к концу пути стали настоящими скелетами»[20].

В одном купе везли горного инженера В.В. Шиффера, генералов авиации Клёнова, Птухина, Таюрского. Там были дважды Герой Советского Союза Я.В. Смушкевич, начальник ВВС РККА, и еще два крупных хозяйственника — директор московского завода «Динамо» и директор Ковровского авиазавода.

Здесь мы вновь обращаемся к судьбе академика Николая Вавилова. В ней, как и в судьбе Гнедина, в полной мере отразилась карательная политика Берия в первые годы войны.

«…В Саратове заключенных снова поставили на четвереньки, потом, раздевая догола, обыскивали и, наконец, после «санобработки» под душем с ледяной водой, развели по камерам. Вавилов попал в корпус № 3, где содержали наиболее крупных общественных и политических деятелей. В 1941–1942 годах в третьем корпусе сидели: Вождь Венгерской революции Бела Кун, редактор «Известий» Ю.М. Стеклов. Один из старейших коммунистов, основатель и первый директор Института марксизма-ленинизма Д.Б. Рязанов. Философ и литературовед, директор Института мировой литературы академик И.К. Луппол. Писатель Михаил Левидов… Некоторые одиночки третьего

корпуса были превращены в следственные камеры. Там приезжавшие из Москвы следователи вели допросы. Из этих камер круглые сутки доносились удары и стоны избиваемых»[21].

Автора книг о французских энциклопедистах, философа Ивана Капитоновича Луппола, арестовали почти одновременно с Вавиловым. Судили их в Москве тоже в одно время, одинаковыми были и приговоры. Сорокачетырехлетний красавец, сделавший блестящую научную и служебную карьеру, Луппол не переставал удивляться бедам, которые на него обрушились. Но тюремные тяготы сносил стоически и товарищем оказался хорошим. Третий обитатель камеры — Иван Федорович Филатов говорил впоследствии, что счастлив оттого, что хоть в конце жизни, в тюремной камере, повстречал таких душевных, отзывчивых и умных людей.

Около года провел Вавилов в камере смертников. 300 граммов суррогатного хлеба, пустая баланда, ни одной прогулки за все время. Запрет на баню, на мыло. Такой режим устроил Берия для этих ученых.

Несколько недель Вавилов лежал в одной камере со Стекловым, у обоих была дизентерия — голодный понос. Когда начальник тюрьмы обходил камеры, Вавилов попросил на двоих стакан рисового отвара.

— Ишь чего захотели! Раненым бойцам на фронте риса не хватает, а я буду рис государственным преступникам скармливать…

Голодом узников тюрем морили и до Берия. То был еще не настоящий голод. Массовый мор начался во время войны. Среди известных деятелей науки, погибших голодной смертью, был и академик Вавилов. Его жена находилась в то время в Саратове. Откуда ей было знать, что он томится здесь, в нескольких кварталах от ее дома. Она собирала, отказывая себе в последнем, продовольственные посылки и отправляла в Москву, в адрес НКВД. Там они исчезали, оттуда ведь ничего не возвращается. Берия, лично курировавший дело Вавилова, не мог не знать о посылках несчастной женщины[22].

Тогда же по прямому приказу Берия под Самарой казнили группу видных военных: командарма Григория Штерна с супругой, Павла Рычагова, Сергея Черных, Петра Пумпура, Эрнста Шахта — всего 22 человека.

День известен — 28 октября 1941 года.

Трагедия первых месяцев сплотила народ, пробудила патриотические чувства даже у закоренелых скептиков. Но на самом верху все оставалось по-старому. На старые дворцовые интриги наслаивались новые. Берия продолжал пополнять свежими материалами начатые при Ежове досье на всех членов Политбюро. В конце 1941 года в

Бутырской тюрьме сидел начальник службы тяги Октябрьской железной дороги. Однажды он вернулся с допроса и поведал сокамернику о том, что подписал показания на Лазаря Кагановича — будто тот завербовал его в свою контрреволюционную организацию...

Наглость, с какой Лаврентий Берия орудовал на политической кухне Вождя, в годы войны возросла неимоверно. Он совал свой нос в каждую кастрюлю, не пропускал ни одного помойного ведра. Объектом постоянной слежки тайных агентов стали и «работа» членов Политбюро, и их частная жизнь.

Внезапный переезд правительства в Куйбышев застал супругу Климента Ворошилова врасплох. Она торопливо наполнила необходимыми вещами большой фамильный сундук и отправила его на вокзал. На дно Екатерина Давыдовна положила альбом с личными фотографиями мужа. Там было много фотографий Сталина. Вождь уже много лет дарил Ворошилову по одному отпечатку почти каждой фотографии, где его запечатлели одного или в группе. Коллекция уникальная, и маршал Ворошилов гордился своим альбомом. Каково же было удивление супруги, когда, прибыв на место, она недосчиталась в багаже альбома... Кто, кроме Берия, мог его изъять?[23]

Однажды, весной сорок второго, с Н-ского аэродрома Западного фронта поднялся самолет и взял курс на вражескую территорию. Это случилось ранним апрельским утром, когда в штабе фронта не спал лишь дежурный офицер. Он не стал докладывать об этом начальнику штаба: такие полеты совершались и ранее — в расположение партизанского отряда. Но вот в штаб зашел приятель, капитан З-ов из особого отдела. Для него этот вылет оказался новостью. При дневном свете, да еще без прикрытия, когда немцы чувствуют себя хозяевами воздуха... Капитан обратился к начальнику ОСО, но тот приказал не совать нос в это дело, а еще лучше — прочно забыть все.

К вечеру самолет вернулся, из него вышли двое военных в плащпалатках с капюшонами, надвинутыми на лицо. На другой день полет повторился и — ни выстрела с той стороны, ни звука. Как удалось установить дотошному капитану, оба раза на борт не брали никакого груза, обратно раненых партизан не доставляли, как это бывало прежде. К тому же полеты за линию фронта совершали всегда ночью. А тут одинокий самолет без сопровождения истребителей летит на немецкую сторону и дважды возвращается невредимым.

Наш капитан, как мы увидим, оказался достаточно наивным человеком. Не сомневаясь в том, что готовится предательство (уже свершилось?) на неведомо высоком уровне, он при первом же удобном случае, прибыв в Москву, сообщил о своих опасениях начальнику из 2-го Управления. Через три дня любознательный капитан уже следовал скорым

поездом Москва — Владивосток с новым назначением в кармане. Словом, повезло человеку. Лишь четырнадцать лет спустя, после XX съезда партии, осмелился бывший капитан-особист вернуться к этой истории. Он пришел в ЦК и написал подробную докладную[24].

Разгромное начало войны заставило подумать о спасении не одного подручного Сталина, но не всякий высший сановник был способен на легкую измену. Тайные полеты в гитлеровский стан были возможны только с ведома и при участии Органов НКВД.

Мы располагаем скудными сведениями. Но я лично не сомневаюсь в том, что апрельским утром сорок второго за линию фронта летал если не сам Лаврентий Берия, то его доверенное лицо. Если бы мою уверенность можно было положить на те весы, которые определяют историческую достоверность...

По примеру Сталина Берия тоже вмешивался в оперативное командование, но в отличие от генсека делал это тайно. И со столь же губительным эффектом. Маршал Конев вспоминает о своей поездке в августе 1941 года в Ржев. Планируя удар с запада в тыл противнику, наступавшему на Калинин, он приказал генералу И.И. Масленникову рокировать 29-ю армию с северного на южный берег Волги и начать наступление во взаимодействии с частями генерала Н.Ф. Ватутина. Однако Масленников не выполнил приказа, сославшись на разрешение генерала Г.К. Жукова.

В действительности же Масленников свои действия с Жуковым не согласовывал, а тайно обжаловал решение Конева товарищу Берия, и тот одобрил его самоуправство. В итоге искусно намеченный удар не был осуществлен.

Все это выяснилось в декабре 1953 года, когда маршал Конев вел заседание суда над Берия[25].

В горах

В конце августа 1942 года командующий 46-й армией Василий Фаддеевич Сергацков приказал нескольким полкам 20-й горнострелковой дивизии подняться к перевалам, что расположены к востоку от Туапсе, и преградить немцам путь к морю. Именно в это время туда прибыл Берия, и он потребовал от генерала объяснений.

— Ты что же, хочешь облегчить немцам десантирование из Крыма? — спросил он злобно.

— Чтобы им десантировать оттуда, надо иметь на чем, — спокойно ответил Сергацков. — По данным нашей разведки, немцам понадобится не менее двух месяцев для подготовки. А за это время перевалы засыплет снегом и часть войск мы сумеем вернуть.

Возражать представителю Ставки? Ну-ну...

Берия отправился в Сухуми, где находилась его дача. Там он почти ежедневно собирал на совещание военных, а также партийных руководителей. В первый же вечер он обратился к Сергацкову:

— Доложите обстановку. — Он ничего не забыл, сталинский эмиссар.

Коротко охарактеризовав положение на своем участке фронта, Сергацков отметил, что самое тревожное происходит в районе Марухского перевала.

Сергацков уже знал о том, что Берия пообещал «переломить хребет» командующему фронтом Тюленеву, если тот еще раз заикнется об отправке на позиции войск НКВД. Там были части, подготовленные для действий в горах, но он не стал просить их в помощь, а сообщил, что на турецкой границе стоит 9-я горнострелковая дивизия. Участок, охраняемый ею, сравнительно невелик, так что полтора полка этой дивизии постоянно находятся в резерве.

— Я предлагаю взять оттуда один полк и немедленно отправить к перевалам, — закончил доклад командующий армией.

Наступило молчание, Берия неслышно постукивал карандашом по толстому сукну стола, пристально вглядываясь в Сергацкого.

— Так, так, — произнес он. — Сначала, значит, ты открываешь немцам дорогу из Крыма, потом отдаешь туркам Батуми.

— Но ведь там фронт в четыре раза меньший, чем на перевалах, товарищ нарком, — стараясь говорить убедительно, начал Сергацков.

В этот момент карандаш в руках Берия хрустнул.

— Да отдаешь ли ты отчет своим поступкам и предложениям? — закричал он и, перейдя на драматический шепот, скверно выругался. Бросил сломанный карандаш на стол и добавил: — Вот так и с тобой сделаю, если посмеешь предлагать что-либо подобное...

Поскольку Берия приказал без его ведома не менять дислокации войск, командование решило отравить в горы хотя бы один полк. Случилось так, что Берия, отправляясь утром в обком, заметил возле железнодорожного переезда прибывший из Батуми эшелон. Ему доложили, что идет выгрузка полка 9-й горнострелковой дивизии. Разъяренный нарком вызвал генерала Сергацкова.

Подошел вплотную, театрально размахнулся, ударил по лицу раз и второй. Сергацков твердо сказал:

— Распоряжения отдавал я. Так считаю необходимым.

— Где вагоны набрал?

— Отовсюду.

— Кто собирал их конкретно?

— Начальник военных сообщений армии. По моему приказу.

— Давайте его сюда.

— Он в отъезде и будет лишь завтра.

— Пришлешь завтра. А тебя я в порошок сотру.

Как только Берия отъехал, к Сергацкову подошел командир полка.

— Что будем делать, товарищ генерал?

— Разве я отменял свой приказ?

И полк двинулся к перевалу.

К тому времени Марухский перевал оседлала немецкая дивизия «Эдельвейс» и советским войскам предстояло выбить противника оттуда. По крутым тропинкам и леднику, под снегом и дождем, в летнем обмундировании, без боеприпасов, без подкреплений сражались солдаты 810-го стрелкового полка. И гибли, гибли в неравных боях. В начале сентября немцы прорвались к южному склону, разбив два полка защитников перевала. Командовавший корпусом Леселидзе похвалит потом чудо-богатырей. И ответит ему командир: «Все богатыри погибли смертью храбрых, товарищ генерал-лейтенант. Одно чудо осталось...»

Посланный генералом Сергацковым полк уже через два дня вступил в бой. Встретив на подходе к Глухори обходную колонну немцев, разбил ее и поднялся затем к Марухскому перевалу. Туда еще перебросили артиллерийскую батарею все той же дивизии, которую Берия приказал не трогать. Однако в Военном совете фронта сумели убедить его в необходимости усиления горных частей. Вечером на даче Берия подошел к Сергацкому, скривил в улыбке лицо:

— Хоть и залепил я тебе вчера, но правильно мы сделали, что полк отправили на перевал... Что думаешь делать дальше?

Генерал предложил направить на перевал еще два подразделения.

— Не вздумай!

Сергацков решил рискнуть еще раз, вызвал командира 155-й бригады и, уединившись с ним в тихом переулке («тут и у стен уши имеются...»), приказал выступать этой же ночью в строгой тайне.

А на другой день...

— Это правда? — спросил Берия.

— Да, товарищ нарком.

— Да как же ты посмел?

— Я посылаю войска туда, где идет драка, — стараясь оставаться спокойным, сказал Сергацков.

Берия обратился к командующему фронтом:

— Видишь? У тебя командарм что хочет, то и делает. Никто ему не указ.

— Все это было согласовано со мною, — ответил генерал армии Тюленев.

— Я нарушил лишь ваше распоряжение, товарищ нарком, — сказал Сергацков, — потому что полагаю...

— Молчать! — Берия выскочил из-за стола. — Я тебя расстреляю!

Расстрелять отважного командарма Берия все же не решился, но уязвленное самолюбие утолил полностью. Для начала понизил генерала в должности — до командира дивизии, а когда Тюленев после ряда успешно проведенных Сергацковым операций дал ему 2-й гвардейский корпус, Берия отозвал строптивого генерала в Москву на преподавательскую работу. Так фронт лишился опытного военачальника.

Независимый характер, принципиальность еще раз подведут Сергацкова под удар. В 1950 году, когда он служил в Монголии, один из бериевских подручных намекнул ему в минуту горячего спора:

— А ты не забывай, что дельце твое у Лаврентия Павловича лежит!

В декабре 1953 свидетель по делу Берия Василий Сергацков поведал суду о трагической гибели нескольких полков на горном перевале. Многие годы спустя там, на Марухском леднике, находили останки павших по прихоти сталинского наркома Берия. Перед судом опальный генерал успел ознакомиться с архивными документами. Ему показали две докладные записки, посланные Берия в Москву. Представитель Ставки сообщал из Сухуми о переброске подкреплений защитникам перевала — во исполнение его, Берия, приказа.

Отрицать на суде что-либо было трудно, и подсудимый признался:

— Сергацков прав. Все было, как он сказал[26].

В неустанных заботах о защите Отечества Берия не забывал о личном интересе. Обозревая в Грозном местную картинную галерею, наш полководец остановился у полотна знаменитого баталиста Франца Рубо с изображением Шамиля. Лаврентий Павлович решил, что эта картина станет достойным военным трофеем, и приказал увезти ее в Москву. Творение Рубо украсило кабинет наркома. Так Берия пленил Шамиля...

ГЛАВА 10

ДРУГАЯ ВОЙНА

Травля маршала Жукова

Берия был из тех подручных Сталина, для кого война с фашизмом не была главным делом.

...Травить маршала Жукова Лаврентий начал еще в 1938 году. Лубянские сказители завели на него «Дело», но вскоре последовало спасительное назначение в Монголию, на Халхин-Гол. После победоносного завершения этой кампании положение полководца упрочилось[1]. Он командует войсками Киевского военного округа. Сталин явно мирволит Жукову, прощает ему даже независимость и смелость суждений. В годы войны доверяет самые ответственные посты. Но Берия, однажды пометив жертву, никак не хотел отказываться от задуманного. Он не упускал случая навредить маршалу и постоянно наушничал Верховному. Впрочем, не он один. Льву Мехлису особое положение Жукова тоже пришлось не по нраву. Сколько командующих пострадало от этого опереточного армейского комиссара 1 ранга, сколько дивизий, корпусов успел он загубить... Георгий Константинович знал ему истинную цену, но Сталин не мог и на войне обходиться без лакействующих политиканов. Комфорт Верховного без Мехлиса оказался бы с изъяном. Без Берия — подавно.

Жуков, как и Рокоссовский, не жаловал агентов НКВД–НКГБ, даже самых высокопоставленных. Но Берия находил способы внедрять своих людей в окружение маршалов. До самого конца войны не спускал он глаз с Георгия Жукова. В победном мае сорок пятого Жукову в Берлине решили показать образцы немецких мехов, и маршал, вспомнив свою первую профессию (юношей он учился на скор-

няка), со вниманием рассматривал случайные трофеи. Штабной фотограф, тоже по случаю, снял эту сцену. Через день те, кому надлежало это сделать, доставили снимок Сталину. «Скорняк!..» — бросил презрительно генсек[2].

Всенародное признание Жукова-полководца стало после войны в тягость Сталину, и Берия счел ситуацию удобной для конструирования новой провокации. Состряпав вместе с Абакумовым донос, в котором Жуков был обвинен в шпионаже, Берия не достиг желаемого, но Сталину хватило этого, чтобы снять маршала с поста заместителя министра обороны. Жуков принял войска второстепенного Одесского военного округа, что было равнозначно ссылке. Берия тотчас начал плести последние губительные сети. Он внушил Сталину, что опальный полководец горит местью и готовит вместе с преданными ему офицерами военный заговор. Часть «заговорщиков» уже отправили в тюрьму.

Как позднее вспоминал Георгий Константинович, «Сталин, выслушав предложение о моем аресте, сказал: «Нет, Жукова арестовать не дам. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя». ...После этого разговора попытка Берия покончить со мной провалилась», — закончил легковерный маршал.

Да, легковерный. Сталину понадобилось разыграть перед своими подручными и генералами роль доброго, справедливого пастыря. Он, конечно же, состоял в заговоре с Берия, и тот по ходу мини-спектакля подыграл Вождю.

Вспоминая о войне, маршал Жуков дал верную оценку вредоносной деятельности партфункционеров. По его мнению, ответственность за катастрофические просчеты и многомиллионные жертвы делят вместе со Сталиным Молотов, Маленков, Каганович. И добавляет: «Не говорю о Берия. Он был готов выполнить все что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие люди и необходимы. Так что вопрос о нем — особый вопрос».

Георгий Жуков передал суть бериевской натуры и взаимодействия Папы Малого с Папой Большим. И оттенил особую роль Берия в сталинской пятой колонне. Поклонники сиятельного генералиссимуса во главе с пресловутым заведующим отделом науки ЦК С.П.Трапезниковым вырезали честные признания из текста мемуаров Жукова. Лишь в наши дни правда стала доступна читателям.

Тайная лаборатория

В годы войны, как и в мирное время, Сталин поручал все дела, требующие полной секретности, своему тайному ведомству. Один из таких проектов Лаврентий Берия курировал от начала до конца. Речь идет о бактериологическом оружии.

Летом 1942 года была отобрана группа специалистов. Их поселили вместе с охраной на окраине небольшого уральского города. Во главе предприятия Берия поставил энергичного чекиста, сорокалетнего Арона Яковлевича Герцовского, наделил его чрезвычайными полномочиями в подборе кадров и снабжении.

Результаты лабораторных исследований требовали проверки, и опыт проводили на живом материале. Из ближнего ИТЛ в хозяйство Герцовского доставляли заключенных. Для этой цели в лагерном лазарете выделили специальный барак с обреченными «политиками». Через год с небольшим тотальное оружие было высочайше одобрено, но что-то удержало Сталина от его применения. Скорее всего сведения о готовности Гитлера к ответному удару. Германия всегда славилась специалистами этого профиля[3].

На судебном процессе в Нюрнберге, в самом конце, выступил свидетель Вальтер Шрайбер, генерал-майор медицинской службы. В июле 1943 года он присутствовал в качестве эксперта на тайном совещании, назначенном фюрером. Совещание рассматривало вопросы подготовки бактериологической войны. Тогда же был учрежден специальный комитет под наблюдением Геринга и Кейтеля. В Познани был учрежден Институт бактериологического оружия. Развитие культуры бацилл *чумы* немецкие специалисты поставили на конвейер.

И вот эту поистине дьявольскую кухню агентура Берия преступно прозевала. Там, где требовались профессиональное умение, тонкая работа аналитического ума, разведка НКВД часто оказывалась беспомощной. А ведь чумная затея, если бы она удалась, могла унести сотни миллионов жизней на всех континентах. Катастрофу предотвратила Красная Армия. Ее стремительное наступление развивалось вопреки бериевской политике фронтовых репрессий и запугивания командного состава.

Сепаратный мир?..

В начале 1943 года в Швейцарии встречались представители США и Германии. Сепаратные переговоры велись в глубокой тайне. Американскую сторону представлял Аллен Даллес, будущий шеф ЦРУ. Ведомство Гиммлера делегировало в Берн гауптштурмфюрера СС Аренса. Первые контакты завязались еще ранее, в ноябре 1942-го. Тесные экономические связи клана Даллесов с крупными промышленниками третьего рейха не являлись большим секретом. Но не эти связи определяли позицию США в тайных переговорах с гитлеровской Германией. У двух противоборствующих сторон была одна общая цель — не допустить распространения коммунистической заразы на европейском континенте. В Берне и Женеве обсуждались события, предшествовавшие

нападению на Россию, ход военной кампании и — главное — послевоенное устройство Европы. Из опубликованных материалов видно, что правительство США тогда еще не сомневалось в конечной победе Германии[4].

Но именно тогда заинтересованные лица распустили слух о возможных германо-советских контактах. От Сталина, этого мастера политических зигзагов, можно было ожидать всего, но в ту пору о компромиссе с Гитлером он уже не помышлял. И если наше предположение о секретных контактах специального уполномоченного Лубянки с немцами можно считать обоснованным, то следует принять во внимание, что Берия действовал на собственный страх и риск. Тогда, в конце сорок второго, этот расчетливый политикан решил, что пришла пора позаботиться о спасении собственной шкуры.

Кстати, о подробностях швейцарских переговоров А. Даллеса с эмиссарами Гиммлера мы узнали многие годы спустя из документов архива СС, подкрепленных свидетельством иностранцев. И только[5]. Об этой политической акции, способной решающим образом повлиять на судьбу сталинской власти, агенты Берия не знали ничего.

Жигули

В конце войны ведомство Берия, откровенно попирая международное право, стало использовать немецких военнопленных на тяжелых принудительных работах. Отряд немцев, две тысячи солдат и офицеров, был направлен на секретный объект в 40 километрах от Куйбышева. Там, в излучине Волги, на ее правом берегу, расположены Жигули, невысокие скалистые горы. Военнопленных разместили в одном из лагерей, сохранившихся с тридцатых годов, и приказали вырубить в горах огромные пещеры, о назначении которых можно было лишь догадываться. Породу разрабатывали вручную — кирками, ломами, стальными клиньями. Вывозили на тачках, этом давнем атрибуте истребительных лагерей. К работам приступили осенью 1944 года, объявив пленным, что по окончании строительства их отпустят домой. И они старались, благо питание по тем голодным временам было вполне сносным.

Не прошло и года, как на всю глубину рукотворных пещер проложили стальные пути. Теперь выработанную скальную породу грузили прямо на железнодорожные платформы. Прошел еще один год, надежды на скорое освобождение крепли, и немцы сами предложили вести работы круглые сутки, в три смены. Особо отличившимся «ударникам» была разрешена переписка с родными по норме — одно письмо в полгода. Ответы из Германии получали немногие. То были цветные открытки с пустым текстом — несколько общих фраз, и все...

Не подозревавшие ничего худого пленники множили и множили усилия, отделывая стены и своды так, будто готовили помещения не под склады, а для дипломатических раутов.

Все было готово, оставалась незначительная доделка — забота электриков и связистов. Осенью 1947 года на склады, вырубленные в толще Жигулевских гор, начали завозить секретные грузы. Однажды начальник строительства, полковник карательной службы, назначил на шесть часов вечера совещание инженерно-технических работников и командиров охранного отряда. Неожиданно начало совещания перенесли на более поздний час. Ровно в 18 часов в ленинской комнате штаба, где должны были собраться руководители стройки, раздался взрыв. В тот же вечер вызвали на допрос группу «диверсантов». Две ночи и два дня конвой водил военнопленных в оперативную часть лагеря — по десять человек, партиями. И, пренебрегая пытками, расстреливали их в глухом месте. Трупы сбрасывали в Волгу с грузилами на связанных ногах.

Никого не оставили. И если бы не позднее, через сорок лет, свидетельство одного экзекутора, история прошла бы мимо этого злодеяния.

В Тегеране

Тегеран, Ялта, Потсдам. В ряду этих исторических конференций Тегеранской принадлежит особое место. Там в декабре 1943 года руководители трех союзных держав — И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль подписали Декларацию о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве. Согласно договору, заключенному с правительством Ирана в 1921 году, там дислоцировались советские войска. Была установлена надежная связь с Москвой. Однако в Иране и в соседних странах уже действовали агенты гитлеровской разведки и диверсанты. Надо отдать должное советской контрразведке, сумевшей обеспечить надежную охрану глав союзных держав. Гитлеровская тайная служба готовила террористические акты против участников конференции. План под кодовым названием «Дальний прыжок» предусматривал даже похищение американского президента.

В том, что советским Органам удалось сорвать опасные диверсии, есть и заслуга Лаврентия Берия. Он побывал в Тегеране незадолго до начала конференции. Сопровождал его генерал-майор (это звание ему было присвоено совсем недавно) С.М. Штеменко, начальник оперативного управления Генштаба. Система безопасности Большой тройки была разработана тщательно: специальные самолеты с надежными пилотами, бронированный автомобиль, доставленный в Иран из Мос-

квы, особый маршрут движения, строгая секретность, усиленная охрана здания советского посольства, где Сталин поселился вместе с Рузвельтом. Это здание и английское посольство были временно соединены крытым переходом[6].

Культурная программа Тегеранской конференции предусматривала выступление советских артистов. Для Берия это означало лишние хлопоты, нужно было соответственно расширить сеть надзора и безопасности. Среди прилетевших в столицу Ирана артистов был Вадим Козин, популярный исполнитель романсов. Вряд ли этот эстрадный певец мог заинтересовать Черчилля или Рузвельта, мы не знаем также, пришелся ли Козин по вкусу Сталину. Зато нам известно, что сам певец искренне презирал генсека и позволил себе высказать это свое нелестное мнение в тесном товарищеском кругу. На следующий же день его экстренно доставили в Москву, арестовали и отправили как «врага народа» на Колыму. По окончании срока ему добавили новый... После выхода на «свободу» Козин остался жить на Колыме.

Прошли десятилетия, но Козин не забыл тот день декабря 1943 года, когда жадные руки бериевских агентов грабили его квартиру (это у них называлось обыском). Ничего не оставили, украли даже рубиновую звездочку, которая украшала его концертный костюм.

Нет, война не поубавила рвения охранителей сталинского режима. Напротив, поле антинародной деятельности бериевских головорезов заметно расширилось. В годы кровопролитных сражений и изнурительного труда в тылу им жилось вольготно и сытно. Привыкшие бесконтрольно распоряжаться жизнью и смертью сограждан, они в новой обстановке могли претендовать уже на безраздельную власть в стране. И, хотя Сталина, присвоившего звание Верховного Главнокомандующего, окружали теперь видные генералы, положение товарища Берия упрочилось.

13 марта 1941 года Гитлер специальным указом наделил Гиммлера особыми полномочиями. Берия не требовал от своего фюрера подобных полномочий. Он просто взял их сам. И действовал соответственно. Вместе с подручными. Не в недрах ли его паскудного войска родилось расхожее — «Война все спишет»?

СМЕРШ

Органы контрразведки — особые отделы, а с апреля 1943 года — «Смерть шпионам» (СМЕРШ) — и были созданы для неусыпной, всеохватывающей слежки в действующей армии. В каждой крупной войсковой части, начиная со штаба дивизии, имелись филиалы этого грозного заведения. Начальником СМЕРШ назначили заслуженного

мясника бериевской выучки Виктора Абакумова. Задали же они работы военным трибуналам, агенты Абакумова. Пачками расстреливали «изменников-паникеров-шпионов-диверсантов». Попадались в этом потоке настоящие предатели, остальные же — плоды служебного усердия трутней в военной форме. Перед ними трепетали все, даже командующие армиями. Управления СМЕРШ были созданы при каждом фронте. И лишь такие фавориты Сталина, как Жуков и Рокоссовский, могли позволить себе игнорировать указания генерала СМЕРШ. Берия узнавал о каждом случае неповиновения. Запоминал. И ждал своего часа.

Весной 1945 один из командиров эскадрильи 2-го Прибалтийского фронта участвовал в воздушном бою. Самолет получил опасные пробоины, пришлось идти на вынужденную посадку. Всего четыре часа пробыл он на земле Курляндии, кое-как вместе с бортрадистом устранил неисправности и взлетел. Только сел на своем аэродроме — явились за командиром агенты СМЕРШ: на проверку. Вмешался штаб армии. Не подействовало. Лишь штабу фронта удалось отстоять заслуженного летчика. Там хорошо знали, чем кончаются подобные «проверки»: расстреляют, а потом доискивайся правды...

Ох и ненавидели боевые офицеры абакумовское войско. На передовую агенты пресловутых Органов носа не показывали: там убивают. Зато к наградным спискам успевали первыми.

Кто шел тогда на службу в НКВД? Те, наверное, кто чувствовал свое призвание в постоянном насилии над людьми. Те же, кто ощущал это призвание острее других, шли в СМЕРШ.

В одном пехотном полку свирепствовал майор СМЕРШ из штаба корпуса. Уже трех офицеров успел отправить в трибунал с политическими обвинениями. Внезапно полк попал в окружение, и командир приказал пробиваться к своим небольшими отрядами... Они шли, осторожно ступая по шаткому мостику через заболоченную речку: командир, за ним — майор СМЕРШ, потом — старшина и последним — начальник штаба полка. Раздался выстрел. «Собаке — собачья смерть», — сказал, не оборачиваясь, командир.

Это случилось на Брянском фронте летом 1943. Такое случалось — пусть нечасто — и на других фронтах.

В конце 1941 года командующим 1-й ударной армией Ленинградского фронта был назначен Г.Г. Соколов, бывший заместитель наркома внутренних дел. Устрашающий авторитет НКВД был столь высок, что его должно было хватить для прорыва немецкого бронированного кольца. Так, вероятно, полагал Берия, выдвигая своего помощника на командный пост. Но генерал-лейтенант Соколов успел за короткое

время натворить таких глупостей, что командующему фронтом пришлось его срочно заменить настоящим генералом.

Объективности ради отметим участие внутренних войск НКВД в обороне Ленинграда. Проявив чудеса дисциплинированности, организованно отступала 21-я дивизия НКВД. Условия оказались не те, что во внутренней войне против собственного народа...

Были и положительные примеры. Сотрудники Органов руководили строительством городских укреплений. Однако все это делалось в свободное от основной работы время. Основная — слежка, провокации, репрессии — не прекращалась ни на один военный час. Агенты НКВД старательно раздували в тыловых городах и селах шпиономанию: глядишь, на тысячу схваченных попадется один натуральный лазутчик... Повсюду действовали истребительные батальоны — из местных жителей. Высылка членов семей «врагов народа» довоенного призыва продолжалась в Москве, на Урале, даже в блокадном Ленинграде. Известно, с каким горячим патриотизмом творили, сражались на фронте все ленинградские писатели. Но и в этой среде сотрудники Органов сумели выискать аж шесть «контрреволюционеров». Выискать и арестовать[7].

Странное дело, с приближением победного конца войны забот у тайных Органов не убавилось, напротив, работы стало больше. И диапазон деятельности Берия расширился.

К осени 1943 года была возвращена значительная часть оккупированной территории и возникла новая задача — восстановление разрушенных городов, сожженных деревень, взорванных предприятий, мостов, железнодорожных станций. Верный бюрократической традиции, генсек создал специальный комитет по восстановлению освобожденных районов под председательством Маленкова, в составе Андреева, Вознесенского, Микояна и Берия. Участие последнего знаменовало начало кампании тотальной чистки населения, посмевшего остаться «под пятой немецко-фашистских оккупантов». Никогда не пересыхавший поток эшелонов заключенных пополнился свежими партиями — на восток, на север, на восток! Среди обреченных на мучительную лагерную смерть попадались предатели, пособники оккупантов, но все остальные — как им удалось выжить под пятой? Подозрительно...

Но вот Красная Армия достигла государственных границ и приступила к освобождению соседних земель от немецкой оккупации. Что тут началось!

Русины, населявшие Прикарпатье, веками мечтали о воссоединении с Россией. Начиная с 1939 года тысячи сынов свободолюбивого народа бежали в Советский Союз. Там их след и потерялся. В армию

генерала Сво́боды попали единицы. Остальные погибли не в боях с гитлеровцами, а в бериевских лагерях.

...Перебежчиков встречали на границе сердечно. Накормив и обогрев, передавали Органам НКВД. Там после первичной обработки — опять же от чистого сердца — формировали этап и отправляли голубчиков под конвоем в Станиславскую тюрьму. Неимоверная теснота, голод, грязь, вши, воровство — все как у людей. И изнурительные многодневные допросы.

«Венгры били меня за то, что я русский. За что же били меня русские?» — спрашивает Федя, давний друг Михаила Мондича, служившего переводчиком в СМЕРШ[8]. Потом «шпионов» казнили или отправляли на Колыму, в Казахстан и еще дальше. Этапы из тюрьмы отправляли пешком на Харьков, оттуда гнали почти раздетых по зимней дороге тоже пешком. Ослабевших пристреливали, трупы везли на телегах. Для счета. И все же двоих осужденных потеряли в дороге. Тогда конвоиры схватили двух случайных прохожих, втолкнули их в колонну и по прибытии к месту сдали весь этап в целости[9].

Так выглядел один из многих конвейеров смерти. Но об этом станет известно не скоро. Пока же начиная с осени 1944 интеллигенция Карпатской Руси ведет пропаганду за присоединение к Советскому Союзу. В октябре города и села края радостно, по-братски встречали Красную Армию — освободительницу.

Митинги, митинги...

— Хай живе батька Сталин!

— Хай живе Красная Армия!

— Хай живе партия большевиков!

Местные коммунисты распространяют манифест Народной Рады Закарпатской Украины за присоединение к Советскому Союзу.

Но...но... в первые же дни у крестьян стал пропадать скот, потом — вещи, ценности. В Хусте, Рахове начали взламывать магазины, погреба. Власть в городах пытались захватить то чехословаки, то украинцы.

«Бедный народ! Напрасно он так радовался приходу русских и ждал перемены в своей злополучной судьбе»[10].

Венгерская армия покидала этот край без боев. Гонведы не тронули ничего. Ни одного случая грабежа, насилия.

Красноармейцы пьянствуют, грабят, воруют — свидетельствуют очевидцы. Но тотальный грабеж впереди: по слухам, где-то уже появились передовые отряды НКВД.

Сабиново — город небольшой, сотрудники СМЕРШ Четвертого Украинского фронта заняли лучшие дома, выгнав жителей на улицу. В здании суда кипит работа. Капитан Шварц допрашивает шестнад-

цатилетнего словака. Грязь и кровь смешались на теле худого, дрожащего юноши, но капитан с остервенением бьет резиновой нагайкой по еще не зажившим ранам. Сейчас он забьет его до смерти. Словак бросается на колени, он целует сапоги капитана, умоляет о пощаде, рыдает... Шварц становится еще свирепее. Подследственный с трудом садится на стул и без чувств валится на пол.

Шварц приказывает дежурному убрать словака.

— Черт с ним! Все, что знал, уже сказал. Завтра расстреляем.

При последнем слове капитан вяло зевнул.

Сумасшедший? Нет, обыкновенный смершевец. Рядовой допрос.

Что им надо в чужой стране? Кого они ищут, за что лишают жизни? Они идут по пятам наступающих советских войск и после освобождения каждого города и поселка набрасываются на жителей словно коршуны — внезапно, беспощадно. Они тащат в тюрьму членов всех партий, начиная от польской Армии Крайовы до словацкой Глинковой Гарды. Они хватают лидеров демократических партий наравне с российскими эмигрантами. Кто успел примириться со Сталиным, попадает в те же сети. Даже местные коммунисты, чудом уцелевшие при немецких оккупантах, не могут рассчитывать на пощаду.

Эту огромную массу надо обработать, то есть арестовать, подвергнуть пыткам допросов, голода, постоянного ожидания смерти. Затем часть казнить на месте, остальных отправить на истребление в лагеря.

Такова оперативная задача. А сверхзадача — очистить Европу от всех, кто не приемлет сталинский новый порядок. Чтоб на земле не осталось ни одного инакомыслящего. Этот план мог зародиться только в узколобой голове Диктатора. Исполнение он доверил наркому Берия и начальнику СМЕРШ Абакумову. В штабе фронта функционировал свой орган СМЕРШ. Структура фронтового управления повторяла структуру Главного — семь отделов со специализированными отделениями.

I — обеспечение политической надежности армии.

II — оперативный.

III — секретный. Этот отдел осуществляет постоянную связь с Москвой, где находилось Главное управление.

IV — следственный.

V — прокуратура и военный трибунал.

Под одной крышей реализуются все функции смерти — от слежки и ареста до суда и казни. Этакие мобильные филиалы Лубянки.

Мы еще не назвали два вспомогательных отдела — финансовый и кадров. Последний ведет слежку за всеми сотрудниками. Каждый офицер контрразведки должен постоянно ощущать затылком горячее дыхание товарища. Таков принцип тайной полиции.

Осталось упомянуть коменданта и трех заведующих: складами, оружием, библиотекой. Обыкновенное учреждение.

В каждом фронтовом управлении была еще своя партийная организация. Но это уже из театральной жизни. Так же, как заседания военного трибунала. Прокурор зачитывает обвинение, состряпанное садистом-следователем, и предлагает казнить «шпиона».

Тройка утверждает смертный приговор, осужденного увозят на расстрел. Еще одного, еще и еще... С утра до вечера одно и то же. Монотонно бубнит свое прокурор, зевают от скуки «судьи», конвоиры уводят обреченных.

Все как в центральном театре Василия Ульриха.

...В кабинет капитана СМЕРШ вводят чеха-юриста. По заданию Абвера он ездил в разные города, за границу. Это он признает сразу, добровольно, но утверждает, что бывал там один. Он обречен и пытается лишь спасти невесту. Дежурный приводит красавицу.

— Вы ездили с ним в Стокгольм?

— Да, — отвечает девушка.

Следователь бьет юриста кулаком по лицу. Очки падают на пол, разбиваются. Из носа потекла кровь. Юрист клянется, что Власта ни в чем не замешана.

— Пожалейте хоть ее...

Юриста уводят. Следователь допрашивает Власту, но она действительно ничего не знает.

Оскорбления, угрозы, удары по зубам. Власта зашаталась, но устояла. Второй удар — упала. Капитан наступает сапогом на лицо девушки, топчется в диком танце на ее груди.

Изо рта Власты потекла тоненькая струйка крови...[11]

Начальник управления СМЕРШ Четвертого Украинского фронта генерал-лейтенант Ковальчук — фигура уникальная. Сотрудник Органов со стажем, он пережил всех предшественников нового наркома, был на хорошем счету у Лаврентия Павловича.

Вождь знает лично каждого начальника фронтового управления. В его планах покорения Европы этим функционерам отведена решающая роль.

...Чиновник Кошицкой почты отважно сражался на Восточном фронте, был награжден золотой медалью. На допросе венгр держится твердо. Утром генерал Ковальчук наведался в кабинет следователя: «Не возитесь с ним долго, товарищ капитан. Он молод, крепок. Двадцать лет сибирских лагерей сломят его упрямство».

Ковальчук — образец скромности и аскетизма. Работает он много, до четырех-пяти утра, без выходных. Не пьет, не курит, воздержан во

всем. Вообще с подчиненными уважителен, по-отечески добр. Генерал Ковальчук глубоко убежден в том, что всякий не приемлющий коммунизма подлежит уничтожению. Для его же пользы. Поэтому он с такой легкостью душевной только что отправил смелого венгра — нет, не на казнь — на каторгу. На двадцать лет, как на двадцать смертей.

Идейный палач.

Далеко не все операции в Восточной Европе ведомство Берия осуществляло силами фронтовых управлений. Самые важные генерал-полковник Абакумов поручал специальным отрядам. Группа полковника Белова была сброшена на парашютах в глубокий немецкий тыл в Словакии. В Братиславе, в Министерстве внутренних дел, находились тайные явки агентов СМЕРШ. Другой центр дальнего шпионажа был организован в Праге[12].

В Венгрии орудовал ставленник Лубянки генерал Вириш. Он побывал в лапах смершевцев Четвертого Украинского фронта и помог им надеть на правительство своей страны прозрачный сталинский колпак.

С помощью одного видного деятеля Армии Крайовой удалось ликвидировать всех руководителей этой организации. Капитан СМЕРШ буквально вытянул из наивного поляка необходимые сведения о каждом активисте. Остальное — дело техники. Краков, Варшава стонали от арестов…

К польским партизанам в районе Нового Тарга удалось сбросить шпионку Зину, молодую привлекательную девушку, свободно владевшую польским. Она выдала смершевцам все склады оружия.

В Управлении работали специалисты по отдельным политическим партиям и организациям. В этом деле специализация совершенно необходима. Как в хирургическом отделении госпиталя. В одной только Прикарпатской Руси функционировало двенадцать партий, в Венгрии — свыше десяти. Вот ведь разврат какой…

В орбиту деятельности Органов СМЕРШ входили лагеря по репатриации советских граждан. На них смотрели как на врагов и обращались с ними соответственно. Вернуться на родину, к семье, к работе — эта мечта для большинства прошедших немецкую каторгу осталась мечтой. Смертоносный конвейер засасывал почти всех.

Хозяйничали офицеры СМЕРШ и в лагерях немецких военнопленных. Содержат их в нечеловеческих условиях, слабые умирают ежедневно десятками. Международные конвенции писаны не для всех… Технология обработки узников выверена до деталей. Оперативная группа посещает лагерь под видом военной инспекции. В составе группы — переводчик и опознаватель. Вербовка немца-опознавателя — дело тонкое: он должен знать в лицо разведчиков и быть готовым к выдаче их

НКВД. Опознанных изымают и направляют в IV отдел. Кроме них, один контрразведчик выявляет всех офицеров и сортирует их с учетом ценности каждого. Другой «закидывает» агентуру — вербует провокаторов среди военнопленных. Без них коэффициент полезного действия оперативной группы невысок. Один день похож на другой: проверка, вербовка, допросы, прием агентуры. На предательство людей толкает страх за свою жизнь. А если офицер еще и папиросами угощает — почему не заложить ближнего своего?

На этом и строят козни бериевские агенты.

Параллельно с политической контрразведкой ведется разведка экономическая. Допрашивая сотни тысяч немцев, следователи «между делом» добиваются подробных сведений о состоянии промышленности и сельского хозяйства Германии. Дополненные данными шпионажа дальнего действия, эти материалы легли в основу фундаментальной картотеки с паспортом — досье на каждое немецкое предприятие.

И розыски специалистов всех национальностей — физиков, химиков, инженеров, имеющих отношение, пусть даже не прямое, к атомному проекту или к ракетным двигателям. Этих отправляют в Москву немедленно.

После капитуляции Германии фронтовые офицеры и администрация лагерей уже не справлялись с потоком немецких военнопленных. Из Москвы пришел приказ — поручить обработку этого контингента СМЕРШ. Однако это карательное ведомство явно предпочитало заниматься российскими репатриантами, а также чехами, поляками, словаками, галичанами, русинами.

В Освенциме, бывшем лагере смерти, знаменитом своими газовыми камерами, сохранились зоны с бараками. В одной зоне, «кирпичном лагере», — сорок тысяч военнопленных. В другой зоне, «деревянном лагере», — двадцать тысяч советских подданных. Многие не желают возвращаться на родину. Изведавшие все муки — фронтовые и лагерные, — они знают, что их ждет на родной каторге. Смершевцы — пятьдесят офицеров с отрядом бойцов — с остервенением обрабатывают заблудших. В этой большой зоне есть еще одна, опоясанная двойным рядом проволоки. Там, на самом краю, под особой охраной, живут власовцы. Их будущее уже решено, и смершевцы в те бараки не заглядывают.

В январе 1946 года группа смершевцев прибыла в другой лагерь для советских военнопленных, устроенный в Дахау. «Родина прощает все ваши преступления», — заверяли они[13]. Часть узников была готова поверить лубянским сиренам. Истерзанные военными невзгодами, они покорились судьбе. «Нехай гирше, або инше». (Украинская пословица: «Пусть хуже, но иначе».)

В немецкой зоне работает группа в двадцать два человека: шесть офицеров и восемь опознавателей с солдатами. Вылавливают нужных пленных и увозят в штаб фронта, отправляют в Москву. Из одной тюрьмы в другую.

Ту же работу СМЕРШ проводит в лагерях по репатриации иностранцев. И здесь тоже вылавливают богатую добычу в среде противников кремлевского Диктатора. Прошедшие опасную для жизни «чистку» репатрианты на долгие годы сохранят ненависть и презрение к насильникам. И завещают эти чувства своим детям.

Оперативники из II отдела составляют силовое ядро Управления. Они были при штабе каждого фронта.

Управление Четвертого Украинского фронта считается образцовым, иначе Виктор Абакумов не направил бы сюда на практику офицеров штаба Иосифа Броз Тито.

Чему их здесь научат? Впрочем, мы задаем праздный вопрос. В свое время Лубянка отправляла своих птенцов на выучку в гестапо. Было такое.

В органах СМЕРШ царила атмосфера жестокости и цинизма. Наставляя новичка, начальник третьего отделения II отдела говорит: «У нас народ грубый, дерзкий и бессердечный. Таким должны быть и вы»[14].

...Галя — очаровательная девушка, пожалуй, самая красивая в Управлении. И самый свирепый следователь в IV отделе. В комнату ввели поляка, молодого, крепкого мужчину. Для нее он — шпион, обреченная единица. Поляк тоскливо смотрит в окно.

— Исследуешь окно? Открой его и беги!

— Там часовой с автоматом.

— А ты плюй на него. Тебя все равно расстреляют. Чего тебе бояться. Трус ты, вот что я тебе скажу! Ну, прыгай, пока не поздно!

...Следователь требует от него признаний. Нет, он не продавался никому, не предавал своей родины. Галя бьет его тугой резиновой трубкой по лицу, еще раз и, в истерике изрыгая самые гнусные ругательства, превращает это лицо в кровавую маску. Галя устала, села за стол. Несколько вопросов поляку — и вновь истязания. И так — до самого ужина.

— ...Я буду допрашивать этого мерзавца до утра. Или он мне сознается, или я убью его.

В четыре утра дежурные выносят умирающего поляка, а Галя, не раздеваясь, падает на койку и закрывает глаза.

Будни чекиста...

На местах — в дивизиях, полках — смершевцы живут вольготно. Не то в Управлении. Здесь работают часто ночами напролет, хотя

официальный распорядок дня включает отдых. 8 часов — завтрак, с 8 до 12 — рабочие часы. 12–15 — обед и дневной отдых. 15–22 — работа. 22 — ужин. 23–01 — работа, затем сон.

Ритм напряженный. И все же офицеры, особенно оперативники из II отдела, находили время для отдыха. Формально сотрудникам СМЕРШ запрещалось иметь дело с иностранцами, в Управлении работало много своих женщин. Но никто с этим запретом не считался. В каждом захваченном городе, поселке контрразведчики устраивали настоящие сексуальные оргии. Подробности слишком противны, чтобы их описывать.

В этом позорном войске процветало стяжательство. Следователи, оперативники присваивали все — от порнографических открыток до костюмов и автомобилей. Один капитан упорно допытывался у военнопленного, где немцы спрятали золото, отобранное у евреев.

— Ich weis nicht...

— Ich weis nicht! Ich weis nicht! — взревел следователь. И начал избивать несчастного.

Свидетельствует Михаил Мондич:

«У полковника Шебалина 10 чемоданов разных ценных вещей. Капитан Миллер переплюнул всех — у него 15 чемоданов.

Шапиро «приобрел» аккордеон — «Клингенталь», Шибайлов хвастает двумя фотоаппаратами «лейка». Гречин собирает коллекцию ручных часов. Попов грабит, но, как всегда, во всем очень осторожен и тайно»[15].

Мародеры, вперед!

Мебель и мотоциклы, посуду и книги, картины и люстры, часы и автомобили — грабители отправляли домой все, что попадало на глаза.

Воевать так воевать.

Но обогащались лишь те, кто владел транспортными средствами и обладал властью, — офицеры СМЕРШ и автобатальонов. Да некоторые высшие командиры.

Однако дело ограбления Европы нельзя было бросать на самотек. Придя к этому здравому выводу, Берия с согласия генсека учредил в НКВД два новых главных управления. Одно ведало советским имуществом за границей (ГУСИМЗ), другое — делами военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Оперативные отделы этих ведомств возглавили давние подручные Берия — братья Кобуловы, Богдан и Амаяк.

Для прикрытия тайных отпочкований НКВД и был создан в конце 1944 года Комитет по восстановлению освобожденных земель — под началом Маленкова. Новый комитет никак не сковывал местной инициативы на территории Германии. К мелкому грабежу прибавился

грабеж экономический. На восток потянулись новые транспорты — с заводским оборудованием, станками, готовой продукцией, сырьем. Комитет явно не справлялся с аппетитом конкурирующих ведомств. Наркому Тевосяну понадобилось современное оборудование для металлургических комбинатов, Каганович тянул все, что можно, на предприятия строительных материалов, на оснастку железных дорог, Берия снабжал всем необходимым свою запроволочную империю: лагерные стройки могли поглотить Германию целиком.

Мародеры, вперед!

Председатель Госплана Вознесенский пытался скоординировать этот грабеж — не смог. Тогда в противовес маленковскому комитету была создана особая комиссия Микояна, которой надлежало выработать разумный план использования промышленного потенциала Германии[16].

Здесь сказалась незатухающая вражда между Маленковым и Ждановым, действовавшим через своего ставленника Вознесенского. Не государственные интересы руководили этими партсановниками, отнюдь.

— Наздар! Наздар!

Чехи встречали Советскую Армию как армию-освободительницу. Оперативников карательной службы СМЕРШ, следовавших по пятам передовых частей, население не отличало от фронтовиков.

— Наздар!

Во всех городах, поселках — митинги, песни, музыка, нарядные девушки... Мимо, мимо! Смершевцы спешат в Прагу. У них в руках — списки членов неугодных Сталину партий, с ними — опознаватели, готовые продать всех и вся за одно обещание личного благополучия.

Когда прибыли в Прагу и узнали, что город спасли от разрушения части армии Власова, офицеры СМЕРШ объявили эти сведения ложными и обещали наказывать за распространение злостных слухов.

В столицу Чехословакии успели внедриться смершевцы двух фронтов — Конева и Малиновского. Генерал Ковальчук, пренебрегая дислокацией, послал туда своих налетчиков.

Конкуренция. Или соцсоревнование?

...Оперативной группе контрразведки Конева удалось разыскать тело покончившего самоубийством Геббельса. Прежде чем докладывать начальству, вызвали фотографов, а пока оставили труп под замком и охраной караула. Вернулись через час, а труп исчез. То ли караульные выпустили ожившего Геббельса, то ли оперативники, нашедшие тело, страдают галлюцинациями. А ведь кто-то уже в мечтах своих примерял новые ордена и новые звезды... Позднее стало известно: труп Геббельса похитили через окно смершевцы другого фронта. Им-то и выпала высокая честь доложить о находке в Москву товарищам Берия и Абакумову.

Кто сказал, что война кончилась 9 мая? Для ведомства Берия, для армии Абакумова и мародеров Кобулова война против освобожденной от фашистов Европы только начиналась.

...Смершевцы Четвертого Украинского фронта рыскают по городам Чехословакии. В Моджанах — аресты украинских сепаратистов. В других местечках берут членов других организаций. Арестованных «шпионов» свозят в Стжешовице. Заставы СМЕРШ на перекрестках. Днем и ночью не смолкает гул моторов легковых и грузовых авто. Стон и крики в следственных кабинетах. Днем и ночью.

Передовой отряд хозяйства генерала Ковальчука расположился на улице Делостжелецкой. Здесь, в живописных виллах, совсем недавно размещалось гестапо. Бедные, бедные чехи! Но у смершевцев по части эмоций все было в порядке. Они собрали 20 пишущих машинок. Теперь хватит на все: протоколы допросов, приговоры, доклады, рапорты... И на списки инакомыслящих, подлежащих отлову и искоренению.

«Чехи боятся чекистов больше, чем гестаповцев в свое время. В течение трех дней их отношение к русским переменилось полностью. Уже не кричат «Наздар»[17].

В сорок пятом вышли из подполья компартии стран Восточной Европы. И сразу же нашли себе шефа в лице могущественного управления СМЕРШ. Генерал-лейтенант Ковальчук руководил действиями карпатских коммунистов. Их лидер Иван Туряница находился в полном подчинении начальника фронтового СМЕРШ. Приходилось мириться с политикой новых хозяев: «...Я давно наблюдаю за странной психологией смершевцев. Для них Польша — так себе, странишка, с которой можно считаться, но не обязательно. Чехословакия для них — раз плюнуть! Венгрия, та Венгрия, с которой мы, русины, ведем тысячелетнюю борьбу, — не важнее Чехословакии.

Смершевцы рассуждают о государствах как об Иване Ивановиче или Петре Петровиче: «Захочу — в морду дам, захочу — помилую»[18].

СМЕРШ дирижировал компартиями Чехословакии, Болгарии, Польши, Венгрии... Сколько идейных коммунистов Запада, узнав об этом, отвернулись от псевдокоммунистической партии Сталина и отвергли навсегда Его социализм?

В июне 1945 года, после присоединения Прикарпатской Руси к Советскому Союзу, подполковнику службы СМЕРШ Чередниченко поручено организовать там филиал НКГБ. И потянулись в Ужгород со всех концов офицеры и младшие чины госбезопасности. Люди новые, политика старая.

Щупальца Лубянки прочно присасываются к духовной жизни народов, освобожденных от немецких оккупантов. Задача, поставлен-

ная перед ведомством Берия в Прикарпатской Руси, проста как топор мясника: перевести население из лона греко-католической церкви в православие. Решается задача тем же топором. Начинают смершевцы со списков духовенства и учеников духовной семинарии, кончают трибуналами, расстрелом, отправкой в лагеря и захватом храмов. Православие им тоже ни к чему. Эта Русь будет возносить молитвы новому Богу — Иосифу Сталину. Для этого ей придется встать на колени. Тем, кто не приучен, помогут.

«Если бы мне раньше кто-нибудь назвал Советский Союз тюрьмой, я бы убил его, Никола. Да. А теперь вот собственными глазами вижу, что это так»[19].

В последние сто лет кто только не владел Прикарпатьем: венгры, румыны, чехи, украинцы, опять венгры. И немцы... Теперь вот сколько уже исчезло в иноземных тюрьмах и лагерях. Еще немного, и вся Галиция будет переселена. На Север, на Восток? Если это социализм, то что же тогда геноцид?

Массовый террор и каждодневное ожидание репрессий, насильственная коллективизация сельского хозяйства и политический диктат «старшего брата». И ложь, ложь, ложь на каждом шагу...

Со старыми традициями и понятиями покончено. Гэбисты заменили всем отца и мать, партию и правительство, веру в Бога. Само отечество вместе с сытой «буржуазной» жизнью заменили.

«...Интеллигенция убегает в Чехословакию и в... Венгрию. Злая шутка судьбы! Русины, так жгуче ненавидящие Венгрию и с такой радостью ожидавшие прихода Красной Армии, убегают теперь именно в Венгрию. Спасаются от подполковника Чередниченко, от чекистов, от коммунистической власти и советского строя...»[20]

Пафос воссоединения с великим русским народом после тысячелетнего рабства сменился пафосом неприятия нового порабощения. Неужто вновь на тысячу лет?

Информация о работе СМЕРШ скудна. Поэтому каждое свидетельство бывших сотрудников этого карательно-сыскного института особенно ценно.

Павел Негретов был привлечен к службе в СМЕРШ случайно, в самом конце войны, в Братиславе. Подобно Мондичу, он стал переводчиком и не раз наблюдал сцены грабежа.

«...однажды я сопровождал двух офицеров и сержанта к некоему инженеру Яковлеву. Квартира была на замке, но ключи были у дворника. Взяв понятых из соседей, мы вошли в квартиру, и офицеры произвели поверхностный обыск. Мне поручили посмотреть книги в шкафу, и среди них я нашел одно эмигрантское издание, совершенно

безобидное, но я заранее решил ничего не замечать. Работников контрразведки интересовало другое. На следующий день мы пришли снова, взяли ключи, но понятых на этот раз не беспокоили. Контрразведчики стали вязать узлы с барахлом и сносить их в машину. «Они хорошо пожили», — сказал мой лейтенант, как бы оправдываясь. «А ты почему ничего не берешь?» — спросил он меня. Мне было противно грабить, но, чтобы не выделяться, я взял из гардероба пиджак, а свой, рваный, повесил на его место»[21].

Мародеры, вперед!

Что касается самого инженера Яковлева, то его схватили по-бандитски, без ордера на арест. И жене ничего не объяснили, не представились даже.

На другой день смершевцы пришли вновь, *шакалить*. Без помех. Но что можно было грабить в пустом доме? Одному шакалу приглянулся энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, но мать арестованного отстояла единственное сокровище сына. В конце августа Негретов вернулся домой, в Кировоград. Всего три часа провел он с родными. Пришли за ним какие-то военные, но без погон, себя не назвали, ордера на арест не предъявили...[22]

Виктор Мовшович, студент одного из технических институтов Москвы, служил рядовым в артиллерийском полку резерва Главного командования (РГК). В сорок третьем полк перебросили с Северо-Западного фронта на Южный, в район Нового Оскола. Незадолго до начала битвы на Курской дуге из ведомства Берия спустили директиву — провести чистку личного состава армии. Об этом Мовшович узнал много позже, а в те июньские дни он стал одной из первых жертв СМЕРШ.

На фронте без друга-напарника не проживешь. У Виктора таким другом стал бывший учитель таджик Мураб-заде. Ели вместе из одного котелка, спали вместе, вдвоем и окопы рыли, когда требовалось. Полк стоял в лесу, примыкавшем к окраине города. Немцы ушли отсюда совсем недавно, и местные девчата, с которыми солдаты встречались, рассказывали кое-что о них. Однажды Виктор не выдержал и спросил свою подругу:

— Неужто вас не убивали и даже не преследовали?

— Нет, ничего такого не было, — ответила она, — жили нормально.

— Выходит, наши газеты врут, будто оккупанты зверствовали?

Больше Виктор ее не встречал. А через пять дней его арестовали, бросили в глубокую яму, где уже сидели человек пятнадцать. Наверху — часовой. Лето выдалось сухим, жарким, но воды давали в обрез. Питание — баланда и 400 граммов хлеба.

Следователь СМЕРШ работал в хате, вызывал обычно ночью. Обвинение гласило: «Клевета на советскую печать». Оказывается, Мовшович сказал подруге, что «наша печать врет». Кто же возвел на него поклеп? Ведь там были только друг-учитель и девушка. Все стало ясно на очной ставке с Мурабом-заде. Следователь приказал подать провокатору котелок каши, которую тот здесь же съел с чувством исполненного долга.

Мовшович настаивал на своей невиновности, и его перестали вызывать. Два месяца почти не вызывали — срок для истощенного голодом солдата огромный. Такие перерывы входили в набор тактических приемов следователей. В довершение Виктор заболел дизентерией и его бросили в отдельную яму. Он уже не мог принимать пищу, лежал неподвижно. Пришла женщина в белом халате, назвалась врачом.

— Дайте, пожалуйста, стакан рисового отвара...

— Ишь чего захотел! У нас на фронте солдаты гибнут без медицинской помощи, а он тут разлегся как барин. Если каждый изменник будет... — И ушла, не договорив.

Не дано было знать Виктору, что за год до этих событий, на Волге, в саратовской тюрьме, вот так же погиб, умоляя врача о стакане рисового отвара, академик Вавилов.

Мовшович выжил и, как только поднялся на ноги, попал на допрос.

— Посмотри, на кого ты похож... натуральный враг народа! — презрительно бросил следователь.

— А кто меня довел до такого состояния? Вы держите в своих ямах столько людей, а ведь большинство из них ни в чем не виновны.

Следователь наотмашь ударил его по лицу.

Начались осенние дожди, пребывание в яме стало вовсе невыносимым. Узник был уже готов на все, лишь бы выбраться из ямы. Наконец его вызвали. Представительный майор, вежливый такой и внимательный, усадил Виктора рядом с собой на диван. «Я знаю, что вы комсомолец, студент, будущий инженер... Нет, вы не можете предать Родину. Вы хотите пойти на фронт, так ведь? Для этого надо сделать вот что. Вам следует во всем признаться, а на суде скажете, что поступили необдуманно, по молодости... И попросите отправить вас на фронт, где вы, несомненно, искупите свою вину. Суд учтет эти обстоятельства и пойдет вам навстречу».

«...Наконец-то нашелся хоть один хороший человек, чуткий, добрый», — так думал Виктор и, когда майора сменил прежний следователь, с полной готовностью и пониманием подписал протокол допроса.

Через неделю на заседании военного трибунала Виктор Мовшович получил свои десять лет. Процедура заняла ровно две с половиной

минуты. Он хотел что-то сказать, возмутиться, но конвой споровисто выставил его за дверь.

— Следующий!

Сколько миллионов солдат с клеймом «антисоветчика» прошло через этот конвейер...

Самолет украли...

В конце 1944 года во время воздушного налета на японские острова поврежденный в бою американский самолет совершил вынужденную посадку на советской территории, под Уссурийском. Стратегический бомбардировщик Б-29 превосходил все образцы этого вида боевых машин, но оставить у себя американский самолет даже на неделю... В Политбюро мнения разделились. Одни опасались ответных санкций союзников, прекращения помощи. Сталин намекнул на возможность скопировать бомбардировщик. Берия молчал, выжидая момента, когда Хозяин выскажется более определенно. Он знал Сталина, знал, чем дело кончится.

— Союзники стерпят, — сказал генсек, — понервничают немного и забудут. Бомбардировщик скопировать один к одному и чтоб через год летал!

Тут же Берия высказался «за». Ему Сталин и поручил курировать программу. Исполнителями назначили 65 институтов и конструкторских бюро во главе с Андреем Туполевым. Скопированный американский самолет Б-29 получит марку Ту-4. Берия взял себе помощником, в роли главного консультанта авиаконструктора Александра Яковлева.

Процесс слизывания машины оказался очень сложным и трудоемким. Самолет разобрали на тысячи деталей, каждую скопировали и вновь сложили — кирпичик к кирпичику. Это новое издание американского бомбардировщика стали называть «кирпичным самолетом». По ходу дела пришлось осваивать английскую метрическую систему, доставать-воровать американское измерительное оборудование. И все же копия по всем параметрам уступала оригиналу, инженеры и рабочие допускали ошибки. Пришлось скрепя сердце покарать виновных. А по окончании работ 57 особо отличившихся получили Сталинские премии «за разработку новой боевой техники». Заслуги Берия, Туполева, Яковлева были оценены орденом Ленина[23].

Рауль Валенберг

Как ни странно, XX век, отмеченный невиданным злодейством, породил целую плеяду подвижников Добра. В их ряду никогда не затеряется имя Рауля Валенберга. В 1944 году он служил в шведском посольстве в Будапеште и спасал евреев от геноцида. Валенберг органи-

зовал настоящий конвейер, требовавший каждодневной, без отдыха, напряженной работы и подлинной отваги. Ему удалось спасти от газовых камер 130 000 — сто тридцать тысяч — человек!

Когда советские войска вступили в Будапешт, Валенберг обратился к коменданту с просьбой помочь беженцам продовольствием: у него их скопилось двадцать тысяч в ожидании отправки. В комендатуре странному филантропу посоветовали поехать к маршалу Малиновскому. Валенберг так и поступил, но по дороге исчез — вместе с шофером и автомашиной. Это произошло 17 января 1945 года.

Шведского дипломата немедленно переправили в Москву, на Лубянку. На официальные запросы Москва отвечала, что Валенберг взят под защиту советскими войсками. Бериевское ведомство защищало его долго, терпеливо. После повторных запросов МИД известил Стокгольм официально: Рауля Валенберга на территории СССР нет, МИД не располагает никакими сведениями о нем. И дата: 18 августа 1947 года.

Судьба этого человека встревожила многих государственных деятелей, видных ученых, писателей. Но министр иностранных дел Молотов и сам Сталин неизменно отвечали, что Валенберга на территории Советского Союза не было и нет.

Однажды, убедительности ради, Сталин разыграл перед шведским послом этакий мини-спектакль: позвонил по телефону Лаврентию Берия и спросил о судьбе Валенберга. Берия ответил, что уже дважды тщательно расследовал это дело. К сожалению, не удалось обнаружить никаких следов пребывания Валенберга у нас... Лишь в феврале 1957 года, через двенадцать лет после похищения Валенберга бериевскими агентами, шведское правительство получило извещение: смерть Валенберга наступила предположительно от инфаркта миокарда 17 июля 1947 года. Из рапорта начальника санитарной службы видно, что на запрос — кому поручить вскрытие, последовала резолюция Абакумова: «Труп захоронить без вскрытия».

Генерал Абакумов казнен, спрашивать не с кого. Примите искренние... и прочее...

Таков был официальный ответ. И — ни слова о причастности Сталина и Берия.

Милован Джилас

Лишь две страны — Югославия и Албания сумели изгнать гитлеровских захватчиков почти самостоятельно. Заодно они избавились от своих собственных угнетателей. Но не удалось вольнолюбивым югославам и албанцам избавиться от грубой сталинской опеки. Стремясь подчинить себе руководство югославской компартии, Сталин использовал обычные инструменты: дипломатические миссии и миссии воен-

ные, экономические и, конечно же, тайные каналы. В Югославии бериевские агенты вели непрерывное наблюдение за всеми политическими лидерами, за каждым ответственным лицом. Вербовка велась на всех уровнях — среди русских белоэмигрантов и командиров югославских партизан, среди государственных и партийных деятелей, в самом аппарате ЦК. Удалось завербовать даже посла Югославии в Москве Голубовича. Он позднее эмигрировал в Советский Союз. Этим достижением Лаврентий Берия мог гордиться[24].

Трижды приезжал в Москву Милован Джилас: в марте и декабре 1944 года, затем — в начале 1948. И все три раза ощущал неусыпную слежку агентов Лубянки. Не без юмора повествует сподвижник Тито о «непогрешимой госбезопасности» — о полковниках, майорах, капитанах, опекавших денно и нощно югославских делегатов. Прежде всего их полностью изолировали от советских граждан. Их сопровождал повсюду капитан ГБ Козовский, иногда появлялись более высокие чины. Когда Миловану Джиласу и Коче Поповичу вздумалось переменить отдельные апартаменты в гостинице «Москва» на общий номер, им предоставили его лишь после того, как там побывал некий электрик...

Такая товарищеская обстановка вынуждала югославских коммунистов контролировать каждое свое слово. В гостинице, в кабинетах посланцы Тито разговаривали при включенных радиоприемниках. Лишь на улице, прогуливаясь без сопровождающих, могли они обмениваться мнениями без опаски.

В первый же приезд Джиласа в Москву сотрудники ГБ пытались выведать у него сведения о руководителях югославской компартии. Его повезли, соблюдая строжайшую конспирацию, с применением сложных до смешного уловок, на тщательно засекреченную квартиру и принялись настойчиво выспрашивать нужные конфиденциальные данные. «Товарищеская беседа» осталась в памяти Джиласа как настоящий полицейский допрос[25]. Не обошлось без провокации, исполненной в стандартно-вульгарной манере.

...В номере «Метрополя» зазвонил телефон. Послышался обольстительный женский голос:

— Здесь Катя.

— Какая Катя?

— Ну, Катя. Как будто вы меня не помните? Я хотела бы с вами встретиться, я обязательно должна с вами встретиться!

Джилас размышлял недолго: «Катя», конечно же, действовала *по поручению*.

— Оставьте меня в покое! — ответил он и положил трубку.

Такие же назойливые телефонные предложения поступили в тот день в номера остальных членов югославской делегации[26].

Что говорить о Москве, если Джилас, представитель ЦК братской компартии, личный посланец маршала Тито, не мог избавиться от «всеслышащих ушей» даже в Бухаресте, на закрытом совещании с румынскими руководителями[27].

В сорок пятом победном году советские солдаты и офицеры — далеко не все, разумеется, — позволяли себе и грабежи, и насилие над жителями европейских стран. Много случаев отмечено на территории Югославии, о чем Джилас прямо заявил генералу Корнееву, главе советской военной миссии в Белграде. По самым минимальным подсчетам (не всякая женщина заявит), в конце 1944 года имели место 121 случай изнасилования (большинство с последующим убийством) и 1024 случая ограбления. Джилас тотчас оказался в немилости у Сталина. Советские агенты в Югославии распространили слухи — будто Джилас впал в ...троцкистскую ересь[28]. Он постоянно находился под прицелом кремлевского Охотоведа, под надзором Берия. Как знать, чем бы окончилась его поездка на отдых в Крым, куда его пригласил Сталин в 1946 году... У Джиласа хватило благоразумия отклонить лестное предложение.

Герои геноцида

1 марта 1944 года Берия докладывал Сталину о результатах операции по выселению чеченцев и ингушей. Он представил к награждению отличившихся. В операции участвовали 19 тысяч оперативников НКВД, НКГБ и СМЕРШ, а также 100 тысяч офицеров и бойцов внутренних войск. Всего в три приема выселено 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев.

По представлению Берия героев внутренней войны наградили почетными орденами Суворова, Кутузова, Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». 714 карателей были приравнены к полководцам войны Отечественной. Сам генеральный комиссар госбезопасности Берия, как главный стратег, получил орден Суворова I степени.

Воевать, так воевать!

К сентябрю 1944 года число так называемых спецпереселенцев достигло 2 250 000 человек. Двух с четвертью миллионов — к сведению непробиваемых поклонников Сталина и его ближайшего подручного.

О составе этой массы жертв внутренней войны можно судить по таблице:

	тыс. человек
бывшие кулаки	666
немцы	589
чеченцы и ингуши	496
карачаевцы	68
балкарцы	38
переселенные из Крыма	225
калмыки	93
жители Прибалтики и Молдавии	45
прочие (семьи «оуновцев», «фольксдойч», истинно православные и др.)	5

Масштабы геноцида потребовали создания в структуре НКВД особого отдела спецпереселений. Если верить секретным докладам начальника отдела полковника М.В. Кузнецова, он денно и нощно занимается благоустройством изгнанников. О смертности опекаемых — ни слова. Но главная забота лубянских доброжелателей — создание оперативно-осведомительской сети. Это у них называлось «чекистским обслуживанием» по выявлению контрреволюционного элемента.

Сколько тысяч было ими подведено под расстрел, этими откормленными молодцами. Сколько умерло «просто так», от голода, болезней...

Новая волна репрессий унесла десятки тысяч жителей, посмевших осесть в пограничных районах Грузии, — турок, курдов, хемшилов. И на этот раз Берия обращается к Вождю с представлением от 2 декабря 1944 года о награждении отважных воителей — общим числом 413.

Согласно докладу начальника отдела от 8 января 1945 года контингент спецпереселенцев насчитывает 2 137 769 человек — на 110 000 меньше сентябрьской сводки. Это вместо ожидаемого прибавления за счет последних жертв геноцида.

Не будет преувеличением сказать, что смерть унесла за короткий срок полмиллиона плененных доблестными войсками внутренней службы.

Документы, хранившиеся полвека в закрытом архивном фонде под грифом «Совершенно секретно», опубликованы в журнале «Отечественные архивы» № 5 за 1993 год. Полезно ознакомиться. А подробности бесчеловечных акций заняли бы не один том...

Заслуги бериевской клики в войне против советского народа несомненны. Вместе с ним высшего военного ордена Суворова 1-й степе-

ни удостоены комиссары ГБ Круглов, Серов, Кобулов. Среди награжденных орденом Суворова 2-й степени, а также орденом Кутузова — Меркулов, Абакумов, Аполлонов, Огольцов, Добрынин, Кривенко, Покотило... И земляки Генерального комиссара: Гвишиани, Гоглидзе, Церетели, Рапава, Карападзе...

В феврале 45-го состоялось еще одно награждение подручных Берия. В компанию искусных полководцев зачислены главный охранник Власик, начальник «Дальстроя» Никишов, личный повар Сталина Егнаташвили, заслуженные костоломы Мильштейн и Мешик...

Их много, но народ должен знать своих палачей поименно.

«Родина ждет вас!»

В годы войны в деятельности тайной службы произошел заметный качественный скачок. Ведомство Берия стало проводником государственной политики, то есть политики Сталина, в Европе. И Берия полностью оправдал, в который раз, надежды Вождя. При нем технология порабощения иноземных народов достигла таких изощренных высот, о которых его наивные предшественники — Генрих Ягода и Николай Ежов даже мечтать не могли. Армия карателей заключала в тюрьму бывшие независимые государства целиком — с правительством и церковью, Сеймом и Народной Радой, с крестьянами, рабочими, интеллигентами...

В конце войны и после Победы ведомству Берия пришлось решать задачу репатриации советских граждан, а также немецких военнопленных и иностранцев на территории самой Германии, Австрии, Италии. Мы уже затронули эту сложную проблему, но она требует более подробного рассказа.

Жертвы тайной Ялты

Весной, в пору таяния снегов, река Драва превращается в бурный поток. В мае сорок пятого в долине реки скопилось несколько десятков тысяч казаков, многие были с семьями. Война кончилась победой над фашистской Германией. Именно тогда разгорелась с новой силой другая война. Предстояло разыскать, заманить или силой затащить более двух миллионов соотечественников, оказавшихся на Западе. И переварить эту огромную массу «изменников». Более всего Сталину и Берия не терпелось завладеть казаками. Они сражались против кремлевских узурпаторов на стороне Германии и по окончании войны сдались в плен союзникам.

...К берегу реки подбежала молодая казачка с двумя малышами. Она взглянула с крутого обрыва вниз, где бушевал весенний поток, и бросила старшую девочку в водоворот. Младшая закричала:

— Мама, не надо! Мама, я боюсь!

— Не бойтесь, я с вами! — ответила мать и, кинув второе дитя в реку, подняла руку для крестного знамения: «Господи, прими душу грешную». И, не донеся руки до левого плеча, бросилась в пучину.

...Возле глубокой ямы лежат трое детей и женщина. Рядышком лежат, мертвые. Напротив — тело казака с пистолетом в руке. Увидев такое, майор английской армии Дейвис подумал: «Отец привел сюда первого ребенка, застрелил его, потом сходил за другим, за третьим... И покончил с собой, лишь уверенный в том, что никто из его семьи не попадет в руки Советских властей»[29].

Подобные свидетельства офицеров союзных армий и советских эмигрантов сохранились во множестве. Подкрепленные документами, собранные воедино в книге замечательного английского гуманиста лорда Бетелла, они и сегодня взывают к совести всего человечества.

Среди подлежащих репатриации были и те, кто сражался против сталинского режима. Однако, согласно Международной конвенции о военнопленных, их нельзя было приравнивать к военным преступникам. Выдаче они не подлежали. Многие западные наблюдатели считали, что эти граждане СССР оставались патриотами, ибо хотели освободить родину от кровавой тирании. Многие историки, публицисты и ныне придерживаются такой точки зрения.

Геройски сражался под Москвой и Ленинградом генерал Власов. Попав в немецкий плен, он объявил виновником всех бед советского народа Сталина, этого самозваного Вождя. И выступил против него с оружием в руках. Однако немецкое командование воспротивилось обособлению Русской Освободительной Армии (РОА), которая насчитывала не менее полумиллиона солдат. Части власовцев, разбросанные по дивизиям и фронтам, оказались в подчинении немецких офицеров.

До сих пор одни называют генерала Власова изменником, другие — истинным патриотом. А Сергей Буняченко, бросивший 5 мая 1945 года свою дивизию в бой против отрядов СС и спасший вместе с силами сопротивления Прагу, — кем он был, генерал Освободительной армии Власова?

Для Сталина на сей счет никаких сомнений не существовало. Отец Народов считал изменником каждого, попавшего в немецкий плен. С нескрываемым вожделением ожидали сталинские карательные Органы выдачи казаков. В английской зоне оккупации их оказалось до 50 тысяч. Не все они являлись советскими гражданами, но кто тогда думал о таком пустяке? Казачье войско возглавляли бывшие донской атаман Петр Краснов и генерал-майор Белой Армии кубанский атаман Вячеслав Науменко. Оба участники гражданской войны. Поход-

ным атаманом в самом конце войны стал бывший советский офицер Т.И. Даманов. На милость английского командования сдался 15-й Казачий кавалерийский корпус под началом генерала Хельмута фон Паневица (19 тысяч сабель).

Вместе с казаками в мае 1945 в Южной Австрии оказалось около семи тысяч женщин и детей. Все они подлежали выдаче, в первую очередь — офицеры. При этом советское правительство ссылалось на соглашение, достигнутое между союзными державами в Ялте в феврале 1944 года. Но не ищите следов этого соглашения в официальных документах: оно было секретным. На этом настаивал Сталин, и союзники пошли ему навстречу. Соглашение о репатриации всех без исключения советских граждан, которое не исключало и принудительные меры, не было зарегистрировано в ООН, не попало в печать.

Основу для этой акции Сталин заложил за несколько месяцев до Ялтинской конференции на встрече с Черчиллем и Иденом в Москве в октябре 1944. На том кремлевском торжище премьер-министр Великобритании и генеральный секретарь Компартии Советского Союза по-братски поделили зоны влияния на Балканах. Сталин не медля ни секунды подписал предложенный Черчиллем листок с указанием доли влияния каждой державы. Он знал, чем все это кончится на деле.

Очарованные доброжелательностью и сговорчивостью маршала Сталина, английские гости с пониманием отнеслись к его пустячной просьбе — вернуть всех русских военнопленных на родину. «...Мы бы сделали ему большое одолжение, устроив для него это дело», — телеграфировал Иден в Лондон. Взамен Сталин лично позаботится об английских военнопленных на территории Германии.

Кремлевский лицедей буквально очаровал Идена. Как он потом сообщил своему другу — писателю Гарольду Никольсону, «Сталин никогда не нарушает данного им слова»...

Он оказался тогда на высоте, этот энергичный коммерсант и — в одном лице — большой актер Иосиф Сталин. О торжестве генсека в иной ипостаси — тюремщика — позаботился Молотов. На встрече с Иденом он добился от него согласия репатриировать всех без исключения советских граждан, независимо от желания отдельных лиц. После принятия соответствующего решения МИД и военного министерства Великобритании правительству Соединенных Штатов было совсем просто последовать примеру своего союзника.

Ровно через год после Ялтинской встречи высшее духовенство в Ватикане заявило американским журналистам, что это соглашение является «предательством тех нравственных основ и идеалов, за которые боролись союзники», и что оно противоречит «принципам чело-

вечности и справедливости»[30]. Эта политическая игра вершилась в глубокой тайне. Сменивший вскоре Черчилля новый премьер-министр Эттли с тем же тщанием соблюдал ялтинскую секретность. И подобно консерватору Черчиллю, социал-демократ Эттли выдавал на растерзание не только всех казаков нового поколения вместе с семьями, но и старых эмигрантов. Среди них были офицеры, сражавшиеся плечом к плечу с англичанами против Советской власти в годы гражданской войны. Многих наградили английскими орденами, они четверть века прожили на Западе.

...На севере Италии, в пограничном местечке Форни Авоитра, расположилось лагерем несколько тысяч грузин, покинувших родину в начале двадцатых годов, и дети первой волны эмиграции. К казакам они относились враждебно. Но в одном сходились с ними — в ненависти к сталинскому режиму. Они охотно сдались английским офицерам и вскоре были перемещены в Южную Австрию. В лагере под Обердраубергом их скопилось около пяти тысяч.

Репатриация старых эмигрантов — белогвардейцев и грузин — не была предусмотрена Ялтинским соглашением. Но уж очень хотелось союзникам угодить доброму дядюшке Джо. И военное командование получило указание — выдавать Сталину *всех* советских граждан. Не исключая тех, что никогда советскими не были.

В мае 1945 на австрийско-югославской границе скопилась масса хорватов, не признававших режима маршала Тито, — двухсоттысячная армия и около полумиллиона гражданских лиц. Все они доверчиво отдались в руки английских войск, предпочитая жизни под властью коммунистов гибель в бою или голодную смерть.

И что же? Британские власти отправили всех хорватов назад. Участники движения усташей подверглись массовой экзекуции. Их погнали под конвоем через города и села Югославии, почти без сна и пищи. Их гнали нескончаемыми колоннами под градом ударов, со связанными проволокой руками — по испытанному в сталинских владениях способу.

Уже ради этой одной детали стоило упомянуть о тысячеверстном марше смерти бывшей хорватской армии.

Из забвения, из тщательно спланированного забвения, всплывает ныне еще одна трагедия. К концу 1943 года в нацистских лагерях находились 749 тысяч военнопленных итальянцев. Через год их осталось менее 100 тысяч.

Многие солдаты и офицеры отказались присягать на верность Гитлеру. Специальные немецкие команды расстреляли всех примкнувших к перемирию — но приказ, оказывается, исходил не только из

Берлина. Руку к нему приложил итальянский Дуче. Ему, как и московскому Вождю, не терпелось расправиться со своими строптивыми соотечественниками[31].

Нет, им действительно следовало бы на одной оси сидеть — Гитлеру, Муссолини, Сталину.

Рядом с картинами геноцида и массового истребления итальянцев (не забудем еще и бойню на острове Кефалиния в сентябре 1943), на фоне гибели многих миллионов советских солдат трагедия 50 тысяч казаков — всего лишь искра на пожаре XX века. Вспыхнула — и нет ее.

Сдаваясь добровольно союзникам, казаки были уверены, что теперь они обретут свободу. Откуда им было знать о Ялтинском сговоре. Советские военнопленные помнили о массовых репрессиях тридцатых годов, многие сами прошли через это или потеряли в лагерях своих родственников, друзей. Им был известен сталинский приказ, приравнивавший всех пленных к изменникам. Женщины, очутившиеся на Западе, тоже представляли себе, что их ждет на родине. Когда перед отправкой очередной партии казаков английский офицер спросил их — последуют ли они вместе с детьми за мужьями, они решили остаться.

И тем спаслись.

После насильственной погрузки в вагоны казаки и другие военнопленные спешили выменять свои ценности и личные вещи на продукты, сигареты или просто отдавали все иностранным конвоирам. На границе их ждал свой обыск, то есть неприкрытый грабеж — в духе давних традиций НКВД. Да что там часы, кольца, деньги... Английские и американские офицеры упоминали о таких случаях, когда бесследно исчезали паровозы, доставившие составы с репатриированными на территорию восточного союзника...[32]

А казачьи шашки, парадное оружие, украшенное драгоценными камнями, инкрустацией. Алчность агентов СМЕРШ в Юденбурге, где находилась большая тюрьма, поразила английских офицеров. От них потребовали доставки фамильного оружия, вместе с его законными владельцами.

Страшные страницы вписал XX век в историю человечества. Вторая мировая война принесла нам столько горя, что порой почтешь за благо не вспоминать о ней. Репатриация советских военнопленных — это ведь, в сущности, всего лишь эпизод, один из многих. Но и он не подлежит забвению.

При Сталине никто не смел даже спрашивать о судьбе двух миллионов советских граждан, занесенных вихрем войны на иные земли. А вопросы остались, они ждут ответа. Вот уже полвека ждут они гласности.

— По какому праву главы союзных держав устроили в Крыму тайный дележ чужих земель и распорядились судьбой народов Восточной Европы?

— Почему вопреки международному праву и живой традиции со всеми советскими пленными поступили как с военными преступниками?

20 февраля 1946 года папа Пий XII выступил с протестом против «репатриации людей вопреки их желанию и отказа предоставить им право убежища»[33]. Но католики в Вестминстере и в Белом доме не услышали гневного гласа верховного пастыря.

Почему?

Старых эмигрантов, никогда не имевших советского подданства, казнили в Москве в январе 1947 года и даже предали эту преступную акцию гласности[34]. С кого спрашивать?

— Вместе с генералами Шкуро и Красновым был выдан немецкий военачальник фон Паневиц. И тоже казнен в Москве. Кто в ответе за это преступление?

— Как могло случиться, что жен и детей казаков подвергли насилию и вместе с мужчинами отдали на истребление сталинской охранке?

— В конце войны начали поговаривать о гуманном обращении с перемещенными лицами. Почему же не пожалели тогда хотя бы стариков?

— Среди пленных находились лица, обладавшие так называемыми «нансеновскими паспортами», которые давали право политического убежища. Эти пленные не подлежали выдаче своим политическим противникам. Что побудило англичан выдать их на расправу?

Фельдмаршал Александер пытался вступиться за советских военнопленных перед военным министерством. Он доказывал, что насильственная выдача этих лиц, находившихся в то время в Италии, «означала бы для них смерть». Генерал Омар Бредли сообщал, что «к июню 1945 года в американских лагерях собралось до 150 тысяч русских, сражавшихся на стороне немцев. Я убежден, что этих людей ничего хорошего не ждет».

Многие английские офицеры неохотно исполняли приказы о принудительной репатриации. Отправку каждой партии советских военнопленных офицеры охраны воспринимали как личную трагедию. Еще больше сочувствующих оказалось в среде рядовых. Офицер Джеффи Пикард свидетельствует: «Моих солдат затошнило при известии, что мы выдали этих казаков на смерть». Некоторые англичане, многим рискуя, способствовали бегству охраняемых. Командованию приходилось заменять свои подразделения новыми[35].

Солдаты, чье ремесло во все времена не отличалось гуманностью, на этот раз проявили милосердие. У профессиональных политиков его не нашлось. Ни у одного.

Черчилль и Иден, Эттли и Бёвин, Рузвельт и Эйзенхауэр, Сталин и Молотов. Вот они, главные виновники послевоенных массовых экзекуций, восемь государственных деятелей союзных держав. Остается назвать девятого. Он стоял в тени, но именно его агенты — офицеры СМЕРШ, «дипломаты», особые уполномоченные рыскали по всей Европе в поисках добычи. Казнили, отправляли репатриантов сотнями тысяч в истребительные лагеря. Этот послевоенный конвейер организовал Лаврентий Берия, главный исполнитель сталинских велений. Кто еще из окружения генсека сумел бы в тех сложных условиях, в столь сжатые сроки, на таком высоком профессиональном уровне осуществить эту людоедскую акцию?

Когда часть военнопленных в предчувствии насильственной репатриации пустилась в бега, англичане организовали поисковые отряды. Уступая настойчивым требованиям советской стороны, они включили в эти отряды специалистов из СМЕРШ. С согласия военной администрации союзников те учиняли упорствующим соотечественникам допросы. Разумеется, в своем привычном стиле. Даже такой лояльный дипломат, как бывший британский поверенный в делах в Москве Роберт Ходжан, констатировал, что «действия НКВД становятся нетерпимыми»[36].

При установлении гражданства многие военнопленные пытались скрыть свое происхождение. Агентам СМЕРШ не представляло труда завербовать в многотысячной массе нужных людей и с помощью этих провокаторов выявить уклоняющихся от материнских объятий родины. Дополнительные сведения любознательные офицеры получили в организации помощи беженцам (ЮНРРА), куда Берия внедрил своих агентов загодя[37].

С целью побудить союзников к выдаче всех советских граждан независимо от их желания представители Москвы не гнушались шантажом. Английским и американским властям дали понять, что малейшая задержка репатриации может вызвать ответные меры в отношении военнопленных союзных армий. Британская сторона справедливо опасалась того, что попавшие в бережные руки НКВД соотечественники могут стать заложниками[38].

Очень скоро союзники убедились в циничном лицемерии дорогого дяди Джо. Когда представители Великобритании и США решили в соответствии с ялтинской договоренностью встретиться со своими соотечественниками, оказавшимися в Польше на положении военнопленных, им наотрез отказали. Нетрудно понять бериевских генералов, увлеченно насаждавших на чужой земле сталинский режим. Сопротивление польских патриотов они ломали танками и резонно полагали, что эти картины не для посторонних глаз.

Что касается командования союзных войск, то оно не могло отказать в посещении лагерей офицерам СМЕРШ, выдававшим себя за фронтовых командиров. А те, проникнув к советским военнопленным, обрабатывали их на свой манер. «Мы считаем вас полноправными советскими гражданами, несмотря на то что вы были вынуждены вступить в немецкую армию», — внушал в одном из лагерей английской зоны полковник Горский. «В нашем советском отечестве найдется достаточно места для каждого», — вторил ему генерал Васильев. Другой генерал, встречая большую партию репатриированных, назвал их «непослушными детьми». Если они будут слушаться и трудиться, как все члены советского общества, то никакого серьезного наказания не понесут[39].

Посетив один крупный лагерь в июле 1945 года, полковник Мальков заявил, дважды солгав, что законы изменились и что два миллиона русских уже вернулись свободно домой из Германии.

Жертвой жестокого обмана стали в мае 1945 казачьи офицеры. В лагерях английской зоны под Лиенцем объявили, что их приглашают на международную конференцию. Предварительно у них выманили оружие, пообещав взамен разнокалиберного выдать всем стандартное — в связи с образованием особой казачьей армии. И они поверили. Некоторым дальновидным удалось покончить с собой до того, как ловушка захлопнулась.

Эта сделка между Черчиллем и Сталиным завершилась гибелью двух тысяч офицеров[40].

Нетерпение функционеров смерти, ожидавших в советской зоне поездов, было столь велико, что они выволакивали из вагонов офицеров и тут же их расстреливали. Одна партия, 934 пленных казака, на рассвете 16 июня 1945 прибыла в Грач. Первым делом смершевцы отобрали у репатриантов деньги, часы, кольца. Продукты питания — тоже. Зачем они мертвецам? После обыска и грабежа колонну арестантов увели за ближайший холм. Раздались автоматные очереди. Английские солдаты вернулись в свою зону, удрученные невольным участием в злодеянии[41].

Пора назвать непосредственных исполнителей сталинской директивы, хотя бы тех, которых упомянул Николас Бетелл.

Военный атташе при Советском посольстве в Лондоне генерал Васильев.

Представители СССР на Ялтинской конференции (по вопросам репатриации военнопленных) Кирилл Новиков и генерал-лейтенант Грызлов.

Генерал Ратов. Он возглавлял англо-советскую комиссию по установлению гражданства военнопленных.

Полковник Горский взял на себя роль уговаривающего.

Полковник Малько в июле 1945 прибыл в американскую зону.

Генерал Данилов участвовал в захвате 410 военнопленных в церкви. Под его наблюдением агенты НКВД и солдаты военной полиции выволакивали силой молящихся, не пощадив и женщин, и бросали в грузовики — избитых, раненных.

Генерал-майор Я.Д. Басилов, прибыв в Италию, потребовал у фельдмаршала Александера допуска во все лагеря военнопленных для розыска советских граждан. Наглость бериевского эмиссара дошла до того, что он стал добиваться допуска агентов в расположение польских воинских частей, а также на остров Крит.

О миссии полковника Павла Яковлева в Италии мы уже упоминали. Нельзя пройти мимо сообщения западной печати о прибытии в американскую зону пятидесяти специальных агентов для облавы на колеблющихся русских[42].

Следует знать, что бериевские агенты предпочитали скрывать свои имена под вымышленными. Зачем? Возмездие ведь не последует.

Почти три года НКВД средствами шантажа, обмана, вымогательства добивался от союзников выдачи всех советских граждан, и прежде всего — военнопленных. Однако многие успели бежать, другие предпочли покончить с собой, третьи погибли в пути от болезней... В марте 1947 представитель тайных Органов в Риме полковник Яковлев сообщил, что согласен принимать в зачет выданных и мертвых. Ни один не должен ускользнуть от матери-родины[43].

Благодаря неустанным усилиям ведомства Берия она обернулась для массы репатриантов жестокой мачехой. Их судьба наглядно отразилась в судьбе казаков.

...Июнь 1945. Поезда с казаками шли через Венгрию, Румынию, Украину на Москву, оттуда — в Кемеровскую область и в Томскую. В товарных вагонах — теснота, грязь, тюремная баланда, пайка глиноподобного черного хлеба, ржавая селедка и совсем немного — по кружке на человека — грязной воды[44].

Этап как этап.

Сколько их погибло в пути, сколько в угольных шахтах, на лесоповале, скольким удалось дотянуть до освобождения?

Конец войны мне довелось встретить в ранге «врага народа» в Заполярье. К нашему Северо-Печорскому лагерю примыкали огромные, даже по тем масштабам, арестантские зоны в Ухте (нефть, газ), в Инте и Воркуте (угольные бассейны). Военнопленных казаков я там не встречал, зато власовцев было очень много и содержали их на особом режиме, в зонах с кодовым названием «Речной лагерь» — Речлаг. Летом 47-го на Печору прибыл странный этап власовцев. Их

отправили сюда после значительного интервала, когда основная масса Освободительной Армии Власова уже отбывала сроки наказания — по 10, 15 и 20 лет. Скоро стало известно, что вновь прибывших выдали советским властям при ликвидации последнего лагеря американцы, которые поставили условие — информировать правительство США о судьбе репатриированных. Вот почему, вероятно, эту партию этапировали в Заполярье на правах ссыльных, с шестилетним сроком.

На первых порах им доверили оружие, и они пополнили военизированную стрелковую охрану (ВСО). В массе зеков после войны преобладали фронтовики, попавшие в плен в дни трагических поражений первых лет. Было также много истинных патриотов, отправленных в истребительные лагеря агентами СМЕРШ за одно необдуманное слово. И вот колонну таких бедолаг ведут под конвоем власовцы, те самые, что сражались против них на фронте. В Малой Зоне при Берия не такое еще случалось.

Шло время, власовцев по одному вызывали то в Котлас, то в Сыктывкар, то в Воркуту — на допрос, на очную ставку. Началась сортировка, многим полувольную жизнь заменили каторгой.

И вновь бериевское ведомство взвалило на свои натруженные плечи непосильное бремя: предстояло определить судьбу нескольких миллионов, живших под немецкими оккупантами, и репатриированных из Западной Европы. Какую-то часть славные чекисты — так они себя называли — успели обработать, но основная масса проследовала в лагеря транзитом. Именно тогда численность запроволочного населения достигла пика — шестнадцати миллионов[45].

Вот куда может завести универсальный тезис «Цель оправдывает средства», столь часто применяемый как на Западе, так и на Востоке.

Для Лаврентия Берия этот тезис стал путеводной звездой с первых же шагов службы на ниве кары и сыска. В годы войны он был самым активным проводником сталинской политики в тылу и на фронте. И за рубежом.

При Ленине и до самого конца двадцатых годов мало кто сомневался в авторитете и ответственной роли советских дипломатов. Постепенно их лишили всякого влияния, превратив в послушных исполнителей указаний приставленных к посольствам функционеров тайной службы. С этим багажом страна подошла к войне. Ее победный исход помог утвердиться авантюристским, беспринципным приемам во внешних сношениях. Преемники Сталина и Берия не пожелали ничего менять.

И если ныне некоторые западные лидеры проявляют полное недоверие к любым, даже самым миролюбивым, заявлениям лидеров новых государств бывшего Советского Союза и говорят о несостоятельности самой идеи коммунизма, то корни такого отношения следует искать в преступной эпохе Сталина — Берия.

ГЛАВА 11

ПОБЕДИТЕЛИ

Маршал

Сколь высоко ставил генсек заслуги Органов кары и сыска, можно судить не только по наградам, которые щедрым дождем пролились на проводников террора. Указом от 9 июля 1945 года двумстам с лишним ответственным функционерам Лубянки присвоили высшие общевойсковые звания (взамен прежних особых).

Лаврентий Берия стал маршалом Советского Союза. Удивляться нечему: эта власть всегда ставила на первое место внутреннюю войну против собственного народа. Следом идет Всеволод Меркулов, единственный генерал армии, ключевая фигура репрессивного аппарата. Звания генерал-полковников удостоены семь бериевских подручных: Виктор Абакумов, Сергей Круглов, Иван Серов, Богдан Кобулов, Василий Чернышев, Сергей Гоглидзе, Карп Павлов.

Среди пятидесяти генерал-лейтенантов встречаются такие именитые палачи, как Л.Е. Влодзимирский, М.М. Гвишиани, А.З. Кобулов, С.С. Мамулов, С.Р. Мильштейн, В.Г. Наседкин, Л.Ф. Райхман, А.Н. Рапава, П.А. Судоплатов. Начальники истребительных лагерных строек А.П. Завенягин, И.Ф. Никишов и Л.Б. Сафразьян. Начальник сталинской охраны Николай Власик, ближайший помощник Берия Степан Мамулов и личный повар генсека Александр Егнаташвили. Последний был товарищем детских игр Сосо, отец Саши позаботился о поступлении будущего Вождя в училище и семинарию. Отменные шашлыки готовил Сталину генерал-лейтенант Александр Егнаташвили...

Звание генерал-майора заработал организатор убийства Троцкого Наум Эйтингон. И еще одно примечательное имя встретим в том списке — будущего народного писателя Литвы Александра Гузявичуса. В

расстрельные сороковые он был наркомом внутренних дел родной республики и более шести лет исправно отправлял на казнь своих земляков.

Наличие профессиональных палачей в Союзе писателей — традиция добрая, неумирающая.

Итак, Берия сравнялся в звании с Жуковым.

Первые конфликты Жукова с Берия начались уже в 1942 году, когда член ГКО Берия при поддержке Мехлиса убеждал Сталина в порочности стратегического плана Жукова, упреждающего удар по южной группировке противника.

Конец июля 1945 года. Заместитель Лаврентия Берия Абакумов прибыл в Берлин и, не представившись Главнокомандующему Группы советских войск, арестовал ряд генералов и офицеров. Жуков вызвал Абакумова и приказал немедленно всех освободить. В противном случае обещал отправить его под конвоем в Москву[1].

Июнь 1946 года. На заседании Высшего Военного совета Сталин бросил секретарю совета генералу С.М. Штеменко несколько листов с текстом: «Читай!»

Это были показания бывшего адъютанта подполковника Семочкина и главного маршала авиации А.А. Новикова, написанные в тюрьме. Узники обвиняли маршала Жукова в присвоении всех победных лавров — в ущерб товарищу Сталину, а также в сколачивании вокруг себя группы недовольных режимом лиц. По предложению Сталина свое мнение высказали Молотов, Булганин и ведущий исполнитель провокации Лаврентий Берия.

Маршала вывели из состава ЦК, сняли с должности Главнокомандующего сухопутными войсками и отправили в Одессу командовать там военным округом[2].

1947 год. Арестована большая группа генералов и офицеров, в основном из окружения Жукова. Их пытали, принуждая признаться в подготовке «военного заговора» против сталинского руководства, организованного маршалом Жуковым. Как свидетельствует Георгий Константинович, этим «делом» руководил Абакумов.

1948 год, март. «Когда я был уже снят с должности заместителя министра и командовал округом в Свердловске, Абакумов под руководством Берия подготовил целое дело о военном заговоре... Встал вопрос о моем аресте. Берия с Абакумовым дошли до такой подлости, что пытались изобразить меня человеком, который во главе арестованных недавно офицеров готовил военный заговор против Сталина. Но как мне потом говорили присутствовавшие при этом разговоре люди, Сталин, выслушав предложение Берия о моем аресте, сказал:

«Нет, Жукова арестовать не дам. Не верю во все это. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя»[3].

Эту запись, сделанную Константином Симоновым, дополняют свидетельства Елены Ржевской и Василия Соколова. Последний сообщает об одном эпизоде, который возвращает нас в год 1941, когда у супруги Ворошилова при переезде из Москвы в Куйбышев «пропал» фотоальбом. Через несколько лет во время тайного обыска на даче Георгия Жукова «пропали» все фотоальбомы вместе с его личным архивом. Берия использовал эти материалы для очернения полководца и обвинения его в предательстве.

Нет, Берия так и не удалось арестовать маршала, но без инфаркта все же не обошлось: в январе 1948 года Георгий Константинович был госпитализирован. Вспоминая о роли Берия в развернутой Сталиным травле, Жуков сказал:

«Берия был личностью, готовой выполнить все что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие личности и необходимы»[4].

В этой верной в целом характеристике не указано только, кому конкретно был необходим Лаврентий Берия. Он, бесспорно, имел все основания ненавидеть маршала Жукова, который на дух не принимал лубянских карателей и примером своим подрывал авторитет Органов. Но, преследуя полководца, Берия выполнял указания Хозяина. Об этом маршал Жуков говорит лишь полунамеками...

Казалось бы, ничего конкретного в этих воспоминаниях, но место Берия рядом со Сталиным, под его рукой, обозначено точно. И роль тюремного маршала в трагедии безымянного солдата, роль предателя указана полководцем верно.

Медленно, со скрипом, поднимается ныне занавес, сорок лет скрывавший от глаз преступления сталинской клики военной поры. А тогда, сразу же после великой победы советского народа над фашистской Германией, возникли — не стихийно, разумеется, — легенды о великом генералиссимусе и его верном оруженосце.

...Наказам Сталина внимая,
Любой их выполним ценой.
Приветом пламенным встречаем
Приезд твой в город наш родной.
...Когда враги в крови хотели
Свободу нашу утопить
И над твореньем Руставели
Расправу гнусную свершить,

Тогда в предгорьях наших снежных
Твой клич раздался боевой —
Подул победы ветер свежий,
Знамена взвил над головой.

Это о нем, Лаврентии Берия, вирши И. Гришашвили — «Радость Тбилиси»[5].

И еще, на сей раз песня о новом маршале.

...Вспять вражьи силы бросились.
Вновь блещет небо чистое,
Доблесть героя славили
Снежные горы, выстояв.
С ними мы пели радостно,
Твердо в победу веруя.
«Многая лета здравствует
Пусть наш защитник Берия».

Нина Алексеева

За делами государственной важности Берия не забывал о своем концертном ансамбле. Женскую половину коллектива он, естественно, воспринимал не иначе как личный гарем, его примеру следовали некоторые лубянские сановники. Танцовщица Нина Алексеева приглянулась начальнику штаба партизанских отрядов Воробьеву, и он «пригласил» ее к себе домой, однако овладел ею уже в автомобиле. Словом, поспешил генерал. Он оказался щедрым и внимательным покровителем, но вскоре попал под топор репрессий.

Центральный ансамбль НКВД–МВД обслуживал фронтовые части и работал над новыми программами. Доверенный агент Лаврентия Павловича Саркисов посещал репетиции, высматривая сексапильных женщин. Однажды он предложил Нине Алексеевой свои услуги, но она отказалась сесть к нему в машину. Во второй раз вербовщик был настойчивее. Опасаясь худшего, танцовщица переехала в Калининград. В Москву она вернулась после войны и сразу же была принята в оркестр под управлением Целиковского. Он помещался тогда на улице Качалова, вблизи особняка Берия. Во время вечерних прогулок Лаврентий Павлович имел обыкновение останавливаться у подъезда здания, где репетировал оркестр, и высматривал среди выходивших артисток нечто подходящее. Алексееву он узнал сразу же, а на другой день появился неизменный Саркисов. Нина Васильевна была уже заму-

жем, растила детей, и Саркисов галантно предложил отвезти ее домой. Однако через несколько минут машина въехала во двор известного особняка, и вот уже наша танцовщица сидит за столом с хозяином, с опаской поглядывая на обильные яства. «Неужто вы думаете, что блюда отравлены?» — спросил Берия. И отведал всего понемногу. «Я вас так долго ждал, я вас искал повсюду...»

Пришлось покориться. Лаврентий Павлович не проявил никаких признаков садизма, которым пугали девушек еще в довоенную пору. На прощание преподнес новой любовнице букет великолепных роз. Домой Нина Васильевна вернулась в слезах, не в силах поведать мужу о своем горе.

Супруга Берия жила после войны постоянно на даче вместе с сыном и глухонемой сестрой Лаврентия Павловича. Пользуясь полной свободой, он навещал их совсем редко.

А Нину Алексееву Берия долго еще не выпускал из цепких лап, пока она не вымолила себе покоя. Он легко утешился: их было много на его счету, растоптанных женщин.

Описывать сексуальные подвиги Лаврентия Павловича муторно. Но одно имя обойти молчанием нельзя, тем более что неповторимая Татьяна Окуневская сама поведала о трагедии своей жизни. Ее книга «Татьянин день» вышла в свет в 1998 году.

Татьяна Окуневская

...Приглашение на кремлевский концерт в дни победного мая ошеломило: та сцена была доступна лишь самым «народным», любимцам вождей. Только им дозволено услаждать слух и зрение небожителей.

За ней заедет член правительства Лаврентий Павлович Берия... И вот она в концертном платье на заднем сиденье авто рядом с ним. Каков же он вблизи? Он весел, игрив, достаточно некрасив, дряблоожиревший, противный, серо-белый цвет кожи.

Нет, в Кремль ехать еще рано, надо подождать, когда закончится заседание. А в особняке на Садовом уже накрыт стол с изысканными яствами. От вина и еды артистка отказалась, тогда Берия начал есть сам — жадно, руками, запивая блюда грузинским вином, сдабривая пиршество пустой болтовней. Внезапно встал и, не извинившись, вышел в одну из дверей... Уже три часа ночи, Татьяна Кирилловна сидит напряженно на кончике стула, боясь измять концертное платье. Берия успел многократно приложиться к бокалу, опьянел заметно, говорит пошлости, сообщил, что Коба еще ее никогда не видел «живьем»...

— Кто такой Коба?

— Ха! Ха! Вы что, не знаете, кто такой Коба? Ха! Ха! Ха! Это же Иосиф Виссарионович.

Берия вновь вышел, не предупредив, а вернувшись, объявил, что заседание «у них» уже прошло, но Иосиф устал и решил отложить концерт. Теперь можно и выпить и, подавая артистке наполненный бокал, добавил, что иначе ее не отпустит. Татьяна стоя осушила бокал и заторопилась домой. Но Берия обнял ее за талию и, подталкивая к двери, противно сопя в ухо, приговаривал: «Уже поздно, надо немного отдохнуть, потом отвезем вас домой...».

...Очнулась в десять часов утра. Изнасилованная, оскверненная. Молчаливая служанка, молчаливый шофер у подъезда.

Дома сутки провела с открытыми глазами, все будто застыло...

Такова она, технология «обольщения» женщин, имевших несчастье приглянуться хозяину Лубянки. И воспоминания, написанные талантливым пером артистки, приобретают силу исторического документа.

...Что может быть отвратнее той ночи? Другая ночь, назначенная тем же негодяем.

...Телефонный звонок.

— Приятно услышать ваш голос хотя бы по телефону. Вы кончили наконец ваши путешествия — ха-ха, дома-то вы живете или где-то в другом месте, почему не здороваетесь...

Ожог. Бросила трубку. Звонок.

— У меня к вам дело, ха-ха, вы же умная, а трубочку бросили, нужно только подойти к машине. Я подъеду и скажу все то, что должен сказать не по телефону... Это касается вашего мужа, вас. Я подъеду к вашим воротам в двадцать три часа.

Оказывается, Берия звонил несколько раз, пока она была в Югославии, но ей об этом не сказали. Татьяна была дочерью врага народа, сестра врага. Отец и бабушка сгинули в лагерях. Брат отбывал свои пять лет на Печоре, оформлял спектакли в Абезьском театре. Там я и встретился с Левушкой в 45-м. Было у Окуневской еще несколько дальних родственников — расстрелянных, высланных. Словом, жили уцелевшие на краю пропасти. В случае чего и муж Татьяны, обласканный властью Борис Горбатов, не вытащил бы...

Но вчитаемся в горестный рассказ артистки.

«...Выхожу из подъезда и через длинный двор вижу у ворот машину, сердце колотится, повернуться и бежать, бежать куда глаза глядят... а если действительно нависла неприятность... почему это касается Бориса... значит, это связано с политикой...

Навстречу из передней дверцы выходит полковник, тот самый, что и в первый раз, открывает заднюю дверцу, оттуда протягивается

рука, не подаю, не хочу с ним здороваться... Мгновение... полковник наклонил мою голову, втолкнул в машину, я падаю лицом в колени, полковник садится справа, машина рванулась.

— Ну, как мы вас обхитрили, ха-ха-ха!

Сквозь занавески мелькают поля. Убью его! Убью! Убью!

— Думаете, как меня убить?!! Ха-ха! Это не удастся!

Он дьявол. От его хихиканья у меня тошнота.

Огромный парк. Двухэтажный почти дворец. Зимний сад. Полковник исчез. Горничная другая, в опущенных глазах презрение. За столом ни к чему не прикасаюсь. Он такой же, как в первый раз, пьет дорогие вина, жрет руками, хихикает, начал пьянеть, глазки налились салом, скоро начнется моя Голгофа... Я схвачена на руки, раздета, поставлена на стол... Сопротивление бессмысленно, невозможно, унизительно... Только бы сердце не разорвалось... Жаба, гнусная, безобразная, жирная, раздувающаяся... Не отрывает от меня глаз, ползает по кровати, задыхается от счастья завоевателя... зверь, поймавший жертву... он истаскан, иначе ночь для меня была бы смертельной... Рассвета все нет... тогда, в особняке, в полузабытьи было легче...

Тогда я его не видела утром. И сейчас он ночью исчез, но он здесь, где-то рядом, жрет, пьет...

На все требования выйти к столу сижу, окаменев, в спальне.

В машине удушливо от перегара, от запаха роз, в которых я сижу, он игрив, весел.

— А ну-ка, рассказывайте, как вас принимал югославский маршал!.. Ха-ха-ха... Что, блистательный?! Красавец?! Да?! Напрасно вы молчите! Ведь все равно будет так, как я захочу, а я захочу! Ха-ха-ха! Еще могу хотеть! Ха-ха-ха. Я бы на вашем месте был счастлив от такого человека, как я! Ну поверните ваше личико ко мне!

Он взял меня за подбородок... если полезет целовать, ударю, гадина, подлец, жаба безобразная! Нет, нет, упасть в ноги, умолять за Папу, Баби, Левушку! В упор смотрю в его маленькие наглые глазки — в моих столько ненависти, что он оттолкнул меня, взбесился:

— Что вам надо?! Я второй раз с вами, и это честь для вас, я за ваш поцелуй многое для вас могу сделать! А что, спать и целоваться с этим дураком Горбатовым, вонючим жидом, трусом, карьеристом, приятнее?! Ха-ха.

Только бы не разрыдаться. Только бы не упасть в обморок.

Машина круто остановилась у моих ворот и тут же умчалась, я покачнулась, какой-то мужчина довел меня до подъезда».

* * *

Чувство омерзения от встреч с этой жабой еще долго будет мучить Татьяну Кирилловну. Вскоре пост министра ГБ занял Виктор Абакумов, но Берия оставался фаворитом Вождя и был по-прежнему опасен.

Меж тем популярность артистки достигла недозволенного предела. В окружении генсека знали, что в числе горячих поклонников ее таланта были маршал Конев и многие прославленные генералы. Знали о триумфальном показе в Югославии кинофильма «Ночь над Белградом» с ее участием. И о страстной привязанности маршала Тито. Сведения такого рода, приправленные гнусными сплетнями, не могли пройти мимо всеслышащих и всевидящих чинов. Да и красота Татьяны, ее обаяние были какие-то «не такие», не советские...

Час расплаты настал летом 48-го, когда назрел конфликт между Белградом и Москвой, спровоцированный Сталиным. Кремлевский Диктатор пытался подмять под себя маршала Тито, поставить на колени свободолюбивый народ, в боях отстоявший свою родину. Разрыв стал неизбежным, еще немного — и покорные Кремлю вожди Восточной Европы объявят Народного героя Югославии Иосипа Броз Тито «шпионом» и «убийцей»...

Татьяну Окуневскую взяли ясным летним днем, вытащили больную из постели, предъявив записку министра Абакумова: «Вы подлежите аресту».

Можно не сомневаться в том, что артистку, «эту пассию изменника Тито», арестовали не без ведома Сталина. Мелкая месть мелкого властолюбца... И участие Берия не подлежит сомнению. Он знал, когда и как подвигнуть Хозяина на очередную пакость.

В «деле Окуневской» — доносы о «связях» с генералами югославскими и советскими, какие-то вредные высказывания. К чести военачальников, ни один из допрошенных не подтвердил лубянские инсинуации. Но сначала — допрос в кабинете самого Абакумова. Допрос, который министр пытался облечь в форму визита. Виктор Семенович встал навстречу, предложил стул, распорядился о лечении и завязал странно-пустую «беседу». Не дождавшись ни стонов, ни слез, с явным неудовольствием отпустил узницу.

...Она узнала его, человека «с черными, неприятными, втягивающими в себя глазами»... В последний день декабря уходящего 47-го, на встрече Нового года в ЦДРИ, он был в штатском и украдкой пристально наблюдал за ней, укрывшись за колонной. Татьяна танцевала с режиссером Охлопковым, и Николай Павлович заметил: «Танечка, вы пленили еще чье-то сердце...»

Окуневской вменили в вину измену родине, шпионаж, а на гарнир — дежурный пункт 10 статьи 58 УК — антисоветскую агитацию. Но

главное преступление артистки заключалось в другом. Солдаты из расчета противотанкового орудия вставили ее фотопортрет в лафет своего орудия и шли в бой с ее именем. Они посылали любимой артистке трогательные письма. Теперь эти «вещественные доказательства» лежат на столе у следователя вместе с письмом командира части, в котором он извещал о гибели мальчиков.

— Ишь ты! — возмущался следователь. — Значит, не за Сталина шли умирать, а за вас!..

И вновь в кабинете-зале министра, уже поздней осенью. С высокого потолка свисают хрустальные люстры, на столе в хрустальных вазах фрукты, лакомства... И — «светская беседа» о поклонниках артистки, о маршале Тито и его генералах. Она отвечает сухо, лаконично, от пирожных отказывается.

— Почему вы такая не женственная, не мягкая, будь у вас другой характер, и судьба ваша сложилась бы по-другому.

— Возможно. Но я такая, какая есть.

— Но это же неверно. Вы можете быть и другой...

Намек «доброжелателя», намек распорядителя жизнью и смертью. Чем он лучше Берия? Ничем, конечно.

В этом она убедилась через восемь месяцев, когда ее этапировали из дальнего лагеря назад, на Лубянку. Она осмелилась нелегально послать письмо Сталину, в котором обвиняла главу тайного ведомства в организации антинародного террора, в истреблении интеллигенции. Товарищ Сталин не знает о том, что творится на Лубянке. Послала письмо в надежде, что Борис Горбатов, ее муж, и Константин Симонов, секретари Союза советских писателей, передадут письмо Вождю лично.

И вот оно, крамольное письмо, на столе у Абакумова. Он совсем не тот, не соблазнитель — палач. Сыплет угрозы, оскорбления, замахнулся ручищей, но не ударил.

— Она, видите ли, «кроткая»! Да я вас сгною, замурыжу! Замучаю! Я здесь хозяин, понимаете?! Я-Я-Я!

Абакумов пытался еще выведать у нее имя посредника, отправившего письмо из зоны, и вновь взорвался:

— Мы вашу мать арестуем, она все расскажет! А вас замурыжу в одиночке. Там и сдохнете! А рядом будет мотаться ваш Горбатов со своими бабами, жрать своих раков и сосать свое пиво. И мать! И дочь! И никто ничего не сможет сделать!

Вызвал конвой. В дверях Татьяна обернулась:

— Я верю в то, что мы с вами поменяемся местами.

Напророчила.

* * *

Арест Татьяны Окуневской стоит в одном ряду с арестом Лидии Руслановой, Зои Федоровой, Всеволода Мейерхольда. И убийством Михоэлса. Уничтожали самых известных, талантливых, на их крови утверждая могущество Лубянки.

...На подоконнике пересыльной тюрьмы заключенные вырезали имя Руслановой, потом рядом появилось имя Окуневской. Всего несколько недель разделяло их этапы.

В послевоенной Польше

Главы союзных держав покидали Потсдам, уверенные в том, что Сталин в ближайшее время выведет войска из стран Восточной Европы. А пока они довольствовались его обещанием оказать помощь правительствам этих стран в установлении демократического строя. Генералиссимус с готовностью дал требуемые обещания. История еще не знала столь щедрого на гарантии государственного деятеля.

Сталин сразу же почувствовал себя полновластным хозяином огромного региона. И поступил соответственно. Советские дивизии, вступившие на территорию Европы, превратились в оккупационные войска. Самозваный Отец Народов избавил от военного присутствия лишь Австрию, и то не сразу. Что до Югославии, то она обязана освобождением от сталинской опеки непоколебимому мужеству Тито и отдаленности от границ Советского Союза. В ином положении оказалась Польша. С нею и с соседней Восточной Германией Сталин обошелся как помещик с проворовавшимися крепостными. Он кроил-перекраивал чужие земли, переставлял по своему капризу межи-границы, не забыв попутно прихватить всю Восточную Пруссию.

Ванда Василевская, в прошлом член правительства, рассказывала, как Сталин вызвал их, чтобы уточнить границу между Польшей и Германией. Все шло хорошо, к взаимному удовлетворению, но вот Щецин он почему-то оставил немцам.

— Мы просим, а он смеется и говорит: «Нэт, нэт, это нэмэцкий город».

Мы убеждали, что с XII века он польский, а Иосиф Виссарионович только смеется: «Нэт, нэт, нэ польский, а прусский. С XIII века». Мы чуть не плачем, ведь лучший порт на Балтике, а он ни в какую. «Хватит! Нэмцам отдаю. Они тоже нэплохо воевали». И мы умолкли. А когда расставались, уже к дверям шли, вдогонку сказал: «Мынуточку... — Мы обернулись. — Как его, этот город, Щецин, да? Ладно, бэритэ сэбэ. — И хитро подмигнул: — Воевали-то они нэплохо, но все же каждый второй у них фашист. Бэритэ сэбэ, пока нэ раздумал...»

Виктор Некрасов, описавший эту сцену в своей последней книге, был горазд на выдумки. Но в данном случае под его пером возникает психологически верный характер[6].

Геноцид, начатый Сталиным против польского народа в 1939 году, продолжался всю войну, не затухал в послевоенное время. В кампании истребления поляков Берия сразу же нашел свое командное место — вспомним Катынское побоище. И побоище Варшавское, когда Сталин со своими подручными предал восставших против немецких оккупантов. А по окончании войны планомерному истреблению подверглись польские коммунисты. Да, Сталин и Берия были всеядными правителями новой империи, разбухшей на своей и чужой крови.

После подавления Варшавского восстания и капитуляции Бур-Комаровского командование Армией Крайовой взял на себя генерал Окулицкий. У него не было оснований доверять Сталину больше, чем Гитлеру? На всякий случай он после поражения Германии остался в подполье. Но власть над жизнью и смертью освобожденных поляков перешла в руки бериевских молодчиков. Не все поляки догадывались об этом, и, когда советское командование гарантировало генералу-патриоту неприкосновенность, он вышел из подполья. Арест, «суд», казнь… Через эту процедуру, сдобренную пытками, провокациями, вместе с генералом Окулицким прошли главный представитель эмиграционного правительства в Польше Янковский и другие видные патриоты.

На «открытом» судебном процессе в Москве пятнадцать из шестнадцати арестованных признались в антисоветской деятельности.

Болеслав Берут, польский премьер-министр, много раз пытался справиться о судьбе пропавших в СССР поляков — руководителях компартии, о своих друзьях. Особенно интересовала его судьба Адольфа Варского, близкого соратника Феликса Дзержинского. Но Сталин и Берия утверждали: «Люди эти просто затерялись в огромной стране…»

Обычно в беседе участвовал Лаврентий Берия. Вместе с Хозяином они разыгрывали цирковые сценки, схожие с теми, что пришлось терпеть польским руководителям в конце войны. Тогда клоунские репризы кремлевских лицедеев касались жертв Катыни. Вот и теперь, как только Берут спрашивал Генералиссимуса о новых жертвах, Сталин поворачивался к подручному: «Лаврентий Павлович, где же они, я же велел вам поискать…»

По окончании одной из таких сцен Берия вышел из кабинета вместе с Берутом и, не скрывая угрозы, сказал неуемному премьеру: «Чего вы прие…сь к Иосифу Виссарионовичу? От…сь от него. Я вам по-хорошему советую».

Берут знал партийно-тюремный жаргон. Он давно уже был потенциальным клиентом Лубянки, а вскоре станет ее агентом. По совместительству.

Сталину нужно было вопреки Ялтинским соглашениям установить над Польшей свою личную диктатуру, навязать свободолюбивому народу свой новый порядок, закомуфлированный под социализм. В средствах же он себя не ограничивал никогда: демагогия, обман и, разумеется, насилие. Здесь его ближайший помощник Лаврентий Берия был незаменим.

Через два-три года в Кремле решили, что пора строить в Польше тюрьмы. В проекте был предусмотрен специальный корпус для партийных руководителей. Не одними же костелами украшать польскую землю. Берия обязал Берута строить тюрьмы своими силами. Долог путь поляков на Голгофу...

В судьбе Стефана Сташевского, которому Берут поведал о своих кремлевских терзаниях, отразилась судьба распятой Польши. Его старший брат, коммунист, погиб на Лубянке в тридцать седьмом. Родителей прикончили немецкие фашисты в Треблинке. Будучи с юных лет активным революционером, коммунистом, Сташевский подвергся репрессиям в Польше, эмигрировал в Советский Союз. Здесь, в Москве, учился вместе с Берутом в Международной высшей школе имени Ленина при Исполкоме Коминтерна. Вернулся в Польшу и после очередных репрессий вновь приехал в Москву. С ним поступили гуманно, отправили на Колыму. Там его почему-то не казнили и в 1945-м отпустили на родину, где он занимал ряд ответственных постов. В 1968 году, шестидесяти двух лет от роду, решил порвать с партией[7].

В братской Чехословакии

Оставив советские войска на территории Восточной Европы, Сталин спешил объявить сопредельные страны социалистическими. Он был не прочь зачислить их в состав своей необъятной вотчины, но в первые послевоенные годы приходилось считаться с атомным превосходством Соединенных Штатов. Мнением самих поляков, чехов, немцев, словаков, болгар и румын, словенов и хорватов Генералиссимус мог пренебречь.

В роли пионера освоения новых земель выступил Лаврентий Берия. Его агенты, прикрываясь дипломатическими масками, уже осенью 1945 года пытались взять под свой контроль государственные и политические Органы Чехословакии. Некоторое время спустя сотрудники Советского посольства в Праге Тихонов и Хозяинов — так они себя именовали — действуя через местных гэбистов, убеждали главу

компартии Сланского в необходимости приглашения советников из Москвы. Сланский противился этому плану сколько мог, но уже в октябре 49-го в Прагу стали прибывать первые советники — специалисты тайной службы. Официально советников по вопросам экономики и военным делам пригласили в 1951 году. Вскоре число их достигло пятисот.

В сорок девятом в Будапеште удалось состряпать политическую провокацию против посла Райка. Жертвами сталинского террора пали Кочи Дзодзе в Албании, Трайчо Костов и Марков в Болгарии. Чудом уцелели Гомулка, Кадар, Гусак. То была политика устрашения, рассчитанная на подавление всякой самостоятельности государств, имевших счастье быть включенными в сталинский лагерь. Признаки покорности проявились незамедлительно. Венгерские товарищи попросили командировать в Будапешт пятнадцать сотрудников Органов. Готвальд обратился по телефону к Маленкову. Президент Чехословакии просил прислать несколько специалистов, которые смогли бы содействовать расследованию связей венгерских изменников с враждебными элементами в Праге. Но прибывшие из Москвы советники получили инструкции иных масштабов и целей. Заместитель начальника следственного отдела по особо важным делам М.Т. Лихачев отлично знал свой маневр. Берия направил его в Прагу в октябре 1949 года вместе в другим опытным агентом Макаровым. Для начала они перетрясли почти все отделы Органов ГБ. Как оказалось, местные товарищи «действуют по отношению к классовым врагам в шелковых перчатках»[8].

Однако чехословацкие товарищи не спешили хватать-казнить потенциальных врагов. Это вызвало гнев Лихачева. «Сталин послал меня организовать процессы, я не могу терять времени, — заявил он Теодору Балажу. — Я сверну вам шеи, иначе мне снимут голову»[9].

Голову полковнику Лихачеву снимут с большим опозданием. Его казнят вместе с Абакумовым, Комаровым, Леоновым в 1954 году. А пока он здесь, в Чехословакии, распоряжается жизнью и смертью других. Лихачев потребовал данные о «враждебной деятельности» секретаря Центрального Комитета коммунистической партии Словакии Коломана Мошковича. Балаж отказался, ссылаясь на их отсутствие. Кроме того, Балаж считал, что, получив такие данные, необходимо проверить, соответствуют ли они действительности. Но Лихачев заявил: «Меня совершенно не интересует, где вы получите эти данные и насколько они достоверны. Я им поверю, а все остальное предоставьте мне. Почему вы так печетесь о каком-то жидовском дерьме?» Перепуганный Балаж возразил, что он должен обсудить этот вопрос с

председателем компартии Словакии и заместителем председателя правительства Вилиамом Широким. «В этом нет никакой необходимости», — ответил Лихачев. «Но что скажет Широкий?» — спросил Балаж и получил ответ: «А мы и его пинком в задницу»[10].

Бериевские эмиссары наметили главную жертву — министра внутренних дел Вацлава Носека. Его близкого друга, начальника Органов ГБ Йиндржиха Веселого, уже довели до самоубийства. Им не удалось с ходу состряпать столь же громкого процесса, как суд над Райком, но кое-что они сделали. И продемонстрировали чехословацким коллегам новейшую технологию следственно-судебного террора: полная свобода в импровизации на темы заговоров. Практика заготовки протоколов допросов. Методы сочинения сценариев процессов.

В мае 1950 года возникло Министерство национальной безопасности, оно начало функционировать под надзором тридцати посланцев Лубянки. Наш долг — еще раз, вслед за Карелом Капланом, обнародовать их имена. Старшим советником был Владимир Боярский, его сменил Алексей Бесчаснов. Заместителями в разные времена работали Смирнов, Галкин, Есиков. После ареста Сланского в Прагу прибыли еще трое функционеров — Громов, Морозов и Чернов. Кроме них, в чехословацкое министерство внедрилось более тридцати переводчиков. Не обойдем молчанием еще одно имя, Анастаса Микояна, которого Сталин послал в Прагу в 1951 году как своего личного представителя.

Министр Ладислав Копршива вспоминал позднее, что старший советник фактически определял все важные решения ЦК КПЧ, он был влиятельным наместником Сталина. Президент Готвальд открыто демонстрировал свое почтение и полное ему послушание. В этой обстановке сколько безвинных политических и общественных деятелей пострадало... Сомнения чешских товарищей старший советник Боярский отметал решительно и цинично: «Лес рубят — щепки летят»[11].

Боярский, карьеры ради, решил переплюнуть процессы, инспирированные в Венгрии и Болгарии. Вот почему он насаждал на всех уровнях власти осведомителей и провокаторов, выискивающих шпионов и вредителей. В министерствах национальной безопасности и внутренних дел установились законы джунглей. Советники окружили себя фаворитами и доносчиками, которые оперативно предавали и продавали своих начальников. И друг друга.

То были беспринципные карьеристы с сомнительным, а то и преступным прошлым. Таких-то и рекрутировали посланцы Лаврентия Берия в корпус исполнителей. И в свою постоянную агентурную сеть. А все честные патриоты, истинные интернационалисты — добровольцы гражданской войны в Испании, бойцы Сопротивления нацистской

оккупации на Западе, герои Чехословацкого подполья — стали первыми жертвами доносов и провокаций. Преступную политику массового террора и подчинения руководства Чехословакии кремлевскому Диктатору агенты Лубянки осуществляли под демагогический шум борьбы за мир, за победу международного рабочего движения, за укрепление позиций социализма. Неправые аресты, фальсифицированные процессы советники мотивировали государственной необходимостью, запугивая руководителей опасностью переворота и происками сионистов. Они поощряли и насаждали повсюду антисемитизм — по кремлевской моде.

В феврале 1951 Специальная комиссия обвинила в предательстве и арестовала три десятка работников чехословацкой службы ГБ. Их места заняли ставленники Боярского. Вскоре так называемые советники стали подлинными хозяевами Министерства национальной безопасности. И не только этого ведомства.

Генерал Свобода на посту министра обороны никак не устраивал Сталина и Берия. Привыкшие к лакейскому подчинению меньших соцбратьев, они решили воздержаться от посылки в Чехословацкую армию советников до тех пор, пока Готвальд не догадается сместить мужественного генерала, столь популярного в народе. И Готвальд догадался. Новый министр Алексей Чепичка (с апреля 1950) с готовностью принял более 260 советских советников и проявил полнейшую покорность в отношении старшего надзирателя и генерал-полковника Гусева. Под его присмотром началась усиленная милитаризация страны. Численность армии увеличилась за три года вдвое, военное обучение было перестроено по советскому образцу, командование подчинили Генеральному штабу, армия приняла советский устав. Особое внимание Москва уделяла военной промышленности, которая стала придатком советской и должна была в ущерб чехословацкой экономике занять приоритетные позиции.

Превращение страны в новый военный округ СССР в соответствии с милитаристскими планами Сталина совершилось под бдительным надзором Лубянки. А то, что жизненный уровень насильно военизированного народа резко упал, — этого обстоятельства никто из небожителей во внимание не принял.

Военная разведка перешла в ведение Москвы в те же годы. По советскому образцу три четверти должностей в дипломатических представительствах ЧССР заняли разведчики. Их деятельность направлялась советниками Министерства обороны СССР под контролем все того же Берия.

Шло время, а Боярскому все еще не удалось организовать процесса, достойного его высокой миссии. Лишь к лету 1951 он собрал материал,

изобличающий генерального секретаря компартии Рудольфа Сланского в измене. Но тут случилось непредвиденное. Сталину захотелось разыграть роль мудрого и гуманного Отца Народов, и он отверг полученные через Готвальда обвинительные материалы против Сланского. Как несостоятельные. А чтобы у соседей не возникло сомнений в искренности его мнения, он решил сместить Боярского, проявившего легкомыслие и поспешность. Более того, на совещании в Кремле Сталин рекомендовал «подходить с бо́льшей осторожностью к показаниям свидетелей-преступников, ибо они могут оказаться вражеской провокацией»[12].

Вершитель судеб советовал еще представителям Чехословакии и Болгарии внимательнее контролировать деятельность советников.

То была игра, и лучше всех это понимал Лаврентий Берия. Его агенты, не считаясь с официальными директивами Сталина и Готвальда, продолжали собирать компрометирующие Сланского материалы, вымогая испытанными в деле средствами показания у ранее арестованных руководящих сотрудников.

В конце концов столь вожделенный процесс Сланского состоялся, и казни «врагов народа» прошли гладко. Новый старший советник Бесчаснов диктовал следователям вопросы для арестованных, держа в руках московские шпаргалки с грифом и печатью МИД СССР. По этой схеме вершили свою преступную политику «советники» в Венгрии, Болгарии, Польше — во всех странах приобретенного Сталиным региона. Кое-где невинных жертв подвергали пыткам в подвалах, душили колючей проволокой, в иных заведениях ломали кости... Старшие братья охотно делились своим опытом.

Берия на совещании в Кремле отсутствовал. Сталин занимался представителями братских стран Червенковым и Ченичкой в присутствии Молотова. Главный исполнитель имперской политики Сталина остался за кулисами.

На июльском (1955) заседании ЦК КПСС Никита Хрущев назвал его имя: «Берия и его пособники ослабляли революционные силы, уничтожая кадры нашей партии и других коммунистических партий... натравливали одних руководителей на других, вплоть до уничтожения. Так поступали Органы нашей разведки не только в Югославии, но и в других странах народной демократии»[13]. В этом докладе Хрущев упомянул и об агентурной сети, опутавшей братские социалистические страны[14].

Только вот доклад его не был обнародован, хотя во всех странах прошла посмертная реабилитация бериевских жертв.

Сам Гитлер, будь он жив, не смог бы нанести такой непоправимый ущерб мировой социалистической системе, как это удалось клике Сталина — Берия.

Опасный элемент

Если судить по массовым арестам, обрушившимся на народ-победитель, то у сталинской диктатуры не было после войны более опасных врагов, чем офицеры и евреи. Первые приобрели на фронте столь нежелательные качества, как мужество и самостоятельность. Вторые — по мнению сталинской верхушки — слишком много мыслят и еще больше говорят. К тому же евреи во все времена годились на роль козла отпущения. Надо было назвать народу виновника послевоенного голода и таким способом снять с себя моральную ответственность за неумелое руководство восстановлением экономики. А ведомство Берия, могло ли оно существовать без внутренних врагов?

Что до офицеров, то их проще всего было демобилизовать: страна остро нуждалась в кадрах. Но фронтовики слишком многое увидели на Западе и на Дальнем Востоке. Берия, проявив необходимую оперативность, договорился с Молотовым и получил для своих лагерей и колоний армию надзирателей, начальников колонн, отделений и отделов, набранных из офицеров-штрафников. Тысячи других, совершивших тяжкие преступления, пополнили ряды заключенных. Эта операция заняла первые три послевоенных года. Но основная масса поступлений состояла из рядовых граждан. Распустились все после победы. Колхозы, видите ли, им не нравятся. Свои товары кажутся им скверными, города — какими-то не такими. Сама жизнь под солнцем Сталинской Конституции стала беспросветной.

С такой нагрузкой Органы не работали уже лет десять. Результаты росли быстро, и вскоре население запроволочного царства достигло очередного пика — 16 миллионов «врагов народа».

Они свершили великий подвиг — изгнали интервентов, трудились в тылу не смыкая глаз, недоедая. И гибли, гибли миллионами. Всякое доброе дело наказуемо — таков неписаный закон сталинской эпохи. И вновь за ошибки преступного руководства расплачивался великий народ, народ-страдалец.

В одном только Запорожье предстояло восстановить огромные комбинаты: «Запорожсталь», алюминиевый и электротрансформаторный завод. Обширные зоны, по три тысячи зеков в каждой, дырявые бараки, сырые землянки, 400 граммов черного хлеба, пустая баланда, надрывный ручной труд... И так — от Днестра до Волги.

Смерть интеллигенции!

Так начиналась кампания борьбы с космополитизмом, когда каждая неосторожная ссылка на труды иноземного ученого и малейшее

проявление интереса к творчеству западного писателя или художника приравнивались к государственной измене. Этот поздний шабаш ведьм на кремлевском холме означал не что иное, как избиение интеллигенции, все то же изничтожение цвета народа.

В 1936 году будущий генералиссимус Франко бросил клич — «Смерть интеллигенции!»

Генералиссимус Сталин начал уничтожение своей интеллигенции гораздо раньше. Сигнал к новому погрому Жданов подал в сорок седьмом, шельмуя Анну Ахматову и Михаила Зощенко — по указке Вождя, претенциозно называвшего себя «русским интеллигентом». И ведь что примечательно — Жданов и Берия, непримиримые конкуренты, свирепо дерущиеся у главного корыта, набросились с равным рвением на «безродных космополитов»...

Вновь на полных оборотах заработала лубянская мясорубка. И потянулись длинные эшелоны со свежими «врагами народа» на север, на восток — в лагеря, лагеря, лагеря. В истребительные лагеря.

Погром интеллигенции, начатый в первые же годы революции, унес почти все мыслящее. Теперь пришла очередь этого самого «почти». Выискивали, вынюхивали всех интеллигентов, кто когда-нибудь, пусть даже в двадцатые годы, имел неосторожность попасть на заметку охранительным Органам. В институтах, министерствах, учреждениях культуры их вылавливали сотнями. Многим предлагали пополнить мощный корпус доносчиков («Предлагаем вам сотрудничать с Органами... Вы же в душе настоящий патриот...»). Несогласных отправляли в лагеря — на 10 лет. Меньше не давали.

Член Академии медицинских наук профессор Василий Васильевич Парин, который позднее возглавил Институт медико-биологических проблем, перед арестом работал заместителем министра здравоохранения. Супруги Роскин и Клюева разработали методику лечения раковой опухоли у мышей и в 1948 году передали через Парина свою статью американским коллегам для консультации. Этот столь естественный для нормального общества поступок был квалифицирован как контрреволюционная акция. В институте устроили «суд чести», Роскина принудили каяться, но супруга проявила мужество и не встала на колени. Ее не поколебал даже арест профессора Парина.

Группа ученых пыталась вступиться за преследуемых перед почетным академиком Молотовым. Однако Хозяин не внял просьбе маститого партфункционера: «Не знаю, как вы, а я Парину не доверяю...»

Судьба ученого была решена. Что касается статьи о результатах опытов над мышами, то он получил за нее две самопишущие ручки[15].

Юбилей (1949)

Свое пятидесятилетие Берия встретил на вершине политической карьеры. Он стал членом бессмертного Политбюро, ближайшим соратником Вождя. От главного конкурента, Андрея Жданова, остался лишь след в Кремлевской стене. Остальные подручные слабы духом и разобщены. В день рождения, 29 марта, Николай Михайлович Шверник вручил заместителю Председателя Совета Министров Берия орден Ленина — принимая во внимание его выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и советским народом. Газеты поместили большой портрет юбиляра... Лоб мыслителя и такая ясность во взоре за стеклами пенсне. Мягкие полнокровные губы, четко очерченный подбородок, строгий костюм с черным галстуком — таков скромный облик государственного мужа.

«Товарищу Берия Лаврентию Павловичу.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров СССР горячо приветствуют Вас, верного ученика Ленина, соратника товарища Сталина, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, в день Вашего пятидесятилетия.

Вся Ваша сознательная жизнь посвящена революционной борьбе за дело рабочего класса, за победу коммунизма.

Верный сын советского народа, Вы всей своей жизнью и деятельностью показываете вдохновляющий пример служения его интересам, с честью выполняя задачи, которые ставила перед Вами Коммунистическая партия. В годы Великой Отечественной войны Вы выполняли ответственные поручения партии как по руководству социалистическим хозяйством, так и на фронте и с присущей Вам кипучей большевистской энергией и мужеством ковали победу над врагом.

Желаем Вам, наш боевой друг и товарищ, наш дорогой Лаврентий Павлович, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей великой социалистической родины, на благо советского народа».

Центральный Комитет ВКП(б) — *Совет Министров СССР*

Приветствие и портрет «верного сына» опубликованы на первой странице «Известий», а на второй — фотография Максима Горького. Еще раз, теперь в день юбилейный, прикрыл великий пролетарский писатель выдающегося палача. Собой прикрыл, как он это делал при

жизни, во времена Генриха Ягоды. Портрет Горького сопровождает статья «Слава и гордость советской литературы» — к 81-й годовщине со дня рождения писателя. Автор юбилейной статьи В. Куриленков цитирует к случаю отзыв о творчестве Горького такого именитого литературоведа, как Вячеслав Михайлович Молотов.

И вновь, как в памятные 30-е, имя Горького пристегнули к колеснице террора — против индивидуализма, формализма и прочей тлетворности. Горький призывал служить сталинской партии. Берия начал служить Сталину задолго до призыва «Буревестника».

Вечная тема: писатель и палач.

Юбилей Берия был шумно отмечен всей страной. Поздравления любимцу партии и народа стекались в Москву с Кавказа, Украины и Дальнего Востока.

На родине Берия, в селе Мерхеули, побывали корреспонденты «Зари Востока» и «Советской Абхазии». Но, странное дело, ни один земляк соратника Сталина не сообщил журналистам никаких подробностей жизни товарища Берия. Помянули недобрым словом царизм, поговорили о значительных переменах в жизни села, показали школу, осененную именем юбиляра, и монумент дорогого Лаврентия Павловича.

«Советская Абхазия» опубликовала песню Киазима Агумаа о родном человеке с «глубоким и бесстрашным разумом».

...О Берия поют сады и нивы,
Он защитил от смерти край родной,
Чтоб голос песни, звонкий и счастливый,
Всегда звучал над солнечной страной[16].

Грузинский филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина отметил дату рождения Берия научной конференцией по его книге «К вопросу об истории...». Не остались в долгу и живописцы. Народный художник СССР У.М. Джапаридзе создал монументальное полотно «Сталин, Берия, Микоян на Черноморском побережье». Другой лауреат Сталинской премии Налбандян написал картину «Для счастья народа»: члены Политбюро — в их числе Берия — задумались над тем, как сделать народ еще счастливее. Живописцы, графики, скульпторы тиражируют портреты Берия и после юбилейного года. А Лаврентий Павлович, дабы не возбуждать неудовольствия Хозяина, уже в 1950 году публикует сборник «Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма».

Досье на небожителей

В 1982 году в Нью-Йорке вышла в свет книга воспоминаний Арношта (Эрнеста) Кольмана — три года спустя после кончины автора книги «Мы не должны были так жить». Его биография весьма поучительна, в ней отразились важные и трагические события. Кольман попал в Россию впервые в 1916 году как военнопленный и тогда же вступил в большевистскую партию. С 1920 года редактировал «Московскую правду», занимал ряд других руководящих постов. После второй мировой войны работал в Праге. Чистка 1948 года не миновала заслуженного коммуниста, агенты Берия доставили его на Лубянку вместе с другими критически мыслящими. Дадим слово Кольману.

«Когда Путинцев после очередной паузы вызвал меня снова на допрос, он ошеломил меня совершенно неожиданным маневром. Не говоря ни слова, положил передо мной отпечатанный на машинке «протокол» моих «показаний». А потом сказал: «Прочтите и подпишите!» Всего одна страница... Фантастический бред: я уличал Молотова в заговоре против Сталина».

Кольман возмутился, но следователь был спокоен.

«Нам про Молотова давно все известно, он сам уже во всем сознался, вам нужно только подтвердить... Поставив свою подпись, вы поможете партии и этим докажете, что вы в самом деле настоящий коммунист, как утверждаете. И тогда, возможно, вам простят ваши преступления. А если откажетесь... тогда пеняйте на себя. Мы раздавим вас как бог черепаху, сгноим вас и все ваше отродье»[17].

На следующих допросах следователь предлагал подписать материалы, изобличающие в контрреволюционной деятельности Кагановича, Ворошилова и других членов Политбюро, а также В. Пика, О. Куусинена, К. Готвальда, Ж. Дюкло, П. Тольятти... Потом пошли известные ученые — С. Вавилов, П. Капица, А. Иоффе и даже всепокорнейшие М. Митин и П. Юдин — псевдофилософы, милостью генсека возведенные в академики.

Итак, заготовка материалов впрок, досье на всех вождей, больших и малых. Можно думать, что Сталин дал своему фавориту широкие полномочия. Впрочем, Берия послевоенной поры мог позволить себе и некоторую самостоятельность.

Понуждая Кольмана подписать состряпанные на лубянской кухне материалы, следователь прибегнул к шантажу. Оказывается, за преданным партии Ленина — Сталина работником была установлена постоянная слежка еще в тридцатые годы. Вся переписка, все разговоры — частные и служебные — попадали на невидимое лубянское сито. Армия специальных осведомителей следила за политической нравственностью на всех этажах власти.

Система...

А Кольман — ему суждена была долгая жизнь. Его выпустили на свободу в марте 1952 года, и он работал в научных учреждениях в Москве и в Праге. В 1968 году Кольман выступил против ввода советских войск в Чехословакию. Через восемь лет, с трудом получив разрешение на выезд к дочери в Швецию, остался там как политический эмигрант. Затем коммунист с шестидесятилетним стажем известил Леонида Брежнева о своем выходе из партии.

Противоборство

Всякий клан предполагает наличие родственных связей. Их не было ни в лагере Берия — Маленкова, ни в группе Жданова. Каждый клан действовал на здоровой основе бандитского братства, когда сообщников объединяют и цели, и средства. И опасность погибнуть от руки конкурента.

В годы 1934–1939, когда Сталин перебил почти все старые партийные кадры, Маленков возглавлял отдел кадров ЦК. В шайке сталинских головорезов он был одним из самых заслуженных, такой же палач, как Генрих Ягода, Николай Ежов, Матвей Шкирятов, Лаврентий Берия. Вглядываясь в зигзаги его политической карьеры, будем помнить об этом основном его качестве. Партийный функционер и уголовник — таков портрет Маленкова. Столь гармонично развитые личности могли сложиться лишь в сталинском ЦК.

Соперничество Маленкова и Жданова у кресла Предводителя — разве не соперничество двух уголовников? «Дружба» Маленкова с Берия — разве не на ниве кровавых преступлений взросла?

В феврале 1946 года новый член Политбюро Маленков возглавил Секретариат ЦК. Свою карьеру он начинал в личной канцелярии генсека, там поднаторел в искусстве партийной интриги. Теперь, став фактически вторым после генсека человеком в аппарате ЦК, Маленков мог смело тягаться со Ждановым. Зять Сталина опирался на верных и сильных помощников, но они все вместе не стоили одного Лаврентия Берия. И все же Жданов принял бой. Опытный партфункционер, он начал плести сети против Маленкова почти сразу же по окончании Отечественной войны. Характер Вождя он успел изучить досконально, знал, как и когда подавать ему компрометирующие Маленкова материалы.

Уловив неприязнь Сталина к маршалу Жукову, которому молва приписывала главную заслугу в победе над гитлеровской Германией, Жданов при случае напомнил Хозяину, что не кто иной, как Маленков, выдвигал этого полководца на первый план. Жданов пустил по

свету анекдот о смешном суеверии маршала. Анекдот дошел до ушей Генералиссимуса, и, как вспоминал Хрущев, Сталин после войны «начал говорить всякую чепуху о Жукове:

— Вы хвалили Жукова, а он этого не заслуживает. Говорят, что перед каждой операцией Жуков брал в руку землю, нюхал ее и говорил: «Мы не можем начинать наступление». Или же наоборот...»[18]

И еще одна ждановская провокация. В решении пленума ЦК снятие Жукова с поста заместителя Сталина мотивировано тем, что маршал якобы игнорировал партийное руководство армией и, в частности, роль политуправления. Это обвинение было сформулировано Ждановым, который сумел, преодолевая сопротивление Жукова, поставить во главе политуправления Министерства Вооруженных Сил СССР своего человека, генерала Иосифа Шикина. Бывший помощник Жданова организовал кампанию избиения отличившихся на войне командиров и комиссаров. Так Жданов еще раз потрафил Хозяину, которому эта пресная жизнь без репрессий-расстрелов становилась уже в тягость...

Здесь сошлись — бывает и такое — интересы враждующих сторон, Жданова и Берия. Помощники Лаврентия Павловича охотно выполнили новую истребительную директиву.

Жданов никак не хотел расставаться с положением кронпринца, поэтому, составляя план устранения Маленкова, он усиленно раздувал все его промахи — действительные и мнимые. Будучи главой Комитета по восстановлению освобожденных территорий, Маленков, видите ли, поощрял индивидуальное строительство жилых домов. Во внешней политике он не препятствовал союзу коммунистов с националистами в странах Восточной Европы. Жданов пустил в дело показания разведчика Гудзенко, перешедшего на Запад. Тот объявил на весь мир, что советский план проникновения в атомные тайны США курирует не кто иной, как секретарь ЦК Маленков.

Осада крепости кончилась победой Жданова еще до истечения сорок шестого года. Сталин отправил Маленкова в Среднюю Азию. Вместе с ним горечь поражения испытали все члены некогда могущественного клана. Овладев Секретариатом ЦК, Жданов сместил всех сторонников Маленкова — в Москве и на местах. И вот тут он совершил роковую ошибку. Полагаю, что позиции Берия после остракизма Егора (так товарищ Лаврентий называл Георгия Маленкова) подорваны, Жданов поручает своему верному помощнику А. Кузнецову, в ранге секретаря ЦК, курировать Органы государственной безопасности и Вооруженные Силы страны. Началась очередная чистка МВД — впервые без участия Берия. Люди из клана Жданова заняли ключевые посты — Н. Вознесенский стал первым заместителем Председателя

Совета Министров СССР, М. Родионов — Председателем Совмина РСФСР.

Все это происходило не только с ведома Сталина, но по прямому его наущению. Поддерживая ныне ждановцев, кремлевский охотник бил сразу по двум целям — по группе старых членов Политбюро и по Берия. В роли загонщика генсек использовал самого Жданова. Однако в закулисных битвах Лаврентий Павлович был непобедим. Как ему удалось опорочить Жданова в глазах Хозяина, на какой струне сыграть — не будем гадать. К осени сорок восьмого всесильный зять генсека стал ему немил. Согласно материалам, заложенным в так называемую «особую папку» Особого архива, Андрей Жданов был включен в орбиту «Ленинградского дела». Однако участие главного идеолога партии, зачинателя охоты на ведьм космополитизма, в громком процессе представлялось опасным для авторитета Политбюро. Хозяин решил избавиться от Жданова иным способом. Этот способ был в свое время опробован на Фрунзе, Цюрупе, Куйбышеве... Страдавшему сердечными приступами Жданову предписали отдых на Валдае, одном из самых неблагоприятных мест для таких больных. Не по рекомендации лечащих врачей, а... по решению Политбюро.

31 августа, на четвертый день по прибытии на Валдай, Жданов скончался от инфаркта. Обстоятельства этого странного дела стали известны совсем недавно, ровно полвека спустя.

Сколько еще бомб замедленного действия хранит в себе «собая папка»...

Но вернемся на Старую площадь. Там, в здании ЦК, многое изменилось. Генсек вызвал из ссылки Маленкова и восстановил его на посту первого секретаря. Сразу же приступили к очередной чистке партийного аппарата.

Для Маленкова и Берия давно уже не существовало разницы между такими понятиями, как «чистка», «устранение» и «убийство». Уничтожению подлежали все члены ждановского клана — в Москве, Ленинграде, на местах.

Через восемь лет Хрущев вспоминал: «Повышение Вознесенского и Кузнецова встревожило Берия. ...Именно Берия предложил Сталину, что он, Берия, со своими сообщниками, сфабрикует против них материалы в форме заявлений и анонимных писем»[19].

Ленинградская резня

21 июня 1949 года министр государственной безопасности Абакумов доложил Сталину о том, что второй секретарь Ленинградского горкома партии Капустин разоблачен как английский шпион.

23 июля Капустина арестовали.

30 июля Капустин признался в шпионской деятельности.

1 августа прокурор подписал ордер на его арест.

Из показаний бывшего следователя Сорокина

«Мне было тогда же передано указание Абакумова — не возвращаться в Министерство без признаний Капустина. Я с ним долго мучился. Только 4 августа Капустин подписал протокол и назвал соучастников контрреволюционной деятельности: Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других»[20].

Из показаний бывшего второго секретаря Ленинградского обкома Турко

«Следователь Путинцев в Лефортовской тюрьме бил меня по голове, по лицу, бил ногами. Однажды он меня так избил, что пошла из уха кровь. После таких избиений следователь отправил меня в карцер. Он угрожал уничтожить мою жену и детей, а меня осудить на двадцать лет, если я не признаюсь. Он заявил мне, что следствие — это голос Центрального Комитета партии и что, ведя борьбу со следствием, я веду борьбу с ЦК. Путинцев понуждал меня подписать готовый протокол допроса, но я сказал, что тут одна ложь и к тому же возведена клевета на товарища ЖДАНОВА. Путинцев заявил, что они ведут следствие, невзирая на лица. Я отказался подписать этот протокол, тогда Путинцев меня избил и бросил в карцер»[21].

Эти скупые свидетельства заставляют многое вспомнить, о многом подумать. Двенадцать лет отделяют год сорок девятый от тридцать седьмого. Отгремели очередные пятилетки, прошла война с гитлеровской Германией. Десятки миллионов смертей, раны, голод, разруха — неимоверные страдания очистили душу народа, оскверненную сталинщиной. Но Отец Родной не отпустил мертвой хватки. Ничего не изменилось в карательной науке, в следственной практике. «Голос ЦК...» — это самое говорили заплечных дел мастера ежовского призыва Рыкову и Бухарину, Тухачевскому и Орахелашвили. И все дело ленинградской группы, состряпанное Абакумовым, — точный слепок с дел тридцатых годов. Тогда Абакумов был рядовым сотрудником Лубянки. Посредственность, вознесенная по прихоти Хозяина на высокий пост, он исполнял теперь лишь веления генсека.

Лаврентий Берия как член Политбюро курировал Органы кары и сыска и, изучив до тонкости вкусы Вождя, наловчился подталкивать ход мыслей Сталина в нужном направлении, провоцировать его на выгодные лично ему, Берия, решения. В этой крупной политической игре Абакумов выполнял роль противовеса возросшему влиянию Лаврентия. Хозяин был верен своей привычке сталкивать лбами фаворитов...

Берия не уставал чернить усопшего кронпринца и его окружение. Злокозненные интриги против Жданова, затеянные еще до войны, не прекращались вот уже десять лет. Теперь взялись за ставленников Жданова — Кузнецова, Косыгина, Вознесенского. Одним из первых пострадал главный редактор журнала «Большевик» Федосеев. На его место назначили маленковца Абалкина, и всю редколлегию он укомплектовал своими людьми. Постановление ЦК (13 июля 1949), узаконившее эту перетряску кадров, не было обнародовано. В тайне вершилась и перегруппировка сил в центральном аппарате. Заместитель Председателя Совета Министров Алексей Косыгин оказался дальновиднее других и, почуяв неладное, тотчас покинул клан ждановцев и стал служить новым фаворитам. К ним переметнулся и Михаил Суслов. Представители старшего поколения вождей — Молотов, Каганович, Микоян, Ворошилов — уже были отодвинуты на второй план. Они будто бы отступили от генеральной линии ленинско-сталинской партии. Вождь нуждался в действенной помощи энергичных, искренне преданных товарищей. Секретарь ЦК Суслов взялся обеспечить идеологический камуфляж кампании, предпринятой Берия и Маленковым против старых членов Политбюро. Но неутомимые заговорщики спешили обезвредить и молодых соперников, прежде всего — Вознесенского[22].

Это был, пожалуй, единственный человек, осмелившийся спорить с Берия. Вознесенский, возглавив Госплан, пытался внести в распределение экономических ресурсов рациональное начало, он смело давал отпор сановным конъюнктурщикам. В подчинении Берия находилось по крайней мере четыре министерства, и он по привычке требовал перераспределения средств на потребу своей вотчине. Именно в это время Сталин доверил Вознесенскому председательское кресло на заседаниях Совета Министров[23]. Опасный симптом.

Добившись от арестованных ленинградцев разоблачения Вознесенского как вражеского агента, Берия, поддержанный Маленковым, сумел убедить Хозяина в неблагонадежности вчерашнего фаворита. Постановление ЦК о редакции журнала «Большевик» среди прочего осуждает заведующего агитпромом ЦК Шепилова за восхваление книги Вознесенского «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны».

Прошло несколько дней, и ретивые царедворцы добились от Сталина смещения Вознесенского со всех высоких постов. Арестовать его Берия еще не мог. Пока Вознесенского «отложили на лед» (выражение Хрущева) — так у них называлась игра «в кошки-мышки». Вознесенский продолжал обедать вместе со Сталиным на его квартире, но

«это был уже другой человек. От его ясного ума, уверенности не осталось ничего»[24].

Сталин спрашивал Маленкова и Берия:

— Почему бы не дать Вознесенскому какую-нибудь работу? Пока мы решаем, что с ним делать, он мог бы возглавить правление Госбанка...

— Да, да, мы это обдумаем, — отвечали в один голос приятели[25].

И ничего не делали для трудоустройства Вознесенского.

А Сталин в свои семьдесят лет был уже не тот. Наскучили ему кровавые игрища, притупился вкус к политическим провокациям, да и воля стальная, будто разъеденная бериевскими интригами, стала изменять ему. Лишь страсть к театральным эффектам, коварным мизансценам сохранил стареющий тиран.

...Вознесенского взяли ночью, когда он вернулся домой, окрыленный лаской и вниманием, которыми Хозяин неожиданно удостоил его за поздним товарищеским ужином.

Допрашивали Вознесенского там же, где и ленинградских вождей, — в Москве, на Матросской Тишине. Там находилась Специальная тюрьма председателя КПК Матвея Шкирятова. По части злодеяний, свершенных во имя и во славу Сталина, он мог бы поспорить и с Ягодой, и с Ежовым, и с Берия. Но в Кремлевской стене, там, где замурованы урны с прахом великих деятелей, красуется только его имя.

Несправедливо.

Итак, следствие в шкирятовской кутузке шло своим чередом. Потом состоялось обычное заседание Политбюро, генсек первым подписал текст приговора по «Ленинградскому делу», к которому пристегнули и Вознесенского. Бумага пошла по кругу — малые вожди, как обычно, подписали не глядя...[26]

А началось все с не столь уж опасного для жизни постановления Политбюро ЦК от 15 февраля 1949 года «Об антипартийных действиях члена ЦК тов. Кузнецова и кандидатов в члены ЦК товарищей Родионова и Попкова». Названным товарищам инкриминировали устройство в Ленинграде международной ярмарки, что нанесло якобы огромный экономический ущерб государству. С высоты 90-х годов — бредовое обвинение. Но тогда любой шаг правителей воспринимался как шаг директивный...

Как водится, коммунисты Ленинграда единодушно и с огромным удовлетворением одобрили это постановление и тотчас с энтузиазмом принялись исправлять, укреплять и, естественно, разоблачать. Дело привычное. Вся работа — партийная, советская, хозяйственная — оказалась оскверненной неумелым руководством. На идеологическом фронте — форменная контрреволюция. Как внезапно обнаружилось, издательства

выпускали произведения халтурные и безыдейные, газеты прославляли тех самых руководителей, которые зарвались, оторвались, но просчитались. Библиотеки оказались забитыми троцкистской литературой. Пришлось — понимаете, пришлось! — снимать почти всех ответственных работников научных, культурных и прочих идеологического разряда учреждений и заменять их выдвиженцами. Из Москвы прислали на подмогу сильный десант бодрых и непреклонных выпускников Академии общественных наук при ЦК партии.

Колесо перемен завертелось, набирая скорость, поначалу никто не знал, что Кузнецов, Попков, Капустин, Родионов и близкий соратник генсека Вознесенский являются врагами народа. В постановлении ЦК говорилось об ошибках, нарушениях государственной дисциплины. Центральный Комитет решил снять товарищей, наложить на них партийные взыскания — и только. А за официальными кулисами творилось что-то страшное. На старые слухи наплывали новые, догадки сменялись кривотолками. Все твердо усвоили лишь одно: за чрезмерную бдительность еще никто не пострадал и за жестокость к ближним — тоже. Словом, лучше «пере...», чем «недо...». Город зажил фантастической жизнью. Подробности, детали всплыли лишь пять лет спустя, когда уже не было в живых ни Сталина, ни Берия, ни Абакумова. Два дня, 6 и 7 мая 1954 года, в Ленинграде заседал областной партийный актив. На нем предали гласности — нет, не то, какая ж это гласность, — открыли в узком кругу партфункционеров осьмушку правды.

Так думал направленный Сталиным в город на Неве в феврале сорок девятого новый секретарь Ленинградского горкома и обкома Василий Андрианов. И действовал соответственно. Начал он с тщательного изучения протоколов всякого рода заседаний, собраний, конференций, выискивая антипартийный криминал. Андрианов знал, кому это может понадобиться, и, улучив момент, послал поздравительную телеграмму Лаврентию Берия. Опираясь на своих, сугубо доверенных сотрудников, Андрианов той же весной начал «чистить» партийный аппарат. С прибытием в июне подкрепления из Москвы и других городов России замена старых кадров превратилась в настоящий погром: снимали с постов, исключали из партии десятками, сотнями работников партийных, советских, профсоюзных и комсомольских Органов. При этом Андрианов несколько раз просил ЦК и лично Маленкова санкционировать расширение аппарата партколлегии, а потом вовсе упростил процедуру исключения из партии, поощряя анонимные заявления-доносы.

Редкое даже для того времени служебное рвение Андрианов проявил и на суде. Он сидел в первом ряду и с деланным удивлением комментировал «чистосердечные признания» бывших руководителей[27].

Фрол Козлов, недавно назначенный вторым секретарем горкома, в дни, предшествовавшие массовой резне, посетил управление милиции и увидел в клубе плакат, рекламирующий книгу Вознесенского «Послевоенная экономика Советского Союза».

— Кто здесь секретарь парторганизации?! Шевченко? Вы что, пропагандируете книгу врага народа? Садись в машину! — И увез злополучного секретаря в никуда[28].

Позднее Руденко с привычно наигранным возмущением заявит, что Центральный Комитет не поручал Органам госбезопасности заводить дело на смещенных ленинградских руководителей[29]. Достаточно затасканный иезуитский прием из арсенала его предшественника на посту прокурора Вышинского.

Из показаний бывшего следователя Сорокина

«Мы содержали арестованных ленинградских руководителей изолированно друг от друга и требовали от них признаний, ссылаясь на показания их же товарищей. Они упорствовали. Тогда пришлось применить жесткие методы воздействия — Абакумов требовал протоколы допросов чуть ли не каждый день, он приказал уже в июле добиться результатов любой ценой»[30].

Вот так. Никто не поручал, никто не сообщал об арестах, а бериевские костоломы уже выбивают нужные показания.

Из показаний бывшего подследственного Штейнберга

«В ночь со 2 на 3 августа я был арестован и доставлен в Лефортовскую тюрьму. Сразу же вызвали на допрос к Рассыпинскому, а затем перевели в кабинет к Комарову. Он потребовал, чтобы я признался во враждебной деятельности. Я отказался. Так как я и на следующих допросах отказался подписать ложные показания, меня на одном из последних допросов избили. Комаров заставил меня встать, ударил два раза по лицу, выбил два зуба, затем они, вместе с Рассыпинским, потащили меня к креслу и избили резиновой дубинкой. На следующем допросе Комаров сказал: «Так, теперь перейдем на пятки». Меня уложили на пол, сняли полуботинки и били той же дубинкой по подошвам и пяткам. Всего таких сеансов было семь. Причем вызывали на допрос днем и ночью — с 12 часов до 4, а чаще — до 5 часов утра. Спать не давали.

После седьмого допроса я не выдержал и сказал, что согласен дать показания»[31].

Чего же так настойчиво добивались от Штейнберга?

Как позднее рассказал Микояну Руденко, «им», то есть Абакумову и Берия, нужны были показания против Жданова, а заодно — против Молотова.

Достаточно только прикоснуться к пресловутому «Ленинградскому делу» — не вникнув, не изучив материалы, — чтобы сразу рассеялись иллюзии, связанные со смягчением сталинской политики террора. Нет, что Ежов, что Берия — «хрен редьки не слаще».

Из показаний бывшего подследственного Турко

«Часто заходил во время допросов подполковник Рюмин. Он требовал признаний и говорил, что меня надо убить за то, что я отрицаю свою вину. «Мы бьем, и этого ни от кого не скрываем»[32].

Как сообщил Руденко на собрании актива 6 мая 1954 года, Турко с 26 августа по 29 октября 1949-го вызывали на допрос 49 раз и всегда ночью. Днем спать, как водится, не давали. Следователь Путинцев показал, что действовал по прямому указанию Абакумова. Комаров, особо доверенное лицо Абакумова, бил всех подследственных.

— Где же был прокурорский надзор?

Этот риторический вопрос задал на собрании партактива сам Руденко, новый генеральный прокурор. И никто не почувствовал иронического юмора ситуации. Не та аудитория...

Но Руденко уже понесло. Признав, что этого самого надзора, по существу, не было, он обвинил руководителей Прокуратуры СССР в... отсутствии мужества. Они, видите ли, не осмелились со всей остротой и партийной принципиальностью поставить перед Центральным Комитетом и правительством этот вопрос. Руденко признал, что за все время существования Прокуратуры ни разу не проверялись Внутренняя и Лефортовская тюрьмы МГБ. Он назвал причину: Берия, Меркулов, Абакумов запретили пускать туда прокуроров по надзору. Когда недавно, весной 1954 года, представитель прокурорского надзора проверял эти тюрьмы — впервые за много лет! — он зашел в камеру, где содержали Абакумова.

— Нет ли у вас каких-либо жалоб на тюремный режим и условия содержания?

— Я никогда не поверю тому, что прокурор может посетить тюрьму для проверки.

— Пожалуйста, ознакомьтесь с моим удостоверением, — предложил прокурор.

— Любое удостоверение можно изготовить...[33]

Пытаясь удовлетворить общественное мнение (общество было представлено тысячью партаппаратчиков, обществу совсем не обязательно

знать, куда и почему исчезают миллионы его граждан. И кто в этом виновен), Руденко сообщил о снятии с поста бывшего генерального прокурора Сафонова. И об упразднении Особого Совещания при МВД.

Руденко: Строго установлено, что уголовное наказание может быть назначено только по приговору Народного суда и только за совершенные преступления.

Хрущев: Главное для них было — решать без следствия.

Руденко: Совершенно верно.

Хрущев: После смерти Сталина Берия хотел сохранить это[34].

...Никита Сергеевич не в состоянии облечь свою мысль в ясную форму. Он, конечно, имел в виду не упразднение процесса следствия при Берия, а применение незаконных средств, пыток, а также фальсификацию показаний — как в добрые сталинские времена.

Но вернемся к «Ленинградскому делу». Подготовка спектакля, то бишь суда, близилась к концу.

Закржевскую, заведующую отделом партийных, комсомольских и профсоюзных Органов обкома, арестовали, когда она готовилась стать матерью. Ее мучили непрерывными ночными допросами, пока не случился выкидыш. Не выдержав пыток, Закржевская подписала все... Следователь Комаров, только что произведенный Берия в полковники, получил данные, полностью изобличающие руководителей в антисоветском заговоре. Перед началом судебного процесса Комаров провел специальную подготовку. Устраивались репетиции, заучивались наизусть показания. В ходе процесса Комаров, Путинцев и Носов еще и еще раз наставляли обвиняемых Турко, Закржевскую и Михеева. И предупреждали[35].

Из показаний Турко (1954)

«Меня предупредили: суд идет и пройдет, а вы останетесь у нас».

Выездная сессия Верховного Суда СССР рассматривала дело группы заговорщиков и изменников Родине в Ленинграде. Все обвиняемые — и главари, и рядовые члены банды (чего уж там стесняться) — признали себя виновными и были приговорены к смертной казни. Едва затихло эхо последнего слова приговора, как рослые охранники набросили на смертников белые саваны, взвалили себе на плечи и понесли через весь зал»[36].

Эффектный, в духе мрачного средневековья, финал.

...В 1955 году в ленинградском Доме офицеров судили Абакумова.

Руденко: Зачем вы это тогда сделали?

Абакумов: Для психологического воздействия на присутствующих. Все должны были видеть наше могущество, несокрушимую силу Органов[37].

Как признал Руденко, по «Ленинградскому делу» было арестовано свыше двухсот человек и всех пропустили через Особое Совещание. А сколько «свыше» — еще столько же? Или в пять, в десять раз больше? Сколько просто сняли с работы, исключили из партии, выслали?

В Кировском районе сняли директора завода имени Кирова (бывшего Путиловского) Смирнова. Он, видите ли, был знаком с секретарем горкома. За ту же провинность исключили из партии, а значит, оставили без куска хлеба заведующего районным финансовым отделом Федотова. Сотни коммунистов исключили, сняли «за связь с Попковым, Кузнецовым, Лазутиным, Родионовым». Потом арестовали — по второму заходу — десятки секретарей райкомов и председателей райисполкомов[38].

Директор областной партшколы К.И. Домокурова посетила секретаря обкома Кузнецова и получила лично указания касательно постановки учебы в школе. Этого одного оказалось достаточным, чтобы с ней расправиться как с пособником врага. В партшколе демонстрировалась карта с обозначением городов, в которые шли изделия ленинградских предприятий. Карта ранее была выставлена на областной партконференции, но оправдаться бедной женщине никто из разгневанных мужчин не позволил[39]. «Не выпячивай город Ленина, колыбель Октября...»

Новые руководители принялись с пугливым усердием менять весь партийный и хозяйственный аппарат — сверху донизу. Исключение из партии стало массовым. И высылка семей репрессированных. Как в памятные тридцатые. Дошло до того, что достаточно было назваться ленинградцем, и бюро не утвердит в номенклатурной должности[40]. Будто дегтем измазали ворота города Ленина...

Васьковского, секретаря обкома ВЛКСМ по военной работе, вызвали на заседание бюро райкома партии. Он всю войну провел в тылу врага, ранен, награжден, но был же, был связан с разоблаченными руководителями! Исключить! Васьковский пытался протестовать, объяснять... Поднялся Фрол Козлов: «Хватит, товарищ Васьковский! Вы дышали ИХ воздухом! Этого достаточно»[41].

Нет, то была не ординарная политическая кампания — кампания бичевания руководителей и самобичевания подчиненных. То был натуральный погром. Послушаем, с каким старанием прокуратура, опережая Органы, искореняла воображаемую крамолу. Городской прокурор Однаков возбудил уголовные дела против руководителей всех районов. Вызывали свидетелей — директоров предприятий, сек-

ретарей парторганизаций. По двадцать — двадцать пять томов настрочили на каждый район города, распятого в угоду кремлевским интриганам[42].

...К одному из секретарей обкома обратился заведующий ленинградским отделением ТАСС Савраскин: в архиве ТАСС хранятся фотографии Кузнецова, Попкова и Вознесенского. На некоторых групповых снимках есть товарищ Жданов. Как быть? Секретарь обкома Казьмин ответил: «Те снимки, где Кузнецов, Попков, Вознесенский одни, надо немедленно уничтожить. А те, где есть товарищ Жданов, придержи, будем советоваться с Москвой»[43]. Пока советовались, Савраскину дали строгий выговор — на всякий случай. На охоту за ведьмами кинулся весь партаппарат. Достаточно было обнаружить в книге имена казненных, как ее изымали, автора привлекали. Так случилось с книгой Сапарова «Дорога жизни». Бюро обкома, бюро райкома разбирали сотни, тысячи персональных дел, возбужденных по лживым, часто анонимным доносам. Два года партаппарат только то и делал, что изучал пустые, злобные кляузы[44].

Что осталось от дворянского Петербурга... Но рабочий класс, класс-гегемон — откуда в пролетарском Питере такое сонмище пакостников? Или это новый служивый люд, неугомонное племя шкурников и мародеров?

Они благополучно дожили до разоблачительного пятьдесят четвертого года и на собрании партактива принялись со вкусом, со знанием дела перебирать грязное белье убиенных. Оказывается, Тихонов принимал подарки от секретаря Кировского райкома Козодоя и, подумать только, выпивал с ним. Частенько посещали райком Попков и Капустин и — есть такие сведения — участвовали в попойках. Задолженность тресту столовых за угощение Козодой покрывал после реализации райкомовского имущества — бильярда и ковров...

А чего стоит выступление заведующего отделом агитации и пропаганды горкома Кузнецова (однофамильца казненного). В начале он упоминает постановление ЦК 1949 года как гениальный Акт, как научное откровение, в конце же славит «новое мудрое решение ЦК» 1954 года.

Все смешалось в доме том — «за здравие», «за упокой»... Уж ежели такому профессиональному идеологу неведома разница — что с остальных спрашивать.

Так и не поняв, не пожелав понять провокационной сути состряпанного Берия и Маленковым Постановления ЦК 1949 года, партруководители Ленинграда спустя пять лет все еще талдычат об «ошибках» Попкова, Кузнецова, Воскресенского, а секретарь Петродворцовского

райкома Вольнягин с застарелой пеной на ответственных устах вспоминает основополагающие документы тридцатых расстрельных лет и особо — погромное решение февральско-мартовского Пленума 1937 года. Он умиляется сам и приглашает умиляться своих коллег по поводу людоедских директив, которые — он в том уверен — актуальны вовеки[45].

На том же моральном уровне прошла реабилитация. Руденко объявил, что жертвы Берия и Абакумова — Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин и Родионов реабилитированы посмертно. Турко, Закржевская и Михеев, осужденные на длительные сроки заключения, освобождены из тюрьмы и тоже реабилитированы[46]. Вслед за ними были реабилитированы тысячи репрессированных членов партии. Один оратор отметил с удовлетворением, что решение ЦК снимает позорное пятно со всей ленинградской организации. Другой предостерег товарищей от благодушия: нельзя-де рассматривать последнее решение ЦК как некую всеобщую амнистию. И снятые тогда со своих постов секретари заслужили свою участь, ибо оторвались от масс[47]. Второй оратор не уточнил одну деталь — одобряет ли он и казнь старых секретарей, и высылку их семей. Но стоит ли думать о таких пустяках. Главное — участники собрания аплодировали с равным расположением и первому, и второму оратору.

Смело выступил председатель Октябрьского райисполкома Соколов. Он сказал, что принцип коллегиальности руководства нарушался не только в Ленинграде, но и в центре. В зале присутствовал Никита Хрущев, он зачитал основательный доклад об уроках «Ленинградского дела», но текст доклада из стенограммы изъяли, отправили в Москву и засекретили. Сколько раз на этом собрании повторяли имя Ленина, с каким вожделением говорили о гласности, о критике, невзирая на... о принципиальности и отваге в борьбе за... Сколько раз!..

Итак, в присутствии Хрущева смело выступил Соколов. Берия и Абакумов окружили себя непробиваемой стеной, сказал он, и творили чудовищные преступления совершенно безнаказанно. Этому способствовала сама обстановка в партии, отказавшейся от принципа коллективности руководства. Что изменилось ныне? Годом раньше, например, секретарь горкома Носенков принялся составлять списки лиц, подлежащих исключению из партии, — без участия райкомов, самолично.

О диктаторских замашках секретаря обкома Андрианова говорили многие. Да и Фрол Козлов, призванный выправить положение, оказался скор на неправедную расправу. До чего же он живуч, сталинский стиль...

В мае 1954, через пять месяцев после казни Берия, руководители области собрались, чтобы вместе с Хрущевым и Руденко осудить бериевщину. Два дня они осуждали (попутно умудряясь одобрять), разоблачали, критиковали (попутно шельмовали и лгали друг другу) и клялись в верности Москве. И все это время над ними витал неистребимый дух виновников ленинградской резни — Сталина и Берия.

Ромашка

...Жила после войны на 3-й Тверской-Ямской, на углу Оружейного переулка, семья Беляковых. Жена работала в редакции газеты «Известия», муж — официантом в ресторане. Леокадия Петровна вырастила двух дочерей. Старшая, Тамара, была очень хороша собой, она унаследовала от своей бабушки-польки дивные глаза, пышные каштановые волосы, грациозную фигуру. В тот год, незадолго до смерти Сталина, Тамара служила секретарем в Министерстве оборонной промышленности. Семья Беляковых занимала две комнаты в коммунальной квартире, в третьей жила одинокая вдова, Валентина Александровна Рыбалко. Однажды Тамара зашла к ней и поведала следующее. Шла она по улице, и вдруг возле нее остановилась автомашина. Двое молодых грузин, вежливые такие, приветливые, пригласили ее на чашку чая в кафе «Аквариум». Поужинали вместе, мило беседуя. Новые знакомые назначили Тамаре свидание на завтра. Ей было двадцать лет, она уже привыкла к постоянному вниманию мужчин и, не ведая страха, согласилась.

На другой день грузины повезли нашу Тамару за город, вдоль Белорусской железной дороги. На одном перекрестке девушке завязали глаза и сняли повязку лишь на даче, за Архангельским. Этот поселок находится в другой стороне от Москвы, но Тамара не решилась спросить, зачем понадобилась такая конспирация. Дача была обставлена с вызывающей роскошью. Когда Тамару ввели в большую гостиную, там находились уже восемь или девять девушек. Им всем предложили раздеться, оставив лишь лифчики и туфли. Затем всех уложили в круг на ковре, головами к центру, под люстру. Образовалось нечто вроде ромашки. В гостиную вошел хозяин. Он был в халате, на носу пенсне. Лаврентий Павлович медленно обошел ромашку, остановился у одного лепестка и выдернул его за ногу из круга. Избранница последовала за хозяином, остальные могли одеваться. Им предложили отменно сервированный стол, девушки ужинали, ожидая новых распоряжений.

Молодые вербовщики приезжали за Тамарой еще несколько раз.

Через некоторое время она забеременела. С этой бедой Тамара пришла опять к соседке. Валентина Александровна посоветовала не-

медленно избавиться от последствий, но сделать это у частного врача. Бедная девушка последовала совету. Но на этом ее злоключения не кончились. Не прошло и месяца, как Тамару вновь пригласили на дачу. Она вошла к соседке в слезах, дрожащая от страха.

— Тетя Валя, сейчас за мной приедут. Не могу я больше, не хочу ехать туда! Спрячьте меня, спасите...

— Полезай под кровать, — сразу же решилась Валентина Александровна.

Через полчаса в квартиру позвонили, и в дверях возникли те самые ассистенты. Один из них, не утруждая себя вежливостью, коротко произнес:

— Белякову! Тамару!

— Ее нет.

— Как так? Она должна быть здесь.

— Я же вам сказала, что ее нет. Если вы имеете на это право, пройдите к ней в комнату.

Агенты потоптались некоторое время в коридоре и ушли. Больше Тамару не беспокоили.

Этим же летом великосветского насильника скинули со всех постов. Незадолго до его ареста мать Тамары вознамерилась пойти на прием к Лаврентию Павловичу. Она хотела попросить квартиру, отдельную квартиру. Должна же у него быть хоть какая-то мужская совесть... Как знать, что бы с ней сделал радетель, если бы Валентина Александровна не отговорила наивную соседку.

Земляки

Почти десять лет прошло с той поры, как Берия переселился в Москву. Но занятый государственными делами, послевоенным устройством стран Восточной Европы, истреблением новых подданных Иосифа Сталина, мог ли Лаврентий Павлович забыть о родном грузинском народе. Да и Хозяин вряд ли простил бы ему такое упущение. После памятных тридцатых подросло молодое поколение, обогащенное значительным историческим опытом, полное надежд на либерализацию государства и общества. Неужто и теперь, после победоносного окончания войны, Генералиссимус не распахнет все окна и двери нашего дома для правдивого слова и свободной мысли?

Ответ последовал очень скоро.

Когда агенты тайной службы заметили, что среди филологов Тбилисского университета образовался явный излишек оригинально мыслящих интеллигентов, за ними установили специальное наблюдение и дали задание осведомителям — штатным и нештатным — доносить о

каждом слове и каждом шаге подозреваемых. Среди смутьянов выделялись Гиви Магулария, Тенгиз Залдастанишвили, Отия Пачкория... Они были так неосторожны, что позволили себе рассуждать не только о научных достижениях, но и спорить о философии, государственной политике. Охранники из грязного ведомства арестовали группу студентов и аспирантов, следователи с привычной сноровкой оформили группу в террористическую организацию. Министру госбезопасности Николаю Рухадзе хотелось выслужиться перед дорогим Лаврентием Павловичем, поэтому в сценарий «дела» были включены поездки террористов в столицу. Их обвинили в подготовке взрыва стен Московского Кремля, уничтожения Мавзолея Ленина, покушения на жизнь Сталина... Подследственные выдавали главарей, поставщиков бомб и револьверов, называли даты, маршруты. Кто-то упрямо отказывался от сочинительства и терпел пытки, однако в лагерь, на истребление, отправили тех и других.

Летом 1952 года в Туруханском крае тянули свой арестантский век два старых грузина, из тех меньшевиков, которых изолировали от чистых граждан еще в начале двадцатых. Гиви Арахамия заведовал колхозным ларьком, Вано Майсурадзе работал в бухгалтерии. Оба отсидели с малыми перерывами по 25 лет, в сорок восьмом получили бессрочную ссылку.

— Давай напишем Сталину, — сказал однажды Гиви.

— Что же ты хочешь написать?

— Напомню ему о совместной подпольной работе при царе и...

— А стоит ли? — встревожился Вано.

— Действительно, не стоит...

— А если мы все-таки напишем, кому попадет наше письмо, как ты думаешь?

— Сталину, конечно, — ответил Гиви.

— Нет, оно попадет Лаврентию Берия. Он сам доложит его генсеку. И Сталин спросит: «А кто они такие, Арахамия и Майсурадзе?» Тогда Берия скажет, что нас в первый раз посадили в двадцать третьем, потом в двадцать девятом, еще потом — в тридцать седьмом, потом... «А что, они до сих пор не подохли?!» — спросит Сталин. Он даже крикнет и будет очень обижен. И тогда Берия прихлопнет нас как мух на пьяном базаре.

— Знаешь, кацо, не будем ничего писать. От этой собаки можно ожидать всего...

ГЛАВА 12

АТОМНЫЙ КОРОЛЬ

История советской атомной программы обросла легендами, развеять их помогут факты. Прежде всего следует уяснить, что роль немецких ученых в разработке оружия была вспомогательной. Реализация советскими учеными отечественной программы велась на базе фундаментальных исследований в области ядерной физики, начатых задолго до Отечественной войны. Уже в 1932 году в ЛФТИ, которым руководил академик А.Ф. Иоффе, работала лаборатория атомного ядра И.В. Курчатова. В исследованиях участвовал ряд других институтов. В 1933 году состоялась первая Всесоюзная конференция по атомному ядру. Председатель оргкомитета — Курчатов. Однако в те годы ни Академия наук, ни Совнарком не придавали начатым исследованиям практического значения, хотя некоторые лаборатории, например П.П. Кобеко и А.П. Александрова, уже выполняли оборонные задания.

Перед войной работы советских специалистов, объединенных Советом ученых, составили одну треть мировых публикаций по ядерной физике. Заметной вехой в этой области стали работы Я.Б. Зельдовича и Ю.Б. Харитона, которые в 1940 году первыми в мире доказали возможность осуществления цепной реакции деления урана. Вслед за ними Г.Н. Флеров и К.А. Петржак при непосредственном участии И.В. Курчатова открыли явление спонтанного деления урана. В начале войны Флеров обращается с предложением начать разработку атомной бомбы к Сталину, Кафтанову, Курчатову. Но генсек не удостоил его своим вниманием. Недавно ему донесли о важнейшем научном открытии — делении атомов урана. Автор секретного послания сооб-

щал, что теперь появилась возможность изготовить бомбу невиданной мощности. Вождь пренебрег и этим предупреждением.

В конце августа 1941 года фронтовая контрразведка переправила в распоряжение Берия пленного немца вместе с математическими расчетами производства тяжелой воды и урана-235. Тогда же в ГКО поступило из действующей армии письмо на имя Сталина с предложением начать производство атомной бомбы. Однако Берия не информировал Вождя об этих сигналах. Лишь в начале ноября, когда из Лондона поступила шифрованная телеграмма на имя начальника внешней разведки Павла Фитина, Берия решил, что теперь можно идти к Хозяину с докладом. В телеграмме лондонского резидента Анатолия Горского содержались сведения об англо-американском плане совместного производства атомного оружия. Сталин встревожился, но ненадолго: назначенная им встреча с учеными-атомщиками почему-то не состоялась.

Прошло еще четыре месяца. 14 марта 1942 года из Лондона поступила новая шифротелеграмма от Горского. На этот раз резидент сообщал о разработке ядерного оружия в Германии. Сталин тотчас назначил заседание ГКО с участием ученых. Академик А. Иоффе кратко обрисовал нерадостную ситуацию. Сроки упущены, Запад превосходит нас во всем: по числу научных баз, специализированных предприятий, по аппаратуре. Много институтов, лабораторий, заводов пострадало в ходе войны. Недостает ученых-атомщиков, ведущие специалисты заняты в других оборонных программах.

Когда один из участников справедливо заметил, что осуществление атомного проекта займет 10–15 лет, Сталин, позабыв о таких привычных ярлыках, как «маловэр», «паникэр», «капитулант», явил присутствующим сдержанность и здравый оптимизм.

«Я думаю, что мы сможем вам кое в чем помочь. Например, обеспечивать вас недостающими сведениями, которые позволили бы ускорить работы по ее созданию. Пожалуйста, сообщите товарищу Берия, какого рода информацию вы хотели бы иметь. Какие ориентиры и направления вам нужны на первой стадии разработки бомбы. В отдельной записке укажите, какие сведения вам хотелось бы получить из-за рубежа... У нас есть кому подумать об этом. — Сталин перевел взгляд на Берия. — Программу по атомной бомбе вы, Лаврентий Павлович, возьмите под свой контроль. Поступающую от разведки информацию направляйте сразу товарищу Курчатову»[1].

В ту пору карьера Берия шла еще на подъем. Сталин доверял ему более всех остальных подручных. Вместе с ним и ведущими физиками А.Ф. Иоффе и П.Л. Капицей генсек обсуждал кандидатуры на пост научного руководителя уранового проекта. Референту Берия генера-

лу В.А. Махнееву запомнилось высказывание Сталина: «Ближе всех к атомным делам стояли, конечно, Иоффе и Капица. Но они имеют уже мировую славу и к тому же — директора институтов. Если поручить решать такую важную проблему им, то она станет серьезной помехой в их повседневной работе. Поэтому, — продолжал Сталин, — надо подыскать талантливого и относительно молодого физика, чтобы проблему создания атомного оружия возглавил он и чтобы решение этой задачи стало единственным делом его жизни. А мы дадим ему власть, сделаем его академиком и, конечно, будем зорко его контролировать...»[2]

Имя Игоря Васильевича Курчатова впервые назвал Иоффе на одном из ближайших совещаний с участием известных академиков. Курчатова, работавшего в ленинградском институте у Иоффе, пригласили в Москву с единственной целью — ознакомиться с этим сравнительно молодым еще ученым-атомщиком. И после первой же беседы остановили свой выбор на нем[3].

Тогда же для ускорения работ между членами Политбюро были распределены обязанности. Такое важное дело, как разведка рудных запасов и промышленная добыча урана, взялся курировать Молотов. Однако уже к весне 1945 года стало ясно, что он с поручением не справился[4].

После назначения Курчатова научным руководителем урановой проблемы (при АН СССР) создается лаборатория № 2. Конкретная разработка бомбы поручена Ю.Б. Харитону. В дело включаются Я. Зельдович, И. Кикоин, Г. Флеров.

В соответствии с новыми требованиями Главное управление государственной безопасности получило новый отдел военно-технической разведки во главе с Леонидом Квасниковым. Все секретные сведения, поступающие к нему от советских резидентов, он сообщал непосредственно Курчатову. Встречались они регулярно в Кремле, в особой комнате, отведенной для этой цели Лаврентием Берия. Курчатов время от времени вручал Квасникову вопросники, и тот переправлял их за рубеж.

Обороноспособность великой державы была ослаблена и в другой области — радиолокации. Здесь тоже понадобились услуги тайной службы.

Не следует думать, однако, что Сталин, возложив ответственность за урановый проект на Берия, устранился от непосредственного руководства делом. Вернувшись после Потсдамской конференции в Москву, он вызвал Курчатова и упрекнул его в излишней скромности. По мнению председателя ГКО, для ускорения работ надо требовать го-

раздо больше специалистов и материалов. Ученый посетовал: «Сколько людей погибло, столько разрушено. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает». Сталин ответил раздраженно: «Дитя не плачет — мать не разумеет, что ему нужно. Просите все что угодно, отказа не будет»[5].

Не кто иной, как Сталин, подсказал Берия принципы, на которых должно строиться руководство двумя проектами — созданием атомного оружия и современных радиолокационных систем. В рамках Академии наук решать оперативно вопросы было невозможно. Согласование деталей с министерствами отняло бы много времени. После серии совещаний выработали окончательный вариант. При Совнаркоме было создано Первое главное управление, которому подчинили все задействованные в урановом проекте наркоматы, институты, конструкторские бюро. Назначенный начальником управления нарком боеприпасов* Б.Л. Ванников мог действовать совершенно самостоятельно, не обращаясь по конкретным вопросам к правительству. К тому же он возглавлял и Совет ПГУ. Заместителями Ванникова были утверждены такие крупные организаторы промышленности, как А.П. Завенягин и М.Г. Первухин и по научной части — И.В. Курчатов.

Фактически ПГУ оказалось не при, а над Советом Министров, но и оно не было в действительности главным. Сталин поставил его в подчинение Специальному комитету при Государственном Комитете Обороны под председательством Берия[6]. Этот особо секретный орган обладал всей полнотой власти в самом важном для сталинской диктатуры деле — разработке и производстве сверхоружия. Тогда же был учрежден еще один засекреченный спецкомитет — по радиолокации — во главе с тем же Берия.

Такая сложная структура, да еще с двумя тайными надстройками, выглядела слишком громоздкой, однако на практике она оказалась весьма эффективной. Централизация управления, полная самостоятельность, приоритетное снабжение, ничем не ограниченное пользование людскими и материальными ресурсами — эти факторы обеспечили разительный успех всей программы. И еще одно — страх. Под бдительным оком Лубянки, под личным руководством Лаврентия Берия ни одно ведомство, ни один человек не смели работать вполсилы. Фактически их лишили права на ошибку, на производственный брак.

Надо признать, что Берия лично, за редким исключением, не пользовался рычагами устрашения. Ученых-атомщиков он привлекал сказочными по тем временам материальными благами и, что для многих

* Министерство боеприпасов было упразднено в 1946 году.

специалистов было главным, перспективой исследовательской работы в новых лабораториях на переднем крае науки. Свои предложения Берия подкреплял обещанием тройных, десятикратных окладов, предоставлением прекрасных квартир, особняков, курортного лечения... Если некий специалист ссылался на состояние здоровья или семейные обстоятельства, Лаврентий Павлович с готовностью брался все устроить — немедленно и с превышением. Кто осмелится отклонить настойчивые предложения сталинского фаворита?

На заседании спецкомитетов рассматривали все вопросы, связанные с конкретными задачами дня. Поскольку Берия возглавлял оба чрезвычайных Органа, он проводил заседания, не разделяя состава участников. Официальный список членов неизвестен. На заседания, проводившиеся на Лубянке, иногда в Кремле, приглашали ответственных лиц, например заместителя Курчатова И.Н. Головина и доктора наук И.И. Гуревича. В кабинете было два больших, отдельно стоящих стола. Рядом с Берия сидел генерал П.Я. Мешик, он отвечал за надежность, секретность и безусловную преданность всех занятых в системе. За вторым столом располагались Ванников, Первухин, Завенягин, Курчатов, Павлов и группа генералов. На заседаниях, которые Берия собирал довольно часто, обсуждались проекты постановлений правительства, готовились документы на подпись Сталину. В институт их доставляли специальные курьеры в особых конвертах с пометкой «Сталин», но без его факсимиле.

Берия, держа по правую руку главного надзирателя Мешика, строго взыскивал с присутствующих за малейшие срывы, но до наказания дело не доходило: все работали и за страх, и за совесть. Деловитость, оперативность были проявлены на всех уровнях. Сохранилась секретная переписка заместителя Председателя Совнаркома Первухина, уполномоченного ГКО по науке Кафтанова, заместителя наркома НКВД Меркулова, начальника военной разведки Фитина и других ответственных лиц, причастных к запросам Курчатова. Показательны две его записки от 7 и 22 марта 1943 года.

«Имея в виду эти замечания, я внимательно рассмотрел последние работы американцев по трансурановым элементам... и смог установить новое направление в решении всей проблемы урана...

Перспективы этого направления чрезвычайно увлекательны.

До сих пор работы по трансурановым элементам в нашей стране не проводились. ...Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем ориентиры для последующего научного исследования, они дают

возможность нам миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения. ...Вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, незнакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей»[7].

Автор публикаций этих документов В. Чиков сообщает, что Курчатов часто закладывал производственные цеха под Челябинском и Красноярском, минуя экспериментальные работы. Его способность выдвигать все новые и новые идеи вызывала удивление коллег и укрепляла авторитет Курчатова-ученого.

В 1946 году при лаборатории № 2 было создано специальное конструкторское бюро. Начальником этого КБ № 11 назначен П.М. Зернов, научным руководителем — Ю.Б. Харитон. Здесь, на базе одного из оборонных заводов, и началось конструирование первой атомной бомбы, при строжайшем соблюдении государственной тайны. Секретность органично вошла в работу и жизнь ученых и всех специалистов, но Берия при каждом случае жестко напоминал о соблюдении тайны. Когда 25 декабря 1946 года Курчатов запустил в своем институте первый в Европе ядерный реактор Ф-1 (под кодовым названием «монтажные мастерские», или «монтажка»), он тотчас позвонил директору завода Е.П. Славскому:

— Ефим, пошла! Приезжай срочно...

— Игорь Васильевич, а ты руководству докладывал?

— Нет еще.

— Срочно звони!

В присутствии Славского ученый позвонил Берия.

— Сколько специалистов участвовало в пуске реактора? — спросил главный куратор.

— Пять человек.

— Так вот, кроме вас и этих пятерых, ни одна живая душа ничего не должна знать об этом событии. Я сам приеду и посмотрю...

— Ефим, ты ничего не знаешь, — сказал Курчатов.

...Лишь через три месяца Славскому официально «стало известно» о пуске реактора[8].

Несколько лет, когда один из уральских заводов полностью выполнил план выпуска предназначенных для уранового проекта агрегатов и встал вопрос о ликвидации сверхсекретного предприятия, Берия приказал эвакуировать всех работников вместе с семьями на дальний Север. И вот в среднем течении знаменитой Колымы появился новый поселок с двумя зонами — для заключенных и вольных инженеров,

техников и охранников во главе с генералом, переселенных с Урала. Отпустили их только после испытания отечественной атомной бомбы, в начале 1950 года[9].

В те годы Берия казался неутомимым. Он не пропускал закладку заводов, приезжал к началу пусконаладочных работ, присутствовал на всех испытаниях, иногда лично возглавлял правительственную комиссию. Так было на приемке цеха по электромагнитному разделению изотопов и цеха по переработке уранового топлива…

Разъезжал Папа Малый в специальном поезде. Если позволяло расстояние, от объекта к станции, где останавливался Берия, экстренно прокладывали железнодорожный путь или же проводили через тайгу и болота лежневую дорогу для проезда автомобиля, который он возил с собой повсюду. По этой же лежневке прибывали к Лаврентию Павловичу ответственные руководители. Экстренные дорожные работы выполняли заключенные, солдаты внутренних войск МВД несли охрану. Все как обычно. Один старый железнодорожник рассказал И. Головину о том, как им хорошо жилось в те годы: «Часто ездил на своем спецпоезде Берия, и мы ежемесячно получали по две зарплаты…»[10]

В своем поезде Берия и жил, не пользуясь в инспекционных вояжах гостиницами. Людей принимал в двух вагонах, оборудованных под конференц-зал и канцелярию.

На строительстве новых объектов, научных и производственных, Берия проявил поразительную мобильность. Он лично выбирал площадки для будущих заводов, лабораторий, жилых поселков, следил за ходом работ. Энергия и напор, проявленные им в неустанных атомных хлопотах, вызывали удивление современников. Сам Курчатов, его заместители и помощники не раз говорили, что без участия Лаврентия Павловича добиться успеха в столь сжатые сроки не удалось бы.

А славный оруженосец Кремлевского монарха заботился всего лишь о собственной жалкой жизни. Куда бы они делись, вместе с Хозяином, в случае военного поражения?..

В марте 1938 года на судебном процессе в Колонном зале Дома союзов Генрих Ягода в последнем слове просил оставить ему жизнь. Он готов пойти на стройку простым рабочим. Было время — народный комиссар внутренних дел Ягода руководил строительством Великих каналов, которые прославили Родину на весь мир…

В декабре пятьдесят третьего, на заседании Особого судебного присутствия, Лаврентий Берия тоже просил снисхождения: «Я могу еще пригодиться…» Он сослался на свой богатый опыт государственной деятельности, напомнил о руководящем участии в создании отечественного сверхоружия.

А ведь по натуре своей Берия был человеком ленивым. В Закавказье, в годы тридцатые, да и несколько ранее, заслуженный чекист старался переложить всю тяжесть работы на плечи заместителей и помощников. На протяжении ряда лет деятельностью Органов ГПУ–НКВД фактически руководил Тите Лордкипанидзе, а Берия отдавал явное предпочтение собственным удовольствиям. Любил председательствовать, выступать с докладами, не им, разумеется, написанными. Заложенную в нем природой энергию он растрачивал на интриги и провокации да на любовные утехи.

Осваивая роль второго человека в государстве, Берия всеми силами старался быть незаменимым во внешней разведке, которая всегда интересовала Хозяина. Но Сталин, верный своей тактике сталкивания подручных лбами, держал под рукой, помимо Специальной службы НКВД, еще одну — Главное разведывательное управление Генштаба (ГРУ). Этому органу, к вящему неудовольствию Берия, удавалось порой обойти самых опытных агентов Лубянки. Однажды генерал Фитин вызвал к себе Леонида Квасникова и упрекнул его в медлительности. Пока Анатолий Горский «отдыхает» в Лондоне после удачно проведенной операции, агенты ГРУ завербовали там крупного ученого-атомщика Клауса Фукса. Надо каким-то образом намекнуть начальнику ГРУ генералу Склярову, пусть передаст ценного информатора тайной службе госбезопасности.

— Реально ли это? — спросил Квасников.

— Когда вмешается Берия, будет уже поздно: сам знаешь, он может любому хребет сломать...[11]

Что касается доктора Фукса, то он сам пришел в посольство с целью передать Советам секреты атомной бомбы. Другой атомщик, Артур Филдинг (имя изменено), вошел в контакт с советским агентом по собственной инициативе и вручил ему материалы по атомным исследованиям в Лос-Анджелесе. Он отказался от денежного вознаграждения, пояснив, что будет передавать Москве военные секреты по идейным соображениям. Задавшись целью уничтожить социалистическую систему, руководители США поставят человечество на грань ядерной гибели. Нужно достичь паритета в атомном вооружении. Филдинг поставил лишь одно условие: его помощь не должна быть использована во вред США. Он был готов положиться на «честное слово» Берия...

И еще один идеалист, Моррис Коэн, член коммунистической партии США. Он воевал в Испании на стороне республиканцев, окончил там разведывательную школу. Коэн завербовал свою жену, решив почему-то, что, служа сталинскому режиму, он не совершает предатель-

ства, а борется «за общую правду и справедливость». Именно так писал в своих воспоминаниях Моррис Коэн, известный на Лубянке под фамилией Олтман.

Помимо атомных секретов, завербованным в Штатах агентам удалось передать советской резидентуре секретные материалы по радарам и сонорам и даже переправить по частям новейший авиационный пулемет в комплекте[12].

Атомная гонка требовала все больше стратегического сырья. Уран нужен был как воздух, и, когда по окончании войны стало известно о наличии запасов руды в Германии, туда выехала геологоразведочная группа в составе видных специалистов. Генерал-полковник Иван Серов, которому Берия поручил руководить этой операцией в Саксонии, решил разыскать и привлечь к работе немецких ученых. Однако там стояли американские войска. Покинули они вожделенный район только после категоричного представления маршала Жукова.

Вопрос о разработке урановой руды в Саксонии был рассмотрен на заседании Совета Министров в июне 1946 года. В городе Фрейберге, где находился штаб первого отряда советских специалистов, отправилась группа во главе с генерал-майором Михаилом Мальцевым, видным функционером лагерной системы. Он, как и Серов, был ближайшим сотрудником Берия и подчинялся лично ему. Формально же — Специальному комитету при Совете Министров СССР. Главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии маршала В.Д. Соколовского обязали оказывать Мальцеву всемерное содействие. В подчинение ему была передана отдельная бригада, оснащенная автотранспортными средствами и техническим оборудованием. Штаб бригады передислоцировали из Дрездена в Ауэ. Для конспирации было образовано акционерное общество «Висмут» под командой генерала Мальцева. Структура фирмы напоминала бериевские лагеря смерти: штаб (он располагался в городе Ауэ), которому подчинялись 27 отдельных объектов (в лагерях — колонны и олпы). При каждом объекте — особый оперуполномоченный службы госбезопасности (в лагерях — непременный «кум»). Опергруппе МГБ подчинялась Специальная горная милиция, надзиравшая за немецкими рабочими и служащими. Охрану штаба, рудников, шахт, лабораторий, складов, взрывчатки генерал Мальцев доверил войскам МГБ.

На первых порах возникли трудности с использованием давно заброшенных шахт, где ранее добывали серебро и кобальт. Мало того, что все оборудование нуждалось в ремонте и замене, — отсутствовала техническая документация. Спасла положение оперативная группа

общества «Висмут». Агенты бериевского ведомства разыскали уцелевших в истребительном смерче специалистов, и в октябре 1946 года удалось наладить добычу урановой руды на ряде объектов[13].

В планах научно-исследовательской работы особое место Берия отвел немецким ученым, ранее занятым в лабораториях «Рейхс институт дер Кайзер Вельгельм Гезельшафт» в Берлине. Агенты разведывательной службы МГБ вывезли ведущих сотрудников этого института во главе с директором, известным физиком-атомщиком Манфредом фон Арденне. В плен попал также бывший директор Лейпцигского института физики, ученик Вернера Гейзенберга, профессор Денель. Вместе с ним — профессор Бевильгуа. Но самой ценной добычей гебистов стал, пожалуй, Нобелевский лауреат Густав Герц, которого насильно вывезли в Крым[14].

Бериевские селекционеры выискивали ученых-атомщиков в обычных истребительных лагерях по всей стране, вербовали нужных людей в лагерях для военнопленных. Один из таких лагерей находился под Тбилиси, другой — в Сухуми.

Почему Берия избрал для атомного исследовательского центра Сухуми? Вероятно, не последним аргументом послужила отдаленность места от крупных городов, а благоприятный климат и южная природа должны были скрасить условия заточения германских ученых и техников числом около двухсот. Их дополнили сто двадцать советских сотрудников: часть из них — молодые физики-атомщики из университетов Москвы и Ленинграда, часть — обслуга. Начальником охраны был генерал-майор Канашвили. Его помощником — полковник Тополин.

Под лаборатории и жилье отвели значительную территорию на холме близ моря — полтора километра в ширину и семь километров в длину — и окружили со стороны суши тридцатиметровой ширины запретной зоной. Вокруг трехэтажного здания лаборатории поставили еще один проволочный забор. Безопасность и секретность обеспечивали часовые.

Так называемый Сухумский проект, созданный при руководящем участии Берия, существовал еще долго после его казни.

В 1946 году в глубине территории построили жилые дома с просторными квартирами и полным комфортом. Это для немецких ученых. Техникам — немецким и советским — предоставили другое здание. Там же жили офицеры охраны. Для солдат построили казарму. Очень скоро на берегу моря вырос изолированный от внешнего мира автономный городок со своими магазинами, столовыми, гаражами, починочными мастерскими, банями, пляжами, кинотеатром и парком.

Формально немецкие ученые работали по контрактам, заключенным на пятилетний срок, с высокими месячными окладами. Вспомога-

тельный персонал был тоже отлично обеспечен. В свободное время некоторым позволяли посещать Сухуми, разумеется, в сопровождении агента в штатском. Летний отпуск они проводили, по желанию, на других курортах страны.

Урановая проблема имеет свою предысторию. Разведка руды в Советском Союзе была налажена еще в начале 30-х годов при Менжинском. Созданная при ОГПУ Особая экспедиция вошла в систему ГУЛАГа и широко использовала труд заключенных[15]. Безвинные жертвы массового террора работали потом на урановых рудниках и гибли, гибли... При Берия — в масштабах невиданных — на дальнем Севере, за Уралом, в Казахстане...

Один из лагпунктов под кодовым названием «Мраморный» был основан в конце 1945 года. Этап выгрузили морозной ночью на тихом полустанке и пешком отправили в тайгу. Охранники, тепло одетые, в валенках и шубах, грелись у костра, а подконвойные... многие не дошли до места. На долю тех, кто выжил, пришлось строительство бараков и проволочной ограды с вышками, железнодорожной ветки к руднику. И — специального шоссе. К началу добычи руды пригнали новый этап — 600 человек — на смену перемолотым. Сколько таких бериевских мельниц выросло на благодатной российской земле... Упомянем еще одну — в Казахстане. В 350 километрах на юго-восток от Кустаная, в Аркалыке. Открытые подневольными рабочими глубокие шурфы показали наличие богатого месторождения ценной руды. К началу 1945 года там уже функционировал большой лагерь. Заключенных разбили на бригады по семь-восемь человек, на каждую бригаду — бидон воды и буханка черного хлеба в день. Двенадцатичасовая смена, без выходных, холодные бараки, произвол охраны и надзирателей, террор уголовников. В довершение — ядовитые газы в забоях. Жертвы исчислялись тысячами, им на смену шли из России тысячные этапы свежих «врагов»[16].

Система...

Организаторский талант Берия проявил еще в одной области науки и техники — ракетостроении. В 1947 году под Москвой, в Подлипках, вырос новый поселок с лабораториями, мастерскими и бытовыми службами для 177 немецких специалистов. Здесь, как и в Сухуми, строгая секретность: бывшие подданные гитлеровского рейха налаживали выпуск ракет ФАУ-2. Затем их перевели на новое место — филиал № 1. На родину немецкие специалисты вернулись лишь в 1951 году. Все это дало повод иностранной прессе утверждать, что без немцев Советы не смогли бы создать современное ракетное

оружие. Как бы там ни было, советские конструкторы внесли немало оригинального в отечественную программу, и уже в 1951 году армия получила на вооружение новую ракету Р-2, через год — мощную Р-5, несущую ядерный заряд[17]. Можно не сомневаться в том, что весомая доля успеха пришлась на внешнюю разведку. Ведь разработку и производство этого сверхоружия контролировал лично Лаврентий Павлович, его ведомство обеспечило форсированное выполнение программы. Транспортные средства, снабжение и охрану обеспечивали особо уполномоченные полковники и генералы государственной безопасности. Они же следили за соблюдением секретности. И — никаких вольностей. Это в Америке всякий сумасброд волен оставить начатое дело и даже выступить с публичным протестом. У нас же все проблемы — вербовка ученых и инженеров, финансирование, доставка рабочей силы и грузов — решались легко и просто. Сталинский режим обеспечивал при реализации атомной и других военных программ искомую монолитность руководителей, исполнителей и охранников.

В этих условиях удавалось достигать невиданно высоких темпов строительства при отличном качестве. Пример тому — создание Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне, под Дмитровом. Берия и здесь вникал во все детали лично, начиная с проекта и кончая озеленением будущего города. Следил за монтажом первого синхротрона международного научного центра. В рабочей силе недостатка не испытывали: как и на многих так называемых стройках коммунизма, здесь использовали труд заключенных. Дубна стала городом в 1956 году, но еще десять лет спустя оставались неподалеку от коттеджей, возведенных для ученых — своих и западных, — деревянные бараки бывшей зоны. Заключенные работали на бериевских объектах в разных краях, вплоть до Дальнего Востока. Из Дубны туда часто выезжали специалисты и всякий раз поражались образцово-четкой организации дела. По всем маршрутам командированных оперативно и безотказно обслуживали на транспорте и в гостиницах, обеспечивая максимум удобств и все условия для работы. За каждым правительственным решением по урановому проекту следовали без промедления практические меры. На объекты завозили необходимые материалы, технику, сразу же приступали к строительству удобного жилья для так называемых вольных специалистов и зоны для заключенных, благо колючей проволоки в стране производили в избытке, с опережением.

Академик А.П. Александров четко разделяет всех лиц, причастных к атомному проекту, на несколько групп. Характеризуя Игоря Курчатова как вполне компетентного ученого и ответственного орга-

низатора, Анатолий Александров говорит, что это была прекрасная, богато одаренная личность. Да, к осуществлению этого проекта правительство привлекло интеллектуальный цвет советской науки.

Что касается практических руководителей — министров и генералов, то далеко не все заслужили добрую память. Б.Л. Ванников, Е.П. Славский, А.П. Завенягин, М.Г. Первухин поначалу почти ничего не понимали в атомном проекте. Однако упорный, целеустремленный труд помог им приобщиться к новому делу и с большой пользой применить свой организационный опыт. Совсем иную, тормозящую, роль сыграли генералы, привыкшие лишь властвовать и запрещать. Для них проблема сводилась к простой формуле: «Взорвется — не взорвется?» Именно такой подход и продемонстрировал маршал Берия[18].

Ныне мы располагаем замечательными историческими документами — письмами Петра Леонидовича Капицы. В одном из его писем Сталину, датированном 25 ноября 1945 года, известный ученый дает нелицеприятную оценку всесильного фаворита. «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо». Капица не отказывает Берия в энергии и умении быстро ориентироваться в сложных ситуациях, но тут же отмечает ленивый характер этого начальника и чрезмерную самоуверенность, которая помешала Берия принять предложение академика помочь ему овладеть физикой. А заодно — познать по первоисточникам историю техники. «Но для этого нужно работать, — пишет Капица, — а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле — это еще не значит руководить проблемой».

Девять раз за последние две недели назначал Берия аудиенцию Капице и всякий раз отменял. К этому приему Папа Малый прибегал обычно тогда, когда хотел «поставить на место» маститого ученого. «У меня с Берия совсем ничего не получается», — с горечью заключает физик. Он предлагает Сталину вывести ученых из состояния подчиненных и, оказав им полное доверие, поставить во главе государственных проектов. «Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берия, дали почувствовать своим подчиненным, что ученые в этом деле ведущая, а не подчиненная сила». Пока же Берия и прочие начальники к мнению, к возражениям ученых мало прислушиваются.

Капицу, всемирно известного ученого, положение слепого исполнителя административной воли не устраивает, он просит Сталина ос-

вободить его от участия в Особом Комитете и Техническом Совете. Он полагает, что Берия будет доволен его уходом. Подчеркнув, что это письмо не является «доносом», он просит ознакомить Вождя с ним товарища Берия.

Через несколько дней тот позвонил Петру Леонидовичу.

— Товарищ Сталин показал мне ваше письмо. Надо поговорить. Приезжайте.

— Мне с вами говорить не о чем. Если вы хотите поговорить со мной, то приезжайте в институт.

Пришлось Лаврентию Павловичу ехать самому. Он преподнес строптивому ученому богато инкрустированную тульскую двустволку, однако этот символический подарок, конечно же, не мог изменить мнения Капицы о шефе тайной полиции в роли куратора атомного проекта[19].

Мог ли мстительный, злобный жандарм оставить письмо Капицы без последствий? Травить ученого он начал еще в августе сорок пятого. Верный своей привычке действовать через подставных лиц, он уже в качестве председателя Бюро Совета Министров СССР предложил назначить заместителем Капицы по Главкислороду М.К. Сукова. И тот послал на имя Сталина явно инспирированное письмо, содержащее клеветнические измышления о деятельности честного ученого. В этом письме-доносе нашлось место и политическим обвинениям[20].

После же того памятного письма Сталину интриги против Капицы возобновились с новой силой. По всему видно, устроитель провокаций решился на срыв важнейших кислородных работ ученого, лишь бы дискредитировать его в глазах руководителей государства. Исполнителем злой воли на сей раз выступил профессор И.П. Усюкин. Совсем недавно, в феврале 1945 года, он выдвигал работу Капицы «Установки высокой производительности для получения жидкого кислорода» на соискание Сталинской премии. А четыре месяца спустя этот же эксперт оценивает результаты деятельности Капицы как порочные и предлагает использовать немецкие установки и западную технологию. О своем резко отрицательном отношении к турбокислородным установкам Капицы эксперт Усюкин известил также ЦК партии.

Пораженный его беспринципностью, Петр Леонидович жалуется Сталину на действия экспертных комиссий, которые, не посмотрев даже установку и не пригласив к участию в заседаниях руководителей проекта, дали неблагоприятные отзывы. При этом председатели этих комиссий — ни Первухин, ни Сабуров, ни Малышев — ни разу не выслушали объяснений академика[21].

Совсем нетрудно догадаться, кто стоял за кулисами этого поистине вредоносного для государства действа.

У Берия были все «основания» ненавидеть ученого. К этому столь естественному для него чувству примешивался еще и страх за свою шкуру. 4 апреля 1946 года Сталин послал Капице письмо, в котором высказал пожелание побеседовать с ним. Если такая встреча состоится, Петр Леонидович не преминет сообщить генсеку о художествах главного куратора. Надо упредить зарвавшегося академика, уничтожить его, и дело с концом. Начальник тыла Вооруженных Сил генерал А.В. Хрулев оказался свидетелем знаменательной беседы в кабинете Вождя. Берия настаивал на аресте Капицы. Сталин ему в этой малости решительно отказал: «Я его тебе сниму, но ты его не трогай»[22].

Всего одна фраза, а в ней — самая суть взаимодействия двух уголовников с психологией тюремщиков.

Семь лет продолжалась опала замечательного ученого и патриота. Он стал затворником на своей подмосковной даче. Вместо созданного им Института физических проблем — изба на Николиной Горе, в которой и разместилась его лаборатория. Опала была снята с Петра Леонидовича лишь в августе 1953 года, после ареста его личного врага Берия.

Но этот сталинский подручный оказался и врагом отечественной науки. О «невыносимом отношении Берия к науке и ученым» Петр Капица напишет Хрущеву в сентябре 1955 года. Ученый отошел от атомного проекта из-за Берия, а тот распустил слух, будто академик Капица отказался участвовать в создании бомбы в силу своих пацифистских убеждений. В письме Хрущеву Капица упоминает также о мерах, принятых Берия, с целью погубить кислородную проблему. Ее решение благодаря злонамеренным действиям лубянского воротилы задержалось на много лет[23].

Как все это согласовать с положительными отзывами некоторых ученых-атомщиков?..

Он был не так уж прост, и с помощью одной черной краски его достоверный портрет не воссоздать.

Однажды — это происходило уже после войны — Берия пригласил к себе А.Н. Комаровского, бывшего начальника Главпромстроя. Пили коньяк, беседовали о жизни. После третьей рюмки хозяин кабинета положил перед генералом чистый лист бумаги.

— Пиши.

— Что писать, Лаврентий Павлович?

— Напиши про то, как тебя немецкая и английская разведки вербовали.

— Вы что, шутите, Лаврентий Павлович?

— Какие еще шутки? Пиши.

Комаровский, заслуженный инженер, отличившийся еще на строительстве канала Москва — Волга, растерялся. Он пытался что-то доказывать, убеждая Берия, но тот не унимался. Раздался телефонный звонок.

— Слушаю, товарищ Сталин. Да. Это будет сделано.

— Ну вот что, Комаровский. По указанию товарища Сталина ты назначаешься начальником строительства одного объекта. Сегодня же подпишу приказ. С тебя причитается...[24]

Страх стал постоянным спутником всех занятых в производстве атомной бомбы инженеров и ученых — больших и малых. С помощью своих генерал-надзирателей Берия поддерживал состояние страха на всех стройках, заводах, лабораториях.

А Комаровский после сдачи в эксплуатацию важного объекта атомной программы был переведен в Челябинск, потом строил новые здания Московского университета, там этот Герой Социалистического Труда прославился своим жестоким нравом.

Пока был жив Берия, Комаровский постоянно ощущал затылком его рыскающий взгляд. Любимчиков Хозяина Лаврентий Павлович не жаловал. Как-то он вызвал Комаровского и заявил ему, что на одной из дач Сталина у входной двери застряла пуля. Неподалеку от дачи работали люди Комаровского. На розыск стрелявшего Лаврентий Павлович дал ему три дня.

Через два дня Комаровский представил шефу результаты баллистического анализа траектории пули. Оказалось, что стреляли с площадки, на которой обычно тренировались личные охранники Сталина.

Как удалось Комаровскому благополучно миновать рифы бериевских провокаций — непонятно. Судьба его сложилась благополучно и после смерти Сталина. В 1963 году он стал заместителем министра обороны по строительству и на этом посту оставался до конца, получив при Брежневе звание генерала армии.

Эстафета...

Наш рассказ об атомном короле был бы неполным без свидетельства Андрея Дмитриевича Сахарова. Бериевские агенты пытались привлечь его к работе в Сухумском научном центре, обещая замечательные возможности для исследовательской работы и не менее замечательные материальные блага. Беседа с неким «генералом Зверевым» состоялась в номере гостиницы «Пекин» в конце 1946 года, и, если бы не отказ молодого ученого, его положение изменилось бы круто. Од-

нако, как пишет в своих «Воспоминаниях» Сахаров, ему все же пришлось заниматься разработкой термоядерного оружия — с конца июня 1948 года до июля 1968 — двадцать лет. С Берия ученый встречался много раз в его кремлевском кабинете № 13.

«...Берия обратился ко мне с вопросом, как идет работа по МТР у Курчатова. Я ответил. Он встал, давая понять, что разговор окончен, но вдруг сказал:

— Может, у вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?

Я совершенно не был готов к такому общему вопросу. Спонтанно, без размышлений, я спросил:

— Почему наши новые разработки идут так медленно? Почему мы все время отстаем от США и других стран, проигрывая техническое соревнование?

Берия ответил мне прагматически:

— Потому что у нас нет производственно-опытной базы. Все висит на одной «Электросиле». А у американцев сотни фирм с мощной базой.

(Такой ответ был мне, конечно, неинтересен.) Он подал мне руку. Она была пухлая, чуть влажная и мертвенно-холодная. Только в этот момент я, кажется, осознал, что говорю с глазу на глаз со страшным человеком.

Летом 1952 года (если мне не изменяет память) произошел такой эпизод.

Возникли задержки в производстве одного из основных входящих в изделие материалов. Ответственным по Первому главному управлению за производство этого материала был Н.И. Павлов. Существовало в принципе два различных метода производства — назовем их «старый» и «новый». Старый метод использовал завод, ранее построенный для другой цели, впоследствии отпавшей. Новый метод использовал установку, специально построенную на основе оригинальных научно-технических разработок, и был гораздо более перспективным. Павлов, то ли из перестраховки, то ли желая как-то использовать уже существующий завод, решил скомбинировать оба метода; ничего хорошего из этого не получилось, план производства материала был сорван. На совещании у Берия, на котором я присутствовал, кто-то поднял этот вопрос. Берия уже имел, видимо, свою информацию. Он встал и произнес примерно следующее:

«Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное (говоря это, Берия зажмурился, и его лицо стало еще более страшным). Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы Вас не будем наказывать, мы надеемся, что Вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!»

Берия говорил твердо «турма» вместо тюрьма. Это звучало жутковато. Грозным признаком было и обращение на Вы. Павлов сидел молча, опустив голову, как, впрочем, и все остальные присутствующие.

На том же заседании решался вопрос о направлении на объект «для усиления» академика М.А. Лаврентьева и члена-корреспондента А.А. Ильюшина. Когда была названа фамилия членкора, Берия удовлетворенно кивнул, очевидно, она уже была ему известна.

...Лаврентьев и Ильюшин были на объекте в качестве «резервного руководства» — в случае неудачи испытания они должны были сменить нас немедленно, а в случае удачи — немного погодя и не всех... Лаврентьев старался держаться в тени и вскоре уехал. Что же касается Ильюшина, то он вел себя иначе. Он вызвал нескольких своих сотрудников и организовал нечто вроде «бюро опасностей». На каждом заседании Ильюшин выступал с сообщением, из которого следовало, что обнаружена еще одна неувязка, допущенная руководством объекта, которая неизбежно приведет к провалу. Ильюшину нельзя было отказать в остроумии и квалификации, и все же, как правило, он делал из мухи слона (но в случае неудачи испытания укус каждой из этих мух был бы смертелен. Он мог бы сослаться на то, что «предупреждал»)»[25].

16 июля 1945 года, накануне открытия Потсдамской конференции, в штате Нью-Мексико американские специалисты взорвали первое в мире атомное устройство. Президент США Трумэн полагал, что теперь Сталин станет сговорчивее и откажется от своих имперских амбиций. О рождении атомной бомбы кремлевского Генералиссимуса известили там же, в Потсдаме. И что же? Он остался безучастен, будто речь шла о какой-нибудь новой модели бомбардировщика. И не освободил оккупированных стран. Его не устрашила даже гибель Хиросимы и Нагасаки. Сталин уверил себя в том, что на большее Трумэн не решится. Надо выигрывать время, всего несколько лет, и тогда...

Лица, ответственные за атомную политику США, явно недооценивали научно-технический потенциал СССР. И — возможности разведки. «Для того чтобы догнать нас, Советам в самом лучшем случае потребуется до пятнадцати лет», — заявил генерал Гровс Специальной комиссии Конгресса»[26].

Роберт Оппенгеймер, отец первой атомной бомбы, был настроен не столь благодушно, но и он не мог предположить, что «русским» удастся преодолеть отставание всего за четыре года.

29 августа 1949 года в 7 часов утра под Семипалатинском прогремел взрыв советской атомной бомбы. Председатель Государственной

комиссии Берия провел последние сутки без сна, обошел все объекты, полигон с командным пунктом и двумя пунктами наблюдения, зал сборки с распределительными щитами, манипуляторами. Он присутствовал при окончательной сборке и проводил первенца к лифту перед подъемом на стальную вышку.

То, что произошло в то осеннее утро на левом берегу Иртыша, в 70 километрах ниже Семипалатинска, детально описано Головиным в его книге о Курчатове.

«Берия появляется на командном пункте, расположенном в десяти километрах от башни, когда уже начался отсчет времени. Курчатов, меривший большими шагами пол укрытия, останавливается рядом с Флеровым. Остается пятнадцать минут, десять... И вдруг:

— А ничего у вас, Игорь Васильевич, не получится!

— Что вы, Лаврентий Павлович! Обязательно получится!

Курчатов углубляется в наблюдение фона нейтронов, и только помрачневшее лицо выдает его состояние.

Когда раздался взрыв — точно в расчетную секунду, — Курчатов бросился наружу, взбежал на земляной вал с криком «Она! Она!..» Его вернули в укрытие. К Игорю Васильевичу подошел Берия, обнял и расцеловал:

— Было бы большим несчастьем, если б не вышло!

За два года до этих событий американцы испытали свою бомбу в Атлантике, пригласив на атолл Бикини советских ученых-наблюдателей М.Г. Мещерякова и Д.В. Скобельцина в сопровождении инженера-полковника С.П. Александрова. Лаврентий Павлович позвонил на наблюдательный пункт, где находился Мещеряков.

— Михаил Григорьевич! Похоже на американский? Очень? Мы не сплоховали? Курчатов нам не втирает очки? Все так же? Хорошо! Значит, можно докладывать Сталину, что испытание прошло успешно? Хорошо, хорошо!

Берия дал команду генералу, дежурившему у телефона, тотчас же соединить его со Сталиным по ВЧ. В Москве взял трубку Поскребышев.

— Товарищ Сталин ушел спать.

— Очень важно, все равно позовите его.

Через несколько минут ответил сонный голос:

— Чего тебе?

— Товарищ Сталин, все успешно. Взрыв такой же, как у американцев...

— Я уже знаю, — ответил Сталин. И положил трубку.

Берия взорвался, набросился с кулаками на побледневшего генерала.

— Вы и здесь суете мне палки в колеса, предатели! Сотру в порошок!»[27]

Неужто генерал осмелился сам, по собственной инициативе, сообщить Сталину о результатах испытания? Конечно же, нет. Хозяин остался верен себе, приставив к главному куратору своих людей. И Берия знал об этом.

Испытание бомбы было по указанию Берия заснято на кинопленку[28]. Однако кинофильм, отразивший от начала до конца процесс испытания, не видел никто, кроме узкого круга специалистов. Не был он показан ни одному члену Политбюро. Вячеслав Молотов жаловался в 1953 году, уже после ареста Берия: «Он даже нам не показал этот фильм...»[29]

...Был в обслуге Сталина киномеханик, которому и Берия оказывал личное доверие. Лаврентий Павлович вызвал его в просмотровый зал, где сидел один, совершенно один, и поманил пальцем:

— Ты знаешь, что с тобой случится, если хоть одна живая душа услышит от тебя об этом фильме?

— Знаю, товарищ Берия.

— Ну, тогда начинай[30].

В том, что взрыв под Семипалатинском очень скоро перестал быть тайной для западных держав, винить некого. Утечка такой информации, несомненно, входила в планы Папы Большого и Папы Малого. Не обошлось без ложного сообщения ТАСС от 25 сентября 1949 года: якобы в СССР на строительстве одного объекта были применены взрывные работы. Что же касается атомного оружия, то им страна располагает с 1947 года...

Сталин блефовал и вновь отметил свое личное руководящее участие в создании сверхоружия. Без атомной бомбы как удержать оккупированные территории, как бороться за мир?..

Вождь внимательно следил за ходом подготовки испытаний, ему не терпелось своими глазами взглянуть на бомбу. Летом 49-го он приказал привезти к нему в Кремль плутониевый заряд. Один из генералов, сопровождавших Курчатова, вспоминал позднее.

— А это не муляж? — спросил Сталин Курчатова, указав на небольшое никелированное полушарие.

— Нет, Иосиф Виссарионович. Положите руку на заряд и Вы убедитесь в том, что он выделяет тепло.

Сталин так и сделал и удивленно покачал головой.

— Игорь Васильевич, а почему бы этот заряд не разделить на две части и не сделать нам две бомбы?

— Нельзя, Иосиф Виссарионович. Есть такое физическое понятие, как критическая масса. Она ставит предел: если плутония по весу будет меньше критической массы, бомба просто не взорвется.

Сталин долго ходил по кабинету, наконец остановился.

— А вы здесь не ошибаетесь, Игорь Васильевич? Я так думаю: критическая масса все же понятие не физическое, а диалектическое...

Курчатов обладал гибким умом.

— К сожалению, Иосиф Виссарионович, уровень знаний сегодняшней науки еще недостаточен и уменьшать критическую массу мы еще не можем, но, естественно, будем работать в этом направлении[31].

Страшное дело, полуобразованный Хозяин, надев маску Великого Ученого, случайно попал в самую точку.

Много лет спустя, когда научились огромным давлением частично снимать кристаллическую решетку делящихся металлов да еще прокладывать листы плутония листами замедлителей нейтронов, удалось освоить метод уменьшения критической массы.

Профессор Головин, один из сотрудников Курчатова, а с 1950 года — первый его заместитель, приводит подробности встречи.

Вместе с Курчатовым в Кремль прибыли П. Зернов и Ю. Харитон. Последний принял активное участие в беседе, именно он упомянул о критической массе.

И еще одна памятная беседа Сталина с Курчатовым. Она состоялась в начале сентября, перед испытанием первой бомбы. Вождь был заметно озабочен.

— Вот испытаем бомбу, Игорь Васильевич, а американцы пронюхают о том, что у нас еще не наработано сырье для второго заряда, и попрут на нас. А нам нечем будет ответить...

— Постараемся подготовить сырье, Иосиф Виссарионович, — ответил Курчатов.

Времени оставалось в обрез, но ко дню взрыва первой бомбы второй плутониевый заряд был изготовлен[32].

Итак, Советский Союз стал второй атомной державой. Люди, совершившие этот подвиг — ученые, инженеры, техники, мастера, организаторы, — заслужили награды. Но как определить долю участия каждого? Эта проблема разрешилась в кабинете Берия. Вот что рассказал позднее Курчатов, не скрывая горькой насмешки. «Я несколько дней ходил озадаченный. На очередной встрече с Берия он спросил: почему это я хмурюсь, когда дело сделано? Когда я рассказал, Берия подумал и вытащил из своего хранилища какое-то номерное дело, в котором оказались списки всех участвующих в оружейном проекте — по всем ведомствам. Против каждой фамилии проставлена мера нака-

зания (от расстрела до стольких-то лет лагерей). На тот случай, если бы бомба не взорвалась. При этом мера «ответственности» была уготована каждому в строгом соответствии со степенью важности выполняемых работ.

— Так вот, — смеясь, сказал Берия, — по этим спискам мы никого не пропустим и одновременно легко и оперативно определим меру вознаграждения каждому[33].

...Ордена, медали, дачи, автомобили, денежные премии, льготы, почетные звания щедрым дождем пролились на тружеников атомной программы. В числе новых Героев Социалистического Труда и лауреатов Сталинской премии — Курчатов, Флеров, Харитон, Щелкин, Алферов...

Сталин был щедр. Однако что сталось бы с лауреатами в случае неудачи?

Триумфальное завершение атомной программы укрепило положение Берия — второго, после Сталина, Вождя. Но он лелеял тайную цель, для осуществления которой надо было взять под свой контроль армию, ее Генеральный штаб. Здесь он тоже преуспел, а Хозяин, как это ни удивительно, проглядел хитрые маневры верного слуги.

Войну Семен Штеменко начал в звании полковника. За плечами — две академии: моторизации и механизации Красной Армии и Генерального штаба. И небольшой опыт командования танковым батальоном (1937–1938). В Генеральном штабе, где он служил с 1940 года в должности старшего помощника начальника отдела, Штеменко вскоре занял место заместителя начальника Направления, затем — пост начальника Ближневосточного Направления. В 1942 году, когда Берия вошел в состав Военного совета Кавказского фронта, Генеральный штаб направил к нему генерал-майора Штеменко.

Вероятно, Берия остался доволен таким помощником, иначе не взял бы его с собой в Тегеран весной 1943 года для подготовки конференции глав союзных государств. Берия полагал, что сопровождать его должен генерал-лейтенант, и это звание было присвоено Штеменко немедленно, всего через четыре месяца после первого генеральского чина. В том же 43-м, в ноябре, он стал генерал-полковником, уже занимая высокоответственные посты начальника Оперативного управления и заместителя начальника штаба. Минуло всего пять лет, и Штеменко возглавил Генштаб в звании генерала армии.

Это назначение было совершенно неожиданным для маршала Василевского, первого заместителя министра обороны. Василевский занимал одновременно пост начальника Генштаба и просил Булганина освободить его от этой работы, рекомендовав на свое место опытного генерала армии Антонова. Однако на заседании Политбюро Сталин

рекомендовал на пост начальника Генштаба именно Штеменко. Антонова же послали со значительным понижением в Кавказский военный округ[34].

Еще более странное произошло в июне 1952 года, когда Штеменко без объяснения причин сняли с поста начальника Генштаба и отправили в ГДР в качестве начальника штаба Группы советских войск.

Здесь мы прервем послужной список Семена Матвеевича Штеменко, чтобы ответить на некоторые вопросы. Кто способствовал внезапному и такому скорому возвышению генерала? Кто обеспечил награждение Штеменко орденами, предназначенными лишь полководцам? Мундир генерала-штабиста украсили три ордена Суворова и один орден Кутузова разных степеней. Кроме того — три ордена боевого Красного Знамени. А уж орден Ленина — само собой. Почему Сталин резко оборвал его карьеру в 1952 году? Ответ столь очевиден, что исключает поиск иных версий. Берия, став руководителем атомного проекта и фактическим распорядителем сверхоружия, задумал взять под свой контроль и армию. Этой цели вполне соответствовал преданный ему лично человек на посту начальника Генерального штаба. С атомной бомбой в правом кармане и Генеральным штабом Советской Армии в левом он мог совершить великое, непредсказуемое зло.

Сталин, конечно же, заметил, пусть с опозданием, куда клонит атомный король, и снял Штеменко с ключевого поста в тот момент, когда противоборство достигло высшей точки. Он даже счел нужным объяснить своему военному министру причину опалы Штеменко: «Чтоб вы знали, товарищ Василевский, почему мы освободили Штеменко. Потому что он все время пишет и пишет на вас. Надоело!..»[35]

Да, Берия не удалось таким способом освободить для своего человека кресло министра обороны. А намерение такое было, об этом свидетельствуют дальнейшие повороты уникальной судьбы Штеменко. 16 марта 1953 года, сразу же после кончины Сталина, он получает должность первого заместителя начальника Генштаба. Его, несомненно, ожидал еще более высокий пост, но внезапный арест Берия оборвал звездную карьеру генерала. Его направили в Западно-Сибирский военный округ начальником штаба, с понижением в звании. Новый взлет последовал в 1956 году, после XX съезда партии, когда он был назначен начальником Главного разведывательного управления и вскоре же получил звание генерал-полковника. Генералом армии он стал вновь при Брежневе, через двадцать лет после утраты этого звания.

Пора подвести итоги. Вся послевоенная деятельность Лаврентия Берия, особенно участие в осуществлении атомной программы, убеждает нас в том, что в его лице Сталин получил равного себе противника. Второго, подобного Берия, история не знает.

ГЛАВА 13

КЛАН ПРОТИВ КЛАНА

Многие современники полагают, что это противоборство началось в самом конце сороковых годов. Дело было не так. Поставив Лаврентия Берия на ключевую позицию наркома внутренних дел, Сталин был уверен в том, что сумеет держать фаворита в жесткой узде. И Берия на первых порах поддерживал эту иллюзию. Но их медовый месяц продолжался недолго. Уже через год Сталин начал сомневаться в разумности своего выбора. Все чаще и чаще стала брать верх постоянная подозрительность Вождя. Светлане Аллилуевой запомнился один характерный эпизод.

Она часто гостила на даче Берия, у Нины Теймуразовны, и отец поощрял эту дружбу. Однажды, в первые дни войны, Светлана осталась там ночевать. «Наутро вдруг позвонил разъяренный отец и обругал меня нецензурными словами. Он прокричал: «Сейчас же езжай домой! Я Берия не доверяю!»[1]

Вряд ли Сталин вкладывал в эти слова политический смысл, он знал, что Берия способен на все.

Без таких функционеров генсек не удержался бы у власти столько лет. На кого еще мог он опереться в дни военных поражений? Берия, конечно же, заметил растерянность Сталина, трусость Вождя. И с тех пор стал вести себя вызывающе, порой даже нагло.

В конце войны Берия внедрил в дачную обслугу Сталина своих людей из грузин. Поощрения они получали царские.

...Это случилось года два спустя после войны. За обедом Сталин огляделся и спросил:

— Почему я окружен грузинами?

Берия был начеку.

— Товарищ Сталин, эти люди — ваши верные слуги. Они всецело преданны вам...

— А русские что же, мне не преданны?!

— Нет, этого я не сказал, — ответил Берия, — но все, кто здесь находится, это вполне лояльные слуги.

— Мне не нужна их лояльность! — крикнул Хозяин. — Гони их отсюда вон!

Пришлось Берия, публично униженному, покинуть гостиную и тотчас уволить своих агентов.

Тогда же была уволена сестра-хозяйка сталинского дома, служившая здесь с 1937 года, майор госбезопасности Александра Николаевна Накашидзе[2]. Такую фамилию носил известный погромщик, бакинский генерал-губернатор. Не приходилась ли ему родственницей эта двоюродная сестра Нины Теймуразовны Гегечкори?

К тому времени Берия до тонкости разработал технологию устранения неугодных и создал безотказный механизм отсечения от генсека старых и новых фаворитов. Прошло то время, когда он уничтожал функционеров партийной и государственной власти по указке Сталина. Теперь он это делал уже по собственному выбору, и, как заметил тогда же Хрущев, Сталин это понимал. И стал бояться товарища Лаврентия.

Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, сравнивал каждого члена ордена с палкой в руках Генерала. Берия давно уже, с начала войны, когда в полной мере проявились не только трусость, но и бездарность Сталина, тяготился своим положением исполнителя верховной воли. Ему надоело быть палкой в руках Хозяина.

Лаврентий Павлович был большим притворщиком, уже в первые годы службы в ГрузЧК искусно завоевывал доверие нужных людей. Без труда сумел он обойти простака Хрущева. На первых порах Никита Сергеевич считал Лаврентия своим другом, но очень скоро столкнулся с его жестоким двуличием. Они часто встречались за обедом у Сталина, и тот однажды пожаловался Хрущеву: «Раньше наши обеды были приятны, теперь же, при Берия, все стало плохо. Он пьет и подбивает на пьянство других». Вспоминая об этом, Никита Хрущев попутно выдает один секрет. Оказывается, Берия, Маленков и Микоян просили официанток наливать им вместо вина подкрашенную воду. Как-то Щербаков, натурально упившись, открыл секрет трех «трезвенников», и Сталин поднял страшный шум...[3]

Союз Берия с Маленковым имел ключевое значение в его борьбе за власть. Именно о ней идет речь, об абсолютной власти, но не о троне генсека. На этом посту Лаврентию Павловичу виделся вполне

послушный ему партфункционер. Им мог стать Никита Хрущев, но он казался слишком простым и недалеким. И Берия остановился на Георгии Маленкове.

В свое время он был близок Николаю Ежову, тогдашнему представителю КПК. Ежов даже хотел сделать его своим помощником.

Берия давно оценил скрытую, необоримую силу центрального аппарата, поэтому хотел заручиться в первую очередь *своим* человеком в секретариате. И Маленков на посту секретаря ЦК, сумевший взять под контроль почти весь главный штаб партии, мог стать опорой Берия. И стал ею. Объединившись, они составили в Политбюро силу, которую мог одолеть лишь Сталин. Без его поддержки ни Молотов, ни Ворошилов, ни Микоян не осмеливались спорить с более молодыми и весьма прыткими компаньонами. Берия продолжал играть роль послушного слуги, он выжидал, ибо знал, чем может кончиться прямой конфликт с генсеком.

В 1949 году Сталин вызвал из Киева Хрущева и поставил его во главе столичного комитета партии. Он надеялся создать противовес усилившемуся тандему. Вспоминая о той тревожной поре, Никита Хрущев пишет, что постоянно противостоял Берия и Маленкову. Он нередко преувеличивал свое значение, однако здесь, несомненно, содержится большая доля правды.

В мае 1946 года генсек неожиданно снял Маленкова с высокого поста и переместил в Узбекистан. Зигзаги в судьбе фаворитов генсек создавал и раньше, но такого еще не было: человек, занимавший второй по значению пост в партии, угодил вдруг в далекую ссылку.

Это совпало по времени с арестом министра авиационной промышленности А.И. Шахурина, обвиненного в развале дела. Рассказывают, что поводом послужила жалоба сына Сталина Василия на плохое качество самолетов. Поскольку куратором этой отрасли был Георгий Маленков, у генсека появился повод.

И года не прошло, как Маленков вернулся в Москву, — случай в истории партии уникальный. Обычно за снятием с высокого поста следовала казнь. Как же это Берия удалось уговорить Хозяина?

Арест Шахурина и опала Маленкова — каприз генсека или результат тонко сработанной провокации? Берия подпоил-подговорил Ваську Сталина, тот вызвал праведный гнев отца и... Эта история могла понадобиться Берия для спасения Маленкова. Ему нужен был в Секретариате ЦК не просто свой человек, а человек преданный, обязанный ему всем. Такова возможная схема действий товарища Лаврентия. Как бы там ни было, с той поры Берия и Маленков стали неразлучны.

У Никиты Хрущева были все основания называть Берия редчайшим мастером провокаций, всегда искавшим случая *поймать* конку-

рента на слове. За два года до войны, когда Хрущев прибыл по делам из Киева в Москву, Берия пригласил его на дачу.

— Послушай, что ты думаешь о Маленкове?

— А что я должен думать?

— Я имею в виду теперешнее положение, когда арестован Ежов.

— Понимаю. Ежов с Маленковым были приятелями. Ну и что? Я думаю, Маленков — честный человек.

— Весьма возможно, — ответил Берия, — но ты все же подумай...

Подобные беседы Берия затевал и после войны — то с Хрущевым, то с Булганиным. Позднее он пытался вызвать недовольство самим генсеком, однако никогда не позволял себе инсинуаций в адрес Сталина при Кагановиче. Лазаря Моисеевича он ненавидел страстно. При Хрущеве же он доходил порой до оскорблений Божества и ожидал реакции дорогого Никиты. Но тот «...никогда не закрывал ушей и никогда не открывал рта...»[4].

А как Берия разделался с Вознесенским. Пользуясь близостью к Сталину, он умел выбрать минуту благодушия или раздражения Хозяина и употребить целенаправленную информацию на пользу или во вред определенному деятелю. Именно так он поступил с председателем Госплана Николаем Вознесенским, который опрометчиво отбивал все попытки Берия получить как можно больше средств за счет других министерств. И Вознесенский погиб.

Сталин все видел, все замечал. Берия был ему нужен, его присутствие в Политбюро обеспечивало зыбкое равновесие мелких самолюбий постоянно враждующих вождей. Но, сознавая приоритетное значение атомной программы, генсек решил освободить его от приятных обязанностей министра внутренних дел. Берия должен был полностью переключиться на производство сверхоружия и организацию разведки. Во главе МВД СССР Хозяин поставил одного из ближайших подручных Берия Сергея Круглова. Борьба вокруг трона обострилась до предела. Жданов со своей командой добивается не только отстранения и высылки Маленкова, но и смены руководства МГБ. Давний сподвижник Берия, его правая рука Меркулов уступил свой пост Абакумову, который успел проявить себя с лучшей стороны как начальник СМЕРШ.

Назначая славного экзекутора главой Органов, Хозяин надеялся сконструировать противовес Берия, чье могущество становилось опасным. Сталину трудно было вообразить, что в его окружении есть люди, преданные ему менее, чем кому-либо из его собственных подручных. Долгие годы раболепного поклонения трону притупили настороженный ум деспота. Годы командования всемогущим СМЕРШ сделали

его независимым от всех сталинских фаворитов. Даже от Берия. Пришлось Лаврентию Павловичу затаиться в ожидании своего часа.

Шли годы. В верхнем эшелоне власти менялась обстановка, вместе с ней менялся Берия. Ольга Никитична Картвелишвили помнит его волевым, деятельным начальником и напористым лицедеем. При надобности товарищ Лаврентий мог сыграть роль то заботливого друга, то жизнерадостного весельчака, пустить в ход личное обаяние.

Светлана Аллилуева учила французский язык, и ее преподаватель, П. Лавранш, часто встречалась в Кремле с Лаврентием Берия. Она отзывается о нем как о вежливом, воспитанном человеке. Француженка считала его одним из самых образованных руководителей в сталинском окружении. Оказывается, Берия тоже владел французским.

Проявив незаурядные способности к политической мимикрии, наш обаятельный «француз» становился все жестче и надменнее. Вскоре он так прижмет старых членов Политбюро, что те уже не осмелятся ничего докладывать генсеку без его ведома. Если за столом у Сталина Лаврентий Павлович поднимал некий вопрос, который Хозяин почему-либо отклонял, и кто-то позднее возвращался к этой теме, Берия мог ударить соратничка по лицу:

— Я уже говорил об этом. Незачем поднимать этот вопрос вторично!..

С неменьшим изумлением наблюдал Никита Хрущев другие сцены, когда споры Берия со Сталиным доходили до ссоры. И всякий раз Берия обращал все в шутку: «Милые бранятся — только тешатся...»[5]

То были достойные друг друга партнеры на кремлевской сцене.

Но ссоры далеко не всегда носили такой характер. Берия наглел, наливался властью, он уже полагал обязательным согласовывать с ним тексты всех докладов генсека, и тот часто уступал его притязаниям.

Чем объяснить столь несвойственное Вождю долготерпение? Может быть, Берия шантажировал его документами царского департамента полиции? Он продолжал, как прежде случалось, запугивать Сталина террористами. Всегда ли верил ему Хозяин? Вячеславу Молотову запомнился случай, когда Берия сообщил, что злоумышленники заложили мину под Ближнюю дачу. Сталин вызвал солдата с миноискателем и вместе с ним обследовал здание. Тревога оказалась напрасной...

Молотов тоже заметил перемену в отношениях Сталина и Берия. Последнее время Вождь явно перестал ему доверять. Но Берия наловчился подсовывать ему в охрану и обслугу своих людей, создавая при этом у Сталина иллюзию, будто это он сам подбирает их.

Вождь все чаще выражал открытое пренебрежение к фавориту, тяготился им, хотел убрать. Совсем не случайно в сообщении об аре-

сте кремлевских врачей сказано о попустительстве Органов госбезопасности...

Берия все понимал и без подобных намеков. Собачья преданность Хозяину сменилась настороженностью и еле скрываемой неприязнью. Выступая 19 июля 1964 года по радио, Хрущев поведал о последнем при жизни Сталина заседании Президиума ЦК, в конце февраля 1953 года. Обсуждали «дело врачей» и вопрос о депортации евреев. Среди тех, кто не поддержал предложенные Вождем меры, оказался — впервые! — Лаврентий Берия...

У Сталина не было повода для недовольства Абакумовым. Министр проявлял полное послушание, исправно служил, с разительным эффектом провел «Ленинградское дело». Но вот в конце мая 1951 года старший следователь по особо важным делам МГБ М.Д. Рюмин обратился к Сталину с письмом. Он сообщал, что Абакумов покровительствует террористическим замыслам вражеской агентуры. Таким образом шеф МГБ ставит под угрозу жизнь самого товарища Сталина. Кроме того, Абакумов скрывает от ЦК промахи в своей работе и таким образом выводит Органы госбезопасности из-под контроля партии. Рюмин информировал Сталина, что Абакумов знает о существовании заговора еврейских буржуазных националистов, инспирированного американской разведкой, но, желая скрыть это от Вождя народов, приказал умертвить раскаявшегося в своих преступлениях врача Этингера[6].

Надо ли поминать, что Рюмин не мог один состряпать подобную провокацию, связанную со смертельным риском.

4 июля 1951 года Хозяин заменил Абакумова Игнатьевым, а на следующей неделе бывший министр уже сидел на Матросской Тишине[7].

Игнатьев в двадцатые годы работал в Средней Азии, потом — на довольно ответственных партийных должностях в Бурят-Монголии, Башкирии, Белорусии, в последние годы — в аппарате ЦК. Под началом Берия не служил, однако карьеру начинал именно в ЧК. Игнатьев трепетно служил Вождю, ведь Он поднял его, крестьянского сына, на такую негаданную высоту. Однако по важным оперативным вопросам Сталин обращался только к заместителю министра Сергею Гоглидзе.

Генсек постоянно понукал Игнатьева. Во время создания провокационного «дела врачей» Сталин в присутствии членов Политбюро кричал на него, угрожал, требовал заковать врачей в цепи и бить, бить, превратить в фарш![8]

Генсек постоянно знакомился с данными разведки, интерес к западным и восточным державам не ослабевал и в послевоенные годы. Китай, Мао Цзэ-дун и его окружение пользовались особым вниманием кремлевского сидельца. Юрий Власов сообщает, что он читал доклады одного

классного разведчика, опытного врача, которому Мао Цзэ-дун доверил даже оперировать свою супругу. Внезапно хирурга вызвали в Москву и арестовали, обвинив в связях с женой американского резидента в Китае. Сталин распорядился выпустить разведчика, справедливо полагая, что самые ценные сведения нередко удается добыть именно через женщин. Однако на Лубянке «предателя» успели так обработать — в избиениях участвовал лично Абакумов, — что ему понадобилось серьезное лечение. В дело вступил Берия, он-то знал, что Сталин подобных ошибок не прощает. И когда хирург-разведчик после госпиталя отправился воздушным рейсом в санаторий, самолет по пути в Сочи сгорел...

Неудобным для Берия оказался еще один человек — Владимиров, непосредственный начальник погибшего хирурга. Это был отец Юрия Власова. В 42-м он возглавлял группу военных корреспондентов ТАСС в Китае, сблизился с Мао Цзэ-дуном. В 48-м — назначен генеральным консулом в Шанхае. Берия пытался приручить разведчика, но из этого ничего не вышло. История гибели хирурга была Владимирову известна в деталях, и это предопределило его судьбу.

В конце 1952 года он приехал в Москву из Бирмы, где служил послом. Берия пригласил его к себе и, узнав в дружеской беседе, что тот страдает желудком, опасается раковой опухоли, предложил новейшее онкологическое средство. Владимиров вернулся домой с распухшей рукой. Жить ему оставалось после «целебного укола» всего несколько месяцев. Он погиб весной, не дожив до 49 лет[9].

Заместитель начальника Управления контрразведки МГБ генерал-лейтенант Леонид Райхман, один из самых доверенных подручных Берия, выдавал себя за поляка, будучи евреем. То ли по этой причине, то ли из естественного желания ослабить влияние Берия, но Сталин приказал министру госбезопасности Игнатьеву арестовать генерала. Это произошло в 1952 году. На другой день после смерти Сталина Берия принес опальному в камеру генеральский мундир.

Долгое время никто, кроме Берия, не снабжал генсека информацией о положении дел в Грузии, да и во всем Закавказье. Эта монополия и непререкаемый авторитет Папы Малого в том регионе стали раздражать Хозяина. Он решил обеспечить свой тыл прежде всего в Грузии. Николай Рухадзе, почти десять лет возглавлявший грузинские Органы, генсека никак не устраивал. В сентябре 1952 года он назначает министром ГБ Грузии А.И. Кочлавашвили. Ему Вождь поручил чистку партийных и государственных верхов республики с целью подорвать там позиции Берия. Кочлавашвили начал с мирного заявления: «До сих пор работа Органов была неполнокровной»[10].

Сколько же еще крови должно пролиться в распятой Грузии? Это мог определить только Он — Кремлевский Дозировщик.

ГЛАВА 14

УСТРАНЕНИЕ ВОЖДЯ

Охрана

Охрана жизни генсека стала наиважнейшим государственным делом. Ведь благополучие Вождя означало благополучие всего народа. В том раю, который учредил для себя Сталин, Берия была отведена роль Верховного Охранника.

В 30-е годы генсек разъезжал на легковой автомашине марки «ЗИС-110»: семь мест, усиленный кузов, пуленепробиваемое стекло. Автомобиль был почти полностью скопирован с американского «бьюика», но оказался громоздким и потреблял столько горючего, что на одной международной выставке его зачислили в класс комфортабельных грузовиков.

Послевоенную модель «ЗИС-115» скопировали с американского «паккарда». Кузов изготовили из бронированной стали. Толщина двойных стенок достигала 30–40 миллиметров, пуленепробиваемых стекол — 80, причем каждое стекло открывалось своим гидравлическим домкратом, вмонтированным внутрь дверцы. Двойное дно, двойная крыша и особо усиленная задняя стенка. Общий вес стального чудища достигал 6,5 тонны против 2,5 тонны прежней. Мощность мотора доведена до 180 лошадиных сил (прежняя — 140).

Таких машин на Заводе имени Сталина выпустили 28. Они не должны были ничем отличаться от серийных «ЗИС-110» числом 2800. Все внешние атрибуты, все параметры до миллиметра совпадали с серийными. Сложная конфигурация ставила перед инженерами очень трудные задачи, но все горели желанием справиться с почетным заказом Вождя «на отлично». Пришлось только уменьшить число мест до

шести: сзади осталось два (в серийных три), еще два откидных и два впереди (одно из них для шофера). И все же точной копии не получилось. Поскольку значительно возросла нагрузка на колеса, пришлось увеличить их диаметр. Они были снабжены специальными камерами, более безопасными. Больше стал и радиатор.

Подобный агрегат не мог двигаться в общем уличном потоке: радиатор перегревался, вода в нем довольно скоро закипала. Бывший водитель персональной машины Лихачева рассказывал, что по дороге на стадион приходилось пять-шесть раз останавливаться.

В довоенную пору Сталин занимал место на заднем сиденье, меж двух дюжих охранников. Они прикрывали Хозяина своими телами сзади, сомкнув плечи. Позднее генсек занимал одно из откидных сидений, имея за спиной двух охранников на заднем сиденье. Да, трудно сыскать в истории человечества Диктатора, который столь бережно относился бы к собственной персоне, как Сталин. Из добрых побуждений, разумеется: что стало бы с народом без него?..

Мы не знаем, что по этому поводу думал маршал Жуков, но рассказ его об одной поездке с Генералиссимусом интересен.

«Стекла в машине вот такие. (Он показал пальцами толщину стекол.) Впереди сел начальник личной охраны Сталина. Сталин указал мне, чтобы я сел на заднее место. Я удивился. Ехали так: впереди начальник личной охраны — Власик, за ним — Сталин, за Сталиным — я. Я спросил потом Власика: «Почему он меня туда посадил?» — «А это он всегда так, чтобы, если будут спереди стрелять, — в меня попадут, а если сзади — в вас»[1].

Вождь имел обыкновение менять свой маршрут перед самым выездом из Кремля. На внутреннем дворе Большого театра дежурили скоростные машины с охранниками, которые по спецсвязи получали приказ присоединиться в указанном пункте к автоколонне. Охранники, ехавшие в первом эшелоне, естественно, конкурировали с агентами второго, но именно такая ситуация — соперничество при двойном контроле — и устраивала Хозяина более всего. Об этом свидетельствуют служащие его личной охраны.

На некоторых улицах было установлено постоянное дежурство специально подготовленных агентов. На чердаках, на верхних этажах арбатских домов сидели снайперы, готовые поразить любую подозрительную цель. Каждый квадратный метр старого Арбата был пристрелян сверху световыми лучами. Сталинские броневики предварительно испытывали боевыми пулеметами. Потом кузов реставрировали, заделывали вмятины. После этого бесстрашный генсек мог пользоваться своей машиной. Все 28 были разбросаны по стране: две — в Ленин-

граде, 20 — в Москве и на загородных дачах, остальные — в Крыму, на Северном Кавказе, в Сочи и в Закавказье.

Прошло время, и автопарк усопшего Диктатора свезли в Кремль, на подземный склад. Потом отправили машины на Завод имени Лихачева и разбили. Один из уцелевших монстров экспонируется ныне в Риге, в клубе любителей автомобильной старины, два — в Политехническом музее. Судьба четвертого автомобиля примечательна. Он был выкуплен у Советского правительства неким Потаповым. Летом 1990 года он решил продать его на Западе через австрийскую фирму «Шерц».

В Гори сохранился другой музейный экспонат — железнодорожный вагон. При жизни Диктатора его держали на станциях Кавказской железной дороги для поездок в Боржоми, Цхалтубо, Бакуриани. Длина его несколько уступала современному купированному вагону (21,6 против 23 метров), зато мощью и оборудованием он мог поразить воображение самого прихотливого генерала. Одетый в толстую броню стальной монстр весил 83 тонны. Шесть пар колес, снабженных уникальными рессорами, держали его на рельсах.

Представление о внутренней планировке дает схема. Для удобства примем за единицу площади одно купе. Итак, первое купе — кухня. Рядом — помещение для охраны. В третьем — спальня. Два следующих — кабинет. Во второй половине (шесть купе) — зал заседаний.

Интерьеры отделаны дубовыми и ореховыми панелями с инкрустациями в старокупеческом стиле. Зеркальное стекло, никель, бронза, позолота. В зале висели три хрустальные люстры. Тесно, конечно, зато шик какой... Вождь пользовался своим чудо-вагоном не чаще одного раза в три года.

Пристрастие к бронированным вагонам он проявил еще на заре Советской власти, в 18-м году. Всего один раз выехал Великий Полководец на Царицынский фронт. В бронепоезде. В единственном бронепоезде, снятом срочно для этой цели с позиций. Уже тогда Сталин относился к своей персоне как к государственной ценности. С годами животный страх Любимца Партии и Народа возрос неимоверно, и Берия научился виртуозно играть на этой струне.

После войны, когда генсек, теперь уже Генералиссимус, возобновил поездки на юг, Берия отряжал на его охрану целые армии. Из Москвы в Сочи отходили почти одновременно и вне расписания три поезда. Попробуй угадай, в каком едет венценосный Герой. Вдоль всей трассы дежурили тысячи сотрудников милиции и агентов госбезопасности. Они брали под свой контроль службу движения — от диспетчеров и дежурных по станциям до стрелочников. Со всех вокза-

лов убирали пассажиров. Засекретив движение поездов, Берия подвергал опасности жизнь путейцев и ремонтных рабочих.

В сентябре 1947 года Сталин избрал местом отдыха дачу на Холодной речке, под Гагра. Немедленно во всех санаториях и домах отдыха от Сочи до Сухуми разместили десятки тысяч бериевских агентов. Они заняли добрую половину мест. Оставшихся больных и отдыхающих подвергли строжайшей проверке. Все милицейские посты заняли московские сержанты и офицеры службы ГАИ. Повсюду шныряли агенты в штатском. Территорию сталинской дачи охранял особый полк войск МВД. Берия лично инспектировал эту грандиозную систему.

Но вот Сталин выехал домой (самолетам он свою жизнь не доверял), и в тот же день на станцию Адлер подали шесть железнодорожных составов, потом еще шесть. Специальные самолеты пошли на Москву. Армия профессиональных бездельников — сановных и рядовых — возвращалась в столицу.

Кремль

Здесь находились рабочий кабинет Сталина, зал заседаний Политбюро и его квартира. Система безопасности Кремля была тщательно продумана и отлажена еще до войны, в годы большого террора. История не знает ни одного случая покушения на жизнь генсека и его подручных на территории Кремля. Комендантом этой крепости служил Николай Спиридонов, его заместителем — Петр Косынкин. Последний скончался 15 февраля от инфаркта на Красной площади, когда нес урну с прахом Л. Мехлиса. Однако этот факт вряд ли имеет отношение к противоборству Берия и Сталина.

Кабинет

Кабинетом Сталина, а значит, и подступами к нему, ведал Александр Поскребышев. На первый взгляд его можно было принять за обыкновенного работника центрального аппарата, пусть опытного и авторитетного. Или за кербера, чей животный инстинкт безошибочно отличал нужных соратников от ненужных. И от обреченных. Поскребышев возглавлял личную канцелярию генсека и Особый сектор. Эти полуофициальные конторы, уставом партии не предусмотренные, функционировали уже не одно десятилетие при ЦК, точнее, над ним. И — что имело особое значение — над тайной службой. Ни Ежову, ни Ягоде, ни Берия они не были подвластны.

В системе личной безопасности Сталина Особый сектор занимал ключевую позицию. Он назначал и контролировал комендатуру и об-

служивающий персонал Кремля — от высших офицеров до сотрудников музеев и поваров. Окруженные людьми Особого сектора, члены Политбюро жили в своих покрытых сусальным золотом клетках подобно сытым кроликам в сарае рачительного хозяина. А генсек обезопасил себя дважды — от возможных покушений отчаявшихся партийцев и сотрудников государственной службы безопасности.

Так было заведено еще в начале 30-х, на взлете горийского хулигана к бессмертию.

Сам кремлевский кабинет генсека находился под бдительной охраной постоянно дежуривших у двери агентов. В их проходную комнату посетитель попадал через приемную, где стояли столы Поскребышева и — чуть в стороне — его заместителя. Обыску подвергали всех, за исключением нескольких особо доверенных лиц. Достижения техники тоже использовались. В годы войны диван в приемной был оборудован специальным электронным устройством.

Карьера Поскребышева началась довольно странно. В партию он вступил в 1917 году в двадцатишестилетнем возрасте. В эту пору люди его поколения уже имели стаж подпольной работы с царизмом. Прошлое его затемнено наспех сочиненными легендами о революционных постах, которые он занимал в Екатеринбурге, Туркестане, Златоусте, Уфе... Точно известно лишь, что он работал фельдшером на одном из горных заводов Урала, потом — в Органах ВЧК и вскоре переехал в Москву. В 22-м он уже служит в аппарате ГПУ, откуда его переводят в канцелярию генсека. Предстояла Александру Поскребышеву долгая, на три десятилетия, почетная вахта в предбаннике Вождя.

На даче

Охрана квартиры генсека, расположенной рядом со зданием бывших Судебных установлений, не представляла трудностей. Но чаще он обитал, особенно в последнее время, на своей даче в Кунцево, близ Москвы. Комендантом «Ближней», как ее называли, был генерал Власик. Сталин поставил его в конце 1938 года во главе охраны правительства (1-й отдел ГУГБ НКВД СССР). Полуграмотный, тупой служака щеголял в мундире генерал-лейтенанта и позволял себе поучать ответственных лиц, вплоть до министров.

Характеризуя Николая Сидоровича Власика как глупого и вельможного солдафона, Светлана Аллилуева сообщает о том, что отец вверил ему управление отрядами охраны всех дач — под Москвой и на юге[2].

Ближние и дальние подступы к кунцевской резиденции Сталина находились под круглосуточным наблюдением сотен вооруженных

агентов, готовых в любой момент отразить налет отряда лихих кавалеристов, усиленного ротой пулеметчиков. Такое могло случиться только в сказке, но в то сказочное время никто ничему не удивлялся. И высокие заборы с массивными стальными воротами, и скрытая кустами колючая проволока под электрическим током, и тройная проверка документов, и сложный порядок представления посетителей Хозяину — все казалось необходимым, естественным.

Попав на территорию дачи, автомашина совершала крутую петлю вокруг деревьев, скрывающих фасад здания. Кошачьей натуре генсека претили прямые ходы, и это тоже воспринималось как должное.

Но было одно обстоятельство, существенно отличавшее Кунцево от Кремля: подбор и назначение охранников и обслуживающего персонала дачи осуществлял не кто иной, как Берия. Сталин иногда капризничал: то ему надоела грузинская обслуга, то ему не нравились русские садовники...[3] Но Берия сумел сохранить свои командные позиции и в последней игре пустить этот козырь в ход.

Питание

Сталин опасался удара и с другой стороны. Он знал, кто отравил в 1936 году Нестора Лакобу. И кто отправил в мир иной бывшего советника Мао Цзэ-дуна Петра Владимирова. За Лаврентием Павловичем числились и другие химические опыты, да и сам генсек никогда не ограничивал себя в выборе средств.

По свидетельству Светланы Аллилуевой, все продукты питания — мясо, рыба, овощи, фрукты, хлеб, вино — подвергались лабораторному исследованию и поступали на кухню — каждый пакет в сопровождении акта, заверенного подписью токсиколога и круглой печатью. Такой же процедуре подвергались посылки, поступавшие сюда с Кавказа[4].

Хрущев вспоминает, с какой опаской генсек относился ко всему поданному на стол. Пытаясь сохранить достоинство, Вождь намекал на понравившееся ему блюдо, и тогда Хрущев или Микоян, самые безответные нахлебники, отведав просимого, предлагали ему[5].

Но в стане осатанелых пауков, собранных в кремлевской банке, бытовал еще один способ уничтожения ближнего — аэрозоли. «Иногда, — пишет Аллилуева, — доктор Дьяков появлялся у нас на квартире в Кремле со своими пробирками и брал пробу воздуха из всех комнат»[6].

Медицина

Медицинский персонал, стоявший на страже здоровья Вождя, подбирали прежде всего по признаку безусловной преданности. Лейб-

медики Сталина и членов Политбюро находились под неусыпным контролем Берия, так что вельможные пациенты могли чувствовать себя в двойной безопасности.

Лечебно-санитарное управление Кремля, позднее — Четвертое главное управление при Министерстве здравоохранения, располагало сетью поликлиник, аптек, больниц, санаториев для работников высшей номенклатуры, но и в этой закрытой системе для генсека и малых вождей были созданы особые условия.

Попробуем теперь представить себе графический образ сталинской крепости. По углам ее — четыре мощные сторожевые башни: личная охрана — Власик, канцелярия и Особый сектор — Поскребышев, лейб-медики и подручные.

Генерал Власик, помимо охранной службы, ведал хозяйством сталинской дачи. Вряд ли он осмелился бы утаить от Вождя деньги или ценные вещи. Однако удар последовал именно с этой стороны. Вездесущие Органы уличили его в присвоении фарфоровых сервизов, хрусталя, фотоаппаратов, а также — в серьезных упущениях по службе... Арестовали Власика 15 декабря 1952 года[7].

Дочь Власика рассказывала Молотову, что отец сразу же разгадал замысел Берия: он убирал преданных Хозяину людей. «Дни Сталина сочтены, ему мало жить осталось».

Вслед за Власиком удалось устранить Поскребышева, которого Сталин любезно называл «Главным». Для тех, кто общался с генсеком, он действительно был главным после него, ибо только Александр Николаевич в любое время дня знал, в каком расположении духа изволит пребывать Диктатор, кому он мирволит и кого собирается спустить с Олимпа.

Берия не утруждал себя разработкой новых видов провокаций. Начальник личной канцелярии генсека оказался виновен в утечке сверхсекретной информации. И уличил его сам Сталин.

Может быть, по тонкости исполнения эта акция стала наивысшим достижением шефа Органов кары и сыска.

И третью башню Сталин порушил сам. Большая группа кремлевских врачей, включая его лейб-медика Виноградова, уже три месяца томилась в тюрьме. Врачи успели чистосердечно признаться в террористических замыслах и шпионской деятельности и соответственно простились с жизнью.

Дезориентированный последними событиями Вождь натренированным нюхом почуял смертельную опасность и решил вовсе отказаться от врачебной помощи. Кого ему прикомандируют в этот раз? Кто будет контролировать действия новых врачей? Органы безопасности по-

спешили арестовать вместе с врачами-вредителями начальника Лечсанупра Кремля Егорова. Министра здравоохранения СССР Смирнова заменили новым человеком — Третьяковым.

Оставалась последняя опора — подручные. И от этой опоры Сталин отказывается сам, удалив от себя таких абсолютно преданных помощников, как Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович. Многоопытный дворцовый интриган утратил дар дальних расчетов. И твердость руки.

Сталин знает истинную цену Маленкову и Берия, догадывается о намерениях этой нечистой пары и все же... все же впускает их внутрь полуразрушенной крепости. Он надеется на то, что Хрущев с Булганиным сыграют роль противовеса, некоего сдерживающего начала. Он по-прежнему уверен в себе, но события уже вышли из-под его контроля. А Берия времени не теряет. С Александром Поскребышевым пришлось быть осторожным. Ожидая команды Хозяина, Берия не терпелось свести счеты с Главным. Но в сугубо партийной игре «казнить-миловать» Сталин верховодил сам. Здесь он никакой самостоятельности не терпел. Отыгрался товарищ Лаврентий на Власике, требуя от него показаний и на Поскребышева и на членов Президиума ЦК... Власик получил возможность узнать на себе, что же это значит — рекомендованные сталинским ЦК «физические методы воздействия». Начальника охраны генерал-лейтенанта Власика обвиняют в огромном перерасходе государственных средств, в незаконном хранении дома и на даче секретных карт, в разглашении служебных тайн... Более двадцати лет беспорочной службы Хозяину не в счет. Свыше двух лет тянулось следствие, Власик пережил и Сталина, и Берия, но пришлось все же признать свою вину полностью: быть может, самооговор спас ему жизнь. На суде он отказался от вымученных показаний, однако суд был милостив: 10 лет ссылки. Этот срок в соответствии с амнистией 1953 года был тотчас сокращен вдвое. Через два года Власик вернулся из Сибири в Москву и вскоре был реабилитирован. Это сделал по старой дружбе Ворошилов.

Четверка

Меж тем четверка продолжала исправно посещать Диктатора на даче. Глубоко ошибаются те, кто полагает, что все четверо представляли собой группу единомышленников. Уже в начале они разбились на пары, но и давно отработанный тандем Берия — Маленков в действительности не был тандемом. Профессиональный полицейский не мог делиться своими тайными планами с партфункционером. Что до этого простака Никиты и опереточного маршала Булганина, то кто же

их принимал всерьез? Боялись они Лаврентия Павловича до дрожи в печенках. И Маленков, которому генсек доверил ведение партийно-организационных дел, имел все основания опасаться своего слишком изворотливого партнера. Берия и не таких под себя подминал.

Его главенство в последней при жизни Сталина четверке соратничков было бесспорным. Как ни старался генсек изолировать товарища Лаврентия от Органов, он продолжал негласно командовать аппаратом насилия. Ни один член Политбюро не чувствовал себя в безопасности при нем. Надо также отдать должное незаурядной натуре Лаврентия Павловича. В той аморфной среде он резко выделялся волей к действию и решительным характером. Помноженные на отшлифованное временем коварство, эти черты сделали его безусловным лидером в канун исторической весны 1953 года.

В воспоминаниях Никиты Хрущева, иногда противоречивых, несуразных даже, встречаются свидетельства очевидца и участника событий, рисующие вполне достоверную картину. Его отношение к Берия было сложным, но одно он уловил сразу: шеф тайной службы, став фаворитом Сталина, приобрел огромную власть. И способен на все. Вот характерное признание Хрущева: «Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими.

— Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет занять Берия?

— Какой?

— Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допускать этого.

Булганин сказал, что он согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне должны делать. Я сказал, что поговорю обо всем этом с Маленковым»[8].

Четверка была лишь сколком бессмертного Политбюро. Члены его жили в постоянном ожидании подвоха со стороны коллег, но удар мог последовать и сверху...

Пресным такое существование не назовешь.

В этой обстановке выживали лишь самые покорные и осторожные блюдолизы. От нашей же четверки потребовалось нечто иное — мужество. Ибо настала пора действовать.

Как же свершился переворот? Сохранился рассказ Хрущева в передаче Аверелла Гарримана, бывшего посла США в Советском Союзе. Это первое по времени свидетельство Гарриман опубликовал в 1959 году.

В рассказе отсутствует главное — сведения о насильственной смерти Сталина и о плане заговора. Однако здесь Хрущев сообща-

ет некоторые подробности, опущенные в более поздних воспоминаниях:

«Он никому не верил, и никто из нас ему тоже не верил». Далее следует описание весело проведенного в обществе Вождя субботнего вечера. Поутру все четверо — Хрущев, Берия, Булганин, Маленков — разъехались. По воскресеньям Сталин обычно звонил им, обсуждал с четверкой предстоящие дела, но на этот раз он остался на даче и никого не вызывал. Лишь в понедельник вечером начальник охраны сообщил, что Сталин болен. Четверка немедленно отправилась в Кунцево. Они застали генсека в тяжелом состоянии. «Мы находились с ним три дня, но сознание к нему не возвращалось»[9].

В своих «Воспоминаниях» Хрущев не отходит от этой версии, он только приводит другие детали.

Четверо фаворитов провели вечер 28 февраля за обеденным столом на сталинской даче. Хозяин изрядно выпил, был в хорошем настроении, и соратники уехали от него поздней ночью, вернее, рано утром 1 марта.

Дальнейший ход событий восстановлен с детальной точностью, но не во всем.

Вечером 1 марта произошел удар, Сталин потерял сознание, упал с кровати, лишился дара речи. Охрана вызвала четверых приближенных, но они не задержались на даче и не позаботились о врачебной помощи[10]. Страшный поступок, но он легко объясним. Когда дежурный офицер доложил Берия, что товарищу Сталину стало совсем плохо и он уже хрипит, Лаврентий Павлович резко оборвал его: «Не поднимайте паники, он просто заснул и *храпит* во сне».

Эти сведения сообщил многолетний служащий личной охраны Вождя А.Т. Рыбин. Ему запомнились также тревожные телефонные звонки. Кто-то спрашивал Берия — не нужна ли врачебная помощь? Берия, грубо обругав звонившего, отвечал, что никто здесь в помощи не нуждается. Более тринадцати часов не вызывали врача к пораженному инсультом больному. И еще одна улика, изобличающая заговор. Когда вызванные с большим, точно рассчитанным опозданием врачи окружили больного, его вырвало. Присутствовавший при этом Булганин строго спросил — почему товарища Сталина рвет *кровью*?

То был явный симптом отравления. Вызванный на сталинскую дачу профессор А.Л. Мясников поведает позднее обо всем увиденном своему сыну[11].

Злоумышленнику надо было отвести от себя всякие подозрения, и вот через день после кончины Вождя в «Известиях» появляется такое сообщение: «Результаты патологоанатомического исследования полностью подтвердили диагноз. ...Установили необратимый характер

болезни И.В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход»[12].

Итак, для спасения жизни генсека с самого начала приняты все необходимые меры. Неусыпный контроль обеспечил правильное лечение, исключил всякие случайности, малейший намек на насильственную смерть неуместен, даже преступен.

Вот что угадывалось в тексте.

Следует упомянуть еще об одной важной детали. Как сообщили охранники, у «товарища Сталина» за год до смерти был первый инсульт, правда, в легкой форме. Однако после этого он стал волочить правую ногу...

Можно согласиться с выводом врачей относительно неизбежности рокового исхода, но при ином отношении Берия к Вождю такой исход врачи смогли бы отдалить. Что касается газетной информации, то она составляет весьма характерный фон.

В первом же правительственном сообщении, опубликованном в «Правде» 4 марта, говорится о «временном уходе» товарища Сталина от работы в связи с болезнью. И еще сказано, что удар случился у него якобы в ночь на 2 марта и не на даче, а в Москве. Одно место особо примечательно: «Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

Последовательность этих событий нереальна: констатировать явление паралича и утраты речи можно лишь ДО потери сознания. Оставив умирающего без врачебной помощи, авторы правительственного сообщения отказались от участия специалистов в составлении текста.

Не много ли лжи для небольшой публикации «Правды»?

...Врачи были вызваны к потерявшему сознание Сталину лишь 2 марта, с роковым опозданием в 13 часов. Пора было убедить детей тирана в том, что к его спасению принимаются самые энергичные меры. «Все суетились, спасая жизнь, которую уже нельзя было спасти». Светлане Аллилуевой запомнилась картина медицинского аврала, она не застала здесь знакомых врачей, кроме одной молодой женщины[13].

7 марта, через день после смерти Вождя, газеты публикуют текст заключения авторитетной медицинской комиссии в обновленном составе:

«Результаты патологоанатомического исследования полностью подтвердили диагноз, поставленный профессорами — врачами, лечившими И.В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И.В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные

меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход».

В последнем медицинском заключении, обнародованном 7 марта, сделан акцент на «необратимый характер болезни». В этой связи хотелось бы знать, каково было состояние здоровья Сталина накануне гибели. В последнее время он не жаловался на недомогание, лишь сон был у него тяжелым, но об этом мало кто знал. Доктор, пользовавший Сталина несколько лет, рассказывал бывшему редактору «Известий» И. Гронскому, когда тот в 1955 году вернулся из лагеря: «Во время сна Сталин вскакивал с постели, кричал дико, кошмары буквально душили его. Не дай Бог никому видеть то, что мне довелось наблюдать...»

Аллилуева упоминает о совершенных отцом жестокостях: «...память об этом не давала ему спать спокойно». Но, вспоминает дочь, Сталин пользовался очень крепким здоровьем, «сердце, легкие, печень были в отличном состоянии»[14].

Посол Индии К. Менон, посетивший Сталина 17 февраля, то есть за десять дней до внезапного удара, нашел Диктатора в полном здравии.

Ему вторит Хрущев, видевшийся с Хозяином за несколько часов до несчастья: «Не было никаких признаков какого-нибудь физического недомогания»[15].

Некоторые историки склонны видеть сына Сталина в роли свидетеля, изобличающего заговорщиков. Вызванный 2 марта на кунцевскую дачу, он «разносил врачей, кричал: «Отца убили... убивают»[16].

А. Авторханов, со свойственной ему обстоятельностью исследовавший историю мартовского дворцового переворота, приводит шесть версий. Две из них — И. Эренбурга (1956) и П. Пономаренко (1957) — явно инспирированы тайной службой. В основе трех других лежат воспоминания Н. Хрущева. В последней он выведен на сцену в роли инициатора и главаря заговора[17].

Кому-то нужна такая легенда...

Сам Хрущев утверждает, что в смерти Сталина был заинтересован только один человек — Лаврентий Берия. Это вполне согласуется с воспоминаниями Аллилуевой о последних часах жизни отца.

Берия «был возбужден до крайности. Лицо его то и дело искажалось от распиравших его страстей... Он подходил к постели больного и подолгу всматривался в лицо больного — отец иногда открывал глаза... Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза»[18].

Хрущеву, Булганину невмоготу стало существование под жестокой сталинской дланью. По-человечески их колебания понять можно.

Только были ли они, были ли соратнички Сталина — новые и старые — людьми?

А Берия, чем этот палач лучше т о г о?

Мы упомянули о мужестве, столь необходимом в таком рискованном деле, как устранение тирана. Можно подумать, что проявил его в полной мере только один Берия. Но ведь то было мужество отчаяния. Крыса, загнанная в угол, способна броситься на кошку...

Мужество Хрущева, поднявшегося потом против Берия, того же свойства. Все они, подручные Сталина, были органичными трусами. Мужчин в своем хозяйстве генсек не терпел.

И все же о Маленкове, Хрущеве и Булганине нельзя сказать, что они стояли в стороне. Они не остановили убийцу. Вместе с ним обманывали народ относительно болезни и смерти Вождя. Но других вариантов не существовало. Предстоял дележ власти, а за спиной чудилось горячее дыхание старших соратников устраненного.

Аллилуева дает нам в руки еще одно важное свидетельство против Берия:

«А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где все стояли молча вокруг, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталев! Машину!»[19]

...Некогда скорбеть о кончине Диктатора. Да и к чему? Некогда делить власть, ее надо брать. Куда он так спешил? Уж не в кабинет ли Сталина, к секретному сейфу? На Лубянке он без помех овладел центральным аппаратом на правах — впервые — полновластного хозяина.

В Тбилиси экстренно отправлен специальный поезд с отборными оперативниками. Задание — вызволить из тюрем брошенных туда по приказу Сталина руководителей («Мингрельское дело»). И арестовать всех фаворитов генсека. Возглавить эту освободительно-карательную операцию Берия поручил своему испытанному помощнику Владимиру Деканозову, палачу без страха и упрека.

Новая жизнь — новые заботы. Надо замести следы преступления. Лишних свидетелей оказалось много, прежде всего — среди охранников Ближней дачи. Офицеров Берия отправил в отдаленные районы страны. Двое во избежание худшего успели застрелиться.

Обслуживающему персоналу — а там водились даже генералы — Берия приказал убраться вон. Это происходило, как с прискорбием отмечает дочь, на второй день после похорон ее отца.

«Совершенно растерянные, ничего не понимающие люди, собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили все со слезами на грузовики — все куда-то увозилось, на какие-то склады... Людей, прослуживших здесь по десять — пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу»[20].

Да а мебель-то, мебель, зачем было вывозить? И книги. Здесь ведь можно, нет, до́лжно музей открыть. И ходили бы к Святому Месту паломники, как ныне посещают Гори, родину Отца Народов. И то позорное место под Кремлевской стеной, где Он схоронен.

Что же, и ходили бы. Если б не Берия.

Единственное, пусть невольно сотворенное злодеем благо. Зачтется ли оно ему?

Смерть Сталина сопровождал торжественный дивертисмент, разыгранный на Красной площади в день похорон 9 марта. Первым выступил Маленков, за ним — Берия.

«Трудно выразить словами чувство великой скорби...» Что правда, то правда: ему, убравшему с пути генсека, очень трудно.

Сколько фальшивых ролей сыграно на этих подмостках, сколько лживых речей произнесено...

«Не стало Сталина — великого соратника и продолжателя дела Ленина... Мудрое руководство Великого Сталина... Неутолима боль в наших сердцах, неимоверно тяжела утрата...»

Речь полна дежурных фраз, но вот наследник вспомнил о своей профессии: «Теперь мы должны еще более усилить свою бдительность».

Поток трескучих призывов кажется нескончаемым, однако ритуал определен во времени, следует кода: «...неизменно хранить верность идеям марксизма-ленинизма и, следуя заветам Ленина и Сталина, привести страну к социализму и коммунизму»[21].

Этому предсказанию не суждено было сбыться по не зависящим от Берия обстоятельствам. А его участие в устранении Вождя до сих пор вызывает споры. Но в ходе судебного расследования, если бы оно состоялось при жизни заговорщиков, можно было бы легко обойтись без личных признаний Лаврентия Берия и соучастников. Вполне хватило бы косвенных улик. Иосифа Сталина устранил его верный соратник товарищ Лаврентий. А детали убийства — какие химические средства, когда и кем были применены — эти сведения сгорели вместе с ним в печи московского крематория в декабре 1953 года.

ГЛАВА 15

КОНЕЦ ПАПЫ МАЛОГО

У власти

Политический тандем Берия — Маленков приобрел после смерти Сталина силу решающую, необоримую. Молотов, долгие годы занимавший вторую, вслед за Сталиным, позицию, был им же дискредитирован. Успел-таки, радетель. Оставались Каганович, Микоян, Ворошилов, Булганин, Хрущев… Их Берия никогда всерьез не принимал: объединиться они не могли. Умом, мужеством не блистали.

Сценку образования правительственного кабинета Берия с Маленковым разыграли в бодром темпе. Сначала Берия выдвинул кандидатуру Георгия Максимилиановича на пост главы Совета Министров, затем тот назвал Лаврентия Павловича своим первым заместителем, вернее — первейшим. Президиум ЦК, предложенный этой нечистой парой, фактически дублировал состав верхушки правительства. Смещая министра ГБ Игнатьева, Берия предложил ему весьма зыбкую должность секретаря ЦК и вскоре же убрал его вовсе из центрального аппарата. Подобная тактика в отношении неугодных лиц стала в чертогах верховной власти традиционной.

За долгие годы сталинской диктатуры партия, да и весь народ, привыкли смотреть на генерального (первого) секретаря как на Вождя, наделенного абсолютной властью. Отдать этот пост Маленкову или же занять его самому — значило бы обнаружить свои истинные намерения. Выдвигая секретарем ЦК Никиту Хрущева, Берия, как ему казалось, обрел в этой опасной политической игре надежную ширму. Оставалась еще одна забота — приобретение популярности. В

1938–1939 годах Сталин помог ему разыграть спектакль, в котором на долю Ежова выпала роль злодея, Берия же выступил в образе доброго дяди. Этот опыт оказался кстати: новый шеф Министерства внутренних дел — после слияния с МГБ — предложил коллегам по управлению страной объявить амнистию заключенным. Следующий ход — реабилитация группы «врачей-убийц». Об этом сообщила 4 апреля «Правда». «В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу врачи... были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия».

Козлом отпущения оказался этот ротозей Игнатьев.

Ну а главный виновник провокации, тот, кто дирижировал незаконными действиями Игнатьева? Свидетельствует Константин Симонов:

«Вскоре после сообщения о фальсификации «дела врачей» членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с «врачами-убийцами», с показаниями арестованного начальника следственной части бывшего Министерства государственной безопасности Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее и тому подобное. Были там показания и других лиц, всякий раз связанные непосредственно с ролью Сталина в этом деле. Были записи разговоров со Сталиным на эту же тему»[1].

Все документы, представленные на обозрение товарищем Берия, были доступны цекистам в течение недели. Войдя в роль записного правдолюбца и либерала, Лаврентий Павлович предложил однажды на заседании Президиума установить предельный срок наказания в 10 лет вместо прежних 20. Однако, как справедливо заметил Хрущев, столь гуманная на первый взгляд мера не имела на практике реального значения: десятилетний срок можно было повторять и повторять вновь — как в лагере, так и в тюрьме. В духе устоявшейся традиции. Кстати, убедиться в том, что «новаторство» Берия было всего лишь игрой, можно было уже на следующем заседании. Там он предложил установить жесткий контроль своих Органов над всеми отбывшими срок заключения, то есть поселять их в районах, назначаемых функционерами МВД. Было уже такое. Вспомним год 1948, репрессивную инициативу Вячеслава Молотова. Тогда, при Сталине, миллионы не-

винно пострадавших обрекли на бессрочную ссылку. Ныне же предложение главного надзирателя не прошло.

Эта маленькая неудача не отразилась на здоровом оптимизме Берия. Осуществив свою многоходовую комбинацию, он мог уже подсчитывать политические дивиденды. Итак, публика убедилась в редкой принципиальности нового лидера, в его гуманности. Теперь с бесправием и репрессиями покончено раз и навсегда. На страже закона стоит несгибаемый ленинец товарищ Лаврентий...

То была ширма, ей надлежало прикрыть тайный замысел — установление диктата Органов кары и сыска над партией и правительством. Еще в декабре 1952 года Сталин провел через ЦК директиву всем партийным организациям — поставить под свой контроль деятельность подразделений МГБ. ЦК предлагал осуществлять этот контроль в Центре и на местах систематически, постоянно. Игнорируя эту директиву, Берия решил действовать в обход ЦК. Прежде всего он установил режим слежки за всеми членами Президиума, внедрил осведомителей в центральный аппарат. На тайной службе состоял один из секретарей ЦК Мельников. Охрана малых вождей информировала шефа Лубянки об их передвижении и встречах.

В апреле 53-го министр внутренних дел Украины П.Я. Мешик дал директиву начальнику управления Львовской области — выявить недостатки в работе партийных Органов и донести о них по инстанции. Строкач, верный сталинским указаниям, связался с Киевом и выразил министру недоумение по этому поводу. Мешик обругал начальника и добавил, что выполняет секретное указание товарища Берия. Но Строкач заупрямился, он доложил о странной директиве секретарю обкома Сердюку. На июльском (1953) пленуме ЦК Георгий Маленков зачитал письмо Строкача.

«...В тот же день вечером мне во Львов позвонил т. Берия — ...Зачем Вы пошли в обком партии?! Вы подставляете ножку т. Мешику. Мы Вас выгоним из Органов, арестуем и сгноим в лагерях, мы Вас сотрем в порошок, в лагерную пыль!»[2]

Как отметил на июльском пленуме председатель Совета Министров, бериевская директива была спущена всем местным управлениям.

Экономические воззрения Берия давно уже не соответствовали топорной политике Сталина, особенно в области сельского хозяйства. Лаврентий Берия, с его гибким умом, никак не мог быть причислен к окаменелым догматикам.

Один известный дипломат, близко знавший Сталина, поведал своему другу о случайном признании Диктатора, которое он сделал незадолго до кончины. «В Германии, — сказал Сталин, — надо сохранить

фермерское хозяйство. Только оно способно решить продовольственную проблему».

Слова... На излете преступной жизни Диктатор продолжал, как встарь, свою вредоносную аграрную политику. Колхозам отказано в приобретении сельхозмашин у МТС. Один за другим закрывались сельские рынки. Ставка — на натуральный обмен между колхозами и промышленными предприятиями[3].

В феврале, за месяц до смерти, Сталин предложил увеличить налоги в деревне на немыслимую сумму в 40 миллиардов рублей, в то время как доходы всех взятых вместе колхозов составляли чуть больше этой суммы. Берия понимал, что эта установка ошибочна, если можно именовать ошибкой продолжение деревенского погрома. Понимал и делал, что велят. Как делал в свое время в Грузии, да и во всем Закавказье.

После смерти Хозяина Берия, уже не таясь, заметил по поводу тотальной коллективизации и обнищания деревни: «Тут Старик явно перемудрил...» Хрущев, который после марта 53-го позволял себе кое-какие упреки в адрес усопшего Хозяина, сам был весьма склонен к реформаторству. В 50-м, например, он выдвинул план укрепления колхозов. Берия составил тогда вместе с Маленковым пусть скрытую, но довольно твердую оппозицию новациям Хрущева, предпочитая действовать через подставных лиц. Верный ему первый секретарь ЦК партии Азербайджана Багиров в мае 51-го высказал сомнение в пользе этой поспешно и непродуманно проведенной кампании[4].

Тогда же Хрущев выдвинул план генерального переустройства деревни. Этот неуемный прожектер предложил вместо деревень воздвигнуть агрогорода. План был раскритикован на XIX съезде, в октябре 52-го, Маленковым. Еще раньше против него высказались секретари ЦК компартий Азербайджана и Армении - Багиров и Арутюнов, доверенные помощники Берия[5]. Сам он, будучи в тесном контакте с Маленковым, воздерживался от публичной критики, оставляя за собой простор для политического маневра. Смерть Сталина развязала руки. В начале июня в Восточной Германии была опубликована программа экономического возрождения страны. Всем крестьянам, включая зажиточных (гроссбауэров), а также ремесленникам и торговцам предоставлялась свобода деятельности. Кроме того, были сняты ограничения, мешавшие прежде нормальному существованию интеллигенции и духовенства. Осуществление этой либеральной программы началось под контролем министра госбезопасности Цайссера, ставленника Берия.

Все энергичнее вживаясь в роль нового Диктатора, Берия дает установку председателю Совета Министров Венгрии, Матьяшу Ракo-

ши, отказаться от кооперирования сельского хозяйства. Ракоши позвонил Молотову и передал сказанное товарищем Лаврентием Павловичем. «Все это выдумки Старика. Не увлекайтесь колхозами, мы сами будем отказываться от этого ошибочного пути»[6].

Берия выступил инициатором пересмотра национальной политики. В одном из своих докладов на Президиуме ЦК он предложил ставить отныне на руководящие посты в республиках и автономных областях только представителей местных национальностей. Замена «русских вождей» началась сразу же на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. Центральным комитетам национальных республик была спущена бериевская директива о переводе делопроизводства на местный язык. Тяжелые времена настали для служивого люда, не владевшего никаким языком, кроме русского. Зато заметно возросла популярность Берия.

В мае он составил записки о работе бывших Органов МГБ Литвы и Украины — с критикой национальной политики и осуждением массовых репрессий. Одобренные Президиумом ЦК записки были затем разосланы на места. После ареста Берия цекисты спохватились. Как доложил на июльском Пленуме первый секретарь КП Украины Кириченко, Берия употребил такие выражения, дословно: «западноукраинская интеллигенция», «русаки», «русификация»... То есть назвал вещи своими именами. Теперь это зазвучало крамолой... И уж вовсе крамольной оказалась установка Берия на ограничение диктаторских функций ЦК. Отвечая на запрос все того же М. Ракоши, Берия указал, что все вопросы текущей политики должен решать Совмин, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой. «Разве это марксистско-ленинский взгляд на партию?» — риторически вопрошает Хрущев.

Во внешней политике Берия опередил свое время почти на сорок лет. Как известно, Сталин сделал все для того, чтобы порвать нормальные отношения с Югославией и ошельмовать Иосипа Тито. Берия осмелился ревизовать гениальные предначертания, он заготовил письмо руководителям Югославии с целью восстановить дружественные отношения. Докладывая об этом на июльском пленуме ЦК, Молотов не преминул добавить, что «с проектом письма в кармане Берия был арестован как предатель».

Что касается предложения Берия объединить Западную и Восточную Германию «как буржуазное миролюбивое государство», то Молотов назвал это позднее вражеской вылазкой.

Позицию Берия в отношении ГДР он вполне проясняет в своих воспоминаниях. В проекте МИДа первоначально значилось: «Не проводить форсированную политику строительства социализма». Берия

предложил исключить слово «форсированную». Получилось: «Не проводить политику строительства социализма». На заседании Президиума ЦК он заявил: «Нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или не будет, нам все равно». Голоса разделились. Сам Молотов, верный оруженосец Сталина, настаивал на своем, найдя союзника в лице Хрущева. Председательствовавший на заседании Маленков отмалчивался. Наконец, дабы не затягивать спора, решили создать комиссию в составе Маленкова, Берия и Молотова. После заседания Берия с Маленковым пытались склонить на свою сторону Хрущева, но тот не сумел отказаться от привычного стереотипа. Вечером Берия позвонил Молотову:

— Не надо социализма в Германии!

— Нет, я буду стоять на своем...

— Ну, черт с тобой, давай не будем собираться, я согласен с твоим предложением.

— А Маленков как? — поинтересовался Молотов.

— С ним я уже договорился[7].

Сталинскую политику насаждения социализма в сопредельных странах — и не только там — Молотов принял умом своим куцым и ущербным сердцем. И он вполне искренне полагал, что Берия, препятствуя устроению социализма на оккупированной земле, оказывает неоценимую услугу империалистам.

Итоги подвела «Правда» 10 июля 1953 года:

«...Берия был тем, кто из правящей верхушки диктатуры раньше других и последовательнее других стал на позицию «длительной» — «всерьез и надолго» — «передышки» как в области политики внутренней, так и особенно, во внешней. **Как** далеко он шел, судить трудно, но несомненно, что именно им было продиктовано то изменение в политике советской зоны в Германии, к проведению которой Политбюро немецкой компартии приступило в конце мая 1953 года, равным образом, **как** именно им было получено согласие китайских коммунистов на мир в Корее и согласие коммунистов Индо-Китая на уход из Лаоса той же весной. Именно в этих актах Берия его коллеги по «коллективному руководству» обнаружили стремление к замене политики, выработанной партией за многие годы, капитулянтской политикой, которая привела бы в конечном счете к реставрации капитализма».

Иные историки пытаются определить идейные позиции Берия. Напрасный труд. Он был изначально и до последнего часа жизни беспринципен. Попытки реформировать экономику и политику правительства были продиктованы простой необходимостью. При этом, карьеры ради, он не гнушался трескучей коммунистической ритори-

ки, подражая Усопшему и малым вождям. Но более всего благоприобретенный цинизм товарища Лаврентия проявился в организации массовых репрессий.

В начале 52-го арестовали основателя ракетостроительной отрасли генерал-майора Льва Робертовича Гонора. С этакой фамилией его должны были забрать гораздо раньше. Со всеми орденами и званием лауреата Сталинской премии. Через три недели после кончины Вождя Гонора вызвал к себе Берия.

— Лаврентий Павлович, — начал арестант, — я член партии, искренний патриот, и вот сижу в тюрьме...

— Ничего особенного, — ответил Берия, — я тоже сидел в тюрьме.

— Но вы сидели в царской тюрьме, а я — в советской.

— Какая разница! — отмахнулся Берия.

На заседаниях Президиума ЦК никто не осмеливался противоречить Лаврентию Павловичу. Но вот Хрущев решил подбить на решительные действия Маленкова.

Хрущев: Пришло время сопротивляться. Ты видишь — позиция Берия носит антипартийный характер.

Маленков: Ты хочешь, чтобы я один выступил против него? Этого я не стану делать.

Хрущев: Почему ты один? Есть ты и я. Нас уже двое. Уверен, что и Булганин согласится. Я разговаривал с ним несколько раз об этом. Уверен, что и другие присоединятся, если мы будем твердо держать партийную линию. Как только Берия внесет предложение, ты тут же поддерживаешь его: «Отлично, товарищ Берия. Хорошее предложение. Я — за него. Кто-нибудь против?»

...В конце концов они договорились, провели несколько репетиций. «Только тогда, — заключает Хрущев, — Маленков уверовал в возможность применения партийных методов в борьбе с неправильными, вредными для партии и страны предложениями Берия»[8].

Однако его «либерализм» преследовал отнюдь не гуманные цели. Этот устойчивый циник ясно представлял себе, какой преступный режим охранял столько лет. Кардинальные реформы в Восточной Германии и в своей стране Берия задумал не из сострадания к распятому народу и не из любви к родине. Он хотел вывести страну из тупика, в который завел ее Сталин, и потом уже править государством без помех[9].

Многим тогда товарищ Лаврентий запомнился энергичным организатором, разносторонним государственным деятелем. У себя на родине, в Закавказье, он директивно руководил кампаниями сбора хлопка и цитрусовых, театральной жизнью и литературой, а также борьбой с контрреволюцией. В Москве он снова сражался на передовом рубеже,

в годы войны показал себя стойким соратником товарища Сталина. А кто, кроме Лаврентия Павловича, сумел бы в столь сжатые сроки организовать и наладить производство атомного оружия? Ныне он неутомимо прокладывает новые пути.

Каков парадокс: сталинский фаворит, профессиональный палач начал осуществлять разумную политику вопреки партфункционерам, лишенным не то что государственного ума — обыкновенного здравого смысла. Но у них хватило хитрости, чтобы обезвредить его, и тупости — повернуть историю вспять[10].

Опасные планы

Странная ситуация сложилась на верхних ступенях власти. Хрущев, занявший пост секретаря ЦК, не был признанным лидером. Здесь все решали Берия с Маленковым. Прежние фавориты Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян — не могли противостоять могущественному тандему и подкрепить позиции Никиты Хрущева. Да и не хотели. Кабинетные интриганы, многоопытные карьеристы, они никогда не доверяли друг другу, ревниво следили за каждым шагом соперника. Их ничто не объединяло. Впрочем, общее у них было — жажда власти и страх утраты власти. У Берия был верный, как он думал, помощник — Маленков, с его богатым опытом и прочными связями в центральном аппарате. Берия опирался на всесильные Органы и мог уповать на разрозненность членов Президиума. Кто может ему противостоять?

В Президиуме установилось некое зыбкое равновесие сил. Кто нарушит его первым? Опираясь на партийный аппарат, на многолетнюю традицию, Хрущев мог добиться от функционеров — в Центре и на местах — беспрекословного повиновения. Но он не смел. А Берия начал действовать. Напустив на себя вид радушного хозяина, он пригласил членов Президиума ЦК на Черноморское побережье. Почему бы им не проводить время отпусков в солнечном Сухуми? Будучи дипломированным техником-архитектором, Берия мог со знанием дела предложить коллегам по управлению государством проекты дач. Он демонстрировал чертежи один другого соблазнительнее — целый альбом. Уговаривая товарищей, Лаврентий Павлович становился порой назойливым, и это настораживало. Все же ему удалось пятерых убедить, и в мае на окраине Сухуми началось строительство первых дач[11].

Собрать всех осенью у моря и там «изолировать» — не этот ли план лелеял неугомонный властелин?..

В мае киевский сослуживец Хрущева Тимофей Строкач привез тревожную весть: Органы внутренних дел Украины получили секрет-

ный циркуляр из Москвы о мобилизации всех сил и переходе на режим боевой готовности.

Природа наградила Никиту Сергеевича могучим инстинктом самосохранения. Вызвав под благовидным предлогом кое-кого из провинции, он установил, что секретный циркуляр послан не только на Украину. Сколько лет жил он, партийный секретарь, под Сталиным, дрожа и пресмыкаясь, на положении не то шута, не то лакея. Теперь вот — Берия...

Но как проникнуть в его планы? И, будто сжалившись над незадачливым партвождем, судьба послала ему двух перебежчиков из лагеря противника. Заместители министра внутренних дел Иван Серов и Сергей Круглов, взвесив шансы своего шефа — а весами они располагали точными, — решили выдать его с головой. Они доложили Никите Сергеевичу все, что знали о намерениях Берия, обрисовали оперативный план вооруженного путча, диспозицию частей, назвали имена заговорщиков. В уголовном мире это называется «заложить со всем бутером».

Хрущев с уважением относился к Круглову, что же до Серова, то с ним у него сложились дружеские отношения в годы совместной службы на Украине. Где ему было знать, что, сложись обстоятельства иначе, подручные Берия вырезали бы вместе с ним весь пестрый курятник, то бишь сталинское Политбюро. И если два генерала положили за благо изменить сегодня дорогому Лаврентию Павловичу, то они имели в виду лишь свое личное благо. Захватив абсолютную власть, что сделает с ними Берия? Верные ему кавказцы, все эти кобуловы-декановы, уже точат кинжалы... В подобных рассуждениях был свой уголовный резон.

Хрущев решается

Перед ним встала альтернатива: ударить немедленно, опередив заговорщиков, или уйти в тень, отказаться от борьбы, от всего. Отдадим должное отваге Никиты Хрущева. Он выбрал действие.

Первым делом надо было собрать в кулак членов Президиума ЦК — решить самую трудную задачу. Как он сам впоследствии рассказывал, ни один из бывших подручных Сталина не мог стать надежным партнером. Сказывалась многолетняя селекция. Молотов — «тот еще тип» (подлинное выражение Хрущева). Маленков — близкий друг Лаврентия Берия. Ворошилов — трус и подхалим. Каганович — никогда не знаешь, куда он повернет, к кому примкнет в последний момент, Лазарь-лицедей. Можно положиться на Булганина, но как он поведет себя в случае отказа остальных?

Хрущев знал, конечно, что служба постоянного подслушивания охватывает не только кабинеты членов ЦК и Президиум; ее щупальца проникли в квартиры, на дачи, в личные авто.

Он начал с Николая Булганина, министра обороны. Только армия способна сломить дивизии охранников. С Булганиным Хрущев сошелся еще в последние годы жизни Сталина, вместе терпели унижения от Берия, вместе решили держаться теперь. Разговаривали на даче, в саду. С Анастасом Микояном Хрущев выехал за город в одной машине, оставил авто на шоссе и совершил с ним ответственную прогулку вдоль лесной опушки. Микоян юлил: «Я знаю Лаврентия Павловича с 1919 года, на моих глазах он вырос в крупного партийного работника, нельзя же вот так вдруг убирать заслуженного деятеля... Пусть ему укажут на ошибки... Он учтет товарищескую критику...» Пришлось Хрущеву назначить с Микояном еще одну встречу.

Переговоры с Молотовым прошли, против ожидания, гладко. За несколько дней до поездки с Хрущевым за город служба ГБ, не уведомив Вячеслава Михайловича, сменила его личную охрану. Молотов давно с тревогой и подозрением присматривался к опасным интриганам. Они оттеснили его на второй, нет, на самый задний план и теперь готовят нечто худшее. Он был неколебимо туп, многолетний сподвижник Сталина, но инстинктом самосохранения природа его тоже не обделила.

Обещав свою безусловную поддержку Хрущеву, Молотов предполагал, что тот одним ударом покончит и с Берия, и с Маленковым. Но Никита Сергеевич надеялся разорвать прочный тандем. Да и так ли уж прочен он был? Разве Маленкову наравне со всеми не грозила скорая расправа?

Хрущев опасался решительного разговора с Маленковым: вдруг выдаст с головой? Но лишь только он приступил к этому щекотливому делу, как Маленков сразу же принял сторону большинства. В тот же день Хрущев отправился на Воздвиженку. Председатель Президиума Верховного Совета не ожидал такого поворота событий.

— Что вы мне предлагаете? Товарищ Берия — замечательный ленинец! Я всегда уважал Лаврентия Павловича, и никто меня не переубедит!

— Да не вопи ты, ради Бога, — остановил его Хрущев. — Здесь никого нет, кроме нас с тобой. Ты же ничего не знаешь, с нами все члены Президиума. Если мы не примем экстренных мер, он передушит нас поодиночке, неужели не понятно?..

Но маршал трусил.

Лазарь Каганович недалеко ушел от Ворошилова. Пришлось Хрущеву выложить ему все козыри: Маленков, Молотов, Булганин, Сабуров

уже сказали «да». Дав наконец свое согласие, Каганович спросил о Ворошилове. Хрущев повторил сказанное маршалом. Каганович возмутился: «Старый сукин сын! Он вам врал, он говорил мне, что не выносит Берия, что он очень опасен, что он может уничтожить всех нас...»

Хрущев решил еще раз испытать Ворошилова и послал к нему Маленкова. Когда тот выложил ему конкретный план действий, Ворошилов обнял его и заплакал...[12]

Как только было достигнуто единство, Булганин с Жуковым приступили к мобилизации сил. Но как создать мощную боевую группу войск на подступах к Москве и в самой столице скрытно от агентов Берия?

Артемьев, командующий войсками МВО, — верный слуга Берия. Ранее он командовал дивизией внутренних войск МВД. Первым делом министр обороны удалил его из Москвы под благовидным предлогом на летние маневры — они уже начались в районе Смоленска.

В середине мая начались волнения в Берлине, забастовали рабочие. Президиум ЦК решил направить туда Лаврентия Берия, подкрепив своего посланца группой военных. В отсутствие Берия Маленков, Булганин и Хрущев намеревались созвать узкое совещание и обсудить конкретные меры по устранению могущественного министра. Кто-то успел уведомить Берия о том, что на 20 мая намечено заседание Президиума. Берия тотчас позвонил:

— Что вы там собираетесь делать? Какая повестка дня?

— Обычное заседание, обсудим вопросы сельского хозяйства, — ответил Хрущев.

— С чего бы это? Пришлите мне все материалы.

Пришлось срочно референтам готовить соответствующие документы и отправлять в Берлин. На другой день звонит опять Берия:

— А почему нет секретаря ЦК по сельскому хозяйству, почему нет министра? Что вы там дурака валяете?! Я вылетаю.

Он прибыл в Москву в канун заседания, и нашим заговорщикам пришлось разыгрывать сцену натурального обсуждения сельскохозяйственных проблем. Задуманную операцию пришлось отложить, тем более что не все было готово. Особые опасения вызывала позиция одного из старейших подручных Сталина, Анастаса Микояна. С ним Хрущеву пришлось беседовать дважды. По всему было видно, что Микоян готов присоединиться к большинству, но останется ли он верен своему слову? Да и Ворошилов... Вдруг еще кто-нибудь проявит малодушие в последнюю минуту?

Меж тем обстановка явно накалялась. Интересные детали содержатся в воспоминаниях участников событий, особенно маршала Коне-

ва — в пересказе поэта Александра Твардовского и дочери маршала Майи Ивановны.

До Маленкова и Булганина дошли сведения о тайном формировании в районе Минского шоссе, близ Москвы, десантной дивизии. Эти данные поступили также к маршалу Жукову по линии ГРУ.

В начале июня стало известно, что Берия под каким-то предлогом собрал из разных областей страны партийных работников (400 человек) на краткосрочные курсы. Около половины курсантов прибыли из республик Закавказья. Им выдали пистолеты и предупредили о возможности вызова в Кремль.

Под Москвой дислоцировалась дивизия корпуса внутренних войск имени маршала Берия. Один из верных ему полков размещался в Лефортовских казармах.

Арест

День ареста Берия назначен на 26 июня. Как только он явится на заседание в Кремль, будут подняты по боевой тревоге все военные академии и в столицу войдут особо надежные дивизии.

Всех членов Президиума известили о предстоящем заседании, но только трое — Маленков, Булганин и сам Хрущев — знали, каков общий план операции. И еще одного человека посвятили во все детали — маршала Жукова. Но он был лишь кандидатом в члены ЦК.

И вот он настал, этот день. Комендант Кремля генерал Веденин вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын. Училище имени Верховного Совета РСФСР было поднято в ружье, Кремль буквально наводнен войсками.

26 июня 1953 года. В этот день ровно в час Никита Хрущев вызвал вновь назначенного Московским районом ПВО генерал-полковника Кирилла Семеновича Москаленко.

— У тебя есть верные люди? Такие люди, которым ты доверяешь, как самому себе?

— Найдутся, Никита Сергеевич.

— Возьми с собой четырех человек. И пусть прихватят сигары.

— Какие сигары?

— Ты что, забыл, как это называлось на фронте?

Генерал вспомнил. Хрущев имел в виду револьверы.

— Во дворе Генерального штаба тебя с людьми будет ждать Булганин. Поторопись.

Москаленко тотчас вызвал офицера для поручений Виктора Ивановича Юферова и сообщил о задании Хрущева. Он спросил подполковника:

— Как ты думаешь, можно положиться на Батицкого?

Начальника Главного штаба ВВС Юферов знал как надежного человека, боевого генерала. Он добавил, что можно также вполне положиться на Алексея Ивановича Баксова, начальника штаба Московского района ПВО.

— Кого бы нам еще прихватить? — спросил Москаленко.

Юферов назвал Ивана Григорьевича Зуба, начальника Политуправления. Москаленко вызвал Батицкого и Баксова. Зуб оказался дома, он обедал. Решили заехать за полковником по дороге.

В машине Москаленко предложил предупредить Зуба по телефону. Остановились около магазина «Динамо», и Юферов с папкой в руках вышел из авто. Он позвонил на квартиру Зуба из кабинета директора магазина. Позднее, когда все было кончено, Москаленко признался, что, пока Юферов находился в магазине, он перетрусил: а вдруг операция сорвется и всех накроют?..

Полковник Зуб жил на улице Валовой, рядом с Павелецким вокзалом. Он уже стоял у подъезда своего дома. Поехали впятером, не считая шофера.

Во дворе Генерального штаба группу Москаленко встретил маршал Булганин. Его сопровождал начальник личной охраны подполковник Федор Безрук. Пересели в автомобиль министра, в такой же «ЗИС-110»: охранник — с шофером, Булганин — на откидное место слева, Юферов — справа, остальные — сзади. Уместились восьмером.

— В Кремль, — распорядился Булганин.

Когда подъехали к Троицким воротам, Булганин предупредил:

— Не высовывайтесь.

Действительно, выглядывать в окно не было резона, пропуска были не у всех.

Благополучно проскочили часовых, подкатили к особому правительственному подъезду — это называлось «с уголка», — поднялись на второй этаж. Вот и кабинет, где когда-то сидел Сталин. Сейчас здесь заседал Президиум ЦК. Булганин вошел в кабинет, остальных провели из комнаты секретаря в смежный кабинет, напротив. Там находились человек пятнадцать — двадцать — работники ЦК, несколько генералов и маршал Жуков. Держались все непринужденно, шутили, рассказывали анекдоты...

К группе Москаленко подошел Жуков, поздоровался и спросил:

— Вы знаете, кого вам предстоит арестовать?

— Не знаем, но догадываемся, — ответил Москаленко.

В этот момент появился Хрущев. Он подошел к Москаленко:

— Вам придется брать одного из членов Президиума. Возможно, он будет вооружен...

Хрущев остановил взгляд на рослых, могучего сложения, Батицком и Юферове.

— Вот вы и подойдете к нему — вам скажут когда — и возьмете его.

Юферов: Что, и стрелять можно?

Хрущев: Нет, его надо оставить для следствия. Оружие не применять. Пока все остаются здесь. Когда услышите два длинных звонка, направляйтесь к нам, на заседание. Проходите прямо в зал, мимо секретаря, не обращайте внимания ни на кого.

Хрущев вышел. Берия явился на заседание одним из последних, занял свое место и спросил:

— Какая повестка дня?

— Вопрос стоит один, — ответил Хрущев, — о Лаврентии Берия.

И, обратившись к Маленкову, сказал:

— Докладывай.

Маленков коротко перечислил главные прегрешения соратника и дал слово Молотову. «Я считаю, что Берия перерожденец, — начал министр, — он не коммунист. Это человек, чуждый партии».

Хрущев в политической оценке Берия был более резок: «Какой же он перерожденец? Он не был коммунистом никогда!»

Как ни странно, но эти люди, вскормленные партийной демагогией, затеяли в тот критический момент нечто вроде прений. Дали слово Берия: «Конечно, у меня были ошибки, но прошу не исключать из партии, я же всегда выполнял партийные решения и указания товарища Сталина. Он поручал мне самые ответственные дела секретного характера. Я все выполнял, как требовалось, поэтому неправильно меня исключать...»

«Прения» завершил Маленков. Он еще раз осудил антипартийную деятельность вчерашнего друга и нажал на кнопку звонка.

В комнате, где ожидали военные, раздались два продолжительных звонка. Жуков открыл дверь и в сопровождении четырех офицеров вышел в приемную. Навстречу им поднялся секретарь. Но они решительно прошли в кабинет напротив.

...На председательском месте — Маленков, по правую руку — Хрущев, рядом с ним — Булганин, ближе к двери, наискосок от Маленкова, — Берия, напротив Лаврентия Павловича — Ворошилов.

Вошедшие встали слева, ближе к Булганину, за спиной Берия. Маленков объявил: «Предлагается немедленно его арестовать и передать в руки этих товарищей».

Батицкий обнажил свой «парабеллум», Юферов — «ТТ».

Берия сидел опустив голову и нервно писал что-то карандашом на листе бумаги. Потом оказалось, что он выводил лишь одно слово — тревога, повторил это слово девятнадцать раз. Наконец Берия поднял глаза, военные уже стояли подле него: Юферов — по левую руку, Батицкий — по правую.

Подошел Жуков:

— Руки вверх. Вы арестованы.

Ладони Юферова скользнули по карманам, Берия поднял руки:

— Оружия у меня нет.

Батицкий и Юферов предложили ему пройти в комнату отдыха — она примыкала к кабинету слева. Посадили на диван, встали рядом. Москаленко, Баксов, Зуб расположились на стульях в углу, возле круглого столика, с пистолетами в руках. Москаленко достал свой «вальтер».

Батицкий: Снимите с него пенсне.

Юферов исполнил приказание.

Берия: Как же я теперь буду видеть? У меня слабое зрение...

Батицкий: Нечего тебе смотреть. Ну-ка покажи, что у тебя в карманах.

Берия достал носовой платок и записную книжку.

Берия: Убери свою пушку.

Батицкий: Ничего, она еще пригодится.

Москаленко: Послушайте, Батицкий, с ним не следует сейчас разговаривать.

Арестованный принялся тщательно разглаживать стрелки брюк и стряхивать с них пылинки. Он был в сером поношенном костюме, белой сорочке без галстука.

Через некоторое время в комнату вошли генералы Андрей Лаврентьевич Гетман и Митрофан Иванович Неделин. Они были приданы в помощь группе захвата.

В комнате отдыха военные пробыли с арестованным до глубокой ночи. Это были тревожные часы, никто не знал, чем все кончится.

Москаленко тем временем отдавал распоряжения — уже на правах командующего Московским военным округом.

Члены Президиума ЦК отправились по домам, лишь Ворошилов задержался в Кремле.

История сохранила старую фотографию: Берия с Ворошиловым стоят в обнимку, словно братья. Но Клим тихо ненавидел удачливого Лаврентия и боялся его. Трусоватый маршал тужился предугадать ход событий, ведь могущественного чекиста могли выручить его давние дружки, тот же Иван Серов. Напрасно Никита Сергеевич ему доверился. И когда Берия наконец вывели из комнат Президиума ЦК, Ворошилов был тут как тут. Он искательно заглядывал в глаза рослым конвоирам. Виктор Юферов оставил свою фуражку в кабинете секретаря на вешалке и, проходя мимо, потянулся за ней. Услужливо подскочил Ворошилов:

— Сейчас я тебе, голубчик, подам...

Надо сказать, что по указанию Хрущева и Булганина каждому офицеру охраны с утра был придан армейский офицер. Охранникам пояснили, будто это входит в план репетиции военного положения. Так они и стояли парами на каждой лестничной площадке, у каждой двери. К вечеру охранники куда-то исчезли, остались одни армейские офицеры. Они стояли сдвоенными рядами вдоль коридоров. Берия провели сквозь строй и посадили в машину Булганина. Арестованного поместили на заднее сиденье. Батицкий сел слева, Юферов — справа. На всякий случай Юферов сунул дуло пистолета под ребра Берия. А тот смотрел по дороге в окно, явно любопытствуя, куда его везут. Москаленко сидел рядом с шофером, Баксов и Зуб заняли откидные места.

Машина помчалась по набережной к Абельмановской заставе, повернула налево. Вот и Крутицкие казармы, здесь уже ждал вновь назначенный комендант города генерал Синилов. Он поместил арестованного на гауптвахту, под усиленную охрану. Начальником караула был назначен генерал Батицкий, ответственными дежурными — Гетман, Зуб, Юферов, Неделин, Баксов. Караул несли офицеры ПВО Москвы.

Ночь Берия провел на гауптвахте. На другой день, в 12 часов, в казармы прибыли новый министр внутренних дел Круглов вместе с Серовым. Заметив высоких визитеров, Москаленко бросил сопровождающему его офицеру:

— Как они здесь очутились, эти сволочи? — И спросил прибывших: — Что вам здесь нужно?

— Они прибыли для проведения следствия, — заметил комендант.

— Какого еще следствия? — И приказал: — Выведите отсюда посторонних.

— Мы не посторонние, — твердо сказал Серов.

— Вас никто на уполномочивал.

— Нас послали сюда, чтобы начать следствие.

— Мне об этом ничего не известно. Никто вам таких полномочий не давал, — отрезал Москаленко.

Не исключено, что Серов поехал в казармы с ведома Хрущева, который хотел узнать о намерениях Берия.

...Серов с Кругловым уехали, а Москаленко поспешил к Маленкову. Генерал доложил премьер-министру об инциденте. На экстренном заседании Президиума ЦК было решено перевести Берия в штаб МВО. Следствие по делу Берия и его подручных возглавил Генеральный прокурор Руденко.

Главное здание МВД на Лубянке было заблокировано военными. Они отобрали все ключи у сотрудников центрального аппарата и заняли их кабинеты в ожидании дальнейших указаний.

Блокировать войска МВД было поручено двум танковым дивизиям — Кантемировской и Таманской. Первой командовал генерал Иван Якубовский. Как заметил один офицер военной разведки, если бы Якубовский получил приказ не от Москаленко, а от Берия, командир дивизии передавил бы танками всех противников шефа Лубянки...

Но случилось иное. В два часа ночи 26 июня Кантемировская была поднята по тревоге и прибывший из Генштаба полковник зачитал обращение министра обороны к личному составу дивизии: «...разоблаченные ныне враги народа Берия, Абакумов, Деканозов, Кобулов, Рюмин и другие преступные лица оказались виновными в массовом терроре, состояли в заговоре против партии и правительства...»

Приказ: танкам двинуться в Наро-Фоминск и заблокировать две дивизии внутренних войск МВД имени Берия.

Эти части стояли там в летних лагерях. Внезапно появившиеся ночью танки давили всех подряд, а тех, кто успел выскочить из палаток, согнали на плац и окружили вооруженным караулом.

Затем танки пошли на Москву и к пяти часам утра заняли позиции по Садовому кольцу столицы.

Сталин всегда мирволил лакействующим тупицам. Назовем самых ярких: Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Кулик, Булганин... Новые вожди продолжали столь опасную для обороны традицию.

Штаб МВО находился близ набережной. Вечером 27 июня туда прибыл Булганин. Он остался доволен осмотром помещения, и ночью арестованного перевезли на новое место. Как и в первый раз, его сопровождал Москаленко с четырьмя офицерами.

Берия поместили в небольшую комнату: койка, табурет — вот и вся мебель. Там же, в бункере, проходило следствие. Особый кабинет отвели Генеральному прокурору. Москаленко находился в штабе округа неотлучно. И ночевал там вместе с Юферовым. На охране штаба дежурили танки и бронетранспортеры.

Берия пришлось сменить свой костюм на солдатское обмундирование — хлопчатобумажную гимнастерку и брюки. Еду доставляли из столовой гаража — солдатский паек, солдатская сервировка: котелок и алюминиевая ложка.

Первые дни Булганин звонил в бункер каждую ночь после 12 часов:

— Как дела? Все спокойно? Как себя ведет арестованный?

Если генерал Москаленко уже спал, Булганин получал информацию от подполковника Юферова, который постоянно дежурил в одном из подземных кабинетов.

Охрана надежная, случайности были исключены. Ну а если бы кому-то удалось передать Берия в камеру яд, нашлось бы у него мужество покончить с собой? Ведь вот же у его берлинского коллеги Гиммлера рука не дрогнула. Нет, в этом случае он поступил бы как типичный уголовник — трусливо.

...Что его ждет? Неужто они посмеют? Нет, конечно.

В 1920 году он впервые отведал тюрьмы. И выбрался с помощью Багирова. Верные друзья помогут и теперь, они заставят считаться со своим мнением этого выскочку Никиту. Но Маленков, Маленков! Сколько он для него сделал... Если бы не он, Лаврентий, сидеть бы ему по сей день в Средней Азии, в ссылке. Если бы Хозяин вообще оставил его в живых.

Берия постучал в дверь и попросил бумагу и ручку. Ему дали тетрадный лист и карандаш.

«Егор разве ты не знаешь меня забрали какие то случайные люди хочу лично доложить обстоятельства когда вызовешь».

Он называл Георгия Маленкова Егором. Заглавные буквы почему-то не жаловал, знаки препинания презирал.

Он передал записку дежурному офицеру... Да, после двадцать первого года он быстро пошел в гору, через десять лет возглавил ГПУ Закавказья, потом ЦК партии Грузии и Закавказский крайком. Новый перевал — год 1938-й, пост наркома СССР. Следующий — год 1953-й. Он так удачно начался, столько радостей сулил... И вдруг эта нелепость. Нет, им не обойтись без него, да и народ ценит его широкую, щедрую натуру. Если правду сказать, то он один во всем правительстве искренне заботится о благе трудящихся.

...Прошло два дня. От Маленкова — ничего. Подследственный передал ему вторую записку. «Егор почему ты молчишь?»

Обе записки — карандашом, на четвертушках бумаги — остались у Хрущева.

На предвыборном собрании избирателей Тбилисско-Сталинского округа по выборам в Верховный Совет СССР в ноябре тридцать седьмого Лаврентий Берия клялся: «Как член великой партии Ленина — Сталина я обязан хранить в чистоте великое звание члена коммунистической партии». В чем же он ошибся?..

Следствие, суд, казнь

На следствии Берия вел себя вызывающе, признавался только в тех преступлениях, которые прокуратуре удалось установить и подкрепить неопровержимыми уликами. При этом он пытался всячески

запутывать следователей, придумывая все новые и новые варианты для оправдания своих действий. Нередко запутывать создаваемые им узлы помогали соучастники. Когда возник вопрос об архивных документах, которые в течение двадцати лет незаконно хранились у самого Берия, он ответил: «...это я поступил неправильно, изъял их потому, что боялся, как бы их не уничтожили бывшие руководители ЦК КП(б) Азербайджана, которые впоследствии были разоблачены как враги»[13].

Совсем в духе времени: казнить ни в чем не повинных людей и потом, спустя пятнадцать лет, затеять против них новую провокацию. Прояснить ситуацию помог на суде Меркулов. Оказывается, еще в 1932 году Берия, будучи уже первым секретарем Заккрайкома, поручил ему изъять из бакинских архивов все документы, имеющие отношение к его прошлому. Выполнив это поручение шефа, Меркулов оформил все добытые (при содействии Багирова, разумеется) бумаги как личный архив Л. Берия[14].

Следствие длилось полгода. Документы, свидетельские показания, протоколы допросов составили девятнадцать томов. По делу проходили шесть соратников Берия: Владимир Деканозов, Всеволод Меркулов, Лев Влодзимирский, Павел Мешик, Сергей Гоглидзе, Богдан Кобулов — всего лишь частица бериевской армии головорезов.

...Более тридцати лет служили Лаврентию Берия эти подручные. Нерушимой казалась созданная им круговая порука, объединившая палачей. Однако первое же испытание — следствие и суд — показало зыбкость бериевской конструкции. «Берия — карьерист, авантюрист и бонапартист», — заявил на суде Богдан Кобулов. Ему вторил Владимир Деканозов: «Берия проявил себя во всем как карьерист, властный и злобный человек». Оказывается, почти все аресты тридцатых годов проводились по его единоличным указаниям... Более сдержанным в оценке преступной деятельности главаря шайки был Всеволод Меркулов, зато Лаврентий Цанава высказался вполне определенно. Бывший министр госбезопасности Белоруссии сообщил, что в 1937–1938 годах Берия расстрелял всех, кто служил его заместителями, и многих своих бывших начальников. Жестоким, деспотичным назвал его Цанава. О неуемном властолюбии и жажде возвеличивания Лаврентия Берия поведали суду Савицкий и Мичурин-Равер[15].

Наконец Берия предложили ознакомиться с обвинительным заключением. Когда Руденко приступил к чтению объемистого, страниц на сто, документа, Берия заткнул уши. Прокурор потребовал объяснений.

Берия: Меня арестовали какие-то случайные люди... Я хочу, чтобы меня выслушали члены правительства.

Руденко: Вас арестовали согласно решению правительства, и вы это знаете. Мы заставим вас выслушать обвинительное заключение.

В 1920 году, сидя в Кутаисской тюрьме, он один не участвовал в голодовке политических и вел себя предательски. Ныне же несгибаемый сталинский нарком выдержал без пищи целый день. Потом запросил обед с коньяком и выслушал обвинительное заключение, так и не получив коньяка.

Суд проходил на первом этаже здания штаба округа. Зал был соединен микрофонами с кабинетами членов Президиума ЦК.

Поначалу Берия прикинулся сумасшедшим: бросался то вперед, то назад, размахивал руками... Внезапно к нему бросился Москаленко и отрезал пуговицу на брюках. Они начали спадать, и подсудимый тотчас успокоился[16].

Тут, надо полагать, сказался опыт генерала Москаленко, приобретенный в свое время в бериевских застенках.

Судебному присутствию были представлены списки более чем двухсот женщин, ставших жертвами сановного развратника. И тут произошло нечто совсем неожиданное: Берия обратился к председателю суда с просьбой не оглашать их имена, защитить от позора. Суд удалился на совещание и единогласно принял решение — удовлетворить ходатайство подсудимого. В качестве свидетелей в суд вызвали несколько десятков женщин. Ляля Дроздова довольно подробно рассказывала о своей связи с подсудимым, она ведь ряд лет жила на его даче. Увидев ее, Берия побледнел, подался корпусом вперед. Он был без привычного пенсне, плохо видел. Вероятно, он ожидал от Дроздовой хоть нескольких слов благодарности... Но женщина начала с горького повествования о том, как он ее изнасиловал. Потом допросили Дроздову-мать. Она украсила показания дочери трогательными подробностями и высказала крайнее возмущение поступками подсудимого. В конце мать потребовала от суда выдать ей в виде компенсации все конфискованное имущество злодея.

Берия слушал, закрыв лицо ладонями. Он плакал. Плакал не в последний раз на этом процессе. В Кутаисской тюрьме, почти четверть века назад, он тоже плакал, вымаливая прощение. И получил искомое. На что он рассчитывал теперь?.. Показания Л. Дроздовой включены в текст обвинительного заключения. В нем упомянуто и о том, что в 44-м Берия болел сифилисом и, не закончив еще курс лечения, заражал случайных женщин. В связи с этим суд привлек его к уголовной ответственности по соответствующей статье УК.

Кровавых фактов, всплывших на этом судебном процессе, хватило бы на несколько романов ужасов. Но ведь многое осталось нераскрытым.

В конце семидесятых довелось мне встретить пожилого рабочего-сантехника, который участвовал в переоборудовании бывшего особняка Берия. Он видел, как из подвала вытаскивали камнедробилку, и узнал от охранника, что в этом подвале спускали в канализацию размельченные трупы убитых. Да, особняк был настоящей душегубкой, не только местом отдыха и работы хозяина.

Кабинет Берия, с высокими, украшенными деревянной резьбой потолками, помещался на втором этаже. На лестничной площадке — еще две двери, одна из них ведет в ванную комнату. Стены облицованы цветной плиткой, в глубине — белая ванна. Светло, просторно, есть выход на балкон. При жизни хозяина здесь стояла еще одна ванна, до краев наполненная серной кислотой повышенной концентрации. Такая кислота не испарялась и не могла повредить ни металл, ни эмаль, зато органическое вещество растворялось в ней почти полностью.

Несколько лет назад иностранное посольство, которое ныне занимает особняк, посетил старый охранник-пенсионер и показал место, где стояла ванна с кислотой.

Этот способ уничтожения следов был изобретен при Ежове агентами Лубянки, засланными во Францию Н.А. Клепининым и С.Я. Эфроном. В Париже бесследно исчезли меченные Сталиным противники режима, а когда пришла пора убрать удачливых исполнителей, их вызвали в Москву...[17]

Одним из последних вызвали в суд генерала Штеменко. Подручный Берия в роли свидетеля обвинения чувствовал себя крайне неуютно. Тем более что служба бериевского агента в Генеральном штабе уже получила документальное подтверждение. В зал он вошел белее мела, ноги враскаряку. Коневу стало неловко, и он решил сразу же отпустить бравого генерала.

— Вы подтверждаете показания, данные на предварительном следствии?

— Да...

— Благодарю вас. Вы свободны.

И свидетель удалился той же невыразимой походкой[18].

На суде Берия ни разу не сослался на Сталина, хотя в его положении было бы естественно свалить хоть часть вины на главного Режиссера. Можно думать, что прокурор и председатель суда, выполняя определенное указание, строго предупредили обвиняемых на сей счет... Долго они еще будут оберегать от скверны усопшего Диктатора. В сентябре 1955 года на судебном процессе в Тбилиси подручный Лаврентия Берия Николай Рухадзе позволил себе нарушить негласное табу. Генеральный прокурор Руденко возмутился: «Не смей своими

грязными губами упоминать святое имя товарища Сталина!» Это было сказано за несколько месяцев до разоблачительного XX съезда[19].

Казнили приговоренного к расстрелу в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаху, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули.

Прокурор Руденко зачитал приговор.

Берия: Разрешите мне сказать...

Руденко: Ты уже все сказал. (Военным.) Заткните ему рот полотенцем.

Москаленко (Юферову): Виктор, ты у нас классный стрелок...

Батицкий: Товарищ командующий, разрешите мне (достает свой «парабеллум»). Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил.

Руденко: Прошу привести приговор в исполнение.

Батицкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз... Батицкий нажал на курок, пуля угодила в середину лба, тело повисло на веревках.

Казнь свершилась в присутствии маршала Конева, прокурора, группы военных и члена суда Кучава.

Подозвали врача. «Что его осматривать, — заметил врач, — он готов. Я его знаю, он давно сгнил, еще в сорок четвертом заболел сифилисом». Все же он взял повисшую руку за кисть, взглянул на лицо казненного.

Осталось засвидетельствовать факт смерти. Тело Берия завернули в холстину и отправили в крематорий. Туда же отвезли останки казненных на Лубянке шести подручных.

Так бесславно, в бетонном бункере, закончилась многотрудная жизнь одного из самых знаменитых в истории человечества палачей.

Берия умом не отличался. Всякий намек на интеллект он воспринимал как личную обиду, интеллигентов истреблял в первую очередь. Более всего не терпел в людях гордое чувство собственного достоинства. Ремесло палача этот врожденный садист избрал не удовольствия ради, хотя на этом поприще ему удалось превзойти всех. Путь на самый верх лежал через горы трупов, но товарищ Лаврентий не боялся трудностей. Он мнил себя «настоящим большевиком» вполне серьезно. Вполне, вполне.

Берия выпала лихая судьба. Ему не дано было истребить всех сограждан. Эту трагедию он мужественно разделил со своим учителем и другом Иосифом Сталиным. Зато оставшиеся в живых подданные прониклись, до кончиков ногтей пропитались духом послушания.

Не к этому ли конечному результату они стремились, Папа Большой и Папа Малый? В 53-м были в ходу частушки, сочиненные бог знает кем, скорее всего это плод фольклора.

Лаврентий Палыч Берия
Не оправдал доверия —
Осталися от Берия
Лишь только пух да перия.

Цветет в Тбилиси алыча
Не для Лаврентий Палыча,
А для Климент Ефремыча
И Вячеслав Михалыча.

И передавали из уст в уста анекдот:

«Стоят преступники в аду — кто в крови, кто в пламени горит. Данте обходит владения дьявола, видит: один из самых страшных негодяев стоит в крови лишь по колено. Удивился Данте, подошел, узнал Берия:

— Почему так мелко, Лаврентий Павлович?

— А я на плечах Иосифа Виссарионовича...»

Достоверная картина ареста и казни Берия не могла быть воссоздана без правдивых свидетельств военных. Мне довелось многократно беседовать с тремя из них: Батицким, Баксовым и Юферовым. Отважные люди, бывшие фронтовики. И точные в передаче деталей пережитого.

«Правда», 24 декабря 1953 года

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР

18–23 декабря 1953 года Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР в составе:

Председательствующего — Председателя Специального Судебного Присутствия Маршала Советского Союза Конева И.С. и членов Присутствия: Председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Шверника Н.М., первого заместителя Председателя Верховного Суда СССР Зейдина Е.Л., генерала армии Москаленко К.С., Секретаря Московского областного Комитета КПСС Михайлова Н.А., Председателя Совета Профессиональных Союзов Грузинской ССР Кучава М.И., Председателя Московского городского суда Громова Л.А.; первого заместителя министра внутренних дел Лунева К.Ф.

17 Зак. 1

рассмотрело в закрытом судебном заседании, в порядке, установленном Законом от 1 декабря 1934 г., уголовное дело по обвинению Берия и других.

В соответствии с обвинительным заключением суду были преданы: Берия Л.П. — по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58–1«б», 58–8, 58–13, 58–11 Уголовного кодекса РСФСР. Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я., Влодзимирский Л.Е. — по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58–1«б», 58–8, 58–11 Уголовного кодекса РСФСР.

Судебное следствие полностью подтвердило материалы предварительного следствия и предъявленные всем подсудимым обвинения, изложенные в обвинительном заключении.

Судом установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков, в которую вошли связанные с Берия в течение многих лет совместной преступной деятельности подсудимые Меркулов В.Н., Деканозов, В.Г., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я. и Влодзимирский Л.Е. Заговорщики ставили своей преступной целью использовать Органы Министерства внутренних дел против Коммунистической партии и Правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над партией и правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии.

Суд установил, что начало преступной измены Берия Л.П. и установление им тайных связей с иностранными разведками относится еще ко времени гражданской войны, когда в 1919 г. Берия Л.П., находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане, действующую под контролем английских разведывательных Органов.

В 1920 году Берия Л.П., находясь в Грузии, вновь совершил предательство, установив тайную связь с охранкой грузинского меньшевистского правительства, также являвшейся филиалом английской разведки.

В последние годы, вплоть до своего ареста, Берия Л.П. поддерживал и распространял тайные связи с иностранными разведками.

Став в марте 1953 г. министром внутренних дел СССР, подсудимый Берия Л.П., подготовляя захват власти, начал усиленно продвигать участников заговорщической группы на руководящие должности как в центральном аппарате МВД, так и в его местных органах. Бе-

рия Л.П. и его сообщники расправлялись с честными работниками МВД, отказавшимися выполнять преступные распоряжения заговорщиков.

В своих антисоветских изменнических целях Берия Л.П. и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом.

Действуя как злобный враг советского народа, подсудимый Берия Л.П. с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий партии и правительства, направленных на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Установлено, что, скрывая и маскируя свою преступную деятельность, подсудимый Берия Л.П. и его соучастники совершали террористические расправы над людьми, со стороны которых они опасались разоблачения.

Судом также установлены преступления Берия Л.П., свидетельствующие о его глубоком моральном разложении, и факты совершенных Берия преступных корыстных действий и злоупотребления властью.

Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР постановило:

приговорить Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я., Влодзимирского Л.Е. к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград.

Приговор является окончательным и обжалованию не подлежит.

ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ

Вчера, 23 декабря, приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания — расстрелу — Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я. и Влодзимирского Л.Е.

Размышления

Публикуя этот документ в центральной печати, все ли сказали его составители? Заговор с целью захвата власти, контрреволюционная

деятельность, террор против честных партийцев, подрыв самой коммунистической партии... Кажется, сказано все главное. Но это только кажется. В сообщении Верховного Суда названы лишь основные подручные Берия. Его соратники-коллеги Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Маленков, Шверник, Шкирятов, да и Щербаков с Сусловым в придачу, остались в тени. А Никита Хрущев, столь энергично взявшийся за искоренение бериевщины, разве он не участвовал в массовом терроре на Украине и в Москве, не пресмыкался перед сталинским фаворитом?

На протяжении ряда лет Берия возглавлял партийные организации Грузии и Закавказья, входил в состав ЦК и Политбюро. Ответственные партийные посты занимали многие функционеры карательных Органов, произошло сращение партийных верхов с тайным ведомством. Преступным оказался весь Центральный Комитет, отправлявший на казнь — волна за волной — своих членов. Он тоже подлежал суду, праведному народному суду. Вместе с усопшим Вождем, которому преданно служил Берия.

Вот о чем умолчали наследники Сталина. Здесь Берия уловил свой шанс. Признав вину в организации террора, он решил сделать акцент на своей половой распущенности. Войдя в роль кающегося грешника, Берия заявил суду: «Самым тяжким позором для меня, как гражданина, члена партии и одного из руководителей, является мое бытовое разложение, безобразная и неразборчивая связь с женщинами. Пал я мерзко и низко. Я настолько падший человек, что вам трудно теперь мне верить, а мне что-либо опровергать...»[20]

Для того чтобы вывести из-под удара собственные персоны, сочинители судебного постановления обвинили Берия «в тайных связях с иностранными разведками», которые он поддерживал якобы до самого дня ареста. Наследники сталинской власти представили злодея в роли шпиона. По этому поводу Конев позднее заметит: «Не был он никаким шпионом, зачем ему это понадобилось?»[21]

Они очень спешили, соратники Сталина, сообщники Берия. Ускоренное следствие, да и суд — экстренный, закрытый. И казнь без промедления.

Официальные сообщения в печати, закрытое письмо ЦК, рассказы многочисленных жертв и очевидцев потрясли современников. Известный кинорежиссер Александр Довженко записал в своем дневнике:

«Правая рука Великого на протяжении почти двух десятков лет была рукой мелкого мерзавца, садиста и хама. Вот трагедия! Вот что заводится за высокими непроветриваемыми стенами. Тысячи агентов-дармоедов, расставленных на улицах и везде, где надо и не надо, в

течение двадцати лет охраняли предателя Родины, партии... (...) Что это? Кому же теперь клясться в верности?

Уже голова седа. И в сердце не утихает боль. Болит все сердце, болит. Треть столетия клянусь... кому? Будьте вы прокляты, предатели, жестокие авантюристы!»[22]

Предстояло выявить виновных в беспримерных по масштабам и жестокости незаконных репрессиях. Но их, организаторов и исполнителей, было слишком много — целая армия. И все же прокуратура и Комиссия партконтроля с осторожным оптимизмом приступили к делу. Некоторые генералы, страшась сурового наказания, предпочли опередить события.

16 апреля 1954 года покончил с собой бывший заместитель наркома внутренних дел Иван Иванович Масленников. В 1939–1940 годах он ведал внутренними войсками наркомата и нес полную ответственность за истребление тысяч польских военнопленных.

Палач застрелился в своем кабинете. Подробности смерти генерала армии Масленникова были доложены прокуратурой в ЦК.

Примеру Масленникова последовали единицы. Настоящие мужчины *там* не водились — ни в Кремле, ни на Лубянке.

После того памятного процесса был не один еще суд над бериевцами. В Тбилиси в сентябре пятьдесят пятого судили Авксентия Цанава с подручными. Во время процесса его дочери Нила и Эка прятались в сарае, во дворе Дома культуры железнодорожников, и наблюдали через щель, как папу ведут под конвоем. Сейчас они называют верного слугу Берия жертвой жестокого времени... Берия был крестным отцом старшей дочери подсудимого. Имя дали ей в честь супругов Берия, Нины и Лаврентия, — Ни-ла.

Жизнь Лаврентия Берия естественно вписалась в эпоху величайшего насилия, когда реальная история, отринув марксово учение, разделила население бывшей царской империи на две категории — палачей и жертв. Свое место Лаврентий Берия нашел сразу. Юношей избрав профессию охранника, он уже через двадцать лет достиг положения главного фаворита Диктатора. Чуткий на все подлое, низменное, он сумел раньше многих разгадать уголовную натуру Сталина и без особых усилий стать с ним рядом. Для старшего убийство тоже являлось смыслом существования, способом щедрого самовыражения.

К последней черте Берия подошел в пятьдесят четыре года. В этом возрасте многие только приближаются к вершине, а он вон куда вознесся... Деятельность Берия не ограничивалась массовыми убийства-

ми. Правда, ему удалось, вместе с генсеком, истребить почти всех дееспособных руководителей, заодно расправиться с ненавистными интеллигентами. Вслед за сельскими тружениками громил он деятелей культуры. Отменный лицедей и демагог, он как никто иной умел нагнетать атмосферу страха, доведя народ до состояния массовой истерии. Выселение из родных мест целых народов, реорганизация лагерной системы, насаждение тотального доносительства — все это связано тоже с его именем. Так же как подрывная диверсионно-шпионская работа на всех континентах. Как истинный профессионал, он увлеченно участвовал в пытках-казнях «врагов народа».

Испокон веков охранники уничтожали праведников. Отправляя на Голгофу Христа, Понтий Пилат *знал*, кого убивает. При Сталине, при Берия коммунист резал коммуниста. И никто теперь не сыщет среди них праведников. Ни одного.

Суд над Берия проходил, как мы уже знаем, без адвоката. В этой роли выступила спустя почти сорок лет Нина Теймуразовна Гегечкори. Она убеждена в необходимости массового террора. В интервью, данном в июле 1990, вдова Берия оправдывает не только мужа, но и его Хозяина — строителя социализма. Она помнит все, кроме того, что Берия переехал в Москву летом 38-го и тогда же возглавил Управление госбезопасности. «Мы переехали в Москву в конце 38-го. К тому времени репрессии 37-го уже ушли в прошлое. Теперь вот появился человек, на которого можно повесить все грехи», — рассуждает Гегечкори. Если бы так думала только она...

Перечисляя политических деятелей, которые «боролись за счастливое будущее всех народов земли», Нина Теймуразовна называет Сталина и Берия. Нет, это не старческий маразм, в свои 86 лет она владеет свободно и мыслью, и речью. Вполне резонно замечает, что Берия не стремился занять главный государственный пост: второй грузин на троне — это уж слишком.

Покойный супруг был носителем высокой морали, дни и ночи проводил на работе. Разврат? — выдумки клеветников. Лаврентия окружали не любовницы, а многочисленные агенты, связь с этими женщинами Берия поддерживал лично, как шеф разведки и контрразведки.

И еще один случай вольного обращения с фактами. Оказывается, первый секретарь ЦК компартии Грузии Л. Картвелишвили, «взял и увел» жену у чекиста Ершова. Когда Картвелишвили сняли, она ушла от него[23]. Неужто Нина Гегечкори не знала, что Картвелишвили замучили в тюрьме, а его жена, Ольга Никитична, провела в лагерях более 15 лет? И что устроителем этих экзекуций был не кто иной, как Берия?

Светлана Аллилуева и Евгений Джугашвили, пытаясь обелить Сталина, лишь добавили к его имени семейного позора. Пример оказался заразительным.

В заключение — несколько слов о спутниках Берия, исполнителях его злой воли. Ведь наказали далеко не всех. В преклонном возрасте, на «заслуженном отдыхе», почили известные душегубы генералы Леонид Райхман и Павел Судоплатов. Биография последнего особо красочна: участие в устранении Троцкого и других недругов Сталина, избиение народов Прибалтики, Катынское злодеяние, организация лабораторий смерти... Этого функционера одолел писательский зуд. Сколько их развелось, графоманов-палачей... Человеконенавистник, он искренне верил, что, искореняя инакомыслие, лишая жизни миллионы «вредных» людей, он выполнял гуманную миссию. И тем будет дорог истории.

Жизнь Лаврентия Берия сложилась трагично. Он достиг вершины, до кресла Диктатора оставалось сделать один шаг, но этот, последний, оказался гибельным. Ненасытный кровопийца, он не успел утолить своей ярой жажды. Скольких женщин недолюбил...

Короткая, насыщенная самоотверженным трудом жизнь. Он прошел ее рядом с Вождем, в совместных деяниях и радостях, часто опережая самые дерзкие замыслы кремлевского пророка, но всегда чутко соблюдая дистанцию. Долгие годы Папа Большой и Папа Малый побратски делили тяжкие заботы о благе народа. Но соблазн самодержавия слишком велик, они схватились над пропастью. Более ловкий взял верх и, не удержавшись на краю, последовал за первым.

Кто подобрал их души, эти родственные души?

Со смертью Лаврентия Берия кончилась эпоха, которой трудно подобрать точное определение. Пожалуй, хватит проклятий позорному прошлому. Будем благодарны тем, кто не допустил повторения.

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

Глава 1. Железный страж Кавказа

[1] См.: Авторханов А. Загадка смерти Сталина. 1981. С. 40.
[2] Гласность. М., 1991. № 2. С. 6.
[3] Викторов И. Подпольщик, воин, чекист. М., 1963. С. 73.
[4] Военно-исторический журнал. М., 1990. № 1. С. 77–78.
[5] Там же. С. 68.
[6] Там же. С. 74.
[7] По документам: уполномоченный СТО по рыбным промыслам Южного Каспия; ответственный представитель Главрыба в Баку; полпред по Каспийскому морю; член Бакинского Совета.
[8] Информация А.С. Велидова. Ноябрь 1990 года.
[9] Свидетельство Б.М. Кедрова; Викторов И.В. С. 72–73; Правда. 1978. 24 февраля.
[10] Ленин и ВЧК. М., 1975. С. 408.
[11] Ицков И. Одна из первых жертв Сталина // Континент. № 38. С. 281–282.
[12] Заря Востока. 1925. 24 марта.
[13] Там же. 1925. 1 апреля.
[14] Аркавина В. Сухорукова-Спектор и суд над бакинскими эсерами // Минувшее. Исторический альманах. 1986. № 2. С. 340–343.
[15] Заря Востока. 1924. 9, 15, 16, 20 марта.
[16] Там же. 1924. 15 марта.
[17] Там же. 1927. 24 июля и последующие номера газеты.
[18] Там же. 1931. 28 февраля.
[19] Там же. 1925. 27 апреля.
[20] Там же. 1927. 12–17 мая.
[21] Свидетельство О.Н. Картвелишвили.
[22] Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1969. С. 365.

[23] Заря Востока. 1925. 16 января.
[24] Там же. 1925. 14 июля.
[25] Там же. 1929. 5 сентября.
[26] Там же. 1927. 13 мая.
[27] Там же. 1926. 26 апреля.
[28] Там же. 1929. 1 мая, 2 июля, 29 декабря.
[29] Там же. 1929. 17 июля, 5 октября.
[30] Там же. 1929. 29 октября.
[31] Заря Востока. 1931. 8 и 13 апреля, 31 мая.
[32] Там же. 1931. 20 февраля, 6, 9, 11 мая; 1932. 12, 20, 27 мая.
[33] Со слов Кетеван Орахелашвили.
[34] Из воспоминаний А.И. Папава.
[35] Заря Востока. 1931. 14, 15 апреля.
[36] Там же. 1935. 18 сентября. 1932. 17 января, 20 мая.
[37] Там же. 1936. 24 февраля, 5 июня.
[38] Там же. 1935. 5 декабря, 21 сентября.
[39] Там же. 1935. 12 октября, 5 ноября, 9 декабря.
[40] Там же. 1932. 20 мая.
[41] Там же. 1934. 11 июня.
[42] Там же. 1935. 5 июня.
[43] Там же. 1935. 1 ноября.

Глава 2. Его книга

[1] Свидетельство Марии Платоновны Орахелашвили. 1933 год.
[2] По воспоминаниям А.И. Папава.
[3] Заря Востока. 1935. 3, 15 августа и 2 сентября.
[4] Там же. 1935. 5 октября.
[5] Там же. 1935. 18 сентября.
[6] Там же. 1935. 4 октября.
[7] Там же. 1935. 11, 12 ноября.
[8] Пролетарская революция. 1935. № 6. Перепечатана: Заря Востока. 1936. 21–22 января.
[9] Заря Востока. 1937. 18 января.
[10] Там же. 1937. 1 марта.
[11] Там же. 1937. 28 и 29 апреля.
[12] Там же. 1937. 9 сентября.
[13] Там же. 1937. 6 января, 6 февраля.
[14] Там же. 1924. 28 апреля.
[15] Там же. 1927. 10 мая.
[16] По воспоминаниям О.Г. Шатуновской.

[17] Известия. 1937. 28 апреля.

[18] Заря Востока. 1937. 22 марта.

[19] Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья. М., 1935. С. 20.

[20] Правда. 1935. 16 января.

[21] Берия Л. Там же. С. 30

[22] Там же. С. 140.

[23] Там же. С. 124

[24] Заря Востока. 1937. 18 мая.

[25] По воспоминаниям Кетеван Орахелашвили.

Глава 3. Джафар Багиров

[1] Заря Востока. 1924. 3 апреля.

[2] Там же. 1925. 3 апреля.

[3] Письменное свидетельство А.Р. Мамедовой.

[4] Из воспоминаний О.Г. Шатуновской.

[5] Синицин В. Шемахинская трагедия // Сельская жизнь. 1988. 23 июня.

[6] По сведениям В. Синицина.

[7] Из воспоминаний А.В. Снегова.

[8] По воспоминаниям дочери профессора Валентины Готлиб // Московские новости. 1988. № 6.

[9] Гласность. М., 1991. № 2. С. 6.

Глава 4. Фаворит (1936–1937)

[1] Заря Востока. 1937. 6 и 10 июля.

[2] Там же. 1937. 12 июля.

[3] Там же. 1935. 2 и 12 июля.

[4] Свидетельство Д.В. Ломадзе. 1979 год.

[5] Правда. 1937. 25 июля.

[6] Соответствующий документ хранится в личном деле Ш. Окуджава.

[7] По воспоминаниям А.С. Окуджава в передаче Б.Ш. Окуджава.

[8] По воспоминаниям О.Г. Шатуновской.

[9] Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 69.

[10] КПСС в резолюциях... Изд. 9-е. М., 1985. Т. 7. С. 13.

[11] Заря Востока. 1936. 14, 17 июля.

[12] Показания охранника и кровельщика; заявление А. Ивановой и рассказ А. Кузнецова в передаче О.Г. Шатуновской.

[13] Заря Востока. 1928. 23 декабря.

[14] Там же. 1935. 17 ноября.

[15] Там же. 1936. 30 октября.

[16] Там же. 1936. 20 августа, 17 и 30 октября.

[17] Там же. 1937. 4 апреля и 27 сентября.

[18] Конквест Р. Большой террор. Фиренце. 1974. С. 474.

[19] По воспоминаниям Н.Е. Кванталиани, А.И. Микояна, А.В. Снегова, К.Д. Назаретян, Кетеван Орахелашвили, А.И. Папава, О.Г. Шатуновской. Автор использовал в значительной мере документальный очерк историка С.З. Лакоба // См.: Ленинградский рабочий. 1989. Ноябрь.

[20] Из воспоминаний К.Д. Назаретян.

[21] Заря Востока. 1937. 27 и 31 января.

[22] Там же. 1937. 26 и 28 февраля.

[23] Там же. 1937. 3 июня.

[24] Там же. 1937. 10 и 16 мая.

[25] Там же. 1928. 14 декабря.

[26] Там же. 1929. 25 октября. Самого Буачидзе расстреляли в 1937 г.

[27] Заря Востока. 1937. 19 мая.

[28] Свидетельство Русико Яшвили, сестры поэта и его дочери Медеи.

[29] Заря Востока. 1936. 17 марта.

[30] Там же. 1937. 10 декабря.

[31] Русская мысль. 1990. 17 августа. С. 15.

[32] Там же. С. 44.

[33] Перепечатано: Заря Востока. 1936. 28 и 29 октября.

[34] Из воспоминаний А.М. Лариной.

[35] Свидетельство С.З. Гинзбурга.

[36] В передаче А.В. Снегова — со слов И.И. Шварца.

[37] Свидетельство С.З. Гинзбурга.

[38] По воспоминаниям В.Д. Лордкипанидзе.

[39] Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. М., 1936. С. 6.

[40] Из воспоминаний З.Г. Орджоникидзе.

[41] Из воспоминаний А.М. Семушкиной.

[42] Там же.

[43] По воспоминаниям З.Г. Орджоникидзе, О.Г. Шатуновской, И.М. Гронского, Л.С. Шаумяна, Е.Ю. Ларина.

[44] Устное свидетельство А.И. Микояна в передаче А.В. Снегова.

[45] По воспоминаниям А.И. Папава.

[46] По воспоминаниям З.Г. Орджоникидзе.

[47] По воспоминаниям В.Д Лордкипанидзе.

[48] Свидетельство Р. Штепа.

[49] Из воспоминаний члена Политбюро (без указания имени). Члены Политбюро хранили эти факты в своей памяти в строгой тайне — даже после смерти Сталина.

[50] Свидетельство Н.Н. Туровникова.

[51] Из воспоминаний И.Д. Шадра.

[52] Заря Востока. 1937. 27 и 28 марта.

[53] Там же. 1937. 14 апреля.

[54] Свидетельство В. Джаншаладжян.

[55] Заря Востока. 1937. 24 мая.

[56] Там же. 1937. 30 мая.

[57] Там же. 1937. 9 октября.

[58] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 87–113.

[59] По свидетельству Кетеван Орахелашвили, а также сокамерницы ее матери М.П. Орахелашвили и ряда грузинских историков.

[60] Заря Востока. 1937. 26 и 29 августа.

[61] Там же. 1937. 26–28 сентября.

[62] Там же. 1937. 29 октября; 1, 2, 3 ноября.

[63] Там же. 1937. 2–4 декабря.

[64] Там же. 1937. 1–3 ноября.

[65] По воспоминаниям А.С. Чхотуа и М.З. Кантария.

[66] Из воспоминаний С.В. Евгенова.

[67] По воспоминаниям Р. Штепа.

[68] Заря Востока. 1936. 11, 12 и 26 января.

[69] Там же. 1931. 14 и 15 апреля.

[70] Там же. 1932. 17 января.

[71] Там же. 1932. 20 мая.

[72] Там же. 1934. 10 мая, 14 сентября, 3 декабря; 1935. 6 декабря; 1936. 10 и 12 июня; 1937. 10 января.

[73] Там же. 1936. 24 января.

[74] Там же. 1936. 8 и 15 января.

[75] Там же. 1936. 9 января.

[76] Там же. 1936. 14 января.

[77] Там же. 1937. 4 мая.

[78] Там же. 1937. 24–31 декабря.

[79] Там же. 1937. 14 января.

[80] Там же. 1937. 17 и 21 мая.

[81] Из показаний Надарая и Цатурова, бывшего секретаря парторганизации Закавказского и Грузинского ГПУ // Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 68–69.

[82] Там же.

[83] Заря Востока. 1928. 16 декабря.

[84] Там же. 1937. 23 декабря.

[85] Там же. 1937. 22 декабря.

Глава 5. Сталинский нарком

[1] Заря Востока. 1938. 6 января.
[2] Там же. 27 января.
[3] Правда. 1938. 1 и 3 января.
[4] Заря Востока. 1938. 9 января.
[5] Там же. 21–26 января.
[6] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 93.
[7] Конквест Р.С. 337.
[8] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 93.
[9] Вопросы истории КПСС. 1963. № 7. С. 101–105.
[10] Из воспоминаний Е.И. Гольденвейзер, вдовы пианиста.
[11] Безыменский Л. Разгаданные тайны третьего рейха. Ч. 2. С. 90, 91.
[12] Заря Востока. 1938. 29 января.
[13] Воспоминания И.М. Гронского.
[14] Свидетельство О.Н. Картвелишвили.
[15] Пегов И.М. Далекое — близкое: Воспоминания. М., 1982.
[16] Воспоминания Г.Л. Блюхер (архив автора); см. также: Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 87–97.

Глава 6. Адик

[1] Ларина А.И. Незабываемое. М., 1989. С. 235–236.
[2] Свидетельство Н.А. Рыковой.
[3] Из воспоминаний Н.И. Зубова.
[4] Знамя. 1990. Июль. С. 105–106; а также из воспоминаний Е. Драбкиной.
[5] Свидетельство Х.Я. Ганецкой.
[6] Из воспоминаний И.М. Ориент.
[7] Там же.
[8] Знамя. 1990. Июль. С. 106.
[9] Аллилуева С. Только один год. С. 362.
[10] Из воспоминаний Е.Д. Стасовой.

Глава 7. В Зоне Малой

Военно-исторический архив. 1997. Вып. 2.
Исторический архив. № 3.
Отечественные архивы. 1993. № 5.
Известия ЦК КПСС. 1989–1991.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Лондон, 1987.

Антонов-Овсеенко А.В. Враги народа. М., 1996. ГАРФ. Фонды 7523, 9401, 9414.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР (1923–1960). Справочник. М.: Звенья, 1998.

Глава 8. Потепление (1939—1940)

[1] Конквест Р. С. 263.

[2] Гнедин Е. Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977. С. 188.

[3] Конквест Р. С. 865.

[4] Время и мы. 1985. № 86. С. 230–232.

[5] По рассказу Е. М. Самариной, врача местного НКВД, в передаче В.Л. Цукерман.

[6] Из воспоминаний В.Л. Цукерман.

[7] Свидетельство А.В. Снегова.

[8] Из воспоминаний А.М. Лариной.

[9] Гнедин Е.С. 187–188.

[10] Неделя. 1989. № 43.

[11] Гнедин Е.С. 109.

[12] Там же. С. 131.

[13] Брук-Шеферд Г. Судьба перебежчиков. Нью-Йорк — Иерусалим — Париж. 1983.

[14] Гнедин Е.С. 253.

[15] Там же. С. 239.

[16] Из сообщения Н.В. Жогина // Литературная газета. 1988. 28 января.

[17] Правда. 1939. 1 сентября.

[18] Там же.

[19] Из воспоминаний О.Г. Шатуновской.

[20] Викторов М.В. Подпольщик, воин, чекист. С. 79.

[21] Из воспоминаний Б.М. Кедрова.

[22] Правда. 1953. 17 декабря.

[23] Викторов М.В. С. 40.

[24] Свидетельство Н.И. Зубова.

[25] Гнедин Е.С. 113–114.

[26] Из воспоминаний О.Г. Шатуновской.

[27] Гнедин Е.С. 108–111.

[28] Там же. С. 114.

[29] Там же. С. 136.

[30] Там же. С. 139.

[31] Там же. С. 145.
[32] Там же. С 218.
[33] Там же. С. 217.
[34] Правда. 1938. 18 и 20 января.
[35] Вопросы литературы. 1989. № 6.
[36] Мацкин А. Время ухода // Театр. 1990. № 1. С. 32.
[37] Там же. С. 41.
[38] Театральная жизнь. 1990. № 2. С. 9.
[39] Там же. С. 12.
[40] Там же. С. 33.
[41] Там же. С. 13.
[42] Алешин С. Дебют // Современная драматургия. 1990. № 4. С. 180–181.
[43] По воспоминаниям Ю.П. Любимова и М.Д. Вольпина; Захаров Н. Далекое — близкое // Московская правда. 1982. 22 июня.
[44] Воспоминания Л. Кебера // Московские новости. 1989. 29 ноября.
[45] Поповский М.А. Дело академика Вавилова. М., 1985.
[46] Там же. С. 172.
[47] Там же. С. 179–180.
[48] Там же. С. 199, 210.
[49] Там же. С. 186–187.
[50] Там же. С. 196.
[51] Там же. С. 214–216.
[52] Там же. С. 197.
[53] Память. Вып. 2. Париж, 1979. С. 283.
[54] К теме «Катынское злодеяние»:
[1] Ежевский Л. Катынь, 1940. Нью-Йорк, 1987.
[2] Мацкевич Ю. Катынь. Лондон, Канада, 1988.
[3] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, 1986.
[4] Русская мысль. Париж, 1988. 16 марта, 15 апреля.
[5] Московские новости. 1989. № 21, № 32; 1990. № 3.
[6] Тыгодник Мазовше. Варшава. 1988. 1 июня. № 253.
[7] Воспоминания Г.П. Ильиной-Малянтович (архив автора).
[8] Воспоминания О.Г. Шатуновской (архив автора).
[9] Военно-исторический журнал. 1990. № 11, 12; 1991. № 6.
[10] Известия, 1990. 13 июня; 1991. 26 сентября.

Глава 9. На войне Отечественной

[1] Неделя. 1988. № 43.
[2] Солсбери Г. 900 дней. С. 79.

[3] Аргументы и факты. 1989. № 4.

[4] Сообщение С.Н. Анфилова 16 февраля 1966 г. на обсуждении А. Некрича в ИМЛ.

[5] Аргументы и факты. 1989. № 4. Достоверность и стиль вызывают некоторое сомнение.

[6] Свидетельство О.Г. Шатуновской.

[7] Портрет тирана. С. 315; Солсбери Г. 900 дней. С. 174, 720–721, 806.

[8] Из воспоминаний В.Ф. Трибуца.

[9] Свидетельство Н.Н. Демченко.

[10] Знамя. 1990. Июль. С. 106.

[11] Солсбери Г. 900 дней. С. 780–789.

[12] Хрущев Н.С. Воспоминания. Т. I. С. 102–104.

[13] История СССР. 1965. № 3. С. 9–10.

[14] Солсбери Г. 900 дней. С. 584.

[15] Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. Ч. 2. М., 1984. С. 102, 108.

[16] Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 33.

[17] Страна и мир. 1987. № 4. С. 24.

[18] Память. Вып. 2. Париж. 1979. С. 555–567.

[19] Гнедин Е. Выход из лабиринта. Нью-Йорк, 1982. С. 14–16, 67, 89–100.

[20] Из воспоминаний Н.С. Мицкевича.

[21] Поповский М. Дело академика Вавилова. С. 201, 202.

[22] Там же. С. 203, 207, 209.

[23] Свидетельство К.Д. Назаретян и В.С. Зайцева (со слов Е.Д. Ворошиловой).

[24] По воспоминаниям О.Г. Шатуновской.

[25] Знамя. 1987. № 12. С. 84.

[26] Гнеушев В., Попутько А. Тайна Маруханского ледника. М., 1987. С. 177–185.

Глава 10. Другая война

[1] Огонек. 1986. № 48, 49.

[2] Из воспоминаний В. Юферова.

[3] Свидетельство О.Г. Шатуновской.

[4] Правда. 1946. 24 августа.

[5] Безыменский Л.С. 214–240.

[6] Советская Россия. 1983. 4 декабря.

[7] Солсбери Г. С. 793.

[8] Мондич М. СМЕРШ. Франкфурт-на-Майне, 1964. С. 31.

[9] Там же. Дневник. Запись от 10–22 мая 1945 года.

[10] Там же. 29 октября 1944 года.

[11] Там же. 10–22 мая 1945 года.

[12] Там же. С. 74.

[13] Бетелл Н. Последняя тайна. Лондон. 1974. С. 224.

[14] Мондич М. СМЕРШ. С. 82–88, 60.

[15] Там же. С. 106–111.

[16] Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Нью-Йорк, 1975. С. 706.

[17] Мондич М. Дневник. 14 мая 1945 года.

[18] Там же. 21 июня 1945 года.

[19] Там же. 25 июля 1945 года.

[20] Там же. 7 августа 1945 года.

[21] Негретов П. Все дороги ведут на Воркуту. Лондон, 1968. С. 69.

[22] Там же. С. 78.

[23] Суворов В. Рассказы освободителя. Лондон, 1986. С. 168–173.

[24] Джилас М. Разговоры со Сталиным. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. 86, 88, 122, 130.

[25] Там же. С. 40, 41, 123, 154, 156.

[26] Там же. С. 95, 96.

[27] Там же. С. 129, 130.

[28] Там же. С. 84–86.

[29] Бетелл Н. С. 170–172.

[30] Там же. С. 228.

[31] Огонек. 1987. № 19.

[32] Бетелл Н. С. 149, 237, 239.

[33] Там же. С. 228.

[34] Там же. С. 195.

[35] Там же. С. 143, 208, 79, 144, 168, 180.

[36] Там же. С. 55, 182.

[37] Там же. С. 202–203.

[38] Там же. С. 25, 34, 56.

[39] Там же. С. 22, 23, 150.

[40] Там же. С. 135–147.

[41] Там же. С. 181, 187, 188.

[42] Там же. С. 204, 205, 210, 211, 213.

[43] Там же. С. 233.

[44] Там же. С. 192–194.

[45] По данным центральной картотеки ГУЛАГа и отчета отдела интендантского снабжения (ОИС). Запись за 1946 г.

Глава 11. Победители

[1] Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1989. С. 379.
[2] Там же. С. 382–383.
[3] Там же. С. 124.
[4] Там же. С. 96.
[5] Заря Востока. 1946. 27 апреля.
[6] Некрасов В. Саперлипопет. ФРГ, 1983. С. 59.
[7] Тораньская Т. Они // Страна и мир. Мюнхен, 1986. № 1–2. С. 76, 78.
[8] Каплан К. Советские советники в Чехословакии в 1949–1956 // Проблемы Восточной Европы. 1983. № 11–12. С. 41.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 42.
[11] Там же. С. 52–54.
[12] Там же. С. 58.
[13] Там же. С. 56, 57.
[14] СССР: внутренние противоречия. 1985. № 14. С. 84–89.
[15] Из воспоминаний В. Малкина.
[16] Советская Абхазия. 1949. 29 марта.
[17] Кольман А. Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1988. С. 282.
[18] Хрущев Н.С. Доклад на XX съезде КПСС. Нью-Йорк, 1988. С. 38.
[19] Там же. С. 41.
[20] Зачитано Генеральным прокурором СССР Р. Руденко на собрании Ленинградского актива. 6 мая 1954 года.
[21] Там же.
[22] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 2. С. 62.
[23] Там же. Ч. 1. С. 251.
[24] Там же. С. 250.
[25] Там же. С. 251.
[26] Там же. С. 256.
[27] Ленинградское дело. Л., 1990. С. 104, 157.
[28] Стенограмма собрания партактива 6 мая 1954. С. 54.
[29] Там же. Выступление Р. Руденко.
[30] Стенограмма. С. 19.
[31] Там же. С. 20.
[32] Там же. С. 39.
[33] Там же. С. 26.
[34] Там же. С. 30.

[35] Там же. С. 20.

[36] Там же.

[37] Свидетельство полковника в отставке С-ко.

[38] Стенограмма. С. 34, 9, 138.

[39-47] Там же. С. 118, 119, 94, 97, 74, 71, 84, 86.

Глава 12. Атомный король

[1] Чиков В.М. Как советская разведка «расщепила» американский атом // Новое время. 1991. № 16. С. 38.

[2] По материалам Адамчука Ю.В. Рукопись. С. 1.

[3] Воспоминания старшего помощника уполномоченного ГКО С.А. Балезина // Известия. 1988. 22 июля.

[4] Адамчук Ю.В. С. 1.

[5] Известия. 1988. 22 июля.

[6] Адамчук Ю.В. С. 2–3.

[7] Новое время. 1991. № 17. С. 39.

[8] Адамчук Ю.В. С. 3.

[9] Сообщение инженера А.Н. Маковцова.

[10] Адамчук Ю.В. С. 4.

[11] Новое время. 1991. № 17. С. 38.

[12] Новое время. 1991. № 17. С. 36–37.

[13] Гришин Н. Уран — оружие мира // Социалистический вестник. 1952. № 6–7. С. 113–115.

[14] Васильев Б. Демонтаж мысли // Социалистический вестник. 1953. № 10–11.

[15] Свидетельство инженера-геолога В.В. Благовещенского.

[16] По воспоминаниям И.П. Алексахина.

[17] Труд. 1989. 22 ноября. Публикация В. Головачева.

[18] Известия. 1989. 22 июля.

[19] Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989. С. 243–247.

[20] Там же. С 231–232.

[21] Там же. С. 265–266.

[22] Там же. С. 258.

[23] Там же. С. 312–313.

[24] Поликанов С.М. Разрыв. Записки атомного физика. Франкфурт-на-Майне, 1983. С. 11–13.

[25] Сахаров А.Д. Воспоминания. Нью-Йорк, 1990. С. 194–196, 210–212.

[26] Рузе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. М., 1963. С 109.

[27] См.: Московские новости. 1989. № 41.

[28] Адамчук Ю.В. С. 6.

[29] Из устных воспоминаний А.И. Микояна. 1962.

[30] Свидетельство киномеханика в передаче кинорежиссера А.С. Кончаловского-Михалкова.

[31] Адамчук Ю.В. С. 5.

[32] Там же. С. 4.

[33] Там же. С. 6.

[34] Чернышев Ю.К. Нам дали всего 5 лет // Инженер. 1991. № 12. С. 37.

[35] Знамя. 1988. № 11. С. 228.

Глава 13. Клан против клана

[1] Аллилуева С.И. Только один год. С. 225.

[2] Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 103, 142.

[3] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 300.

[4] Там же. С. 315, 98, 314.

[5] Там же. С. 313–314.

[6] Столяров К. Яма // Неделя. 1990, № 44. С. 10; Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. М., 1988. С. 213.

[7] Старинное название московской улицы..В описываемое время — Сокольническая тюрьма МВД СССР.

[8] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 286.

[9] Страна и мир. 1989. № 4 (52). С. 43.

[10] Заря Востока. 1952. 17 сентября

Глава 14. Устранение Вождя

[1] Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 308.

[2] Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. С. 102.

[3] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч.1. С. 336.

[4] Аллилуева С.И. Только один год. С. 335.

[5] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 321.

[6] Аллилуева С.И. Только один год. С. 336.

[7] Колесник А.Н. Главный телохранитель вождя // Военно-исторический журнал. 1989. № 12. С. 86.

[8] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 344.

[9] Цит. по: Авторханов А. Загадка смерти Сталина. С. 201.

[10] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 340–342.

[11] Из воспоминаний А.К. Мясникова.

[12] Известия. 1953. 7 марта.

[13] Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. С. 9.
[14] Аллилуева С.И. Только один год. С. 312, 325.
[15] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 1. С. 342.
[16] Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. С. 161.
[17] Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне. С. 231–232.
[18] Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. С. 9.
[19] Там же. С. 10.
[20] Там же. С. 22.
[21] Правда. 1953. 10 марта.

Глава 15. Конец Папы Малого

[1] Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 4.
[2] Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 142.
[3] Большевик. 1952. № 18. С. 45–50.
[4] Бакинский рабочий. 1951. 26 мая.
[5] Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. 1975. С. 719.
[6] Социалистический вестник. 1945. № 9, 10.
[7] Сто сорок бесед с В.М. Молотовым. (Из дневника Ф. Чуева.) М., 1991. С. 332–334.
[8] Хрущев Н.С. Воспоминания. Ч. 2. Лондон, 1981. С. 334–335, 331.
[9] Социалистический вестник. 1953. № 9; 1954. № 10.
[10] Известия ЦК КПСС. 1991. № 1, 2.
[11] Из устных воспоминаний А.И. Микояна.
[12] Свидетельство Н.С. Хрущева в передаче О.Г. Шатуновской.
[13] Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 40–41.
[14] Там же.
[15] Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 87.
[16] Конева М.И. Воспоминания.
[17] Хенкин В.В. Охотник вверх ногами. Лондон, 1976. С. 219.
[18] Из воспоминаний М.И. Коневой.
[19] Из устных воспоминаний генерала К.С. Москаленко.
[20] Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 41.
[21] Из воспоминаний М.И. Коневой.
[22] Искусство кино. 1989. № 9. С. 55.
[23] Гегечкори Н.Т. Мой муж — Лаврентий Берия // Совершенно секретно. М., 1990. № 9. С. 30–31.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Антонов-Овсеенко
Антон Владимирович

Берия

Подписано в печать 2.12.99.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 1.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail:astpub@aha.ru

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, д. 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

